ИСПАНИЯ. Содержание:

I. Физико-географический очерк 419
Географическое положение. — Поверхность. — Климат. — Реки. — Почвы. — Растительность. — Животный мир.
II. Население и административное деление 428
III. Экономический очерк 429
Общая характеристика хозяйства. — Сельское хозяйство. — Промышленность. — Транспорт. — Внешние экономические связи.
IV. Исторический очерк 441
Ранняя история. — Средние века. Государство вестготов. — Арабское владычество в И. — Реконкиста и объединение И. — Испания в 16—18 веках. — Испания в 19 веке. Революция 1808—12. — Революция 1820—23. — Революция 1834—43. — Развитие промышленности и пролетариата в середине 19 в. — Революция 1854—56. — Республика 1873. — 1874—1885 гг. — От пакта в Эль Пардо (ноябрь 1885) до войны с США (1898). — 1899—1909 гг. — 1909—14 гг. — И. от империалистической войны до настоящего времени.
V. Политический очерк 509
Государственный строй И. — Современные политические партии И. — Коммунистическая партия И. — Печать И. — Профдвижение. — Вооруженные силы.
VI. Санитарное состояние и народное здравоохранение 527
VII. Народное образование 529

Испания занимает бóльшую часть Пиренейского п-ова, а также Балеарские о-ва (в Средиземном море) и Канарские о-ва (в Атлантическом океане). В этих пределах площадь И. — 505.208 *км*² (из них на материковую часть приходится 492.921 *км*²). Гл. город — Мадрид, 897 тыс. жит. (1930). Кроме того И. обладает небольшими колониями в Сев. Африке (Испанское Марокко, Рио де Оро, Испанская Гвинея, о-ва Фернандо По, Аннобон и др.), общей площ. 341 тыс. *км*², с населением ок. 770 тыс. чел.

I. Физико-географический очерк.

Географическое положение. И. расположена между 43° 27′ 25″ и 35° 59′ 50″ с. ш. и 3° 19′ 12″ з. д. и 9° 18′ 19″ в. д. — На большей части протяжения границы И. — морские: на В. и Ю.-В. — Средиземное море, на Ю.-З. и С.-З. — Атлантический океан и Бискайский залив. Сухопутные границы И.: на С.-В. — Франция и на З. — Португалия. Граница с Францией проходит по гребню Пиренейских гор, отделяющих Пиренейский п-ов от остальной Европы, граница с Португалией следует по западному краю Центрально-Испанского нагорья. Берега И. сравнительно мало расчленены и далеко не везде удобны для морских сношений; наиболее изрезан заливами риасового типа берег сев.-зап. И. (Галисия), где находится ряд прекрасных естественных гаваней (Ла Корунья, Ферроль, Понтеведра, Виго). На южном берегу прекрасная естественная гавань в Картагене.

Поверхность. В рельефе И. доминирует древнее Центральное нагорье, т. н. Мезета, занимающая бóльшую часть Пиренейского п-ова и на С.-З. — в Галисии — непосредственно примыкающая к морю. С других сторон Мезета окружена окраинными молодыми (третичными) складчатыми хребтами, как Кантабрийские горы на С., Иберийские — на С.-В., Андалузские — на Ю. Между Андалузскими горами и Мезетой расположена расширяющаяся к З. и прилегающая к Атлантическому океану низменность р. Гвадалквивира, или Андалузская. Другая обширная низина И. — Арагонская (бассейн р. Эбро) — имеет более замкнутый характер, залегая в виде котловины между Иберийскими и Пиренейскими горами и Каталонским приморским хребтом. Мезета разделяется «Центральной Кордильерой» на две половины: северную и южную; на них находятся обширные плато: Старо-Кастильское на С. и Ново-Кастильское на Ю., первое имеет среднюю высоту около 700 *м* (над ур. м.), второе — ок. 650 *м*. Центральная Кордильера состоит из нескольких хребтов: Сьерра де Гвадаррама, Сьерра де Гредос, Сьерра де Гата; они тянутся в общем от В.-С.-В. к З.-Ю.-З., достигая наибольшей высоты 2.660 *м*. В сев.-зап. участке Мезеты подымаются горные хребты Зап. Леона и Галисии (до 2.188 *м* высоты); в южной половине — Толедо-Гвадалупские горы (до 1.736 *м* выс.) и приподнятый юж. край Мезеты — Сьерра-Морена (до 1.100 *м* выс.), круто обрывающаяся к Андалузской низменности. По геологическому строению Мезета представляет собой довольно сложный комплекс. Древнейшую основу ее образует кристаллический массив из гнейсов, гранитов и кристаллических сланцев, лучше всего сохранившийся в сев.-зап. районе (Галисия). Южнее он выражен в Центральной Кордильере, а также слагает ядро Толедских гор и образует многочисленные выходы в юго-зап. части Мезеты. Герцинские остаточные хребты, с преобладанием сланцев, песчаников и кварцитов кембро-силура, а также с площадями развития девона и карбона, окаймляют кристаллический массив с В. и с Ю. и заполняют собой бóльшую часть Мезеты. Вся эта древняя складчатая горная область подвергалась в течение мезозойской эры разломам и размыву и была снивеллирована до степени пенеплена. В конце третичного периода остаточный массив Мезеты был целиком приподнят и сформирован сбросами. Так, грандиозный прямолинейный сброс ограничивает южный край Мезеты, подобная же сбросовая зона проходит по ее сев.-зап. краю. Глыбовый характер имеют Центральная Кордильера и другие хребты Мезеты. Пониженные участки (котловины) Мезеты в третичном периоде были частью заняты озерными бассейнами частью заполнялись континентальными наносами. Озерные и речные третичные отложения из конгломератов, песчаников, глин и мергелей, местами соленосных и гипсоносных, покрывают обширные площади Мезеты, в особенности ее восточные части (в Старой и Новой Кастилии), а кроме того Арагонскую низину и часть Каталонии. Окружающие Мезету молодые горные хребты, по мнению ряда современных геологов (Термье, Коссмат, Кобер, Штилле), принадлежат к альпийским складкам («альпидам»). Другие же ученые, как Фалло, Арган и Штауб, разделяют их на две группы. Фалло в своих недавних исследованиях по Балеарам показал, что альпийская геосинклиналь проходила от Андалузских гор в Балеары и отсюда отклонялась в сторону Сицилии, морская же впадина, давшая начало третичным пиренейским складкам, имела характер эпиконтинентального бассейна, т. е. расположенного на материковой платформе. Штауб присоединяется к этому взгляду и различает три главных комплекса структурных элементов Пиренейского полуострова: 1) древний массив Мезеты, 2) альпийская цепь Андалузских гор и Балеар, 3) передовая (окраинная, на континентальной платформе) система складок, в отличие от «альпид» называемая Штаубом «иберидами»; сюда относятся Пиренеи, Кантабрийские и Иберийские горы. Ибериды, как и альпиды, созданы третичной складчатостью, но из менее глубоководных отложений и с менее сложной тектоникой (мень-

шее развитие шарьяжей); они кроме того представляют сочетание молодых складок с обломками древних герцинских хребтов. Сюда же до известной степени принадлежат и Каталонские горы, но в них уже преобладают участки раздробленного сбросами древнего нагорья, третичные же складки выражены гораздо слабее.

Андалузские (иначе Бетские) Кордильеры заполняют южную и ю.-в. окраину И., простираясь от Ю.-З. к С.-В. вдоль берега Средиземного моря; длина их более 600 *км*; ширина более 100 *км*, местами—до 160 *км*. На Ю.-З. Андалузские горы заканчиваются в районе Кадиса, подходя здесь к берегу Атлантич. океана. На С.-В. они выдаются в Средиземное м. мысом Кабо де ла Нао; дальнейшим продолжением их, раздробленным недавними сбросами и опусканиями, являются Питиузские и Балеарские о-ва.

Система Андалузских гор не представляет собой одного мощного и непрерывного горного поднятия, как Пиренеи, но распадается на ряд массивов и хребтов, разделенных глубокими низинами и котловинами. Такой характер рельефа Бетских Кордильер обусловливается наличием крупных поперечных и продольных сбросов. Прежде всего следует выделить два больших продольных пояса гор—внутренний кристаллический, круто падающий к морю, и внешний известняковый (сложенный мезозойскими известняками), граничащий на С.-З. с Андалузской низменностью, а на С.-В. сливающийся с юго-вост. окраиной Мезеты. Между этими двумя горными зонами расположен ряд котловин и долин с рыхлыми третичными и современными отложениями; они служат важными центрами населенности, таковы плодородные равнины («веги») Гранады и Гвадикса. Кристаллич., или осевой, пояс гор распадается на четыре главные части, разделенные широкими низинами, по к-рым проходят к Средиземному морю долины рек Гвадалорос, Гвадальфос и Алмерия.

Западный район заполнен Рондскими горами, затем идут горные хребты района г. Малаги (Сьерра-Техеда 2.135 *м* выс. и Альмихара). Далее к В. тянется наиболее мощный массив Бетской системы—Сьерра-Невада, сложенная мощной толщей кристаллических сланцев, с вершинами, образующими высшие точки И. (г. Мулясен 3.481 *м* выс. и Пикачо-Велета 3.428 *м*). Параллельно ей, вдоль самого берега моря, проходят хребты Сьерра-Контравиеса (1.894 *м* выс.) и Сьерра де Гадор (2.325 *м*); они сложены кристаллическими и палеозойскими сланцами и триасовыми доломитами, образуя вместе с юж. склонами Сьерры-Невады сильно расчлененную и трудно доступную горную область Альпухарры. В восточном районе кристаллической зоны—главный хребет Сьерра-Филабрес (2.080 *м*); его сопровождают с юга Сьерра-Альхамилья и с С.—Сьерра-Эстансиас. Внешний пояс Бетских гор состоит из множества, преимущественно известняковых, хребтов и массивов. Наибольшее развитие этот пояс получает к С. и С.-В. от Гранады вплоть до берега Средиземного моря, где к нему принадлежит сильно расчлененный горный район между гг. Мурсия и Валенсия. Из хребтов этой зоны выделяются Сьерра-Парапанда и Сьерра-Харана (1.940 *м* выс.) близ Гранады, далее к С.-В. круто обрезанный скалистый массив Ла Сагра 2.400 *м*, затем Сьерра-Алкарас, Сьерра-Сегура (1.807 *м*) и близ мыса Кабо де ла Нао—Сьерра-Монкабрер (1.386 *м*). Тектоника Андалузских Кордильер по новейшим исследованиям представляется весьма сложной, с развитием шарьяжной структуры альпийского типа. Массив Сьерра-Невады по тектоническому типу сравнивается с Высоким Тауерном в Вост. Альпах.

Пиренеи (см.)—вторая по высоте главных вершин и первая по средней высоте гребня горная система И., принадлежащая ей своими южными склонами. Пиренеи имеют длину ок. 450 *км* и ширину более 100 *км*, протягиваясь от З.-С.-З. к В.-Ю.-В., от Бискайского залива до Средиземного моря, в к-рое горы вступают, образуя мыс Кабо де Креус. Основное ядро горной системы составляет древний (герцинский) складчатый хребет, сильно размытый и прикрытый отложениями мезозойского и нижнетретичного моря, в свою очередь подвергшимися интенсивной третичной складчатости. При этом складки были опрокинуты к югу (на юж. склоне) и частью образовали шарьяжные надвиги и покровы; значительную роль в структуре гор и характере рельефа сыграли также продольные и поперечные сбросы. Последующий речной размыв и древнее оледенение определили формы долин и выделили на поверхности глубинные породы. Южные склоны Пиренеев развиты значительно шире северных и могут быть разделены на несколько продольных зон, как-то: 1-й пояс главного гребня, сложенный гл. обр. из палеозойских сланцев, песчаников, кварцитов и известняков с мощными выходами гранитов. Этот пояс наиболее выражен в средней и восточной части гор; к нему относятся самые высокие вершины, как гранитный массив Маладетта с пиком Ането 3.404 *м*, и др.; 2-я зона из верхнемеловых и эоценовых известняков, примыкающая к главному гребню и достигающая также большой высоты в ряде вершин (Трес-Сорорес 3.352 *м* и др.); 3-я широкая «Арагонская» зона—из эоценовых мергелей, песчаников и конгломератов; 4-я зона—«пояс сьерр», хребтов, параллельных главному гребню,—из мезозойских и эоценовых известняков, высотой 1—2 тыс. *м*. Этот пояс развит в Средних Пиренеях, где ширина юж. склонов доходит до 100 *км*, и непосредственно граничит с Арагонской низиной. В общем Пиренеи представляют собой мощное сплошное горное поднятие с высокими перевалами и без глубоких разделяющих горы низин, почему сообщения тут сильно затруднены. Западным продолжением Пиренеев являются Кантабрийские горы, протягивающиеся по сев. окраине Мезеты, образуя гористое побережье Бискайского залива с вдающимися в море выступами и мысами. Горы составляют довольно сложную систему хребтов, причем их следует разделить на две различные половины—восточную, или горы Бискайи, и западную, или горы Астурии; последние значительно выше и отличаются более древним геологическим строением. Горы Бискайи сложены гл. обр. из меловых известняков, мергелей и песчаников; они имеют складчато-сбросовую структуру, в общем невысоки, редко превышая $1^1/_2$ тыс. *м* и опускаясь к морю ступенчатыми сбросами; они также отличаются густой и сильно врезанной речной сетью. Горы Астурии состоят преимущественно из пород каменноугольного возраста, с преобладанием плотных, частью мраморовидных известняков, также сланцев, песчаников, кварцитов и конгломератов. Здесь Кантабрийские горы достигают наибольшей высоты в мощном массиве «Пиков Европы» (Picos de Europa) с вершинами до $2^1/_2$ тыс. *м* (Торре де Серредо

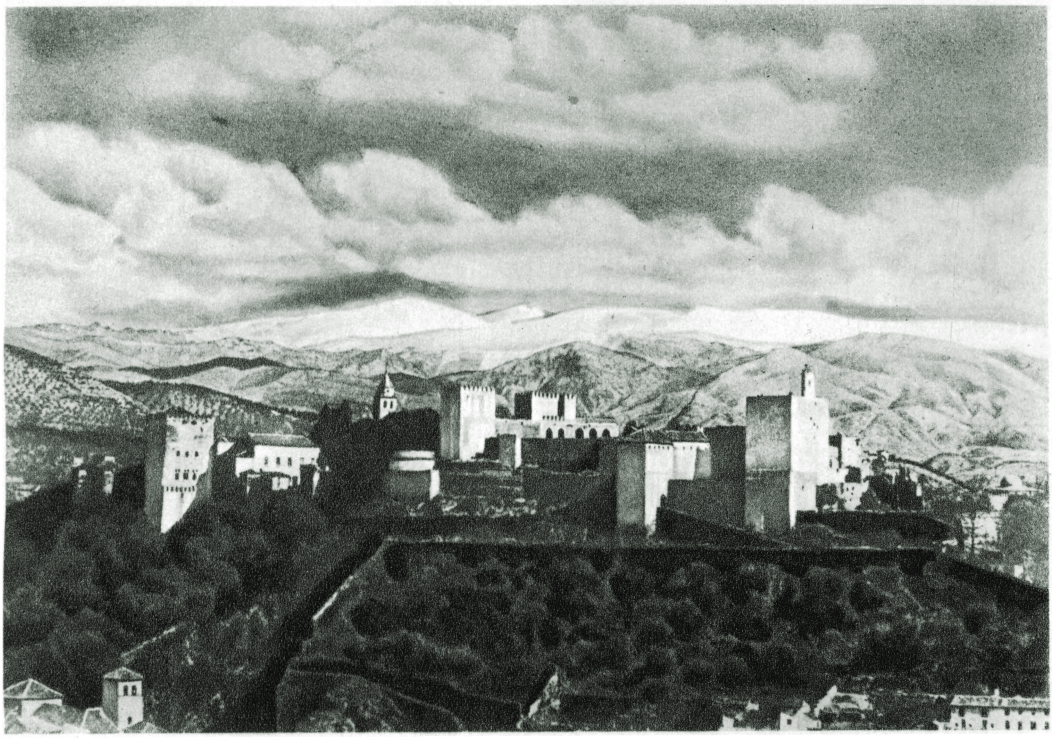
2.642 *м*). Весь район гор Астурии, между гг. Сантандер и Овиедо, отличается своей высотой, резкой расчлененностью, крутизной склонов и трудной доступностью. Горные породы подвергались интенсивному процессу образования складок и разломам; пласты нередко поставлены на голову или надвинуты. Реки прорезают горы в глубоких и узких ущельях; значительно развиты здесь также карстовые явления.

К Ю.-В. от Кантабрийских гор отходит мощная система Иберийских гор, простираясь вплоть до берега Средиземного моря в районе гг. Кастеллон и Валенсия. Иберийские горы подымаются над сев.-вост. краем Мезеты. С юга они господствуют над низиной бассейна р. Эбро. Тектоника гор представляет довольно простую и правильную складчатую структуру, причем третичные складки комбинируются с древними (герцинскими) остаточными массивами и ядрами; простирания третичных и герцинских складок в общем совпадают. Горы образуют серию параллельных хребтов, б. ч. антиклинального типа, тогда как продольные впадины соответствуют синклиналиям и сложены более молодыми мезозойскими и третичными отложениями: складчатые формы рельефа осложнены сбросами и размывом. Из горных пород наиболее развиты меловые и юрские, также триас, с преобладанием известняков, мергелей, песчаников и конгломератов; палеозой представлен более всего сланцами и кварцитами силура. Вся система Иберийских гор, значительной ширины и высоты, составляет по размерам площади наибольшее поднятие Пиренейского п-ова; территория—ок. 40 тыс. *км*^{2}—обладает здесь средней высотой в 1—1$^1/_2$ тыс. *м*, с высшими точками более 2 тыс. *м*. Таковы в сев. части хребты Сьерра-Деманда (2.305 *м*) и Монкайо (2.315 *м*), в юж. части Сьерра-Гудар (2.019 *м*) и Хаваламбре (2.020 *м*).

Вместе с тем Иберийские горы образуют мощный, трудно проходимый барьер между Мезетой (Кастилией), с одной стороны, и областями Арагона, Каталонии и Валенсии — с другой. На протяжении 440 *км* здесь нет перевалов ниже 1.160 *м*, и только одна река Халон (приток Эбро) прорезывает эту горную страну в узкой и извилистой долине, по к-рой проложен ж.-д. путь Мадрид—Сарагосса. Обширная область Иберийских гор вследствие значит. высоты и трудности сообщений, а также преобладания малоплодородных каменистых склонов является наименее населенной частью И. Редкое население сосредоточено тут в более широких продольных долинах, хорошо орошенных и с плодородными почвами на третичных отложениях; таковы бассейны р. Хилоки с г. Калатаюд и верхнего Гвадалквивира с г. Теруэль.

Последняя горная система И., значительно уступающая по размерам и высоте всем выше описанным,—Каталонские горы. Они протягиваются в виде нескольких параллельных цепей вдоль берега Средиземного моря от южного подножья Пиренеев и до района дельты р. Эбро. Горы б. ч. невысоки и представляют собой глыбовые обломки древнего (герцинского) нагорья, поднимающиеся среди третичных отложений, частью подвергшихся молодой складчатости. Две главные цепи—береговая и более высокая внутренняя — разделены широкой продольной Каталонской долиной; наиболее высок гранитный массив Монсени (1.734 *м*); береговой хребет не превышает 600 *м*, сложен гранитами и палеозойскими породами, с преобладанием сланцев и известняков; он разбит сбросами на отдельные участки, разделенные низинами, почему внутренняя Каталонская долина имеет повсюду удобные выходы к морю. Только местами выражена в Каталонии узкая полоса приморской низменности, переходящая далее к югу в несколько более широкую приморскую низменность Валенсии.

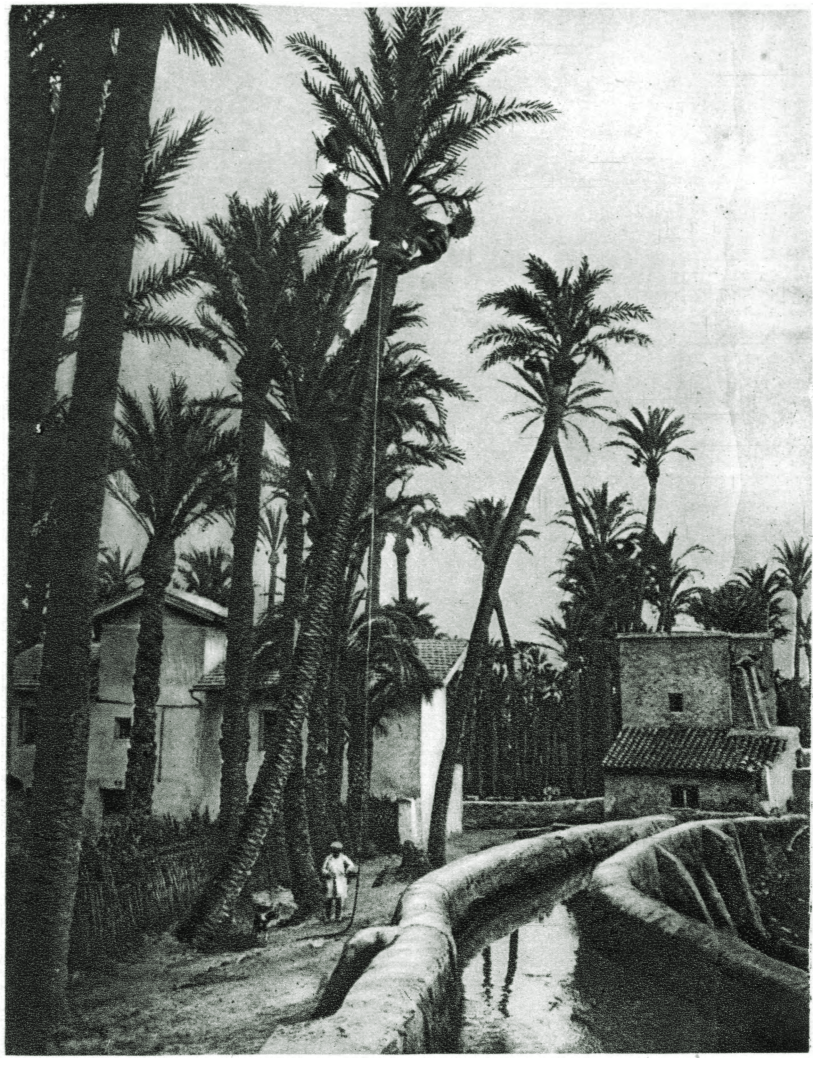
Климат И. отличается большим разнообразием вследствие преобладания гористого рельефа и чередования гор, плоскогорий и низин, что создает частую смену вертикальных климатических зон. Очень характерно для И. резкое отличие между находящимся под влиянием ветров с Атлантического океана влажным С.-З. и сухим Ю.-В., лежащим в зоне пассатных ветров и кроме того подверженным воздействию ветров из Африки. Сухостью климата отличаются также замкнутые плато Мезеты и котловина Эбро. В связи с этим нередко разделяют И. на две неравные части: «влажная И.» северо-запада и «сухая И.» центра и юго-востока. В последней впрочем расположен и ряд более влажных районов в горных местностях, как Андалузские горы, Центральные Кордильеры и, в меньшей степени, Иберийские и Каталонские горы. В общем можно выделить в И. следующие главные климатические области: 1) Северная приокеанская, куда входят Галисия, Астурия и Бискайя, 2) Пиренейская, 3) Юго-западная область, включающая большую часть Андалузии (кроме ю.-в. участка), 4) Юго-восточная область или Присредиземноморская, 5) область Мезеты и 6) область Арагонской низины. Северная область обладает несвойственным остальной И. очень ровным, вполне морским типом климата, с мягкой зимой и нежарким летом; средние годовые температуры (на уровне моря) от 13° до 14°, средние января от 8° до 8,7°, средние июля от 18° до 20°. Характерны для области сильная облачность, частые и обильные осадки во все месяцы года, но все же с заметно выраженным летним минимумом. Годовые суммы осадков почти всюду выше 1.000 *мм*, часто выше 1.500 *мм*, а в некоторых пунктах даже превышают 2.000 *мм*. Пиренейская область близка к предыдущей по обилию осадков и равномерному их выпадению, но отличается резче выраженной вертикальной зональностью и заметным уменьшением влажности с движением к югу—на средних и нижних склонах гор. Юго-западная область, примыкающая к Атлантическому океану, находится еще под его смягчающим влиянием, но имеет очень жаркое и сухое лето, тогда как зима здесь мягкая, с довольно обильными дождями. Средние годовые температуры (на ур. моря) здесь от 17° до 19°, средние января от 11° до 12,5°, средние июля от 23° до 26° и более (в Севилье 29°). Годовое количество осадков колеблется б. ч. в пределах от 500 *мм* до 1.000 *мм*, а в отдельных горных районах и более 1.000 *мм*. Для данной области характерны значительные климатические контрасты, в частности между жаркой и сравнительно сухой Андалузской низменностью и более влажными и прохладными горными районами; в Бетских Кордильерах заметно выражены вертикальные климатические зоны. Юго-восточная область отличается наибольшей сухостью в И., в особенности же продолжительным жарким сухим и безоблачным летом. Температурные условия близки к Юго-западной области (зима несколько холоднее), но годовое количество осадков почти всю-



Вид из Гренады на замок Альгамбра и горы Сьерра-Невады.

Пещерный поселок в Южной Испании в горах Сьерра-де-Гвадиск.

Город Ронда в Южной Испании (Андалусия)



Сады финиковой пальмы в г. Эльче в юго-восточной Испании (Мурсия).

ду здесь ниже 500 *мм*, местами ниже 400 *мм* (Валенсия 472 *мм*, Картагена 340 *мм*). В этой части И. искусственное орошение получило в земледелии наибольшее развитие. Области Мезеты и Арагонской низины вследствие замкнутости и обособленности от моря отличаются от окраинных провинций И. заметно выраженным континентальным оттенком климата, с довольно резкими контрастами между жарким летом и прохладной зимой, а также значительными суточными колебаниями температур. В Мадриде (655 *м* а. в.) средняя годовая температура 14°, средняя января 4,8°, средняя июля 24,9°. Характерны низкие средние зимние минимумы (Мадрид −5°, Вальядолид −8,6°); зимой нередки на Мезете порядочные морозы. Годовые суммы осадков на Мезете и в Арагонской низине б. ч. ниже 500 *мм* (Мадрид 425 *мм*), только горные хребты более влажны. Максимум осадков приходится на осень и весну. Климат Арагонской низины в общем близок к климату Мезеты, отличаясь несколько более теплой зимой и более жарким летом, а также резче выраженной сухостью (в Сарагоссе—237 *м* а. в.—295 *мм* год. осадков).—Несмотря на все различия и оттенки, в целом И. лежит в области субтропического средиземноморского климата, наиболее типично выраженного на Ю., но сказывающегося и на С. в летнем минимуме атмосферных осадков и в мягкости температурных условий. Здесь средиземноморский климат выражен в своей северной разновидности, переходной к среднеевропейскому климату. Выделяется климат высоких горных зон с холодной зимой, со значительным выпадением снега и с прохладным летом, сухим в горах Юж. И., влажным и дождливым на севере. Граница вечного снега в Пиренеях лежит на высоте ок. 2.800 *м*; главные вершины Пиренеев обладают незначительным оледенением, но и на юге И. на вершинах Сьерры-Невады снег стаивает обычно только к концу лета.

Реки. Из пяти главных рек И. четыре впадают в Атлантический океан и имеют течение, направленное от В. к З. и Ю.-З. Из них три—Дуеро, Тахо и Гвадиана—большей частью своих бассейнов расположены на поверхности Мезеты, с западного края к-рой стекают, образуя глубокие каньонообразные долины с большим уклоном. Река Гвадалквивир пересекает Андалузскую низменность на всем ее протяжении (от В. к З. и Ю.-З.); это единственная река И., используемая в нижней части течения для судоходства. Река Эбро течет от С.-З. к Ю.-В., проходя по осевой зоне Арагонской низины; в низовьи она прорезывает Каталонские горы и впадает в Средиземное море. Из остальных рек более значительны р. Миньо (в Галисии, впадает в Атлантический океан) и рр. Хукар и Сегура, впадающие в Средиземное море. Реки И. обладают типичным средиземноморским режимом: летом они сильно мелеют, а более мелкие пересыхают; в зимнее время повышают уровень, иногда, после ливней, производя опустошительные разливы. Значение рек для судоходства вследствие условий рельефа и климата И. весьма незначительно. Гораздо важнее роль их в качестве энергоресурсов и для ирригации, наиболее широко применяемой в областях Арагона, Валенсии и Мурсии, в меньшей степени—в Андалузии.

Почвы. Почвы И. еще недостаточно изучены. По новейшим исследованиям Вильяра, в И. повидимому наиболее распространены южные лесные буроземы, красноземы и богатые гумусом перегнойно-карбонатные почвы (типа рендзин и горных черноземов). Широко развиты также скелетные и маломощные (деградированные) почвы, в особенности на каменистых склонах и в обезлесенных горных местностях. Указывавшиеся прежними исследователями почвы степного типа (каштановые) в Восточной И. Вильяр относит к сухой разновидности лесных буроземов (частью к сухим красноземам и желтоземам). Типичные лесные буроземы наиболее свойственны влажной северной области и Пиренеям. В Галисии нередко наблюдаются темноцветные (гумозные) почвы избыточного увлажнения, полуболотные и болотные. Наличие же тут указывавшихся ранее подзолов Вильяр категорически отрицает.

Растительность. В основном растительность И. типично средиземноморская, весьма богатая по числу видов растений (много эндемичных) и представляющая большое разнообразие в зависимости от условий рельефа и климата. Лесная площадь занимает в И. около 10% всей территории, причем леса «влажной» Северной И. сильно отличаются от «сухой» юго-восточной. Первые принадлежат к широколистному мезофильному типу с участием дубов, каштана, бука, а в Пиренеях—также европейской ели и пихты. В Средней и Южной И. бук, листопадные дубы и западно-европейские хвойные отсутствуют; здесь распространен жестколистный ксерофильный лес, гл. обр. из вечнозеленых видов дуба, как каменный дуб (Quercus ilex), пробковый дуб (Quercus suber), португальский дуб (Q. lusitanica) и др. Кроме того весьма обычны рощи из средиземноморских видов сосны, как алеппская сосна (Pinus halepensis—в Вост. И.), пиния (P. pinea) и Pinus pinaster. В горах Средней и Юж. И. встречаются прекрасные леса черной сосны (P. nigra или Laricio), в западной части Бетских Кордильер попадаются рощи из особого вида пихты Abies pinsapo. Наиболее широко распространены в И. растительные сообщества из ксерофильных вечнозеленых кустарников и кустарничков типа маквиса, гариги и томиллары. Испанский маквис — обычного средиземноморского типа, в его состав входят земляничное дерево, мирт, лавр, розмарин, лавандула, древовидные вересковые; в сев.-вост. И.—также самшит (Buxus sempervivens). Обширнейшие пространства сухих каменистых склонов И. покрыты зарослями томиллары и гариги. Томиллара состоит из ряда полукустарников густо опушенных и ароматичных видов тимьяна (Thymus, по-испански—томильо) и др. губоцветных. В гариги входят многочисленные жесткие виды кустарного дрока, южные васильки, виды ладанника (Cistus) и мн. др. Особый тип гариги образует «пальмито» — разрозненные заросли приземистой карликовой веерной пальмы (Chamaerops humilis), единственной дикорастущей пальмы Европы; заросли ее весьма обычны в Юж. И. Степную растительность, указывавшуюся для сухих районов Вост. И. прежними авторами, Вильяр признает в ее типичном виде несвойственной И. Для сухого юго-восточного района И. характерны заросли травы «эспарто» (злак Stipa tenacissima), обычно однако смешивающиеся и чередующиеся с гаригой. Но если в И. нет степи, то в ней есть небольшие клочки полупустыни с засоленными почвами и солянковой флорой. Такие участки встречаются островками в самых сухих местах юго-вост.

И., а также в Арагоне и Новой Кастилии. Появление этих полупустынных сообществ растений связано как с чрезмерной летней сухостью, так отчасти и с характером соленосных грунтов. Надо заметить, что органический мир (флора и фауна) Юж. И. обнаруживает довольно много родственных черт с близлежащей Сев. Африкой, что объясняется не только климатическими условиями, но и прежней сухопутной связью этих стран, т. к. Гибралтарский пролив имеет весьма юное геологическое происхождение.

Животный мир. Фауна И. средиземноморского типа с довольно большим количеством эндемичных видов и подвидов и с наличием ряда африканских форм, как виверра-генетта, ихневмон, алжирский еж и нек-рые другие. Из млекопитающих водятся в И.: олень, лань, козуля, серна, горный козел (Capra Pyrenaica, несколько рас, кроме Пиренеев также в горах Мезеты и в Бетских Кордильерах), дикий кабан, медведь (сохранившийся еще в Пиренеях и Кантабрийских горах), волк, барсук, лисица, куница лесная и куница-белодушка, выдра, выхухоль, много грызунов, в том числе испанский заяц и широко распространенный кролик и др. На Гибралтарской скале—единственное место в Европе—дико водится обезьяна—мартышка. Птичья фауна в И.—общая с остальным югом Европы, но богаче и сохранила больше форм, довольно много эндемичных рас (особые расы орла, филина, кукушки, дятла, дрозда и др.). Характерны для Испании голубая сорока и красная куропатка. Из рептилий многочисленны ящерицы и змеи, в том числе испанская и средиземноморская гадюки; водится сухопутная черепаха, на юге встречается хамелеон. Из амфибий—несколько видов лягушек, тритоны, пятнистая саламандра.

Лит.: Sorre M., Espagne-Portugal (Géographie universelle, t. VII), P., 1934; Douvillé R., La péninsule Ibérique. Espagne (Handbuch der Regionalen Geologie, hrsg. v. G. Steinmann und O. Wilckens, Bd III, Abt. 3), Heidelberg, 1911; Villar E., del, Archivo geografico de la peninsula Ibérica, Madrid, 1916; его же, Suelos de España, Madrid, 1929; Fischer T., Die südeuropäischen Halbinseln, в кн.: Unser Wissen v. d. Erde (Allgemeine Erdkunde und Länderkunde von Europa), hrsg. v. A. Kirchhof, Bd III, H. 2, Lpz., 1893; Willkomm M., Grundzüge der Pflanzenverbreitung auf dem Iberischen Halbinsel, в кн.: Vegetation der Erde. herausgegeben v. A. Engler und O. Drude, v. I, Lpz., 1896; Добрынин Б., Андалузские Кордильеры, «Землеведение», 1910, кн. 3. Много новых работ по геологии И. помещено в трудах XIV международного геологического конгресса в Мадриде, 1926 (из них отметим: Staub R., Gedanken zum Strukturbild Spaniens).

Б. Добрынин.

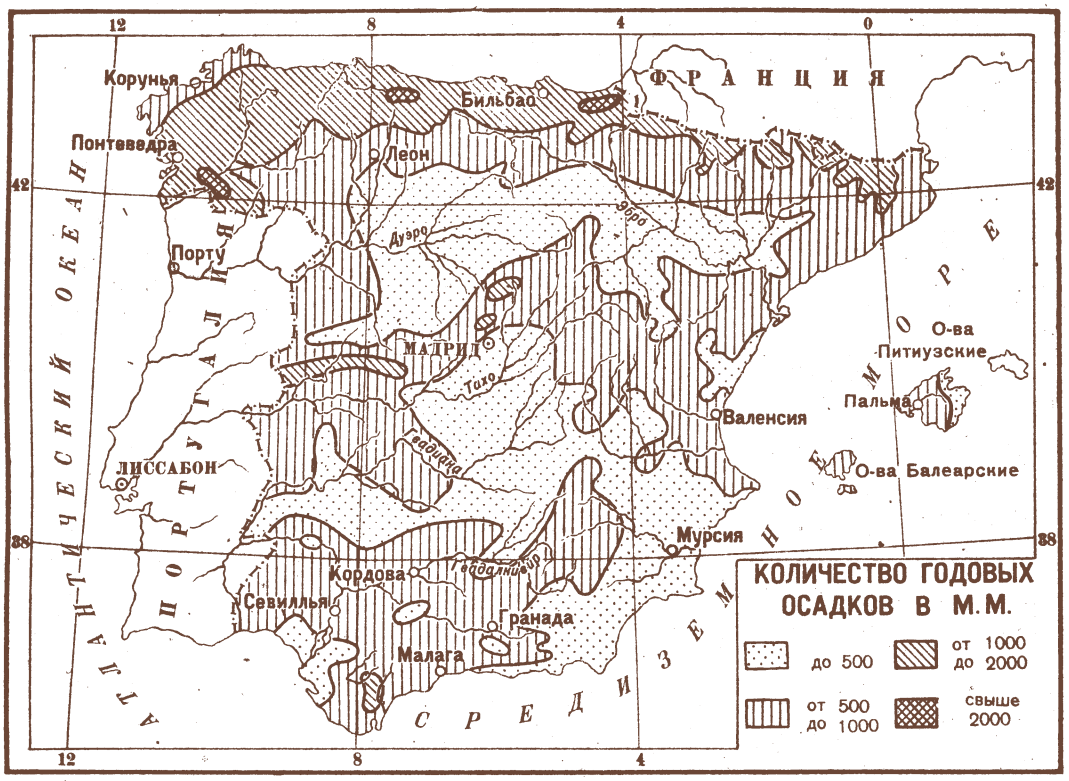
II. Население и административное деление.

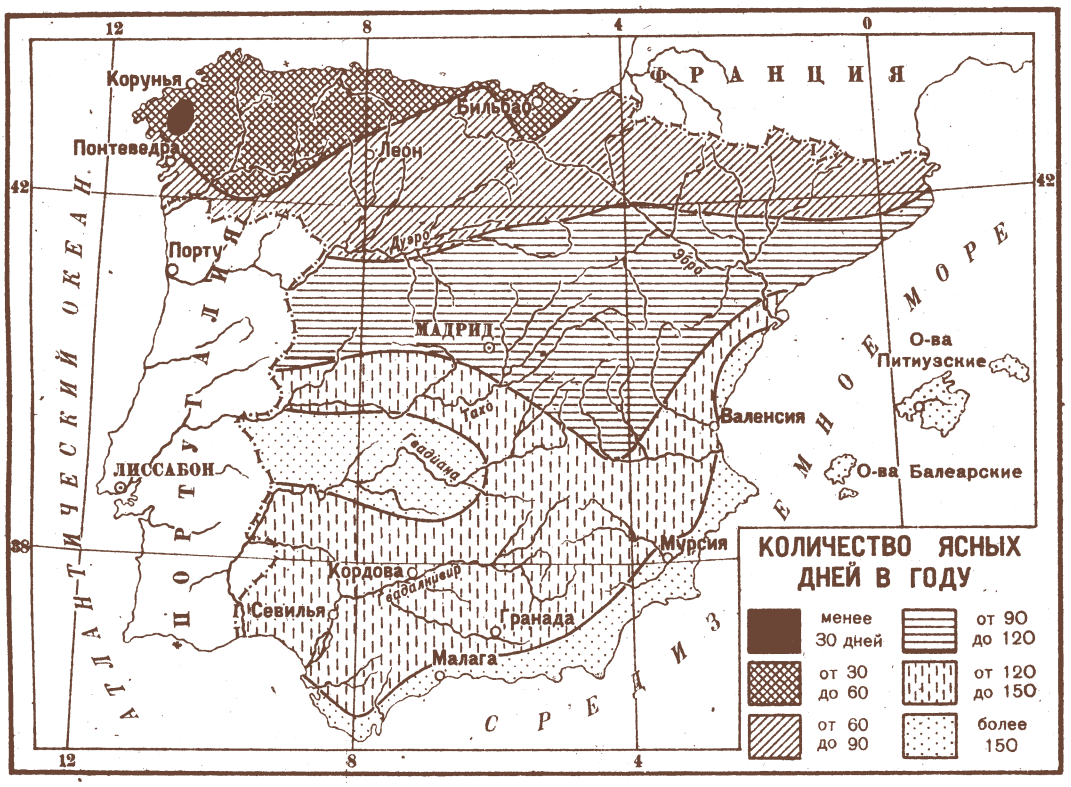
Население И. (с островами)—24.012 тыс. чел. (31/XII 1932). Средняя плотность—47 чел. на 1 *км*². Плотность колеблется весьма значительно по отдельным провинциям (от 245 до 15 чел. на 1 *км*²) в зависимости от экономического развития; в частности высокое нагорье Пиренеев и Кордильер является почти безлюдным. Бóльшая часть внутренних горных районов, долина р. Эбро и область Пиренеев населены слабо (ок. 25 чел. на 1 *км*²), в Андалузии плотность населения больше (40—100 чел. на 1 *км*²). В местностях, прилегающих к береговой полосе (Барселона — Таррагона, Валенсия — Мурсия, Гранада — Малага, Сан-Себастьян — Бильбао, Астурия), густота населения достигает 100—250 чел. на 1 *км*². Большинство крупных населенных пунктов, за исключением Мадрида, Сарагоссы и Гранады, расположено у моря или невдалеке от него. В администр. отношении И. делится на 50 провинций. Наряду с этим делением осталось и старое деление страны на историч. области, из которых каждая охватывает по нескольку провинций: Андалузия, Арагон, Астурия, Старая Кастилия, Новая Кастилия, Каталония, Эстремадура, Галисия, Леон, Мурсия, Гранада, Валенсия, Наварра, Баскские провинции, Балеарские о-ва. В И. 28 городов с населением более 50 тыс. человек (31 дек. 1932) (см. табл. на ст. 429).

Исторические условия и неравномерность экономического развития страны способствовали сохранению в И. обособленных в бытовом и языковом отношениях групп населения, составляющих национальные меньшинства. В сев.-зап. области Галисии население говорит на диалекте португальского яз. (2,2 млн. чел.),

Административные провинции Испании (31 дек. 1932).

Провинции	*км*²	Число жителей	Плотность на 1 *км*²	Провинции	*км*²	Число жителей	Плотность на 1 *км*²
Авила	8.047	223.796	28	Луго	9.880	468.403	47
Алава	3.045	105.278	34	Мадрид	8.002	1.447.936	180
Аликанте	5.799	552.589	97	Малага	7.285	624.986	85
Альбасете	14.863	340.824	23	Мурсия	11.317	646.812	57
Альмерия	8.777	338.240	39	Наварра	10.506	349.090	33
Бадахоз	21.647	714.024	32	Овиедо	10.894	801.508	74
Балеары	5.014	370.853	73	Оренсе	6.979	428.763	61
Барселона	7.690	1.892.039	245	Палениcия	8.434	210.722	25
Бискайя	2.165	500.453	230	Пальмас-Лас	3.350	259.992	64
Бургос	14.196	359.073	25	Понтеведра	4.391	574.950	130
Валенсия	10.958	1.085.424	99	Саламанка	12.321	342.606	27
Вальядолид	8.170	305.713	40	Санта Крус де Тенериф	3.923	314.797	98
Гвадалахара	12.192	204.508	17	Сантандер	5.460	371.477	68
Гвипускоа	1.885	311.146	164	Сарагосса	17.424	544.100	31
Герона	5.865	325.539	55	Сеговия	6.943	175.575	26
Гранада	12.529	657.785	52	Севилья	14.062	825.680	58
Замора	10.615	282.941	27	Сиудад-Реаль	19.741	504.599	25
Кадис	7.323	500.033	68	Сория	10.318	157.130	15
Касерес	19.961	457.735	23	Таррагона	6.490	349.773	54
Кастельон де ла Плана	6.465	309.118	48	Теруель	14.818	252.921	17
Кордова	13.726	689.742	50	Толедо	15.346	498.732	33
Корунья	7.903	779.441	98	Уельва	10.090	359.892	35
Куенка	17.193	315.129	18	Уеска	15.149	241.450	16
Леон	15.377	447.826	29	Хаен	13.480	690.937	51
Лерида	12.151	314.389	26				
Логроньо	5.041	205.961	40	Всего	505.200	24.012.430	47


КОЛИЧЕСТВО ГОДОВЫХ ОСАДКОВ В М.М.
до 500
от 500 до 1000
от 1000 до 2000
свыше 2000
ФРАНЦИЯ
Корунья
Понтеведра
Бильбао
Леон
Порту
Дуэро
Эбро
МАДРИД
Тахо
Гвадиана
Гвадалквивир
Валенсия
О-ва Питиузские
Пальма
О-ва Балеарские
ЛИССАБОН
Мурсия
Кордова
Севилья
Гранада
Малага
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ПОРТУГАЛИЯ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
12
8
4
0
42
38


КОЛИЧЕСТВО ЯСНЫХ ДНЕЙ В ГОДУ
менее 30 дней
от 30 до 60
от 60 до 90
от 90 до 120
от 120 до 150
более 150
ФРАНЦИЯ
Корунья
Понтеведра
Бильбао
Леон
Порту
Дуэро
Эбро
МАДРИД
Тахо
Гвадиана
Гвадалквивир
Валенсия
О-ва Питиузские
О-ва Балеарские
ЛИССАБОН
Мурсия
Кордова
Севилья
Гранада
Малага
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ПОРТУГАЛИЯ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
12
8
4
0
42
38

ИСПАНИЯ

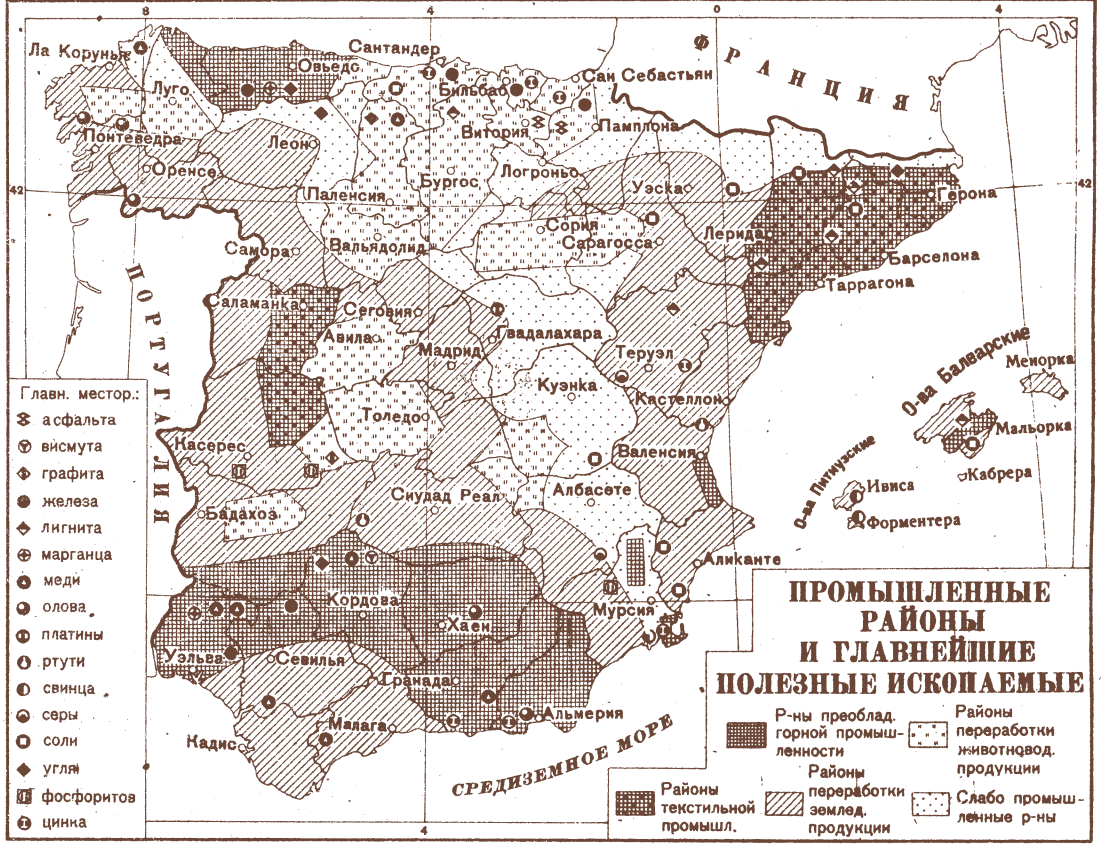
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАРТА

Проф. Черданцев и А. Ульянов

Гравир. Смирнов

"ГЕОКАРТПРОМ" Москва, Б. Полянка д. 3.

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПО 50 ПРОВИНЦИЯМ
(ПО ДАННЫМ НА 31-XII 1931 г.)
На 1 км.² приходится чел.
15—20
21—30
31—50
51—75
76—100
101—150
151—250
Границы провинций
Главные города провинций
ПОРТУГАЛИЯ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
О-ва Балеарские
О-ва Питиусские
Ла Корунья
Луго
Понтеведра
Оренсе
Овьедо
Леон
Сантандер
Сан Себастьян
Бильбао
Витория
Памплона
Бургос
Логроньо
Паленсия
Уэска
Сория
Лерида
Герона
Барселона
Таррагона
Саратосса
Самора
Вальядолид
Саламанка
Сеговия
Авила
Мадрид
Гвадалахара
Теруэл
Куэнка
Кастеллон
Толедо
Касерес
Валенсия
Сиудад Реал
Бадахоз
Албасете
Аликанте
Кордова
Хаен
Мурсия
Уэльва
Севилья
Гранада
Альмерия
Малага
Кадис
Менорка
Мальорка
Кабрера
Ивиса
Форментера
КАНАРСКИЕ О-ВА
Алегранца
Граспоза
Ланцароте
Фуэртевентура
Тенериф
Пальма
Гомера
Ферро
Гран Канария


ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАЙОНЫ И ГЛАВНЕЙШИЕ ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ
Главн. местор.:
асфальта
висмута
графита
железа
лигнита
марганца
меди
олова
платины
ртути
свинца
серы
соли
угля
фосфоритов
цинка
Р-ны преоблад. горной промышленности
Районы переработки животновод. продукции
Районы текстильной промышл.
Районы переработки землед. продукции
Слабо промышленные р-ны
ПОРТУГАЛИЯ
ФРАНЦИЯ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
О-ва Балеарские
О-ва Питиусские
Ла Корунья
Луго
Понтеведра
Оренсе
Овьедо
Леон
Сантандер
Бильбао
Сан Себастьян
Витория
Памплона
Бургос
Логроньо
Паленсия
Уэска
Сория
Лерида
Герона
Барселона
Таррагона
Саратосса
Самора
Вальядолид
Саламанка
Сеговия
Авила
Мадрид
Гвадалахара
Теруэл
Куэнка
Кастеллон
Толедо
Касерес
Валенсия
Сиудад Реал
Бадахоз
Албасете
Аликанте
Кордова
Хаен
Мурсия
Уэльва
Севилья
Гранада
Альмерия
Малага
Кадис
Менорка
Мальорка
Кабрера
Ивиса
Форментера

Города	Население в тыс. жит.	Города	Население в тыс. жит.
Барселона	1.042	С.-Себастьян	82
Мадрид	994	Лас-Пальмас	81
Валенсия	334	Овиедо	77
Севилья	233	Кадис	76
Малага	195	Корунья	77
Сарагосса	181	Лорка *	75
Бильбао	168	Аликанте	76
Мурсия	162	Херес *	67
Гранада	121	Ла Линеа *	63
Кордова	109	С.-Крус	64
Картахена *	97	Гихон *	58
Вальядолид	94	Альмерия	55
Пальма	90	Виго *	53
Сантандер	88	Саламанка	50

* Население по цензу 1920.

в части провинции Гвипускоа и в Пиренеях—на баскском языке (около 600 тыс. чел.) и в сев.-вост. областях, в Каталонии, включая Валенсию и Балеары,—на каталонском яз., представляющем собой диалект провансальского (4,7 млн. чел.).—Данные профессиональной переписи 1920 показывают, что абсолютное большинство самодеятельных занято в с. х-ве.

Распределение самодеятельного населения по профессиям (в тыс. чел.).

Профессия или занятие	Мужчины	Женщины	Всего	
	абс. цифры	абс. цифры	абс. цифры	%
Земледелие и рыболовство	4.216,5	321,3	4.537,8	56,1
Горная пром-сть	129,7	2,2	131,9	1,6
Обработ. промышленность	1.284,4	279,2	1.563,6	19,3
Торговля	349,3	57,5	406,8	5,0
Транспорт	219,4	3,4	222,8	2,8
Армия и флот	213,0	—	213,0	2,6
Администрация	73,5	1,3	74,8	0,9
Свободн. профессии	171,0	77,2	248,2	3,1
Домашн. работа	31,6	269,7	301,3	3,7
Прочие	283,1	110,9	394,0	4,9
Итого	6.971,5	1.122,7	8.094,2	100

III. Экономический очерк.

Общая характеристика хозяйства. И.—аграрно-промышленная страна среднего уровня развития капитализма. Сел. х-во является источником дохода большинства населения, но недостаток капиталов для ирригации и мелиорации земли и особенно господствующие в стране аграрные отношения, осложненные остатками феодальных форм эксплоатации, тормазят развитие с. х-ва. Аграрный строй И. характеризуется крайней поляризацией распределения земельной площади. В руках крупных землевладельцев сосредоточено свыше 65% земли, а подавляющее большинство крестьян вынуждено кормиться на карликовых участках.

Развитие производительных сил И. неравномерно в отдельных частях территории. Прибрежные области страны являются наиболее экономически развитыми аграрно-индустриальными районами. В южной части прибрежной полосы в земледелии преобладают виноделие, технические и плодовые культуры; здесь же, в провинциях Уэльва, Севилья, Гранада, Альмерия, Мурсия, сосредоточена значительная часть горной пром-сти. Восточные районы провинции Барселоны, отчасти Таррагоны и Героны, представляют собой индустриальные районы; ведущей отраслью здесь является текстильная пром-сть. В сельском х-ве наряду с зерновыми культурами распространено виноделие. В северных провинциях—Овиедо, Сантандер, Гвипускоа, Бискайя—развито горное дело (особенно в Овиедо); с. х-во характеризуется животноводством пастбищного характера.

В противовес густонаселенным приморским провинциям внутренняя часть И. (кроме Мадридского района) имеет значительно более редкое, в подавляющей части чисто с.-х. население.

Промышленность в Испании развита слабо. Из всех отраслей наиболее глубокие исторические корни имеет горная промышленность, известная еще с древности. Весьма давнюю историю имеет также текстильная промышленность. Остальные отрасли обрабатывающей пром-сти И. более заметное развитие получили за последние десятилетия, в частности со времени империалистической войны, когда И. развила военную пром-сть для снабжения воюющих держав. За время войны и в послевоенные годы возросла добыча руд (медных, цинковых, ртутных), увеличилась выплавка черных металлов, а также меди и цинка, получило развитие гидро-электростроительство в провинциях с дешевой водной энергией (Барселона, Таррагона, Герона, Лерида). С конца 19 в. в И. проникают английский, французский и германский капиталы. Эти капиталы были направлены гл. обр. в горную пром-сть, отчасти также в развивающуюся обрабатывающую пром-сть. Экономическая зависимость И. от крупных империалистических государств выражается во внешней задолженности страны и широком участии иностранного капитала в добывающей и обрабатывающей пром-сти, в жел. дорогах, банках, внешней торговле.

Сельское хозяйство. Сел. х-во И. в целом, за исключением северо-восточных районов, носит экстенсивный характер и находится на довольно низком техническом уровне. Преобладающей отраслью является земледелие с довольно развитым животноводством.

Сел.-хоз. районы отличаются значит. разнообразием: 1) Северный район, охватывающий весь север И. до Кантабрийских Кордильер, характеризуется распространением постоянных пастбищ и посевами кукурузы; здесь развита также культура ржи, картофеля, сахарной свеклы и репы; здесь же сосредоточены почти все яблочные насаждения страны. Район этот может быть разделен на два подрайона — восточный и западный (Приатлантический), из которых во втором обширные площади занимают виноградники, тогда как в первом они встречаются незначительными вкраплениями. 2) Центральный зерновой район разделяется Центральными Кордильерами на два подрайона—северный и южный. Наряду с зерновыми культурами (прежде всего пшеница, затем ячмень и рожь) здесь распространены и виноградники. В южной зоне встречаются также на склонах, защищенных от северных ветров, оливки (маслины), цитрусовые деревья, агава, фиговое дерево. 3) Южный — субтропический район (провинции Уельва, Севилья, Кордова, Хаен, Гранада, Бадахос). В нижней зоне этого района, чрезвычайно разнообразной по культурам, преобладают оливковые насаждения, произрастают апельсины, гра-

наты, фиговые деревья, весьма распространена культура винограда, дающая наиболее известные сорта вин; в горной зоне преобладают каштан, дуб, орешник, яблони, груши, вишни. 4) Юго-восточный район (южные части провинции Малага, Гранада, Альмерия)—район тропических культур. Здесь произрастают финиковая пальма, сахарный тростник, кофейное дерево, хлопчатник, виноград, из которого выделываются превосходные вина, все южные и субтропические фрукты (апельсины, лимоны, гранаты, миндаль, фиги); очень распространена культура перца. 5) Восточный и Средиземноморский районы, нижняя зона которых богата апельсиновыми, лимонными, цедровыми деревьями; здесь же развита культура риса; большие площади под кукурузой и овощами; культура шелковицы. создает базу шелковой пром-сти. В нижней зоне распространены оливки, виноградная лоза; на горных склонах—рожковые деревья; в горной зоне растут каменные дубы, можжевельник, ольха, ясень; возделываются рожь, ячмень, гречиха. 6) Иберийский сев.-вост. район, переходный между Центральным и Средиземноморским, с преобладающей культурой винограда, наряду с к-рым широко развита культура маслин и рожкового дерева. Тут же культивируются пшеница и кукуруза. Район характеризуется значит. количеством непригодных земель в полупустынях Де-Вальверра, Де-Лагота, Де-Каланда и Монегрос, Льянос де Плазенойя. Засушливость ю.-в. частей И. (осадков менее 200 *мм* в год) издавна обусловила применение искусственного орошения (особенно в Валенсии, Мурсии, Гранаде, Арагонии, Каталонии) на обширных площадях (свыше 1,2 млн. *га*)

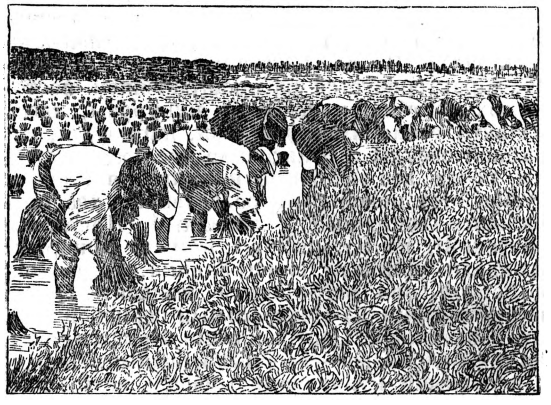


Рис. 1. Посадка рисовых саженцев.

как из поверхностных, так и из подземных источников. Значительные ирригационные каналы расположены в басс. Эбро (канал Урхел—144 *км*—из р. Сегро в провинции Лерида, Арагонский канал из р. Эбро в Наварре—96 *км* и др.), Дуеро (канал в Вальядолиде—52 *км* и др.), а также в ряде других речных бассейнов (Хукар, Сегура, Гвадалквивир и др.).

Одной из характерных особенностей с. х-ва И. следует считать наличие огромных пространств помещичьих земель, не используемых под с.-х. культуры. Из общей территории страны около 10% составляют земли, негодные для обработки, около 42% (20,8 млн. *га*)—луга

Распределение земельной площади в 1924 (данные кадастровой переписи).

Группы	Число предпринимателей (собственников, арендаторов-издольщиков)		Площадь в *га*		Площ. в *га* на 1 предпринимателя
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	
До 1 *га*	498.152	38,9	200.862	1,1	0,4
От 1 до 5 *га*	480.696	37,6	1.128.058	6,3	2,3
» 6 » 10 »	129.655	9,9	1.031.214	5,8	8,2
» 11 » 20 »	88.394	6,9	1.208.762	6,7	13,7
» 21 » 50 »	38.919	3,0	1.145.992	6,4	29,4
» 51 » 100 »	20.094	1,6	1.176.480	6,6	58,5
» 101 » 200 »	19.778	1,6	4.809·146	26,8	243,1
» 201 » 500 »	3.810	0,3	2.265.083	12,6	594,5
» 501 » 1.000 »	1.612	0,1	2·225.628	12,4	1.380,7
» 1.001 » 3.000 »	635	0,1	1.886.673	10,5	2.971,1
Свыше 3.000 »	147	0,0	857.252	4,8	5.831,7
Итого	1.281.892	100,0	17.935.150	100,0	14,0

и пастбища, 10% (5 млн. *га*) — лес и 39% (19,9 млн. *га*)—площадь под сельскохозяйственными культурами. Так. обр. свыше половины территории, находящейся под лесом и естественными лугами, не обрабатывается. Необработанными остаются также земли, к-рые требуют ирригационных и мелиорационных работ.

Кадастровая перепись, производившаяся в 1920—1925 (охватившая ок. 36% всей площ.), дает яркую картину аграрных отношений в стране (см. табл.).

Поляризация в распределении земли достигла здесь крайних пределов: 2% всех владельцев (около 26.000 помещиков), владеющих участками свыше 100 *га*, обладают 67% всей площади, 76,5% владельцев (978.848 чел.), участки к-рых не превышают 5 *га*, имеют лишь 7,4% всей площади. В указанных 27 провинциях особенно развиты гигантские латифундии. В некадастрированной части страны поляризация не так ярка, но в общем данные кадастров дают верное отражение аграрных отношений в стране. Около 50% мелких с.-х. «предпринимателей»—арендаторы. В арендных отношениях целого ряда местностей, в особенности в Галисии, Астурии и Леоне, сохранились самые архаические формы феодальных отношений, вплоть до барщины. До сих пор в названных областях осталась средневековая форма арендного контракта, т. н. «форо»; этот договор гласит, что «участок предоставляется крестьянину на срок жизни трех королей плюс 29 лет». Срок этих древних договоров, разумеется, давно истек, и т. о. помещики имеют право в любой момент согнать крестьянина с земли. Это право

Рис. 2. Каталонский крестьянин.

Город Толедо на реке Тахо (Новая Кастилия).

Город Сан-Себастьян на берегу Бискайского залива.

Долина Сегре в Пиренеях.

Пенья Монтаньеса (южные склоны Пиренеев).

приводит к полной кабальной зависимости крестьянина от помещика. Другой вид феодальной аренды—«рабасса морта»—состоит в том, что помещик, сдавший землю на 50 лет под виноградник, имеет право выселить крестьянина, если $^2/_3$ виноградника отцветут до истечения срока договора; здесь неопределенность условий дает простор произволу помещика. Очень распространена издольщина, а также формы аренды, в к-рых арендатор обязывается отработать помещику известное количество дней в году (барщина). Помещичье хозяйство, как правило, ведется экстенсивно. Преобладает трехпольная система. Обработка крестьянских мелких участков и их урожайность зачастую бывают выше, чем в латифундиях.

Посевные площади основных зерновых культур в годы кризиса не проявляют тенденции к падению; наоборот, в нек-рые годы (1931—33)

Рис. 3. Сбор шафрана.

отмечается нек-рая тенденция к их росту. Это показывает, что помещичьи и кулацкие х-ва относительно мало пострадали от кризиса (см. табл. ниже).

Весьма значительны посевы бобов, фасоли и чечевицы. Из технических растений следует отметить: сахарную свеклу (И. занимает 4—5-е место в Европе по производству свекловичного сахара), единственную в Европе культуру сахарного тростника в южных провинциях—3.840 *га* (Альмерия, Гранада, Малага) и на Канарских островах, дающую сравнительно скромную продукцию (33,2 т. *т* против 2.962 т. *т* свекловичного сахара), посевы конопли, рассеянные в незначительном количестве во многих провинциях, льна, табака—3.877 *га* (Канарские острова). Кроме того развита культура пряностей—перца, шафрана, тмина, аниса, а также испанского дрока (свыше полумиллиона *га*), шелковицы (тута). По стоимости продукции отдельных отраслей земледелия на первом месте стоят зерновые и бобовые культуры, затем идут виноградарство и виноделие, плодоводство, культура оливок, овощей и технических растений. Наиболее известные винодельческие пункты: Херес, Малага, Аликанте, Валенсия, Уельва, Риоха, Валлепеньяс, Приорато, Охтес, Панадес и др. Продукция вина дала (1933) 19,8 млн. *гл*. Из фруктовых культур наибольшую продукцию дают апельсины (более 14 млн. *ц*), затем рожки (2,4 млн. *ц*), каштаны (около 2 млн. *ц*), яблони (2,5 млн. *ц*), груши, персики, гранаты, абрикосы и др.

Характерной чертой животноводства И. является преобладание овцеводческого хозяйства (на 100 чел. нас. во Франции насчитывается 27,5 овец, в Италии—30, в Англии—55, в Испании—91 овца; лишь в Болгарии на 100 чел. населения имеется 158 овец). Из общего поголовья скота в 35,9 млн. голов (1932) на овец приходится 54%, на лошадей—2,7%, на коз—12,7%, на свиней—13,2%, на крупный рог. скот—11,6%, на ослов и мулов—6,3%. Овцеводство распространено преимущественно в засушливых районах, особенно на центральном плоскогорье; в тех же районах сосредоточено разведение ослов и мулов. Наибольшее количество крупного рогатого скота и лошадей концентрируется во влажных северных приатлантических провинциях. С развитием крупного животноводства совмещается и свиноводство, кормовой базой которого служат отходы от зернового хозяйства, а также, отчасти, отходы виноградарства и плодоводства (в юж. районах). Недостаток крупного скота заставляет И. ввозить в значит. количестве убойный скот. Из спец. отраслей с. х-ва следует упомянуть: 1) шелководство (гл. обр. в провинциях юго-востока—Мурсия, Аликанте, Валенсия, Альбасете) с годовой продукцией в 1.200 *кг* грены и 1.300 т. *кг* шелка-сырца. Шелководство страдает от эпидемич. заболеваний шелковичного червя; 2) пчеловодство, к-рому благоприятствуют естественно-историч. условия (гл. обр. в вост. провинциях—Валенсия, Кастельон, Куенка, Альбасете, отчасти западных—Бадахос и Касерес и на севере—Сантандер), с продукцией 3,0 млн. *кг* меда и 0,75 млн. *кг* воска—619.000 ульев (вывоз ок. 600 тыс. пезет в год).

Несмотря на застойность в области сел. х-ва, капитал за последние годы проникает в земледелие весьма интенсивно—в форме займов для выкупа наделов, товарных, ипотечных кредитов и пр. Помимо государственного и частного капитала играет немалую роль и церковный капитал. Мадридский «Banco popular Leon XIII» предоставляет мелким собственникам и арендаторам кредиты через посредство католических кооперативных и кредитных с.-х. организаций. Проникновение капитала в сел. х-во усиливает процесс дифференциации испанского крестьянства, стимулируя рост кулацких и ростовщических элементов в деревне и пролетаризацию бедняцких и середняцких слоев. Одним из наиболее ярких показателей крестьянского разорения является эмиграция.

Эмиграция направляется исключительно в страны Латинской Америки (преимущественно

Площади и урожай основных зерновых культур (площади в тыс. *га*; урожай в млн. *ц*).

Культуры	Среднее за 1909—13		1927		1929		1931		1933		1934	
	посев. площ.	урожай	посев. площ.	урожай	посев. площ.	урожай	посев. площ.	урожай	посев. площ.	урожай	посев. площ.	урожай
Пшеница	3.864	37,6	4.381	39,4	4.293	38,9	4.551	33,7	4.552	37,6	4.471	35,9
Ячмень	1.420	16,2	1.802	20,0	1.816	22,6	1.879	29,6	1.957	21,7	1.830	21,1
Овес	516	4,2	772	5,6	744	7,2	804	4,3	779	5,9	647	5,6

в Аргентину). С 1930 поток эмиграции резко упал (количество вернувшихся из эмиграции на родину в 1930 равнялось количеству эмигрантов) вследствие кризиса в Латинской Америке и мер к ограничению иммиграции, принятых аргентинским правительством.

Испанская эмиграция (в тыс.).

Годы	Эмигрировало	Возвратилось на родину
1916	69,5	47,2
1922	63,5	50,1
1924	36,5	36,5
1926	45,2	39,9
1928	48,9	38,5
1930	41,3	41,2

Полезные ископаемые. И. очень богата полезными ископаемыми, в особенности металлическими рудами. Крупные залежи железной руды (общие запасы к-рой определяются в 700 млн. *т*) находятся во многих провинциях, особенно в Бискайе, Мурсии, Альмерии, Теруеле и Гвадалахаре. Испанская руда особенно ценится за границей не только за высокое

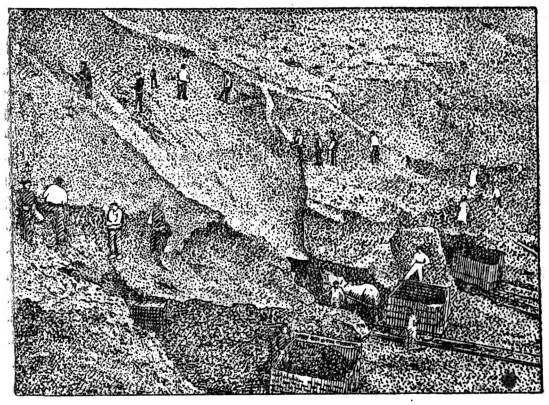


Рис. 4. Разработка железной руды под открытым небом в Бискайе.

содержание железа (48—60%), но за отсутствие в ней фосфора и других вредных примесей. Она экспортируется в значительных количествах в Германию, Великобританию, Францию и др. страны. Железная руда в районе Картахены богата марганцем. Главным вывозным портом является Бильбао.—Свинцовые руды добываются в провинциях Мурсия, Хаен, Альмерия. Наиболее богатые свинцовые рудники в Линаресе; в полиметаллических рудах вместе со свинцом добывается и серебро. Крупные залежи медной руды расположены в Рио-Тинто (на западе Андалузии); отсюда руда вывозится через Уельву. В Альмадене, в юго-зап. части провинции Новая Кастилия находятся богатейшие в мире ртутные разработки; ртуть добывается также в Кастельоне и Астурии. Сера и серные пириты разрабатываются в Теруеле, Гранаде и Мурсии. Фосфориты добываются преимущественно в пров. Касерес. В Сарагоссе находятся крупнейшие месторождения высококачественного гипса. И. обладает также значительными залежами каменного угля, разбросанными по многим районам; общая площадь этих залежей определяется в 14,1 тыс. *км*², из к-рых ок. 2,7 тыс. *км*² находится в горной провинции Овиедо (Астурия), являющейся основным угольным бассейном страны. Общие запасы каменного угля

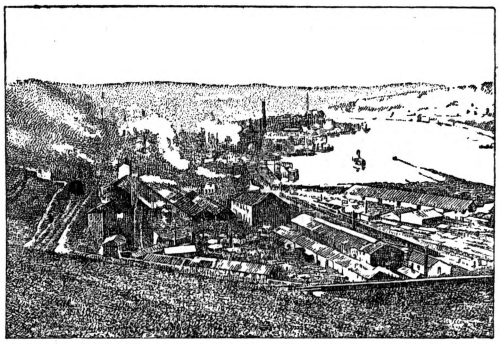


Рис. 5. Металлургические заводы в районе Бильбао.

достигают 8,8 млрд. *т*; однако качество испанского угля невысоко, условия залегания мало благоприятны для эксплоатации, добыча поэтому относительно невелика, и И. импортирует значит. количества угля из Великобритании.

Энергетика. Реки И., со значительным падением, обладают крупными потенциальными энергетическими ресурсами. Гидроэлектростанции (более значительные): на р. Эбро и его притоках — Сегре, Ногера-Паиарезе, Галлего и других, на Гвадалквивире, Сегуре, Турни, Тахо и др. Установленная мощность всех электростанций И.—1.200.000 kW (из них 90% падает на гидростанции). Потребление электроэнергии составляет в наст. время около 3 млрд. kW/час. Запасы гидроэнергии—около 3,5 млн. kW (на душу населения приходится 125 kW/час.). И.—одна из первых ввела у себя передачу энергии высоким напряжением; уже в 1920 здесь работали линии высоковольтной передачи (132.000 V). В буржуазных проектах электрификации Европы (Оливен, Шенгольцер, Вьель) И. неизменно выдвигается как наиболее южный и западный район электрификации Европы, опирающийся на гидроэнергию бассейна Эбро. Планы создания единой высоковольтной сети Европы, неосуществимые, утопические в условиях капиталистического хозяйства, под влиянием кризиса и роста империалистических противоречий перестали интересовать буржуазию.

Промышленность Испании относительно слабо развита и характеризуется весьма невысоким строением капитала. На первом месте среди

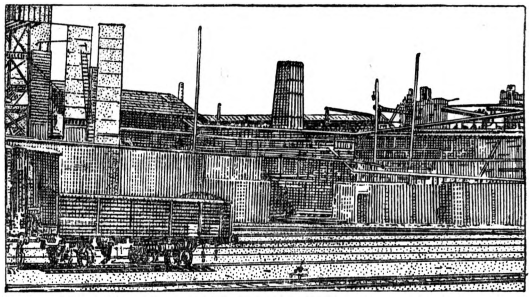


Рис. 6. Коксовальные печи в шахтах Пеноярройи.

индустриальных отраслей стоит пищевкусовая пром-сть, перерабатывающая продукты с.-х. сырья. Далее следуют текстильная пром-сть и

другие отрасли легкой промышленности, горная пром-сть, химическая, металлургическая и металлообрабатывающая пром-сть. Во время мировой империалистической войны, когда И. как нейтральная страна снабжала снаряжением и сырьем воюющие страны, ее пром-сть переживала значительный подъем. После войны целый ряд индустриальных отраслей переживает длительный кризис, в значит. степени обострившийся с 1930. Добыча железной руды с 10.789 т. *m* в 1913 упала до 5.330 т. *m* в 1929 и до 1.833 т. *m* в 1933, что объясняется в основном сокращением экспорта, особенно в Англию. Добыча свинцовой руды с 303 т. *m* в 1913 сократилась до 180 т. *m* в 1929 и до 72 т. *m* в 1933. Добыча медной руды, в к-рой И., как и в области свинцовой руды, принадлежит видное место, составила в 1913 2.269 т. *m*, в 1929—4.270 т. *m* и в 1933—2.160 т. *m*. Добыча ртути, составлявшая 24,9 т. *m* в 1919, поднялась до 36 т. *m* в 1929, но упала до 19,7 т. *m* в 1931. Добыча серебра, дошедшая в 1913 до 131,5 т. *кг*, упала в 1928 до 83,9 т. *кг* и равнялась 104,9 т. *кг* в 1933. Добыча фосфатов, составлявшая в 1913 42 т. *m*, свелась после войны почти к нулю. В 1933 в горной промышленности И. насчитывалось 145 тыс. рабочих. Общая продукция горной промышленности определялась в 470 млн. пезет.

Металлургия черных металлов, развитая в Испании весьма слабо, выросла после войны,

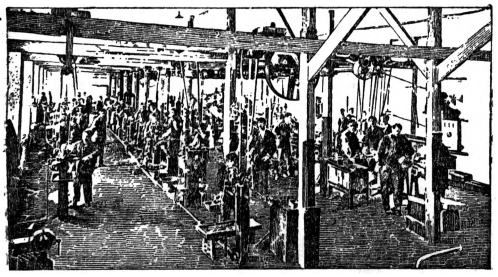


Рис. 7. Цех в оружейном заводе в Гвернике.

но ее продукция снова резко упала в годы мирового кризиса. Производство же цветных металлов (за исключением цинка) не могло достигнуть в послевоенные годы даже уровня 1913.

Производство металлов (в тыс. *m*).

Металлы	1913	1929	1933	1934
Чугун	425	500	346	352
Сталь	242	700	472	507
Цинк	6,9	11,8	8,5	—
Медь	30,5	27,8	16,3	—
Свинец	198,8	142,8	86,6	72,9

Общее количество предприятий, работающих в горной и металлургической пром-сти, в 1930 составляло 1.124.

Из других отраслей тяжелой пром-сти следует отметить химическую пром-сть, сильно развившуюся после войны, а также машиностроение (судостроение, горнозаводское оборудование, с.-х. машины и автостроение), начало к-рому было положено в основном в 1914—18.

Крупное значение в хозяйственной жизни северо-восточных районов (Барселона) и отчасти юга страны имеет хлопчатобумажная промышленность, насчитывающая ок. 300 фабрик, в к-рых занято свыше 100 тыс. рабочих. Однако и эта отрасль сильно упала после войны: в 1913 в стране насчитывалось 2 млн. веретен, а в 1930—1.875 тыс. веретен.

Большое развитие получили отрасли индустрии, перерабатывающие с.-х. сырье. Таковы: 1) предприятия по переработке зерна, особенно распространенные в И. (мельницы, предприятия, вырабатывающие крахмал, клейковину, фабрики галет, вермишели и т. п.); 2) консервные предприятия по переработке рыбы, мяса,

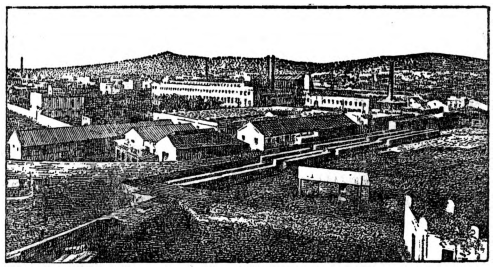


Рис. 8. Промышленный квартал в Барселоне.

плодов, овощей, сала, пряностей; 3) предприятия кондитерской промышленности, в частности шоколадной; 4) заводы по производству и рафинированию оливкового масла; 5) заводы винокуренные, производство шипучих вин (Барселона), пивоваренные заводы. Продукция вина составляет ок. 20 млн. *гл* в год. Хлопчатобумажная пром-сть (преимущественно в Барселоне, а также во многих провинциях северо-востока и юга) насчитывает 300 фабрик и 100 тыс. рабочих; шерстяная пром-сть (662 тыс. веретен в 1930) распространена гл. обр. в Каталонии, шелковая — в Барселоне, Мурсии, Севилье, Валенсии, на Балеарах и в др. провинциях; льняная, конопляная, джутовая—гл. обр. в юж. и ю.-в. провинциях, а также на Балеарских островах; керамическая, фарфоро-фаянсовая, стекольная пром-сть (29 фабрик)—в Барселоне, Бургосе, Касересе, Героне, Мадриде, Овиедо, Сеговии, Таррагоне и Валенсии. Писчебумажное производство развито значительно: производятся различные сорта бумаги, картона и т. п. в Аликанте, Барселоне, Кастельоне, Гранаде, Севилье, на Балеарских о-вах и др. Пробочная промышленность, производящая бутылочные пробки, изоляционные плиты, пробковые опилки, развита в ряде пунктов (в частности в Барселоне, Бадахосе, Кадиксе, Героне и Малаге). Табачное и спичечное производства составляют монополию государства, осуществляемую путем сдачи в аренду права производства и продажи частным компаниям. Табачные фабрики расположены в Мадриде, Валенсии, Аликанте и др. городах, спичечные—в Севилье, Валенсии, Барселоне, на Балеарских о-вах и др.

Весьма развито рыболовство, по преимуществу морское: сардины, лососевые (речные породы—лосось, форель), гл. обр. по южному и восточному побережьям. Рыболовство дает занятие 130 тыс. чел. и продукцию (1932) около 265 млн. пезет в год. Рыболовный флот насчитывает ок. 15 тыс. судов; рыболовная пром-сть имеет ок. 700 предприятий с 20 тыс. рабочих.

Транспорт. Ж.-д. сеть И. по густоте занимает одно из последних мест среди европейских государств (3 *км* на 100 *км*^{2}), причем около 30% общего протяжения сети приходится на узкую колею; дороги с двойной колеей представляют небольшую часть сети (от границы через Мад-

рид к Андалузии). Конфигурация ж.-д. сети в виде радиусов, расходящихся от Мадрида, делает столицу центральным пунктом скрещения ж.-д. путей. Соединения сети испанских жел. дор. с французской осуществлены вдоль средиземноморского побережья (Барселона—Перпиньян), вдоль побережья Бискайского залива (Бильбао—Сан-Себастьян—Байон), транспиренейские линии—Сарагосса—Олорон—По(с туннелем Сомпорт, длиной 8.200 *м*), Лерида—Сан-Жирон—через Центральные Пиренеи и Барселона—Пугсерда—Акс—Тулуза (с туннелем Тоссас, длиной 3.600 *м*). Около $^2/_3$ сети находится в руках частных капиталистических компаний. Общее протяжение жел.-дор. сети

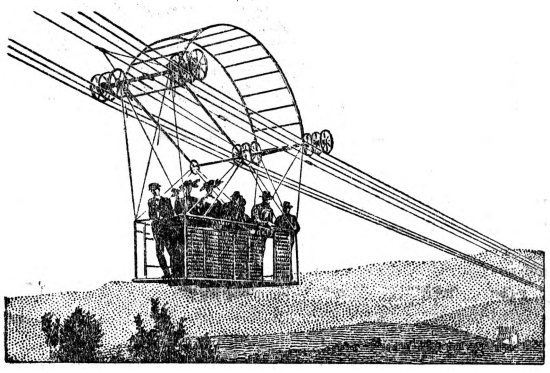


Рис. 9. Воздушно-канатная ж. д. в Пиренеях близ С.-Себастьяна.

(1932)—13.619 *км*. Существующая сеть железных дорог, а также 93 тыс. *км* гужевых путей недостаточны при гористом характере страны. Воздушный транспорт развит слабо, хотя в будущем И. благодаря своему географическому положению станет базой европейских воздушных сообщений с Африкой и Юж. Америкой. Внутренние регулярные аэролинии—Мадрид—Барселона и Мадрид—Севилья. Через Барселону проходят германские, французские и итальянские аэролинии; через восточный берег (Барселона—Аликанте)—французская линия путей в Африку и Юж. Америку. Установлены (с 1933) регулярные рейсы цеппелинов через Барселону—Севилью в Юж. Америку. Судоходных рек, за исключением Гвадалквивира (до Севильи), нет, так же как и судоходных в полном смысле слова ирригационных каналов (небольшие барки ходят по р. Эбро и по ирригационному Арагонскому каналу). Морской транспорт благодаря полуостровному положению страны значительно более развит, но береговая линия изрезана слабо, и моря не могут служить внутренним средством сообщения. Из нескольких десятков портов на атлантическом и средиземноморском побережьях необходимо отметить как более крупные — Барселону, Бильбао, Сантандер, Виго, Кадис, Севилью, Валенсию. Коммерческий флот И. вырос за время империалистической войны и состоит (1933) из 1.676 судов, частью устаревших, с общим тоннажем в 1,3 млн. *т*. Торговый флот сосредоточен в руках многих судоходных компаний, обладающих верфями в перечисленных портах. В 1932 в испан. порты прибыло 18.068 судов с общим водоизмещением 30,5 млн. *т*, из к-рых 11,4 млн. *т* принадлежало испан. компаниям и 19,1 млн. *т*—иностранным.

Внешние экономические связи. Внешнеторговые связи И. поддерживает с Англией, Францией, США, Германией, в меньшей степени с остальными странами. Экономические отношения с СССР ограничиваются гл. обр. поставкой в И. советской нефти. Однако заинтересованность в советском рынке, к-рый может поглотить большое количество испанских цветных металлов, судов и т. д., заставляет испанские господствующие классы относиться к СССР все с большим вниманием.

Основные предметы вывоза—продукты с.-х. производства: вина, фрукты, оливковое масло, табак, лук, миндаль, пробка, и горной пром-сти—железная руда, медь, ртуть, свинец, колчедан и др. Главнейшие продукты ввоза—готовые фабрикаты, химические продукты, машины и инструменты и др. Под влиянием кризиса общий оборот внешней торговли и в особенности экспорт катастрофически сократился:

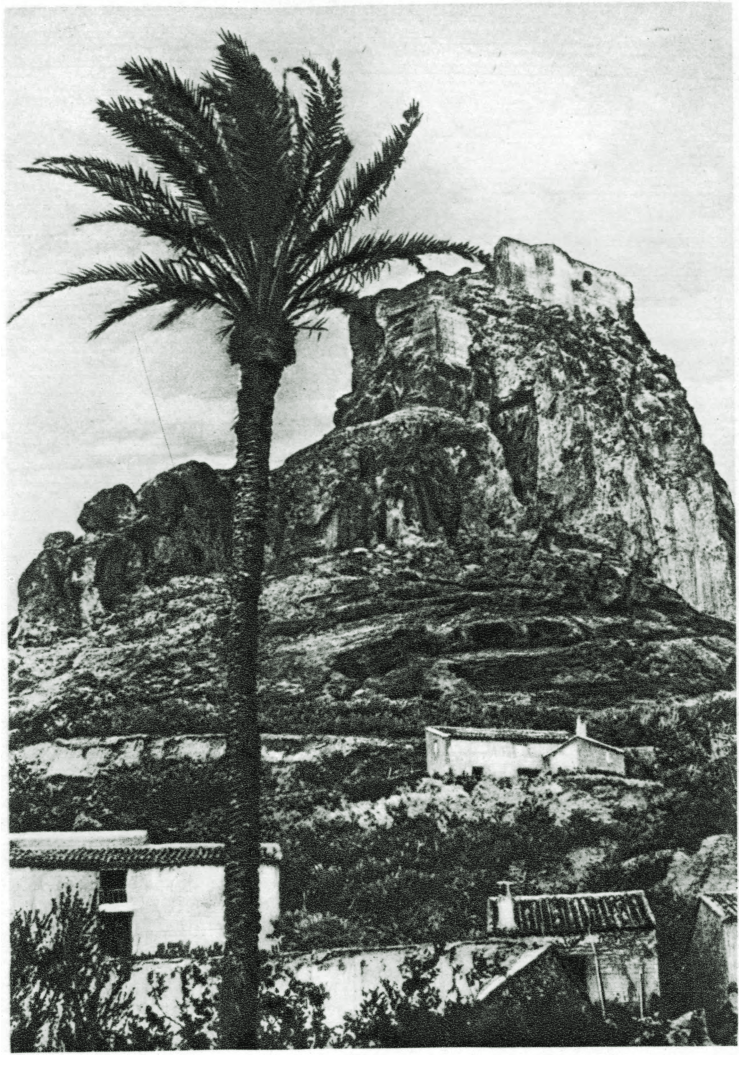
Годы	Импорт	Экспорт	Общий оборот
1928	3.005	2.183	5.188
1929	2.737	2.113	4.850
1930	2.447	2.299	4.746
1931	1.175	990	2.165
1932	972	738	1.710
1933	836	658	1.494
1934	861	611	1.472

Особенно резко упал экспорт с.-х. продуктов, составляющий свыше 60% общего экспорта. Так, за 2 года, с 1931 по 1933, экспорт пищевых продуктов (зерновых хлебов, оливкового масла, вина, сахара и пр.) упал с 659 до 444 млн. пезет, экспорт животных продуктов—с 31 до 19 млн. пезет, шелка и шелковых изделий—с 3,4 до 1,4 млн. пезет и т. д. Упал также экспорт минералов и руд с 70 до 45 млн. пез., металлов и металлоизделий с 54 до 38 млн. пез., химических продуктов с 41 до 32 млн. пезет и пр. Попытки форсировать экспорт происходят за счет резкого снижения цен, в частности на продукты с. х-ва. Баланс внешней торговли И. пассивен. Лишь в годы империалистической войны экспорт значительно превышал импорт. Вывоз направляется по преимуществу в Англию и Францию (с.-х. продукты, руды), ввоз—из США (гл. обр. машины, хлопок), Франции, Англии и отчасти Германии. Участие отдельных важнейших стран в импорте и экспорте иллюстрируется следующей таблицей (1933):

Страны	Импорт в Испанию	Экспорт из Испании
	в млн. зол. пезет	
США	137	54
Великобритания	87	158
Германия	97	60
Франция	64	136
Аргентина	20	26
Италия	24	23
Индия	29	0,2
СССР	20	0,4
Прочие страны	358	180,4
Итого	836	658,0

Колонии И. Некогда могущественная колониальная держава, в наст. время И. обладает остатками колониальных владений в Африке (общая площадь 331.934 *км*² с нас. 947.212 чел.). Наиболее крупные колонии—Рио-де-Оро (282,8 тыс. *км*² с 234 т. жит.). Испанская Гвинея, ряд «президиосов» в Сев. Африке и «зона

Ущелье Эрмида в горах Пикос-де-Эвропа (Кантабрийские горы).



Монте Агудо в Мурсии.

Вид с вершины Пико-де-Ането на массив Маладетта
(Центральные Пиренеи).

Бухта Виго в Галисии.

испанского влияния в Марокко» (по Средиземноморскому и Атлантическому побережью Африки). Богатые залежи в Марокко фосфатов, цинка, железа, меди, олова не разрабатываются с достаточной полнотой вследствие слабости испанского капитала. Канарские и Балеарские о-ва входят в состав метрополии.

Мировой экономический кризис отразился на испанском хозяйстве с особой остротой вследствие экономической слабости и аграрного характера страны, причем особенно чувствительно сказалось переплетение промышленного и аграрного кризисов. Падение экспорта, в особенности сельскохозяйственного, непрерывное сокращение производства и рост безработицы как среди городского пролетариата, так и среди сел.-хоз. рабочих, понижение жизненного уровня масс, исключительно тяжелое положение безработных, буквально умирающих от голода,—вот основные черты экономического кризиса в Испании. Официальная статистика насчитывает к 1/I 1935 711 тыс. полных и частичных безработных в пром-сти. Общее количество безработных в городе и деревне к началу 1935 можно считать 1,25—1,5 млн. чел. (25—30% общей численности пролетариата). Средний индекс курсов акций снизился за 5 лет (1929—1934) со 100 до 51. Экономический кризис в И. осложняется пережитками феодализма в области с. х-ва, проявляющимися в различных кабальных формах аренды, в существовании феодального типа латифундий. Экономический кризис сопровождается технической деградацией хозяйства—сокращается применение удобрений, с.-х. машин, кастрируются тысячи породистых боровов с целью сокращения свиноводства.

Финансы. Государственный бюджет (1935) определяется по смете 4.237,6 млн. пезет доходов и 4.507,6 млн. пезет расходов. Государственный долг (1932)—20.451 млн. пезет. Основные статьи доходов по бюджету составляют прямые налоги (31%), косвенные налоги (29%) и госмонополии (22%); остальные поступления—от гос. предприятий и операций казначейства. Главные статьи расходов—уплата процентов и амортизационных квот по государственному долгу (21%), содержание армии, флота и жандармерии (вместе—23,5%); на народное образование приходится ок. 7% расходной части бюджета.

Меры и монета. В И. с 1859 принята метрическая система мер. Монетная единица—пезета (равная по паритетному курсу 1 зол. франку, или около 37 зол. копеек)—состоит из 100 сентезимов. Испанский банк выпускает банкноты достоинством в 25, 50, 100, 500 и 1.000 пезет. После войны биржевой курс пезеты упал значительно ниже паритета. *Г. Черданцев.*

Лит.: Минлос Б., Аграрный вопрос в Испании, М., 1934; Armstrong Ch. W., Life in Spain to-day, L., 1930; Beckerath H., v., Spaniens wirtschaftliches und politisches Gleichgewicht, Jena, 1931; Tusquets J., Orígenes de la revolución española, Barcelona, 1932. Журналы: «Мировое хозяйство и мировая политика», М. (с 1926, ежемес.); «Boletin del Centro de Investigationes Especiales o Laboratorio de Estadistica», Madrid (ежемес.); «The Statist», L. (с 1878, еженед.); «Economist», L. (с 1843, еженед.); «Wirtschaftsdienst», Kiel (с 1916, еженед.).

IV. Исторический очерк.

Ранняя история. Добытый до сих пор на Пиренейском п-ове археологический материал, для некоторых периодов и областей весьма обильный, для других же чрезвычайно скудный, дает в результате весьма неравномерную и пеструю картину развития здесь культуры в доисторическую эпоху. В И. человек существовал уже с начала т. н. «древнекаменного века». Орудия типов Шелль (см. *Шелльская культура*), Ашель (см. *Ашельская культура*) и Мустье (см. *Мустьерская культура*) представляют сравнительно с соответствующими их образцами во Франции нек-рые особенности. Последний из трех упомянутых типов в И. археологи называют «ибero-мавританским Мустье», чем указывается на наличие в эту эпоху культурного влияния, шедшего из Африки. *Мадленская культура* (см.) палеолита представлена на севере И. шедеврами первобытного искусства, имеющими мировое значение. Это—знаменитая стенная живопись пещеры *Альтамира* (см.). Север И. в конце палеолита настолько близок по характеру своей культуры к Юж. Франции, что его называют «кантабрской провинцией» мадленской культуры, юг же И. находится под влиянием одновременной африканской, так наз. *капсийской культуры* (см.) (от древней Капсы, города в Юж. Тунисе). Начало неолита представлено в археологическом материале сравнительно скудно. Наличие в эту эпоху в И., особенно на юге, искусства гравирования на скалах позволяет предполагать преемственную связь с палеолитической культурой. На крайнем севере, в Астурии, в 1913 открыта стоящая на пороге неолита совершенно своеобразная «астурийская культура» с грубыми ранненеолитическими орудиями, характерная массами «кухонных отбросов» из раковин, загромождающих входы в пещеры. Хронологическая и этническая связь ее с соседними культурами не выяснена. Гораздо богаче и определеннее представлены на Пиренейском п-ове поздние периоды неолита и энеолита. Здесь различаются четыре области с их особыми культурами, влияние к-рых взаимно перекрещивается. Эти культуры—во-первых, «центральная», географически соответствующая своему названию, характерная сначала грубой керамикой с рельефным орнаментом, а к концу (в энеолите)—так наз. «колоколовидной керамикой»; далее, «западная или португальская культура», характерная своими мегалитическими гробницами; третья область—это «альмерийская культура» (по имени провинции Альмерии в юго-вост. И.)—отличается настолько ранним появлением меди, что существование чистого неолита в этом районе вообще подвергается сомнению; в противоположность мегалитическим гробницам «западной культуры» могилы здесь имеют форму шахт, выложенных камнем. Наконец север представляет область «пиренейской культуры», соединяющей черты прочих культур и обнаруживающей связь с мегалитической культурой Юж. Франции. Все эти культуры позднего неолита и энеолита, за исключением альмерийской, археологи признают выросшими на месте, альмерийскую же культуру считают принесенной извне, повидимому с сев.-зап. побережья Африки. Во 2-й половине 3-го тысячелетия в И. начинается т. н. бронзовый век. Значительная часть находок относится к его начальному периоду, а некоторая — к заключительному (в конце 2-го тысячелетия). Период, лежащий между ними, дал чрезвычайно скудный археологический материал, что повидимому объясняется упадком культуры в И. в середине бронзового века, вызванным ослаблением торговых сношений с севером Европы, откуда в ту эпоху И. получала олово. Находки железного века, наступившего в И. в 1-м тысячелетии до хр. э., в начальном

периоде сходны с произведениями ранней *гальштатской культуры* (см.) Зап. Европы. В позднем железном веке в И. существуют две культуры: «западная», носящая позднегальштатский характер и принадлежавшая повидимому кельтам, и «иберийская»—на юге и юго-востоке И.,—получившая свое название от живших в эту эпоху иберийских племен (см. *Иберы*). Она отличается своим богатством: храмы с колоннами (иберо-ионическая капитель), скульптура как привозная с Востока, так и местная керамика с богатой, часто фигурной орнаментацией. Процветание иберийской культуры юга и юго-востока И. относится к периоду от 5 в. до начала 3 в. до хр. э.

Народы, носители обеих этих культур,—кельты и иберы,—появились в И. в разное время. Кельты проникли в И. из Юж. Франции не ранее 6 в.; они заняли центральное ее плоскогорье и отсюда распространились на З. и Ю.-З., вытесняя или поглощая *лигуров* (см.); иберы появились в И. гораздо раньше. Уже в Библии упоминаются морские путешествия финикиян в 11 и 10 вв. до хр. э. на дальний запад в Таршиш, известный позднее грекам как Тартесс—город в устьях Гвадалквивира. Греческие источники говорят о необычайном его процветании в середине 1-го тысячелетия до хр. э. и об оживленных торговых сношениях его с Востоком, западным побережьем И. и севером Европы. Наличие «альмерийской культуры» и позднейшей иберийской культуры железного века в одной и той же области и тесная связь между обеими позволяют предположить, что иберы появились на юге п-ова уже в эпоху «альмерийской культуры», т. е. в конце каменного века, прибыв сюда из сев.-зап. Африки; это подтверждается и сходством антропологического типа иберов с хамитскими народами Сев. Африки. Греческие писатели вплоть до 3 в. знают иберов на побережьи океана и Средиземного моря от Гвадианы до Роны, а Эратосфен с середины 3 в. Иберией называет весь Пиренейский п-ов. К концу 3 века иберы заняли весь Пиренейский п-ов. От прежнего населения, лигуров и кельтов, сохранились лишь отдельные островки.

В античной древности как по условиям природы, так и по быту населения И., как и теперь, была страной резких противоположностей. Плодородный, всем изобиловавший юг представлял разительный контраст с суровым и скудным севером. То же явление в нравах и быте населения: на юге — восприимчивые к культуре, мягкие, достигшие значительной образованности турдетаны; на севере—«совершенно дикие», по описанию Страбона, «звероподобные астуры и кантабры». Количество племен насчитывалось сотнями; только на северо-западе между Миньо и океаном Страбон называет их двадцать. Они представляли этнические группировки, лишь слабо объединявшие мелкие общины или «города». Последних некоторые писатели насчитывали в Испании 1.000; согласно источникам, в своих войнах с испанцами римляне уничтожали города сотнями. Сведения эти подтверждаются многочисленными остатками укрепленных замков, иногда представлявших простую башню в полсотню метров в окружности. О социальной и политической организации иберов мы не знаем почти ничего. Римские источники говорят о существовании у южных племен знати и царьков. Можно предполагать, что иберы стояли на стадии разлагающегося родового строя. Роды группировались вокруг укрепленных замков и объединялись в племена с царьками во главе. Управлялись роды старейшинами. Сильное имущественное неравенство могло образоваться на юге также вместе с развитием торговых сношений. Племена севера, и особенно горцы, повсюду на полуострове занимались войной и грабежом и почти не знали ни земледелия ни скотоводства. «Вожди» выбирались временно для данного предприятия. На центральном плоскогорьи даже более склонные к мирным занятиям племена, как карпетаны, по словам Страбона, жили в скудности и не использовали природных ресурсов, ибо постоянные набеги соседних горцев заставляли и их бросать мирные промыслы и жить хищничеством. Такое состояние страны в значительной степени обусловило неспособность ее не только объединиться на всем пространстве, но и создать более или менее крупные государства в отдельных областях.

Обильная природными богатствами и прежде всего металлами, Испания издревле привлекала к себе пришельцев со стороны. Встреча и борьба на ее почве народностей и культур, идущих с севера (из Европы) и с юга (из Африки), представляют основной факт ее истории, начиная с первых периодов существования здесь человека. Но помимо борьбы, сопровождавшейся сменой племен или по крайней мере политически господствующего слоя, И. издавна подвергалась посторонним воздействиям иного порядка. Богатство металлами еще в бронзовом веке вовлекло южное и юго-восточное побережье И. в торговые сношения с Востоком. Через юг И. шло на Восток необходимое для изготовления бронзы олово. Юж. И. была известна микенским купцам, как о том свидетельствует находка в ней принадлежащих микенской культуре предметов. В конце 2-го тысячелетия до хр. э. на юге И. появляются финикияне. Первые сведения о Таршише идут от них. Около 1000 до хр. э. на прибрежном острове, южнее устьев Гвадалквивира, была основана финикийская колония Гадес (ныне Кадикс), завязавшая оживленную торговлю с Таршишем. В следующие столетия финикийские торговые фактории покрыли юго-восточное побережье Испании. Если не считать стремления Гадеса захватить в свои руки торговлю Таршиша, финикияне вообще не пытались прочно колонизовать прибрежные области, ограничиваясь посреднической торговлей; за исключением монет следов пребывания их здесь осталось мало.

В 7 в. до хр. э. на восточном побережьи И. появились греки из малоазиатской Фокеи, после основания ими Массалии у устьев Роны (см. *Марсель*) в 600 до хр. э. несколько греческих колоний возникло по восточному побережью И. В своем соперничестве с греками финикияне нашли опору в новой единоплеменной им морской державе — Карфагене. После победы карфагенян над фокейцами при Алалии (ок. 540) греки были вытеснены с южного побережья И. С 5 в. юг И. стал превращаться в область, подчиненную исключительно торговой эксплоатации Карфагена, однако тяжкое поражение, понесенное последними в 1-й Пунической войне (см. *Пунические войны*), отозвалось также и на его положении в И. После этой войны Гамилькару Барке пришлось снова завоевывать юг полуострова. Однако Гамилькар не ограничился простым возобновлением торговой экс-

плоатации страны, но удачными войнами создал здесь новую державу, номинально подвластную Карфагену, фактически же представлявшую как бы наследственное «царство» преемников Гамилькара, Баркидов. Признанная Римом их сфера влияния простиралась до Эбро. Опираясь на И. как мощную военную базу, Ганнибал совершил свой знаменитый поход в Италию (218—203 до хр. э.), едва не приведший Рим к гибели. В свою очередь необходимость разрушить эту военную базу Баркидов заставила Рим бросить сюда значительные силы, несмотря на тяжелое положение в самой Италии. Рим прилагал величайшие усилия, чтобы вырвать И. из рук Баркидов. По окончании 2-й Пунической войны И. была обращена в римскую провинцию, но первое время Рим мог опираться лишь на сев.-вост. прибрежную полосу с дружественными ему греческими колониями. Остальная часть полуострова подлежала еще завоеванию, которое продолжалось 200 лет—до правления Августа. В течение этого времени почти ежегодно посылались сюда новые отряды из Италии. Партизанская война велась здесь непрерывно, от времени до времени превращаясь в настоящую крупную войну. Вероломство и алчность римских наместников, жестоко эксплоатировавших местное население, обрекали на неудачу все попытки установить здесь прочный мир. Особенно замечательно восстание лузитанцев под предводительством пастуха Вириата в 147—139 до хр. э. Войны в И., стоившие Италии больших жертв, вызывали неудовольствие в Риме и являлись там возбудителем внутренних политических осложнений (см. *Гракхи*). Значительную роль сыграла И. в обеих гражданских войнах конца республики. В первой войне марианец *Сертoрий* (см.) сумел организовать восстание И. против полководцев Суллы и почти на десять лет превратил ее в независимую страну. Во 2-й гражданской войне именно здесь победой при Илерде Юлий Цезарь начал свою борьбу с помпеянцами, а победой при Мунде в 45 закончил ее. Главной приманкой для римлян в И. были ее колоссальные богатства—золото и серебро. Уже Баркиды организовали в окрестностях построенной ими столицы области, Нового Карфагена, разработку серебряных рудников, в к-рых работало более 40.000 рабов. Золото добывалось в И. как в рудниках, так и в руслах рек. Особенно богаты были им запад и северо-запад, где позднее, в эпоху империи, добывалось ок. 10.000 *кг* золота ежегодно.

Уже в начале завоевания Римом (в 205 до хр. э.) появилась в И. первая римская колония Италика; однако настоящая романизация провинции началась только после полного ее замирения при Августе. При нем, а раньше при Юлии Цезаре, в И. было основано много колоний ветеранов. Плиний Старший насчитывает их здесь 26. Кроме того 71 община имела право римского *муниципия* (см.) или *латинское право* (см.). Все эти колонии и муниципии расположились по морскому побережью, в долине Эбро и на юге. В административном отношении И. при республике разделялась на две провинции — Ближнюю и Дальнюю Испанию. При Августе от последней была отделена новая провинция Лузитания (нынешняя Португалия); южная же часть И. получила название Бетики. Она была оставлена в управлении сената, обе другие поступили в управление императора. Только на С.-З., замиренном Августом, были поставлены три легиона под командой императорских легатов. Остальная И. была свободна от войск, что свидетельствует об успехах здесь романизации. При императоре Веспасиане все общины Испании получили латинское право, а при Каракалле вместе со всей империей—право римского гражданства.

Экономическая жизнь И. в эпоху империи представляет пеструю картину. Приморское побережье и особенно Бетика были втянуты в довольно интенсивный обмен с Италией и особенно Римом, куда отправлялись отсюда продукты сельского хозяйства (особенно оливковое масло, вино и хлеб) и промышленности (металлы, материи, шерсть, рыбные консервы). Все золото и серебро, добывавшиеся в И., попадали в руки римской казны, владевшей рудниками. Внутренние части полуострова и особенно северо-запад, напротив, оставались на прежней, довольно примитивной ступени развития; земледелие было там развито настолько слабо, что в некоторых районах вместо хлеба часто употреблялись в пищу жолуди. Романизация И.—результат римского господства — означала одновременно ее социальную трансформацию. В общинах, превращенных в римские колонии, появился высший класс из выслужившихся солдат и офицеров, из которых лишь часть представляла пришлый из Италии элемент, большинство же были туземцы, романизированные в рядах армии в долгие годы действительной службы. Эта местная аристократия колоний, а также землевладельческая и торговая аристократия в муниципиях и общинах с латинским правом служили опорой римскому господству и императорской власти. При наличии огромных природных богатств И. представляла благодарную почву для предприимчивости этих классов. В одном Гадесе в эпоху Августа было 500 лиц, принадлежавших к сословию *всадников* (см.). Аграрный писатель Колумелла свой богатый опыт плантационного крупного хозяйства почерпнул из прибрежной И. как области крупного землевладения. Нынешняя Сьерра-Морена получила свое название от владельца ее серебряных рудников Мария, казненного при Тиберии. В политических движениях и переворотах империи И. принимала мало участия: здешние легионы выдвинули на императорский престол только одного претендента—Гальбу (в 69). Зато мирным путем на императорский трон взошли такие выдающиеся правители родом из И., как Траян, Адриан, позднее (в 4 в. хр. э.) Феодосий Великий. Римской литературе И. дала целый ряд выдающихся деятелей: Сенеку, ритора—отца и философа—сына, поэтов Лукана и Марциала, оратора Квинтилиана, с.-х. писателя Колумеллу, географа Мелу. Как повсюду в империи, и здесь в 3 в. хр. э. наступил упадок. Появились предвестники переселения народов—франки,—опустошавшие И. в период 256—262. С этих пор ее города стали окружать себя стенами. В 4 в. общий упадок Римской империи сказывается также и в И., где он выразился в закрепощении сословий, в возврате к натуральному хозяйству, в экономическом разобщении областей. С начала 5 века Испания стала добычей германцев.

Лит.: Моммсен, Римская история, т. V, Москва, 1885; Bosch Gimpera P., Pyrenäenhalbinsel, в кн.: Reallexikon der Vorgeschichte, hrsg. v. M. Ebert, Bd X, Berlin, 1927—28; Schulten, Hispania, в кн.: Realencyclopaedie der classischen Altertums-Wissenschaft von Pauly Wissowa-Kroll, Bd VIII, Stuttgart, 1913, S. 1965—2046;

Rostovtzeff M., The social and economic history of the Roman Empire, L., 1926. *Д. Кончаловский.*

СРЕДНИЕ ВЕКА.

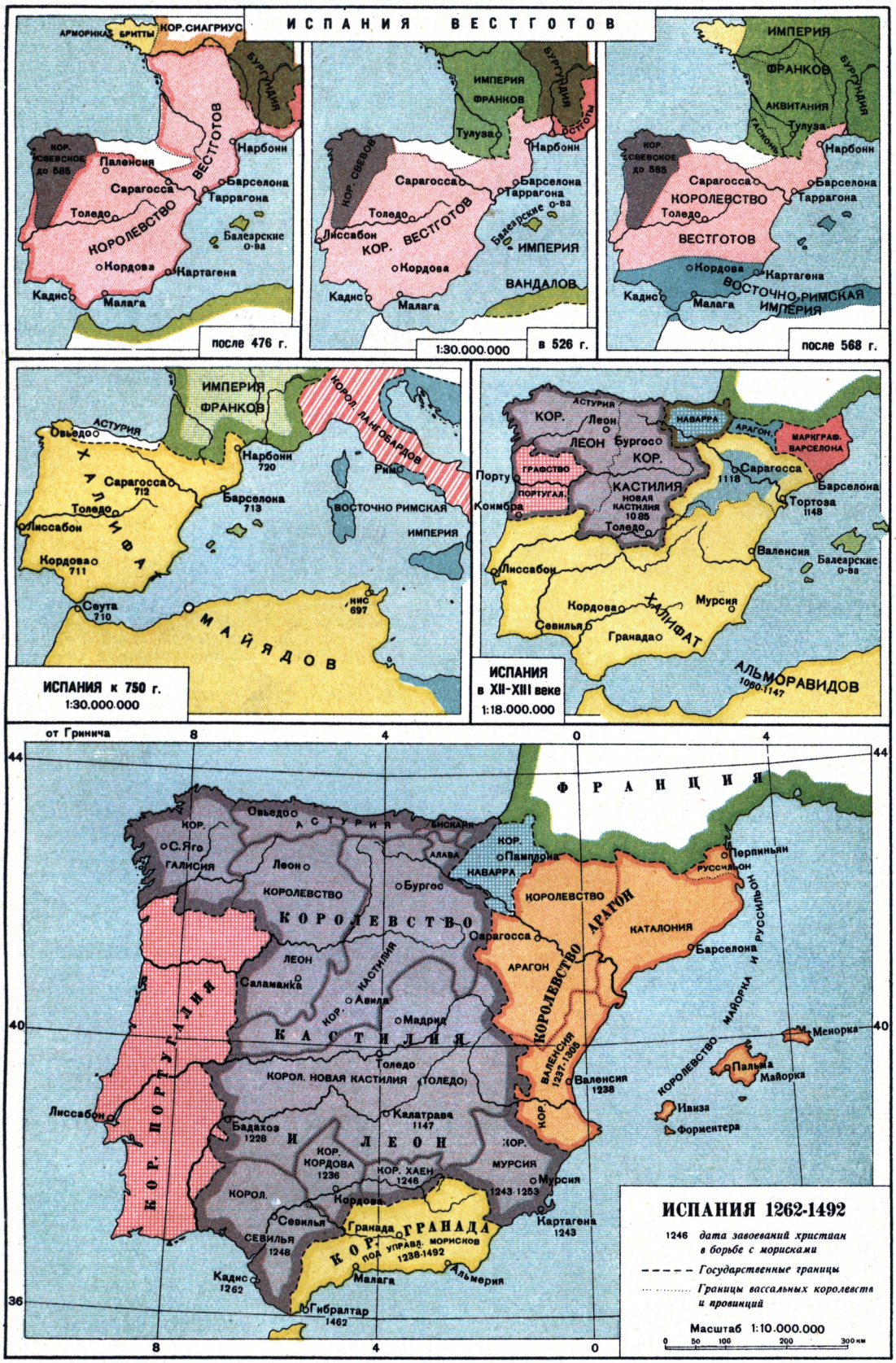
В период хозяйственного и политического распада Римской империи и непрерывных варварских вторжений (см. *Великое переселение народов*) наиболее западная из европ. провинций Рима—Испания — подверглась захватам германских племен. В 409 хр. э. *аланы, свевы* и *вандалы* (см.), проникшие сюда из Южной Галлии, разграбили значительную часть И., особенно наименее защищенную—западную, и заставили бессильное римское правительство признать себя *федератами* (см.), причем для поселения им были предоставлены провинции: Бетика, Лузитания, Галисия и Новый Карфаген (409). Однако уже через год империя, следуя своей обычной политике, выставила против этих германских племен их могущественного конкурента—*вестготов* (см.), к-рые еще ранее захватили в качестве федератов Нарбоннскую Галлию, а теперь получили от императора Гонория во владение еще незанятую варварами испанскую провинцию Таррагону как оперативную базу против захватчиков. Вандалы и аланы, хотя и сильно ослабленные последовавшей затем борьбой с вестготами, сохранили однако в своих руках власть над большей частью И. до 429, когда они, во главе со своим королем Гейзерихом, переправились в Сев. Африку. В течение 40 лет после этого в И. хозяйничали свевы. В этот же период происходило мощное восстание крестьян — *багаудов* (см.), направленное против испано-римских землевладельцев и администрации. Вождю испанских багаудов, Василию, удалось в 449 захватить Таррагону и превратить ее в центр революционного движения рабов и крестьян. Империя, неспособная справиться ни со свевами ни с рабско-крестьянскими восстаниями, обратилась снова к помощи вестготов, к-рые в 453 уничтожили багаудов у города Таррагона, в 456—69 разбили свевов, отбросив их в северо-западный угол И.—Галисию—и подчинив их затем своему культурному и политическому влиянию. Таким образом вся И. перешла в руки вестготов, что и было официально признано в 477 императором Зеноном в его соглашении с вестготским королем Эйриком.

Государство вестготов. При Эйрике (466—484) государство вестготов сделалось самым могущественным из всех *варварских королевств* (см.), возникших на развалинах Римской империи. Помимо всей И. в его состав входила Галлия до Луары на С. и Роны на В. Политическим центром государства и резиденцией вестготских королей была Тулуза, затем Нарбонна на Ю. Галлии. С начала 6 в. вестготы в борьбе с франками потеряли бóльшую часть своих владений в Галлии и были спасены от полного разгрома только вмешательством остготского короля Теодориха. Столицу государства все же пришлось перенести в самую И., сначала в Барселону, позже—в Толедо. Ослабление вестготов в борьбе с франками, а также недовольство их властью со стороны испано-римской аристократии и духовенства позволило императору Восточно-Римской (Византийской) империи Юстиниану захватить у вестготов Бетику с портами Кадиксом, Новым Карфагеном и Малагой. Однако уже во второй половине 6 в. Леовигильду удалось реорганизовать вестготское государство, воссоединить под своей властью И. и остановить продвижение франков в Южной Галлии. Внутренняя консолидация государства на основе упрочения союза между испано-римскими владельцами латифундий и вестготской военной аристократией, постепенно составившими единый класс крупных землевладельцев, была достигнута при сыне Леовигильда Рекареде, который принял религию римлян — католицизм (589) и уничтожил национальную арианскую церковь вестготов.

Еще ранее был отменен запрет браков между вестготами и испано-римлянами. Наконец около середины 7 в. было установлено единое право. В то время как вестготы прежде управлялись по законам Эйрика (конец 5 в.), а испано-римляне жили на основах особого права, опубликованного для них в 506 королем Аларихом II (т. н. Бревиарий Алариха или Lex romana Wisigothorum), король Рецесвинт в 654 обнародовал обязательный для всего населения кодекс законов, составленный под сильнейшим влиянием римских правовых норм и известный вместе с дополнениями последующих королей под названием судебника Forum Judicum—по-испански Fuero Juzgo.

Постепенно вестготы усвоили господствовавшие в И. формы производственных отношений, т. е. эксплоатацию широких масс владельцами крупных латифундий. Эти крупные землевладельцы составлялись из вестготской военной знати, отобравшей у испано-римлян $^2/_3$ их земель и половину их домов, а также из помещиков римского происхождения, сохранивших в своих руках остальную треть пахотных земель и часть лесов, и наконец из духовенства, к-рое в награду за свои услуги получило в разное время от королей огромные земельные пожалования, увеличенные впоследствии многочисленными частными пожертвованиями. Простые свободные из вестготов, обеспеченные при завоевании И. лишь небольшими наделами, попали впоследствии в полную экономическую зависимость от знати, превратились в ее *клиентов* (см.) и б. ч. слились с испано-римскими колонами в единый класс зависимого и обязанного различными повинностями крестьянства. Часть свободной вестготской массы, сохранившая свою военную квалификацию, образовала своеобразную группу военных клиентов знати, т. н. букцелляриев, которые за службу своим патронам получали от последних земли и оружие. На самом низу общественной лестницы стояли многочисленные рабы и вольноотпущенники, к-рых римско-вестготское право отдавало на полный произвол их господам, ставя однако рабов королевских доменов (фискальных рабов) в несколько более привилегированное положение.

Испано-вестготское общество, построенное на резком экономическом и социальном неравенстве, на эксплоатации широких народных масс количественно ничтожной кучкой аристократов, нуждалось для своего сохранения в сильной централизованной власти. Уже в середине 7 в. Рецесвинт, реорганизовав по византийскому образцу и без того сложную придворную иерархию, стал управлять со всеми замашками восточного деспота. Фактически однако короли целиком попали в зависимость от аристократии, особенно духовной, к-рая выбирала и низлагала неугодных ей королей. Реальным выражением этой зависимости были т. н. Толедские соборы, на к-рых решались с участием духовных и важнейших светских магнатов все государственные и церковные дела. Толедский собор


ИСПАНИЯ ВЕСТГОТОВ
АРМОРИКА
БРИТТЫ
КОР. СИАГРИУС
БУРГУНДИЯ
ВЕСТГОТОВ
КОР. СВЕВСКОЕ до 585
Паленсия
Сарагосса
Нарбонн
Барселона
Таррагона
Толедо
КОРОЛЕВСТВО
Балеарские о-ва
Кордова
Картагена
Кадис
Малага
после 476 г.
ИМПЕРИЯ ФРАНКОВ
Тулуза
КОР. СВЕВОВ
Лиссабон
КОР. ВЕСТГОТОВ
ИМПЕРИЯ
ВАНДАЛОВ
1:30.000.000
в 526 г.
АКВИТАНИЯ
ГАСКОНЬ
КОРОЛЕВСТВО ВЕСТГОТОВ
ВОСТОЧНО-РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
после 568 г.
ИМПЕРИЯ ФРАНКОВ
АСТУРИЯ
Овьедо
Нарбонн 720
Сарагосса 712
Барселона 713
Толедо
Лиссабон
Кордова 711
Сеута 710
ХАЛИФАТ
МАЙЯДОВ
КОРОЛ. ЛОМБАРДОВ
Рим
ВОСТОЧНО РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
НИС 697
ИСПАНИЯ к 750 г.
1:30.000.000
АСТУРИЯ
КОР. ЛЕОН
НАВАРРА
АРАГОН
МАРКГРАФ. БАРСЕЛОНА
КОР. БУРГОС
ГРАФСТВО ПОРТУГАЛ.
Порту
Коимбра
КАСТИЛИЯ
НОВАЯ КАСТИЛИЯ 1085
Сарагосса 1118
Барселона
Тортоза 1148
Валенсия
Балеарские о-ва
Мурсия
Кордова
Севилья
Гранада
ХАЛИФАТ
АЛЬМОРАВИДОВ 1060-1147
ИСПАНИЯ в XII-XIII веке
1:18.000.000
от Гринича
ФРАНЦИЯ
Овьедо
АСТУРИЯ
БИСКАЙЯ
КОР. С. Яго
ГАЛИСИЯ
Леон
АЛАВА
КОР. Памплона
НАВАРРА
Перпиньян
РУССИЛЬОН
КОРОЛЕВСТВО
Бургос
КОРОЛЕВСТВО
КОРОЛЕВСТВО АРАГОН
КАТАЛОНИЯ
Сарагосса
Барселона
ЛЕОН
КОР. КАСТИЛИЯ
Саламанка
АРАГОН
КОРОЛЕВСТВО МАЙОРКА И РУССИЛЬОН
КОР. Авила
Мадрид
КАСТИЛИЯ
Менорка
Пальма
Майорка
Толедо
КОРОЛ. НОВАЯ КАСТИЛИЯ (ТОЛЕДО)
Валенсия 1238
ВАЛЕНСИЯ 1237-1305
КОРОЛЕВСТВО
Ивиза
Форментера
Лиссабон
КОР. ПОРТУГАЛИЯ
Бадахос 1228
Калатрава 1147
КОР. ЛЕОН
КОР. КОРДОВА 1236
КОР. ХАЕН 1246
КОР. МУРСИЯ
Мурсия 1243-1253
КОРОЛ. Кордова
Севилья
СЕВИЛЬЯ 1248
Гранада
КОР. ГРАНАДА
ГРАНАДА
УПРАВЛ. МОРИСКОВ 1238-1492
Картагена 1243
Кадис 1262
Малага
Альмерия
Гибралтар 1462
ИСПАНИЯ 1262-1492
1246 дата завоеваний христиан в борьбе с мориками
Государственные границы
Границы вассальных королевств и провинций
Масштаб 1:10.000.000
0 50 100 200 300 км
ГЕОКАРТПРОМ Москва.

636 г. например открыто провозгласил принцип выборности королевской власти; собор 653 г. добился согласия короля принять на себя при вступлении на престол торжественные обязательства по отношению к духовной и светской аристократии, в том числе обязательство преследовать евреев. Попытки некоторых королей, напр. Хиндасвинта, добиться путем террора подчинения аристократии закончились полной неудачей. Заговоры, восстания, дворцовые перевороты сделались обыденным явлением в жизни вестготского государства, ставя под угрозу самое его существование.

Эти потрясения сплетались с религиозными преследованиями против евреев. На Толедском соборе 694 г. они были обвинены в подготовке совместно с арабами, утвердившимися тем временем в Сев. Африке, переворота против вестготской власти. Многочисленное еврейское население (не менее 200.000 в И. 7 в.) подверглось жестокому гонению: массовым изгнаниям, насильственному обращению в христианство, всевозможным издевательствам (у родителей, не желавших креститься, отбирали детей и т. п.). Тяжелые внутренние раздоры привели вестготское государство к гибели. В 709 после смерти короля Витицы аристократия отказала в троне его законному наследнику и провозгласила королем герцога Бетики Родрига. Сыновья и родственники Витицы бежали к арабам. По их прямому приглашению арабский вождь Тарик-бен-Сейд (из арабского Джебель Тарик, что значит—гора Тарика, получилось название Гибралтар) переправился летом 711 с 7.000 берберов на Пиренейский п-ов и при Хересе-де-ла-Фронтера разгромил войска Родрига, после чего Севилья, Кордова и Толедо открыли победителям свои ворота. Этот легкий и неожиданный для самих арабов успех обнаружил всю гнилость вестготского режима и побудил арабов немедленно захватить полуостров, чего вначале они вовсе не имели в виду. Арабы в своем стремлении к завоеваниям прошли с оружием в руках почти все культурные страны того времени. Полчища завоевателей не миновали и Пиренейского п-ова. Правитель Сев. Африки Муса-бен-Нушаир, явившись в И. со значительным мусульманским войском, окончательно разбил в 713 вестготов и провозгласил в Толедо власть Дамасского халифа над И. В течение последовавших 6 лет арабы утвердили свое владычество над большей частью полуострова. Только в Астурии вестготско-испанской феодальной знати удалось сконцентрировать достаточные силы и остановить дальнейшее движение арабов. Арабские эмиры, правившие И. между 719 и 732, обратили после этого главное внимание на северо-восточные границы полуострова, захватили Руссильон и часть Лангедока, но после решительного поражения эмира Абдеррахмана-аль-Гафеки при Пуатье в 732 (см. *Карл Мартелл*) франками, принуждены были навсегда отказаться от завоеваний за Пиренеями.

Арабское владычество в И. С поражением арабов при Пуатье по времени совпадает начавшийся в испанском эмирате период междоусобий и гражданских войн. Завоеватели состояли здесь из трех народностей: арабов, сирийцев и берберов, далеко не свободных от национальной розни еще до похода в И. Отношения между ними обострились в связи с кризисом, наступившим в арабском халифате после свержения династии дамасских халифов—*Омайадов* (см.). Единственный уцелевший представитель этой династии Абдеррахман бежал в И., где стал во главе группы мавританских феодалов и после успешной борьбы с испанским эмиром Юсуфом провозгласил независимый от арабского халифа Кордовский эмират (758). Возникшая вслед затем междоусобная война феодалов арабской И. вызвала военное вмешательство *Карла Великого* (см.), однако предпринятый им в 778 поход в И. не дал результатов. Арьергард его войска был разгромлен басками в Ронсевальском ущельи при отступлении во Францию. Только ряд последующих походов франков в период между 785 и 811 дал Карлу Великому возможность утвердиться в сев.-вост. части И. и образовать здесь *Испанскую марку* (см.). Несмотря на отдельные внешнеполитические неудачи и непрерывную борьбу омайядских эмиров с правителями городов и областей И., страна достигла в первые века владычества арабов значительного экономического и культурного расцвета. Эксплоатация завоеванной страны арабами—когда наступило затишье после боев—имела мало общего с тем примитивным грабежом, к-рому подвергали в свое время И. вандалы и даже вестготы. Арабы облагали покоренные народы особой поголовной податью, но в остальном их не притесняли. Благодаря этому целые области И., населенные христианами и евреями, могли пользоваться значительной самостоятельностью при условии уплаты требуемых с них налогов: поземельного на общих со всем населением основаниях и поголовного—в качестве побежденных. Однако все перешедшие в мусульманство освобождались от поголовного обложения, что представляло значительное преимущество.

Арабы не вмешивались ни в быт побежденных ни в их верования. Евреи были уравнены в правах с другими народностями; значительной свободой пользовались христиане, т. н. мозарабы (mozarabes), оставшиеся жить на своих прежних землях среди арабов и сохранившие свою администрацию, своих губернаторов (графов) и свое право.

Различие между победителями — пришельцами—и коренным населением ощущалось не слишком остро. Но унаследованное от вестготского строя деление населения на аристократов, плебеев и несвободных (крепостных и рабов) сохранило свою силу. Среди эксплоататорских групп самое видное место занимали землевладельцы—феодалы, постоянно находившиеся в борьбе с эмирами за свои привилегии. Территории, захваченные арабами в вооруженной борьбе, конфискованные у церкви или покинутые бежавшими на север вестготскими феодалами, были распределены завоевателями следующим образом. Пятая часть земель отошла в непосредственную собственность государства (хомс), остальные земли были распределены между вождями, воинами и даже целыми племенами завоевателей. Обрабатывать же эти земли должно было, как и прежде, население, зависимое от владельцев земли. За предоставление права пользования землей владельцы взимали от одной пятой до одной трети урожая. Землевладельцы в свою очередь вносили государству поземельный налог (харадж). Арабы обогатили сельское хозяйство И. введением ряда восточных и южных культур: риса, сахарного тростника, гранатового дерева и др. Несмотря на запрет Кораном вина, пробивало себе дорогу и виноградарство, а с ним и виноделие,

получившие большое развитие в ряде местностей (напр. Малага, Хаен). Значительную роль в улучшении методов ведения сельского хозяйства сыграла введенная арабами система оросительных каналов (в Гранаде, Мурсии, Валенсии и др.).

Развитие сельского хозяйства, скотоводства, горнодобывающей (золото, серебро, драгоценные камни, мрамор и т. д.) и обрабатывающей промышленности способствовало развитию торговли и росту городов. Города были не только торговыми и транзитными, но и промышленными центрами. Созданные маврами различные отрасли промышленности были как бы специализированы между отдельными городами. В Толедо вырабатывались стальные клинки, в Гранаде—шелковые ткани, в Куэнке—шерстяные; Кордова была известна шелковыми, шерстяными и особенно кожаными изделиями, Альмерия—парчей и художественными изделиями из стекла, железа и бронзы, Валенсия—пряностями и сахаром, Хатива—производством тряпичной бумаги, впервые введенной арабами, и т. д.—Большие города достигли к 10 в. чрезвычайного расцвета, в особенности Кордова, где один из наиболее выдающихся Омайядов Абдеррахман III провозгласил себя в 929 халифом, благодаря чему наряду с халифатами в Багдаде и Египте появился *Кордовский халифат* (см.). Кордова стала одним из крупнейших в Европе центров промышленности, торговли и культуры той эпохи. При Абдеррахмане III (912—961) в Кордове было более полумиллиона жителей, около 200 тыс. жилых домов, 600 мечетей, 900 бань и ряд дворцов. Кордовская библиотека содержала около 400 тыс. томов. Кордовский университет в течение двух веков (9 и 10) был знаменитейшим в Европе, в него стекались слушатели из разных стран Запада и Востока. Даже католическая монахиня (саксонская поэтесса 10 в.) прославляла в своем стихотворении Кордову, как «светлую красу мира, юный, чудный город, сияющий в блеске всех богатств».

Обширная торговля И., ведшаяся арабами и евреями, шла главным образом морским путем. Арабские и еврейские купцы поддерживали оживленную связь с портами Африки, Италии и Леванта, а сухопутную торговлю вели через Пиренеи с Юж. Францией и Ломбардией. Из Севильи, бывшей одним из главных испанских портов (по Гвадалквивиру), вывозились хлопок, оливки, винные ягоды и т. д.; через Малагу и Хаен вывозили шафран, перец, сахар, вино, фрукты, шелк-сырец, мрамор, драгоценные камни и т. д.; в Альмерии были обширные по тому времени корабельные верфи. Особенно активная торговля велась с Византией. Через нее испанские товары направлялись дальше в Среднюю Азию, Индию, к черноморским берегам. Широкое распространение имела торговля рабами. Испанский торговый флот был тогда одним из сильнейших, а во времена Абдеррахмана III—даже самым могущественным.

Кордовский халифат просуществовал 3 века — 8, 9 и 10 (сначала как эмират, затем как халифат). За это время арабская культура—науки, искусства, литература — продолжала развиваться на Пиренейском п-ове. Культура арабов, которые держали в своих руках центр современного им мира—Средиземноморский бассейн, — отличалась значительной высотой. Бо́льшая часть арабов была грамотной, что представляло исключительное явление в средние века. Кроме Кордовской библиотеки существовало еще обширное собрание памятников письменности в Альмерии. Позднее, в 12—13 вв., в арабской И. выдвинулись знаменитые философы — Ибн-Рошд (*Аверроэс*, см.), еврейский мыслитель *Маймонид* (см.). Блестящие успехи были достигнуты в области математики, географии, медицины. Наряду с наукой процветало искусство, великолепные памятники к-рого сохранились до нашего времени [мечети в Кордове и Толедо, Альказар в Севильи и Альгамбра в Гранаде, бывшей последним оплотом мавританского владычества (13—14 вв.). См. *Мавританское искусство*]. Но феодальная раздробленность этого государства привела к его распаду в 1031 на ряд независимых королевств и республик. В 11 в. на Пиренейском п-ове появились новые потоки берберов из Африки. В 1090—1103 *альморавиды* (см.) завоевали и на короткое время объединили под своей властью разрозненные государства И. В 1147—57 здесь утвердились переправившиеся также из Африки сторонники секты ислама альмохады, но эти попытки объединения страны лишь на короткое время задержали распад мавританской И.

Реконкиста и объединение Испании. Не вся Испания была завоевана арабами. Часть испанцев—вестготов—сумела сохранить свою независимость, утвердившись на севере и северо-западе Пиренейского п-ова, в неприступной горной Астурии. Южные склоны Пиренеев при Карле Великом были завоеваны франками и избежали зависимости от арабов. Постепенно в северной части полуострова выросли феодальные государственные образования—графства, герцогства, королевства, к-рые стремились расширить свои владения. Эти государства стали теснить арабов к югу. Обратное завоевание И. у арабов—реконкиста, длившаяся $4^1/_2$ столетия, начинается с 11 в. после распадения Кордовского халифата. Испанские феодалы в своем наступлении на арабов имели союзников в лице французских рыцарей, искавших за Пиренеями земель и военной добычи. Толпы испанских и французских рыцарей объединялись под предводительством какого-либо смелого, предприимчивого вождя. Знаменитый *Сид Кампеадор* (см.), прославленный испанской рыцарской литературой и возвеличенный французской поэзией герой, был на самом деле алчным и жестоким наемником феодалов, служивший и испанцам и арабам. Набрав дружину беспринципных искателей приключений, Сид в погоне за богатой добычей помогал испанским феодалам и в их междоусобных войнах друг с другом и в борьбе против внешнего врага. В 1094 под его предводительством была отнята Валенсия у арабов. Католическое духовенство также деятельно помогало реконкисте, разжигая религиозную ненависть населения против мавров и организуя «крестовые походы» против неверных. За свое участие в военных действиях церкви и монастыри получали огромные земельные владения и превратились в И. в крупных феодалов (например монашеский орден Сен-Бенито). Особенное значение имели духовно-рыцарские ордена как старые (тамплиеры, иоанниты), так и новые, организовавшиеся специально для целей реконкисты: Калатравы, Санг-Яго де Компостела, Алькантара, сложившиеся в 12 веке.

Горожане и крестьяне принимали под руководством рыцарей и церкви самое активное уча-

стие в завоевании и заселении земель, отнятых у мавров. Реконкиста, начавшись в 11 в., к концу его имела значительные результаты: арабы были оттеснены к югу на большое пространство. Однако призванные ими на помощь альморавиды и альмохады задержали продвижение христианских рыцарей на целое столетие. В 1212 испанцами нанесено было арабам решительное поражение, и с конца 12 в. реконкиста началась с новой силой. К 1248 в руках мусульман осталась на юге полуострова только *Гранада* (см.), к-рую арабы под владычеством династии Насридов (1232—1482) удерживали в своей власти до конца 15 в.

Вся освобожденная территория перешла в руки испанских феодалов, основавших здесь ряд новых государств. На западе сложились Астурия, Леон с Галисией и Кастилия, на востоке — Наварра, Арагония и Каталония. Социальный строй этих феодальных государств складывался не совсем одинаково. Старейшим испанским королевством была Астурия со столицей Овиедо. Это королевство возникло в 8 в. при Пелайо, объединившим силы вестготских феодалов для приостановки победоносного продвижения арабов. Пелайо был избран королем (718—737). В борьбе с арабами и местными феодалами Астурия подчинила себе Галисию, закрепив ее за собой в конце 9 в., северную часть Португалии и др. земли. В 910 Астурийское королевство распалось на собственно Астурию, Галисию и Леон. В 924 эти земли были вновь объединены Леоном. В этих областях добывали железо, из к-рого выделывали оружие и плуги, а также развивалась текстильная промышленность (выработка льняных и шелковых тканей).

Арагония возникла на востоке полуострова (в 9 в. была сначала графством и с 11 в. стала королевством). Столицей Арагонии, заключившей в 11 в. унию с Наваррским королевством, стала Сарагосса, отвоеванная у арабов в 1118. Реконкиста была проведена под руководством дворян, к-рые захватили в свои руки почти все завоеванные у арабов земли, только часть их они вынуждены были уступить церквам и монастырям. Феодальный гнет над крепостным крестьянством в Арагонии был чрезвычайно силен: сеньоры имели вплоть до 14 века право жизни и смерти над своими крепостными, могли морить их голодом и жаждой. Привилегии арагонских дворян были чрезвычайны даже для средневековой И.: они не платили никаких налогов, могли создавать политические союзы, до 14 века они могли объявлять войну своему королю, низлагать и выбирать его. Арагонские кортесы (сословное представительство), собиравшиеся с 1274, пользовались исключительным влиянием. При вступлении на престол короли принуждены были давать клятвенное обязательство хранить все сословные вольности. Законы, издаваемые верховной властью, получали силу лишь по утверждении их этим учреждением—кортесами. Кортесы имели право привлекать к ответственности любого представителя королевской администрации и даже принимали жалобы на короля. Они решали политические вопросы, а также ведали налоговым обложением.

Для защиты своих привилегий и вольностей арагонское дворянство создало в 14 в. особый орган—несменяемого и пожизненно назначаемого из его среды верховного судью (Justicia Mayor), наделенного огромными полномочиями. Возможность оказывать через посредство этого судьи легальное сопротивление незаконным действиям короля была приобретена арагонскими феодалами взамен уничтоженной в середине 14 в. так называемой Привилегии уний, действовавшей в эпоху реконкисты, представлявшей феодалам право вооруженного сопротивления. Могущество феодалов в органах политического господства вполне отвечало их ничем не ограниченной власти в области социально-экономических отношений. В промежутках между созывами кортесов (раз в два года) их заменяла так наз. «Депутация королевства», состоявшая из восьми представителей: по два от каждой сословной группы членов кортесов (т. е. духовенства, высшего дворянства, среднего и низшего дворянства и городов). На обязанности Депутации лежала охрана фуэросов, т. е. прав, дарованных в особых грамотах тому или иному сословию, городу и т. д., от посягательств короля. Представительство городских общин было ограничено лишь несколькими городами.

Каталония (см.), расположенная на приморской полосе, имела другой характер, сохранившийся и после династической унии 1137 с Арагонией. Здесь значительного роста достигли города, к-рые вели оживленную средиземноморскую торговлю. Сильный торговый флот и развитая внешняя торговля в 13 в. превратили Арагонию (в состав к-рой с 12 в. вошла Каталония) в значительную морскую державу, располагавшую колониями. Объединенное Арагоно-Каталонское государство овладело Сицилией, Балеарскими о-вами и Сардинией (с 14 в.). Таким образом каталонцы в своих торговых связях с восточными странами конкурировали с итальянскими городами: ими были установлены правила судоходства и торговли, признанные обязательными в гаванях Средиземного моря. Города Каталонии специализировались на производстве кожаных и металлических товаров, корабельного оборудования. Текстильная промышленность (выработка льняных тканей) также достигла здесь значительного развития. Каталонские промышленные товары широко экспортировались на внешний рынок.

Нек-рые из каталонских городов добиваются широкой муниципальной автономии и даже в отдельных случаях (Барселона) права внешних сношений и самостоятельности в области налогов, финансов и торговли. Этот рост экономического и политического могущества городских общин Каталонии вызвал стремление феодалов проникнуть в состав правящей верхушки городов, что привело к созданию городского патрициата из феодальных и купеческих элементов и к увеличению удельного веса городского представительства в каталонских кортесах 13—14 вв. Исключительное значение представительных учреждений Испании Маркс объяснял в своей статье «Революционная Испания» так: «В формировании испанского королевства имелись условия, исключительно благоприятные для ограничения королевской власти. С одной стороны, отдельные участки территории были отвоеваны и превращены в особые королевства в течение долгих войн с арабами. В этих войнах возникли народные законы и обычаи. Постепенное завоевание, совершенное главным образом знатью, чрезвычайно усилило ее могущество и в то же время уменьшило власть короля. С другой стороны, населенные пункты и города внутри страны достигли крупного значения, ибо жители вынуждены были селиться

вместе в укрепленных местах и искать безопасности от непрерывных вторжений мавров; в то же время полуостровная форма Испании и постоянные сношения с Провансом и Италией создали первоклассные торговые приморские города на побережьи» (Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 719). Каталония, испытавшая на себе длительное воздействие французских феодальных учреждений, распадалась на множество крупных и мелких феодальных владений, среди которых наибольшее значение приобретает Барселонское графство.

Росту значения каталонских городов отчасти способствовало и географич. положение страны, облегчавшее развитие торговых связей с Юж. Францией, Италией, Египтом, Византией, Кипром и др. странами. Однако с ростом городов феодализационные процессы в Каталонии не прекратились. Каталонские сеньоры, заинтересованные в экспорте своих сельскохозяйственных товаров, увеличивали тяжесть феодальных повинностей, ложившихся на крестьянство. Крестьянство отвечало на этот грабеж восстаниями. В 1462 вспыхнуло восстание *ременсов* (см.), требовавших равенства в распределении земель среди землевладельцев. Своеобразный характер носила объединенная с 1037 с Леоном *Кастилия* (см.)—«страна замков» (Castella). Это срединное и самое крупное государство полуострова вынесло главную тяжесть борьбы с арабами и из всех испанских государств одержало наиболее значительные победы в период реконкисты.

В 1085 Кастилия отвоевала у арабов Толедо и перенесла сюда свою столицу (из Бургоса). В Кастилии, где в завоевании и заселении земель большое участие принимали и города, развитие последних пошло по несколько иному пути развития, чем образование других испанских городов. Кастильские города возникали как укрепленные пункты в пограничных областях. К военному пункту примыкали крестьяне и ремесленники, которые обслуживали военное население и поставляли новых воинов из своей среды. В случае тревоги города быстро выставляли внушительные вооруженные силы пеших и конных воинов. Последние имели особенно важное значение в развертывавшихся битвах. Городские всадники в силу этого приобрели и внутри города руководящее значение. В их руках находилось муниципальное управление и на их долю приходились все достигнутые в борьбе городские вольности и привилегии. Нередко городские всадники получали от короля Кастилии пожалование дворянством. Тогда они становились в ряды испанских рыцарей — гидальго, единственным призванием к-рых была война и которые презирали всякую мирную деятельность. Кастильские города добились больших привилегий, обеспечивших им большую степень независимости. Уже с 1169 они получили доступ в кортесы, а с конца 13 в. объединились в *германдады* (см.) для защиты своих прав и вольностей (фуэрос) от всяких посягательств. Кастильское крестьянство в процессе реконкисты сумело добиться для себя значительных для той эпохи вольностей. Недостаток рабочих рук и людских запасов для войска заставлял королей и рыцарство привлекать в Кастилию на льготных условиях крестьянское население, к-рое помогало отвоевывать земли у мавров и затем колонизовать их. Образовалась таким образом свободная прослойка в сельском населении—вольные крестьянские общины (бегетрии), составлявшие к половине 14 века $^1/_3$ всего сельского населения Кастилии. Эти вольные общины с оружием в руках защищали свои привилегии от покушений со стороны феодальных сеньоров. Крестьянские восстания происходили неоднократно. Особенную известность приобрело крупное крестьянское восстание уже в период завершения реконкисты, в 15 веке, так называемых германдиносов (hermandinos—братья), которые осадили Сант-Яго. Германдиносы в 1437 потерпели поражение, тем не менее брожение среди крестьян продолжалось. В правление Энрике IV Бессильного (1454—74) это движение вспыхнуло с новой силой, охватив всю Галисию. Германдиносы под предводительством Педро Осорио, Диего Лемоса и Альфонса Лансоса разрушали замки феодалов, истребляя своих угнетателей. Крестьянские отряды под начальством упомянутых руководителей были один за другим разбиты графом Каминья, на помощь которому поспешили другие сеньоры при участии архиепископа Альфонса Фонсека.

Однако феодализационный процесс захватывал и свободные общины: они должны были находиться в юрисдикции определенного сеньора и нести в его пользу определенные повинности, но имели право выбирать его по своему желанию и менять неограниченное количество раз («до семи раз в день», как говорят современные памятники). Значительный удельный вес крестьянства Кастилии, страны в основном аграрной, сказался и в том, что его представители заседали в кортесах. Но по мере развития реконкисты земледелие по сравнению с эпохой арабского владычества стало приходить в упадок: прекрасные оросительные сооружения, являвшиеся плодом высокой культуры, были разрушены, многие из усовершенствований, внесенных арабами в сельское хозяйство, совершенно забыты. В результате длительных и упорных боев эпохи реконкисты пашни были приведены в негодность и запущены. Но вследствие упадка земледелия в нек-рых областях Кастилии ему на смену пришло овцеводство, обусловившее впоследствии развитие шерстяной текстильной промышленности.

Наварра (см.) не вела наступления на арабов. Это обусловливалось прежде всего географич. положением этого небольшого государства, расположенного в Пиренейских горах и отрезанного от моря. Наварра была окружена со всех сторон могущественными феодальными государствами: Кастилией, Арагоном и Францией. Временами она даже теряла свою независимость, как напр. между 1076 и 1134, когда должна была подчиниться власти Арагонской династии. В 1512 южная часть Наварры была захвачена арагонским королем Фердинандом, а северная часть, расположенная за Пиренеями, перешла к Франции. Наварра не играла большой роли в истории Испании. Население этой страны, преимущественно баски, даже в 15 веке едва составляло 100 тысяч человек. По своему социально-экономическому укладу Наварра не отличалась от других испанских феодальных государств. Можно отметить только сугубо аграрный характер страны. Города Наварры, хотя и не представляли собой крупных промышленных центров, все же пользовались самоуправлением.

Объединение И. Реконкиста имела своим последствием укрепление и объединение

испанских государств. Брак арагонского инфанта Фердинанда (см. *Фердинанд Католик*) с наследницей Кастилии *Изабеллой* (см.) оформил стремление господствующих классов обоих важнейших государств И. к политическому объединению. С 1474 Изабелла сделалась королевой, а Фердинанд—ее соправителем. Вступление его самого через пять лет на арагонский престол объединило династической унией оба королевства. Изабелле удалось с помощью рыцарства и городов начать усиленную борьбу за королевский абсолютизм. В этой борьбе феодалы были лишены не только своих старинных привилегий, но часто и имущества, нередко превышавшего у отдельных сеньеров богатства самой королевы. Изабелла использовала для усиления своей власти организацию городских братств, которая, будучи преобразована в так называемую «святую германдаду», получила права высшего суда по уголовным делам, и с помощью своей милиции беспощадно расправлялась с мятежными феодалами. Но как только германдада выполнила свое назначение и помогла королевской администрации укрепиться, эта организация была ликвидирована и последующими реорганизациями сведена до роли обыкновенной полиции, в каковом виде и просуществовала до 19 в.

Под властью Фердинанда и Изабеллы оказались Арагония, Кастилия, Астурия, Галисия, а с 1512 и королевство Наварра. Наряду с уничтожением их государственной обособленности Арагония и Кастилия утратили черты сословных монархий. Первые же шаги абсолютизма были связаны с реформой управления в сторону его централизации. Интенсивно создавались единые для всей монархии органы, ликвидировались пережитки прошлого. До сих пор королевская власть сильно ограничивалась заседавшей в кортесах феодальной аристократией. Объединение И. в единое целое превратило кортесы в местные учреждения. Они стали послушным орудием королевской власти и оказывали ей поддержку в деле централизации управления страной. Немалое значение имело то обстоятельство, что члены кортесов стали получать диеты, т. е. подачки из королевской казны, что не могло не отразиться на их самостоятельности. Далее, по установившемуся обычаю большинство высших должностей в государственных органах и в армии было фамильным достоянием знати. Теперь же абсолютная монархия, опиравшаяся на рыцарство и города, сохранив за грандами почетные должности, передала действительные функции управления в руки чиновников, выходцев из городского сословия. Наряду с этим усилившийся абсолютизм отменил многие старинные привилегии и вольности, дарованные отдельным сеньорам и местностям. У феодалов было отнято право частной войны, чеканки монеты и верховного суда в пределах их владений. Феодалы стали превращаться в покорных слуг королевской власти—придворных и военных, если только они не предпочитали сидеть вдали от двора в своих замках, немалое число к-рых (около 50) было разрушено во время борьбы Изабеллы с феодалами. Возведение же новых замков, а также подновление старых крепостей сеньоров было строжайше запрещено. В более выгодном положении оказались феодалы духовные—епископы, монастыри. Правда, центральная власть дала и им почувствовать свою силу. Духовно-рыцарские ордена, конкурировавшие своими богатствами и политическим влиянием с самими королями, были поставлены с согласия папы в непосредственную зависимость от королевской власти. Главой («маэстре») этих орденов теперь стал сам король Фердинанд. Доходы орденов стали поступать в государственную казну, что, усилив финансовую базу короля, сделало ее независимой от финансовой поддержки кортесов. Этим союзом с церковью Изабелла и Фердинанд заслужили впоследствии у папского престола звание «католических». Лучше всего об огромной роли духовенства и церкви как союзников королевской власти говорит факт учреждения и широкой деятельности святейшей *инквизиции* (см.). «Благодаря инквизиции церковь превратилась в самое страшное орудие абсолютизма» (Маркс и Энгельс, Сочинения, том X, стр. 720). В Арагоне, Каталонии и Наварре инквизиция существовала уже в 13 веке для борьбы с альбигойской ересью (см. *Альбигойцы*). В 1478 папа Сикст IV разрешил Кастильской короне введение новой инквизиции, и в 1480 был учрежден в Севилье первый трибунал. Задачей инквизиции было содействовать королю в укреплении его власти; инквизиция должна была преследовать еретиков, а также тех евреев и мавров, которые, будучи вынуждены принять христианство, втайне исповедывали свою религию или относились отрицательно к навязанной им религии. Особенное внимание инквизиция уделяла наиболее богатым слоям населения. Инквизиция была для «католических королей» превосходным орудием укрепления государственного единства Испании и средством увеличения государственных доходов за счет конфискаций имуществ осужденных «еретиков». При помощи инквизиции короли расправлялись со своими политическими противниками, предавая их казни и конфискуя их имущество. Инквизиция была таким же звеном в мероприятиях абсолютных монархов И., как и упорядочение денежного хозяйства и всей финансовой системы, отмена феодальных привилегий, уничтожение внутренних таможенных границ, организация высших судебных органов (королевских «аудиенций») и различных административных «советов».

Внутреннее объединение Испании и торжество абсолютизма способствовали завершению при Изабелле и Фердинанде реконкисты. Мавры оставались еще на юго-востоке Пиренейского полуострова, в Гранаде, они уже давно платили дань Кастилии и сохраняли свою независимость только благодаря раздорам в лагере противников. С 1482 «католические короли», воспользовавшись рядом дворцовых переворотов в Гранаде, возобновили борьбу против последнего оплота арабской власти в И. Несколько последовательных воен. экспедиций позволили испанцам оккупировать всю территорию Гранады, после чего (с 1491) город был блокирован и спустя 7 месяцев (1492) капитулировал на условиях сохранения жителями их учреждений, языка и религии. Победители однако скоро нарушили свои обещания. Жертвами преследований прежде всего сделались евреи. По одним источникам 165 тыс., по другим—800 тыс. евреев принуждены были выселиться из И. (причем им было запрещено брать с собой золото и серебро). Мавры покоренной Гранады оказались в таком же положении. Те из них, к-рые не захотели перейти в христианство, должны были оставить И. Покидая Гранаду, глава каж-

дого мавританского семейства должен был внести в государственную кассу крупную сумму «за разрешение». Таким образом операция по выселению иноверцев принесла христианским королям немалую прибыль. Оставшиеся в И. крещеные мавры («мориски»), как и евреи, сделались предметом особого внимания священной инквизиции и не избавились от гонений и в последующее время.

Одновременно с окончанием реконкисты испанские войска совершили ряд экспедиций в Сев. Африку, где овладели Азамором, Алхусемасом, Фадалой (1490) и Мелиллой (1497), а также несколько крупных походов в Италию. Италия, являвшаяся в эту эпоху центром европейской торговли, представляла огромный интерес для завоевателей: И., Франция и Германия пытались завладеть итал. торговыми городами. В результате войн в Италии И. упрочила свою власть в Сицилии и Неаполе и оказалась преобладающей державой на Апеннинском п-ове. Благодаря многочисленным походам испанское войско реорганизовалось, усовершенствовалась система рекрутирования с подразделением войска на действующую армию и резерв, была улучшена артиллерия и создана знаменитая испанская пехота на основе небывалой по тем временам дисциплины. В то же время растет и улучшается испанский военный флот (постройка кораблей свыше 600 *т*), включавший 3 основных звена—кантабрийское, каталонское и андалузское—и преобладавший над другими флотами в Средиземном море. Не ограничившись отвоеванием у мавров Пиренейского п-ва, испанцы перенесли военные действия на Северо-африканское побережье. В 1502 И. утвердилась в ряде пунктов на побережьи Марокко; в 1509—10 были завоеваны гг. Алжир и Оран, в 1520 взят Триполи, в 1535—Тунис.

В положении крестьянства при Фердинанде и Изабелле произошли большие перемены. Сельское хозяйство И. перестало быть натуральным. Рост товарности сельского хозяйства делал невыгодным крепостной труд. С другой стороны, королевская власть боролась в эту эпоху (вторая половина 15 в.) с привилегиями крупных феодалов; ей важно было лишить их больших контингентов зависимых от них людей. Крестьяне Каталонии, использовав благоприятный момент столкновения интересов королевской власти и грандов, восстали в 1462. Много владений светских и церковных сеньеров было разрушено. Однако это восстание не дало еще решительных результатов, и в 1484 вспыхнуло новое крупное восстание каталонских крестьян под руководством Педро Хуан Сала—также крепостного,—требовавшего уравнительной справедливости в распределении земли между хлебопашцами. Восставшие требовали также освобождения от крепостной зависимости и отмены феодальных повинностей. Требования восставших были частично удовлетворены. По указу 1486 крепостная зависимость и юрисдикция сеньеров были отменены, «дурные обычаи», т. е. тяжелые и унизительные феодальные повинности, также перестали существовать. Однако за право земельного держания крестьяне должны были вносить землевладельцам высокие выкупные платежи, это разорило многих крестьян и заставило их искать средств жизни в городе.

В значительной мере подорвал развитие сельского хозяйства запрет экспорта хлеба и шерсти из Испании как страны аграрной.

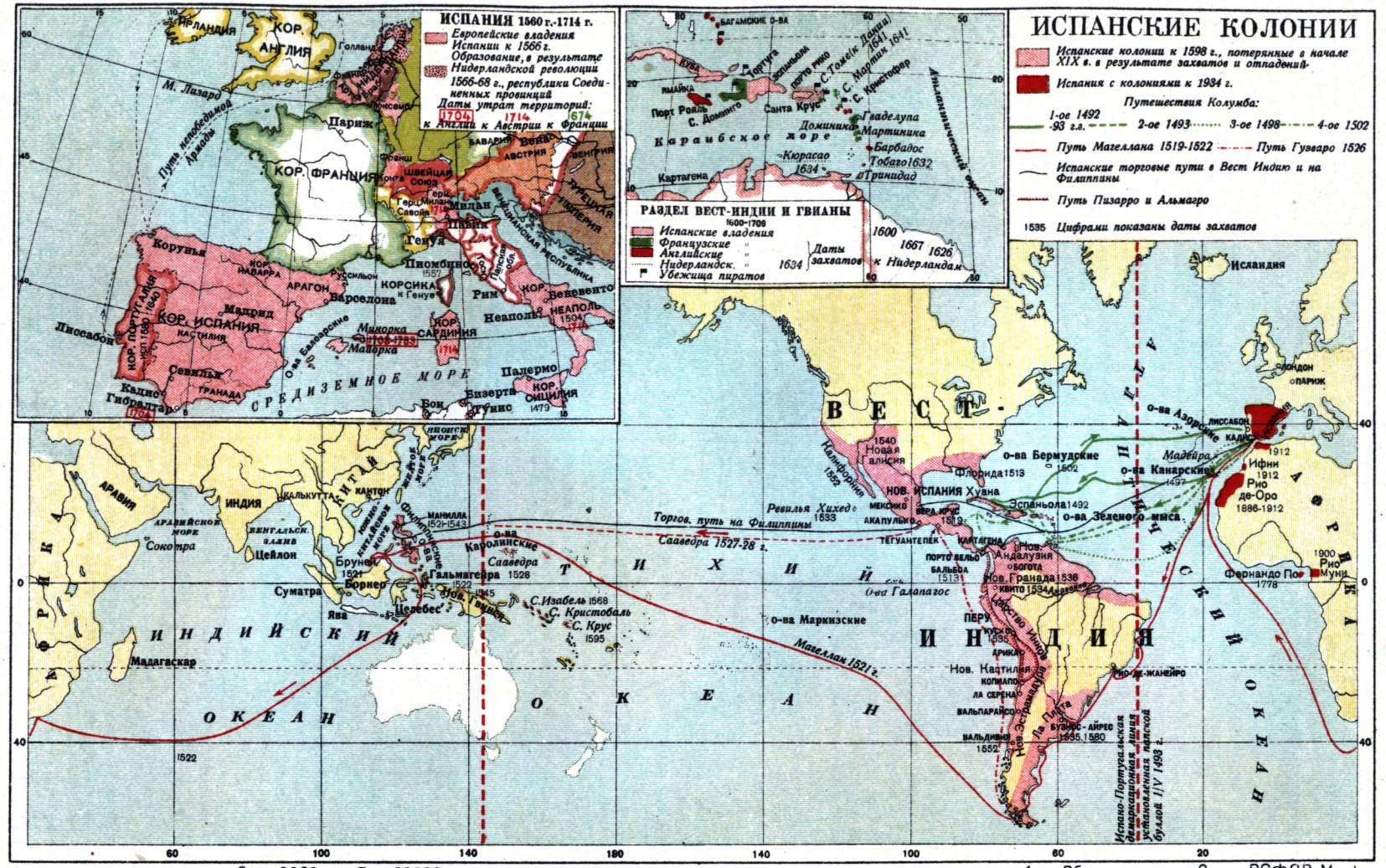
Однако упадок земледелия возмещался развитием промышленности. Запрещение вывоза сырой шерсти было толчком к расширению ее обработки; производство и вывоз сукон сделались одним из важнейших источников дохода. Чрезвычайного развития достигло шелковое производство (Гранада, Валенсия, Толедо); в производстве холодного оружия И. не знала соперников; добыча и обработка железа процветали в Бискайе. Возникли многочисленные и обширные мануфактуры: Кордова, Сарагосса, Барселона стали крупными промышленными центрами. В 1511 появился общий цеховой устав. Испанские товары проникали во Фландрию, Италию, Францию и Англию, на Африканское побережье, в Турцию. Внутри Испании торговля, с участием иностранных купцов, в особенности сосредоточивается на ярмарках в Сеговии, Вальядолиде, Толедо и Мединедель-Кампо.

В царствование Фердинанда и Изабеллы произошло событие величайшей важности не только для И., но и для всего мира—открытие *Америки* (см.) (1492). Это событие расширило владения И. до размеров, не имевших прецедента в мировой истории, и предоставило в распоряжение страны огромное количество драгоценных металлов. И. превратилась в могущественную колониальную державу, занимавшую по своим размерам и влиянию первое место в мире. Отныне торговля с Америкой составила монополию И., в связи с этим широкое развитие получили судоходство и судостроение. Севилья, через к-рую шла торговля с Америкой, достигла чрезвычайного расцвета. Позднее выдвинулся порт Кадикс.

ИСПАНИЯ В 16—18 ВЕКАХ.

Захватывая все новые и новые колониальные владения, И. приобретала новые территории и в самой Европе. После смерти Изабеллы в 1504 кастильский престол, под регентством Фердинанда Арагонского, перешел к их дочери Хуане Безумной. Ее муж Филипп I Красивый, австрийский эрцгерцог из дома Габсбургов, был незадолго до своей смерти признан королем Кастилии (в 1506). Этот факт имел значение потому, что, оказавшись по наследству с материнской стороны обладателем Нидерландов, Филипп I, вступая на кастильский престол, соединил Нидерланды с И.

Унаследовавший затем и арагонский и кастильский престолы Карл I Габсбург (1515—55) был избран в 1519 императором Священной Римской империи германской нации под именем *Карла V* (см.). Таким образом к обширным владениям Изабеллы и Фердинанда Католических теперь присоединилась еще и громадная *Священная Римская империя германской нации* (см.). При Карле I (V) И. сделалась самым могущественным государством эпохи. Энергичная внешняя политика еще более расширяла земли империи Карла, в которой «от края до края никогда не заходило солнце». В течение первых 7 лет царствования Карла испанскими конкистадорами во главе с Фердинандом Кортесом была захвачена Мексика, в 1532—34 под руководством Писарро—огромное государство инков—Перу, в 1535 под начальством Альмагро было предпринято завоевание Чили, в 1536—1538 Кесада покорил государство чибчасов, на территории которого была создана испанская колония Новая Гранада (ныне Колумбия). В 1528 было приступлено к колонизации Венесуэ-



Зак. 2922 Тир 56000

1-ая Образцовая тип. Огиза РСФСР Москва

лы, Ла-Платы (часть будущей Аргентины) и Панамского перешейка в Центр. Америке. Руководивший испанской экспедицией португалец Магелан в 1520 обогнул южную оконечность американского материка и в 1521 пытался присоединить Филиппины к И. Испанцы открыли также ряд других архипелагов в Тихом океане. Наоборот, действия их в Средиземном море, где они встретили наступательное движение турок, были не всегда удачными. Несмотря на поддержку *иоаннитов* (см.), к-рым Карл I (V) уступил в 1528 Триполи, он должен был в 1529 отдать г. Алжир туркам.

При Карле I абсолютизм еще более упрочил свои позиции в И., использовав антагонизм и открытую борьбу двух сословий: дворянства и правящей верхушки городов. Уже в самом начале царствования Карлу пришлось выдержать борьбу с кортесами Кастилии, Арагонии и Каталонии. Внешним поводом было недовольство королевской администрацией, состоявшей сплошь из иностранцев, фламандцев и бургундцев, к-рых Карл привел с собой в И. из Нидерландов, откуда происходил сам. Будучи к тому же плохо знакомым со страной и ее порядками, король вызвал резкое раздражение у городов, права которых он игнорировал. В 1520 вспыхнуло восстание коммунеросов, представителей городских коммун, принявшее скоро угрожающий характер. Помимо устранения чужеземцев из управления основными требованиями восставших были: уравнение в платеже налогов аристократии и духовенства с остальным населением, уничтожение инквизиционных трибуналов, ограничение королевской власти кортесами. Таким образом программа коммунеросов главным образом была заострена против королевской камарильи и дворянства. Дворянство активно поддерживало монархию, являвшуюся выразителем ее классовых интересов. Движение против чужеземцев отражало борьбу между городской буржуазией, поддержанной городскими низами, и дворянством. Это обострение антагонизма между двумя крупнейшими сословиями было использовано Карлом I (V) для закрепления системы абсолютизма (Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 720). Коммунеросы во главе с вождем Хуаном де Падилья были разбиты дворянским ополчением при Вильяларе в 1521, после чего все города, принимавшие участие в восстании, должны были сложить оружие. После подавления восстания коммунеросов и казни вождей движения из состава кортесов было удалено дворянство, недовольное иноземными советниками короля, и кортесы лишились всякого самостоятельного значения, беспрекословно снабжая Карла деньгами для многочисленных войн с Францией за владения в Северной Италии, с протестантскими немецкими князьями, объединившимися в 1531 против императора в *Шмалькальденский союз* (см.), с турками в Европе и Сев. Африке.

В 1535 испанцы овладели Тунисом, потеряв при этом вследствие бури бо́льшую часть своих кораблей. Военная помощь была оказана и Вене, осажденной турецкими войсками под начальством *Сулеймана Великолепного* (см.). Войско Карла, состоявшее из испанцев, итальянцев и немцев, заставило Сулеймана отступить (1532). Постоянные войны в отдаленных краях в связи с усложнением военной техники и методов ведения войны поглощали огромные суммы. Огромные доходы от вновь открытых и завоеванных земель в Америке не спасали государственный бюджет И. от хронических дефицитов и все возраставшей задолженности *Фуггерам* (см.) и др. банкирам.

Уже при Карле I (V) обнаруживается заметное падение испан. земледелия. Помимо перехода к овцеводству (см. выше), этому содействовало огромное скопление земель в руках монастырей, к-рые обрабатывали их либо очень плохо либо оставляли в запущенном состоянии. Но промышленность продолжала развиваться. Фабрики Сеговии выпускали около 25.000 кусков сукна ежегодно и занимали 34.000 рабочих; в Севилье (в 1519) насчитывалось 16.000 шелковых фабрик и 130.000 рабочих; Севилья сохраняла также монополию торговли с Америкой.

«Если после царствования Карла I политический и социальный упадок Испании обнаруживал все позорные симптомы медленного разложения...,—пишет Маркс в статье «Революционная Испания»,—то все же при этом императоре прах древних вольностей покоился по крайней мере в пышной гробнице. То было время, когда Васко-Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дариена, Кортес—в Мексике, Писарро—в Перу; то было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Свобода Испании исчезала... но вокруг лились потоки золота, звенели мечи, и зловеще горело зарево костров инквизиции» (Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 720—721).

Эпоха сына и преемника Карла, *Филиппа II* (см., 1555—98), является для И. переломной. С одной стороны, это было время величайшего внешнего блеска И.; с другой, уже обнаружились—в особенности к концу правления Филиппа II—все признаки наступившего экономического и политического упадка. Филипп II не унаследовал императорской короны своего отца, но территориальные богатства И. при нем простирались на оба полушария и обнимали в Европе—Неаполь, Сицилию, Сардинию, Ломбардию, Франш-Конте, Нидерланды, Балеарские о-ва, Португалию (с 1580) и др.; в Африке—Оран, Тунис и др.; в Америке—Мексику, Перу, Сан-Доминго и Кубу; наконец в Океании—Филиппины и часть Молукков. Правление Филиппа II было насквозь пронизано сохранившимся от эпохи реконкисты и объединения религиозным фанатизмом. Король был верным проводником устремлений воинствующего католицизма. Тюрьмы были переполнены «еретиками»; костры инквизиции не переставали пылать. Получив от папы почетное звание «викария святейшего престола», Филипп II потребовал от мориско́в, которых инквизиция подозревала в твердой приверженности к своей старой мусульманской религии, отказа не только от своего языка, своих обычаев и нравов, но даже от своей привычной одежды. Мирные мориски были вынуждены к восстанию, которое (с центром в Альпухарре) продолжалось ок. 3 лет (1568—1570) и было жестоко подавлено. Около 400.000 мориско́в были выселены из насиженных мест (Гранада) и рассеялись по всей И., что однако не спасло их от дальнейших погромов. Все эти мероприятия имели огромное экономическое значение, поскольку они сокращали количество трудового населения в стране. От них страдало не только с. х-во, но и промышленность, к-рая стала отставать от промышленно-

сти других стран. Уже стал заметно сокращаться испанский торговый флот, к-рый, правда, все же был еще довольно значителен (в 1586 он состоял более чем из 1.000 судов). Между тем из Америки продолжал литься в И. золотой поток. По данным Гумбольдта, от 1545 по 1700 И. получила из Америки золота на 3.025 млрд. фр. Обилие золота, чрезвычайно повысившее покупательскую способность И., и развитие промышленности в других странах имели своим естественным последствием наводнение И. чужеземными промышленными товарами. Крайнее развитие протекционизма не спасло испанскую промышленность. В то же время цены стали быстро и резко возрастать. Борьбу с революцией цен Филипп предоставил кортесам. Была снова введена, по примеру Изабеллы Кастильской, максимальная цена на хлеб, был запрещен вывоз золота за границу, повышены пошлины на ввозимые из-за границы товары. Успеха эти мероприятия не имели. А т. к. войны во время Филиппа были так же многочисленны, как и во время Карла I, то налоговый пресс работал без устали. Был установлен 10%-ный налог на все сделки по купле-продаже, т.н. «элькабала». Обложены были также промыслы и имущества — все, кроме духовных. В интересах фиска широко развернулась продажа государственных должностей. Пришлось прибегнуть и к внешним займам, по к-рым вначале государство почти ничего не уплачивало.

Ухудшавшееся экономическое положение заставило *Филиппа II* (см.) усилить завоевательную политику Карла I (V). Война с Генрихом II Французским, унаследованная от отца, застала его в Англии, куда он поехал заключать брак с принцессой Марией Тюдор. Благодаря этому браку Филипп II с 1554—58 был принцем-консортом Англии. Свое положение Филипп использовал для того, чтобы присоединить 10.000 англичан к испанцам, итальянцам, немцам и фламандцам, составлявшим его войско. Французы были разбиты. На долю И. выпал внешний успех, но для ее финансов начался период жестоких потрясений. Большое потрясение испанскому абсолютизму и могуществу И. было нанесено во второй половине 16 века *Нидерландской революцией* (см.) (см. также *Фландрия*). В то время как Карл V отчасти поддерживал народившуюся в Нидерландах буржуазию, Филипп игнорировал ее интересы и организовал жестокие репрессии против протестантизма как религиозного отражения роста значения буржуазии в передовых по своему экономическому развитию Нидерландах. Противокатолическое движение, террористически подавленное герцогом *Альбой* (см.), было лишь началом большой революц. борьбы Нидерландов за независимость, кончившейся потерей для И. большей части ее владений в Нидерландах (1609). От И. отторгнуты были все северные провинции, за нею сохранилась лишь Юж. Фландрия. Это была победа буржуазии Нидерландов над испанским абсолютизмом. Потеря Нидерландов означала потерю главного финансового источника И. Не более удачно было вмешательство Филиппа в борьбу между католиками и *гугенотами* (см.) во Франции. Филипп II стал на сторону католиков не столько из католического фанатизма, сколько и гл. обр. потому, что усматривал в гугенотах, связанных с буржуазией, противников абсолютной королевской власти.

Но более всего обострились отношения с Англией, с которой шла жестокая борьба за колонии; кроме того королева Елизавета Английская была если не союзницей, то защитницей гугенотов; и английские войска к тому же оказали помощь Нидерландам. Казнь Марии Стюарт, представительницы феодально-католической реакции в Англии, и нападение британского флота под начальством Френсиса *Дрека* (см.) привели Филиппа II к решению «примерно наказать» Англию, направив против нее свою знаменитую «непобедимую *Армаду*» (см.). Но «непобедимая Армада» была разбита в 1588, и в торговом соперничестве, лежавшем в основе религиозного антагонизма И. и Англии, преимущество стало устанавливаться на стороне Англии. В 16 и 17 вв. Англия (вместе с Нидерландами) отняла у И. бо́льшую часть островов в Тихом океане. Более успешна была война И. с *Португалией* (см.), которая была занята войсками герцога Альбы и около столетия затем (1580—1640) оставалась объединенной с И. Успешно протекали и войны с турками (помощь Мальте в 1565; победа при Лепанто в 1571)—под предводительством Дон Хуана Австрийского.

Эпоха национального упадка. Наметившийся при Филиппе II перелом превратился в стремительный упадок при его преемниках—Филиппе III, Филиппе IV и Карле II (1665—1700). Испанский абсолютизм все более загнивал, обращаясь в деспотию азиатского типа. Филипп III, унаследовавший территорию, к-рая составляла пятую часть мира, с населением в 60 млн., оказался совершенно не в состоянии каким бы то ни было образом управлять своими землями. Власть перешла фактически к его любимцу Франциско Гомец де-Сандовал-и-Рохасу, получившему впоследствии титул герцога Лерма, который свое положение использовал в целях личного обогащения. Важнейшие государственные должности он распределял между своими родственниками. И если государственная казна, истощенная колоссальными тратами Карла V и Филиппа II, пришла при нем в полное расстройство, то его личное состояние поднялось до чудовищной по тем временам цифры—в 44 млн. дукатов. Коррупция достигла невиданных прежде размеров. Войны были неудачны—английская (в союзе с ирландскими католиками) закончилась полным поражением (1604); войско превратилось в полуголодный сброд, более страшный для мирного населения, чем для врагов. Флот разрушался: старые корабли были выведены из строя сражениями и бурями, новые не строились. Несколько лучше обстояло дело в заокеанских землях, где И. овладела Цейлоном, новой частью Молукков и где были открыты Новая Мексика и значительная часть Полинезии. Финансовые затруднения навели авантюристов, стоявших у власти, на мысль о конфискации имущества морисков. Под предлогом связи последних с турками и берберами они, в количестве около 800 тыс. человек, были изгнаны из И. (1609—10). Целые отрасли промышленности—напр. шелковая промышленность—перестали существовать. Шерстяные мануфактуры закрылись в ряде городов (Толедо и др.). Все это имело последствием дальнейшее обезлюдение страны, население к-рой уже во времена Филиппа II не превышало 8 млн. чел. Обезлюдение, происходившее также вследствие постоянной эмиграции в Америку, имело своим следствием ускорение темпов упадка промышленности и земледелия: некоторые плодородные провинции совершенно опустели.

При Филиппе IV (1621—65) шла связанная с *Тридцатилетней войной* (см.) длительная Франко-испанская война (1634—59), во время к-рой в 1640 Португалия с ее колониями вновь отложилась от И., а в Каталонии вспыхнула революция, известная под именем Сегадорской войны (Война жнецов) в 1640—52. Используя крестьянское движение, каталонская буржуазия и знать провозгласили своим верховным правителем франц. короля Людовика XIII, а после его смерти—Людовика XIV. Война с Францией завершилась Пиренейским миром 1659, по к-рому Каталония осталась за И., но граница И. была отодвинута до Пиренеев, и Франции были уступлены часть испанской Фландрии, Артуа и Люксембург. В Вест-Индии, где Испании пришлось выдерживать борьбу с морскими разбойниками—*флибустьерами* (см.), слабо или вовсе не колонизованные Багамские о-ва и Ямайка в период 1655—58 перешли во владение Англии, а Гваделупа и Мартиника в 1635 были заняты французами. В войне 1667—68 с Людовиком XIV И. потеряла по Аахенскому миру 1668 еще ряд городов во Фландрии (Лилль, Шарлеруа, Дуэ и др.). В результате Пфальцской коалиционной войны против Людовика XIV И. по Рисвикскому миру 1697 вернула себе Люксембург, но потеряла западную часть Гаити.

В связи с прекращением в И. Габсбургской династии, возникла в 1701—14 война за *испанское наследство* (см.). Испанский престол перешел к Бурбонам в лице Филиппа V Анжуйского (1700—46), внука Людовика XIV. По Утрехтскому (1713) и Раштадскому миру (1714) И. потеряла захваченный англичанами во время войны Гибралтар, за что ее вознаградили отнятой у Португалии Сеутой и она должна была, взамен отказа австрийских Габсбургов от прав на испанский престол, отдать Австрии остатки своих владений в Юж. Фландрии, Люксембург и итальянские земли. Филипп V окружил себя советчиками французами и итальянцами. По образцу французской монархии Филипп V начал проводить централизацию управления И. Но попытки управления вызвали резкое недовольство в отдельных провинциях И. Так, в Каталонии во время войны вспыхнула революция, и испанским войскам пришлось взять Барселону приступом (1714). Вожди восстания были казнены и каталонские кортесы уничтожены. С 1702 не созывались больше и арагонские кортесы. В 1733 И. заключила с Францией Эскориальский фамильный договор Бурбонов, введший Испанию в русло французской международной политики. Рост влияния буржуазии и либерального дворянства и проникновение из Франции просветительных идей при Карле III (1759—88) сделали возможным возникновение просвещенного абсолютизма в И. Выдвинулся ряд государственных деятелей из среды буржуазной интеллигенции — Аранда, Флорида-бланка, Кампоманес. Было несколько ограничено право передачи по наследству дворянских земель и монастырских владений. В 1767 Аранда добился изгнания *иезуитов* (см.). Однако уничтожить инквизицию не удалось (еще в 1826 произошло в И. последнее сожжение). В эти годы проведены были новые пути сообщения, дренажные работы и ряд других мероприятий, содействовавших росту промышленности, торговли и сельского хозяйства. Группа буржуазии, находившаяся под влиянием французской просветительной философии, составила свою декларацию, заключавшуюся в меморандуме *Ховельяноса* (см.) об усовершенствовании земледелия. В том же духе был издан аграрный закон 1795 Кастильским королевским советом (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. X, стр. 727).

К концу 18 в. в И. стала развиваться промышленная буржуазия. Ее крайне медленный рост тормазился еще более медленными темпами разложения феодального строя. Испанская монархия при Карле VI (1788—1808) заняла резко враждебную позицию по отношению к Французской революции, представляя собой самую крайнюю реакцию, возглавленную *Годои* (см.), фаворитом королевы. И. приняла в 1793 участие в европейской коалиции против революционной Франции, но принуждена была в 1795 заключить с ней мир (см. *Базельский мир*), а несколько позже даже оборонительный и наступательный союз, направленный гл. обр. против Англии. Гибель испанского флота при *Трафальгаре* (см.) 1805 поставила И. в еще бо́льшую зависимость от Франции. Таким образом в 19 в.—веке буржуазных революций—Испания вступила сильно ослабленной и отсталой политически и экономически.

Лит.: Марксистской литературы по истории средневековья И. нет. Сжатое резюме см.: Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. X, М., 1933 (ст. Революционная Испания). Из немарксистских общих работ на рус. яз. имеется только популярная книга: Пискорский В. К., История Испании и Португалии, 2 изд., СПБ, 1909. См. также: Лависс Э. и Рамбо А., Всеобщая история, тт. I—VII, М., 1897—99 (особ. т. III, гл. Иберийские королевства). По экономической истории И. сохраняет значение: Ковалевский М., Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I—II, М., 1900—03 (особ. т. II, гл. Хозяйство в Каталонии и Арагонии во второй половине ср. веков). По политической истории И. 16 в.—старая работа: Прескотт В., История царствования Филиппа II, короля Испанского, СПБ, 1858 (пер. кн.: Prescott W., History of the reign of Philip the Second, 3 vls, Boston, 1855—59. Важнейшие источники по истории И. собраны в España sagrada, publ. E. Florez и др., 51 vls, Madrid, 1747—1879; Biblioteca de autores españoles desde la formación del lenguaje hasta nuestros dias, 71 vls, Madrid, [1846—80]; Colleccion de documentos ineditos para la historia de España, 112 vls, Madrid, 1842—95. Протоколы и документы кортесов собраны в изд.: Cortes de los antiguos reinos de Aragón y Valencia y Principado de Cataluña, 27 vls, Madrid, 1896—1922; Cortes de los antiguos reinos de León y Castilla (1349—1559), 8 vls, Madrid, 1861—1903 (с большим введением Colmeiro, 2 vls, 1883—84); Actas de las Cortes de Castilla..., 40 vls, Madrid, 1861—1916. Важнейшие общие труды: Ballesteros A., Historia de España y su influencia en la historia universal, [v. I—X, Barcelona, 1919—26]; Altamira R., Historia de España y de la civilización española, 4 vls, Barcelona, 1900—11 (3 ed., 1913—14), лучший общий труд; см. также его резюме в Cambridge mediaeval history, v. VI, 1929, где дается и обильная библиография; Historia general de España, escrita por individuos de número de la Real Academia de la Historia (многотомный коллективный труд, выходящий в Мадриде с 1890); La Fuente M., Historia general de España, 30 vls, Madrid, 1850—59; его же, Historia general de España... continuada hasta nuestros dias por J. Valera, 6 vls, Barcelona, 1877—85. Важнейшие работы по отдельным периодам и спец. темам: Merriman R. B., Rise of the Spanish empire in the Old world and the New, v. I—III, New York, 1918—25; Mercedes Gaibrois de Ballesteros, Historia del reinado de Sancho IV de Castilla, v. I—III, Madrid, 1922—28; Mayer E., Historia de las instituciones sociales y politicas de España y Portugal, durante los siglos V a XIV, 2 vls, Madrid, 1925—26; Dozy R., Histoire des Musulmans d'Espagne... (711 — 1110), v. I — IV, Leyde, 1861; Lea H. C., The Moriscos of Spain, Philadelphia, 1901; Hume M. A. S., Spain, its greatness and decay (1479—1788), 3 ed., Cambridge, 1913; Haebler K., Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im 16 Jahrhundert und ihr Verfall, B., 1888; Lea H. C., A history of the Inquisition of Spain, 4 vls, N. Y., 1906—07 (есть рус. пер.: Ли Г., История инквизиции в средние века, т. I—II, СПБ, 1911—12); Gams P. B., Die Kirchengeschichte von Spanien, 3 Bde, Regensburg, 1862—79; Colmeiro M., Derecho administrativo español, 3 vls, 3 ed., Madrid, 1876—80; его же, Historia de la economia politicaen España, 2 vls, Madrid, 1863.

ИСПАНИЯ В 19 ВЕКЕ.

Революция 1808—12. В 19 в.—век буржуазных революций — И. вступает сильно ослабленной и отсталой и политически и экономически. Получив по *Тильзитскому миру* (см.) свободу в отношении И., Наполеон ввел свои войска в И. под предлогом необходимости провести их в Португалию для разгрома англ. экспедиционного корпуса, а фактически—для овладения всем Пиренейским п-овом. Пребывание франц. армии на территории И. (сначала на севере), производившиеся ею поборы и грабежи, бездеятельность двора Карла IV, к-рый после поражения 1793 вынужден был следовать за политикой Франции, разложение двора, хозяйничание фаворита королевы *Годои* (см.), государственный долг в 7 млрд. реалов и т. д. привели к взрыву народного возмущения, направленного одновременно против иностранных оккупантов и против двора Карла IV, потворствовавшего этим оккупантам, а в конечном итоге—против феодального строя в целом. Национально-революционное движение стало началом буржуазной революции, с которой крестьянство связывало надежды на получение земли. С самого начала национально-освободительное движение в И. тесно переплеталось с борьбой против феодализма.

Первый крупный взрыв народного возмущения имел место 17/III 1808 в королевской резиденции Аранхуес (в связи с предложением Годои перевести резиденцию в Севилью, что означало оставление Мадрида французам) и привел к отречению Карла IV в пользу Фердинанда VII. Последний вскоре под французским давлением выехал в Байону и там отрекся в пользу Жозефа Бонапарта. Последовавшие за ним близкие двору гранды опубликовали воззвание о подчинении французам. Мадрид был занят *Мюратом* (см.). Однако «если испанское государство было мертво, то испанское общество было полно жизни, и в каждой его части били через край силы сопротивления» (Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 722). Ремесленные рабочие, городская мелкая буржуазия, крестьянство, часть буржуазии, особенно портовых городов и промышленных центров, интеллигенция—в первую очередь студенчество—продолжали борьбу.

2/V 1808 народные массы Мадрида пытались помешать отъезду испанской принцессы во Францию, воспринимая его как национальное унижение. На этой почве произошло вооруженное столкновение с французской армией, — движение было беспощадно подавлено. Однако события 2/V послужили сигналом к взрыву движения во всей стране. Повсюду массы расправлялись с изменившим национальному делу высшим чиновничеством, смещали существующие власти, оказывали вооруженное сопротивление французам. Маркс дал следующую характеристику движению: «Если крестьянство, жители маленьких городов внутри страны и многочисленная армия нищих в рясах и не в рясах, глубоко пропитанные религиозными и политическими предрассудками, составляли огромное большинство национальной партии, она содержала также деятельное и влиятельное меньшинство, видевшее в борьбе народа против французского нашествия сигнал к политическому и социальному возрождению Испании. Это меньшинство состояло из жителей портовых и торговых городов и отчасти тех провинциальных центров, где при Карле V отчасти развились материальные условия современного общества. Они подкреплялись культурными элементами высшего и среднего классов, писателями, врачами, адвокатами и даже священниками, которым Пиренеи не преградили доступа к философии 18 века... Наконец, в Испании была еще буржуазная молодежь, как, например, университетское студенчество, с увлечением примкнувшая к стремлениям и принципам французской революции и одно время даже питавшая надежду возродить родину с помощью Франции» (там же, стр. 727).

Движение являлось началом буржуазно-демократической революции. Крестьянство и городская мелкая буржуазия соединяли национально-освободительную борьбу с борьбой за освобождение от феодальных и цеховых пут, против привилегий дворянства, за землю, по существу — за возможность свободного капиталистического развития. Буржуазия же, на долю к-рой выпало руководить этой социально и национально-освободительной борьбой, была к этому руководству исторически неподготовлена. Она не доросла до того уровня, когда могла бы выступить как класс, представляющий нацию. Она не была способна выступить в роли руководителя прежде всего потому, что была экономически и политически слаба. К тому же она не отличалась сплоченностью, а была весьма неоднородной. Значительная часть крупной буржуазии наживалась на займах двору и дворянству и естественно была против их разорения и утраты ими их привилегий, а следовательно и против аграрного переустройства. В противоположность ей, буржуазия портовых городов и отдельных промышленных центров занимала более решительные революционные позиции против феодализма. При слабости экономического единства Испании у отдельных групп буржуазии местные интересы преобладали над общенациональными. К этому присоединялись национальные противоречия, особенно острые в Басконии (Бискайе) и Каталонии. Однако даже наиболее крепкая каталонская буржуазия была еще слишком слаба для того, чтобы выставить лозунг национального самоопределения. Эти обстоятельства, сказавшиеся на всем ходе испанской революции, помешали буржуазии возглавить народные массы в их борьбе и в частности отразились на составе и деятельности выборных революционных органов — *хунт* (см.).

Когда учрежденная покидавшим Мадрид Фердинандом VII Высшая правительственная хунта вскоре прекратила свое существование, мятежные города, оказавшись перед фактом отсутствия центрального правительства, создали местные хунты. Каждое из образованных этими хунтами провинциальных правительств формировало собственную армию. Эти хунты были независимы друг от друга и признавали, правда, лишь в очень слабой степени, некоторое главенство Верховной хунты, находившейся в Севильи, временной столице (Мадрид был занят французскими войсками). «Так было установлено,—по выражению Маркса,—некоторое подобие федерального правительства, очень анархическое, которое вследствие столкновений противоположных интересов, местных самолюбий и соперничающих влияний представляло мало пригодное орудие для централизации военного командования и совместных боевых операций» (там же, стр. 28). «Хунты,—

говорит Маркс,—избирались всеобщим голосованием; однако „все усердие низших классов проявлялось в их покорности". Обычно они выбирали своих природных начальников, высшее и низшее провинциальное дворянство, поддерживаемых духовенством и очень редко выдающимися представителями буржуазии. Народ был до того проникнут сознанием своей беспомощности, что инициативу он проявлял только в том, что принуждал высшие классы к сопротивлению против французов, вовсе не претендуя на участие в руководстве этим сопротивлением... Хунты были наполнены людьми, избранными на основании их прежнего социального положения, всего менее похожими на революционных вождей. С другой же стороны, народ, назначая своих начальников, не помышлял ни об ограничении их власти, ни об определении срока. Конечно, хунты думали только о расширении первой и о продлении второго. Таким образом, эти детища народного порыва, произведенные на свет в начале революции, просуществовали до самого ее конца, играя роль плотин против революционного потока, всякий раз как он грозил наводнением» (там же, стр. 728—729).

Буржуазия не рвала с дворянством. Что касается высшего дворянства, то оно по мере успешного хода национальной революции, особенно после битвы при Байлене (20/VII 1808), где более 8 тысяч французов сложили оружие перед отрядами восставшего народа, присоединилось теперь к народному делу, «что для последнего,—по словам Маркса,—явилось преимуществом весьма сомнительного свойства» (там же, стр. 729). В этих условиях понятна неспособность народных масс, лишенных руководства со стороны класса, к-рый должен был играть роль авангарда, выдвинуть сколько-нибудь определенную революционную идеологию и поставить ясные цели. В числе главнейших лозунгов, выдвинутых народными массами, находившимися во власти предрассудков, был лозунг борьбы за возвращение «народного» короля Фердинанда VII, «украденного» французами.

Хотя раздробленность власти в И. между хунтами помешала франц. войскам одним ударом покончить с сопротивлением благодаря тому, что, по выражению Маркса, центр сопротивления испанцев находился «всюду и нигде», все же тенденции к объединению страны, в особенности в виду внешнего врага, давали себя знать. Несмотря на раздоры и взаимные интриги, провинциальные хунты в конце-концов избрали Центральную хунту, тем более, что Севильская хунта всей обстановкой была вынуждена отказаться от своего номинального верховенства. Центральная хунта в составе 35 депутатов от провинциальных хунт собралась в Аранхуесе 26/IX 1808. Депутатами были гранды, прелаты, сановники, бывшие министры и т. п. Во главе ее стал придворный Карла IV—*Флоридабланка* (см.). Политика Центральной хунты была крайне реакционной. Хунта разрешила возвращение иезуитов «в качестве частных лиц», приостановила распродажу выморочных имений. Под предлогом национальной обороны хунта противилась каким бы то ни было социальным изменениям. В то время как крестьяне сражались с франц. войсками, хунта погрязла в политических интригах, преследовала революционную инициативу местных хунт и по сути дела возглавляла отечественную контрреволюцию. В результате «Центральная хунта, призванная изгнать неприятеля из Испании, успехами французского оружия была сама принуждена бежать из Мадрида в Севилью, а из Севильи в Кадикс, где ее ждал бесславный конец. Ее правление ознаменовалось целым рядом позорных поражений, уничтожением испанских армий и, наконец, превращением регулярных военных действий в партизанскую борьбу» (там же, стр. 731).

При реакционной роли хунты, саботировавшей борьбу с французами, вся тяжесть этой борьбы пала на плечи партизанских отрядов—*гверильясов* (см.), рассеянных по всей стране и наносивших неожиданные удары противнику. В начале в рядах гверильясов боролись широкие крестьянские массы, хотя руководство находилось в руках представителей господствующих классов. Как уже отмечено, для крестьян национально-освободительная борьба означала одновременно борьбу социально-освободительную, против феодализма, за землю. Но одновременно с тем, как в гверильясах получали преобладание вливавшиеся в их ряды элементы разлагавшейся испанской армии, и мелкие партизанские отряды с частными задачами вырастали в крупные военные единицы, борьба против помещиков, за крестьянские требования все более отодвигалась на задний план. Разочарованное в борьбе крестьянство стало отходить от гверильясов.

Центральная хунта подготовила созыв *кортесов* (см.), на этот раз не сословных, а избранных всеми гражданами, достигшими 25 лет. Однако буржуазия и интеллигенция не сумели использовать революционных стремлений на получение земли и снова уступили руководство дворянству, духовенству, старой бюрократии. Социальный состав кортесов был следующий: 97 священников, 8 дворян, 15 крупных землевладельцев, 37 военных, 9 моряков высших рангов, 55 высших чиновников, 16 профессоров, 60 юристов, 5 торговцев, 4 писателя, 2 врача. Кортесы были собраны 24/IX 1810 на острове де-Леон, 20/II 1811 заседания были перенесены в Кадикс, где кортесы 19/III 1812 обнародовали конституцию в обстановке, когда почти вся И. была занята франц. войсками. Именно «то обстоятельство, что кортесы собрались в Кадиксе, оказало,—по мнению Маркса,—решающее влияние, ибо этот город имел репутацию самого радикального в королевстве и более походил на американский город, чем на испанский. Его население наполняло галлереи залы заседаний и путем запугивания и давления извне смиряло реакционеров, когда их оппозиция становилась опасной» (там же, стр. 756).

Эта конституция, вошедшая в историю под именем Конституции 1812, как и ряд социальных мероприятий кортесов, представляет характерную для всего движения смесь элементов революции и реакции. С одной стороны, конституция провозглашает нацию «носителем верховной власти», наделяет кортесы широкими правами, оставляет за королем право вето лишь отсрочивающего характера, вводит всеобщее голосование; к числу мероприятий кортесов принадлежат уничтожение инквизиции, отмена сеньориальной юстиции с феодальными привилегиями, отмена церковной десятины, запрещение работорговли, уничтожение внутренних таможен, большой прогрессивный налог и т. д. С другой стороны, та же кон-

ституция сохраняет монархию, устанавливает трехстепенную избирательную систему, признает католицизм официальной религией и т. д. Кортесы отменили некоторые феодальные порядки в области землепользования. Тем не менее результаты новых законов оказывались подчас обманчивы для крестьян, приветствовавших аграрное законодательство кортесов. Так, чрезвычайно существенный закон о дезамортизации, разрешавший превращать в частную собственность пустоши, королевские домены, помещичьи и общинные земли, на деле привел к разбазариванию части общинного земельного фонда крестьян. Многие элементы конституции были позаимствованы из старых феодальных вольностей (*фуерос*, см.) испанских провинций и городов. Маркс определенно указывает, что «конституция 1812 г. представляет воспроизведение древних „fueros", понятых, однако, в духе французской революции и приспособленных к нуждам нового общества» (т а м ж е, стр. 751). В то же время «мы можем проследить в конституции 1812 несомненные признаки компромисса между либеральными идеями 18 века и мрачными традициями эпохи клерикального засилья» (т а м ж е, стр. 754).

Большинство прогрессивных положений конституции и революционных мероприятий, намеченных кортесами, осталось на бумаге. Испанская буржуазия оказалась неспособной провести их в жизнь. Национально-освободительная война затянулась до тех пор, пока начавшееся общее поражение Наполеона на других фронтах не вынудило его отказаться от своих планов на Пиренейском полуострове и отпустить из плена Фердинанда VII, при условии, что тот не присоединится к Англии в ее борьбе с Францией, заключит с Францией торговый договор и т. д. Появившись в Испании, король, при деятельной поддержке духовенства, стал объединяющим центром контрреволюции. Кортесы опасались лишь влияния Наполеона на Фердинанда и заняли в отношении короля позицию, сводившуюся только к принесению им присяги конституции 1812. Но король, реставрация которого не вызвала сопротивления со стороны народных масс, считавших возвращение короля на родину таким же положительным явлением, как и одновременное удаление за ее пределы оккупационных войск, и не думал считаться с кортесами. Еще не доехав до Мадрида, в Валенсии, король 4/V 1814 отменил конституцию и распустил кортесы, в которых к тому времени преобладали консерваторы, победившие на вторичных выборах (20/IX 1813 учредительные кортесы были заменены обычными и в январе 1814 перенесли свои заседания в Мадрид), а затем отменил и их законы. 10/V было арестовано большое число либеральных деятелей, многие были казнены, заточены в африканские тюрьмы или сосланы на галеры. 21/VII 1814 восстановлена инквизиция и 29/V 1815 возвращены иезуиты.

Революция 1820—23. Недовольство клерикально-абсолютистской реакцией быстро нарастало; реакция тормазила развитие капиталистических отношений. На почве этого недовольства еще в 1812 зародилась либеральная партия, ведшая за собой буржуазию, часть чиновничества, интеллигенцию. Недовольно было и большинство армии. Солдаты отражали настроение крестьянства, а в среде офицерства, связанного с буржуазией, еще были живы идеи недавней революции. Это в известной мере определило решающую роль армии в дальнейших буржуазных революциях Испании на протяжении всего 19 в. «Это явление имеет две причины. Во-первых, мы видим, что то, что мы называем государством в современном смысле, благодаря провинциальной замкнутости народной жизни, имеет, в противовес двору, национальное воплощение только в армии. Во-вторых, особое положение Испании и война на полуострове создали условия, при которых все жизнеспособное в испанской национальности смогло сконцентрироваться только в армии. Таким образом единственные национальные движения (в 1812 и в 1822 гг.) исходили от нее; вследствие этого способная к движению часть нации привыкла видеть в армии естественное орудие каждого национального восстания» (М а р к с и Э н г е л ь с, Сочинения, том X, страница 684). Наконец крестьянство, не получившее земли и попрежнему придавленное феодальным гнетом, потенциально являвшееся основной движущей силой революции, в то же время менее всего было способно к самостоятельным организованным революционным выступлениям. Общее недовольство скоро стало проявляться в виде волнений и восстаний. Часть крестьян, отошедших от гверильясов, образовала крестьянскую «армию обиженных», ведшую партизанскую войну против Фердинанда VII (в Арагонии и Галисии). Но основным инициатором и носителем восстаний была гл. обр. армия. Это можно проследить по приводимому Марксом перечню восстаний, происходивших в И. в период, последовавший за реставрацией Фердинанда VII. «В 1814 г. Мина замыслил восстание в Наварре, дал первый знак к сопротивлению, призвал к оружию, вступил в крепость Пампелуну, но, не доверяя собственным приверженцам, бежал во Францию. В 1815 г. генерал Порлье, один из самых знаменитых герильеров войны за независимость, провозгласил конституцию в Коруньи. Он был обезглавлен. В 1816 г. Ричард намеревался захватить короля в плен в Мадриде. Он был повешен. В 1817 г. один адвокат, Наваро, с четырьмя сообщниками погиб на эшафоте в Валенсии за то, что провозгласил конституцию 1812 г. За такое же преступление в том же году на Майорке был расстрелян храбрый генерал Ласи. В 1818 г. полковник Видаль, капитан Сола и другие, провозгласившие конституцию в Валенсии, были разбиты и преданы казни» (т а м ж е, стр. 767). «Последним эпизодом в ряде предприятий, стоивших головы стольким храбрецам эпохи 1808—1814 годов» (М а р к с), было восстание, организованное в середине 1819, в предназначавшейся для отправки в Америку экспедиционной армии, среди к-рой большую работу вели либеральные группы коммерсанта Истуриса. Главным руководителем восстания был гвардейский офицер Рафаель *Риего* (см.), выходец из небогатой дворянской семьи. Широко разветвленный заговор был предупрежден вследствие предательства генерала Лабисбала. Поэтому Риего, открыто поднявший восстание 1/I 1820 в дер. Кабесас де Сан Хуан (пров. Кадикс), оказался изолированным, его отряду пришлось маневрировать на юге И., избегая столкновения с правительственными войсками. Силы восставших таяли. Но восстание оказало сильное воздействие на политическое положение. К началу марта 1820 у Риего оставалась небольшая горстка людей, однако к тому

времени в провинциях началось движение за конституцию 1812. Конституция была объявлена в Корунье, Астурии, Арагоне, Каталонии. Генерал Лабисбал снова переметнулся в либеральный лагерь, и 9/III 1820 толпа, ворвавшись во дворец, заставила короля присягнуть конституции. Фердинанд VII был также вынужден упразднить инквизицию. Так, в то время как военное восстание «потерпело неудачу, революция одержала победу» (там же, стр. 765). Ее застрельщиком явились военные элементы, а главной движущей силой были ремесленные рабочие и мелкобуржуазная масса города; руководство же находилось в руках либеральной буржуазии и дворянства, к-рые игнорировали крестьянство, не дали революционному городу сомкнуться с деревней и отказались нанести решающий удар абсолютизму. Революция была обречена на поражение.

Реакционные силы получили полную возможность реставрировать абсолютизм. Парламент уничтожил только политические права сеньеров над вассалами и некоторые особенно тяжелые повинности, но закрепил обширнейшие земли за владельцами на правах частной собственности, чем по существу сохранил основу феодальной эксплоатации. Далее, парламент не подорвал силы и влияния церкви, ограничившись лишь роспуском нек-рых монашеских орденов, запретом посылки денег в Рим и т. д. Наконец, подавив инспирированное королем и духовенством роялистское восстание в Мадриде 7/VII 1822, парламент не только не уничтожил монархии, но даже не принял решительных мер против короля. Более того, парламент санкционировал роспуск королем мятежных армейских частей, приветствовавших провозглашение конституции, и все время боролся против демократических патриотических обществ, тем самым разрушая свою собственную опору. Поэтому, когда 7 апреля 1823 Франция с разрешения Священного союза, обеспокоенного распространением конституционалистского движения, ввела 100-тысячную армию в Испанию, либеральное правительство оказалось неподготовленным к борьбе, не сумело провести революционную мобилизацию сил, и уже 1/X 1823 Фердинанд VII снова объявил конституцию и либеральные реформы недействительными. Реакция была еще сильнее, чем в 1814. За 18 дней было казнено 122 человека, в т. ч. и Риего. Были восстановлены феодальные права «без рассмотрения, полезны ли они или вредны» (указ 11/III 1824), а также права церкви, к-рой было передано все просвещение. Инквизиция, правда, восстановлена не была, но ее функции фактически перешли к «религиозным коллегиям», являвшимся по существу инквизиционным учреждением. Причины поражения революции состояли в политической пассивности крестьянства, в сохранении основ экономического господства феодальной знати и церкви, в отказе либеральной буржуазии от создания нового революционного государственного аппарата, в оставлении полной свободы реакционным генералам, агитировавшему духовенству, интриговавшему королю.

Революция 1834—43. Положение абсолютизма тем не менее не было прочным. Капиталистические отношения постепенно развивались, промышленность росла. В 1828 состоялась первая промышленная выставка. В 1832 в Барселоне и Малаге были построены крупные для того времени металлургические заводы. В 1834 в Барселоне был основан завод «Новый вулкан», к-рый с 1840 начал впервые в И. производить машины. Текстильная пром-сть Каталонии в 1834 ввезла 74 тыс. кип хлопка, в 1840 уже 184 тыс. кип. Число рабочих хлопчатобумажной пром-сти превысило в 1841 100 тыс. чел.

Развитие промышленности усиливало позиции буржуазного либерализма. Снова наблюдались вспышки восстаний против абсолютизма (братьев Басан в 1826, Торрихоса в 1831). Крупнейшее влияние на И. имела Июльская революция 1830 во Франции (см. *Франция*, Исторический очерк). Она косвенно способствовала кристаллизации двух враждующих лагерей среди господствующих классов. Эти лагери сгруппировались вокруг двух династических фигур, разделенных династическими разногласиями. Брат короля дон Карлос претендовал на трон в виду отсутствия сыновей у короля, к-рый восстановил право женского престолонаследия в пользу малолетней дочери Изабеллы. Под предлогом защиты старых законов вокруг дон Карлоса сгруппировались все крайнереакционные и клерикальные элементы («апостолики»); его основной опорой были: церковь, бо́льшая часть офицерства, помещики, кастильские города, пиренейские провинции (особенно Баскские и Наварра); за границей—Ватикан и абсолютные монархии, в частности Австрия. В этих условиях королева-регентша *Христина* (см.), которая фактически имела власть в руках, искала в борьбе со сторонниками Карлоса—*карлистами* (см.)—поддержки в кругах, склонных к компромиссу с либералами; за границей она пользовалась поддержкой «конституционных» правительств Англии и Франции.

После смерти Фердинанда VII (29/IX 1833) между обеими фракциями абсолютизма началась острая борьба за престолонаследие, вылившаяся в гражданскую войну. В то же время неспособность крестьянства выделить самостоятельное руководство и неспособность слабой и разъединенной буржуазии возглавить крестьянское движение, чтобы бороться за лозунги буржуазной революции, наконец недостаточная зрелость буржуазии отдельных национальностей (басков, каталонцев) для ведения масс на борьбу за национальную независимость—все это дало реакции возможность использовать кадры буржуазной революции в интересах междоусобицы монархических фракций и демагогически спекулировать в реакционных целях частью лозунгов буржуазной революции (самоопределение наций). Это наглядно проявилось в испанской Вандее—Баскских провинциях. Феодальный гнет, усугубляемый гнетом национальным, наличие антагонизма между низшим баскским и высшим мадридским духовенством позволили при посредстве низшего баскского духовенства поднять крестьянство на борьбу за восстановление прежних вольностей («фуерос») Бискайи, что должно было привести к значительному облегчению налоговых и других тягот. Это возглавлявшееся духовенством национальное движение шло под лозунгом: «Dios y fueros» («Бог и фуерос»). Христина вынуждена была пойти на уступки либералам, чтобы обеспечить себе их поддержку против карлистов. В 1834 был опубликован и введен в действие «королевский статут»—суррогат конституции, создавшей подобие палаты депутатов, лишенной каких бы то ни было прав. Но этим не удалось остановить движение масс. В Мадриде снова подня-

лись ремесленные рабочие, мелкая буржуазия и т. д. Начался разгром монастырей, убийства монахов (июль 1834). Даже кортесы представили петицию с требованием политических свобод. Наконец заговорила и армия: в 1835 поднялся арагонский полк под командой Кордеро. Христина назначила либеральное министерство, обещавшее реформы. В это время развернулось наступление карлистов, вызвавшее ответный революционный подъем масс. Всю страну охватило конституционалистское и антиклерикальное движение, ознаменовавшееся разгромами и поджогами монастырей. Повсюду создавались революционные хунты с требованием учредительного собрания и конституции 1812. Тогда Христина была вынуждена назначить премьером представителя левых либералов, т. н. «прогрессистов» — Мендисабала.

Мендисабал провел ряд либеральных реформ: амнистию, узаконение революционных хунт и их превращение в «провинциальные собрания»; новый избирательный закон; провел энергичные меры против карлистов; восстановил декреты 1820—23 об отмене сеньериальных прав; отменил церковную десятину, распустил монашеские ордена и конфисковал их земли (в целях продажи частным лицам); провел новый закон о дезамортизации (распродажа муниципальных земель), и т. д. Но эти меры носили половинчатый характер, земельные законы ничем не облегчали положения крестьянства. Их назначение сводилось к тому, чтобы остановить революц. движение масс. Как только эта цель была достигнута, Мендисабал, не пробыв у власти и года, был в мае 1836 заменен представителем правых либералов, т. н. «умеренных»— Истурисом. Однако в виду нового подъема массового движения, образования хунт и провозглашения конституции (восстания в мае в Малаге, Кадиксе, Севилье, Гранаде, Кордове; в августе—в Арагоне, Эстремадуре, Валенсии, Мурсии, Каталонии; восстание солдат и унтер-офицеров в королевской летней резиденции) Христина была вынуждена присягнуть конституции и вновь призвать к власти прогрессистов во главе с Калатрава и с участием Мендисабала.—Прогрессисты, вместо того чтобы ввести в действие конституцию 1812, занялись, по желанию двора, вместе с созванными в октябре 1836 учредительными кортесами выработкой конституции, которая была введена в июне 1837. Эта конституция сохраняла за королем право абсолютного вето, право созыва и роспуска парламента по его усмотрению. Так прогрессисты фактически укрепили силы абсолютизма. Опираясь на умеренных, двор повсюду старался будить недовольство против прогрессистов, доходя до попыток разложить армию прогрессистского ген. *Эспартеро* (см.). Наконец Христина пошла на тайные переговоры с Карлосом, соглашаясь уступить трон его сыну при условии его брака с Изабеллой. Карлистские войска подошли вплотную к Мадриду, но планы двора были сорваны единодушным сопротивлением демократических масс городов, разгромивших карлистские армии. Несмотря на это разочарование народных масс в прогрессистах, сильные раздоры в их среде и другие причины привели к двукратной избирательной победе умеренных (в 1837 и 1840), к созданию кабинета умеренных и к росту реакции (восстановление половины церковной десятины, церковной собственности и нек-рых других феодальных прав).

В массах вскоре снова стали расти революционно-демократические настроения, что находило свое выражение также в усилении республиканских тенденций. Толчок к массовым волнениям дал закон об ограничении прав местного самоуправления; начались восстания в Мадриде (1/I 1840) и Барселоне, создание хунт и т. д. Христина отреклась от регентства и покинула Испанию (17/X 1840). Главой правительства, а затем и регентом стал прогрессист Эспартеро, хотя и «вопреки желанию весьма значительной части прогрессистов» (Марк с). Они вновь доказали свою контрреволюционность. Прогрессисты использовали власть против массового революционного движения, в частности беспощадно подавляя революционные органы печати. Барселонское восстание (с требованием учредительного собрания), в к-ром уже играл значительную роль пролетариат (см. ниже о развитии промышленности и пролетариата в середине 19 в.), было подавлено артиллерийской бомбардировкой (2/XII 1842). Умеренным же после подавления их восстаний в северных провинциях в октябре 1841 было объявлено «милостивое прощение». Проведенные прогрессистами реформы—отмена муниципального закона Христины, закрытие монастырей в Бискайе и т. д. — нисколько не разрешали тех коренных вопросов, которые стояли перед буржуазно-демократической революцией. — Недовольство Эспартеро росло даже в рядах самих прогрессистов. Промышленная буржуазия была недовольна, ибо Эспартеро, тесно связанный с Англией, открыл двери английской конкуренции в ущерб промышленности И. Против Эспартеро, при поддержке Франции, составилась коалиция с участием даже части прогрессистов.

В мае 1843 начался ряд восстаний во главе с ген. Нарваесом, представителем умеренных. В июле Эспартеро вынужден был покинуть И. Новое правительство взяло резко реакционный курс, распустило местное самоуправление, а также городскую милицию. В ноябре 1843 13-летняя королева Изабелла была объявлена совершеннолетней.

Так закончился революционный цикл 1834—1843. Правда, уже в 1844 произошел ряд военных восстаний (в т. ч. крупное в Аликанте), но они были подавлены, и террор усилился. В этом году был создан пресловутый, существующий поныне (1935), специальный корпус жандармерии, т. н. «цивильная гвардия» (Guardia civil). В И. также вернулась королева-мать Христина. В 1845 подверглась пересмотру конституция: был исключен параграф о «суверенитете нации», отменено право парламента собираться без созыва короля и т. д. Таким образом реакция и юридически закрепила свои позиции. В движении 1834—43 в известной степени повторилось положение, наблюдавшееся во время революций 1808—14 и 1820—23: массы не могли выдвинуть собственного руководства, передали власть «природным начальникам», а буржуазия, попрежнему слабая, нерешительная, неоднородная, разъединенная взаимной борьбой (что имело место и в среде прогрессистов, часть к-рых выступала против Эспартеро), оказалась неспособной использовать массовое движение — в первую очередь крестьянское,—не выдвигая аграрного вопроса и не противопоставляя себя феодалам.

Развитие промышленности и пролетариата в середине 19 в. Незавершенность буржуазной

революции и дальнейший рост промышленности и пролетариата оставляли в силе предпосылки буржуазной революции. В И. с 40-х гг. начало быстро расти капиталистическое предпринимательство. После разрешения ввоза машин из Англии в 1842 крупные успехи сделала текстильная промышленность в Каталонии, особенно хлопчатобумажная (см. выше). Были основаны крупные металлургические заводы (в 1846, 1848, 1860—в Виллайене и Фельгера, в 1847—в Сантандере, в 1854 — в Баракальдо). Расслоение мелкой буржуазии, ее пауперизация, разложение ремесленного пролетариата, образование армии безработных, формирование промышленного пролетариата с преобладавшей мелкобуржуазной психологией благоприятствовали распространению в Испании идей *утопического социализма* (см.), в частности учений *Фурье* и *Кабе* (см.). Идеи утопического социализма нашли отклик в среде филантроповбогачей. Например фурьеристу Хоакиму Абреу удалось собрать около 5 млн. пезет и создать *фаланстер* (см.) в Темплуне около Хереса. Но представители утопического социализма были далеки от рабочего движения, которое шло своим путем. В 1839 рабочие вырвали у правительства ограниченное право ассоциаций и до 1867 организовали 30 рабочих обществ, из них 11 в Каталонии. Первоначально эти об-ва не носили революц. характера, преследовали цели взаимопомощи, включали также и хозяев. Крупную роль сыграло об-во ткачей Барселоны, основанное в 1840 рабочим *Мунтсом* (см.). В 1854 ряд об-в создал в Барселоне объединение «Союз классов» (Union de Clases) с целью защиты интересов рабочих и их просвещения. Обеспокоенное правительство, ограничив в 1853 право ассоциаций, послало в 1855 в Барселону войска для разгрома рабочих организаций. Репрессии вызвали 2/VII 1835 в Барселоне и ближайших городах первую всеобщую стачку,—бастовало 40 тыс. рабочих. Несмотря на классовую нечеткость лозунгов стачки (наряду с требованием свободы рабочих ассоциаций, 10-часового рабочего дня и т. д. были выражены симпатии Эспартеро) и на неудачу (удовлетворено было только требование о смешанных судах), стачка оставила прочный след в рабочем движении И. Эти выступления пролетариата были достаточны для того, чтобы окончательно отбросить буржуазию в лагерь контрреволюции, что наглядно сказалось в революции 1854—56.

Революция 1854—56. Контрреволюции не удалось прочно закрепиться, несмотря на почти открытый переход умеренных на сторону двора. Не доверяя буржуазии, двор несколько раз назначал и сменял у власти вождя партии умеренных (либерал-консерваторов) генерала *Нарваеса* (см.). Верхи страны были охвачены биржевой спекуляцией. Фавориты Изабеллы II вызывали общее недовольство. Англия (через Эспартеро), Франция (через Нарваеса) вмешивались во внутренние дела Испании и интриговали. Паразитизм и разложение господствующих элементов становились все более очевидными. Недовольство охватывало широкие круги буржуазии и армии, не говоря уже о пролетариате и крестьянстве.—Толчком к новой волне массовых революционных выступлений послужила революция 1848 во Франции [попытки восстания в Мадриде 26/III и 7/V 1848 с участием военных и гражданских элементов, покушение священника Мерино на Изабеллу II (2/II 1852)]. Но революция вспыхнула только в 1854. Непопулярность правительства росла. Оно находилось в тяжело финансовом положении. «Главной причиной испанской революции было состояние финансов, в частности декрет Сарториуса, предписывающий уплату налогов за шесть месяцев вперед» (Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 706) и превративший наряду с прочими финансовыми декретами «сборщика налогов в настоящего пропагандиста революции» (там же, стр. 681). Умеренные стали снова отдаляться от двора и искали сближения с прогрессистами и недовольными военными, в частности с ген. *О'Доннелем* (см.). Эти элементы подготовляли переворот, рассчитывая обойтись без народных масс. 28/VI 1854 часть мадридского гарнизона с ген. О'Доннелем и Дульсе во главе покинула город и открыто выступила против правительства. После столкновения при Викальваро с неопределенными результатами О'Доннель вынужден был обратиться за поддержкой к массам.

«Во время смутного периода от 1830 до 1854 г. городам Испании стало ясно, что армия, вместо того, чтобы попрежнему поддерживать дело нации, сделалась орудием соперничества честолюбцев в их стремлении захватить военную опеку над двором. Соответственно этому мы видим, что движение 1854 г. оказывается совершенно иным, нежели даже движение 1843 г. В глазах народа emute [мятеж] генерала О'Доннеля представлял все, что угодно, только не заговор против господствующего влияния при дворе» (там же, стр. 684—685). Тем не менее О'Доннель был вынужден обратиться за поддержкой к народу. В выпущенную им прокламацию он включил три пункта, отвечающие желанию городов и направленные против господства военщины: созыв кортесов, бережливость в управлении и образование национальной милиции. 17/VII 1854 началось народное восстание в Мадриде. Три дня шли баррикадные бои. Войска не в силах были справиться. Восстание охватило и провинцию. Испуганная королева призвала к власти Эспартеро. Так, «военное восстание получило поддержку народного восстания, лишь подчинившись его условиям», — писал во время этих событий Маркс, тут же добавлявший: «Увидим, будет ли оно принуждено сохранить верность этим условиям и выполнить данные обещания». В дальнейшем повторилось то, что было в предыдущих революциях: «в тот самый момент, когда народ готов уже ринуться вперед и открыть новую эру, он добровольно подпадает под власть иллюзий прошлого» (там же, стр. 685 и 689). Несмотря на провалы в прошлом популярность Эспартеро была настолько велика, что массы, неспособные выдвинуть собственного руководства, удовлетворились его назначением.

Но правительство Эспартеро—О'Доннеля как представителей буржуазии сразу обнаружило свою контрреволюционность. Некоторые либеральные уступки (новое удаление Христины, временное разрешение народной милиции, созыв учредительного собрания, принятие несколько более либерального текста конституции, восстановление выборности сената и т. д.) при первой возможности отнимались обратно. Мадридские волнения 28/VIII 1854 были жестоко подавлены. Биржевой ажиотаж, казнокрадство, паразитизм продолжали господствовать. Диктатура помещиков и банкиров осуществлялась Эспартеро так же, как и до него.

Новые декреты о «дезамортизации» привели к окончательному разбазариванию муниципального земельного фонда и к разрушению остатков земельной общины, а в результате—к росту дифференциации, пауперизации и пролетаризации деревни, к росту промышленного и сел.-хоз. пролетариата. В условиях, когда рос пролетариат, переходивший уже к генеральным забастовкам (1855), а в ряде стран уже и к политическим выступлениям (1848), буржуазия окончательно оказалась неспособной противопоставить монархически-помещичьей реакции свою власть. В 1856 Эспартеро был отстранен и заменен О'Доннелем, к-рый затем чередовался с Нарваесом. Они отменили почти все уступки 1854.—Таким образом отличительными чертами этой революции являются: выступление пролетариата, е щ е неспособного на самостоятельную революционную роль, и открытая контрреволюционность буржуазии, у ж е неспособной на революционную роль.

Республика 1873. Периоды между революциями 1854—56 и 1868—73 характеризуются дальнейшим ростом промышленности и образованием пролетарских организаций. По официальным данным, в 1860 было: 176 тыс. промышленных рабочих, в 1864—1868—187 тыс. рабочих (без горняков, число к-рых определялось цифрой 30 тыс. чел.), ок. 2,5 млн. с.-х. рабочих, 600 тыс. ремесленников. Пролетариат складывается в класс. Однако преобладание мелких, зачастую полукустарных предприятий и слабость централизации пром-сти в И. создали благоприятную почву для анархизма в нараставшем рабочем движении.

В 1865 состоялся конгресс рабочих Каталонии в составе организаций, возникших еще в 40-х гг. В 1868 возникла первая — мадридская—группа испанской секции Интернационала (см. *Интернационал 1*), во главе к-рой стояли Анхель Сапаргота, Фр. Мора, Анхель Мора, позднее—Пабло Иглесиас; в 1869—барселонская группа (Хосе Пейснер, Р. Ф. Пейснер). Организаторами ее были преимущественно анархисты, возглавлявшиеся бакунистом Фанелли, присланным Альянсом. В 1870 в Барселоне состоялся первый конгресс испан. секции Интернационала с участием 90 представителей от 40 тысяч рабочих Каталонии, Валенсии, Арагонии и Кастилии. Большинство участников примыкало к Альянсу, что отразилось и в резолюциях, направленных против участия рабочих в политической борьбе. В 1871 в Испанию приехал *Лафарг* (см.), оказавший сильное марксистское влияние на мадридскую группу. Однако бакунисты не прекращали борьбы с марксизмом, а после гаагского конгресса Интернационала (1872), исключившего бакунистский Альянс из Интернационала, испанские бакунисты исключили из своей федерации сторонников Генерального совета. Преобладание бакунистского влияния среди рабочих Испании предопределило и их слабость в революции 1868—73.

Период между двумя революциями характеризуется также подъемом аграрного и республиканского движения, особенно в Андалузии. В 1857 имели место аграрные и республиканские волнения в пров. Севилья; в 1859—республиканское восстание в Эстремадуре; в 1861—крестьянское восстание в Лоха в пров. Кордова с требованием республики и с захватом земель; в Пасале де Гальинас в пров. Вальядолид была установлена «республика бедных» и т. д. Рост аграрного движения был связан с законами о дезамортизации. Подъем революционного движения рабочих, крестьян и мелкой буржуазии отражался и на позициях буржуазии; чтобы предотвратить революцию, она вынуждена была пойти на конституционалистский переворот. После неудачного восстания ген. Прима в Аранхуесе в 1866 его новое восстание в сентябре 1868 встретило поддержку в армии: 18/IX восстали эскадры в Кадиксе под предводительством адм. Топето, 29/IX произошли восстания в Мадриде, Валенсии и Каталонии. 30/IX Изабелла II покинула И. 18/X 1868 образовалось временное правительство во главе с ген. Серрано, ставшим после смерти Нарваеса (1865) вождем «Либерального союза». Переворот сопровождался революционными выступлениями народных масс: движение в Кадиксе, одержавшее победу на некоторое время, баррикадные бои в Малаге в конце 1868, бурная рабочая манифестация в Мадриде с участием женщин и детей 14/III 1869, захват земель в провинциях Кадикс, Севилья, Альмерия. Изабелла II была низложена, и власть перешла в руки либеральной буржуазии и военщины.

Получив власть, либеральная буржуазия взяла курс вправо. Если не считать объявления свободы культов, ее политика была определенно реакционной. Вновь созданная «гражданская национальная милиция» была распущена. Созванное в февр. 1869 учредительное собрание (кортесы) высказалось против республики и поручило правительству подыскать нового короля, причем спустя год кандидатура прусского принца Леопольда Гогенцоллерна сыграла роль внешнего повода к *Франко-прусской войне* (см.). Часть прогрессистов предлагала посадить на престол Эспартеро. После долгих споров диктатура ген. Прима возвела на престол короля Амедея Савойского, из итальянского королевского дома. Накануне его приезда в И. в декабре 1870 неизвестными был убит на улице ген. Прим. Бездарное правление Амедея продолжалось два года и сопровождалось тремя покушениями на короля, сменой шести кабинетов и троекратными парламентскими выборами. Амедей, желавший прослыть «конституционным» монархом, усилил гонения на рабочие организации; в его правление (17/I 1872) была распущена испанская секция Интернационала.

Дальнейший рост классовых противоречий, массовые восстания в стране, усиление влияния Интернационала, новое наступление карлистов, овладевших северными провинциями, сепаратистские восстания на Кубе и в др. колониях, переход «Либерального союза» в оппозицию и т. д. вынудили Амедея—этого, по выражению Энгельса, «первого забастовавшего короля»,—отречься от престола, заявив, что «это страна, которой трудно править». Рабочий класс, крестьянство и мелкая буржуазия решительно выступили против монархии. Их поддержала буржуазия. Но если раньше нерешительность буржуазии объяснялась ее слабостью и трусостью перед феодальной властью, то теперь ее пугали призраки июньского восстания пролетариата в 1848 в Париже и в особенности только-что подавленной Парижской Коммуны 1871. Поэтому буржуазия с опаской оглядывалась на усиливавшееся рабочее движение. Однако под влиянием революционного движения, в частности под давлением революцион-

но настроенных масс Мадрида, окруживших парламент с требованием отмены монархии, парламент и сенат 11/II 1873 на объединенном заседании объявили И. республикой.

Провозглашение республики бурж. либералами и даже «республиканцами» естественно было актом вынужденным. Не случайно монархистам в первом республиканском правительстве было предоставлено четыре министерских поста. Буржуазия, придя к власти, теперь, как и прежде (хотя и по другим причинам), боялась разрушать пережитки феодализма. Она преимущественно ограничивалась спорами о федеративном или унитарном государстве. Но между тем как либералы и республиканцы работали в контакте с монархистами, волнения в стране продолжались. Крупные выступления произошли в февр. 1873 в Монтилье (пров. Кордова); восстания рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии против местных властей, поджоги, уничтожение земельных кадастров, изменение границ участков, разгромы усадеб, убийства помещиков и стражников происходили во многих местностях. Для подавления движения пускались в ход войска. Параллельно среди республикански настроенной буржуазии и мелкой буржуазии при сочувствии и поддержке анархистов стало расти федералистское движение. Республиканцы-федералисты разделились на два крыла, из которых левое, так наз. «непримиримые», стремилось к расчленению И. на ряд самостоятельных коммун, кантонов с очень слабой федеративной связью.

В апреле 1873 состоялись выборы в Учредительное собрание, бойкотировавшиеся как монархистами, так и анархистами. Последние как организация самоустранились от выборов, предоставив свободу индивидуального голосования своим сторонникам, что было равносильно оставлению рабочих без руководства. В результате предвыборная борьба в основном направлялась обоими крыльями республиканцев-федералистов, которые получили почти все мандаты, кроме 2—3, доставшихся представителям рабочих. В начале июня состоялось открытие Учредительного собрания, которое немедленно провозгласило федеративную республику и образовало комиссию для выработки новой конституции. Кантональное движение в стране тем временем нарастало и «непримиримое» крыло республиканцев-федералистов все более склонялось к внепарламентскому образу действий, пользуясь при этом сочувствием и поддержкой бакунистов, к-рых с буржуазными федералистами связывала идея борьбы за «независимые коммуны».—Рост этого движения привел к смене правительства. 11/VI у власти стал *Пи-и-Маргаль* (см.), считавший возможным компромисс с кантоналистами. Правда, в свое время в кабинете *Фигерас-и-Марагаса* (см.), находившегося у власти с 12/II 1873 по 8/VI 1873, он, будучи министром внутренних дел, решительно боролся против стачек. Но все же он понимал необходимость социальных преобразований. Его программа предусматривала: регулирование детского труда, продажу беднякам земель в рассрочку, отделение церкви от государства, отмену рабства на Кубе. Часть этой программы была принята республиканским правительством. При нем также был принят земельный закон, предоставлявший арендаторам право на частичный выкуп земли и повинностей, фактически трудящемуся крестьянству ничего не давший.

Переговоры Пи-и-Маргаля с непримиримыми об их вступлении в правительство были сорваны тактикой бакунистов. «Бакунистские члены Интернационала, которые обязаны отвергать даже самые революционные мероприятия, раз они исходят от „государства", предпочитали поддерживать самых сумасбродных шарлатанов среди непримиримых, но только не министра» (Энгельс, Бакунисты за работой, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 112). Отвергая всякое «действие сверху» и признавая только стихийное «действие снизу», бакунисты отказывались от организованного и централизованного вооруженного восстания. И вот, они «наконец, вместо того, чтобы призвать к оружию, объявили всеобщую забастовку» (там же, стр. 113), к-рая была для них лазейкой, чтобы «хоть что-нибудь делать, не ввязываясь прямо в „политику"» (там же, стр. 112).

Эта тактика бакунистов предопределила и неудачу переговоров непримиримых с Пи-и-Маргалем. Стремясь получить власть в провинциях, уверенные в поддержке бакунистов, непримиримые, не вошедшие в свое время в комиссию Учредительного собрания для выработки конституции, воспользовались обнародованием неудовлетворившей их конституции (3/VII 1873) как предлогом для поднятия кантональных восстаний. Разгар этих восстаний приходится на 5—11/VII. Почти без сопротивления им удалось захватить власть в Севилье, Малаге, Гранаде, Кадиксе, Мурсии, Картахене, Валенсии, Саламанке и др. Однако главный промышленный центр И. — Барселона, вследствие саботажа бакунистов, воздержался от выступления. «Бакунисты, — писал Энгельс,—либо препятствовали всякому движению, как в Барселоне, либо вовлекались в разрозненные, лишенные плана, нелепые восстания, как в Алькое и в Сан-Лукар-де-Баррамеда; либо же руководство восстанием попадало в руки „непримиримых" буржуа, как это было в большинстве восстаний» (там же, стр. 124). В местах самостоят. выступлений бакунистов последние вопреки своим «принципам» образовали «революционную власть» («Комитет общественного благосостояния» в Алькойе, пров. Аликанте), принимавшую такие меры, как запрещение въезда мужчинам и разрешение выезда женщинам лишь с паспортом (Алькой), а в конце-концов без сопротивления сдавались правительственным войскам (Алькой, Сан-Лукар-де-Баррамеда в провинции Кадикс). В местах же выступления непримиримых бакунисты опять в нарушение своих принципов участвовали в образованных непримиримыми буржуазных «революционных» правительствах, хунтах, в качестве меньшинства, к-рое ничего не могло проводить и не выставляло «никакой другой программы кроме автономии провинции или кантона» (там же, стр. 122). «Федерализм непримиримых и их бакунистского охвостья в том-то и заключался, что каждый город действовал на собственный страх, объявив самым важным делом не совместные действия с другими городами, а отделение от других городов, и исключив тем самым всякую возможность всеобщего наступления» (там же, стр. 119). Наконец в Барселоне бакунисты себя скомпрометировали настолько, что не смогли поднять рабочих даже на стачку, в то же время воздерживаясь и от призыва их к восстанию; а между тем «с при-

соединением Барселоны победа была бы почти обеспечена» (там же, стр. 113).

В этих условиях правительству Пи-и-Маргаля относительно нетрудно было справиться с восстанием, несмотря на то, что одновременно на севере наступали карлисты. Провал переговоров с непримиримыми и их восстание привели 18/VII 1873 к падению Пи-и-Маргаля, смененного правым Сальмероном, в свою очередь 7/IX уступившим место *Кастелару* (см.). Оба последние решительно расправились с кантональными восстаниями. Несколько затянулось усмирение Леванты (провинция Валенсия), так как Валенсия, где еще сильно было влияние Интернационала, проявила больше дисциплинированности, и ее осада длилась с 26/VII по 8/VIII. Еще позже, в январе 1874, сдалась Картахена, образцовая крепость, поддержанная эскадрой.

Однако решительные меры Кастелара против непримиримых вызвали недовольство федералистов в парламенте. 2/I 1874 они выразили ему недоверие. Воспользовавшись отставкой Кастелара и фактическим отсутствием правительства, ген. Павия (один из усмирителей кантональных восстаний), ставший военным губернатором Мадрида, разогнал (в ночь с 2/I на 3/I) парламент и поставил во главе правительства ген. Серрано, вождя либералов. Либералы, нехотя объявившие республику, теперь все более открыто склонялись к реставрации Бурбонов. Революционные массы, еще не оправившиеся от разгрома, не смогли оказать сопротивления. В декабре 1874 ген. Кампос провозгласил в Сагунте Альфонса XII Бурбона королем. Так закончилась пятая буржуазная революция И., оставив попрежнему неразрешенными все основные вопросы буржуазно-демократической революции.

Эта революция несомненно зашла дальше всех предшествующих, что объясняется активным участием в ней пролетариата. Но и она кончилась неудачей. «Испания в промышленном отношении,—писал тогда Энгельс, — настолько отсталая страна, что там еще не может быть и речи о немедленном полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания должна еще пройти различные предварительные ступени развития и преодолеть целый ряд препятствий. Республика и давала возможность в кратчайший срок пробежать эти предварительные ступени и быстро устранить эти препятствия. Но воспользоваться этой возможностью можно было только путем действенного политического вмешательства испанского рабочего класса» (там же, стр. 108). Пролетариат должен был возглавить буржуазно-демократическую революцию, вступить в союз с борющимся за землю крестьянством и революционными слоями мелкой буржуазии и руководить ими. Но главным препятствием к тому были бакунисты, увлекшие пролетариат на ложный путь, начиная с уклонения от участия в выборах в учредительное собрание и кончая разрозненными действиями при кантональных восстаниях. «Бакунисты в Испании,—согласно сделанному Энгельсом выводу,—дали нам неподражаемый образчик того, как не следует делать революцию» (там же, стр. 124).

1874—85. Как вообще в Европе после разгрома Парижской Коммуны, так и в И. после уничтожения первой республики наступила длительная полоса черной реакции. С 1874 по 1881 у власти стоял вождь альфонсистов *Кановас дель Кастильо* (см.), образовавший либерально-консервативный кабинет, а затем и консервативную партию помещиков и части крупной буржуазии. В порядке декрета без кортесов отменены были все законы республики: о продаже земли арендаторам, об отделении церкви от государства и свободе вероисповедания, об отмене рабства на Кубе и т. д. (правда, долгая и упорная борьба с восстаниями на Кубе заставила Кановаса в 1880 все же отменить там рабство). По окончании карлистской войны в 1876 были уничтожены и баскские «фуеросы». Впервые после реставрации кортесы избираются лишь в 1876. Избранные еще на основании всеобщего голосования, они принимают закон об ограничении избирательного права, а затем и конституцию 1876, просуществовавшую вплоть до республики 1931. Согласно закону об избирательном праве, в результате ряда ограничений, на каждые 100 чел. взрослого населения приходилось только 6 избирателей; рабочие лишь в виде исключения могли попасть в списки избирателей. Конституция установила двухпалатную парламентскую систему. Подавляющее большинство сената состояло из грандов, дворян, назначенных королем, и помещиков, имевших доходы не ниже 60 тыс. пезет в год. Парламент имел лишь декоративное значение, маскируя власть крупных землевладельцев. Депутаты выдвигались правившими помещичьими группами и проводились в парламент местными «вождями»—*касиками* (см.)—крупными землевладельцами или их ставленниками из кулаков. Кортесы свели к минимуму свободу вероисповедания, отменили суд присяжных, сильно ограничили свободу союзов и собраний, стеснили муниципальные советы множеством правил и законов.

В области внешней политики И. в то время потерпела ряд неудач. Противоречия И. с Францией из-за колоний в Марокко привели к сближению И. с Германией. Однако последняя в 1885 внезапно заняла принадлежавшие И. Каролинские о-ва, что чуть не привело к войне, предупрежденной отступлением Германии после арбитража папы, а затем и покупкой Германией этих островов.

Внутри И. в это время в буржуазных и помещичьих кругах наметилась тенденция к двухпартийной системе. Кановас, основавший консервативную партию, в то же время не препятствовал группированию бывших республиканцев и прогрессистов вокруг Сагасты, возродившего таким путем либеральную партию, объединявшую торгово-промышленную буржуазию и часть капиталистических землевладельцев. В 1881, когда семилетнее правление консерваторов привело к ослаблению их престижа и недовольство Кановасом обнаружилось и в правящих, в частности военных кругах, Кановас сам предложил передать власть Сагасте. Последний в общем продолжал внутреннюю и внешнюю политику Кановаса и был в 1884 снова им заменен.

К 1880 стало снова усиливаться постепенно оправлявшееся от разгрома рабочее движение И. В 1879 сторонники Генерального совета 1-го Интернационала образовали в Мадриде нелегальную социал-демократическую партию во главе с печатником Пабло *Иглесиасом* (см.). В 1882 эта партия успешно руководила стачкой печатников в Мадриде. Анархисты в этот пе-

риод несколько утратили влияние в массах. Тем не менее в 1881 в Барселоне состоялся анархистский конгресс, на к-ром была основана рабочая федерация, снова принявшая резолюцию против парламентско-политической тактики и за ограничение экономической борьбой. Валенсийский конгресс 1893 значительно сузил права ЦК федерации и тем способствовал разложению анархистов.

Республиканские тенденции среди части буржуазии не исчезли, но приняли новый характер. Буржуазные республиканцы начали избегать теперь контакта с народными массами, опираясь преимущественно на военные круги. В соответствии с этой новой тактикой было организовано республиканское восстание во главе с Руис Сорилья в 1883. Подавление восстания привело к образованию так наз. династической левой, объединившей ряд либералов-диссидентов (маршал Серрано, ген. Лопес Домингес) и некоторых республиканцев. Стихийные бедствия (крупное землетрясение в Андалузии в декабре 1884, эпидемия холеры в восточных провинциях в 1885), рост рабочего движения, народные волнения на почве тяжелых косвенных налогов, напряженность положения в международных делах (занятие Германией Каролинских о-вов), наконец остро вставший вопрос о престолонаследии (у умершего 25/XI 1885 Альфонса XII не было сыновей, но королева была беременна родившимся в 1886 Альфонсом XIII), приведший к активизации карлистов,—все это вызвало сплочение правящих групп.

От пакта в Эль Пардо (ноябрь 1885) до войны с США (1898). Временная консолидация правящих группировок нашла свое выражение в заключенном в ноябре 1885 в Эль Пардо на совещании королевы, генералитета и представителей консерваторов и либералов пакте, предусматривавшем: взаимную поддержку либералов и консерваторов и поддержку династии в первые годы регентства; медленную «демократизацию» конституции; обязательство поддерживать любой режим против республиканцев и карлистов. На этой базе *Сагаста* (см.) сформировал кабинет. Через избранный в 1886 парламент с либеральным большинством Сагаста провел ряд реформ: был введен гражданский кодекс, объединивший разнообразные законодательства отдельных провинций и областей, как Каталонии, Валенсии, Наварры, Бискайи, что означало шаг в сторону дальнейшей централизации; был восстановлен суд присяжных (1887); ряд законов был изменен в сторону расширения «демократических свобод» (союзов, собраний, печати и т. д.). В 1887 был принят закон о религиозных конгрегациях, требовавший регистрации всех их членов, получения специального разрешения для открытия новых конгрегаций. Но закон применялся слабо и именно в конце 19 в. церковь в И. снова чрезвычайно усилилась, что отчасти объяснялось необходимостью для династии искать сближения с ней во избежание блока между церковью и карлистами, отчасти тем, что изгнанные из Франции иезуиты направились в И. В 1890 был опубликован закон о всеобщем избирательном праве, по существу ничего не изменивший в системе, при к-рой решали исход выборов касики.

Республиканское движение продолжалось, но слабело. После подавления нового республиканского мятежа во главе с Руис Сорилья в сентябре 1886 в Мадриде движение под руководством Эмилио Кастелара стало принимать умеренные формы. С другой стороны, в стране заметно росло социалистическое рабочее движение. В 1886 стал выходить еженедельник этой партии «Эль сосиалиста» (Социалист). Именно с этого года особенно начало усиливаться влияние социал-демократов в Бискайском горном районе, где они руководили рядом стачек. В 1888 состоялся первый съезд социал-демократической партии и было основано существующее поныне центральное профобъединение—Всеобщее объединение рабочих И. (ВОРИ). На учредительном съезде присутствовало 24 делегата, представлявших 40 рабочих организаций и 3.325 членов. В соответствии с постановлением парижского конгресса 2-го Интернационала (1889) 1/V 1890 впервые была проведена первомайская демонстрация в И.; в выборах 1891 впервые участвовали социал-демократы. Под давлением помещичьих кругов, возражавших даже против куцых демократических реформ и требовавших аграрного протекционизма, в 1896 к власти пришли консерваторы во главе с Кановасом. Кановас положил конец испанской фритредерской политике и начал политику аграрного протекционизма. В 1891 были денонсированы все торговые договоры со статьями о наибольшем благоприятствовании, а еще через год введен колоссальный протекционистский тариф. Эта политика, отражавшая сильное влияние помещиков, продолжалась, несмотря на ответные меры ряда стран, и привела к сокращению испанского экспорта, падению курса пезеты и т. д.

Гнилостность режима особенно наглядно выявилась во время войны с США из-за *Кубы* (см.) в 1898. Кубинский вопрос со времени реставрации по существу не сходил с порядка дня. Однако, несмотря на подававшиеся даже испанскими генералами на Кубе советы, правящие классы И. противились введению автономии. Лишь в 1894 кортесы приняли закон об ограниченной автономии Кубы, но было уже поздно. На Кубе вспыхнуло новое восстание креолов. Для его подавления последовательно посылались экспедиции: ген. Кальега (12 тыс. чел. войска), маршала Кампоса (30 тыс. чел.), ген. Вейлера. Последний в 1895, действуя с исключительной жестокостью, очистил две трети острова от повстанческих отрядов. Но к тому времени началось открытое вмешательство США, к-рые все время оказывали тайную поддержку повстанцам. США заявили протест против действия Вейлера. В 1897 США потребовали приостановления военных действий на Кубе как вредящих интересам США. Испания отозвала генерала Вейлера и заменила его маршалом Бланко, предложив ему осуществить политику автономии. Тем не менее война была неизбежна; взрыв американского крейсера «Мейн», наткнувшегося на мину в Гаванне, явился поводом к ней. 20/IV 1898 США предъявили Испании ультиматум, требуя прекращения военных действий на Кубе и эвакуации испанских сил. И. отвергла ультиматум. Начавшаяся Испано-американская война закончилась уже в следующем месяце полным разгромом И. Испанский флот был разбит около Манильской гавани и у Сантьяго де Куба. Американский десант в две недели справился с испанскими силами на острове, отрезанными от метрополии. По заключенному в декабре 1898 в Париже миру И. отказалась от суверенных прав в отношении Кубы, Порто-Рико, Филип-

пин, о-вов Зулу и крупнейших Маршальских о-вов, получив за это от США 4 млн. ф. ст. Но эта сумма не имела для испанских финансов никакого значения, так как в результате войны внутренняя и внешняя задолженность И., возросши на 100 с лишним млн. ф. ст., превысила 360 млн. ф. ст.

1899—1909. Разгром И. как колониальной державы представляет известный рубеж в ее истории. Поражение, вызванное в значительной степени военно-техническим превосходством США и социально-экономической отсталостью И., привело к новому усилению республиканских тенденций (в 1903 на выборах в кортесы прошло 34 республиканца), национального движения, рабочего движения, к разброду буржуазных партий, к частой смене кабинетов. В области внешней политики военный разгром 1898 по существу вывел И. из рядов колониальных держав и окончательно определил подчиненную (Англии и Франции) роль военно-феодального империализма И. Под влиянием этого поражения сложилось буржуазно-интеллигентское, т. н. «поколение 1898», стремившееся к установлению буржуазной республики путем устранения важнейших пережитков феодализма, тормазивших социально-экономическое развитие И. Национально-сепаратистское движение особенно усилилось в северных промышленных областях—Каталонии и Бискайе. Рост промышленности — в значительной степени на средства иностранного капитала—содействовал усиленному формированию кадров пролетариата.

Рабочее движение росло, несмотря на то, что в среду социал-демократии и находившихся под ее влиянием профсоюзов к началу 20 в. уже начал проникать дух реформизма. В то же время анархисты начинают восстанавливать свои организации, особенно в наиболее развитой в промышленном отношении Каталонии, где в 1900 под их влиянием была образована федерация рабочих обществ с числом членов около 50 тысяч. В выпущенном манифесте федерация вновь подчеркивает свою анархистскую антиполитическую установку. Каталония с Барселоной стали главным центром рабочего движения. В начале 1902 в Барселоне происходила 7-недельная забастовка металлистов, переросшая в 7-дневную генеральную забастовку, которая сопровождалась баррикадными боями и была жестоко подавлена ген. Вейлером.

В том же году в Каталонии начал свою деятельность *Лерус* (см.), пытавшийся под лозунгом «революция и республика» использовать антагонизм между пришлыми и местными рабочими и направить движение первых в антисепаратистское русло, действуя так. обр. на-руку правительству. Усилились внутренние трения в рядах буржуазных партий (распад либеральной партии в 1903 и ее восстановление лишь в 1904 в качестве «демократической партии» во главе с Монтеро Риос; в консервативной партии—борьба между фракциями Сильвела, Вильяверде, Маура).

Значительную роль играл вопрос о церкви, к-рая несмотря на декреты 1887 и 1902 о религиозных конгрегациях продолжала усиливать свои позиции. В 1906 король подписал ордонанс о легализации гражданских браков среди католиков, который остался в силе, несмотря на ожесточенное сопротивление церкви, поддержанной большинством консерваторов. В 1909 был проведен закон о местном управлении, расширивший ответственность местных выборных органов, вводивший обязательность голосования и отменявший официальное вмешательство в выборы (которое фактически сохранилось благодаря системе касиката). Наряду с этим новые льготы были даны армии. По закону 18/III 1906 личное оскорбление офицеров подлежало юрисдикции военного суда, в то время как оскорбление армии в целом и национального флага подлежало ведению судов гражданских.

В области внешней политики после состоявшейся в 1906 *Алжесирасской конференции* (см.), сократившей старый раздел сфер влияния в Марокко между Испанией и Францией, в 1908 было заключено англо-франко-испанское соглашение о гарантии «статус кво» в Средиземном море. Однако политику империалистической экспансии в Марокко Испания могла проводить, только играя на противоречиях между Англией и Францией. Между тем как на деле эти противоречия, в результате образования *Антанты* (см.) и роста англо-германского антагонизма, заметно теряли свою остроту, марокканская политика привела и к внутренним осложнениям. В связи с попыткой правительства мобилизовать в июне 1909 каталонские резервы для отправки в Марокко в Барселоне произошло восстание («кровавая неделя»), вызвавшее волну генеральных забастовок во всей стране. Восстание было жестоко подавлено, а обвиненный в подготовке к восстанию Франсиско *Феррер* (см.) казнен, несмотря на протесты буржуазного общественного мнения Европы.

1909—14. 1909 ознаменовался началом активной, ярко выраженной политической борьбы рабочего класса И. Тем не менее под влиянием роста империализма и международного реформизма нек-рые слои соц. партии и профсоюзных деятелей все более заражаются оппортунизмом, политикой «положительной парламентской тактики». На выборах 1910 в кортесы прошел первый социалистический депутат—П. Иглесиас. В Каталонии в 1911 на барселонском съезде с представительством от 60 тыс. рабочих под влиянием анархистов была основана по французскому образцу существующая поныне анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда. С того же года существует Всеобщий союз рабочих (ВСР), руководимый социалистами. Негодование, охватившее широкие народные слои в связи с барселонской «кровавой неделей» (см. выше), привело к замене консерваторов либералами во главе с Каналехасом. Под влиянием массового движения Каналехас принял некоторые меры к ограничению роли и прав церкви. В 1910 последовал ряд циркуляров, декретов и ордонансов о налоговом обложении церкви, о строгой регистрации религиозных орденов и т. д., наконец был издан закон, запрещавший открытие новых конгрегаций в Испании до завершения переговоров с Ватиканом, приведший к дипломатическому разрыву с последним. Для ослабления сепаратистского движения в 1912 был специально внесен проект об образовании каталонского областного органа самоуправления (de mancomunidades), проведенный декретом в 1913, но не осуществленный из-за войны.

Активизация империалистической политики продолжалась. В 1910 было заключено доба-

вочное соглашение с марокккским султаном, закрепившее за И. захваченную ею богатую ископаемыми Риффскую обл. формально на 75 лет—до полной уплаты контрибуции 190 млн. пезет со стороны Марокко. В начале 1911 король посетил Марокко, а осенью 1911 испанское правительство, пользуясь агадирским инцидентом (см. *Агадир*), высадило десант в Лараше. Однако уже в декабре марокканские племена атаковали испанцев и разбили их у реки Керт. Марокканская война привела к новому усилению массового движения. Летом 1911 среди команды крейсера «Нумансия» был раскрыт республиканский заговор, в сентябре вспыхнула забастовка 22 тысяч металлистов Бильбао, переросшая в генеральную стачку, к которой присоединились астурийские горняки, рабочие Каталонии, Валенсии и др. Осенью 1912 имели место новые крупные забастовки, из них особенно крупной была генеральная железнодорожная забастовка, охватившая всю страну.

Рост рабочего движения вызвал попытку сближения монархии и республиканцев под лозунгом: «монархия—не препятствие к демократии». В это время в частности была образована возглавляемая Мелькиадес Альварес т. н. реформистская партия. С другой стороны, либералы раскололись на две фракции. Одна фракция—Романонеса (премьер после убийства Каналехаса 12/XI 1912)—стояла за сближение с Францией и сотрудничество с ней в Марокко и за издание закона об областных органах самоуправления; другая фракция—Гарсиа Прето—высказывалась за отстаивание империалистических интересов И. в Африке против Франции с опорой на Англию и Германию. Сближение короны с б. республиканцами вызвало протест и острые разногласия в среде правых консерваторов (Маура, Ла Сиерва) с королем, к-рый в 1913 назначил премьером более умеренного Дато в обход Маура.

С объявлением войны острые разногласия по внешнеполитическим вопросам, отражавшие определенные интересы отдельных капиталистических группировок Испании, привели к окончательному распаду и консерваторов и либералов на целый ряд враждующих между собой фракций.

И. ОТ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

Период империалистической войны. В империалистической войне Испания осталась нейтральной. Основными причинами этого было: 1) отсутствие внешних объектов (кроме, пожалуй, Марокко), к захвату к-рых И. могла бы стремиться ценой войны; 2) относительная взаимная нейтрализация влияния центральных держав (преимущественно среди помещичьих, придворных и церковных слоев) и Антанты (преимущественно среди буржуазии) с небольшим преобладанием первых; 3) невозможность для И. выступить против Антанты в силу военной слабости и особенностей географического и стратегического положения; 4) прямая экономическая выгода от нейтралитета. От нейтралитета И. действительно выиграла. Перед промышленностью И. открылись иностранные рынки сбыта. Почти всегда пассивный внешний торговый баланс Испании был активен за пятилетие 1915—19. В страну хлынул поток золота. С 1914 по 1917 золотой запас испанского банка вырос с 0,6 до 2,1 млрд. пезет. Рост промышленности выражается в следующих цифрах (в тысячах тонн):

	1913	1917
Добыча каменного угля	4.016	5.367
Производство стали	242	400
Добыча цинка	6	10
Добыча марганца	13	57
Добыча серы	42	84
Производство электроэнергии (в млн. kW/час.)	62,5	228,4 (1920)
Мощность гидро-электроустановок (в тыс. л. с.)	218 (1914)	438 (1918)

Однако наряду с успехами в ряде отраслей наблюдались застой и упадок: к 1917 добыча железной руды сократилась вдвое, свинца—на $^1/_3$, олова—в 10 раз и т. д. Испанская промышленность, в значительной мере работавшая на средства иностр. капитала (см. выше—Экономич. очерк) и использовавшая лишь временную выгодную конъюнктуру военных заказов, не была ни переоборудована решительно в отношении техники ни ощутительно реорганизована в направлении концентрации.

Эти противоречивые явления в развитии индустрии И. объясняются сохранением феодальных пережитков в области с. х-ва, значительно сужавших внутренний рынок, и всей дворянско-монархической государственной надстройки, ложащейся очень тяжелым бременем на хозяйство страны. Эти пережитки оказались живучими благодаря переплетению интересов промышленной буржуазии и дворянского землевладения (ипотечный кредит, помещичьи инвестиции в промышленности, особенно обрабатывающей с.-х. продукты, и т. д.).

Именно потому, что феодальные пережитки стали особенно ощутительно препятствовать росту промышленности, широкие слои буржуазии перешли в оппозицию к дворянско-монархическому строю И. Особенно обострились противоречия между правящими кругами и передовой каталонской буржуазией. В еще большей степени росли противоречия между пролетариатом и буржуазией и между крестьянством и помещиками. Реальная зарплата рабочих понизилась: в 1917 индекс цен (за 100 приняты цены 1913) на съестные припасы составил 125, а зарплаты—только 105.

Уже в 1916 начались острые социальные конфликты. Соц. партия и ВОРИ выступали с рядом экономических и политич. требований (борьба с дороговизной, амнистия политзаключенным и т. д.). Для осуществления этих требований ВОРИ провело широкую кампанию и установило единый фронт с анархо-синдикалистской Национальной конфедерацией труда (НКТ). В последней руководство от анархистов переходит к синдикалистам (в лице Сеги); 18/XII 1916 обе организации провели 24-час. всеобщую стачку под знаком упомянутых требований. Эта стачка явилась первым крупным сражением, открывшим целую полосу выступлений испанского пролетариата.

Обострение классовой борьбы сопровождалось и организацией сил контрреволюции. В середине 1916 ожили старые дворянско-офицерские хунты под новым названием juntas de defensa (хунты защиты). От профессионально военных задач они перешли к политическим, активно вмешиваясь во внутреннюю жизнь страны, с прямой поддержкой короля, причем выступавшие против них и либеральные и консервативные премьеры сплошь и рядом терпели неудачу.

Начало революционного кризиса. К 1917 наметился определенный рост республиканских настроений. Революционные события были значительно ускорены русскими Февральской и особенно Октябрьской революциями. Первоначально наметилось даже нечто вроде единого фронта всех оппозиционных в тот момент по отношению к дворянско-монархическому строю сил: части промышленной буржуазии, в частности каталонской, мелкой буржуазии, рабочих организаций. Монархически-оппозиционная буржуазия группировалась вокруг так называемой реформистской партии М. Альвареса. Другая часть буржуазии (особенно «поколение 1898», см. выше) примыкала к республиканско-социалистическому блоку, объединявшему ряд буржуазных и мелкобуржуазных организаций, как радикальная партия А. Леруса, радикал-социалисты во главе с М. Доминго, социалистическая партия и т. д. Сильнейшим отрядом крупной буржуазии была передовая каталонская буржуазия, организованная в Лигу областников (рехионалистов—Liga Regionalista) во главе с Ф. Камбо и Вентоса. Ее требования сводились к получению для Каталонии известных прав в области финансов и языка. Основным же требованием буржуазного блока в целом был пересмотр конституции в сторону ограничения монархии. Цитаделью этого движения стал центр промышленной Каталонии—Барселона, где после закрытия парламента и отмены конституционных гарантий (25/VII 1917) каталонские депутаты и сенаторы созвали нелегальные кортесы, просуществовавшие лишь с 5/VII по 19/VII, когда были разогнаны.

Августовская генеральная забастовка (13—19/VIII) явилась одним из крупнейших послевоенных политических выступлений пролетариата. Рабочие выдвинули буржуазно-демократические требования временного правительства, созыва учредительного собрания и т. п. Широкий размах событий вызвал введение осадного положения. В промышленных центрах—Барселоне, Бильбао и др. — произошли кровавые столкновения, в результате к-рых насчитывалось около 400 убитых. Движение потерпело поражение в основном по следующим причинам: 1) отсутствие революционного руководства (не было компартии); 2) отсутствие единого руководства—слабость контакта между ВОРИ и НКТ; 3) предательская тактика крупной буржуазии, в решительный момент переметнувшейся на сторону монархической реакции. Буржуазия, испугавшись размаха пролетарского движения, перешла от оппозиции к содействию правительству в подавлении забастовки. Между тем конфликт с хунтами и с оппозиционными парламентариями, требовавшими созыва кортесов, привел 27/X к падению кабинета Дато. Недельный правительственный кризис разрешился 4/XI образованием правительства «национального единения» во главе с Г. Прито и в составе 4 либералов, 3 консерваторов и 2 каталонских националистов (Вентоса и Родес). Состав этого кабинета весьма симптоматичен: первая в Испании коалиция такого рода является признаком развала старых партий; затем, совершенно новым является привлечение в правительство представителей каталонских политических организаций—признак возросшей за время войны силы каталонской буржуазии; вместе с тем этот состав обнаруживает и готовность буржуазии блокироваться с монархией против рабочего движения.

Октябрьская социалистическая революция дала мощный толчок революционному движению пролетариата Испании, который на протяжении 1918—20 переходит в наступление. В то же время Октябрьская революция усилила склонность буржуазии к компромиссу с монархией.

Наступление пролетариата в 1918—20. 1918—1920 были годами наивысшего подъема стачечной волны, крестьянских выступлений, национальной борьбы под непосредственным влиянием пролетарской революции в России. Положение народного хозяйства И. продолжало в этот период оставаться прочным: военные поставки в воевавшие страны, а позже широкий экспорт самых разнообразных товаров испанской промышленности, укрепившейся за годы войны в отличие от пром-сти большинства стран, способствовали, как уже было сказано, дальнейшему притоку золота в И. (золотой запас испан. банка с 1917 по 1920 возрос с 2,1 до 2,5 млрд. пез.). Курс пезеты к 1917 превышал паритет и начал затруднять вывоз; одновременное наступление пролетариата внутри страны заставило буржуазию повысить зарплату, а тем самым и себестоимость продукции. Поэтому с 1917 И. переходит к политике инфляции; количество денег, обращавшееся в стране, сильно выросло: в 1914 находилось в обращении 2 млрд. пезет, в 1917—2,8 млрд. пезет, в 1920—4,3 млрд. пезет. С этих пор начинается рост. Инфляция облегчает положение промышленности (зарплата, налоги, демпинг) и отвечает интересам буржуазии. Характерно, что буржуазией неоднократно ставился вопрос о стабилизации, но никогда—о ревалоризации.

Главной ареной борьбы рабочих была попрежнему Барселона и вообще Каталония; на втором месте стояли Бискайя и Астурия. Численность наиболее массовой организации рабочих — НКТ — к 1920 достигает 1 млн. членов. Большинство возглавлявшихся ее союзами (в 1918 все союзы НКТ были реорганизованы по производственному принципу в единые союзы) стачек кончалось победой рабочих, и в результате упорной стачечной борьбы к 1920 зарплата в общем достигла довоенного уровня, а частично и превысила его, продолжительность же рабочего дня постепенно приближалась к 8 час. 15/I 1920 8-часовой рабочий день был официально узаконен.

О влиянии Октябрьской революции и идей коммунизма на рабочее движение Испании свидетельствует также и отношение к Сов. России и к Коминтерну со стороны рабочих организаций. НКТ на 2 съезде в декабре 1919 постановила присоединиться к Коминтерну. На 2 конгрессе Коминтерна в качестве делегата НКТ присутствовал *Пестанья* (см.). На том же декабрьском съезде 1919 НКТ вынесла резолюцию о единстве профдвижения и предложила ВОРИ в 3-месячный срок войти в НКТ, угрожая в противном случае объявить его желтой организацией.

Зараженная соглашательством соц. партия и реформистское ВОРИ вынуждены были в эти годы под давлением масс и своего левого крыла итти на ряд более радикальных шагов и в области стачечной борьбы и в смысле позиции в отношении Сов. России. Так, на чрезвычайном съезде соц. партии 11—12/XII 1919 голоса разделились почти поровну по вопросу о вхо-

ждении во 2-й или 3-й Интернационал. За вступление во 2-й Интернационал голосовали делегаты, представлявшие 14 тыс. членов партии, а за вступление в Коминтерн — представлявшие 12,5 тыс. членов партии. Вопрос был оставлен открытым. Съезд высказался далее против блокады РСФСР, но в то же время и против объединения с НКТ. На съезде 25/VI 1920 соц. партия определенно постановила присоединиться к Коминтерну и послала в конце года делегацию в Москву, которая однако с ИККИ не договорилась (см. ниже—Коммунистическая партия Испании). Главными отрицательными сторонами рабочего движения этих годов являлись распыленность сил рабочего класса между НКТ и ВОРИ и тактика индивидуального террора анархистов, особенно в Барселоне. Анархистские действия отвлекали рабочих от массовых выступлений и явились непосредственным поводом к контрмерам буржуазии в виде соматенов (см. ниже) и др.; анархизм несомненно также способствовал развитию провокации. Широко развернулось и крестьянское движение, особенно в Андалузии (захват земель крестьянами, образование советов). Этот период (1918—20) назывался в Испании «большевистским трехлетием» и носил на себе печать значительного влияния Октябрьской революции. За эти годы обострились противоречия и по линии национальной, особенно с конца 1918. В связи с борьбой вокруг вопроса об автономии Каталонии один за другим падают два кабинета: А. Маура (ноябрь 1918) и Г. Прито (декабрь 1918). В конце 1919 внепарламентская, в начале 1920 — парламентская комиссия вырабатывали проект автономии Каталонии, предусматривающий автономный парламент. Каталонцы устами Камбо, главы Liga Regionalista (Лига областников), партии крупных капиталистов, требовали большего: «суверенитета, а не децентрализации», самостоятельности в финансовых вопросах. Проект не был проведен в виду обострения внутреннего положения, роспуска парламента и из-за блокирования каталонской буржуазии с испанской реакцией для подавления рабочего движения.

В рядах правящих классов—дворян-землевладельцев и буржуазии—разброд чередовался с попытками организации контрнаступления. Разброд особенно наглядно обнаружился в выборах, к-рые были произведены два года подряд (24/II 1918 и 1/VI 1919); в них участвует около 22 групп и они не дают прочного большинства ни консерваторам ни либералам при росте числа голосов оппозиционных партий (реформистов, республиканцев, социалистов-рехионалистов). В течение $2^1/_2$ лет сменилось 8 кабинетов, из них два коалиционных. После падения кабинета Г. Прито (март 1918) к власти пришла коалиция А. Маура в составе: по 3 консерватора и либерала (от всех групп), 2 каталонца (Камбо и Вентоса) и 2 военных. Но и она продержалась лишь $7^1/_2$ месяцев и распалась главным образом из-за разногласий по каталонскому вопросу. Наряду с этим позиция военных хунт стала настолько угрожающей, что 11/II 1918 правительство декретным путем поспешило провести требуемую ими военную реформу, в частности повышение окладов. Это привело к нек-рому успокоению и временному частичному самороспуску хунт. В то же время полевение масс привело к принятию социалистической партией 5/XI 1918 новой программы с требованием созыва Учредительного собрания, отмены Сената и т. д.

В отношении пролетариата помещичье-буржуазный единый фронт оставался прочным. В связи с генеральной забастовкой 25/III 1919 были отменены конституционные гарантии; отмена их продолжалась (с небольшими перерывами) ровно 3 года и была особенно ощутительна в Барселоне. Барселонская буржуазия в 1919 воссоздала старые национальные органы самообороны, т. н. соматены (от каталонского «Som-atenta»—«мы на-чеку»), добровольческие вооруженные организации фашистского характера, члены к-рых вербуются среди мелкобуржуазных слоев и деклассированных рабочих в целях поддержания порядка, оказания помощи полиции, для штрейкбрехерства и т. д. В том же 1919 каталонская буржуазия создала предпринимательскую федерацию, к-рая затем превратилась во всеиспанскую (Federacion Patronal Española). В окт. 1919 эта федерация созвала в Барселоне съезд, к-рый постановил объявить локаут по всей стране для подавления рабочего движения. 14-недельным локаутом, проведенным в конце 1919 и начале 1920, буржуазия не добилась поражения рабочих: требования предпринимателей о невмешательстве в дела производства и о признании аккордной системы зарплаты не были приняты рабочими; наоборот, когда 24/III 1920 вспыхнула 24-часовая генеральная забастовка железнодорожников за повышение зарплаты, правительство было вынуждено удовлетворить все требования и для этой цели выдало авансы ж.-д. компаниям.

Контрнаступление буржуазии. 1920—22. К середине 1920 буржуазия Испании переходит в контрнаступление. Использовав рост безработицы, связанный с послевоенным кризисом и вытеснением испанских товаров с ряда рынков, испанская буржуазия вступила на путь уменьшения заработной платы и т. п. Наступление на экономические права рабочего класса шло рука об руку с мероприятиями политическими и в частности сопровождалось жестокими репрессиями. Поднявшая голову контрреволюция нанесла основной удар по центру революционного движения—Барселоне. В ноябре 1920 новым губернатором здесь был назначен ген. Мартинес Анидо и начальником полиции — ген. Арлеги. Они открыли полуторалетнюю полосу разнузданного белого террора. В дополнение к полиции и соматенам Анидо и Арлеги создали т. н. «свободные союзы»—штрейкбрехерские организации фашистского типа, образованные из деклассированных элементов. Преследованиям подвергались не только рабочие, но и представители демократической части буржуазии и интеллигенции. Соматенисты и члены свободных союзов открыто стали убивать рабочих на улицах. Так, за полтора года от белого террора погибло от 300 до 500 рабочих. Профсоюзные организации были загнаны в подполье, рабочая печать закрывалась. Этот террор был продуктом блока каталонской крупной буржуазии с испанской реакцией не только против рабочих, но и против каталонской же мелкой буржуазии и интеллигенции.

Контрнаступление буржуазии тяжело отразилось на рабочем движении и рабочих организациях: стачечная волна сильно пошла на убыль. Это видно из следующего сопоставле-

ния цифр, характеризующих стачечное движение в 1920 и в 1921.

Годы	Число стачек	Число участников	Число потерянных дней
1920	1.060	244.684	7.261.762
1921	373	83.691	2.802.299

Число членов НКТ и ВОРИ уменьшилось. К тому же в НКТ руководство вновь перешло к анархистам, к-рые продолжали свою террористическую деятельность (8/III 1921 анархистом был убит премьер Дато, консерватор). Одновременно анархисты вели кампанию против вхождения в Коминтерн.

О дезорганизации рабочего движения за эти годы свидетельствует и относительно слабое реагирование пролетариата на разгром испанской армии в Марокко в июле 1921, при к-ром испанская армия потеряла ок. 25.000 чел., ок. 260 орудий, а ее командующий ген. Сильвестре покончил самоубийством. Компартии удалось вызвать забастовку в Бильбао, но остальные города ее не поддержали. В июле и августе, в связи с отправкой новых войск в Марокко, в Бильбао и Валенсии происходили волнения воинских частей.

Марокканское поражение обострило противоречия и среди господствующих классов: с одной стороны, — падение кабинета Альенде Саласара (11/VIII 1921), назначение парламентской комиссии во главе с ген. Пикассо для расследования причин поражения, с другой стороны,—новое усиление военных хунт, сопротивляющихся этому расследованию. Попытка правительства А. Маура ограничить деятельность хунт, превратить их в военно-культурно-информационные органы, подчиненные военному министерству (junts informativas), приводит к падению кабинета (4/III 1922). Марокканское поражение явилось доказательством слабости империализма И., гнилостности ее дворянской армии.

«Временное успокоение» и переворот Примо де Ривера. 1922—23. Некоторое улучшение экономического положения, с одной стороны, и вызванное марокканским поражением недовольство широких слоев, с другой—привели весной 1922 к попытке части буржуазии внести успокоение путем восстановления конституционных гарантий.

В Барселоне был прекращен белый террор. Авидо и Арлеги были отстранены. Ранее запрещенные профсоюзы были разрешены вновь. Рабочие организации все же не смогли выйти из состояния дезорганизации. Анархисты по существу переродились в реформистов. Они выступали на этом этапе против насилия вообще— за «культуру и просвещение» рабочего класса; им удалось добиться на Сарагосской конференции НКТ в июне 1922 разрыва НКТ с Коминтерном; анархисты высказались против Красного профинтерна. В то же время соц. партия и ВОРИ вели явно раскольническую политику. ВОРИ в ноябре 1922 исключило из своего съезда всех коммунистов, а затем 30 революционных профорганизаций, сорвало ряд забастовок и т. д. Так, одновременно появились социал-фашизм и анархо-реформизм. Лишь коммунистическая партия вела революционную борьбу, руководила комитетами революционных синдикалистов, образовавшихся в НКТ и ВОРИ как профессиональная оппозиция, проводила тактику единого фронта.

Временное успокоение дало правительству С. Герра возможность в ноябре 1922 провести через кортесы закон о роспуске хунт. Однако уже в декабре 1922 кабинет С. Герра пал вследствие разногласий с хунтами по вопросу об ответственности за марокканское поражение. Выборы 29/IV 1923 (последние выборы в кортесы при монархии) дали либералам большинство. Но в виду внутренней борьбы либеральных групп положение кабинета Г. Прито оставалось непрочным.

К лету 1923 вновь усилилась стачечная борьба пролетариата (за 1923 было 411 стачек с 210.568 участниками), обострился национальный вопрос Каталонии, сильно давало знать о себе недовольство в связи с поражением в Марокко, не прекращалось брожение в армии и недовольство буржуазии, сопровождавшееся разбродом среди буржуазных партий, и т. д.

В этих условиях дворянско-монархические круги и буржуазия нашли выход из положения путем установления военно-фашистской диктатуры. 13—15 сентября 1923 генерал-капитаном (командующим военным округом) Каталонии Примо де *Ривера* (см.) был совершен военный переворот при поддержке каталонских капиталистов и короля. Правительство Прито подало в отставку и было заменено военной диктатурой. Ее официальная цель, как она выражена в манифесте: «чистка страны от профессиональных политиков», разрешение марокканского вопроса, установление виновников поражения в Марокко. Подлинный смысл переворота состоял в том, что Примо де Ривера был представителем военно-дворянских кругов, связанных с добывающей промышленностью, к-рые стремились военной диктатурой подавить классовую борьбу пролетариата и крестьянства и одновременно примирить интересы промышленной буржуазии и земельного дворянства на базе форсированного развития промышленности с применением методов гос. капитализма.

Диктатура Примо де Ривера. 1924—31. Диктатура начала с объявления военного положения, роспуска парламента (15/IX 1923), отмены конституционных гарантий, введения цензуры, запрещения публичных демонстраций и т. д. Было назначено правительство из генералов по принципу представительства от всех родов оружия. Военная диктатура заменила всех гражданских губернаторов военными. Все политические партии, не исключая и монархических, были распущены. Примо создал (1/V 1924) служившую ему опорой фашистскую партию—«Патриотический союз» (Union patriotica), состоявшую из разношерстных элементов — от дворянства до деклассированных элементов пролетариата.

Всю силу своей диктатуры Примо де Ривера направил на спасение монархии, на охрану интересов феодализма и переплетавшихся с ними интересов крупной буржуазии. Диктатура поддерживалась рехиональной лигой (областнической лигой Каталонии), т. е. представителями наиболее мощных финансовых кругов И., к-рые ради подавления революционного движения в И. пожертвовали национальными интересами Каталонии.

Диктатура выступила противником парламентаризма и «профессиональных политиков», дискредитированных системой «касиката». Тем самым диктатура подтянула к себе некоторую часть мелкой буржуазии, критически относившейся к парламентаризму и к тому же обреченной выбирать между революцией и диктатурой, обещавшей создать «порядок». Воз-

главлявшийся им строй Примо де Ривера назвал «надклассовым государством». Правда, отдельные монархические политики (Альба, Романонес), отражавшие интересы иностранного, гл. образом французского капитала, были против «экономического национализма» диктатуры, а буржуазные интеллигенты вроде *Унамуно* и *Бласко-Ибаньеса* (см.) создавали фронду против диктатуры, но буржуазия в целом их не поддержала. Примо де Ривера ставил перед собой и «национальные задачи», пытаясь объединить крупную и мелкую буржуазию националистическими лозунгами. Он стремился путем льгот и правительственных подачек испанскому капиталу ограничивать роль иностранного капитала в стране. При этом, кидая подачки каталонским и баскским капиталистам, Примо безжалостно громил национальные организации каталонцев и басков. Ведя колониальную войну в *Марокко* (см.), он стремился увлечь мелкую буржуазию мечтами о «великой Испании», куда вошла бы и испанская Америка. Одновременно Примо демагогически выдвинул лозунг «дешевого правительства». Сэкономив несколько миллионов на разогнанных парламенте и муниципальных советах, диктатура щедро раздавала субсидии промышленникам и наряду с этим создала широкий слой своих политиканов, разворовывавших казну. С 1922 по 1929 долг государства вырос с 14 млрд. пезет до 20 млрд. Бюджет дал около 1 млрд. пезет дефицита. Долги муниципалитетов, которыми управляли ставленники диктатора, выросли с 72 млн. пезет в 1921 до 318 млн. пезет в 1929.

Опираясь гл. обр. на армию и ориентируясь на помещиков и крупную буржуазию, Примо де Ривера вместе с тем искал поддержки и среди мелкой буржуазии. «Патриотический союз» и был по преимуществу организацией городской мелкой буржуазии и деклассированных элементов городского рабочего населения. В сельских же местностях позиции Примо преимущественно защищались духовенством. Наряду с охраной интересов помещиков Примо стремился создать крепкий кулацкий слой, которому облегчал выкуп земли у помещиков. Для методов фашистской диктатуры Примо де Ривера характерно то, что она проводила свою политику «разрешения» рабочего вопроса, используя социалистических вождей реформистских союзов, отказавшихся от классовой борьбы. При их поддержке Примо создал свои «паритетные комиссии» (по 5 представителей от рабочих и от предпринимателей под председательством правительственного чиновника), обсуждавшие условия труда, вопросы зарплаты, социальные конфликты и т. п. Попутно, подражая Муссолини, Примо создал корпорации (закон о корпорациях 22/XI 1926) — особое управление, ведавшее вопросами страхования, безработицы и т. д. Все это, подчиняясь министерству труда, вводилось в русло диктатуры, к-рой таким образом оказывали значительную поддержку реформисты. Диктатуре помогли и анархо-синдикалисты, которые в решительный момент обострившейся классовой борьбы в 1923 добровольно распустили свои профсоюзные организации (НКТ), тем самым разоружив пролетариат в борьбе против фашистской диктатуры. Борьбой рабочих руководили коммунисты и революционные синдикалисты. Однако компартия, находившаяся в подпольи, работала в очень тяжких условиях (в 1925 ее ЦК три раза арестовывался); ей так и не удалось в тот период стать массовой партией. К тому же она совершила ряд оппортунистических ошибок, среди которых на первом месте стояла «ставка на самотек» в отношении ликвидации диктатуры Примо де Ривера. Стачечная борьба в эти годы пошла на убыль, усилившись снова лишь в 1927. Буржуазия поддерживала диктатуру до тех пор, пока та кидала ей подачки за счет государственных субсидий, протекционистских тарифов и т. д. Но Примо де Ривера сделал попытку по-своему регулировать внутреннюю жизнь крупных предприятий, став на путь огосударствления отдельных отраслей промышленности. С этой целью был образован в 1924 Экономический совет, замененный в 1926 Комитетом по регулированию промышленности. Эти органы пользовались правом вмешательства в деятельность частных предприятий. Без их разрешения нельзя было открывать, закрывать, объединять предприятия и расширять или сужать объем производства и т. д. Одновременно были созданы принудительные объединения и монополии (смешанного государственно-частного типа): нефтяная, табачная, свинцовая, резиновая и т. д.

Национальная политика Примо де Ривера, отличавшаяся крайней реакционностью, также не способствовала укреплению его диктатуры. Первоначально, будучи генерал-капитаном Каталонии, Примо опирался на каталонскую буржуазию. Но под давлением военщины он вскоре выступил против каталонского национального движения, отменил предоставленную Каталонии еще в 1914 видимость самоуправления, так наз. манкомунидад (см. выше), и дошел даже до того, что запретил преподавать в школах каталонский язык. Попыткой же поощрения тяжелой промышленности Испании за пределами Каталонии Примо де Ривера восстановил против себя каталонскую буржуазию еще больше, чем мероприятиями политического характера.

В области марокканского вопроса Примо ценою больших жертв добился некоторого успеха. Первоначальным его планом, согласно его декларациям, было ограничение действий испанских войск в Марокко. В этих целях в конце 1924 он провел заранее приготовленное отступление войск. Но летом 1925 испанские войска возобновили вместе с франц. войсками наступление по широкому фронту. Войска *Абд-эль-Крима* (см.) были сильно ослаблены к осени 1925, а весной 1926 окончательно разгромлены, и их вождь сдался в плен. Примо де Ривера публично признал, что марокканская война стоила И. 400.000 чел. и 800 млн. пезет. После «разрешения» марокканского вопроса И. в 1926 развила большую активность в области внешней политики, причем главным объектом явился *Танжер* (см.). Статут 1923 (подписанный И. 7/II 1924 и вступивший в силу с 1/XII 1924) уже не удовлетворял И. Через Танжер риффы, выступившие против И., контрабандным путем снабжались оружием. 26/VIII 1926 Испания представила меморандум Англии, Франции и Италии, требуя включения Танжера в испанскую зону и предлагала созвать для обсуждения этого вопроса конференцию «алжесирасских» держав в Женеве. Для подкрепления своего требования И. пыталась воспользоваться двумя рычагами: Лигой Наций и поддержкой со стороны Италии. Она выставила требование на постоянное место в Совете Лиги

Наций, угрожая выходом из нее и ставя свои уступки в этом вопросе в зависимость от удовлетворения ее требования относительно Танжера. Англия и Франция дали по существу отрицательный ответ, сессия Совета Лиги не предоставила И. постоянного места, и в результате И. 4/IX 1926 вышла из Лиги. Благоприятный ответ на свой меморандум она получила только от Италии, не участвовавшей в подписании статута 1923 и поэтому заинтересованной в его пересмотре. Политика сближения с Италией была начата И. еще с 1923 (поездка испанского короля и Примо де Ривера в Рим в конце 1923 и ответный визит итальянского короля в июне 1924). 7/VIII 1926, т. е. незадолго до отправления меморандума, Испания заключила с Италией договор о дружбе, ст. XIII к-рого предусматривает взаимный нейтралитет в случае нападения третьей стороны на одну из них. И. не удалось добиться большего, чем открытия переговоров с Францией (18/II 1927). Однако Франция отвергла требования И. о расширении зоны ее влияния в Танжере и только спустя долгое время после посещения итальянским флотом Танжера (29/I 1927) согласилась на четверную конференцию (Франции, И., Англии и Италии), к-рая 20/III 1928 открылась в Париже. Одновременно И. в виде уступки возвратилась в Лигу Наций (22/III 1928), не получив однако постоянного места в Совете Лиги. Конференция в Париже закончилась 25/VII 1928 подписанием нового танжерского статута, к-рый по сути дела ничего существенного И. не дал. Дипломатическая вылазка И. еще раз вскрыла ее слабость.

В течение 1925—27, в условиях относительной экономической стабилизации, спада стачечной волны, снятия с повестки дня марокканского вопроса и т. д., Примо де Ривера проводил политику «стабилизации» и «нормализации», следуя и здесь примеру Италии. Основными этапами внутренней политики И. в этом направлении были: отмена осадного положения (17/V 1925); замена директории кабинетом из гражданских ставленников диктатуры во главе с самим Примо (3/XII 1925); народное голосование по вопросу об отношении к диктатуре, проведенное в 1926 под непосредственным нажимом «Патриотич. союза»; замена принципа продвижения в армии по стажу принципом продвижения по заслугам (1928); созыв 10/X 1927 совещательного Национального собрания в составе 400 депутатов (почти сплошь назначенных правительством) для выработки новой конституции, рассмотрения бюджетов и т. п. Все эти акты в ряду прочих мероприятий правительства Примо де Ривера неизбежно вели к кризису диктатуры.

В годы частичной стабилизации капитализма положение народного хозяйства И. было относительно благоприятным, расширился ряд производств, значительно уменьшилась пассивность торгового баланса, но, начиная с 1927—28, экономическое положение И. ухудшается, и в 1930 страну охватил кризис, распространившийся прежде всего на сел. х-во. В январе 1930, в условиях обостряющегося экономического кризиса, Примо де Ривера производит «опрос» - разведку среди высшего генералитета и в виду его неудачного исхода 28/I выходит в отставку.

Падение военно-террористической фашистской диктатуры в И. было одним из первых проявлений в политической области мирового экономического кризиса, особенно сильно сказавшегося на И., как на одном из слабейших звеньев империалистической цепи.

Политический кризис 1930—31. Диктатура Примо де Ривера была заменена кабинетом фаворита короля ген. Беренгера, представлявшим в основном те же круги связанного с промышленностью дворянства. Смысл этой смены состоял в том, чтобы создать в стране демократические иллюзии обещанием восстановления конституции и проведения выборов на основе конституции 1876 в муниципалитеты, провинциальные депутации и кортесы. Таким образом под давлением сильно растущего революционного движения был намечен путь, противоположный пути Примо: вместо попытки спасения монархии путем отмены конституции и демократических свобод—попытка спасения монархии путем медленного восстановления конституции, демократических свобод и возвращения к режиму, существовавшему до Примо де Ривера. Беренгер первоначально сделал ряд жестов в сторону «нормализации»: он издал распоряжения о пересмотре всех актов диктатуры, о возвращении ряда сосланных и амнистировании осужденных, об ослаблении цензуры, о разрешении республиканских демонстраций и т. д. В этих условиях демократические иллюзии нашли место даже в среде компартии. Однако эти иллюзии скоро рассеялись и привели к росту республиканского движения в стране под влиянием дальнейшей политики Беренгера. Этому в немалой степени способствовал острый экономический кризис. Безработица к концу 1930 дошла до 600.000 чел. Стачечное движение приняло необычайно бурные формы и большой размах (527 стачек с числом участников более 1 млн.). Социалисты быстро переориентировались на республику. Анархисты добились от Беренгера легализации НКТ, доказав ему, что НКТ—средство против коммунизма. Компартия со своей стороны повела борьбу за восстановление революционной НКТ, созвала в июле конференцию в Севилье и создала там комитет реконструкции НКТ. Широкое движение развернулось и в деревне, причем в целом ряде мест (в Андалузии, Мурсии, Эстрамадуре) установился прямой контакт между выступлениями городских и с.-х. рабочих. Наконец весь год не прекращались студенческие волнения, совпадавшие с выступлениями рабочих. В этих условиях началась перегруппировка сил среди правящих классов. Старые партии разложились и им на смену пришли новые группировки. Представители крупного финансового капитала с Вентоса, за спиной которого стоял вождь каталонской крупной буржуазии Камбо, а также Габриель Маура, де Бугальял и др. предлагали немедленное восстановление конституции 1876. Содействуя в 1923 приходу Примо де Ривера к власти, они теперь были противниками возбуждения каких бы то ни было дел против сторонников диктатуры и выяснения роли короля в ее установлении. Их лозунгом было возвращение к режиму, существовавшему до диктатуры.

Другая часть (Вильянуева, Альба, Гарсиа Прето, Романонес), к-рая из-за своих связей с французским капиталом находилась не в ладах с диктатурой, предлагала изменить конституцию путем расширения прав кортесов. Группа эта, возглавлявшая касикистские традиции и сама отчасти состоявшая из крупных

касиков, понимала, что таким путем ей легче будет осуществлять выгодную ей политику.

Третья группа (Самора, Мигуель Маура и др.), сознававшая неизбежность падения монархии, считала необходимым взять в свои руки республиканское движение и для этой цели еще в июле 1930 заключила блок с мелкой буржуазией и в том числе с вождями социалистической партии и реформистского профдвижения. В августе 1930 в Сен-Себастьяно был образован республиканско-социалистический революционный комитет, а затем и подпольное временное правительство в следующем составе: два правых республиканца—А. Самора (премьер) и М. Маура (министр внутренних дел); два республиканца-радикала—А. Лерус (мин. иностранных дел) и Барриос (мин. путей сообщения); два радикал-социалиста — М. Доминго (мин. просвещения) и Альборнос (мин. общ. работ); один от Республиканского действия—Асанья (воен. министр); три социалиста—Л. Кавальеро (мин. труда), Ф. де лос Риос (мин. юстиции) и Индалесио Прито (мин. фин.); один от правореспубликанской партии Каталонии—Николау д'Ольвер (мин. нар. хоз.); один от национальной партии Галисии—Касарес Кирога (мин. флота). Все это в основном были представители «поколения 98 года». Был выработан план республиканского переворота, который мыслился как комбинация военных восстаний с генеральной забастовкой. Назначенный на 14/XII 1930 переворот не удался, отчасти из-за некоординированности действий, но гл. обр. потому, что социалисты сорвали генеральную забастовку. Попытка переворота свелась к разрозненным восстаниям отдельных войсковых частей.

Тем не менее обреченность режима выступала все определеннее. В поисках выхода из положения помещики и буржуазия были вынуждены пожертвовать Беренгером так же, как в свое время они пожертвовали Примо де Ривера. Созданием правительства адмирала Аснара (18/II 1931) делается попытка организовать «монархическую концентрацию» всех помещичье-буржуазных групп. В правительство вошли как представители группы, требовавшей возвращения к конституции 1876 (Маура, де Бугальял, Вентоса), так и представители группы, считавшей необходимым пересмотр конституции (Прито, Романонес). Ближайшей практической задачей этого правительства было проведение выборов последовательно в муниципалитеты, провинциальные депутации и кортесы.

Республиканский переворот 14/IV 1931. 12 апреля происходили выборы в муниципалитеты—впервые со времени переворота Примо де Ривера. Победа республиканско-социалистического блока в провинциальных центрах вызвала мощные республиканские демонстрации, особенно внушительные в промышленных центрах (Эйбаре, Овиедо, Вергаре, Сарагоссе, Севилье, Валенсии), под влиянием которых республиканско-социалистический блок 13—14/IV провозгласил республику. В Барселоне образовалось национальное каталонское правительство, объявившее Каталонию республикой, входящей в Иберийскую федерацию. Массы вышли на улицу. Это побудило и временное правительство после больших колебаний и по соглашению с правительством Аснара, особенно с начальником жандармерии ген. Санхурхо, объявить 14/IV вечером в Мадриде о низложении Альфонса XIII и образовании временного правительства (республика формально была объявлена позже учредительным собранием). На следующий день весь высший командный состав армии и флота официально примкнул к новому режиму. Альфонс уехал еще 14/IV вечером. Так совершилась «революция»: монархически-дворянское правительство, блокировавшееся с буржуазией, было сменено республиканско-буржуазным правительством, блокирующимся с земельным дворянством. Испанская революция явилась выражением перерастания мирового экономического кризиса в политический. Монархию не удалось спасти ни при помощи террористических методов управления ни при помощи либеральных методов или хотя бы попыток перехода к ним.

Первые годы республики. 1931—33. Избранное 26/VI и 5/VII (в два тура) и открытое 27/VII 1931 учредительное собрание с преобладанием левореспубликанских партий (291 мандат из 467, у социалистов—крупнейшая фракция в 116 депутатов) 9/IX 1931 приняло конституцию, объявившую И. «республикой трудящихся всех классов». В конце 1931 из правительства ушли правореспубликанские партии: прогрессисты (Самора, затем избранный президентом республики), консерваторы (Маура) и радикалы (Лерус и Барриос). В правительстве во главе с Асанья остались одни мелкобуржуазные левореспубликанские партии. Цель ухода правых заключалась в желании ускорить компрометацию этих «левых» партий, к-рые, получив видимость полноты власти, не были способны осуществить задачи буржуазно-демократической революции, чего ждали от них широкие трудящиеся массы. Продержавшаяся у власти почти два года республиканско-социалистическая коалиция Асанья не только не разрешила ни одной из буржуазно-демократических задач революции, но систематически разоружала революцию и вооружала контрреволюцию.

Во главе армии и жандармерии были оставлены монархические генералы и офицеры. Жандармерия была еще усилена особым вспомогательным корпусом («штурмовой жандармерии») и новыми видами вооружений, вплоть до броневиков и аэропланов. Монархическим помещичьим партиям и организациям была оставлена полная свобода организации и агитации. Продолжала открыто выходить монархическая печать. Нетронутой осталась и такая мощная опора монархической реакции, как католическая церковь. Несмотря на объявленное конституцией отделение церкви от государства, республика за три года выплатила церкви официально 131 млн. пезет субсидий, которые должны были прекратиться лишь с 1934. Отдельные мероприятия, как закрытие иезуитского ордена, ограничение прав церкви в области школьного дела и т. д., не столько ослабляли церковь, сколько раздражали ее и давали ей пищу для контрреволюционной агитации в находящихся под ее влиянием несознательных массах.

Социально-экономическая основа власти дворянства и помещиков в основном поколеблена не была. Аграрный вопрос разрешен не был. По принятой лишь 9/IX 1932 аграрной реформе отчуждению подлежали только «излишки» помещичьей земли сверх очень крупных максимумов и то за выкуп (безвозмездно отчуждались только земли бывш. грандов и

участников монархических мятежей). Эти земли предназначались для устройства на них безземельных с.-х. рабочих и мелких крестьян, обязанных платить за нее вечную невыкупаемую дань («сенсо»). К осени 1934 было землеустроено всего 52 тыс. с.-х. рабочих и мелких крестьян (из них—43 тыс. лишь условно и временно, на два года) на 193 тыс. *га* (из них отчуждено окончательно лишь 75 тыс. *га*). Относительно феодальной аренды реформа обещала только издание закона о ее пересмотре (к началу 1935 закон этот еще издан не был).

Неразрешенным остался и национальный вопрос. Каталонию, объявившую себя немедленно после переворота Каталонской республикой — интегральным государством Иберийской федерации, — заставили отказаться от этого названия и согласиться на более скромное — «Каталонский генералитет», даже без намека на федерацию. Лишь 9/IX 1932 кортесы «даровали» Каталонии ограниченную автономию в виде т. н. «статута», оставляющего все основные решающие позиции, как финансы, таможню, армию и т. д., в руках Мадрида. Что касается Бискайи и Галисии, то они и к 1935 не получили автономии.

В области внешней политики И. за эти два года заметно сблизилась с Францией, чему не мало способствовала связь испанской буржуазии, особенно левых партий, с французским капиталом. Сюда относится: отказ от договора (1926) о дружбе с Италией, поездка Эррио в Мадрид в 1932, планы прорытия тоннеля под Гибралтарским проливом в политико-стратегических целях и т. д. Лишь 28/VII 1933 состоялось взаимное признание СССР и И. с выражением желания восстановить дипломатические отношения, чему однако препятствовала пришедшая затем к власти реакция. Торговый договор с Нефтесиндикатом (о поставке Нефтесиндикатом в 1931 174.250 *т* нефти; 1932, 1933 и 1934—по 348.000 *т* ежегодно), заключенный в 1927 и расторгнутый под нажимом Англии в 1930, был возобновлен И. в 1931.

Экономическое положение в условиях мирового экономического кризиса и сохранения в И. всех пережитков феодализма неуклонно ухудшалось. Кризис углублялся. Внешняя торговля сокращалась (вывоз: 1931—990 млн. пез.; 1932—742 млн. пез.; 1933 — 673 млн. пез.). Застой наступил во всех отраслях производства, особенно в области сел. х-ва (экспорт примерно на $^2/_3$ состоит из предметов сел. х-ва). Сильно возросла безработица: к началу революции число безработных составляло несколько сот тысяч (официальной статистики не было), к концу 1933—по официальной статистике их было 619 тыс. чел., фактически же не менее $1^1/_2$ млн. чел. Зарплата, после временного подъема в начале существования республики, снова стала снижаться. Закон о 8-часовом рабочем дне систематически нарушался. Пособия по безработице и соцстрахование введены не были. В деревне, даже по признанию буржуазной печати, царил голод.

В то же время принимались крайне репрессивные меры против революционного движения трудящихся. В конституцию был включен т. н. закон о защите республики, дающий правительству право без запроса парламента объявлять осадное положение с отменой всех конституционных гарантий и роспуском любых партий и организаций. Закон о стачках требует двухнедельного предупреждения властей о предстоящем объявлении стачки. Жандармерия была усилена: в каждой даже маленькой деревушке устанавливался жандармский пост. В результате репрессий в тюрьмах к концу 1933 было заключено около 10 тысяч революционных рабочих и крестьян. Пока левореспубликанское правительство топталось на месте, силы революции и силы реакции поляризовались и готовились к борьбе. Неразрешенность задач бурж. демократич. революции привела к всеобщему разочарованию в республике, к изживанию широкими массами (включая и мелкую буржуазию) республиканско-демократических иллюзий, к их отходу от республиканских партий, либо предающих республику либо банкротящихся. В этих условиях собирателем всех недовольных сил становится пролетариат.

Количество выступлений пролетариата, особенно стачек в И. за время республики, сильно увеличилось. — Даже по официальным данным, число стачек составляло: в 1931—869; в 1932—689; в 1933—1.032. Действительное число гораздо выше (напр. в 1933 по буржуазной печати—6.000). Значительная часть из них—генеральные. Около половины приходится на деревню, где наряду со стачечным движением развертывается движение за захваты помещичьего урожая, инвентаря, скота, земли (по данным буржуазной печати удалось установить: в 1932 — 69 захватов; в 1933—267). Революционное движение в ряде мест неоднократно подымалось до вооруженного выступления против властей: события января—февраля 1932, восстание в декабре 1933, октябрьские события 1934 (см. ниже) и т. д.

Однако революционное движение продолжало страдать от отсутствия единства рабочего класса. Большинство пролетариата находилось под влиянием социалистов и анархистов, которые подрывали и дезорганизовывали революционное движение: социалисты—своим сопротивлением забастовочному движению, попыткой при первой возможности капитулянтски срывать стачки, пуская, если нужно, в ход свое влияние через органы государства; анархисты—своей путчистско-авантюристской тактикой, заключающейся в призыве масс к выступлению по любому незначительному поводу, без подготовки и учета возможности успеха (с оставлением их в решающую минуту без руководства), и своим «аполитицизмом» срывающие участие рабочих не только в выборах, но и в общих политических стачках.

Изживание массами республиканско-демократич. иллюзий приводит в 1933 к оживленному процессу их политич. переориентировки. Но процесс отхода масс от республиканских партий и особенно от социалистов происходит неравномерно: в городе растет влияние компартии, в деревне (где реформисты за один 1932 потеряли половину своих членов: с 400 тысяч до 200 тысяч), наоборот, усиливается влияние фашистской СЭДА (сокращенное Confederacion Española de Derechas autonomas, Испанская конфедерация правых автономных организаций) (см. ниже—Политич. партии).

Рост влияния компартии выражался не только и не столько в ее численном росте (к концу 1933 партия насчитывала 20 тыс. членов против 800 в 1931; комсомол—ок. 10 тыс. членов; рев. профсоюзы—ок. 70 тыс. членов; автономные профсоюзы, находящиеся под влиянием компартии,—ок. 70 тыс. членов), сколько в стихийной тяге рабочих масс к единому фронту.

Несмотря на систематическое отклонение социалистами, реформистами, анархистами всех предложений компартии и революционных профсоюзов о едином фронте, несмотря на категорическое запрещение руководством ВОРИ и НКТ своим низовым организациям устанавливать единый фронт с компартией и революционными профсоюзами, низовые организации реформистов и анархистов устанавливают единый фронт с компартией и революц. профсоюзами. Крупное значение для роста влияния компартии имело выставление ею в начале 1933 лозунга борьбы за власть и программы рабоче-крестьянской советской власти.

Однако в то же время и контрреволюция, пользуясь сохранением своих основных политических, социальных и экономических рычагов и позиций и предоставленной ей полной свободой организации и агитации, стала сплачивать свои силы. Основная организация контрреволюции—фашистская, аграрно-клерикальная СЭДА. После падения военно-террористической и фашистской диктатуры Примо де Ривера и смены его временным частичным восстановлением буржуазной демократии фашизм в И. на новом этапе возродился еще и в форме аграрно-клерикальной. Его основной организационный рычаг — церковь, основной массовый базис—деревня. Пользуясь отходом широких трудящихся масс деревни от социалистов и республиканцев и слабостью работы компартии в деревне, организации СЭДА сумели при помощи демагогии, экономического давления, наконец террора подчинить своему влиянию значительные слои трудящихся деревни, включая и батраков. В то же время организации СЭДА ведут работу среди городской мелкой буржуазии.

В городе складывается фашизм другого типа в лице Испанской фаланги, вербующей сторонников среди мелкой буржуазии и отдельных деклассированных слоев пролетариата.

Частичные перевыборы в муниципалитеты 23/IV 1933 (преимущественно сельские) и выборы в так называемый Трибунал конституционных гарантий (своего рода верхняя палата) 3/IX 1933 привели к поражению «левых» правительственных партий и к победе правых, особенно СЭДА. Это доказало, что у последней есть известная опора в массах. В этих условиях реакция, закрепившая к тому времени свои позиции в государственном аппарате, особенно в армии, решила перейти в более открытое наступление. «Социалистическая» маскировка была более не нужна. 9/IX 1933 министры-социалисты были выброшены из правительства и заменены представителями радикальной партии во главе с Лерусом.

На состоявшихся затем в ноябре-декабре 1933 (в два тура) выборах в кортесы выявился процесс крайней поляризации сил. С одной стороны, крупный успех одержала компартия, получившая 400 тысяч голосов (вместо 60 тыс. в 1931) и впервые проведшая своего депутата в кортесы. «Левые» партии потерпели полное поражение: вместо 291 мандата у них осталось всего 97 (у социалистов вместо 116—лишь 58). Зато правые увеличили число своих мандатов с 42 до 212, из них 114 у СЭДА, к-рая (не будучи формально республиканской) приобрела крупнейшую фракцию в кортесах. Этот исход выборов объяснялся: 1) разочарованием широких масс в обманувших их ожидания бурж. правительствах Самора и Асанья; 2) голосованием значит. части, если не большинства, деревни за правых в условиях роста влияния СЭДА, избирательного террора, подкупов, торговли голосами, подтасовки избирательных прав; 3) предоставлением впервые в И. избирательного права женщинам, к-рые в деревне под влиянием церкви голосовали за правых; 4) мажоритарным принципом избирательного закона. В общем же этот исход явился результатом двухгодичной политики республиканско-социалистической коалиции, оттолкнувшей и обезоружившей широкие массы и способствовавшей контрреволюции.

Подготовка революции и контрреволюции к открытой схватке. 1934. После выборов в кортесы вождь фашистов Хиль Роблес несмотря на обладание крупнейшей фракцией отказался от образования правительства и даже участия в нем, ссылаясь на необходимость «предварительного переходного периода для ликвидации наследия республики». Эта задача и была поручена второму кабинету Леруса, смененному в апреле 1934 Сампером (в составе радикалов, аграриев и либерал-демократов), который, не имея большинства в кортесах, всецело зависел от поддержки СЭДА в парламенте. Кабинеты Леруса и Сампера провели основные требования Испанской конфедерации правых автономных организаций, что выражало переход реакции в наступление. Был принят закон об амнистии участников монархических заговоров. В соответствии с этим законом помещикам—участникам заговоров—стали возвращать земли; это положило начало пересмотру аграрной реформы. Был поставлен вопрос о возвращении имущества иезуитам, начались переговоры о конкордате с Ватиканом, противоречащие конституции. Была нарушена автономия Каталонии путем отмены принятого каталонским парламентом закона о пересмотре аренды. В области внешней политики произошла переориентировка на Англию (Хиль Роблес был тесно связан с англ. капиталом). Дипломатические отношения с СССР не возобновились. Неоднократно на протяжении года запрещалась компартия и ее печать.

Одновременно пролетариат готовится к антифашистской борьбе. Рабочее движение принимает все более революционный политический характер. До октября 1934 состоялось, по официальным данным, 700 стачек (генеральных было: в Астурии—5, в Бискайе—4, в Мадриде—4; металлисты в Мадриде бастовали 3 мес., в Сарагоссе—40 дней). Большинство стачек проходило под политическими лозунгами против допущения слета фашистов, выражения солидарности с рабочими Австрии и Франции в феврале 1934 и т. д. Однако в деревне, особенно после неудачного исхода генеральной забастовки с.-х. рабочих в июне, объявленной реформистами и ими же преданной, наступило затишье. Неудачу этой забастовки использовала СЭДА.

Рост влияния компартии и единого фронта позволил в апреле 1934 созвать учредительный съезд Унитарной всеобщей конфедерации труда (УВКТ). Соц. партия, оказавшись в оппозиции к поправевшему правительству, вынужденная считаться с разочарованием и отходом от нее масс и с перспективой фашистского режима, пошла на «левый» маневр. Она объявила «новый курс», высказалась за диктатуру пролетариата и за вооруженное восстание, к-рое частично и начала готовить, имея в виду однако

не революцию, а лишь смену правительства в рамках капитализма правительством социалистической партии. Учитывая растущий успех проводимой компартией и УВКТ кампании единого фронта, соц. партия объявила себя сторонницей единого фронта, но противопоставила организуемому компартией единому фронту свою организацию единого фронта под названием Рабочий альянс, к-рый мыслился как организация верхушечная, основанная на соглашении только руководящих верхов партии и руководящих органов. Компартия после первоначальной критики Рабочего альянса как маневра, направленного на срыв подлинного единого фронта, в сентябре 1934 решила примкнуть к Рабочему альянсу, учитывая, что единство пролетариата перед лицом надвигавшихся боев настоятельно необходимо, а большинство пролетариата все же еще не у нее. Однако, вступая в Рабочий альянс, компартия и УВКТ оговорили, что и внутри Рабочего альянса они будут вести борьбу за превращение его в подлинную массовую организацию трудящихся, основанную на соглашении не только верхов, но и низовых организаций, за участие в этих рабочих альянсах всех революционных организаций как пролетариата, так и крестьянства, за превращение их в альянсы рабоче-крестьянские, в органы борьбы трудящихся, могущие перерасти в органы власти, т. е. за превращение их в зародыши советов (в Астурии рабочие альянсы в октябре 1934 действительно переросли в советы). Анархисты и синдикалисты отказались примкнуть к единому фронту под предлогом политического характера рабочих альянсов.

Выступление пролетариата в октябре 1934. Буржуазия и помещики, учитывая, что пролетариат собирает силы, но в то же время к бою организационно еще не подготовлен, решили (по откровенному признанию Хиль Роблеса) «спровоцировать революцию, чтобы ее легче победить». Образование 4/X правительства Леруса с участием трех членов СЭДА явилось сигналом к генеральной забастовке, переросшей затем в восстание. Забастовка была объявлена организациями, вошедшими в рабочие альянсы, т. е. компартией, комсомолом, УВКТ, соц. партией, социалистическим союзом молодежи, ВОРИ. Руководство НКТ отказалось от участия, ссылаясь на политический характер забастовки. Забастовка распространилась на всю И. Она длилась две недели, охватив около 1 млн. городских рабочих. Особенно интенсивно она протекала на севере—в Астурии, Бискайе, Каталонии и в центре—в Мадриде; слабее на западе (Галисия) и востоке (Леванта); всего же слабее на юге (Андалузия, Эстремадура). Деревня, в своей массе, в забастовке и в восстании участия не приняла. Крестьянство, как и войска, поддерживало забастовку лишь частично. В четырех основных центрах октябрьских событий—Мадриде, Астурии, Бискайе и Каталонии—движение проходило следующим образом.

Мадрид. Забастовка длилась 9 дней и была абсолютно всеобщей, включая электрические станции, почту, телеграф, жел. дороги. В результате преобладающего влияния социалистов и реформистов пролетариат с запозданием перешел в наступление и лишь более суток спустя после объявления забастовки, плохо подготовленный, сделал попытки штурма правительственных зданий.

Астурия. Главный район влияния компартии и вместе с тем основной горнопромышленный район И. Рабочие альянсы были хорошо подготовлены. Здесь в них участвовали и анархисты, поддавшиеся настроению большинства рабочей массы. Забастовка немедленно переросла в восстание: пролетариат сразу перешел в наступление, справился с жандармскими и войсковыми силами, захватил власть в большинстве городов и местностей, создал Красную армию. Овиедо был захвачен при помощи местных рабочих и подоспевших горняков. Образовавшаяся на местах рабоче-крестьянская власть называлась по-разному: рабочие альянсы, ревкомы, советы. Почти во всех из них, включая областные организации, большинство имели коммунисты. Власти на местах образовывали комитеты по разным отраслям деятельности, отменяли частную собственность на средства производства, отменяли деньги, вводили распределение продуктов по карточкам с исключением эксплоататорских элементов, отменяли аренду и т. д. Созданная ими Красная армия имела 15—20 тыс. штыков. На военных заводах в Трубии и Овиедо было захвачено $1^1/_2$—2 тыс. винтовок, а также пулеметы и орудия. Рабоче-крестьянская власть держалась около 15 дней. После наступления численно превосходящих правительственных сил, с участием вызванных из Марокко иностранного легиона и туземных стрелков, часть горняков вернулась в шахты, а ок. 12 тыс. с боями отступили в горы. Героическая оборона укрепившихся в горах астурийских рабочих вошла в историю. Причины особой успешности выступления в Астурии заключаются в достижении здесь подлинного единства пролетариата (участие анархистов в рабочих альянсах); в осуществлении гегемонии пролетариата и, особенно, революционного руководства компартии; в поддержке со стороны крестьянства.

В Бискайе (основной металлургический район И.) захват власти имел место в 10 местах. Но рабочие альянсы были развиты слабо. Социалисты сопротивлялись образованию областной организации и кроме того сорвали поход рабочих из Арболедо на Бильбао.

Каталония. В Каталонии объективно существовали наибольшие предпосылки для превращения этого обширного района с большим количеством пролетариата в основную цитадель революции. Здесь в один узел сплетены и наиболее остро стоят основные социальные противоречия: рабочий, крестьянский и национальный вопросы. Однако компартия не имела здесь решающего влияния, большинство пролетариата Каталонии шло за анархистами, которые отказались от участия в забастовке; крестьянство было организовано мелкобуржуазной Эскерра (см. ниже—Политич. партии), находящейся у власти. Эта же Эскерра пыталась стать выразительницей настроений широких масс в национальном вопросе. Но она-то и проявила трусость и боязнь масс. Вместо вооружения пролетариата и крестьянства Эскерра разгоняла рабочие демонстрации и прятала оружие в подвалы правительственного здания. Имея в своем распоряжении около 3 тыс. каталонской штурмовой жандармерии, около 500 членов особого отряда «mozos de escuadra» и несколько десятков тысяч членов организации «вооруженной» каталонской молодежи, Эскерра долго не решалась открыто выступать

против испанского правительства, которое в самой Барселоне располагало только около 6 тыс. чел. войск и ок. 1 тыс. жандармов. Со стороны Эскерры не было сделано попытки распропагандировать размещенных в Каталонии солдат испанской армии. Лишь 6/X вечером вождь Эскерры Компанис под давлением рабочих демонстраций и левых элементов Эскерры рискнул провозгласить независимость Каталонии, в то же время отпустив «для обдумывания» находящегося у него в руках командующего испанской армией ген. Батета. Последний уже полчаса спустя окружил правительственное здание испанскими войсками и начал его обстреливать. Не подготовившись к бою, каталонское правительство к утру 7/X безоговорочно капитулировало. Лишь после его сдачи анархисты примкнули на два дня к забастовке. Но было уже поздно. Движение в основном было дезорганизовано и происходившие во многих городах и деревнях захваты власти со стороны разных элементов (левого крыла Эскерры, т. н. группы Каталонского государства, рабочих альянсов, анархистов) легко подавлялись правительственными войсками. В Каталонии было установлено военное положение, Каталонский статут фактически отменен. Власть в области перешла в руки командующего испан. армией.

Основная причина неудачи октябрьского выступления испанского пролетариата заключается в его неподготовленности. Момент выступления был избран врагом и навязан пролетариату, к-рый был расколот; в то время как в рядах соц. партии было ок. 900 тыс. членов, а у анархистов—ок. 500 тыс.,—под влиянием компартии находилось лишь около 170 тыс. человек. Рабочие и рабоче-крестьянские альянсы были только в зародышевом состоянии; деревня, а значит в конечном счете и армия в своей массе не поддержали революционного выступления пролетариата, несмотря на отдельные выступления. Анархисты не только отказались от поддержки, но активно выступали против забастовки, пользуясь правительственным радио, расклеивая объявления против забастовки и т. д.; пролетариат не был гегемоном в национальном движении; не было единого руководства, единого плана, единого центрального органа борьбы; массы не имели ясного представления о целях борьбы, поскольку только компартия выставила лозунг борьбы за рабоче-крестьянскую власть, в то время как соц. партия, обладавшая большим влиянием, призывала лишь к борьбе за смену правительства, а анархисты выступали против борьбы вообще.

Несмотря на временное поражение пролетариата, октябрьские события 1934 имели и положительное значение: это был первый боевой опыт борьбы за образование рабоче-крестьянской власти в И.; этот опыт помог усвоить широким массам трудящихся всю важность гегемонии пролетариата, единого фронта и решающее значение революционного руководства компартии; в то же время события разоблачили нерешительность и трусость социалистических вождей и открытое предательство анархистских руководителей.

V. Политический очерк.

Государственный строй И. Конституция 9/XII 1931 определяет И. как «демократическую республику трудящихся всех классов». Под покровом этой пышной фразы скрывается самая обыкновенная буржуазно-демократическая республика, в последнее время к тому же фактически быстро фашизирующаяся. Согласно конституции, законодательная власть принадлежит однопалатному парламенту—к о р т е с а м, именуемым также конгрессом депутатов. Депутаты избираются на 4 года всеобщим голосованием с применением системы пропорциональных выборов. Активное и пассивное избирательное право принадлежит гражданам, достигшим 23-летнего возраста. Избирательные права распространены и на женщин. В промежутках между сессиями обязанности кортесов возлагаются на избранную ими по пропорциональной системе из состава различных партий Постоянную делегацию в числе 21 члена. Конституция предусматривает применение референдума и так называемую народную инициативу.

Президент избирается на 6 лет специальным избирательным конгрессом, состоящим из депутатов кортесов и такого же количества особых выборщиков (компромисариев), избранных народом. Переизбрание допускается лишь через 6 лет по истечения мандата. Возрастной ценз—40 лет. Не могут быть избраны военные, духовные лица, члены царствующих или царствовавших династий. Президент представляет И. в международных сношениях, назначает должностных лиц, издает указы; он обладает правом суспенсивного вето по отношению к законам, принятым кортесами. Если отвергнутый президентом закон будет снова принят кортесами большинством $^2/_3$ голосов, то вето отпадает. Президент может распустить кортесы, но лишь два раза за весь срок своих полномочий, причем в случае второго роспуска он может быть отстранен от должности, если вновь избранные кортесы признают роспуск предыдущих незаконным. По решению, принятому большинством $^3/_5$ общего числа членов, кортесы могут отстранить президента от должности. Возбуждение уголовного преследования против президента перед Трибуналом конституционных гарантий требует также большинства $^3/_5$ голосов. Если созываемый в первом случае избирательный конгресс отвергнет отрешение президента или если Трибунал оправдает его, то кортесы считаются распущенными. Таким образом конфликт президента с кортесами приводит к устранению одной из спорящих сторон.

Министерство назначается президентом. Оно считается ответственным перед кортесами. Для внесения вотума недоверия требуется 50 депутатских подписей, а для принятия его—абсолютное большинство общего числа депутатов. Разрешение конфликтов между гос. властями, а также между центром и автономными областями, проверка конституционности законов, проверка полномочий президентских выборщиков, суд над президентом и членами правительства производятся Трибуналом конституционных гарантий. Последний состоит из представителей кортесов, автономных областей, провинций, адвокатских коллегий и юридических факультетов.

Конституция объявляет И. «интегральным», т. е. унитарным государством, допуская областную автономию. Для образования автономной области требуется инициатива $^2/_3$ муниципалитетов данной территории, вотум $^2/_3$ избирателей, проживающих на ней, и утвержде-

ние статута автономной области кортесами. Важнейшие вопросы находятся в исключительной компетенции центральной власти. За центральной властью сохраняется широкая возможность вмешиваться в дела автономных областей и отменять любые местные постановления. Автономная область может отказаться от своей автономии при посредстве такой же процедуры, какая требуется для ее создания. До сих пор была учреждена лишь одна автономная область — *Каталония* (см.). Однако действие Каталонского статута 9/IX 1932 было в декабре 1934 приостановлено на «неопределенный срок».

В конституцию включен трафаретный список «свобод» и заботливо оговорена возможность их приостановления и ущемлений (ст. 42 и закон о защите республики 21/X 1931, направленный главным образом против рабочего класса и предоставляющий министру внутренних дел обширные полномочия, фактически сводящие на-нет все конституционные «свободы»). Конституция изобилует также декларативными пунктами—о собственности, «налагающей обязанности на владельцев» (ст. 44), тем самым возводя частную собственность к необходимейшей социальной функции, о «покровительстве» рабочим и крестьянам (ст. 46 и 47), об «отказе от войны как орудия национальной политики» (ст. 6), об участии в Лиге Наций (ст. 78) и т. п. Большее практическое значение имеют отделение церкви от государства и изгнание иезуитского ордена (ст. 26 и закон 2/II 1932) и разрешение двойного гражданства для испанцев, живущих в Португалии и Латинской Америке, и для граждан названных стран, живущих в Испании. Последнее имеет своей целью способствовать сплочению т. н. иберийских народов.

Инициатива пересмотра конституции может исходить либо от правительства либо от четверти общего числа депутатов. После принятия предложения о пересмотре абсолютным большинством депутатов назначаются новые выборы. Вновь избранные кортесы производят пересмотр конституции и затем продолжают свою деятельность в качестве обыкновенных кортесов. Фактически в Испании действует режим подавления национальных автономий, лишь только они пытаются использовать свои права (ликвидация конституционного конфликта с Каталонией вооруженной силой в октябре 1934), и усиливается фашистский террор по отношению к рабочим после подавления восстания в Астурии и др. областях. Под давлением фашистов подготовляется и пересмотр в соответствующем направлении самой конституции.

Лит.: Posada A., La nouvelle constitution en Espagne, P., 1932. *Г. Кричевский.*

Современные политические партии И. В течение всего 19 в. и вплоть до империалистической войны в И. господствовала система двух монархических партий, сложившаяся в 70-х гг. (по инициативе консерватора *Кановаса дель Кастильо*, см.), в лице консерваторов и либералов с преобладанием клерикально-дворянских интересов у первых и буржуазных—у вторых. Социальная функция либералов сводилась к созданию демократич. иллюзий у масс. По мере развития капитализма разница между партиями все более стиралась в соответствии с процессом их внутреннего разложения. Война и диктатура Примо де Ривера ускорили этот процесс, республиканский переворот его завершил. Накануне революции 1931 у консерваторов было 5 групп: 1) консервативно-либеральная партия—вождь Бугальяль, 2) группа Ля Сиерва, 3) группа С. Герра, 4) группа Г. Маура (граф Мортара), 5) группа А. Оссорио-и-Гальярдо. У либералов было 4 группы: 1) либеральная партия—вождь граф Романонес, 2) демократическая партия—вождь Гарсиа Прито (герцог Алусемас), 3) группа Вильянуева, 4) группа Сантьяго Альба. Кроме того существовали монархические партии: 1) Монархический союз (бывший Патриотический союз, переименованный после падения Примо), 2) фашистские легионеры И. (обр. в 1930) во главе с д-ром Альбиньяна, 3) реформистская партия М. Альвареса—группа бывших республиканцев, перешедших в 1913 на позиции монархизма. В конце 1930 образовался конституционный блок в составе ряда групп: консерваторов и либералов—С. Герра, Вильянуева, С. Альба; все эти группы были связаны с добывающей промышленностью севера и с французским капиталом; программой блока был созыв «конституционных кортесов» для решения вопроса о монархии. После переворота эти группы либо распались либо перекрасились в республиканский цвет. О самороспуске своих организаций объявили: граф Романонес, Г. Прито, д-р Альбиньяна. Без деклараций о самороспуске прекратили существование группы Бугальяла, Ля Сиерва, Г. Маура, Монархический союз. К республиканским перешли: почти вся группа С. Альба (вошла во главе с Чапаприета в правореспубликанскую партию), почти вся группа С. Герра кроме него самого (примкнула во главе с Бургос Масо к радикальной партии Леруса), реформисты—переименовались в республиканскую либерально-демократическую партию. К последним примкнула и либеральная группа Вильянуева.

Со времени республиканского переворота принято делить бурж. партии И. на три основные течения: 1) правое, 2) центра или правореспубликанское, 3) левореспубликанское или просто «левое». Основная организация правых партий—это СЭДА (сокращенное Confederacion Española de Derechas Autonomas, Испанская конфедерация правых автономных организаций), образовавшаяся в начале 1933 путем объединения ряда помещичьих, клерикальных, фашистских партий и организаций. Основные составные части СЭДА следующие: 1) партия Народного действия (Accion popular), возникшая при республике и объединяющая помещиков и наиболее реакционную часть финансистов. Она дала организации вождя — саламанского помещика, связанного с английским капиталом, Хиль Роблеса; 2) католическая аграрная конфедерация (Confederacion Catolica Agraria, ССА), чисто клерикальная организация, находящаяся под руководством испанского примаса—архиепископа толедского. Секретарем ССА является тот же Хиль Роблес. СЭДА черпает свои основные кадры в деревне; опираясь в основном на кулаков и зажиточных середняков, организации СЭДА вербуют в свои ряды также более широкие слои крестьян и батраков. СЭДА использует, при помощи демагогии (обещание работы, земли, «участия в прибылях», критика республики и т. д.) и опираясь на поддержку со стороны церкви, темноту и несознательность более отсталых слоев трудящихся деревни, особенно женщин. С другой стороны, СЭДА использует безрабо-

тицу и нищету деревни, оказывая экономическое давление или терроризируя (СЭДА оказывает содействие в получении работы, земли в аренду на льготных условиях, ссуд и т. п. лишь тем батракам и крестьянам, к-рые вступают в фашистские организации). У СЭДА в деревне существуют следующие «массовые» организации: «Аксион популяр» создает ячейки и организации под названием «Аксион обрериста», объединяющие преимущественно сельскохозяйственных рабочих. У ССА издавна существуют синдикаты с.-х. рабочих, кооперативы и т. д. Кроме того есть специальные молодежные и женские организации. По примеру социалистических и анархистских народных домов создаются «Дома труда».

К группе правых принадлежит и крупнобуржуазная партия Каталонии, «Лига областников» (Liga Regionalista), возглавляемая крупным каталонским промышленником Ф. Камбо. В вопросе о монархии и республике на данном этапе СЭДА декларирует «нейтральность».—Остальные правые партии и организации имеют меньшее значение.

Национальная аграрная партия образовалась в 1933 из аграрной фракции кортесов, объединяя преимущественно дворян-землевладельцев. Ее вождь — Мартинес де Веласко. Первоначально она входила в СЭДА, но в конце 1933 вышла из нее по формально-тактическим соображениям (условное признание этой партией республики с целью облегчить себе вхождение в правительство).

«Испанская фаланга» (Falanga Española)—фашистская организация, по типу приближающаяся к германским национал-социалистам. Возникла из «Хунт национал-синдикалистского наступления» (Juntas de Ofensiva Nacional-Sindicalista). Стоит за более решительный по сравнению с СЭДА образ действия. Создана и финансируется крупным финансовым капиталом. Ее вождем является Антонио Примо де Ривера (сын бывшего диктатора). Сосредоточивает деятельность в городах, где вербует членов из мелкой буржуазии, а также из деклассированных слоев пролетариата (безработных, люмпен-пролетариата и т. д.). Имеет организованные по военному образцу отряды. Указывает свою численность в 60 тыс.

«Обновление И.» (Renovacion Española)—открыто монархическая партия, стоящая за реставрацию Бурбонов. Вождь—Гойкочеа. Объединяет преимущественно крупную родовую знать. После октябрьских событий 1934 правыми организациями (СЭДА, «Испанской фалангой» и т. д.) был создан антимарксистский фронт. Официальная его цель—борьба за чисто экономические интересы пролетариата без вмешательства в политику.

Среди центровых или правореспубликанских партий на первом месте стоит радикальная партия, возглавляемая А. Лерусом (бывший каталонский анархист), Сампером и др. Это партия крупной буржуазии, связанная с частью помещиков и с иностранными концессионерами. Вовлекает в свои ряды среднюю и мелкую буржуазию республиканскими и антиклерикальными лозунгами. Ее открыто реакционная политика со времени прихода к власти в сентябре 1933 привела к отходу мелкобуржуазных масс и к отколу в начале 1934 в знак протеста против слишком явной связи с реакцией «левого» крыла во главе с М. Барриос, образовавшего радикально-демократическую партию. Число депутатов—101, из них ок. 30 приходится на течение Барриоса. Бывшая правореспубликанская партия (входившая во временное правительство) раскололась на прогрессивную партию Алкала Замора (бывший председатель временного правительства, затем президент республики), объединяющую преимущественно прогрессивных помещиков, и новую консервативную партию М. Маура, связанную с баскской промышленностью (18 депутатов). Все эти партии входили во временное правительство, но в конце 1931 вышли из него. К этой группе партий принадлежит также республиканизировавшаяся и переименовавшаяся в либерально-демократич. быв. реформистская партия Мелькиадес Альвареса (8 депутатов).

Левореспубликанские партии являются преимущественно партиями мелкобуржуазными и интеллигентскими. Именно они являются наиболее характерными представителями «поколения 98-го года» (см. выше—Исторический очерк). Сюда относится: «Республиканское действие» (Accion Republicana), возглавляемая бывшим премьером Асанья, являющимся одновременно председателем известного буржуазно-интеллигентского клуба «Атенео». После выборов 1933 партия потеряла значение, сохранив из 26 депутатов всего 5. Ее программу можно охарактеризовать как попытку осуществлять империалистическую политику «демократическими» способами; радикал-социалистическая партия возглавляется Гордоном Ордас (правое крыло) и Марселино Доминго (левое крыло, отколовшееся в 1933 и воссоединившееся с партией в 1934). После выборов 1933 из 53 депутатов осталось всего 5. Партия ориентируется на зажиточное крестьянство, имея и специальную крестьянскую организацию, т. н. Национальное объединение радикал-социалистических землевладельцев. В сентябре 1934 вместе с радикально-демократической партией М. Барриоса образовала «Республиканский союз».

К «левым» партиям принадлежит и ряд национальных партий, как галисийские республиканцы, требующие лишь умеренной автономии для Галисии, и каталонская, т. н. левореспубликанская партия, называемая по-каталонски сокращенно Эскерра. Эскерра, возникшая путем объединения ряда мелкобуржуазных республиканских партий Каталонии (Партия каталонского государства, «Каталонское действие», «Республиканское действие» и др.), стоит за самостоятельность Каталонии в условиях лишь федеративной связи с И. Со времени республиканского переворота и до октябрьских событий 1934 Эскерра возглавляла каталонское правительство, идя однако все время на уступки Мадриду в национальном вопросе. Вожди ее—полк. Масиа, а после его смерти в 1933—Компанис. Эскерра имеет широкий базис; под ее непосредственным руководством находится объединение каталонских виноградарей-издольщиков, так наз. Союз рабассейров (35 тыс. членов).—Интеллигентская группировка социалистов-революционеров, близкая синдикалистам, после откола левого крыла во главе с временно перешедшим в компартию Бальбонтином в 1933 утратила значение.

К левореспубликанским партиям принадлежит и социалистическая партия, основанная в 1876 наборщиком Пабло *Иглесиас* (см.). В 1910 партия провела первого депутата в кортесы, после чего последовало быстрое перерождение

ее в сторону реформизма. Она открыто сотрудничала с диктатурой Примо. С начала образования республики до сентября 1933 она имела три портфеля в республиканских правительствах, поддерживая их контрреволюционный курс. Выборы 1933 обнаружили утрату ею влияния на массы (число депутатов сократилось с 116 до 58). Перейдя в оппозицию, она усвоила т. н. «левый курс», сводящийся в основном к революционной фразеологии. Ее вождем является Ларго *Кабальеро* (см.). Число членов—ок. 50 тыс. Под ее руководством находится реформистское профсоюзное всеобщее объединение рабочих Испании (Union General de trabajadores de España) (ВОРИ), осн. в 1888 и насчитывавшее в 1932 св. 1 млн. членов.—С тех пор число членов сильно сократилось. Перечисленные левореспубликанские партии образовывали с конца 1931 по сентябрь 1933 правительственную коалицию.

Сильным влиянием среди рабочих (особенно Каталонии) пользуются анархисты и синдикалисты в лице анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда (Confederacion nacional de trabajo) (НКТ) и Федерация анархистов Иберии (ФАИ). Первое время после республиканского переворота в Нац. конфедерации труда преобладало влияние синдикалистского крыла во главе с Пестанья и Пейро, которые обязались перед республиканскими буржуазными партиями не чинить в первое время препятствий республике в виде забастовок, что они и выполняли. Однако с конца 1932 преобладание в НКТ перешло к ФАИ во главе с Аскадо и Дурутти. Синдикалистская верхушка в числе 30 («триенисты», «тридцатники») была исключена из НКТ. С тех пор НКТ ведет характерную для анархистов тактику неподготовленных выступлений по любому поводу, дезорганизуя рабочее движение. Программа ФАИ—НКТ предусматривает воздержание от политики (неучастие в выборах, в политических стачках и т. д.) и чисто экономическую борьбу, при помощи к-рой будет достигнуто свержение капиталистического строя, после чего немедленно установится comunismo libertario—«безгосударственный коммунизм» (лозунг анархистов, к-рый ими противопоставляется «государственному коммунизму», как они называют советский строй). Пестанья в мае 1934 образовал синдикалистскую партию в тесной связи с Эскерра; в тактику этой партии входит участие в политической борьбе. *Б. Минлос.*

Коммунистическая партия И. Еще во время империалистической войны внутри Социалистической рабочей партии Испании и Социалистического союза молодежи образовалась левая группа, которая выступала против ревизионистской политики партруководства, стоявшего на платформе «делового сотрудничества» классов, и поддерживала решения *Циммервальдской* и *Кинтальской конференций* (см.). Под влиянием Октябрьской революции и классовых боев, разыгравшихся в самой Испании, оппозиция в социалистическом рабочем движении усилилась. Особенно сильно революционное настроение ощущалось в рядах Союза молодежи. На декабрьском съезде в 1919 Союз принял решение о выходе из социалистической партии и о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. В апреле 1920 решение это было проведено в жизнь; около 3.000 членов Союза молодежи ушли из соц. партии и организовали Коммунистическую партию Испании. Одновременно и независимо от молодежи другая группа, работавшая в соц. партии, старалась привлечь партийную массу на сторону Коммунистического Интернационала. На чрезвычайном съезде соц. партии в июне 1920 большинство голосовало за выход из 2-го Интернационала и условный переход в Коммунистический Интернационал. При этом вожди партии требовали от Коммунистического Интернационала гарантий сохранения «автономии испанской партии внутри Коммунистического Интернационала» и права «пересмотра принципиальных и тактических решений Коммунистического Интернационала». ИККИ ответил делегации, посланной партией в Москву, указанием на выработанное II конгрессом Коммунистического Интернационала 21 условие приема в Коммунистический Интернационал. Состоявшийся в апреле 1921 партсъезд отклонил большинством 8.808 голосов против 6.023 предложение о принятии 21 условия и решил присоединиться к Венскому $2^1/_2$-му Интернационалу. После съезда сторонники Коммунистического Интернационала ушли из партии, но они не примкнули к существовавшей уже тогда компартии, а основали самостоятельную Коммунистическую рабочую партию Испании. Наличие двух примыкающих к Коммунистическому Интернационалу партий и взаимная борьба на почве имевшихся разногласий мешали согласным революционным выступлениям авангарда пролетариата и отрицательно действовали на рабочих, сочувствовавших Коммунистическому Интернационалу.

На III всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, на к-рый обе партии прислали своих представителей, велись переговоры о слиянии, в результате к-рых принято было решение о создании единой компартии. В октябре 1921 был созван совместный партсъезд и проведено объединение. Партия насчитывала около 1.200 членов, центральный орган партии «Ла Анторча» («Факел») выходил в Мадриде раз в неделю в количестве 5—6 тыс. экземпляров. Но несмотря на решения, совместно принятые на объединенном партсъезде, групповая борьба между руководящими элементами прежних двух партий продолжалась. Члены партии, пришедшие из Союза социалистической молодежи, обвиняли вождей прежней КРП в центризме и оппортунизме, а последние — вождей прежней КПИ — в сектантстве и фразерстве. В действительности объединенная партия была заражена и оппортунизмом и сектантством. Она не проводила работы ни на предприятиях ни в профсоюзах и скорее всего являлась группой пропаганды за общие цели коммунизма и защиту русской революции. В крупных боях испанского пролетариата в 1921—22 (см. выше — Исторический очерк), в борьбе каталонских рабочих против террора, организованного предпринимателями, и против руководимых ими штрейкбрехерских союзов, в волнениях, происходивших в армии, и в росте недовольства крестьянства и широких слоев городской мелкой буржуазии партия не играла ни организующей ни руководящей роли. Летом 1923 состоялся II съезд партии. На нем выявилось сильное недовольство пассивностью руководства и господствовавшей в его рядах фракционной борьбой. Делегаты—рабочие из промышленных центров — требовали прекращения фракционной борьбы. Но эти революционные элементы, выступавшие за оздоровле-

ние партии, не были достаточно последовательны и сильны для того, чтобы добиться изменений в партруководстве. Принятые съездом резолюции и постановления остались на бумаге, и партия попрежнему была изолирована от масс. Между тем господствующие классы перед лицом растущих экономических и политических затруднений прибегли к государственному перевороту. 13 сентября 1923 в Барселоне генерал Примо де Ривера установил фашистскую военную диктатуру (см. выше — Исторический очерк). Буржуазия объявила беспощадную борьбу революционному рабочему движению. Революционные профсоюзы были запрещены, компартия загнана в подполье. Легальными остались только соц. партия и реформистский ЦК профсоюзов, подчинившиеся диктатуре и помогавшие буржуазии в проведении правительственных мероприятий, направленных против рабочего класса. Не связанная с массами, не пользуясь влиянием ни в социалистических ни в анархо-синдикалистских профсоюзах, партия бессильно стояла перед лицом государственного переворота Примо де Ривера. Партийная организация была разбита, многие товарищи были арестованы. На ноябрьском пленуме ЦК (1924) политика партруководства подверглась резкой критике. Большинство пленума отклонило отчет ЦК и внесенные им предложения и приняло выработанные каталонской делегацией решения и директивы о дальнейшей работе партии. В ответ на это ЦК подал в отставку и ушел с пленума. Вскоре после избрания нового ЦК (декабрь 1924) почти весь состав его был арестован. Партия осталась без руководства.

После неудачных попыток создания партруководства в самой стране Исполком Коммунистического Интернационала решил уступить требованиям испанских товарищей и согласиться на создание ЦК за границей. Так руководство партией попало в руки Бульехоса и Трилья, к которым в дальнейшем примкнули Адаме и Веча (последний из КСМ). Эта группа руководила политикой партии с 1926 по 1931. Политика этой группы, на словах принимавшей директивы и решения ИККИ, а на деле саботировавшей их, не только была причиной еще большего отрыва партии от масс, но и привела к оживлению и обострению фракционной и групповой борьбы внутри самой партии.

Не имея революционной перспективы, не понимая руководящей роли партии и пролетариата в борьбе против буржуазии и монархии, совершенно не усваивая значения аграрного и национального вопросов в борьбе против пережитков феодальных и полуфеодальных форм производства и классовых отношений, партия плелась в хвосте у мелкобуржуазных республиканских элементов и ждала свержения диктатуры и монархии путем государственного переворота вооруженного меньшинства—«лево» настроенных республиканских офицеров в армии (группа Франко)—или вооруженного похода на Барселону конспирирующих на французской границе каталонских националистов (группа Масия).

Объявление республики 14 апреля 1931 (см. Исторический очерк) застигло партию врасплох. Она не поняла смысла надвигающегося революционного кризиса и массовых боев 1930—31. В свержении монархии она видела только изменение лица правительства, не замечая классовых противоречий и классовых боев, определявших изменение режима. Поэтому она не была в состоянии найти правильные, отвечающие положению лозунги и оказалась в хвосте масс. В открытом письме западноевропейского секретариата Коммунистического Интернационала IV Партийному съезду КПИ (съезд происходил в апреле 1932 в Севилье) причины ошибок и провала партии характеризуются следующим образом: «КП была и к сожалению до сих пор проникнута сектантскими и анархистскими традициями. На каждом шагу и в любой области работы КП обнаруживаются сектантские тенденции и анархистские методы действия. Эти тенденции, эти методы мешали, мешают и сейчас массовой работе партии, контакту партии с массами. Одновременно можно констатировать наличие в партии правооппортунистических ошибок и тенденций приспособления к условиям буржуазно-республиканской легальности». Письмо Коммунистического Интернационала должно было послужить партруководству основой для исправления линии партии и достижения действительного поворота во всей массовой работе. Но руководящая группа оценила письмо как враждебный, направленный против нее документ, попыталась утаить его от членов партии и повела открытую борьбу против ИККИ.

Благодаря развитию революционного массового движения произошло обновление членской массы и низового партийного актива. В течение одного года, с апреля 1931 до апреля 1932, число членов партии увеличилось примерно с 1.000 до 15.000 с лишним чел. Недавно вступившие в партию рабочие и здоровые элементы прежней членской массы решительно стали на сторону ИККИ и потребовали организационных мероприятий по отношению к занимающим все более антикоминтерновскую позицию вождям. Неоднократно Коминтерн старался убедить Бульехоса, Трилья, Адаме и Веча в том, что поведение их вредно. Группа, уже стоявшая идеологически в лагере социал-демократов и троцкистов, рассматривала партию как свою частную собственность, а себя как единственного, непогрешимого вождя испанского пролетариата. Разрыв с Коммунистич. Интернационалом был неизбежен и стал предпосылкой ликвидации старой сектантски-оппортунистической политики преодоления недочетов и слабостей в методах партийной работы. В декабре 1932, после XII пленума ИККИ, Бульехос, Трилья, Адаме и Веча были исключены из партии и Коминтерна. Исключение сопровождалось идеологической, разъяснительной и вербовочной кампанией внутри партии и вне ее. Члены партии и сочувствующие ей и Коммунистическому Интернационалу рабочие приветствовали исключение этих «вождей», годами тормазивших развитие партии.

Развитие революционного движения в И., борьба революции с контрреволюцией, попытка помещиков и части буржуазии установить в И. фашизм и обеспечить ему массовую базу, маневры республиканцев и социалистов с целью задержать и отвлечь массовый натиск рабочих и эксплоатируемых крестьян, все более усложнявшееся международное положение и угрожающая война—ставят перед КПИ большие, ответственные задачи. После исключения указанной группы партия добилась больших достижений. Она положила начало повороту в массовой работе, в работе на предприятиях и в профсоюзах, среди безработных и крестьян.

Ей удалось развернуть ряд экономических и политических массовых выступлений, возглавить их и использовать для усиления партии. Ей принадлежала инициатива в борьбе за создание единого фронта, против наступления капитала, войны и фашизма. Она содействовала созданию компартии в Каталонии и усилила работу в остальных областях, населенных нацменьшинствами. Она повысила число членов более чем до 20.000 в мае 1934 и организовала широкие денежные сборы среди рабочих для поддержки центрального органа партии «Мундо Обреро», а после запрета «Мундо Обреро»—издающейся нелегально «Бандера Роха».

Во время событий в октябре 1934 партия находилась в первых рядах борющегося пролетариата. В Астурии и в ряде других местностей компартия завоевала руководство массами и пыталась дать движению конкретные лозунги, определенную цель и единое политическое и организационное руководство. Но ни партия как таковая ни ее влияние не были достаточно сильны, чтобы преодолеть последствия колебаний, саботажа и предательства социалистических и анархистских вождей. Пролетариат временно потерпел поражение. Но последнее явилось в действительности поражением политики социал-демократического и анархистского руководства; оно создало предпосылки для перехода широких масс социал-демократических и анархистских рабочих на сторону компартии. Освобождение рабочих и неимущих крестьян от идеологического и организационного влияния республиканцев и социалистов, анархистов и анархо-синдикалистов, борьба за гегемонию партии в рабочем движении, подготовка пролетариата и всех эксплоатируемых слоев в городе и деревне к новой борьбе, к решающей борьбе за власть—таковы стоящие сейчас перед КП Испании очередные задачи. *А. Штирнер.*

Печать И. Из крупных открыто монархических газет сохранились две: 1) «ABC»—крупнейшая и лучшая по своему техническому оформлению газета И.; основана в 1904, тираж 120 тыс. Редактор—маркиз Лука де Тена; широко известна за границей; 2) «La Nacion» («Насион»); осн. Примо де Ривера, при к-ром была официозом. Тираж сократился до 25 тыс. Читается монархическими, помещичьими и клерикальными кругами.

Из правых газет крупнейшее значение сейчас имеет «El Debate» («Эль дебате»); орган СЭДА, принадлежит акционерному обществу «Ля Эдиториаль Католика», находящемуся в руках иезуитов. Редактор—Анхель Эррера, видный католический деятель. Тираж 100 тыс. «La Gaceta» («Ля Гасета») как до, так и при республике—правительственный вестник, печатающий законы, декреты, распоряжения, отчеты и т. д.

Из республиканских органов крупнейшим и наиболее известным за границей является «El Sol» («Эль Соль»). Тираж 100 тыс.; осн. в 1917 Н. М. Ургоити под знаком требования созыва конституционных кортесов. В 1932 приобретена газетным трестом Микеля. Отражает в общем взгляды радикальной партии. Тому же тресту Микеля принадлежит «La Voz» («Ля Вос»), вечернее издание «Эль Соль», осн. в 1920, тираж 120 тыс., «La Luz» («Ля Лус») и «Ahora» («Аора»), журнал, прежде отражавший взгляды радикал-социалистов.

«Informaciones» («Информасионес»), осн. в 1921, тираж 100 тыс., и «La Libertad» («Ля Либертад»), осн. в 1918, тираж 60 тыс.; приобретены крупным балеарским табакопромышленником Хуан Марч. До республики первая была монархической, вторая—республиканской. В 1934 первая приблизилась к СЭДА, вторая стала отражать позицию М. Барриоса (см. Политические партии И.).

Крупнейшие левореспубликанские органы—«El Liberal» («Эль Либераль»), осн. в 1888, тираж 90 тыс., и «Heraldo de Madrid» («Эральдо де Мадрид», осн. в 1889, тираж 75 тыс. Обе принадлежат крупным каталонским промышленникам бр. Бускет и отражают в общем взгляды радикал-социалистов. «Эральдо де Мадрид» дает подробную информацию о рабочем движении и читается даже рабочими.

Орган социал-революционеров—«La Tierra» («Ля Тиерра»), основан в 1930, крупного распространения не имеет.

В провинциях крупные газеты выходят только в Барселоне (Каталония). Стоит отметить орган Лиги областников — «La Veu de Catalunya» («Ля Веу де Каталуния») на каталонском языке, осн. в 1890, тираж 40 тыс., и «La Vanguardia» («Ля Вангуардия»), осн. в 1881, тираж 120 тыс., стоит близко к Лиге областников, с клерикальным уклоном. Органами Эскерра являются «L'Opinio» («Л'Опиньо»), осн. в 1931, и вечерняя «La Nau» («Ля Нау»), обе на каталонском языке.

Орган соц. партии — «El Socialista» («Эль Сосиалиста»), тираж 34 тыс. Орган НКТ—«Solidaridad Obrera» («Солидаридад Обрера»), Барселона, тираж 20 тыс.

ЦО КПИ—«Mundo Obrero» («Мундо Обреро»), осн. в 1930, приобрел в 1933 тираж 50 тыс., с 1934 запрещен. Выходит подпольная еженедельная «Bandera Roja» («Бандера Роха»). Комсомол выпускает «Juventud Roja» («Хувентуд Роха»). В провинции компартия имеет ряд крупных газет, как «Catalunya Roja» («Каталуния Роха», Барселона), «Escuadi Roja» («Эскуади Роха», Бильбао). Орган УВКТ—«Unidad Sindical» («Унидад Синдикаль»). *М.*

Профдвижение. Возникновение профдвижения в И. относится к 40-м гг. 19 в. Первые союзы были образованы в Каталонии. В 1840 был образован профсоюз в Барселоне—«Ассоциация ручных ткачей» с 2.000 членов, а в 1854 там создается федерация профсоюзов. Революция 1868 особенно повлияла на развитие рабочего движения. Большинство рабочих союзов примкнуло к сторонникам *Бакунина* (см.), и испанская секция 1-го Интернационала в то время являлась одной из самых мощных секций, поддерживавших Бакунина. В течение 5 лет (1868—73) рабочее движение быстро развивалось, распространившись на все промышленные и основные города страны. В лучшие времена испанская секция 1-го Интернационала—«Федерация испанской области»—насчитывала около 80 тыс. членов. После восстания 1873 начался период свирепой реакции; все секции Интернационала в И. были закрыты, движение разгромлено. В 1879 в Мадриде создалась нелегально под руководством Иглезиаса социалистическая партия, и началась жестокая борьба между марксистским и анархистским крылом рабочего движения. Это резко проявилось на рабочем съезде «Федерального ценра» в Барселоне, на к-ром присутствовало 119 представителей от 88 рабочих организаций. С того време-

ни бакунизм перестал преобладать в испанском рабочем движении, уступив место *анархо-синдикализму* (см.). В 1881 анархистами была создана «Рабочая федерация», принявшая резолюцию, являющуюся для анархо-синдикалистского движения актуальной и поныне, подчеркивавшую «аполитичность» рабочих организаций и «их экономический характер». В противоположность этому с.-д-тия в следующем году положила начало своему профдвижению созывом съезда в 1882 в Барселоне, на к-ром была создана «Национальная ассоциация испанских рабочих», признавшая необходимость для пролетариата вести политическую борьбу. Правительственные репрессии помешали этой организации добиться серьезных успехов. Но уже в 1888 был созван другой профсоюзный съезд, тоже в Барселоне, на к-ром было создано «Всеобщее объединение рабочих Испании» (ВОРИ), являющееся до сих пор реформистским центром последней. Эта профорганизация стала развиваться под непосредственным руководством социалистической партии. Число ее членов от 3.355 при создании поднялось до 19.264 в 1899, 66.905 — в 1905 и до 112.000 — в 1915. Каталония становится центром анархо-синдикализма, и ВОРИ пришлось перенести свое местопребывание в Мадрид. Ему удалось укрепиться в этом городе, в Бискайе и Астурии. Одновременно анархо-синдикалисты при новом подъеме рабочего движения в начале 20 в. добиваются развития своих организаций и создают «Рабочую федерацию Каталонии». Рабочее движение получает большой размах в 1909 в связи с недовольством, наступившем среди рабочих против войны с Марокко. В Каталонии забастовочное движение перерастает в настоящее восстание, но отсутствие поддержки в др. областях дает возможность правительству жестокими репрессиями подавить движение и разбить профсоюзы. Новый рост экономической борьбы заставляет анархистов организовать массовое профдвижение. В 1911 в Барселоне созывается рабочий съезд, на к-ром представлены 60.000 рабочих и на к-ром кладется начало организации «Национальной конфедерации труда» (НКТ), являющейся до сих пор анархо-синдикалистским центром. С этого времени в И. существуют две крупных профессиональных организации. В 1912—16 под руководством НКТ происходит ряд крупных забастовок. Следующая таблица показывает динамику развития НКТ и ВОРИ за довоенные годы:

Профорганизации	Число членов			
	1911	1912	1913	1914
НКТ	60.000	52.000	70.000	109.000
ВОРИ	77.749	128.914	147.729	127.804

С начала войны капиталисты стояли за нейтралитет, но в 1915 открыто выступили на стороне Антанты. Это вызвало оппозицию отдельных левых групп, объединившихся вокруг еженедельника «Наше слово». Промышленный подъем в результате обогащения испанской буржуазии в войне нисколько не улучшил положения рабочего класса. 12-й съезд ВОРИ в Мадриде в 1916 выдвинул перед правительством требование борьбы с дороговизной, ликвидации безработицы, амнистии политзаключенным и сокращения военных расходов. Вожди ВОРИ вошли в контакт с вождями НКТ для подготовки совместной борьбы за указанные требования. В 1916 оба профцентра предприняли совместную кампанию и 18 декабря объявили всеобщую стачку, проходившую с небывалым единодушием. Борьба эта продолжалась в 1917, а в августе вспыхнула всеобщая стачка, охватившая всю страну и сопровождавшаяся баррикадными боями; в Бискайе один полк перешел на сторону повстанцев. Ликвидация движения вследствие предательства реформистских вождей приводит к усиленным репрессиям. Годом позже борьба возобновляется под руководством НКТ, которая завоевывает сочувствие широких масс и на 2-м своем съезде в 1916 уже насчитывает около 1 млн. членов. Под ее руководством проходят крупные революционные бои, к-рых не в состоянии подавить самые ужасные репрессии и к-рые в Каталонии вызвали 2-недельную стачку больше полумиллиона рабочих. На 2-м конгрессе НКТ под влиянием Октябрьской революции принимаются резолюции о присоединении к 3-му Интернационалу, вследствие чего в 1920 делегаты НКТ участвуют во 2-м конгрессе Коминтерна, а в следующем—в учредительном конгрессе Профинтерна. На 2-м съезде НКТ принимается резолюция о необходимости единства профдвижения, предлагающая ВОРИ перейти в 3-месячный срок в ряды НКТ. В результате присоединения к Профинтерну НКТ вновь подвергается репрессиям правительства.

В 1922 вожди НКТ добиваются на съезде в Сарагоссе постановления о выходе из рядов Профинтерна и о присоединении НКТ к Берлинскому (анархистскому) интернационалу. Жесточайшая реакция, обрушившаяся на федерацию, к-рая уходит в подполье, доводит количество членов НКТ до 40.000. Одновременно ВОРИ присоединяется к Амстердамскому интернационалу. Перед лицом энергичного сопротивления политике предательства со стороны революционных рабочих вожди ВОРИ прибегают к массовому исключению членов профоппозиции, начиная с металлистов Бискайи и горняков Астурии. На 15-м съезде ВОРИ предложение красного меньшинства о присоединении к Профинтерну вызывает кровавые столкновения между делегатами оппозиции и вождями ВОРИ, во время которых один делегат оказался убитым. В годы диктатуры Примо де *Ривера* (см.) (1923—30) вожди ВОРИ поддерживают эту диктатуру, не только сотрудничая с ним через «паритетные комитеты», но даже допуская назначение своего генерального секретаря Кабальеро «государственным советником». Вожди НКТ объявляют сами о роспуске своей организации под предлогом репрессий.

В это время укрепляется революционная профоппозиция, руководимая развивающейся компартией. В НКТ революционная оппозиция группируется вокруг Комитета революционных синдикалистов. Одновременно создаются фракции и внутри ВОРИ. Успехи достигнуты ею в 1923, когда революционное профдвижение охватывает Бискайю и начинает играть серьезную руководящую роль в союзе горняков, входящем в НКТ. В 1924 в Бильбао созывается конференция красного меньшинства, значительно укрепившего свое влияние, особенно в Бильбао и в Андалузии. Но диктатура жестоко обрушивается на красное профдвижение. В 1925 Комитет революционных синдикалистов фактически прекращает свое существование. Движение вновь оживает лишь после падения Примо де Ривера, когда представители револю-

ционных групп НКТ, по инициативе революционных групп Севильи, созывают конференцию в июне 1930, на которой принимается постановление создать комитет восстановления распущенной НКТ. Объединив 20 тыс. рабочих, компартия не сумела однако использовать этот почин для восстановления НКТ на основе революционного профдвижения, что дало возможность анархо-синдикалистским вождям воссоздать конфедерацию на анархистской основе, причем все примыкающие к революционному комитету организации исключаются из НКТ.

В 1929 начинается новый подъем испанского рабочего движения. Стачки 1930 вызвали политическое пробуждение не только пролетариата, но и крестьянских масс, мелкой буржуазии и угнетенных национальностей. Массовые выступления 1930 и 1931 и в особенности революционные стачки и восстания испанского пролетариата явились решающим моментом в падении монархии (14 апреля 1931). Накануне ее падения наиболее крупной организацией было ВОРИ, к-рое насчитывало 200 тыс. членов. НКТ насчитывала лишь 60 тыс. членов, а революционное профдвижение имело серьезные позиции лишь в Андалузии, где сторонники Профинтерна руководили 39 союзами с 12.328 членами. Кроме того было 18 групповых оппозиций, объединявших 3.000 рабочих. Довольно сильные позиции революционно-профессиональная организация имела среди металлистов Бискайи и горняков Астурии.

Помимо этих организаций до падения монархии существовали еще «Национальная католическая рабочая конфедерация» и «Конфедерация рабочих союзов», из к-рых вторая являлась преимущественно штрейкбрехерской организацией. Через нее диктатура пыталась фашизировать профдвижение, но после падения монархии эта организация развалилась, в то время как «католические профсоюзы» существуют и до сих пор. *Г. Кобылянский.*

После установления республики размах рабочего движения усилился. Годы существования республики ознаменованы развертыванием мощных пролетарских и крестьянских боев, к-рые втягивают в борьбу все слои рабочих и крестьян. За один год существования республики, по преуменьшенным буржуазным данным, произошло 3.600 стачек, из коих 30 переросли в восстания. В 1933 насчитывалось около 6.000 боев, часть к-рых переросла в вооруженные выступления. В рабочем движении происходят большие сдвиги. НКТ осенью 1931 насчитывает 800 тыс. членов, но затем, вследствие разочарования масс в дезорганизаторской тактике анархистов, НКТ значительно ослабляется. За это время ее вожди трижды призывают к «революции» с применением методов «бакунистских революций 70-х гг.»; но хотя массы активно выступают, тем не менее в виду путчистского характера эти восстания терпят неудачу. Вследствие этого в руководстве НКТ происходит раскол между «умеренными» анархо-реформистами, к-рые в 1933 создают отдельную Федерацию синдикалистов, и т. н. «чистыми анархистами» Иберийской федерации, возглавляющими НКТ. В 1934 НКТ продолжает влиять на довольно широкие массы, в особенности Каталонии и Сарагоссы, насчитывая примерно 300 тыс. членов. При поддержке республиканского правительства значительно укрепился ВОРИ, достигший в 1932 около 1 млн. членов, гл. обр. сел.-хоз. рабочих. Однако разочарование масс вследствие неудовлетворения обещаний, сделанных социалистическими вождями при их вступлении в буржуазное правительство, вызвало большую текучесть в его рядах. После выхода социалистов из правительства вожди ВОРИ, применяя «левые» маневры, объявляют себя «сторонниками социальной революции» и добиваются задержки процесса отхода рабочих из рядов ВОРИ.

Нек-рую массовую базу уже сумели себе создать испанские фашисты в лице т. н. «рабочего действия», к-рое, пользуясь поддержкой помещиков, организует свои союзы, в особенности в деревне. Революционная профессиональная оппозиция, к-рая в начале республики, вследствие сектантского руководства компартии, развивалась весьма слабо, значительно укрепилась в 1933 после исключения из партии этого руководства. Под влиянием революционного профдвижения в июле 1932 созывается конференция единства с участием представителей низовых профсоюзов НКТ и ВОРИ вопреки запрещению руководства обоих профцентров. Конференция представляла около 270 тыс. рабочих. Одновременно на той же конференции происходит конференция сторонников Профинтерна, принявшая постановление создать Унитарную конфедерацию труда. Учредительный съезд Конфедерации, несмотря на репрессии и осадное положение, собрался в апреле 1934. На нем было представлено 140 тыс. рабочих. Этот съезд является переломным в развитии профдвижения в И. После съезда УКТ значительно расширила свое влияние и вне Андалузии, где гл. обр. она имела силы в прошлом. Но организационное закрепление расширившегося влияния резко отставало от темпа нараставшего революционного подъема. Ход революционной борьбы и особенно революц. события, развернувшиеся в октябре 1934, со всей остротой подчеркнули всю важность профсоюзной работы в деле осуществления единства действий пролетариата. Объединение всех организованных рабочих в одну общенациональную профсоюзную организацию на основе классовой борьбы стало основной и срочной задачей УКТ и революционного профдвижения И.

Лит.: Проблемы испанской революции (Сб. статей ЦК Испанской компартии), М., 1933; Трайнин И. П., Современная Испания и ее национально-колониальные проблемы, М., 1933; Маркс К., Испанская революция, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. X, М., 1933; Энгельс Ф., Бакунисты за работой, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XV, М., 1935; статьи в «Коммунистическом Интернационале» и «Красном Интернационале профсоюзов».

Вооруженные силы. Высшее управление армией сосредоточено в военном министерстве, состоящем из: а) суб-статс-секретариата (вопросы вооружения и управления), б) генерального штаба и в) трех генерал-инспекторов. Вся территория собственно И. разделена на 8 военных округов, к-рые подчинены командующим войсками. Укрепления в Ферольле, Кадиксе и Картахене имеют управления комендантов. Кроме того существует два отдельных военных округа: один на Балеарских и второй на Канарских о-вах. Марокко делится на 2 округа: 1) западный (Сеута, Тетуан и Лараш) и 2) восточный (Риф и Мелила).

Организация армии. Сухопутная армия состоит из постоянных войск первой и второй линии и территориальной армии. Войска первой линии состоят из войск, расположенных на п-ове, африканской армии (в Марокко), гарнизонов Балеарских и Канарских о-вов. К вой-

скам второй линии относится первый резерв, к-рый имеет свою отдельную организацию и небольшие офицерские кадры. Территориальную армию составляет второй резерв для пополнения армии в военное время. Кроме этих войск, укомплектованных по принципу всеобщей воинской повинности и поэтому подверженных революционным влияниям, еще имеются более надежные наемные вспомогательные войска постоянной службы, комплектуемые добровольцами, а также окончившими действительную службу унтер-офицерами и рядовыми. Вспомогательные войска включают разные вооруженные организации.

Высшие войсковые соединения. Испанская армия состоит из 8 дивизий пехоты, 1 кав. дивизии и 2 бригад горной пехоты. Пехотная дивизия состоит из 2 бригад, по 2 полка каждая. Полк в 2 батальона. Кроме того в состав дивизии входит эскадрон конницы, бригада артиллерии из 2 арт. полков, инженерный батальон с двумя технич. взводами, один авиаотряд, арт. парк, санитарные, ветеринарные и административные службы. Кав. дивизия состоит из трех кав. бригад, по три полка каждая, полка артиллерии, авиаотряда, самокатных и автомобильных групп, двух смешанных групп саперов и телеграфистов, санитарной и ветеринарной службы.

Отдельные роды войск. 1) Пехота: 41 полк, 8 батальонов горной пехоты, 7 батал. африк. стрелков, 1 дисциплинарная рота и 1 полк легких танков; 2) кавалерия: 10 полков, 2 кадра для выездки лошадей, 8 заводских депо, 1 военный табун и 1 центр ремонтного запаса; 3) артиллерия: 20 полков легкой, 8 полков тяжелой, в том числе 4 полка береговой артиллерии; 4) инженерные войска: 1 полк саперов-минеров, 1 ж.-д. полк, 1 телеграфный полк, 1 полк понтонеров, 1 полк радио, отделение аэростатов, крепостные части, 2 роты топографов и 1 раб. рота. Кроме того отдельные части саперов (4 роты) и телеграфистов (4 роты) расположены на Майорке, Минорке, Тенерифе и на Канарских о-вах. В военное время формируется 16 рез. пехотных и 2 рез. кавалерийских дивизии.

Общая численность испанской армии (1933). В самой И. 121.531 чел., в т. ч. офицеров 7.859. В Африканских колониальных владениях 44.750 чел., в т. ч. офицеров 1.750; туземных войск 7.000 и иностранного легиона ок. 6.000 чел. Всего около 180.000 чел.

Вспомогательные войска являются основным орудием борьбы с революционным движением пролетариата и крестьянства: а) Гражданская гвардия; назначение—поддержание порядка, охрана дорог, населенных пунктов, оказание помощи при поимке преступников и т. п.; численность 27.324 пехоты и 5.707 конницы. б) Корпус карабинеров; назначение—борьба с контрабандой на границах и на побережьи И.; корпус разделен на 32 команды, к-рые делятся на 110 рот пехоты и 66 кав. взводов; численность—14.530 карабинеров пех., 461 морских и 333 конных. в) Части фашистской организации «Соматенес», к-рые организованы во всех провинциях И. и в Марокко; назначение—«поддержание государственного порядка», т. е. борьба с революционным движением.

Система комплектования армии. Обязательная военная служба всеобщая, личная является основным источником укомплектования. Призывной контингент делится на две категории: обязанных воен. службой безоговорочно и обязанных службой только во вспомогательных войсках. Пополнение постоянной армии складывается из: 1) ежегодного контингента, состоящего из двух категорий: обыкновенных рекрутов, служащих 1 год, и рекрутов, оплачивающих военный налог, служба к-рых сокращена до $^1/_2$ года; 2) сверхсрочнослужащих, к-рые могут оставаться на военной службе до 39-летнего возраста, а в Марокко до 40 лет; 3) добровольцев с 18 до 21 года. Сроки военной службы: действительная служба—12 месяцев, в запасе—5 лет, в первом резерве—6 лет и во втором резерве—пока не закончатся 18 лет службы. Ежегодный призыв установлен в 145.000 рекрутов.

Вся территория И. разделена на 120 рекрутских «депо» и 75 резервных округов, сгруппированных с 1931 в 16 мобилизационных и резервных центров. Рекрутские депо существуют в каждой зоне и получают призывных по территориальному признаку.

Кадры унтер-офицеров и офицеров. Звание капрала дается рядовому солдату после 4 месяцев службы. Звание сержанта—после 6 месяцев службы в звании капрала. Для подготовки унтер-офицеров существуют войсковые школы и школа капралов. Для подготовки офицеров существуют: Высшая военная школа, Центральная стрелковая школа, Школа верховой езды и Гимнастическая школа. К высшим военно-учебным заведениям также относятся: Общая военная академия, Академия пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерная и интендантская. Кроме того существуют Курсы высших военных наук.

Авиация. Высшее управление военной авиации с 1934 объединено с управлением гражданской авиации под названием Главное управление воздушного флота. Военная авиация делится на две службы: собственно авиационную и службу воздухоплавания. Воздушные силы насчитывают около 500 самолетов. Имеется 5 отрядов (эскадрилий) истребительной, 11 отрядов разведывательной, 2 отряда морской авиации; в колониях 3 отряда разведывательной, 1 отряд морской авиации. Численность личного состава воздушных сил около 4.400 чел. ПВО состоит из 4 артиллерийских (зенитных) батарей. В состав военно-воздушных сил входят следующие эскадры: учебная (72 самолета), эскадры Мадрида, Севильи и Леона (216 самолетов), 2 группы разведчиков (48 самолетов) и 1 группа гидропланов (24 аппарата). Школьная служба охватывает 4 авиационных школы по 2 эскадрильи (120 самолетов). Авиацию в африканских владениях составляют 2 авиационные группы и 1 группа гидропланов в Марокко и др. Воздухоплавательные части состоят из 1 полка аэростатов (1 батальон аэростатов включен в инженерные войска) и центральных учреждений: лабораторий, мастерских, складов и т. д.

Морской флот составляют: 2 броненосца, 1 авианосец, 7 крейсеров, 11 контрминоносцев, 12 миноносцев, 13 подводных лодок и 44 разных мелких единицы (канонерок, транспортов и т. п.). Общий тоннаж ок. 110.000 *т*. Расходы на содержание армии и флота по бюджету (1934) составляют 668 млн. пезет.

Лит.: Иностранные армии (Справочник, под ред. А. Никонова), М., 1934; Die Rüstung der Welt, hrsg. v. W. Müller-Loebnitz, B., 1935. *В. Савченко.*

VI. Санитарное состояние и народное здравоохранение.

Демографические данные. И. относится к странам со сравнительно высокой рождаемостью и высокой смертностью.

Табл. 1.—Движение населения (на 1.000 жителей).

Годы	Испания		Города	
	рождаемость	смертность	рождаемость	смертность
1905	34,9	26,6	—	—
1915	29,9	22,0	—	—
1925	29,4	19,7	27,0	23,4
1930	29,0	17,3	27,5	19,7
1931	28,3	17,8	26,6	20,7
1932	28,3	16,4	24,9	17,1

Особенно обращает на себя внимание высокая смертность в городах, что связано с низким уровнем жизни рабочего класса И. Прирост населения довольно значителен (за счет высокой рождаемости); вне городов прирост несколько выше, чем в городах. Отдельные районы резко различаются по движению населения. Так, в 1932 прирост составлял на 1.000 жит.:

Табл. 2.

	Население	
	городское	сельское
Барселона	3,1	4,2
Малага	15,0	16,7

Смертность грудных детей, снизившаяся за последние 20 лет, все же сравнительно высока:

Табл. 3.

На 100 родившихся умерло до 1 года:

1910	1920	1930
14,9	16,5	12,3

Высок процент мертворождений (2—3% среди брачных детей и 5—6% среди внебрачных).

Заболеваемость. Низкий уровень государственной статистики в И. особенно резко отражается на статистике заболеваемости. Статистика инфекционных болезней и причин смерти дает весьма слабое представление о действительном положении вещей. Данные о причинах смерти за 1926 напр. охватывают только $^1/_6$ всех случаев смерти; регистрация инфекционных болезней введена лишь в 1919 и надежность ее сомнительна.

Табл. 4.—Смертность от инфекционных болезней (в абс. цифрах).

Причины смерти	1920	1925	1930
Брюшной тиф	6.996	4.218	3.735
Дифтерия	2.723	1.408	1.276
Скарлатина	1.235	185	192
Корь	5.813	4.815	5.234
Коклюш	3.502	1.766	1.108
Оспа	3.280	551	8

Особенно высока в И. смертность от брюшного тифа, в 1926 составлявшая 21,5 на 100.000 жителей и являющаяся наивысшей в Европе. Весьма распространена в И. малярия, но в области борьбы с ней есть известные достижения (в 1919 умерло от малярии 1.937, в 1930—556). В 1926 насчитывался 21 противомалярийный диспансер, в 1928—35; многие из них работают только летом. Специальные областные комиссии по борьбе с малярией осуществляют надзор за водоемами, за рисовыми плантациями и т. п., но все дело зависит от благотворительности: противомалярийная борьба субсидируется из рокфеллеровского фонда.

Туберкулез значительно распространен в И. и смертность от него почти не снижается:

Табл. 5.—Число умерших от туберкулеза (в абс. цифрах).

Формы туберкулеза	1921	1925	1929
Тбк легких	26.870	27.227	25.154
Тбк менингит	2.045	2.120	2.533
Тбк прочих органов	4.560	3.933	3.144

Смертность от всех форм туберкулеза в городах составляла на 10.000 жит. 23,3. Борьба с туберкулезом началась сравнительно недавно (в 1906 организована комиссия по борьбе с туберкулезом); бюджет этого дела ничтожен. Количество туберкулезных диспансеров незначительно (ок. 30 в 1929); принадлежат они большей частью местным общественным организациям.

Венерические заболевания в И. не учитываются: борьба с ними ведется в диспансерах (в 1928—32 диспансера) и нескольких специальных больницах. Согласно международной конвенции 1924, во всех главных портах есть диспансеры, в которых проводится бесплатное лечение моряков. Из других болезней должны быть отмечены: трахома (49.413 больных в 1925), особенно распространенная в южных и приморских районах; проказа (Аликанте, Северо-западная Испания, Канарские острова); рак и денге (эпидемия 1927 в Андалузии).

Дело здравоохранения в И. развито весьма слабо. Страхование от безработицы отсутствует. Фабричная инспекция числится номинально и действует в интересах фабрикантов. Охрана материнства и младенчества находится в зачаточном состоянии. Закон об охране материнства предоставляет беременной женщине право на отпуск на 8-м месяце беременности без сохранения заработной платы, что фактически сводит это постановление на-нет, так как прожить два месяца на ничтожное пособие, выдаваемое на кормление ребенка, невозможно (в течение 10 недель выдается около 50 пезет в месяц). Расходы на страхование материнства, акушерскую помощь, лекарства, пособия на кормление и т. п. покрываются из взносов работниц, владельцев предприятий, а также субсидий государства и муниципалитетов, но и этим страхованием охвачены не все категории работниц.

Бюджет здравоохранения в 1924/25 составлял 7.721.600 пезет (или 0,26% общего бюджета); на одного жителя приходилось всего ок. 0,35 пезет. Почти все лечебное дело находится в руках частных врачей, к-рые сосредоточены преимущественно в городах; таким образом деревня по существу лишена квалифицированной медицинской помощи. В 1931 в И. было 23.000 врачей; 10 медицинских факультетов выпускают ок. 700 врачей ежегодно. Бесплатная помощь неимущим оказывается на средства общин и на пожертвования.

Организация здравоохранения возглавляется генеральной санитарной дирекцией (Direction general de Sanidad), учрежденной в 1922 и

входящей в состав министерства внутренних дел; она делится на: а) внутреннюю генеральную инспекцию, к-рой подчинены местные инспектора; б) внешнюю генеральную инспекцию, которой подчинены портовые инспектора, лазареты, санитарные станции и вендиспансеры; в) инспекцию санитарных учреждений, ведающую национальным гигиеническим ин-том, инфекционными больницами, морскими санаториями, центральной санитарной бригадой, антитуберкулезными санаториями и статистической службой, и г) административный отдел. Совещательными органами являются: Высший санитарный совет, Медицинская академия, провинциальные и муниципальные санаторные советы и комиссии.

Рост кризиса и безработицы в И., нищета, эксплоатация, детский труд, зарплата, остающаяся значительно ниже прожиточного минимума даже у сравнительно привилегированных рабочих, голодание, примитивные жилища крестьянина, батрака и рабочего—таковы условия, определяющие чрезвычайно низкое санитарное состояние широких трудящихся масс И., как бы оно ни скрывалось буржуазной статистикой. Отдельные мероприятия буржуазной классовой медицины являются жалкими паллиативами, призванными создать лишь иллюзию «заботы о массах», фактически же лишенных действительной лечебно-профилактической помощи. Годы, прошедшие после буржуазной революции, свергнувшей монархию в И., не внесли улучшений в охрану здоровья широких трудящихся масс.

Лит.: Resumen de natalidad y mortalidad de España en el ano 1932 (Direction General de Sanidad), Madrid, 1933; Annuaire statistique 1932, P., 1933; Annuaire statistique de la Société des Nations, P., 1930—31; Statistique des maladies à déclaration obligatoire pour l'année 1930, Genève, [1931]; Revista de sanidad et hygiene publica, Madrid, 1932. См. также материалы Секции гигиены Лиги Наций.

З. Партош.

VII. Народное образование.

И. в культурном отношении принадлежит к числу самых отсталых государств в Европе. Несмотря на то, что формально всеобщее обязательное обучение было декретировано еще в 1857, даже в 1927 неграмотных было 40—50%. Перед революцией 1931 всего около половины детей соответствующего возраста должно было посещать школу; однако в действительности число учащихся в школе было еще ниже, так напр., в 1926 лишь 60% из числа зарегистрированных детей фактически посещало школу. Во многих селах все население еще и сейчас сплошь безграмотно. Особенно сильна неграмотность на юге И. Помещики, промышленники, коммерсанты и вообще привилегированные слои населения воспитывали своих детей в средней школе, находившейся также, как в значительной части и высшая специальная школа, в руках духовенства (иезуитов). Монархическая И. не делала никаких серьезных попыток сколько-нибудь поднять культурность народных масс. Достаточно отметить, что число неграмотных в Испании уменьшалось в таких «темпах»: с 1860 по 1910 в среднем на 0,38% в год, а с 1910 по 1920 — на 0,71% в год. Республиканское буржуазное правительство, сменившее правительство буржуазно-монархическое, развернуло энергичную демагогическую кампанию вокруг вопросов народного образования. Тот относительно широкий план открытия 27.000 школ в течение пятилетки 1931—1936, к-рый был выдвинут вскоре после переворота, играет свою роль в той общей «маскировке под революцию», которую проводило и проводит контрреволюционное буржуазное правительство; развитием образовательных учреждений правительство рассчитывает подкупить массы трудящихся, не говоря уже о том, что новое учительство, насаждаемое во вновь открываемых школах, является агентурой той же правящей буржуазии. Так. обр. в основном система народного образования не претерпела серьезных изменений после падения монархии. Проекты изменения системы существуют, однако они находятся в стадии весьма длительных обсуждений. Схема системы народного образования такова: после школ для малышей (Escuelas de parvulos)—от 3 до 6 лет—идет школа первой ступени (Escuela de primera ensegnanza)—до 10—11 лет; над первой ступенью, играющей роль массовой народной школы, строится средняя шестилетняя школа (Institutas nacionales)—от 10—11 лет до 16—17, распадающаяся на два трехлетних концентра. После окончания первого сдается испытание на «элементарный баккалауреат» (bachillerato elemental), после окончания второго—на «университетский баккалауреат» (bachillerato universitaria), открывающий дорогу в высшую школу, представленную 12 ун-тами (Мадрид, Барселона, Саламанка, Севилья и др.), архитектурными, инженерными, ветеринарными, с.-х. и др. вузами. Высшее специальное образование в общем развито слабо и до недавнего времени находилось в значительной своей части в руках иезуитов (Instituto Catoïca de Artes Industrias в Мадриде, Высшая химическая школа в Барселоне и др.). Длительность обучения в высших школах колеблется от 4 до 6 и даже 7 лет. Ун-ты (не все) имеют следующие факультеты: историко-филологический, физико-математический, фармацевтический, юридический и медицинский. Низшее и среднее профессиональное образование дается в государственных «индустриальных школах», в горных, ремесленных и т. п. школах. К средним учебным заведениям следует отнести и музыкальную консерваторию, строящуюся на базе начальной школы. Бо́льшая часть средних общеобразовательных учебных заведений, отчасти начальных и высших школ, фактически, несмотря на закон о светскости школы и запрещении религиозным организациям вести школьное (общее) обучение, и при республике находится в руках католического духовенства.

Для подготовки учителей начальных школ существуют нормальные школы, которые впервые были открыты в 1839. Преподаватели средних и нормальных школ должны готовиться на педагогической секции ист.-филолог. факультета в Мадридском ун-те (открыт в 1932). В действительности ни учителя начальных ни преподаватели средних школ в своем подавляющем большинстве не имеют специально педагогического образования.—Научная работа, кроме ун-тов и высших школ, ведется в Академии наук. Существует несколько крупных библиотек: Национальная библиотека, университетская библиотека в Мадриде, библиотека св. Исидора и др. Из числа музеев наиболее значительным является Музей дель-Прадо (в Мадриде), где собрано большое количество картин испанских и итальянских художников.

Статистические данные о состоянии народного образования при республике или недостаточны или отсутствуют. В 1926 учащихся в начальной школе было 2.503.648, в средней—76.293,

в учительских школах—26.101. В низших и средних проф. школах обучалось 25.000 учащихся. В высших школах в 1929 было около 45.000 студентов. *А. П.*

ИСПАНО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, литература, создававшаяся на испанском языке, первоначально в колониях, а затем в независимых государствах Юж. и Караибской Америки; возникла как ответвление европейской. Завоеватели и первые колонисты, привезшие из Испании традиции богатой литературы, и в дальнейшем не прерывали самой тесной культурной связи с метрополией. Этим отчасти объясняется несамостоятельность и подражательность И.-а. л. первых веков ее существования. За конкистадорами, к-рые в короткий срок превратились в богатых землевладельцев и торговцев, в новые земли стали приезжать в огромном количестве представители духовенства. По мере создания хозяйственных и административных центров возникают и центры культурные. Так, в городе Мехико в 1539 была открыта первая в Америке типография, а в 1550—университет.

Необычность обстановки Нового Света и огромный интерес, к-рый проявляла метрополия к своим колониям, способствовали появлению множества хроник, мемуаров и исторических сочинений. Уже Христофор *Колумб* (см.), по нек-рым сведениям, написал «Анналы», дошедшие до нас в незначительных отрывках. Его примеру последовал завоеватель Мексики Эрнан *Кортес* (см.), изложивший в «Письмах и донесениях» историю своих походов. Бартоломе де лас Касас (1470—1566) протестует в своей «Истории Индии» против массового истребления туземцев и рекомендует ввозить для тяжелых работ африканских негров. Хуан де Кастельянос (1522—1615) пишет поэму в 150.000 стихов о знаменитых мужах Индии. Преимущественно Перу посвящает свои исторические труды инка Гарсильясо де ла Вега (1540—1615), сын испанца и инкской принцессы.

Наряду с исторической развивается и религиозная литература. Представители духовенства пишут катехизисы, поучения и проповеди для «новообращенных». Непонимание туземных языков привлекает духовенство к филологическим работам. Появляются также труды из других научных областей: каталоги флоры и фауны, исследования географические, этнографические и естественнонаучные.

В 16 в. внешне процветает лирическая поэзия. При университете создаются кафедры поэзии, организуются поэтические состязания, но эти упражнения, рассчитанные на узкие литературные круги, не выходят за пределы посланий, мадригалов, од, посвящений. Из поэтов этого времени выделяется Бернардо де Бальбуена (1568—1627). Широкое распространение получает героическая эпопея, отражающая идеи абсолютной монархии и колониальной экспансии. Из многочисленных опытов в этом роде (в Мексике, Аргентине и Перу) необходимо выделить «Араукану» Алонсо де *Эрсильяи-Суньига* (см.), посвященную покорению Чили и междоусобной борьбе среди туземцев.

В конце 16 века возникает мексиканский театр. Излюбленным драматич. и сценическим жанром являются «autos» (сцены из священной истории), к-рые Хуан де Эслава, писавший на рубеже 16 и 17 вв., поднял на нек-рую художественную высоту. Мексиканская монахиня Хуана Инес де ла Крус (1650—95) наряду с духовными темами трактовала и светские, дав образцы исторической и бытовой комедии. Она же была лирическим поэтом 17 в., отразившим господствовавшие увлечения *гонгоризмом* (см.).

Нек-рое оживление, связанное с ростом местной буржуазии, обострившимся недовольством метрополией и первыми идеями эмансипации, начинается в 18 в. Новую главу в истории И.-а. л. открывает мексиканец Мануель Наваррете (1768—1809), один из предшественников классицизма и буржуазного просвещения, автор буколических стихов и поэм. Крупным шагом вперед явилась пьеса аргентинского адвоката Мануеля Хосе де Лабардена (1725—1808) «Сирипо» на сюжет из индейской жизни. Значительным литературным событием явился и плутовской роман мексиканского журналиста Хосе Хоакина Фернандеса де Лисарди (1774—1827) «Жизнь и похождения Перикильо Сарниенто». Лисарди был одним из первых южно-американских публицистов, зло высмеивавших колониальные власти и в значительной степени способствовавших развитию идей борьбы за независимость.

В 1767 произошло изгнание иезуитов из испанских колоний; следствием этого было частичное раскрепощение культуры от гнета духовенства. Возникает множество литературных объединений, появляются журналы, буржуазия проникается идеями политической независимости. К концу века в разных местах подымаются восстания, переходящие в национально-освободительные революции, и к 1825 почти вся Испанская Америка освобождается от власти метрополии. Борьба за независимость и торжество освобождения ввели в поэзию революционно-патриотические мотивы. Наибольшую популярность приобретают экуадорец Хосе Хоакин Ольмедо (1780—1847), в своей «Песне Боливару» прославивший одного из главных деятелей борьбы за независимость; чилиец Андрес Бельо (1781—1865), поэт и даровитый филолог; Хосе Мария *Эредиа* (см.), крупнейший поэт Кубы, изгнанный за участие в антиправительственном движении, и его соотечественник Габриель *Вальдес* (см.), мулат, первый революционный поэт Латинской Америки, казненный по обвинению в подготовке восстания негров. Второстепенное значение имеют мексиканцы Анастасио Мария Очоа и Мануель Санчес дель Тагле, аргентинец Хуан Крус Варела, венесуелец Рафаель Мария Баральт.

В этот же период делаются и серьезные попытки в драматургии. Мануель Эдуардо Горостиса (1784—1851) пишет ряд комедий, изображающих мексиканский быт; Мануель Асенсио Сегура (1805—71) рисует перуанские нравы; мексиканец Фернандо Кальдерон (1809—45) пытается пересадить на американскую почву европейскую романтическую драму. Более глубокий след оставило влияние европейского романтизма в области лирического творчества, находя себе обоснование в националистических тенденциях освободительной борьбы, в стремлении к национальному и культурному самоутверждению и увлечении местным материалом. Одним из проводников романтизма был аргентинец Эстебан *Эчеверриа* (см.), находившийся под сильным воздействием французских романтиков и Байрона. Другие представители романтизма—перуанский поэт Фернандо Веларде (ум. 1881), аргентинец Хуан Мария Гутьеррес (1809—78), колумбиец Хосе Эусебио Каро (1817—53) и в особенности гватемалец Хосе Батрас Монтуфар (1809—44), написавший три

стихотворных повести на сюжеты из туземных легенд. Жертва аргентинского диктатора Росаса, Хосе Мармоль (1818—81) дал в своем романе «Амалия» яркую картину общественной жизни своего времени.

Усиление буржуазии, рост ее национального самосознания, выявление новых писателей либерально настроенной буржуазной интеллигенции сказываются в повороте в сторону реализма. Олегарио Виктор Андраде (1838—83) отражает в своей «Атлантиде» рост национального самосознания аргентинской буржуазии и ее требования экономического и культурного самоопределения. С националистическими тенденциями связаны попытки нек-рых поэтов возродить в Аргентине поэзию *гаучо* (см.), обитателей пампы. Значительнейшие из этих произведений—«Фауст» Эстанислао де Кампо и особенно «Мартин Фьерро» Хосе *Эрнандеса* (см.). Из прозаиков выделяются колумбиец Хорхе *Исаакс* (см.) и ряд мексиканцев: Мануель Пайно (1810—94), Луис Инклан (1816—75), Флоренсио дель Кастильо (1828—63), Хосе де Куэйара (1830—94), Игнасио Мануель Альтамирано (1834—93).

К концу 19 века в литературе Латинской Америки начинает играть заметную роль «модернизм». Большое влияние на это литературное течение имели франц. парнасцы, декаденты и символисты. Его отличительные черты—изысканность тематики, культ красоты, увлечение экзотикой и формалистические искания. Предшественниками «модернизма» были: борец за независимость Кубы Хосе Марти (1853—1895), мексиканцы—Мануель Гутьеррес Нахера (1859—95) и Сальвадор Диас Мирон (1853—1928), но полное выражение это течение нашло в творчестве Хосе Асунсион Сильва (1865—96) в Колумбии, Хулиана дель Касаль (1863—93) на Кубе и поэта Рубена *Дарио* (см.), возглавившего движение и имевшего огромное влияние на всю латино-американскую и испанскую поэзию («рубендаризм»). Последователями Дарио были в Мексике Амадо Нерво, в Уругвае Хулио Эррера Рейсиг, в Колумбии Гильермо Валенсиа, в Аргентине Леопольдо Лугонес, ныне воинствующий защитник фашистской диктатуры.

В конце 19 века в виде реакции против иностранных влияний и захватнической политики США в литературе возникло течение «американизма», или «креолизма», определившее в значительной степени и характер литературы. Его задача—борьба с северо-американской экспансией в области политики, экономики и культуры, в литературе—борьба за местные темы, за реалистическое отражение быта и природы каждой отдельной страны. Основоположниками «креолизма» явились венесуелец Руфино Бланко Фомбона, поэт, романист и историк, и аргентинец Мануель Угарте, новеллист и публицист (посетил СССР в 1927). В этом же направлении писали и продолжают писать романы и повести венесуельцы Луис Урбанеха Ачельполь, Мануель Диас Родригес, Педро Доминиси; мексиканцы—Мариано Асуела и Ксавьер Икаса; чилийцы—Бальдомеро Лильо (повести о горнорабочих кордильерских рудников) и Эдуардо Барриос; уругвайцы—Карлос Рейлес и Висенте Салаверри; перуанцы—Хосе Сантос Чокано и Вентура Гарсиа Кальдерон. Наибольших успехов достигла современная проза в Аргентине (Мануель Подеста, Комбасерас, Сикарди); среди мелкобуржуазных читателей популярны Энрике Ларрета и в особенности склоняющиеся в сторону «легкого» романа, иногда бульварного типа, Мануель Гальвес и Уго Васт. На социальные темы откликаются произведения Роберто Пайро, Рикардо Гвиральдеса, Бенито Линча и Орасио Кироги.

Послевоенная буржуазная И.-а. л. характеризуется отходом в сторону отвлеченного, не имеющего прежнего общественного значения творчества. Перелом намечается в творчестве аргентинского лирика Энрике Банчс, сосредоточившегося на индивидуально-психологических мотивах; отвлеченной «красоте» посвящены и стихи большого мексиканского поэта Гонсалеса Мартинеса. Возникает ряд школ, преследующих эстетические задачи формального порядка и «чистой поэзии», оторванной от реальной жизни и общественных задач. Висенте Уидобро в Чили, Хорхе Луис Борхес в Аргентине, Хосе Эгурен в Перу, Луис Лопес в Колумбии представляют разные стороны этих течений, объединенных общим именем «вангуардизма» (стремление вперед); здесь находят отклик европейские «левые» течения в поэзии от футуризма до экспрессионизма и сюрреализма.

Мировой кризис, сильно отразившийся на экономике Латинской Америки, и усиление классовой борьбы способствуют резкому социальному размежеванию писателей и новому расцвету революционных тенденций. Наряду с ростом анархически настроенной части мелкобуржуазной городской интеллигенции все более и более сознательно выступают представители пролетарских и крестьянских групп. В Мексике, где социальные противоречия особенно остры, современная поэзия образует два резко враждебных лагеря: Мануель Маплес Арсе, Гутьеррес Крус, Херман Лист Арсубиде отмежевываются от буржуазных тенденций и формалистических устремлений, защитниками которых являются Хайме Торрес Бодет, Карлос Пельисер и др.

В прозе наряду с Мартином Луисом Гусманом, бытописателем недавних революций, имеются попытки создания подлинно революционной литературы в лице Хосе Мансисидора, талантливого романиста и организатора революционно настроенных писателей. В Аргентине, где Буэнос-Айрес, большой торговый и промышленный центр европейского масштаба, выдвинул проблему капиталистического города и его противоречий, развивается литература мелкобуржуазного, часто анархического протеста; бытописатели городской нищеты—Элиас Кастельнуово, написавший между прочим две весьма сочувственных, но неглубоких книги о СССР, Альваро Юнке, Леонидас Барлетта, Роберто Арльт,—выступая с резкой критикой современного капиталистического города, не дают однако никакой положительной программы. Более четки позиции перуанских писателей (Сесар Вальеко, Магда Порталь, Бустаманте-и-Боливиан, Альберто Гильен, Алехандро Перальта), объединившихся вокруг теоретика-марксиста Хосе Карлоса Мариатеги (ум. в 1930) и выдвигающих требование раскрепощения мирового пролетариата и в частности перуанских индейцев. На Кубе рядом с поэтами анархического мелкобуржуазного протеста (Августин Акоста, Хуан Маринело) создается группа молодых поэтов «Маяковский», пропагандирующая Октябрьскую революцию и достижения Советского Союза.

В Уругвае Ильдефонсо Переда Вальдес, выступавший до сих пор с «гуманными» стихами

о неграх, и Бланка Лус Брум объединяют интеллигенцию на платформе «Джон Рид клубов» и ведут усиленную антимилитаристскую и антифашистскую пропаганду. В Экуадоре большая группа писателей переходит к изображению тяжелого положения трудящихся, к литературе социального протеста (Хосе де ла Куадра, Гальегос Лара, Хорхе Икаса, Агилера Мальта) и коммунистической пропаганды (Хорхе Вера). Отдельных представителей революционной литературы мы видим и в других странах — Антонио Арраис в Венесуеле, Оскар Серруто в Боливии, Эрнан Роблето в Никарагуа.

Лит.: Выгодский Д., Литература Испании и испанской Америки, Л., 1929; Латинская Америка [сб. рассказов], под ред. Д. Выгодского, [Л., 1927]; Любовь Бентоса Сагреры (Южно-Американские рассказы), под ред. С. С. Игнатова, М.—Л., 1930; Menendez y Pelayo M., Historia de la poesia hispano-americana, 2 vls, Madrid, 1911—13; Coester A. L., The literary history of Spanish America, N. Y., 1916; Wagner M. L., Die spanisch-amerikanische Literatur in ihren Hauptströmungen, Lpz., 1924; Blanco Fombona R., El modernismo y los poetas modernistas, Madrid, 1929; Daireaux M., Littérature hispano-américaine, Paris, 1930; Contreras F., L'Esprit de l'Amérique espagnole, P., 1931. *Д. Выгодский.*

ИСПАНСКАЯ БОЛЕЗНЬ, испанка, жестокая эпидемия *гриппа* (см.), вспыхнувшая в 1918 и охватившая в течение 1918—19 страны всего мира. Название объясняется тем, что первые печатные сведения об этой эпидемии появились в Испании.

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Первые памятники И. л. на кастильском языке (см. *Испанский язык*) относятся к 12 в.—эпохе, когда борьба христианских государств с арабским владычеством развернулась на всем Пиренейском п-ове. Из произведений феодально-рыцарского эпоса сохранился фрагмент сказаний о Сиде («Cantar del mio Cid»), восстановленный уже в тот период, когда королевская власть вступила в решительную схватку с крупными феодалами. Отсюда и нек-рая двойственность образа Сида, борющегося за свои феодальные привилегии и вместе с тем всеми мерами содействующего королевской экспансии. В дальнейшем черты вассальной преданности получили более отчетливое выражение в различных романсах о Сиде, возникновение к-рых относится к разным периодам борьбы королей с феодалами. Эпический образ Сида объединял в художественно-обобщенном виде стремления различных групп. Кортесы, на которых разрешается спор между Сидом и крупными феодалами, свидетельствуют о средневековых вольностях, уничтоженных впоследствии абсолютизмом; отношение Сида к крупным феодалам, наделяемым отрицательными чертами, отражает отношение широких кругов низшего и среднего дворянства и городов к феодальной верхушке; верность и преданность королевской власти сделала Сида образцом защитника престола; в свою очередь феодалы видели в нем противника абсолютистской власти, смело и независимо выступающего против короля-феодала как высшего среди равных. Всем этим комплексом социально-политических идей поэма о Сиде и обязана своей огромной популярностью. Из других сохранившихся от этой эпохи фрагментов эпического творчества большой известностью пользовалась «Легенда о шести инфантах Лары» («Los Siete infantes de Lara»).

Помимо этих памятников не сохранилось других сколько-нибудь значительных произведений, тематика к-рых была бы связана с той борьбой, которая происходила на полуострове между испанцами и маврами. Старейший известный нам испанский поэт 13 века Гонсало де Берсео («жонглер богоматери») писал жития святых и поэмы, посвященные богородице. Ученая поэзия обрабатывает в стихотворной форме (александрийский метр, т. н. cuaderna via) популярные повествования из истории и мифологии. Король Кастилии Альфонс X (1221—84) в целях укрепления престижа королевской власти издает первый свод законов («Partidas»), по существу—морально-поучительное произведение, которым королевская власть полагала себе прочные основы, пытаясь регулировать не только судопроизводство, но и взаимоотношения отдельных социальных групп, семейные отношения, личное поведение. В тех же целях и по той же инициативе создается «Всеобщая хроника» («Crònica general»), богатая экскурсами в область библейских и мифологических сказаний, выдвигающая на первый план роль королевской власти. Хроника сохранила в пересказе ряд утерянных эпических сказаний (поэмы о Фернане Гонсалесе, о Сиде, Соморе, об инфантах Лары, о Бернардо дель Карпио и пр.). Городская буржуазия, не создавшая в этот период самостоятельной литературы, накладывает все же заметный отпечаток на творчество церковных и аристократических кругов. В «Книге о благой любви» («Libro de buen amor») Хуана Руиса (жил между 1283—1350) буржуазное индивидуалистическое мироощущение нашло выражение в автобиографическом построении поэмы и в проникновении в нее реалистическо-сатирических элементов. Эта поэма, в которой лирика чередуется со сказом, представляет примитивную форму плутовской новеллы (novela picaresca), обрамляющей аллегорические отрывки и апологи в эзоповском духе; автор привлекает сюжеты из римских поэтов и арабских сказок, из французской и провансальской поэзии. Под другим углом зрения изображает действительность военный и государственный деятель Лопес де Айяла (1332—1407): в «Хрониках» он живописует мрачные эпизоды династической борьбы своего времени, в сатирико-нравоучительных «Rimado del Palacio» обличает коррупцию двора и церкви как результат тиранических форм правления. Тирану он противопоставляет идеальный образ короля.

15 в. отмечен значительными переменами в социально-политической жизни Испании. Реконкиста завершается полным завоеванием земель, принадлежавших маврам. Неуклонно идет процесс укрепления королевской власти, опирающейся на идею единства, в к-ром заинтересованы города и мелкопоместное дворянство. Отстраненная от политической деятельности, феодальная аристократия замыкается в узком кругу придворных интересов. Королевская власть культивирует куртуазные нравы, основанные на безусловной преданности престолу. На испанскую почву переносится поэзия провансальских трубадуров, к-рая особенно пышно расцветает в 15 в. Королевский двор становится центром политической и умственной жизни страны. Придворная поэзия выражает и культивирует «верноподданнические» чувства. Во всей своей пестроте и разнообразии лирическая поэзия 15 в. отразилась в двух монументальных сборниках: «Cancionero de Baena» и «Cancionero de Stúñiga». Лирические произведения первого сборника, трактующие пре-

имущественно темы любви и религии, заимствуют свои формы у галисийско-португальской лирики, к-рая развивалась под непосредственным воздействием провансальских трубадуров, а также итальянцев (Данте, Петрарки). Из числа поэтов, включенных в эти сборники, выделяются: маркиз Сантильяна (1398—1458), Хуан де Мена (1411—56) и Хорхе Манрике (1440—78). К этому периоду относятся также и первые издания старинных романсов (Romances viejos), отражающих мотивы борьбы с маврами. Лирики-профессионалы, группировавшиеся вокруг королевского двора, широко пользовались этой богатейшей сокровищницей феодально-рыцарской поэзии в целях прославления королевской власти.

К последней четверти 15 века относится один из замечательнейших памятников испанской литературы—драматизированная новелла «Селестина» («Трагикомедия о Калисто и Мелибее»), приписываемая Фернандо де Рохас. «Селестина» знаменует собой властное вторжение плебейско-демократических настроений. Тема «Селестины» — борьба нового человека с феодальным укладом в форме требования полной свободы личного чувства—возникает из реальных человеческих отношений, изображение к-рых доведено до предельной простоты. «Селестина» оказала огромное влияние на дальнейший ход развития испанской литературы, которая в лучших своих произведениях на протяжении 16 и первой четверти 17 вв. продолжала разрабатывать реалистич. манеру «Трагикомедии о Калисто и Мелибее».

В конце 15 в. абсолютистская власть, сломившая сопротивление феодалов и ослабившая оппозицию крупного церковного землевладения путем привлечения церкви в качестве непосредственной опоры трона (учреждение инквизиции в конце 15 в.), укрепилась в такой степени, что сочла возможным выступить и против городских вольностей. Революционные движения 1519—22 (в Кастилии, Валенсии и на Балеарских о-вах) были попытками буржуазии отстоять свою независимость; после своего поражения она была лишена важнейших политических привилегий, а местные самоуправления превратились в фикцию. «16 век был эпохой образования великих монархий, которые повсюду воздвигались на развалинах враждовавших между собой феодальных классов: аристократии и городов. Но при этом в других крупных государствах Европы абсолютная монархия выступает в качестве цивилизующего центра, в качестве основоположника национального единства... Напротив, в Испании аристократия приходила в упадок, не потеряв своих самых вредных привилегий, а города утратили свою средневековую мощь, не получив современного значения» (Маркс, Революционная Испания, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 721). Испанские конкистадоры, купцы и воины несли с собой в Юж. Италию, в Голландию, в далекую Америку лозунги деспотической монархии и кровавое знамя инквизиции. Влияния реформационных движений и Ренессанса почти не затронули Испанию, отгороженную абсолютизмом и инквизицией от остального мира. Инквизиция запрещала опубликование и распространение не только философских, но и религиозных книг (напр. Фому Кемпийского), если они полностью не соответствовали ортодоксальному католицизму. Конфисковались книги, в которых находили малейший намек на иудейскую или мусульманскую религию. Испанские протестанты бежали в Женеву, в Германию, в Англию. Там издавались на испанском яз. переводы Библии и протестантские теологические трактаты. Но эти произведения не находили доступа в самую Испанию, где «лились потоки золота, звенели мечи, и зловеще горело зарево костров инквизиции» (Маркс, Революционная Испания, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 721).

В этот период важнейшими литературными жанрами являются рыцарский, пасторальный и плутовской романы (см. *Роман*). Первый образец рыцарского романа появляется в начале 16 века («Амадис Гальский» — опубликован в 1508). Продолжая традиции средневекового феодально-рыцарского эпоса, рыцарский роман воплощает мировоззрение дворянина-испанца, ориентирующегося на двор и близкие королю аристократические группы. Основная идея рыцарского романа сводится к утверждению родовитой аристократии как единственной носительницы военных доблестей и высшей христианской добродетели. Попытки отдельных лиц из среды дворянства (Вивес, Винегас и др.) и особенно буржуазии (петиция кортесов Вальядолиды, 1555) бороться с изданием и распространением рыцарских романов не в состоянии были приостановить поток этой литературы. Поскольку рыцарский роман выдвигал на первый план личную доблесть феодала и в известной степени противопоставлял организованному государственному аппарату индивидуальность, одаренную высшими военными доблестями и нравственными качествами, рыцарский роман выражал в завуалированной форме оппозиционные настроения феодальных родов, их недовольство нивелирующей ролью деспотической монархии, отстранившей их от власти и лишившей их политического престижа. Странствующий рыцарь, главный герой многочисленных рыцарских романов этой эпохи, отрываясь от родной почвы, искал применения своим силам в других странах, стремясь освободиться от бюрократических пут организованной государственной власти. С дальнейшей централизацией государственной власти, с дальнейшим отстранением феодальной верхушки от непосредственного участия в управлении страной (особенно в эпоху Филиппа II) рыцарский роман вырождается и наконец отмирает вовсе (первая четверть 17 века). — Другую струю — настроение примиренности феодалов с монархическим режимом, отказ от дальнейшей борьбы за политическую власть и состояние довольства удалившихся в свои поместья крупных землевладельцев привольной жизнью вдали от шума и интриг двора—отражал пасторальный жанр. Пасторальный роман, созданный в подражание итальянским образцам (автор первого испанского пасторального романа Хорхе де Майор, 1520—61), переносил действие в воображаемую обстановку феодального поместья, героями его любовных приключений являлись аристократические кавалеры и дамы, переодетые в пастушеские костюмы. Популярности пасторального романа способствовало то, что он зачастую выводил в замаскированном виде живых современников, как бы утверждая реальность изображаемых картин мира и довольства под скипетром короля и под неусыпным наблюдением инквизиции.

Если действующими лицами рыцарского и феодального романов являются представители феодальной верхушки, а обстановка действия в этих романах оторвана от реальной действительности (необычайные приключения, чудовища и пр. в рыцарском романе, идеализация деревенского быта, искусственность и надуманность в романе пасторальном), то в плутовском романе находят изображение разоренные мелкопоместные дворяне (идальго) и городской люмпен-пролетариат. Освободив идальго от налогов и взвалив все бремя государственных поборов на плечи городской и деревенской буржуазии и полукрепостного крестьянства, королевская власть все же не в состоянии была предоставить в своих армиях и канцеляриях работу огромной массе малоземельных и безземельных идальго. Нищий идальго—излюбленный герой новелл и комедий той эпохи. Наряду с ним и как бы оттеняя всю глубину морального падения разоряющегося и пролетаризирующегося сельского и городского населения, выступает пикаро, плут, не приспособленный к производительному труду и предпочитающий существование на чужой счет. Пикаро, свободный от традиций, налагаемых на идальго его принадлежностью к господствующему классу, в действительности осуществляет на практике паразитическую мораль идальго, у к-рого мораль бездельника прикрыта поношенным дворянским плащом. Плутовской роман выразил с предельной четкостью реалистического рисунка вопиющие классовые противоречия тогдашней эпохи. Блестящее начало плутовскому жанру положено было повестью «Лассарильо из Тормеса»; развитием и углублением его занимались Матео Алеман (1547—1614), автор «Гусмана из Альфараге», Лопес де Убеда, Эспинель, Сервантес в некоторых из своих «Новелл», Кеведо-и-Вильегас и другие.

С наибольшей яркостью отразились противоречия эпохи в гениальном произведении *Сервантеса* (см.) «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (первая часть опубликована в 1605). Захудалый мелкопоместный дворянин, погруженный в видения далекого феодально-рыцарского прошлого, пытается возродить лучшие традиции рыцарства и ищет их воплощения в обстановке современной ему Испании. Сервантес однако бросает своего героя не в отдаленные и неведомые страны, а в водоворот доподлинной Испании, ее реальных сел, феодальных замков, постоялых дворов, сталкивая его лицом к лицу не с вымышленными чудовищами, а с живыми людьми, богачами, бедняками, с власть имущими и от властей зависимыми. Столкновение Дон Кихота с реальной действительностью обнаруживает порочность намерения героя применить в новой обстановке силу меча и личной доблести. Дон Кихот в своих странствиях, при непосредственном соприкосновении с действительностью, попеременно действует то мечом рыцаря—и тут он на каждом шагу терпит поражение за поражением, то силой разума—и тут он всегда выходит победителем. Сервантес постепенно и неуклонно освобождает своего героя от власти иллюзии и для того проводит его через горнило величайших испытаний, чтобы утвердить в конце-концов эту новую силу, силу разума, освобожденного от оков средневековья, идущую на смену укоренившимся в господствующем классе представлениям.

Наряду с романом выражением общественных противоречий явилась и драма. Для драмы этого времени характерна сложная и запутанная интрига, которая создает ряд неблагоприятных для действующих лиц ситуаций; но в бурном водовороте явлений действительности герои драмы находят убежище и спасение в господствующих в обществе догмах и истинах. Величайшим драматургом 16 в. является *Лопе де Вега* (см.), который имел ряд блестящих последователей (Гильен де Кастро, Тирсо де Молина, Аларкон, Гевара и др.). Жизнь и быт дворянина—основное содержание его пьес. Но наряду с изображением дворянского быта в творчестве Лопе де Вега ярко выражен протест народных низов против порядков абсолютистской Испании. Когда же со всей очевидностью обнаружились признаки разложения испанского абсолютизма, театр *Кальдерона* (см.) разрабатывает другие мотивы: излюбленным героем является дворянин-подвижник, не боящийся претерпеть любые мучения ради «истинной» религии («Стойкий принц»), доминирующей идеей становится мысль о ничтожестве видимого мира и земной жизни («Жизнь есть сон»). Любимым жанром Кальдерона являются «священные действа» (autos sacramentales), в которых выступают аллегорические фигуры, тесно связанные с символическими образами его философских и религиозных драм. Творчеством Кальдерона заканчивается блестящий период развития «золотого века» И. л.

Получающие значительное развитие в 17 в. направления *гонгоризма* (см.) и консептизма являются выражением разложения литературы под влиянием окончательного крушения былого могущества испанского государства. Эта литература обращается только к представителям образованной верхушки. Литературная речь становится искусственной, формалистские ухищрения превалируют над содержанием, звуковая выразительность превращается в самоцель. Самым талантливым писателем этой школы явился Ф. *Кеведо-и-Вильегас* (см.).

Если в 14 в. Испания представляла господствующую силу на европейском континенте, то в 18 в. она подчинилась влиянию Франции. Французский классицизм, идеи энциклопедистов, мощные ростки буржуазной литературы—все это находило отклик в Испании, но вместе с тем не получило здесь надлежащего развития. Абсолютистский строй государства при крайне низком уровне промышленного развития в сочетании с неослабным господством католической церкви создавал неблагоприятные условия для внедрения идей революционной французской буржуазии. Испанский абсолютизм, на время ослабивший общественный гнет (изгнание иезуитов, поощрение торговли и промышленности, организация высшего образования), с первыми раскатами Французской революции снова стал оплотом самой мрачной реакции. Из произведений, следовавших французским образцам, можно упомянуть энциклопедические работы патера Бенитe Фейхоо (1676—1764) и «Историю славного проповедника патера Херундио», написанную Франсиско де Исла (1703—81). Л. Ф. Моратин Младший (1760—1828) создает в подражание Мольеру первые робкие образцы испанской буржуазной драмы. Идеологом буржуазии и адептом просветительной философии является государственный деятель, поэт и драматург *Ховельянос*

(см.). Написанная им в духе Бомарше комедия «El delincuente honorado» («Уважаемый преступник») проложила дорогу испанской буржуазной драме. В его сатирах и стихотворных посланиях с большой силой и выразительностью звучат гражданские мотивы, находившие живой отклик в кругах буржуазной молодежи (напр. студенчества). Друг Ховельяноса М. Кинтана (1772—1857)—автор патриотических воззваний и вдохновенных од в эпоху борьбы за независимость и работ Центральной хунты (Кинтана был ее секретарем). Как в деятельности, так и в творчестве Кинтаны сказывается та двойственность, к-рая была свойственна патриотически-национальному движению испанской буржуазии против Наполеона. «В целом движение, казалось, было направлено скорее против революции, чем за нее. Будучи национальным благодаря провозглашению независимости Испании от Франции, оно было также династическим, ибо противопоставляло „возлюбленного“ Фердинанда VII Жозефу Бонапарту; оно было реакционно своим противопоставлением древних учреждений, обычаев и законов рациональным новшествам Наполеона; оно было суеверно и фанатично, ибо так называемому французскому атеизму и уничтожению особых привилегий римской церкви противопоставляло „святую религию“» (Маркс, Революционная Испания, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 726). Перед глазами Кинтаны, обращавшегося к восставшему народу с зажигательными воззваниями и одами, носился образ испанского дворянина, завоевавшего крестом и мечом полмира для короны католических королей.

Реставрация заставила представителей передовой интеллигенции, принимавшей участие в борьбе за независимость, эмигрировать за границу. Из среды этих эмигрантов, захваченных борьбой идейных течений Европы, вышли наиболее яркие представители испанского романтизма (Эспронседа, 1808—42; Ларра). Их бурная, исполненная поисков общественного идеала жизнь, бунтарские байроновские мотивы, звучавшие в их творчестве,—результат социально-политических условий эпохи, когда буржуазная интеллигенция задыхалась в тисках католической реакции. Примиренческое и реакционное крыло романтиков (герцог де Ривас, 1791—1865; Вентура де ла Вега, 1807—1865; Соррилья, 1817—93, и др.) использует романтические формы и жанры для того, чтобы либо бежать от современности в область далекого прошлого либо откровенно проповедывать культ феодально-католического средневековья. Исторический роман, романтическая легенда, драма — излюбленные формы выражения этой группы романтиков. В 30-х гг. с временным смягчением режима из-за границы возвращается часть эмигрантов и, подобно тому как буржуазия примиряется и сращивается со старым режимом, ее представители в литературе смыкают свои ряды с защитниками режима, шатающегося под непрерывным напором крестьянских восстаний и военных пронунсиаменто. Под впечатлением первых вспышек рабочего движения и особенно событий 1848 бывшие бунтари, жившие преданиями «славных событий» 1808, вливаются в объединенные ряды дворян и буржуазии. Последним выдающимся представителем романтизма явился Беккер (1836—70), в новеллах к-рого особенно резко сказалась отчужденность от капиталистической действительности, сожаление о красоте уходящего прошлого. Властителем читательских масс в эпоху регентства Христины, а затем царствования Изабеллы II становится Фернандес-и-Гонсалес (1821—88), плодовитейший писатель, воскрешающий отдельные эпизоды испанского средневековья, эпохи Карла V и Филиппов и героизирующий дворянство, верность королевскому престолу и церкви.

Монархический режим Изабеллы II взращивает охранительную литературу, наиболее выдающимися представителями к-рой являются Фернан Кабальеро (псевдоним писательницы Сесилии Бель де Фабер, 1796—1877) и Труеба (1819—89). Произведения Кабальеро, Труебы и их сподвижников являются первыми образцами реалистического повествовательного творчества. Кабальеро поддерживал в массах мелкой буржуазии иллюзию незыблемости существующего порядка, идеализируя косность и невежество, выдвигая в качестве высшей добродетели довольство каждого его настоящим положением. Труэба, к-рому Изабелла II присвоила звание «историографа Бискайи», а затем «поэта королевы», изображает в своих идиллиях «крепкий быт» баскского крестьянства, не затронутого культурой и составляющего опору абсолютизма и изуверского католицизма. Монархия и церковь были заинтересованы в широком распространении этих произведений, к-рые большей частью издавались за счет казны. Продолжая литературные традиции Кабальеро, П. А. де Аларкон (1833—91) после кратковременного пребывания в лагере либералов становится ярым адептом католицизма (романы: «El escándalo», 1875; «La pródiga», 1881; повесть «El sombrero de tres picos»). Расцвет творчества Аларкона совпадает с попытками буржуазии более решительно схватиться с католической монархией (революционные движения 60—70 гг.), и его идеалы, направленные на закрепление господства монархического режима, вызывают сильную реакцию в кругах либерально-оппозиционной буржуазии. Последовательным проводником монархическо-католических тенденций является Х. Переда (1833—1905), в романах которого широкие жанровые картины насквозь проникнуты духом консерватизма («Hombres de pro, 1876; «Peñas arriba», 1894, и т. д.). Эстет и мистик, Хуан Валера отражает в своем творчестве пессимистические настроения дворянских кругов, терпящих поражение в борьбе с наступающей буржуазией (роман «Pepita Ximénez», 1874). Крупнейший испанский реалист Перес Гальдос (1843—1920) наиболее отчетливо выражает стремления и чаяния испанской буржуазии. Исторический роман Переса Гальдоса трактует героическое прошлое испанской буржуазии, рост ее классового сознания в эпоху восстаний против Наполеона. В 46 томах своих «Национальных эпизодов» он прослеживает шаг за шагом историю борьбы за независимость; в бытовых романах он выступает решительным противником омертвевших государственных и морально-общественных устоев (его лучшие романы: «Doña Perfecta», «Gloria», «Marianela», «La familia de Léon Rach»). Бытописателем мелкой буржуазии и мелкопоместных дворян, их мирной жизни с ее спокойным течением является Паласио Вальдес (р. 1853) («Marta y Maria», «La hermana Sane Duplicio» и др.). Эмилия Пардо Басан (1851—1921) заимствует натуралистическую манеру Золя. К последней

четверти 19 в. относится деятельность Хосе *Эчегарайя* (см.). Его пьесы выдвигают разнообразные семейно-бытовые проблемы, разрешаемые во вкусе крупной буржуазии.

Характерной особенностью реалистического творчества наиболее выдающихся писателей 19 в. является преобладание рехионалистического (областнического) начала: Кабальеро и Валера изображают Андалузию, Труеба—Бискайю, Переда—Сантандер, Пардо Басан—Галисию. Их повествования развертываются на фоне той или иной провинции, их интересуют особенности быта отдельного района, их идеалы находят наиболее благодарную пищу в кругозоре мелкой буржуазии. Катастрофа 1898 (см. *Испания*, Исторический очерк), окончательно пошатнувшая колониальное могущество Испании, открыла глаза передовой буржуазной интеллигенции на изолированность отдельных частей государства как на одну из причин медленного развития испанской государственности. Эта катастрофа вызвала крупное идеологическое движение, результатом к-рого был коренной пересмотр литературного наследства 19 века. *В. Узин.*

Современная И. л. Перед буржуазной интеллигенцией т. н. «поколения катастрофы» (1898) встали во всем объеме вопросы «возрождения Испании». Общий пессимизм и безнадежность искали выхода в идеалистических построениях, в к-рых можно отметить два направления. Выразителями реакционной части интеллигенции, настаивавшей на полном разрыве с Европой и на укреплении «национальных начал» (т. е. абсолютизма, католицизма, народного невежества и суеверия), явился Анхель Ганивет (1862—98); его «Испанская идеология» (1897) оформляла программные требования этой группы. Другая группировка интеллигенции, отражавшая интересы широких кругов буржуазии, нашла своего идеолога в лице социолога и публициста Хоакина Косты (1846—1911), который требовал «тройным поворотом ключа» запереть могилу Сида и войти в самое тесное общение с европейской культурой. Поражение Испании он объяснял ее косностью, клерикализмом, традиционализмом, возрождение ее видел в разрыве с прошлым. Эти две точки зрения, вступая между собой в борьбу, привлекают самый разнообразный арсенал средств. Тут, с одной стороны, воскрешение забытой староиспанской литературы—от Сида до Хуана Руиса и Сантильяны (работы крупнейшего филолога Менендеса-и-Пелайо, 1856—1912); с другой стороны, увлечение европейской мыслью и введение в обиход культурной жизни идей Ницше и неокантианцев, Толстого и Достоевского, французского символизма и крупнейших поэтов родственных стран (Антеро де Кинтала, Рубен Дарио и др.). На точке зрения Ганивета стоит Асорин (псевдоним Мартинеса Руиса, р. 1874), в романах к-рого наиболее ярко отражаются идеи нового национализма и приверженность к старой Испании, мирно дремлющей в провинциальном захолустьи. Воинствующим реакционером выступает Валье Инклан (р. 1869), призывающий дворянство к преклонению перед образами карлистов и защищающий твердость монархических и католических устоев; все—от изысканной формы «сонат» и стилистической утонченности до внешнего оформления его книг—рассчитано на избранного читателя из социальной верхушки. К нему идейно примыкает Рикардо Леон (р. 1877), более доступный по изложению и более популярный среди читательских масс. Сложнее фигура Мигеля де *Унамуно* (см.), состоявшего в юности членом социалистической партии и неоднократно подвергавшегося преследованиям как либерал. Исполненный шатаний от преклонения перед монархией до борьбы за республиканский строй, он возглавляет в эпоху Примо де Риверы интеллигентскую фронду и является типичным выразителем идеалистических настроений мелкой буржуазии. Промежуточную ступень занимает драматург Хасинто Бенавенте (р. 1866), представитель испанской буржуазной драмы, противопоставляющий добродетельную буржуазию разлагающейся аристократии.

Радикальные слои мелкобуржуазной интеллигенции представляют в этот период Пио Бароха (р. 1872) и В. *Бласко-Ибаньес* (см.). Первый ставит в своих романах актуальные проблемы социального порядка, трактуя их с позиций буржуазного радикализма. Изображая классовую борьбу, он выдвигает на первый план анархо-индивидуалистические тенденции, изображая протест одиночек из среды мелкобуржуазной деклассированной интеллигенции, люмпен-пролетариата, «дна» большого города. Шире диапазон творчества Бласко-Ибаньеса, к-рый создает ряд больших полотен, раздвигающих тесные рамки регионалистского романа. Едва ли не единственный из писателей «поколения катастрофы» Бласко-Ибаньес твердо стоит на почве интересов буржуазии, стремящейся к утверждению своего политического господства, обогащая круг идей своего класса идеями буржуазии более передовых капиталистических стран. К этому же лагерю следует отнести Фелипе Триго (1875—1915) и Хоакина *Дисенту* (см.). В развитии испанского символизма крупную роль сыграл южно-американский поэт Рубен *Дарио* (см.), эклектик, поклонник отвлеченной красоты, реформировавший испанскую поэзию и обогативший ее всем разнообразием тематики и стилевых приемов европейского символизма. Он находит соратников и последователей в лице крупнейших испанских поэтов: М. Мачадо (р. 1875) и Х. Р. Хименеса (р. 1881).

В период империалистической войны испанские помещики и буржуазия, богатея на спекуляциях и поставках воюющим сторонам, создавали впечатление сплоченности «всей нации». «Классовый мир» в эту эпоху и короткий последовавший за окончанием войны период частичной стабилизации отразился на отходе многих представителей буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции от общественно-политической жизни; буржуазная интеллигенция в этот период смыкается с помещичье-буржуазной верхушкой, топящей в крови подымающуюся активность рабочего класса, усилившуюся в связи с победой пролетариата в Стране Советов. Социальный роман уступает место углубленному психологизму и формальному новаторству, особенно сильно сказавшемуся в области поэтического творчества (ультраизм и т. п. течения). В области романа первое место занимает Перес де Айяла (р. 1880), культивирующий игру отвлеченными философскими положениями, изысканным психологизмом и парадоксами. На парадоксе строит свое творчество Р. Гомес де ла Серна (р. 1891), сочетающий эксцентричность формы с психологизированием в плане фрейдизма, прикрываю-

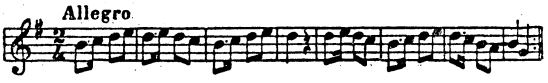
щий реакционную сущность ироническим скептицизмом. Символист Габриель Миро (1879—1930), следующий за Асориным в изображении провинциальной глуши, обнаруживает тяготение к клерикализму. Идейного руководителя и организатора эти писатели нашли в лице философа и публициста *Ортега-и-Гассет* (см.), поклонника современной фашистской идеалистической буржуазной философии (Зиммеля, Кайзерлинга, Шпенглера), релятивиста, крайне неустойчивого в своих общественных взглядах, которые он маскирует «аполитичными» спекулятивно-философскими построениями.

Особенно пышного расцвета эта «аполитичная» литература достигла в период диктатуры Примо де Ривера (1923—30). Либеральные и радикальные писатели ушли в изгнание; за пределами родины умер Бласко Ибаньес. Унамуно возглавил оппозиционную буржуазную эмиграцию. На время примкнул к оппозиции и Валье-Инклан, написавший резкий памфлет против монархии и ряд романов, посвященных выступлениям буржуазии в прошлом столетии. Огромное же большинство писателей замыкается в узкий круг чисто литературных и эстетических интересов. Ориентация на примирение буржуазии и дворянства отражается в литературе отходом по всему фронту на позиции «чистого искусства» и возникновением бесчисленных школ и направлений, сужающих круг потребителей литературы. Формальное новаторство и идейная пустота возводятся этими литературными «направлениями» в принцип. Руководство ими берут на себя «Литературная газета» («Gaceta Literaria») и «Западное обозрение» («Revista di Occidente»), орган Ортега-и-Гассет. Талантливый романист Харнес витает в отвлеченных сферах романтического вымысла, его занимают проблемы смерти и свободы воли. Воскрешается интерес к создателю «трудного стиля» Гонгоре. Наиболее видными представителями формального новаторства являются Гарсиа Лорка, Хорхе Гильен, Педро Салинас, Рафаель Альберти. Революция 1931 содействовала, с одной стороны, перегруппировке сил в лагере буржуазной интеллигенции, с другой стороны, создала предпосылки для возникновения литературы, черпающей свою тематику из растущей сознательности и активности рабочего класса и беднейшего крестьянства. Накануне революции возникает буржуазно-интеллигентская организация «Agrupaciòn al servicio de la República», основателями которой являются Перес де Айяла и Ортега-и-Гассет. К этой организации вскоре примыкает значительная часть буржуазных испанских писателей, в рядах которых дальнейшее обострение классовой борьбы в стране произвело дифференциацию. Сеять иллюзии в среде мелкой буржуазии, используя для этого весь арсенал средств, к-рыми располагает буржуазная интеллигенция, является главной задачей этой организации. Более четко определились общественно-политические взгляды других писателей, ранее поддерживавших оппозиционные и радикальные настроения в стране. Пио Бароха, бывший в юности анархистом, пишет романы о карлистской войне. Унамуно является в настоящее время теоретиком религиозного национализма. В свою очередь под влиянием растущего рабочего движения и полевения мелкой буржуазии происходит процесс отхода наиболее радикальных элементов от позиций «аполитизма» и переход на сторону революционных масс. От «чистого искусства» к революционной поэзии ушел Альберти, участник первого Всесоюзного съезда писателей, приветствующий Советский Союз и Красную армию. Оставил темы индивидуальной психологии для тем революционного крестьянства Х. Ардериус («Campesinos», 1931). Вопросы социальной борьбы выдвинуты и целым рядом новых писателей, критически оценивающих действительность и в большей или меньшей мере смыкающихся с революционным пролетариатом. Таков Рамон Сендер — автор романа «Магнит» (1930) о марокканских событиях, весьма сочувственной книги о Советском Союзе («Мадрид—Москва», 1933) и ряда произведений о революционной Испании (роман «Семь красных воскресений» и др.). Таков С. Арконада, рисующий недовольство трудящихся масс и их неудовлетворенность режимом буржуазной республики («Бедные против богатых»), и Пла-и-Бельтран—молодой поэт и драматург, черпающий темы из актуальных эпизодов рев. борьбы пролетариата, и ряд других писателей. В 1933 эти писатели создают «Союз рев. писателей Испании», являющийся испан. секцией МОРП, и начинают издавать журнал «Октябрь» («Octobre»). В состав испан. делегации на Конгресс защиты культуры (Париж 1935) входили: писатель Рамон дель-Валье Инклан, публицист Хулио Альварес дель-Вайо, романист Андрес Карранке, Рафаель Альберти и др.

Лит.: Тикнор Дж., История испанской литературы, 3 тт., М., 1883—91; Келли Дж., Испанская литература, М., 1923; Смирнов А. А., Испанский романтизм, в кн.: История западной литературы (1800—1910 гг.), под ред. Ф. Д. Батюшкова, т. III, кн. 9, изд. «Мир», М., 1914; Выгодский Д., Литература Испании и испанской Америки, Л., 1929; Куллэ Р., Сегодня испанской литературы, «Вестник иностр. литературы», М., 1929, № 5; Арместо Ф. Ф., Задачи революционной литературы Испании, «Литература мировой революции», Москва, 1932, № 3; Державин К., Сервантес и «Дон Кихот», Л., 1933; Выгодский Д., Испанская литература наших дней, «Литературный критик», Москва, 1934, № 7—8; Beer R., Spanische Literaturgeschichte, 2 Bde, Lpz., 1903; Cejador J., Historia de la lengua y literatura castellana, 14 vls, Madrid, 1912—1922; Fitzmaurice-Kelly J., A new history of Spanish literature, Oxford, 1926; Bell A. F. G., Luis de Leon (A Study of the Spanish Renaissance), Oxford, 1925; его же, Contemporary Spanish literature, N. Y., 1925; Olschki L., Die romanischen Literaturen des Mittelalters (Handbuch der Literaturwissenschaft, hrsg. v. O. Walzel), Wildpark — Potsdam, 1928; Pfandl L., Geschichte der spanischen Nationalliteratur in ihrer Blütezeit, Freiburg, 1929; его же, Spanische Literaturgeschichte, Bd I—Mittelalter und Renaissance, Lpz., 1923; Klemperer V., Harzfeld H., Neubert F., Die romanischen Literaturen von der Renaissance bis zur französischen Revolution (Handbuch der Literaturwissenschaft, hrsg. v. O. Walzel), Wildpark—Potsdam, 1926; Blanco-Garcia F., La literatura española en el siglo XIX, 3 vls, 2 ed., Madrid, 1899—1904; Gonsalez Blanco A., Historia de la novela en España desde el romanticismo a nuestros dias, Madrid, 1909; Petriconi H., Die spanische Literatur der Gegenwart seit 1870, Wiesbaden, 1926; Vézinet F., Les maîtres du roman espagnol contemporain, P., 1907; Cassou J., Panorama de la littérature espagnole contemporaine, 3 éd., P., 1929. *Д. Выгодский и В. Узин.*

ИСПАНСКАЯ МАРКА, пограничная область Каролингской державы (откуда и название: «марка», «marca»—первоначально значит «граница») в сев.-вост. *Испании* (см.), между р. Эбро и Пиренеями. Завоевана Карлом Великим в 778 и использована как форпост в борьбе с кордовским халифатом Омейядов. В 781 И. м. почти целиком была захвачена арабами, в 801—811 под предводительством сына Карла Великого, *Людовика Благочестивого* (см.), вновь завоевана франками, а затем выделена в особое Каталонское графство с центром в Барселоне.

ИСПАНСКАЯ МУЗЫКА. Баски, иберо-кельты, финикияне, карфагеняне, римляне, германцы, арабы, сирийцы, берберы, евреи и в немалом числе рабы-славяне—вот этнические группы Пиренейского п-ова, творческое взаимодействие к-рых сыграло роль в историческом развитии И. м., специфических черт ее нац. стиля. Не следует забывать и более поздних пришельцев: в 1447 в Барселоне высадилась первая группа цыган, и лет через 50 цыгане—привычный элемент не только в Испании, но и в Португалии. Баски—горное племя у Бискайского залива—единственный этнографический обломок древнего населения Испании, сохранивший свой язык, мелос, танец,—не без влияний конечно со стороны соседних культур (баскский «фанданго» — лишь вариант испанской «хоты»). Искусство басков отражает культуру примитивного быта с группировками по возрасту, полу. Показателен «Танец лисицы» (муз. пример № 1). Сквозь последующие наслоения

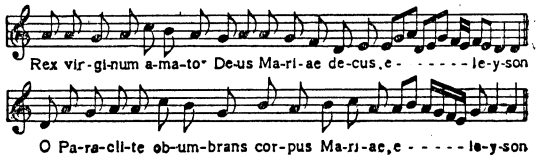


Муз. пример № 1.

в нем виден первоначальный остов—несложный, элементарно-выразительный напев, подчеркнутый ударами тамбурина. Сюда же относятся: «Мужской танец», «Танец юношей, девушек, замужних женщин». Наряду с тамбурином баски своим национальным инструментом считают *флейту* (см.). В национальном инструментарии басков отсутствуют струнные, щипковые — свидетельство того, что влияние финикиян (со 2 в. до хр. э.) или карфагенян (со 2-й половины 3 в. до хр. э.) не проникало далеко в глубь Испании. Музыка басков, несмотря на наличие богатых источников в виде многотомного собрания «Баскских народных напевов» (Cancionero popular vasco, под ред. Azkue, Барселона), недостаточно включена в круг музыкально-этнографических исследований.

Музыка эпохи римской оккупации. За 200—150 лет до хр. э. на Пиренейском п-ове утверждаются римляне. К эпохе Цицерона и Юлия Цезаря юж. часть Испании романизирована, а ее музыкальная культура подчинена эстетическим направлениям и вкусам, доминирующим в эпоху поздней античности. Сначала в Александрии, а затем в Риме получил яркое развитие новый театральный жанр—пантомима. На место трагического актера становится танцовщик. Если хор и не исчезает со сцены, то центр тяжести переносится в инструментальное сопровождение. Новая аудитория ищет новых ритмов, более подчеркнутых, и если на римской почве танцовщик отбивает метр с помощью «scabelli», деревяшек на подошве, то эпиграммы Марциала говорят о танцовщицах из испанского Кадикса «с дрожью в чувственных ляжках» и со звонкими кастаньетами (crusmata). Наряду с пантомимой из Рима на испанскую почву проникли и римские народные комедии, в которых можно видеть отдельные элементы будущих испанских тонадильий. Важно отметить в эту эпоху увлечение инструментальной музыкой, против которой направлены ожесточенные нападки испанских «отцов церкви». Тем не менее в качестве пережитков в гимнах католической церкви звучало многое из иберо-римской музыкальной культуры; метричность языческих гимнов пробила себе путь сквозь «прозаический», свободный ритм музыки раннего христианства.

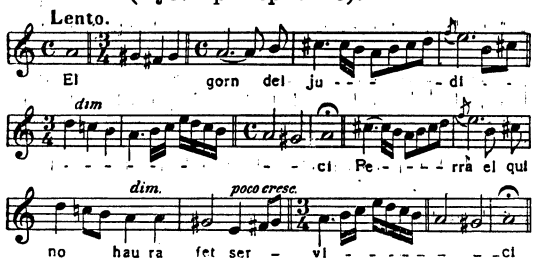
От 5 до начала 8 в. хр. э. Испания—в руках германских племен. Королевство вестготов простиралось от Кадикса на Ю. до Орлеана на С.—факт, к-рый многое объясняет в общности музыкального развития Испании и Юж. Франции. Это—эпоха, когда римская церковь еще питается музыкой, ввозимой с Востока, в особенности из Византии. «Мозарабские напевы» (т. е. арабизированные)—напевы христианской культовой музыки, к-рая создалась в Испании в эпоху вестготских королевств и сохранилась под арабским владычеством. Из ряда манускриптов особенно важны — антифонарий короля Вамбы и вестготский гимнарий. Музыкальная расшифровка «мозарабского пения» даст возможность путем сравнения с аналогичными памятниками Милана, Рима и Византии уловить элементы народных влияний на церковное искусство и т. о. реставрировать элементы народной музыки Испании в период раннего средневековья. Что такие влияния были очень сильны, сомневаться не приходится. Литературные памятники полны указаний на борьбу церкви не только против всепроникающей народной музыки и танца в светском быту, но и против их внедрения в церковную службу. Так, 3-й Толедский собор запретил всякие «плясания и скакания» в храмах; однако эти запреты имели лишь частичный успех, как показывают позднейшие пережитки (танцы мальчиков-хористов в соборе Севильи). Испанские «отцы церкви» восстают также против обычая вносить в церковную службу «театральное искусство». Иллюстрация светских элементов внутри культовой музыки—отрывок из секвенции в честь девы Марии, как она исполняется в Толедо, где так сильны были традиции «мозарабских напевов». Здесь встречаются следующие стихи: «О царь, возлюбленный девственниц, Марии услада, господи помилуй!», «О заступник, осеняющий тело Марии, господи помилуй!» (муз. пример № 2).



Муз. пример № 2.

Политическое могущество арабов на испанской почве длится от 8 до конца 11 в. (Гренада—до конца 15 в.). Нек-рые историки музыки, особенно Рибера, готовы арабскому влиянию приписывать формацию ядра И. м., ее мелоса и ритма. Преувеличением страдают и работы Фармера: он готов все развитие средневековой полифонии приписать арабскому воздействию—непосредственному или через теоретико-музыкальные работы арабских ученых. В другую крайность впадает Педрель, целиком отрицающий воздействие арабской музыки на испанскую. Здесь важно лишь отметить несомненный факт обогащения арабами И. м. инструментами, в частности теми инструментами, которые на столетия определили характер инструментальной И. м.: лютня и гитара. От арабов же заимствовали испанцы и ребеку — одно из звеньев в эволюции европейской скрипки. В европейскую культуру, где

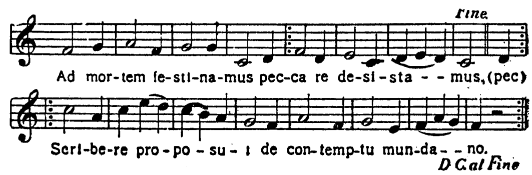
католическая церковь утверждала монополию вокального искусства, как «единственно угодного богу», связанного со «словом-логосом», влилась через арабов инструментальная музыка с высокой исполнительской техникой и богатым содержанием. Одновременно и высокая вокальная культура арабских завоевателей, с их школами пения и виртуозами, должна была оказать влияние на испанскую песню, в особенности на песню Южной Испании—андалусийскую и мурсийскую. Из круга арабских влияний отметим: орнаментальность, наличие хроматических интервалов, ряд специфических приемов исполнения (пение с участием аудитории, с ее восклицаниями: «Оле, оле!»), аккомпанемент ударных инструментов. В качестве образца можно привести фрагмент древней мелодии с Балеарских островов: «Песни пророчицы Сибиллы» (муз. пример № 3).



Муз. пример № 3.

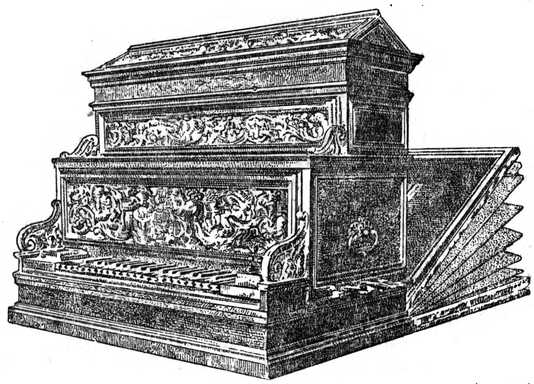
На севере Испании к этому же времени созревает своеобразное по своим стилистическим чертам музыкальное искусство [образцы: сборник «Кантигас», песен в честь девы Марии, на галисийско-португальском наречии (13 в.) или творчество каталонских *трубадуров* (13—14 вв.; см.)]. Являясь по языку и культуре частью французского Прованса, Каталония в историческом развитии Испании сыграла роль форпоста европейской музыкальной культуры. Роль Каталонии в известной степени разделяла и Арагония. В 13 в., после разгрома Прованса (альбигойцы), опустошения Тулузы—центра искусства трубадуров, провансальские музыканты нашли убежище в Испании. Особенного блеска поэзия и музыка трубадуров достигли в 14 в. в Барселоне. Музыкальное искусство Северной Испании иное, нежели то, к-рое оформилось на юге страны. Мелодическая линия не затемнена орнаментом; метрический остов прост и ясен; арабские влияния можно отметить лишь в отношении формы и инструментального сопровождения. Сквозь суровую систему средневековой диатоники уже пробивало себе путь новое мажор-минорное ладовое мышление. В качестве примера остановимся на древнейшей «Пляске смерти», созданной во время эпидемий чумы (1347—48). «Пляска смерти»—танцовальная песня для хоровода с запевалой; текст, с его дидактичностью, явно присочинен к готовой танцовальной мелодии, типичной для творчества трубадуров Прованса и Каталонии (муз. пример № 4).

В конце 15 в. И. м. вступает в полосу расцвета, обусловленного живительным дыханием Ренессанса. Рамос де Пареха в 1482 публикует свой трактат «Практическая музыка», где он категорически высказывается в пользу темперации музыкальных интервалов. Трактат Парехи сыграл огромную роль в И. м., несмотря на то, что он в течение всего 16 в. служил мишенью для нападок. Именно на испанской почве пышно развилась инструментальная музыка. Возникла целая школа выдающихся композиторов и блестящих виртуозов на виуелье — разновидности гитары. Среди композиторских имен отметим Милана и Фуенланну.



Муз. пример № 4.

В 1586 появляется первый учебник для «испанской гитары» Амата. Виртуозность игры на гитаре была так велика, что подобно Паганини в 19 в. испанские гитаристы могли играть на своем инструменте без настройки. Сервантес хвалит игру на свирели. Уже в 1578—79 появилось в Испании руководство игры на этом инструменте (чара-мелинга). Не менее ярок расцвет клавишных инструментов. Самые ранние руководства (1549—65) игры на клавишных инструментах находим в Испании; их авторы — Бермудо и Санта-Мария. В веренице великих европейских органистов в самом начале нужно поставить гениального испанского органиста-слепца Антонио Кабесона (1510—66). Именно в кругу инструментальной И. м. 16 века вырабатывалось понятие «стиля», «чудесного стиля», в основе к-рого лежал принцип «вариационной разработки» («диференсиас»). Вальдеррабано на романс про «графа Клароса» пишет 120 вариаций. В качестве тематического материала берутся народные песни, старые романсы, виллансикосы. В танцовальной музыке испанские инструменталисты



Орган Карла V, на котором играл Кабесон. Музей Эскуриала.

открывают богатейшие ритмические возможности. Через Испанию в 16 в. проникли в общеевропейскую практику мавританская «Сарабанда», «Чаконна» и др.

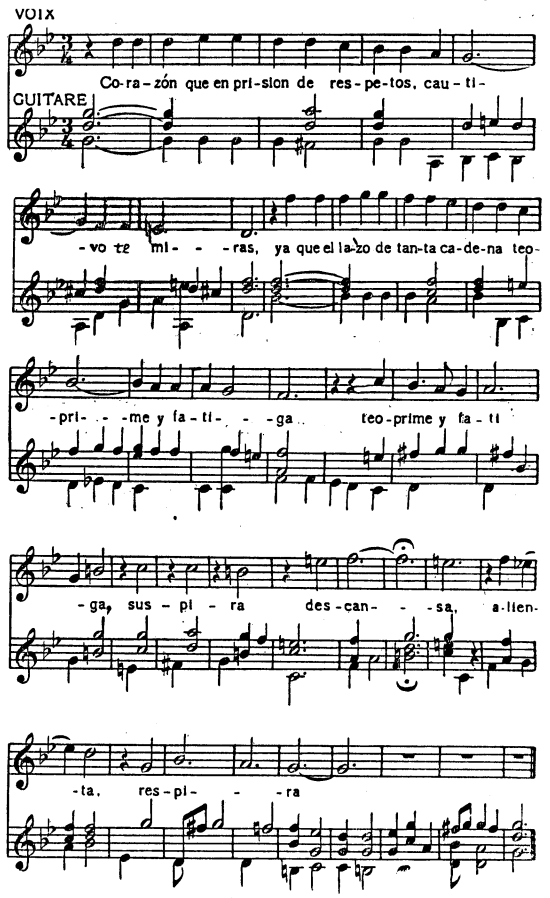
Новейшие изыскания в Испании установили начатки многоголосия—вплоть до канона—в культовых песнопениях Каталонии 14 века (Монтсеррат). Но на испанской почве отсутствовали предпосылки, подготовившие блестящее развитие многоголосия во Франции, в Англии, во Фландрии. Первый крупный испанский полифонист Хуан дель *Энсина* (см., 1469—1534) обнаруживает влияние *Фламандской школы* (см.). Его произведения носят светский характер; он сочиняет пасторали (эклоги) и «фарсы», не останавливаясь перед паро-

дийным воспроизведением (в присутствии римского папы) заупокойной мессы. Вокальная полифония наиболее ярко представлена в Испании в творчестве Моралеса (около 1500—1553) и Витториу (около 1540—1611). Фландрия и Италия—источник их технической выучки; самая связь их обеих с центром католицизма, с Римом, выводит их искусство за пределы Испании. Тяга к инструментальной музыке заставляет однако Витториу выпустить сборник месс, мотетов, псалмов с сопровождением органа—отступление от «чистого» вокального стиля Палестрины.

Сервантес в «Дон Кихоте» (1605—15) с исключительной яркостью рисует роль музыки в испанской жизни 16—17 веков. Это главн. обр. не вокальное искусство в хоровых формах, как его пропагандировала католическая церковь в эпоху контрреформации (2-я половина 16 в.), а сольная песня с богатым инструментальным сопровождением—«романс», вошедший в моду особенно с конца 15 в. Впрочем Сервантес упоминает и о церковной музыке в той ее форме, где связь с народной песней подчеркивалась в самом названии «вилланcикос» (сельские песни)—вокальные многоголосные произведения, процветавшие в Испании в 14—16 вв.; церковь использовала их для своих целей: народная тематика должна была повысить «притягательность» церковной службы. Наряду с вокально-инструментальным искусством у Сервантеса на каждом шагу встречаются упоминания о чисто инструментальной музыке для щипковых, смычковых, духовых инструментов в сольной форме или в форме ансамблей; ударные также не забыты. Инструменталисты у Сервантеса—большие артисты: они играют на гитаре так, что она «кажется—говорит». Характерным образцом И. м. этой эпохи может служить романс 17 в. с сопровождением гитары Марина—музыканта, известного за пределами его страны. Текст романса: «Сердце, ты созерцаешь себя в тюрьме привязанностей; тебя в ней мучит сплетение стольких уз... мучит и утомляет. Передохни же и успокойся» (муз. пример № 5).

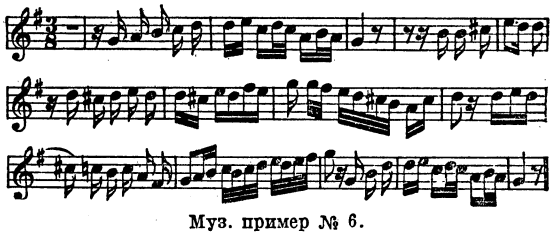
Самый яркий факт в истории испанского инструментализма 18 в. — деятельность Доменико *Скарлатти* (см.); 25 лет провел он в Испании; в сотнях его сонат—богатейший материал испан. тем, как это и показал в своем этюде Малипьеро (Musica d'oggi, Gennaio, 1927). Дело даже не в отдельных влияниях: огненность и глубина музыкальной экспрессии у Скарлатти питались испан. народной музыкой. Творчество ученика его, Антонио Солера (1729—83),—звено между клавесинным стилем и стилем раннего фортепиано. Но Солер не создал школы, его продолжатели отличаются творческим бесплодием и подражательностью иностранным образцам. В области смычковых инструментов самое крупное имя в Испании 18 в.—иностранец *Боккерини* (см.). Черты испанской музыки у Боккерини—в его квинтете «Ночная музыка в Мадриде» (1780). Боккерини изображает мадридцев, разгуливающих по ночным улицам (в ритме старинной пассакальи). Как-раз в 1780 танцор Саресо пускает в ход новый танец—*болеро* (см.), к-рый вскоре получил широкое распространение во всей Европе.

Живым творческим центром И. м. 18 в. нужно признать так наз. тонадильи, букв. — «песенки»,—музыкально-драматические и танцовальные сценки. Испанская тонадилья сохраняла в себе элементы, какие она имела в 17 в., когда называлась «entremesos cantados»—«интермеццо с пением». Однако в условиях полуфеодальной Испании тонадилья, этот яркий образец



Муз. пример № 5.

искусства «третьего сословия» (неслучайно любителем испанской тонадильи был Бомарше), не могла получить того развития, к-рое было уделом французской или итальянской комической оперы. Из наиболее крупных сочинителей тонадилий назовем Мисона, Эстеве, Блас де Ласерна. Мелодия последнего — «Болеро-сегедилья» (по рукописи из архивов Альба)—воспроизводится ниже (муз. пример № 6).

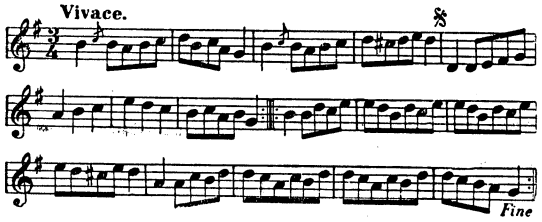


Муз. пример № 6.

Наряду с тонадильей в Испании 18 в. процветала и опера, но это была опера итальянская вместе с ее знаменитостями вплоть до кастрата Фаринелли. Так наз. *сарсуелы* (см.) 17 в. (музыкально-танцовально-драматические произведения) не развились в национальную испанскую оперу; уже Лопе де Вега отмечал, что в них «пели и представляли, подражая Италии»; не случайно в первой испанской опере, на текст

Лопе де Вега («Лес без любви», 1629), декоратором был Лотти—флорентинец.

В 19 в. и на рубеже 20 в., в эпоху ожесточенной борьбы испанской буржуазии с остатками еще сильного феодализма, И. м. с запаздыванием идет за европейским искусством. В первой половине 19 века можно отметить лишь гитариста Фернандо Сора (1778—1839) или Мануеля Гарсия (1775 — 1832), оперного певца и композитора, про которого уже Фетис писал, что легкость его творчества не стояла ни в какой пропорции с качеством его композиций. Наряду с этим чрезвычайно характерен растущий интерес к испанской музыке со стороны европейских композиторов. Пайзиелло в своем «Севильском цирюльнике», поставленном в 1782 в Петербурге, уже пытается в «Испанской сегидильи» уловить испанский музыкальный колорит. Мегюль пользуется испанской тематикой в комической опере «Два слепца из Толедо» (1806). Интерес к испанской тематике обнаружили: Глинка с его увертюрами «Ночь в Мадриде» и «Арагонская хота» (муз. пример № 7; из записной книжки Глинки, 1845);



Муз. пример № 7.

Лист—с его «Испанской рапсодией» и «Большой концертной фантазией на испанские темы»; Бизе—с его оперой «Кармен» и песнями, с «Арлезиянкой», в которой звучит испано-провансальский фанданго; Шабрие—с его «Испанией»; Гуго Вольф—с его испанскими песнями и оперой «Коррехидор»; Балакирев — с его «Увертюрой на испанские темы», где использована тема записанного Глинкой испанского марша; Римский-Корсаков—с его «Испанским каприччио»; Дебюси—с его «Иберией», «Вечером в Гренаде»; Равель, у которого имеется целая серия испанских композиций: «Испанская рапсодия», «Альборада дель Грасиозо» (утренняя серенада Грасиозо, шута испанского театра 17 века), «Испанский час» и другие.

В этот период своеобразного расцвета «испанской музыки вне Испании» внутри самой Испании совершалась важная работа: такие музыканты, как Барбиери (1823—94) и Педрелль (1841—1922), знакомили страну с сокровищами И. м. в ее народной традиции и в памятниках прошлого. Постепенно на фоне социально-экономических сдвигов в стране выкристаллизовывалось новое буржуазно-националистическое искусство. Его лучшие представители—Исаак *Альбенис* (см.; 1860—1909), Энрике *Гранадос-и-Кампинья* (см.; 1867—1916) и в особенности Мануель де *Фалья* (род. 1876; см.), композитор, значение которого выходит за пределы Испании. В его искусстве великолепный синтез того, что дала прошлая испанская музыкальная культура.

Рост революционного сознания испанского пролетариата в музыкальной области вызывает укрепление рабочего музыкального фронта. Ряд испанских композиторов близок к этому фронту. Среди них Санхуан (Sanjuan), Питта Луга (Pittaluga) и Олайя (Olaya). Велика роль Пабло *Казальса* (род. 1876; см.), гениального виолончелиста, дирижера и воспитателя рабочего слушателя (Littlehales, Pablo Casals, New York, 1929).

Лит.: На русском языке литература почти отсутствует; в перевод работы Нефа «История западно-европейской музыки» (1930) Б. Асафьев внес дополнения по Испании. Из статей: Кальвокореси М. Д., Национальный характер испанской музыки, «Русская музыкальная газета», П., 1915, № 3; Финдейзен Н., Глинка в Испании и записанные им народные испанские напевы, там же, 1895, № 12. Иностранные работы не на испанском языке: Laparra R., La musique et la danse populaires en Espagne, в кн.: Encyclopédie de la musique et dictionnaire du conservatoire (Fond. A. Lavignac), part 1, Paris, 1920; Mitjana R., La musique en Espagne (там же); Trend J. B., The music of Spanish history to 1600, Oxford, 1926; его же, Manuel de Falla and Spanish Music, N. Y., 1935; Ursprung O., Neuere Literatur zur spanischen Musikgeschichte, «Zeitschrift für Musikwissenschaft», Jahrg. XII, Lpz., 1929; November, Heft 2; его же, Musikkultur in Spanien, в кн.: Handbuch der Spanienkunde (Handbuch der Auslandskunde, Bd V), Frankfurt a/M., 1932; Van Vechten C., The music of Spain, N. Y., 1933; Farmer H. G., Historical facts for the Arabian musical influence, London, 1930; Prado German, Mozarabic melodics (The Mozarabic Liber Ordinum), Cambridge Mass., 1928; Laparra R., Bizet et l'Espagne, Paris, 1935; Donostia J. A., de, Essai d'une bibliographie musicale basque, Bayonne, 1933. Испанские работы: Angles, Estudio critico de la historia de la musica Española, 1934 (дополнение к переводу «Истории музыки» Joh. Wolf'a); Forns y Quadras J., Historia de la música, tomo II—Siglos XVI al XX, Madrid, 1933; Lopez-Chavarri E., Historia de la música, v. I—II, Barcelona, 1914—16; Ribera J. La música árabe medieval y sa influencia en la Española, Madrid, 1927; Salazar A., La música contemporáne en España, Madrid, 1930; Subirá J., La música (Sus evoluciones y estado actual.), Madrid, 1930; его же, La tonadilla escénica, v. I—III, Madrid, 1928—31; Diccionario de la música ilustrado Barcelona, 1927, etc.; ж. «Revista Musicale Catalana», Barcelona, с 1904. *К. Кузнецов.*

ИСПАНСКИЙ БАНК (Banco d'España), центральный эмиссионный банк Испании, учрежден в 1856. В 1874 И. б. получил исключительное право выпуска банкнот. И. б. обязан при выпуске банкнот до 4.000 млн. иметь металлическое покрытие в 45% (в т. ч. золото—не менее 40%); банкноты, выпускаемые сверх 4.000 млн., должны быть покрыты на 60% (в том числе золотом не менее 50%). Правление И. б. находится в Мадриде. Банк имеет 67 отделений, 2 агентства (в Париже и Лондоне) и представительство в Танжере. Основной и резервный капиталы банка: на 1/I 1934—248 млн. пезет; банкноты в обращении на 1/I 1935—4.696 млн. и металлический запас—3.226 млн. Курс банкнот значительно ниже золотого паритета.

ИСПАНСКИЙ ЗОЛОТОЙ КОРЕНЬ, Scolymus hispanicus, растение из сем. сложноцветных. Двулетник или однолетник, 30—100 *см* высоты, с очень ветвистым стеблем, колючими листьями, нисбегающими на стебель, и желтыми соцветиями. Растет в средиземноморской области, в СССР—кое-где на Ю. Крыма как сорное. Иногда разводится в Зап. Европе как третьесортная овощь: в пищу употребляются в вареном виде корни, достигающие 20—30 *см* длины и 2 *см* толщины.

ИСПАНСКИЙ ТЕАТР. Первичными зачатками И. т. можно считать народные обрядовые игры и пантомимные танцы кельтско-иберийских племен, населявших Пиренейский п-ов до хр. э. В период колонизации Испании Римом эти игры подверглись влиянию римского плебейского театра мимов. В течение первых веков господства христианской церкви в Испании развивается литургическая драма, к-рая в 13 в. начинает уже видоизменяться, отходя от

канонической религиозной тематики и вбирая в себя, под влиянием городской буржуазии, бытовые сценки, разыгрываемые в буффонной манере мимов. Это вызывает протест со стороны церкви, борющейся с профанацией религиозного театра—союзника абсолютизма. К концу 15 в., при образовании единого испанского королевства и при усилении католицизма, происходит расцвет мистериальных действий (ауто), являющихся площадными массовыми представлениями, руководимыми духовенством. Ауто устраиваются в честь религиозных празднеств, придворных торжеств и инквизиционных актов; кроме религиозных драм они включают в себя также пышные аллегорические шествия, состязания поэтов, пение стихов и даже танцы.

Испанский абсолютизм, подражая во многом Италии, заимствует оттуда и классический театр, который в Испании получает чисто придворный характер. Наиболее значительный из придворных драматургов Хуан дель Энсина (1469—1533) пишет и ставит при дворе с любителями на манер итальянцев пасторальные *эклоги* (см.), но в то же время еще не полностью преодолевает мистериальное влияние, которое сказывается в его пьесах (representaciones), имеющих чисто религиозный характер. Особенно сильно влияние итальянского театра сказывается на Нааро, писавшего комедии в подражание жанру ученых комедий. Нааро можно назвать первым теоретиком испанского театра: он требовал воспроизведения действительности в комедии. Им введены деление испанской комедии на 3 акта (называемых jornados) и популярный персонаж шута (gracioso). Однако его пьесы ставились не в Испании, где они были запрещены инквизицией, а в Риме.

Большое значение в истории И. т. имеет Лопе де Руеда (1510—65), драматург и актер, вышедший из ремесленников, разъезжавший по испанским провинциям со своей маленькой труппой. Бытовые фарсовые сценки (pasos) Руеда, рассчитанные на городского и сельского демократического зрителя, разыгрывались на повозках, площадках, установленных на бочках; весь аксессуар спектакля был настолько несложен, что вмещался в один мешок. В стилевом отношении театр Руеды развивал манеру фарсовой игры, подвергаясь в то же время влиянию со стороны *commedia dell'arte* (см.), что особенно обнаруживается в наличии постоянных типов-масок в его комедиях (негритянка, негодяй, шут, бискаец, т. е. сельский парень из Бискайской провинции). Начиная с 16 в., по Испании кочует множество бродячих актеров в одиночку, по-двое или маленькими труппами, выступавшими чаще всего в гостиничных дворах (corrales). Рост городов и временное укрепление буржуазии усиливали буржуазное влияние, которое сказалось в борьбе с феодальным театром и в попытках создать реально-бытовой репертуар и спектакль. Сервантес (1547—1616) выступил резким противником мистериального театра, противопоставляя его неправдоподобию и композиционной рыхлости — простоту и ясность классицизма. Особенно интересны его интермедии, которые могут быть определены как попытка создания буржуазно-реалистического репертуара. Эта попытка оказалась неудачной, т. к. испанская буржуазия (после известного подъема в 16 в.) к началу 17 в. под напором мировых экономических сдвигов и реакционной политики Филиппа II теряла влияние и целиком подчинялась авторитету дворянства и церкви. Демократический по тематике, остро сатирический по своей идейной тенденции и жанровый по стилевой фактуре, театр Сервантеса был побежден патетическим дворянским театром Лопе де Вега.

Театр Лопе де Вега (1562—1635) не был замкнут в узкой придворной среде, а, напротив, ориентировался на массового зрителя. Лопе де Вега как идеолог среднего дворянства, бывшего оплотом абсолютизма в его борьбе с феодалами, героизирует гидальго и стремится привлечь на сторону королевской власти испанское крестьянство. Но Лопе де Вега не был певцом феодальной реакции. Являясь величайшим мастером «комедии интриги», он в своих многочисленных произведениях охватывал все слои и стороны общественной жизни абсолютистской Испании. Наряду с изображением жизни дворянства в творчестве Лопе де Вега большое место занимает изображение нравов и быта буржуазии и героической борьбы с феодалами народных масс («Овечий источник» и др.). Проповедуя идеалы чести и долга, он не восхвалял буйных междоусобиц и не звал к мрачной старине; он наивно мечтал о благородных рыцарях и о едином сильном королевстве, живущем в довольстве и счастьи под эгидой мудрых и справедливых королей. Еще меньше Лопе оставался правоверным слугой феодальной церкви с ее аскетической моралью и мистической философией, когда воспевал любовь. Жизнеутверждающий характер патетического гения Лопе де Вега выдает в нем поэта, кровными узами связанного с «мощной эпохой», с эпохой, от к-рой «ведет свое начало вся новейшая история» (Энгельс).

Лопе де Вега, утверждая массовость театра, ведет решительную борьбу с классицизмом: «когда я собираюсь писать пьесу, я запираю на ключ всякие наставления и выношу из своей комнаты Теренция и Плавта». Лопе де Вега объясняет свое пренебрежение к классицизму тем, что он «идет по следам тех, которые ищут одобрения толпы». Он окончательно утверждает в И. т. жанр комедии, под которой разумеет всякое трехактное драматическое произведение, написанное стихами, изображающее как печальные, так и веселые события и завершающееся благополучной развязкой. Лопе де Вега устанавливает и основные виды комедии—«комедию плаща и шпаги» и «комедию героическую». Монах Габриель Тельез (1571—1642), известный под именем Тирсо де Молина, лучший ученик Лопе де Вега, в своих виртуозно построенных комедиях, оставаясь ревностным монархистом и католиком, изображает обмельчание и разложение своего класса, чем снижает героический тон И. т. времен Лопе де Вега. Спектакли начинаются пением романса, потом следуют танцы (сарабанда, сегедилья и др.), произносится пролог (lao) и только тогда разыгрывается трехактная комедия, перемежающаяся интермедиями и заканчивающаяся маскарадной пляской (магиханка). По принципу corrales (см. выше) в Мадриде, начиная с середины 16 в., строят театры, имеющие ясно выраженную социальную иерархичность планировки мест для зрителей и очень примитивное сценическое устройство. Занавес висел не перед сценой, а по середине, и делил ее на переднюю и заднюю площадку, над к-рой возвышалась в виде балкона «верхняя сцена». Декора-

ции были писанные и в течение спектакля не менялись. Представления шли почти круглый год и начинались обыкновенно в 2—3 часа дня. Они устраивались госпиталями и монашескими братствами, у к-рых театр находился и в экономической и в идеологической зависимости. Общее падение мирового могущества Испании, начавшееся с конца 16 века, знаменовало собой усиление реакции и увеличение католического гнета, в результате чего в 1598 декретом Филиппа II были запрещены театральные представления. После смерти Филиппа II театры снова открылись, но уже работали под строжайшим надзором «Совета богословов» и преследовались все время до тех пор, пока не стали выполнять целиком требования, предъявляемые театру монархически-католической реакцией. Выразителем испанского театра этого времени был Педро Кальдерон Барка (1600—81), создавший пышные придворные спектакли и величественные площадные мистические экзальтированные представления.

При окончательном падении могущества Испании И. т. конца 17 в. потерял свои национальные основы и подпал под полное влияние франц. классического и сентиментального театра (Леонарда Моратин, Хосе Льянос и др.). Бессилие испанской буржуазии 18 в. сказалось и в слабости ее театра, излюбленными жанрами к-рого становилась одноактная пьеска—сайнет, и сарсуела—бытовая музыкальная комедия. В этих жанрах стяжал себе славу остроумный Роман де ля Брус (1731—94), изображая обыденную жизнь буржуа и деликатно пародируя дворянство. Влияние французского театра в 19 веке сказалось в распространении романтизма в И. т. Драматурги Галиано (1789—1865), Хосе Эчегерай (1832—1916) и др. в своих романтических драмах стремились укрыться от действительности и реставрировать старинный И. т. Наиболее значительный драматург буржуазного И. т. Перес Гальдос (1845—1920) выступает в своих реалистических пьесах против дворянского романтизма и как представитель испанской радикальной буржуазии резко критикует клерикализм («Электра») и сочувственно изображает городских ремесленников («Фортуната Хасина»).

Обострение классовых противоречий в начале 20 в. вызвало, с одной стороны, появление драмы «Хуан-Хосе» Дисента, сочувственно рисующей жизнь рабочих. Пьесы Хасинато Беневенте, Арриче и др. выражают наступление буржуазии на пролетариат. Современный буржуазный И. т. находится в полном упадке: культивируются пошлые и порнографические комедии, рисующие буржуазный быт и нравы. Труппы кочуют по провинции, не имея твердого ансамбля и режиссеров. Мелкобуржуазный И. т. близок к влиятельной в Испании анархистской партии. Таков барселонский так наз. «Театр пролетариата». Успешно работает в Испании рабочий театр «Мы» («Носотрос»), не преодолевший еще окончательно анархистского влияния. После всемирной олимпиады театров в 1933 в Испании организована секция МОРТ—«Центральное объединение пролетарского театра», руководимое актрисой Ирене Фалькон.

Лит.: Schack A. F., v., Geschichte der dramatischen Literatur und Kunst in Spanien, 3 Bde, 2 Ausg., Frankfurt a/M., 1854; Schaeffer A., Geschichte der spanischen Nationaldramas, 2 Bde, Lpz., 1890; Петров Д. К., Очерки бытового театра Лопе де Веги, СПБ, 1901; его же, Заметки по истории старо-испанской комедии, ч. 1—2, СПБ, 1907; Очерки по истории европейского театра, под ред. А. А. Гвоздева и А. А. Смирнова, изд. «Academia», П., 1923; Вопросы теории и психологии творчества, т. III—Тиандер К. Ф., Очерк истории театра в Западной Европе и России, Харьков, 1911; Гвоздев А. А., Из истории театра и драмы, П., 1923.

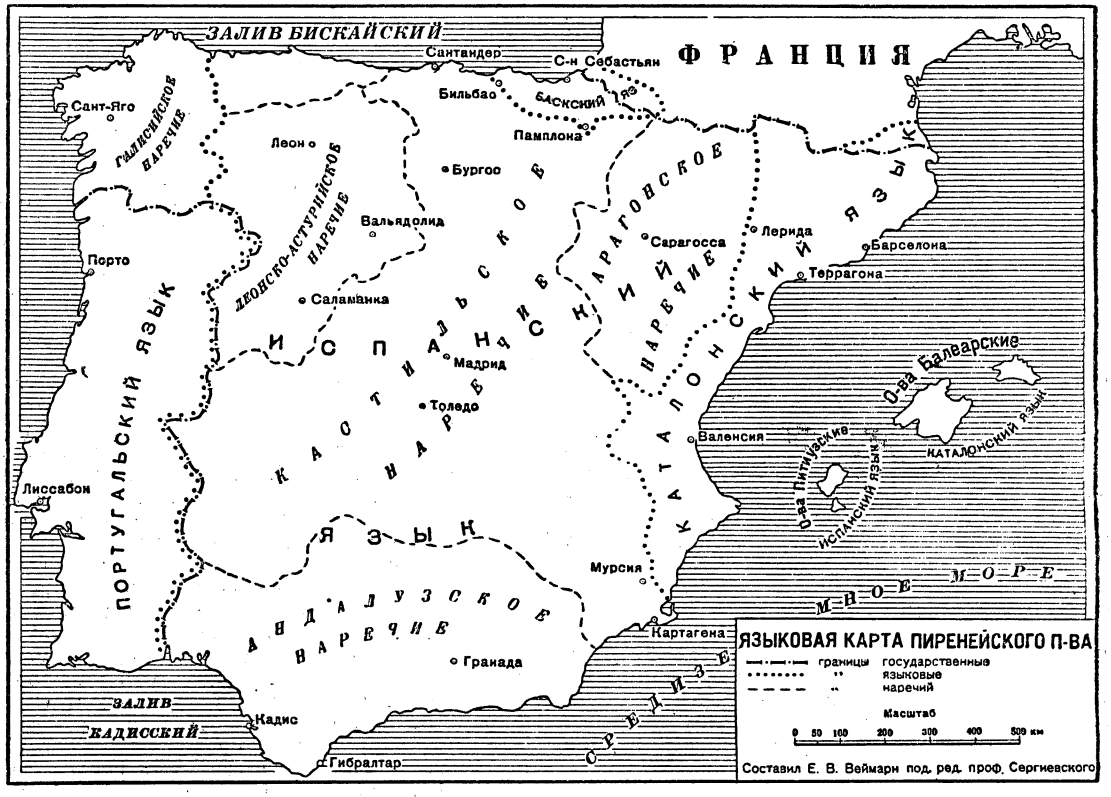
Г. Бояджиев.

ИСПАНСКИЙ ЭСПАРЦЕТ, сулла, Hedysarum coronarium, многолетнее растение сем. бобовых, высотой 30—90 *см.* Возделывается как кормовое (на сено) в зап. части Средиземноморья. И. э. по урожайности зеленой массы превосходит даже люцерну и дает сено высокого качества; на одном месте после посева держится 2—6 лет; возделывается также на силос и на зеленый корм. В СССР И. э. разводится как кормовое растение в Крыму, на Черноморском и Южно-Каспийском побережьях Кавказа и в Средне-Азиатских республиках.

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК, романский язык (см. *Романские языки*), являющийся государственным и литературным языком Испании и всех стран Юж. и Караибской Америки (кроме Бразилии), а также Б. Антильских о-вов. В самой Испании имеют свой особый язык национальные меньшинства: каталонцы в Валенсии и Каталонии (св. $4^1/_2$ млн.) и баски в Бискайе и части Наварры (ок. 600 тыс.), причем и те и другие пользуются родным языком и в литературе; кроме того галисийцы в Галисии (ок. 2 млн.) говорят на наречии португальского языка. На И. я. в Испании говорят ок. $15^1/_2$ млн. населения. В И. я. различается несколько диалектов: леонско-астурийский на С.-З., арагоно-наваррский на С.-В., кастильский в большей части остальной страны и андалузский на Ю. С последним всего более сходства представляет И. я. Юж. и Караибской Америки благодаря историческим условиям испано-американской колонизации. Кроме того на особом диалекте И. я. говорят те испанские евреи (сефарды), к-рые в конце 15 в. принуждены были покинуть Испанию вследствие жестоких религиозных гонений и переселились на Балканский полуостров (в Турцию, Болгарию, Сербию), где и доныне сохранили в архаичной форме свой язык (общее число говорящих на нем около 100 тыс.).

И. я. образовался из разговорного латинского языка, так называемой *вульгарной латыни* (см.) римской Испании, усвоенного первоначальным населением страны, которое составляли гл. обр. древние *иберы* (см.). Есть основание думать, что язык иберов не остался без влияния на латинскую речь населения страны. Зато почти не оставили следов языки германских завоевателей—вандалов, свевов, вестготов,—владевших страной с 5 до 8 вв. Только в собственных именах (напр. Rodrigo) и в местных названиях сохранились германские элементы. Завоевание страны арабами и многовековое общение с ними оставили значительный след в словарном составе И. я., который включает много слов арабского происхождения, особенно в области терминологии государственной, военно-морской и научной. Через Испанию последние термины частью вошли и в другие европейские языки (ср. рус. «адмирал», «алгебра», «алхимия»), а их обилие в испанском особенно отличает последний от прочих романских языков. С процессом обратного завоевания страны (Reconquista) и постепенным вытеснением арабов образовался на территории Центр. Испании но-

вый диалект—кастильский, к-рый и лег в основу литературного языка страны. Именно язык королевской канцелярии, сложившийся с 13 в. в старой столице Новой Кастилии—Толедо,—послужил основой литературного языка. Этим объясняется между прочим употребительное до сих пор в Испании обозначение И. я. именем «кастильского» (lengua castellana наряду с lengua española).



И. я. усвоил значительное количество книжных латинских элементов: латинское влияние было сильно и в начале формирования И. я., когда латинский был языком государства, церкви и просвещения, и особенно в ранний период капиталистического развития страны, в 16 и 17 вв., связанный с т. н. возрождением классической древности. Значительно меньше слов воспринял И. я. из соседних романских языков: французского и итальянского. Особенно интенсивной работа по охране и закреплению литературного языка становится, как и в др. европейских странах, в 19 в. после эпохи т. н. освободительных войн, проводясь под знаком поисков «подлинной испанской культуры», «подлинного испанского языка». С другой стороны, в странах Юж. и Караибской Америки наблюдается возникновение новых говоров (таков И. я. Аргентины, Уругвая и Парагвая, И. я. Мексики, Никарагуа, Колумбии, Кубы и т. д.).

На протяжении своей истории И. я. испытывал существенные изменения, особенно в области своего звукового состава, благодаря чему фонетика старо-испанского языка очень отличается от современной. Еще до 15 века И. я. обладал звонкими и глухими аффрикатами dz (на письме z) и dž (на письме j или g перед e, i), ts (на письме c перед e, i или ç) и tš (на письме ch), из к-рых ныне осталась только последняя, а также шипящим š (на письме x) и ž (из того же dž), сохраненными в прежнем французском, перешедшем позднее и в русский язык, произношении собственных имен, как напр. Дон-Жуан или Шимена. Все эти звуки в 16 и 17 вв. изменились т. о., что на месте ts и dz появилось межзубное глухое θ, а на месте š и ž—глубокое велярное χ. Аналогичные изменения испытали и др. согласные, как напр. b, совпавшее с v; f, частью тоже перешедшее в χ; d, ставшее межзубным звонким в известных условиях, и т. п. Впрочем современная испанская орфография отнюдь не плохо передает все разнообразие звуков испанского языка. Можно отметить однако часто неточную передачу испанского произношения в русском языке: такие слова, как alguazil следовало бы передавать альгуасил, Zuloaga—Сулоага, guerilla—герилья, Quevedo—Кеведо, Jimenez—Хименес, José—Хосе.

По своему грамматическому строю И. я. достаточно прост, как вообще романские языки: склонение утрачено, образование множественного числа одинаково для всех существительных и прилагательных, грамматический род только мужской и женский. Более сложен глагол, сохраняющий чередование гласных в корне в разных формах и обладающий бóльшим разнообразием форм времен и наклонений, чем напр. *итальянский язык* (см.).

Лит.: по истории языка—Menéndez Pidal N., Orígenes del Español, Madrid, 1925; его же, Manual elemental de gramática histórica española, 5 ed., Madrid, 1925; Hanssen F., Spanische Grammatik auf historischer Grundlage, Halle, 1910; Gavel H., Essai sur l'évolution de la prononciation du castellan depuis le 15 siècle, P., 1920; по современному языку—Navarro Tomàs T., Manual de pronunciatión española, Madrid, 1926; Lenz R., La ora-

ción y sus partes, Madrid, 1925; Bello A., Grammatica de la lengua castellana, Madrid, 1921; словари: Tolhausen L., Neues spanisch-deutsches und deutsch-spanisches Wörterbuch, Bd I—II, 10 Aufl., Lpz., 1928; Salva V., Nuevo diccionario de la lengua castellana (ряд изданий); Игнатов С. С. и Кельин Ф. В., Испанско-русский словарь, Москва, 1930. Об испано-еврейском языке см. Baruch K., El judeo-español de Bosnia, «Revista de filologia española», t. XVII, 1930.

М. Сергиевский.

ИСПАНСКОЕ ИСКУССТВО. Около 415 года вестготы вторгаются в римскую Испанию. К 456 Вестготское королевство становится независимым от Римской империи. Стоящие на низком уровне культурного развития вестготы, вырабатывая свою собственную художественную культуру, пользуются образцами искусства позднего Рима, уже отличавшегося довольно большой схематизацией. Еще более схематизируясь в руках вестготов, этот стиль соответствовал тому теократическому характеру, который приобрела вестготская монархия к концу 6 в., когда католицизм, победив арианство, становится господствующей религией, а католическое духовенство, превратившееся в крупнейшего земельного собственника, оказывает огромное влияние на королевскую политику.

Церкви, монастыри и дворцы—главные архитектурные памятники этого времени. Целиком построек не сохранилось, но из фрагментарных остатков видно, что главными элементами их были: стены простой грубой кладки, деревянные перекрытия, реже коробовые своды, полукруглые арки, колонны коринфского или сложного ордеров. План—римской базилики или в форме греческого креста. Следы вестготской архитектуры можно видеть в церквах Сан Хуан де Баньос (основана в 661) и Санта Комба де Банде (7 в., сильно реставрирована в 15 в.). Образцы скульптуры сохранились лишь в декоративных фрагментах, украшенных орнаментом позднеримского стиля (музей в Мериде). Фигурных изображений не встречается, что может быть объяснено продолжительным господством здесь арианства. Некоторое понятие о живописных памятниках могут дать миниатюры в рукописи «Ашбурнамского Пентатевха». По количеству дошедших до нас памятников более богато прикладное искусство, например сокровищница короля Атанахильда (6 век) и сокровищница из Гуаррасар (7 век), открытая в 1858 (музей Клюни и Армерия Реаль в Мадриде). Это—преимущественно короны, диадемы, чаши, оружие из золота и серебра, обильно украшенные драгоценными камнями и орнаментикой в схематизированном позднем римском стиле.

И. и. эпохи феодализма (протороманский стиль, романский стиль, готика). Протороманский стиль. 9—11 вв. Нашествием мавров в 711 вестготская монархия была уничтожена. Уцелевшая после разгрома горсть вестготов удаляется в горы Астурии, откуда вскоре и начинается восьмивековая реконкиста (постепенное отвоевание Испании). И. и. времени реконкисты не было самостоятельным: испанские мастера учились у иностранцев—французов, немцев, нидерландцев; многое заимствовали и у мавров. Постоянное столкновение с мавританской культурой придало И. и. своеобразно-живописный характер — особенно это заметно в архитектуре: каждое здание, безотносительно от стиля его оформления (романский, готика, позднее—ренессанс и барокко), обильно украшается декоративной орнаментикой, мотивы которой поражают богатством фантазии. Эта орнаментика по мавританскому способу сплошь заполняет отведенные ей в данном здании пространства, не считаясь часто с конструкцией постройки. Впечатление своеобразия кроме того усиливается тем, что в архитектуру вышеупомянутых стилей вкрапливаются элементы мавританского зодчества [подковообразные арки, сдвоенные окна (jimenez), сложные пилястры и т. д.], а для облицовки стен охотно употребляются разноцветные кирпичи. Особенно часто это встречается в областях, соприкасающихся с мавританскими владениями.

С 9 в. в образовавшихся в Испании мелких государствах начинается процесс феодализации — развитие замкнутых, основанных на натуральном хозяйстве поместий как светских, так и духовных. В руках господствующего класса—аристократии—религия является мощным орудием укрепления власти, а искусство—одним из средств пропаганды выгодной для высших классов религиозной войны с маврами. Ведущее искусство этого времени — архитектура — наиболее ярко выявляет себя в строительстве церквей и монастырей. Постройки данного периода неуклюжи и грубы по технике, планы их примитивны, так же как и организация пространства. Архитектура еще не умеет воплотить идею назначения данной постройки—дворец мало отличается от церкви и наоборот. Но уже в этих постройках на смену позднеримским элементам, державшимся в 8 веке, намечаются новые (своды с подпружными

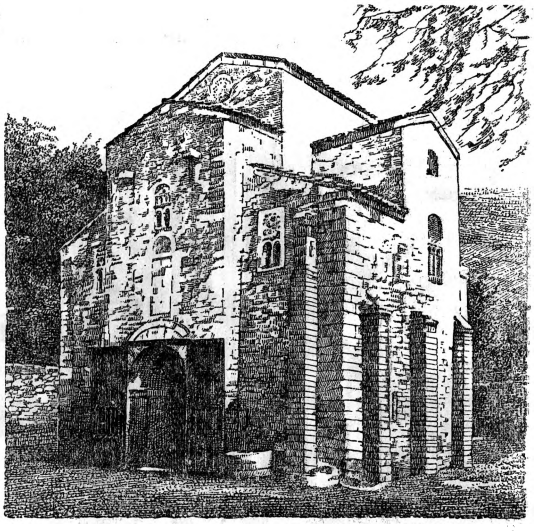


Рис. 1. Сан Мигуель де Лино.

арками, контрфорсы, план латинского креста на месте базиликального и т. д.), легшие позднее в основу романского стиля (см. ниже) как более отвечающие устремлениям феодальной аристократии. Лучшие из немногих сохранившихся образцов находятся в Астурии, отсюда и название стиля этой эпохи—астурийский. Особый отпечаток постройкам его придают возвышающиеся над стенами контрфорсы с глубокими каннелюрами и резные ажурные плиты над сдвоенными окнами [напр. Сан Мигуель де Лино (рис. 1) около Овиедо (2-я половина 9 в.)]. В архитектуре Кастилии, к-рая в это время еще граничила с мавританскими владениями, наблюдается значительное количество

элементов восточного зодчества, например Сан Мигуель де Эскалада около Леона (11 век) (рис. 2).

В декоративной скульптуре, наряду с орнаментальными мотивами, появляются, под воздействием католической церкви, и фигурные изображения, призванные пропагандировать основные догматы церкви. Нек-рое понятие о живописи данной эпохи могут дать миниатюры в рукописях, напр. лицевой требник святого Мильяна де ла Когулья (11 в., Академия истории в Мадриде), Библия святого Исидора Лионского около 960 и др.

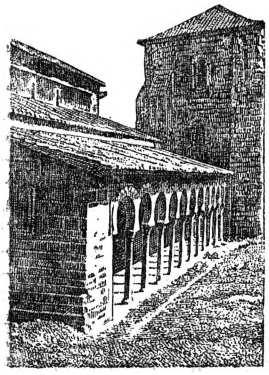


Рис. 2. Сан Мигуель де Эскалада.

Романский стиль. Вторая половина 11 в.—12 в. С середины 11 века феодальная система окончательно утверждается в укрупненных к этому времени испанских государствах, как Кастилия, Арагония и др. Могущество и богатство аристократии еще более увеличиваются благодаря крепкой хозяйственной базе, а также непрерывной войне с маврами; особенное значение приобретают духовно-рыцарские ордена — самые крупные землевладельцы этого времени. В искусстве получает развитие *романский стиль* (см.), нашедший наиболее характерное оформление в церковных

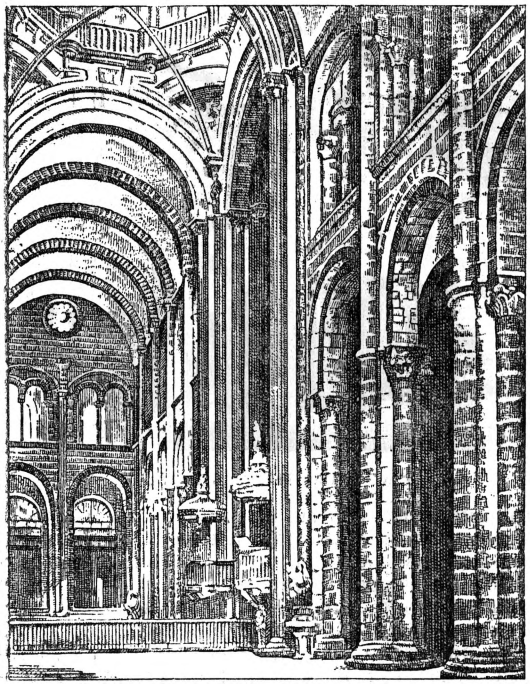


Рис. 3. Собор Сант-Яго де Компостела. Внутренний вид.

зданиях. Неподвижной догматической идеологии были созвучны массивность и монументальность построек данной эпохи, скульптурные и живописные изображения которых, неразрывно связанные с плоскостью стены, схематичны и условны. В господствующей в них религиозной тематике, ставящей своей целью гл. образом пропаганду обожествления власти, чаще всего изображены Христос и Мадонна на троне с кортежом библейских и евангельских персонажей, в торжественных неподвижных позах, с бесстрастными, лишенными индивидуальности лицами.

При отсутствии искусных местных мастеров строителями являются вначале иностранцы, преимущественно бенедиктинские монахи ордена Клюни с юга Франции; они прививают здесь

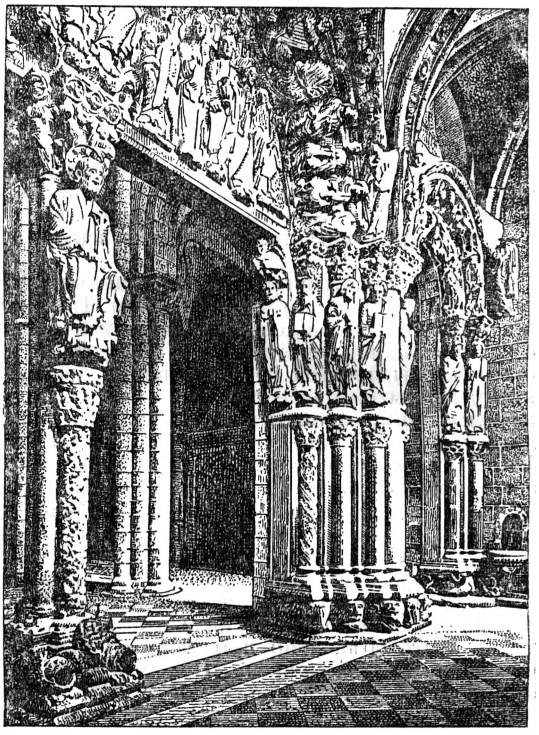
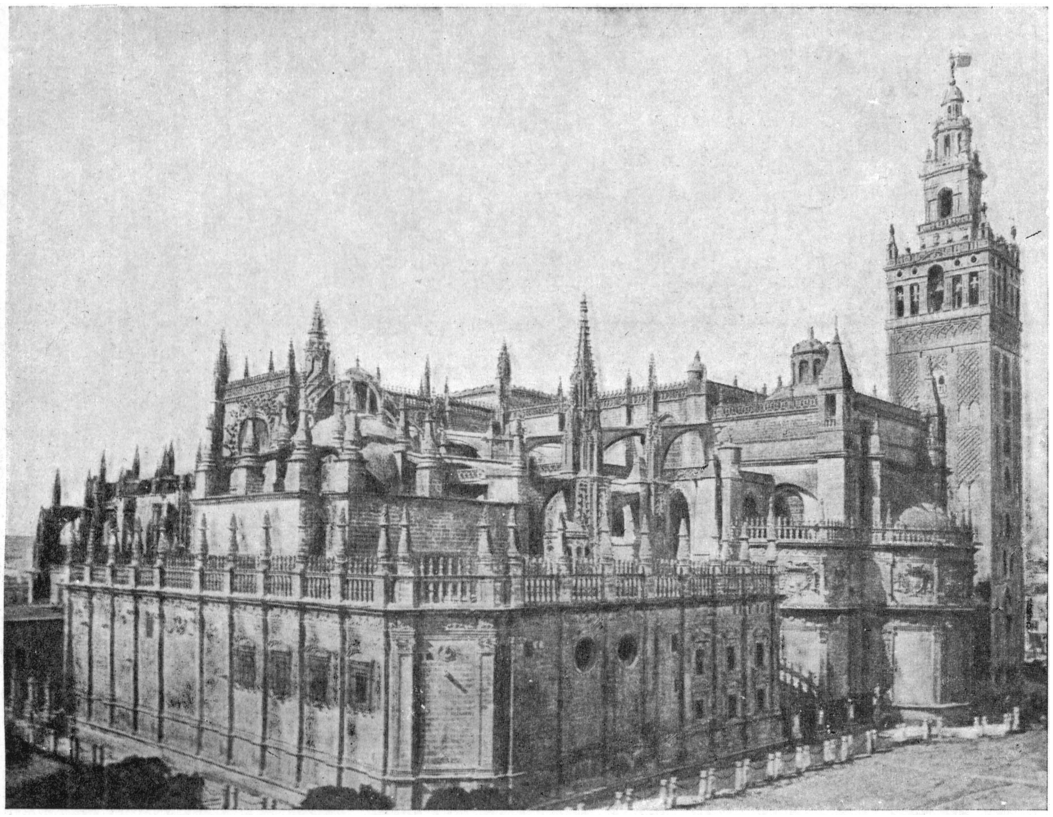


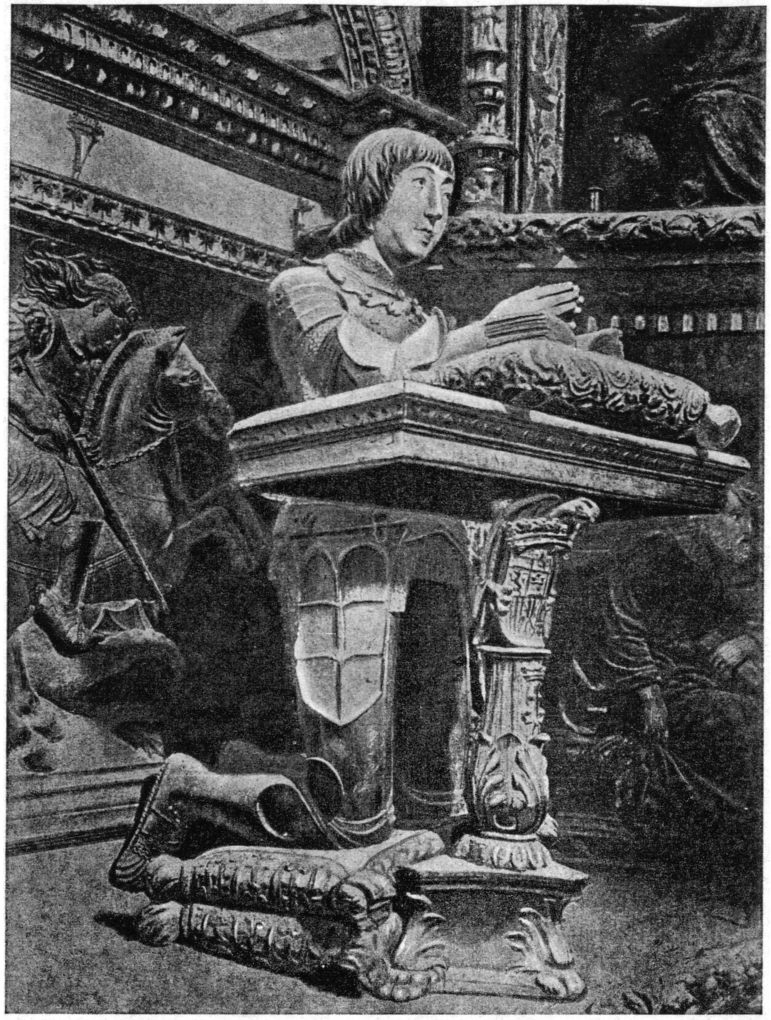
Рис. 4. Портик собора Сант-Яго де Компостела.

французский романский стиль, к-рый, не меняясь в основе, приобретает в Испании своеобразный характер благодаря чертам, заимствованным из мавританского искусства: башен в виде минаретов, внешних галлерей, подковообразных и многолопастных арок, сохранению деревянных перекрытий наряду с каменными сводами, восточных мотивов в орнаментике. Лучший образец романского стиля в Испании—собор Сант-Яго де Компостела в Галисии (1074—1128) (рис. 3), богатый скульптурными украшениями, напоминающими образцы южнофранц. школ (рис. 4). По цельности декоративного впечатления особенно замечателен портал, выходящий на паперть, называемую «Портиком небесного блаженства» (Portico de la Gloria) работы мастера Матео (работал в 1168—1188), имя которого, судя по источникам, было очень известно в Испании. В Кастилии из романских церквей выделяются: Сан Висенте в Авиле (11 в.), где по высоте художественного оформления замечательны скульптуры западного портала, и старый собор в Саламанке (1120—1178), изобилующий мавританскими элементами (рис. 5). Более оригинальна романская религи-

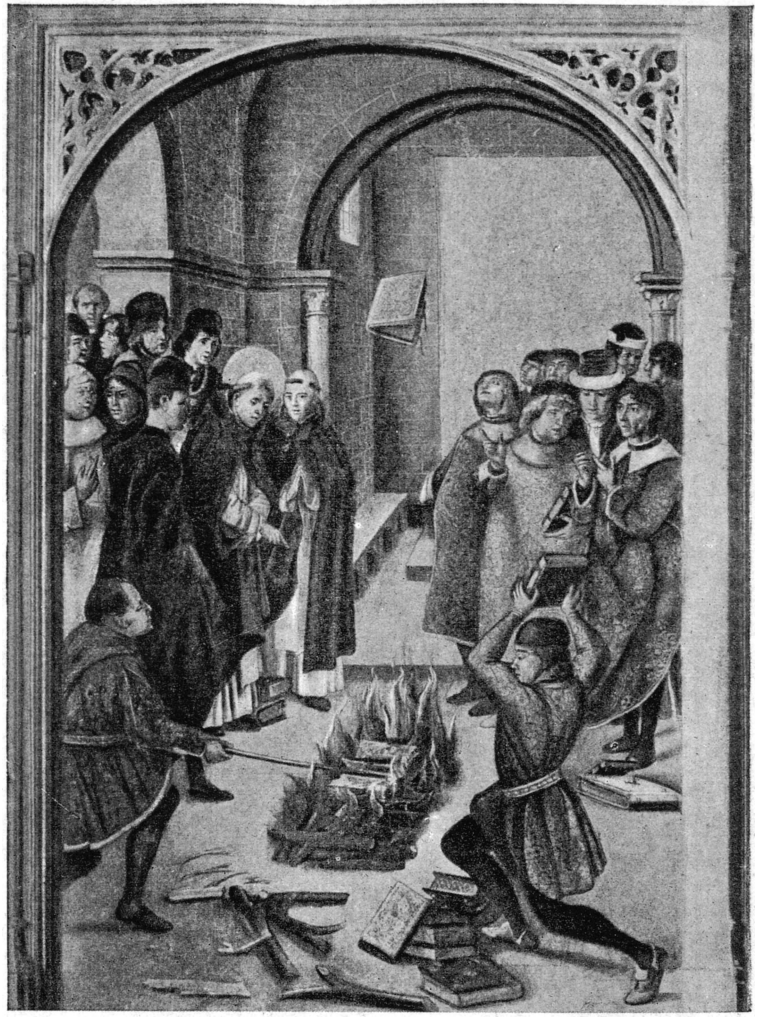


Собор в Севилье.

Пабло Вергос. Облачение св. Винцента (деталь).
Музей. Барселона.



Филипе де Боргонья. Статуя Фердинанда Арагонского из заалтарного образа королевской капеллы собора в Гранаде.



Педро Берругете. Сожжение запрещенных книг. Мадрид. Прадо.

озная архитектура в Арагонии и Каталонии: суровая и строгая, почти лишенная декоративных украшений в Арагонии (собор в Роде, 12 в.), она в Каталонии насыщена скульптурой и орнаментикой, по восточному способу сплошь заполняющими поверхность стен (Санта-Мария де Риполь, 12 в.).

Гражданская архитектура, судя по немногим сохранившимся памятникам, приобрела в условиях реконкисты военный отпечаток (рисунок 6; простота форм, массивность кладки стен, бойницы и т. д.), напр. епископский дворец в Сант-Яго (1120—1235). Приемам постройки учились у мавров, под их руководством воздвигались вокруг городов крепкие, толстые стены с многочисленными защитными башнями и воротами в виде небольших крепостей. Прекрасно сохранились стены Авилы, частью Толедо, со знаменитыми «Воротами Солнца» (Puerta del Sol; рис. 7). Нек-рые религиозные постройки также принимали характер крепостей, как собор в Авиле (12 в.).

Самостоятельных скульптурных памятников почти совсем не сохранилось; по силе экспрессии выдается небольшое распятие из слоновой кости в музее Леона (12 век). Живопись этого времени также близка французской стенной росписи, но схематическим и плоскостным изображениям святых в Испании придают своеобразный характер выразительная подчеркнутость контуров и насыщенность и свежесть

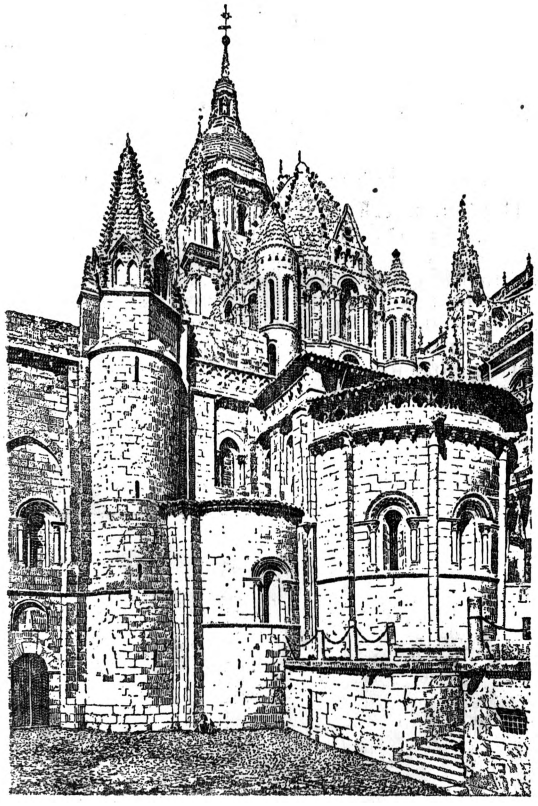


Рис. 5. Старый собор в Саламанке.

красок. Наиболее многочисленны романские росписи в Каталонии, собранные из разных церквей. Они хранятся в музее Барселоны; из них наиболее интересны фрески из Сан-Климентe де Тауль (1100) и Санта-Мария де Тауль (1123). Кроме того в эту эпоху были распространены деревянные с живописью предалтарные доски (frontales), по сюжетам и оформлению аналогичные стенным росписям; лучшие образцы—в музее Вич. Из многочисленных лицевых рукописей выдаются Авильская библия и Библия де Ноайль в Нац. библиотеке Парижа.

И. и. эпохи разложения феодализма. Готический стиль. 13—14 в.—начало 15 в. В 13 в. в Испании, несмотря на феодально-аристократическую основу общественных отношений, городская буржуазия, разбогатевшая с развитием ремесл и торговли, начинает участвовать в политической жизни страны, по-

Рис. 6. Защитная башня в Саламанке.

лучив доступ в кортесы. Значение буржуазии особенно сильно чувствовалось в Каталонии и Валенсии, ведших широкую торговлю с побережьем Средиземного моря. С организацией сословного представительства и выработкой законченного католического мировоззрения, а, с другой стороны, с обострением под влиянием идеологии буржуазии интереса к окружающему миру, не выходящего однако за пределы религиозного мировоззрения, романский стиль сменяется готическим (см. *Готическое искусство*). Городской собор (он же—центр городской жизни) является и в это время средоточием всей художественной жизни, наиболее ярко отражающей идеологию данной эпохи. Отправной точкой мировоззрения остается религия, обещающая счастье на небе, куда и стремится в своем движении вверх готический собор. В нем все—и орнаментика и фигуры—подчинено ритму вертикальных линий, но в орнаментике уже преобладают мотивы, взятые из природы, а фигуры, выделившись из плоскости стены, приобретают телесную округлость форм, одеяния падают более естественными складками, в лицах, хотя еще сильно идеализированных, появляется выражение внутренней жизни.

Искусству архитектуры, скульптуры и живописи (стенная роспись) в эту эпоху испанцы учатся гл. обр. у мастеров Северной Франции. Но в Испании строителем соборов являлась не городская община, как это было во Франции и в других западных государствах, а капитул собора, чем и обусловливается особенность планировки испанских готических соборов; в среднем нефе, занимая более половины его, помещается отгороженный высокой стеной хор; за ним, на месте обычного хора готических соборов,—главная капелла (capela mayor), отделенная от хора решоткой; в капелле располо-

жен главный алтарь (altar mayor). Крайне многочисленное и пользовавшееся огромным влиянием испанское духовенство отделяет себя т. о. от общины молящихся, как бы подчеркивая этим свою значимость. Общине предоставляются боковые проходы, расширенные в Испании большим количеством капелл, и отрезки средокрестия. Капеллы считались собственностью аристократии. Главным украшением этих капелл являются роскошные гробницы их владельцев. Необычайно обширны и богаты декоративными украшениями примыкающие к собору крытые галлереи (claustro)—место собраний и прогулок членов соборного капитула. Особый вид готическим соборам в Испании придает сохранение башенки над средокрестием (cimborium), типичной для церквей романского стиля. Типы лиц и одежды многочисленных статуй, мало отличающихся по

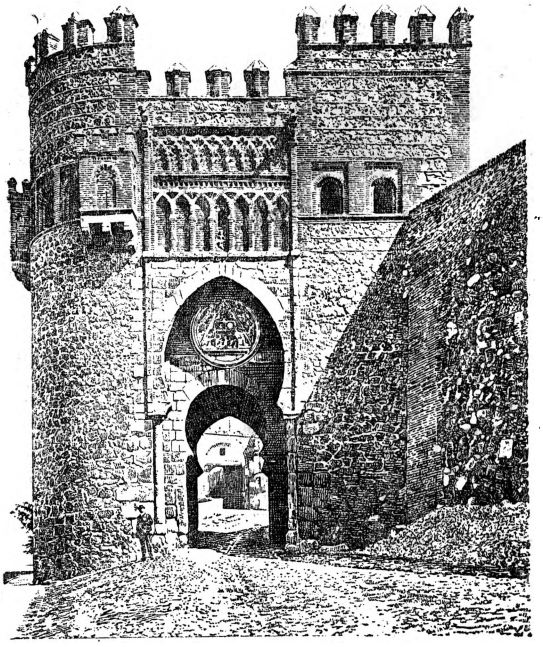


Рис. 7. «Ворота Солнца» в Толедо.

форме от французских образцов, приобретают уже чисто испанский характер. В орнаментике в мотивы готики вплетаются мавританские мотивы. Соборы Кастилии наиболее близки чистотой своих форм к соборам Франции: собор в Леоне (осн. в 1205, постройка начата в 1253, оконч. в 1303), замечательный гармоничностью ритма, тонкостью резьбы по камню и художественным оформлением украшающих его скульптур и витражей; собор в Бургосе [был начат в 1221 (рис. 8), но закончен только в 1507 в стиле ренессанса], в к-ром в силу своеобразного понимания испанцами стиля ренессанса (см. ниже) объединение готических и ренессансных элементов не нарушает цельности и законченности общего впечатления; собор в Толедо (нач. в 1227), постройкой к-рого руководил француз Петрус Петри (ум. 1285),—один из самых больших готических соборов Европы. — Остатки стенных росписей в Кастилии сохранились в Сан-Исидро в Леоне (13 век), в старом соборе Саламанки (1262, подпись мастера—Антон Санчес де Сеговиа).—Из светских построек в Кастилии этого времени можно отметить укрепленные замки из кирпича Медино дель Кампо (середина 12 в.) или де ла Мота и замок ла Кока (начало 13 в., перестроен в 15 в.).

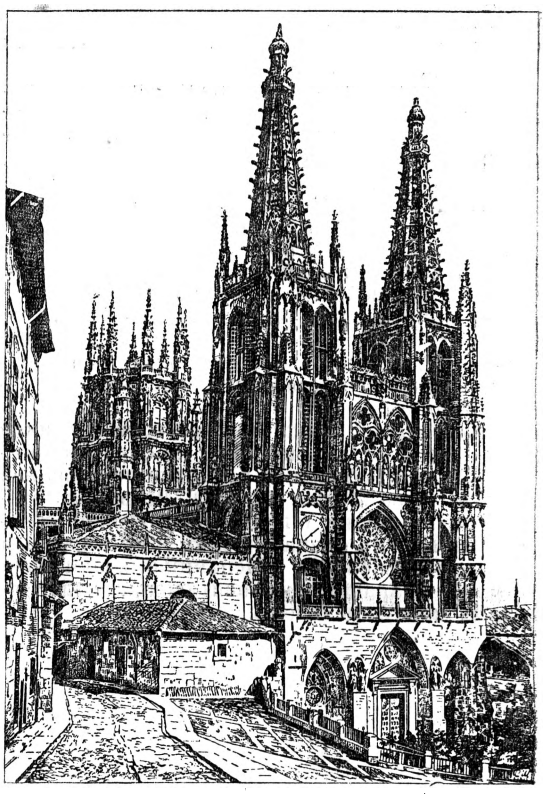


Рис. 8. Собор в Бургосе.

С 14 в. кастильская аристократия, привлекаемая в города привилегиями (fueroses), начинает здесь строить свои дворцы, к-рые теряют крепостной характер (таков напр. дворец кастильских конетаблей в Бургосе, 14 в.). Вступив в борьбу с буржуазией, аристократия добивается в городах к концу 14 в. господствующего положения. С усилением значения аристократии и вместе с тем феодальных тенденций в готических формах заметно стремление к изысканности и виртуозности, как напр. в капелле де Контадор в Тордесильясе (начало 15 в.) и в работах братьев Колониас в соборе Бургоса (1-я пол. 15 в.).

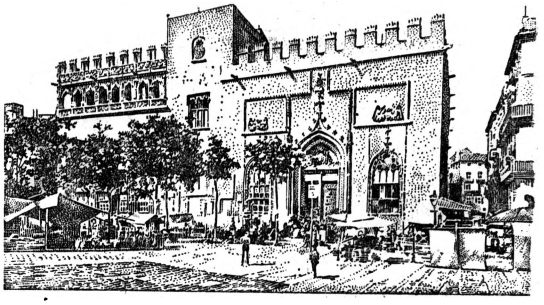


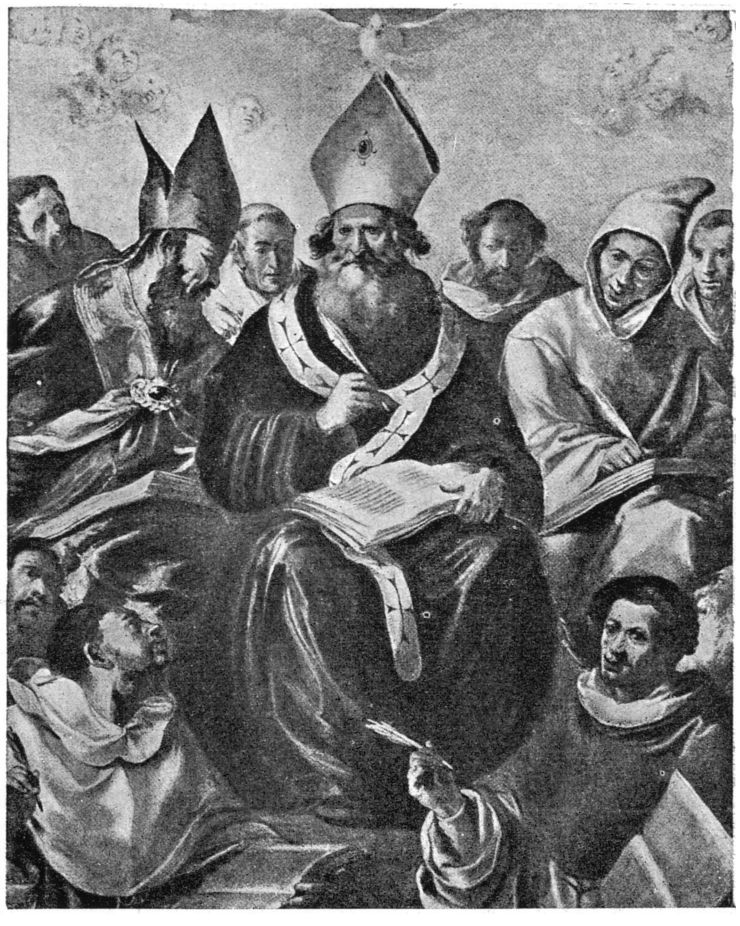
Рис. 9. Биржа в Валенсии.

Готическая архитектура Каталонии и Валенсии отличается сдержанностью и устойчивостью форм, преобладанием горизонтальных линий, простотой и широтой плана, спокой-

Санчес Коельо. Инфанта Изабелла Австрийская.
Мадрид. Прадо.

Греко. Скорбящая богоматерь.
Мюнхен. Старая Пинакотека.

Гаспар Бесерра. Пророк Илья.
Толедо. Церковь св. Фомы.



Франсиско Эррера. Св. Василий.
Париж. Лувр.

ствием и нек-рой тяжеловесностью, но в то же время большой жизненностью фигур, что соответствовало вкусам более многочисленной и более богатой, чем в остальных областях Испании, буржуазии. Развитие здесь городской жизни влекло за собой то, что наряду с религиозными постройками (лучшие готические образцы—собор в Барселоне, 1298—1329, и Хероне, 14 в.) воздвигали немало и общественных зданий. Из них замечательны ратуша (casa consistorial) в Барселоне (1369—78) и биржа для сделок по торговле шелком (lonja de la seda) в Валенсии (14 в.; рис. 9). Индивидуалистические тенденции, свойственные буржуазии, способствуют дифференциации изобразительных искусств и появлению здесь, раньше чем где-либо в Испании, станковой живописи. В этой области местные мастера учатся у итальянцев, преимущественно работавших в Авиньоне. Заимствуя у них изящество рисунка и тонкость техники, испанские мастера придают больше характерности типам и более строгий характер колориту. Таковы работы Лоренсо Сарагоса (известен с 1365 по 1402) и Луиса Бораса (ум. в 1434).

На юге Кастильского королевства, в Андалузии, городские центры в 13 и 14 вв., в виду близости мавританских границ, имели скорее военное значение, и здесь в силу этого преобладающую роль играла аристократия. Подражая в быте и нравах мавританской знати, она предпочитала постройки в стиле мудехар (estilo mudejar, см. ниже). Готика здесь нашла применение лишь в религиозных постройках и не ранее 15 в. (как напр. собор в Севилье, начатый в 1402 на месте мечети, от к-рой сохранились минарет, теперь колокольня, т. н. Хиральда, дворик и одна из дверей).

Стиль мудехар (расцвет в 14 и 15 вв.) представляет собой соединение элементов готических, а позднее итальянского ренессанса, с мавританскими, с явным преобладанием последних; причем из готики и ренессанса заимствуются б. ч. лишь декоративные мотивы. Для построек стиля мудехар типичны: кирпич как строительный материал, деревянные резные потолки, обильное применение кафелей и орнаментики из раскрашенного гипса. Наиболее характерные образцы этого стиля находятся в Андалузии, напр. алькасар Педро Жестокого (начало 13 в., окончен в 14 в.), и дворец герцогов де Алькала, т. н. дом Пилата (casa del Pilato), в Севилье (рис. 10).

И. и. эпохи первоначального накопления (ренессанс, маньеризм, барокко). Ренессанс. 15 в. Во 2-й половине 15 в. разбогатевшая с ростом торгового капитала буржуазия вступает в обостренную классовую борьбу с феодальной аристократией, занявшей к этому времени даже в городах, в особенности в Кастилии, господствующее положение. Королевская власть объединенной в 1476 Испании (брачный союз Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского) пользуется этой борьбой и, встав на сторону буржуазии, в свою очередь видевшей в укреплении королевской власти предпосылку для успешного развития новой экономической системы, побеждает феодальную аристократию. Вместе с тем бюрократизация управления подорвала значение кортесов, и сословная монархия постепенно перерождалась в абсолютную. Церковь, усилившаяся реорганизацией инквизиции (1476), становится орудием укрепления королевской власти, а искусство продолжает оставаться средством церковной пропаганды, сохраняя по преимуществу религиозный характер. Удачное окончание реконкисты, открытие Америки, усиленное развитие торговли способствовали укреплению экономической мощи Испании, что создавало благоприятные условия для расцвета искусства.

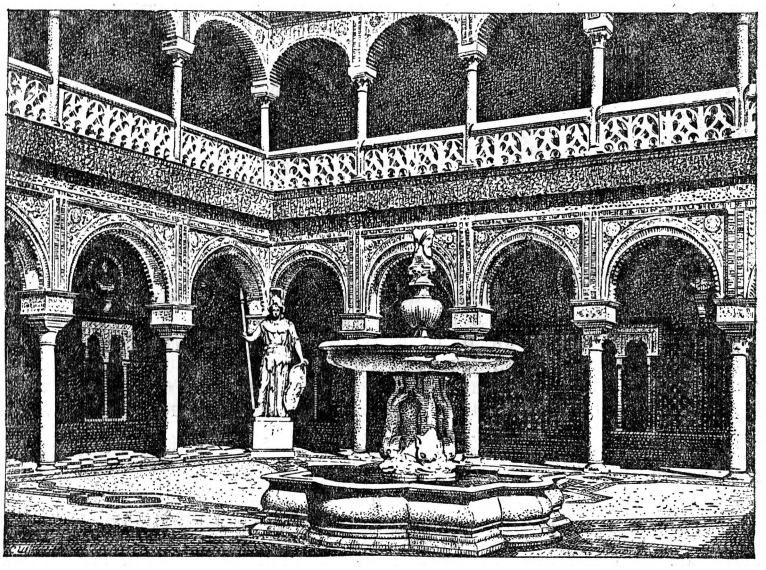


Рис. 10. Дом Пилата в Севилье. Внутренний вид.

Борьба двух идеологий—аристократической и буржуазной—сказалась и в искусстве; влияние реакционной идеологии аристократии, сильной еще своими социальными привилегиями, выразилось в живучести форм поздней готики с их подчеркнутым спиритуализмом и декоративной живописностью, создаваемой насыщенностью орнаментальных украшений, любовью к причудливой игре линий и обильным употреблениям золота; с другой стороны, свойственное буржуазии на данном этапе развития реалистическое восприятие мира нашло отражение в портретности типов, жизненной передаче деталей, бытовой трактовке религиозных сцен. Кроме того буржуазный индивидуализм содействовал окончательному выделению из прежнего синтетического искусства станковых искусств: живописи и скульптуры. Именно в них наиболее ярко выражается спецификум художественной идеологии данного времени. Испанские мастера и в эту эпоху учатся у иностранцев, а именно у нидерландцев и немцев, работающих в позднеготическом стиле. Кроме того прогрессивная часть общества увлекается идеями итальянского гуманизма, в связи с чем и в искусство начинают проникать формы т. н. раннего итальянского Возрождения, близкие испанским в силу их подчеркнутого натурализма. Но идеи гуманизма не создали здесь

гуманитарно-философского мировоззрения, как это было в Италии. Здесь слишком слаба была буржуазия и слишком сильно было влияние феодальных группировок, а также террор инквизиционных трибуналов. Художественные

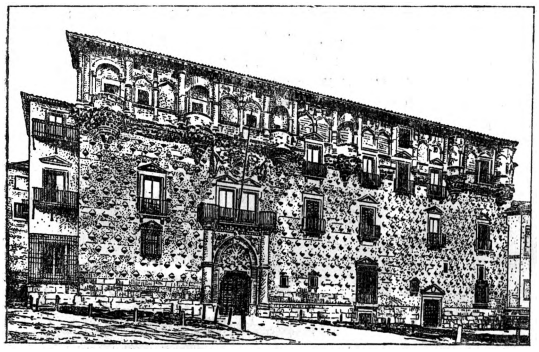


Рис. 11. Дворец герцогов Инфантадо в Гуадалахаре.

формы Италии воспринимались скорее внешне, что выражалось преимущественно в усвоении технических приемов, заимствовании орнаментальных мотивов и т. д. И в конце 15 и начале 16 вв. в Испании на основе форм поздней готики, раннего итальянского ренессанса и мавританской орнаментики создается своеобразное пышно-декоративное искусство, по силе и выразительности своих образов нередко предваряющее искусство 17 в. Наиболее своеобразные образцы встречаются в эту эпоху в скульптуре; это—надгробные памятники, седалища для хора, главным же образом заалтарные образа, т. н. ретабло (retablos), к-рые в Испании достигают колоссальных размеров, необычайного богатства украшений и декоративности раскраски. В силу особенного пристрастия к узорчатым тканям техника раскраски здесь получает название аль эстофадо (al estofado—от слова estofa—ткань, украшенная рисунком). Материал — обычно дерево, реже алебастр, к-рый также раскрашивался. Каждая из таких работ производилась под руководством мастера (trazador) целой группой его помощников разных специальностей: позолотчиками (doradores), скульпторами (imagineros), живописцами, раскрашивающими ткани (estofadores) и рисующими лица (encarnadores). В творчестве выдающегося скульптора Кастилии Хиль де Силоэ (работал между 1486 и 1500) преобладают элементы готики. Изумительной тонкостью резьбы и декоративностью раскраски славится ретабло его работы в Картухе де Мирафлорес ок. Бургоса. Здесь же находится другая его замечательная работа—гробница Хуана II и его жены Изабеллы—на оригинальном постаменте в виде восьмиконечной звезды. В ретабло королевской капеллы собора Гранады хранится работа другого известного скульптора Кастилии Фелипе де Вигарни (ум. в 1530); здесь уже ярко выступают формы ренессанса. Полны жизни и выразительности статуи работы андалузского скульптора Педро Мильян (ум. после 1512); эти черты дают знать о себе с особой силой в статуях, украшающих один из порталов собора в Севилье. Огромных размеров ретабло этого собора—работа Данкар (работал около 1480). Следует еще упомянуть талантливых скульпторов Каталонии и Валенсии, как Дамиан Формент (ум. после 1560) и Бартоломе Ордоньес (ум. 1520). Также на основе занесенных из Нидерландов и Италии художественных традиций создаются своеобразные образцы живописи, предназначавшиеся гл. обр. для украшения ретабло, в которых картины часто вкрапливались в скульптуру. Выразительны и монументальны работы каталонских живописцев, как Пабло Вергос (ум. в 1496; ретабло со сценами из жизни св. Винсента в музее Барселоны) и Бартоломе Вермехо (род. ок. 1440, ум. ок. 1500; Сан Доминго де Силос в археологическом музее Мадрида). В Кастилии по силе выполнения, умелости рисунка и жизненности бытовых сцен выделяются работы Педро Берругете, умершего в 1506 (напр. эпизоды из жизни св. Доминика—сцены инквизиции в Музее Прадо). При дворе предпочитали иностранцев—северян. Здесь работали Хуан де Боргонья (ум. 1533) и Хуан де Фландрес (ум. ок. 1519); из местных мастеров им близок Фернандес Гальего (род. между 1440—45, ум. после 1507).

Андалузские живописцы, особенно в Севилье, гармоничностью колорита и тонкостью передачи светотени открывают путь к техническим достижениям в области испанской живописи 17 в.; таковы работы Алехо Фернандес (ум. 1543). В его картине «Мадонна покровительница», написанной для Управления по делам американской торговли в Севилье, чрезвычайно портретны типы местного купечества.

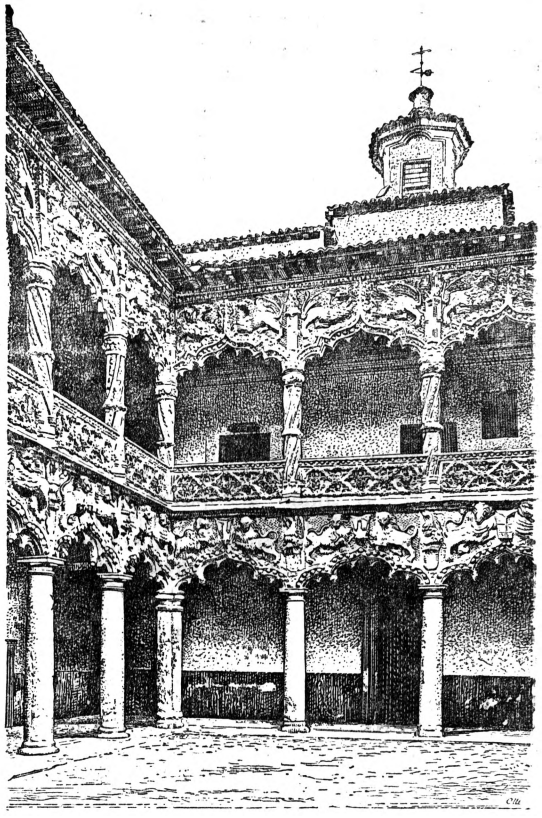
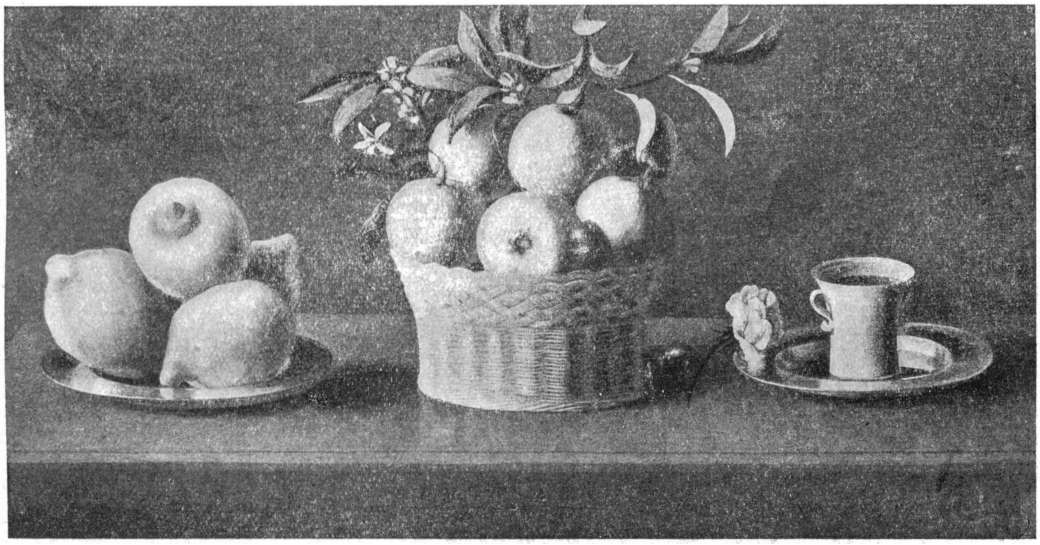


Рис. 12. Дворик во дворце герцогов Инфантадо в Гуадалахаре.

Архитектура по конструкции остается готической. Сплошное покрытие стен орнаментикой из восточных, готических и ренессансных мотивов, покрывающих плоскости, придает ей

Сурбаран. Чудо св. Гуго.
Музей Севильи.



Сурбаран. Натюр-морт.
Италия. Частное собрание.

Веласкес. Портрет папы Иннокентия X.
Рим. Собрание Дория.

Хуан Карреньо де Миранда. Портрет королевы Марианны.
Мюнхен. Старая Пинакотека.

оригинальный и крайне живописный характер. Сказочно-фантастично обилие декоративных украшений в церкви Сан Хуан де лос Рейос в Толедо (конец 15 в.), построенной по заказу Изабеллы Католической архитектором Хуаном Гуасом (ум. после 1504). Чрезвычайно богато украшены фасады церкви Сан Пабло (1467) и госпиталя Санта Крус (1484—94) в Вальядолиде. Последний построен архитектором Анекином де Егас (ум. в 1494). Из светских построек выделяется пышностью орнаментики дворец герцогов Инфантадо в Гуадалахаре (рис. 11—12).

Маньеризм. 16 в. Первые Габсбурги, получив в наследство от католических королей объединенную и экономически окрепшую Испанию, вступают, при поддержке аристократии, на путь завоевательной политики. Обстановка непрерывных войн, крайне разорительная для процветавшей в предыдущую эпоху буржуазии, укрепляет положение аристократии. Вместе с духовенством последняя становится опорой испанского абсолютизма особенно во 2-й половине 16 в., когда испанский абсолютизм в лице Филиппа II приобретает почти теократический характер. Аристократия, играющая теперь руководящую роль, утверждает в искусстве свои изысканные вкусы, облекаемые в изящные итальянизирующие формы. В эту эпоху испанские мастера учатся в Италии и стремятся подражать образцам т. н. Высокого Ренессанса, но в силу отличных от Италии условий и вследствие господства аристократии в И. и. были сильны феодально-клерикальные тенденции и испанским мастерам оставалась чуждой художественная сущность т. н. Высокого Ренессанса — его формальный синтез — строго геометрическое построение пластических форм, где линия подчеркивала закономерность формы. Испанские мастера, стремясь к выразительности, акцентируют жесты и динамизируют движения, нарушая этим гармоничность целого; подражая итальянским мастерам, они претворяют их искусство в манерные и напряженные формы, несмотря на это нередко поражающие глубиной экспрессии и умелой передачей натуры. Произведения их ближе по существу к итальянским маньеристам 2-й половины 16 в., к-рым они охотно и следуют в своем искусстве. Центром искусств в это время является Кастилия, где находится двор.

Живопись и скульптура попрежнему служат почти исключительно украшением церквей и дворцовых капелл. Попрежнему воздвигаются огромные деревянные ретабло, раскрашенные al estofado; в противоположность Италии испанские мастера в эту эпоху охотно употребляют дерево. Одним из крупнейших мастеров был Алонсо Берругете (1482—16 в.), скульптор и живописец, ученик Микеланджело. Фигуры в его работах стройны в пропорциях, манерно изящны в движениях, одежды падают капризно извивающимися складками, в лицах заметна преувеличенная напряженность выражения. Колорит холодных тонов; в раскраске скульптор широко применяет золото. Лучшая его работа—ретабло из церкви Сан Бенито (разрозненные части, состоящие из скульптуры, живописи, фрагментов орнаментики, в к-рых безраздельно господствуют итальянские мотивы, хранятся в музее Вальядолида). Менее изысканно, но манерно патетично творчество скульптора Хуана де Хуни (ум в 1577; рис. 13) и скульптора и живописца Гаспара Бесерра (1520—70). В Андалузии большими почитателями итальянских маньеристов были художники Луис де Варгас (1502—68) и Пабло Сеспедес (1538—1608), художник, поэт и теоретик искусства. Здесь же работает ряд иностранцев: художники Педро де Кампанья (1503—80), Фердинанд Штурм (раб. 1531—57) и итальянский скульптор Пьетро Торреджани (1472—1522). В Валенсии славился живописец Хуан де Хуанес (1523—79). При дворе как портретисты работали художники Алонсо Санчес Коельо (1531—86), Хуан Пантоха де ла Крус (1551—ок. 1609) и семья итальянских скульпторов Леони.

Часть родовой аристократии, недовольная утратой своих феодальных прав, остается в провинции и, удалившись от всякой политической жизни, разочарованная действительностью, ищет забвения в искусстве и религиозной мистике. Особенно много представителей этой группы было в Толедо, где ярким выразителем ее вкусов являлся Эль Греко (ок. 1548—1625). Его отвлеченные образы святых, озаренные мистическим светом, нереальные, мерцающие краски, нервность и изысканность мазка вполне соответствовали вкусам местной аристократии, чей внешний облик остро передает ряд его блестящих портретов. Также высоко ценилось остатками феодальной аристократии исполненное мистицизма искусство Луис Моралеса (род. в нач. 16 в.—умер в 1586).

Рис. 13. Хуан де Хуни. Статуя Марии Саломеи. Вальядолид. Музей.

В архитектуре 16 в. наблюдается аналогичное подражание образцам итальянского ренессанса, но сущность этой архитектуры, ее конструктивная ясность и замкнутость пространства остается непонятной испанским архитекторам. Наряду с элементами ренессанса они сохраняют и конструктивные части готики. Особенно упорно готические элементы держатся в религиозных постройках, напр. в соборе в Гранаде (1525), работы архитектора Диего де Силое (ум. в 1533). Орнаментика же вся выдерживается в итальянских формах, но применяется она и в это время с большим своеобразием: необычайно измельченной работы украшения обильно и сплошным узором покрывают порталы, обрамление окон, карнизы, колонки и т. п., придавая архитектуре и этой эпохи декоративно-живописный вид; этот стиль по характеру орнаментики называется стилем платереск (estilo plateresco — от слова platero—золотых дел мастерство).—В 16 в. заметно развивается гражданская архитектура, нашедшая себе главное применение в многочисленных дворцах светской и духовной аристократии. Центральное место в этих дворцах занимают просторные внутренние дворы (patios), окруженные колоннадами, изысканно декорированными орнаментикой в стиле платереск. Наиболее интересны из них: Каса де лас Кончас в Саламанке, Каса де Миранда в Бургосе, Каса Сапорта в Сарагоссе (рис. 14), архиепископский дворец в Алькала де Эранес—произведение придворного архитектора Алонсо Коваррубиас (1488—после 1564). Одной из красивейших построек стиля платереск является также рату-

ша в Севилье, построенная архитектором Диего де Рианьо (умер в 1533; рис. 15). Во 2-й половине 16 века стиль платереск заменяется

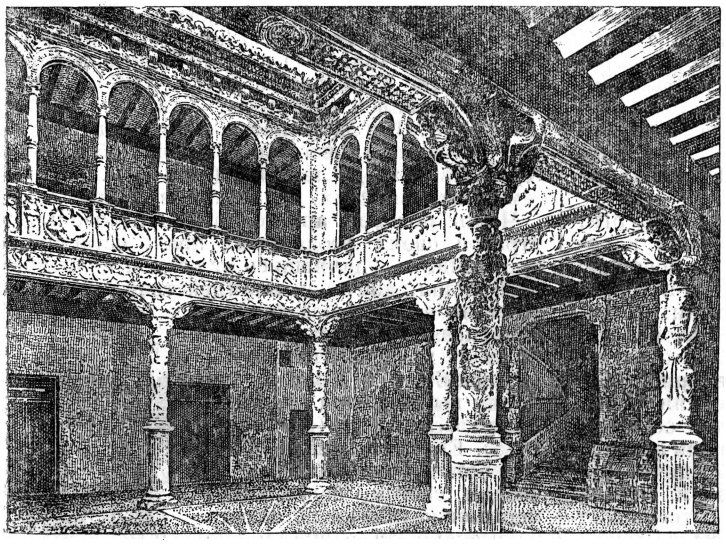


Рис. 14. Каса Сапорта в Сарагоссе.

главным образом в официальных зданиях стилем эрредиано (estilo herrediano) по имени его создателя—архитектора Хуана де Эррера (1530—1597). Этот монументальный, холодный, лишенный орнаментальных украшений стиль, основанный на игре больших архитектурных масс, вполне соответствовал строго бюрократической монархии Филиппа II, стремившейся подчинить себе весь мир. Яркий образец этого стиля—*Эскуриал* (см.)—дворец-монастырь Филиппа II (рис. 16).

Барокко. 17—18 вв. Неудачи завоевательной политики 16 века подорвали экономическую мощь Испании, а приток золота из колоний вызвал революцию цен, вздорожание наемного труда и сильное понижение земельной ренты—главного источника доходов господствующего класса. Чтобы обеспечить свое существование, служилая аристократия (гранды) и гл. обр. крайне многочисленное здесь дворянство (hidalgos—главная опора абсолютизма в эту эпоху), обновленное к этому времени немалым количеством буржуазных элементов, втягиваются в торговую и промышленную деятельность (закон о разрешении торговли дворянам в 1626) и воспринимают вместе с тем реалистическую идеологию буржуазии с ее пытливым интересом к окружающему миру. Под влиянием этого в искусстве, в противовес маньеризму 16 в., нарастают реалистические тенденции, стремление к точному воспроизведению действительности, к передаче атмосферы и т. д. Развиваясь в этом направлении, испанская живопись 17 в., несмотря на сдержанность и даже нек-рую суровость колорита, блестяще разрешает живописные задачи, предвосхищая импрессионизм 19 века С другой стороны, дворянство все еще упорно держалось за свои социальные привилегии и связанные с ними религиозно-этические идеи. В силу этой причины в искусстве, несмотря на значительно большее число светских сюжетов сравнительно с предыдущими эпохами, все же преобладает религиозная тематика, но ее идеи воплощаются в реалистических формах. При этом интерес к внутреннему миру, а не к одной формальной красоте, находит себе выражение в глубоком психологизме художественных образов и в передаче душевной динамики, в частности мистического экстаза; психологизм обусловливает и особую высоту портретного искусства в Испании (доминирующая отрасль светского искусства этого времени).

В связи с продолжающейся дифференциацией искусства наравне с ретабло становятся распространенными самостоятельные картины и скульптура, в к-рых испанские мастера, не любившие сложных композиций, предпочитают изображение единичных фигур, сильных и выразительных, но в то же время простых и жизненных. Реалистическое движение в искусстве началось впервые в тех торговых центрах Испании, где сильнее чувствовалось влияние буржуазии, именно в Севилье (водный путь в Америку) и Валенсии; оно нашло свое наиболее яркое выражение в живописных произведениях. В Севилье можно отметить два направления в постановке и разрешении новых проблем. Одно, более живописное, работает над проблемами колорита, света и тени. Лучшие представители этого направления:

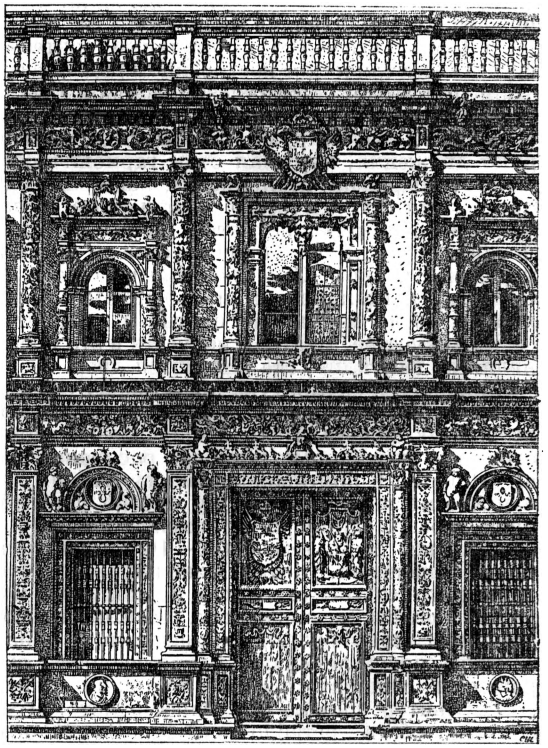


Рис. 15. Ратуша в Севилье.

Хуан де Роелас (1558—60—1625), в зрелых произведениях к-рого, исполненных в теплой гамме красок, сильно смягчены переходы от света к тени обобщенным серебристо-розовым тоном (мученичество св. Андрея в музее Се-

Мурильо. Бегство в Египет.

Музей изобразительных искусств. Москва.

Мурильо. Игра в кости.
Мюнхен. Старая Пинакотека.

Рибейра. Хромоногий.
Париж. Лувр.

вильи); Франческо Эррера Старший (1576—1656), живопись к-рого отличается необычайно свободной манерой письма и смелостью колористических сочетаний (св. Василий в Лувре).

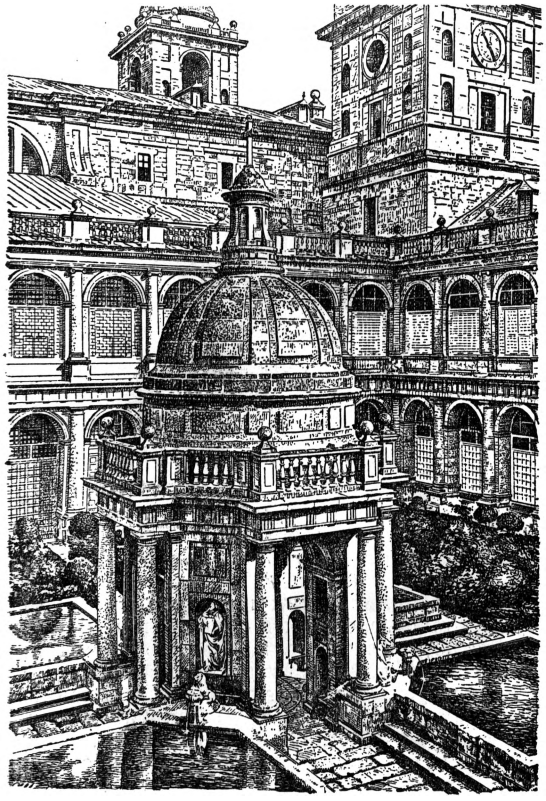


Рис. 16. Внутренний вид монастыря в Эскориале.

Другая группа представляла собой главным образом теоретиков искусства, изучавших законы академической композиции, рисунка, технических приемов и т. д.; из них выдаются Пабло де Сеспедес (1538—1608), Франсиско Пачеко (1564—1654), автор работы «Arte de la Pintura», учитель и зять Веласкеса.

Слияние этих направлений подготовило в Севилье появление блестящих живописцев, выдвинувших Испанию в области живописи на первое место в Европе в 17 в. Таковы Франсиско Сурбаран (1598—1664), в своих работах достигающий поразительной силы, насыщенности колорита, жизненности и монументальности образов (св. Лаврентий в Эрмитаже, св. Касильда в Прадо, Мадрид). Высококачественны и его натюрморты, напр. в музее в Киеве. Лучшие из его последователей—братья Польянкос. Севильцем же по происхождению и образованию был Диего де Сильва *Веласкес* (см.) (1599—1666), придворный живописец Филиппа IV, гениально разрешивший в живописи проблему воздуха и света. Его картины выдаются по легкости мазка, живописности фактуры и тонкости и гармоничности красочных сочетаний. Наибольшей силы Веласкес достигает в портретах, где он помимо исключительно живописных достоинств обнаруживает при необыкновенной простоте оформления изумительное искусство в передаче психического облика изображенных им лиц (портрет папы Иннокентия X в Риме). Его лучшие последователи — Хуан Мартинес дель Масо (ок. 1612—67), Антонио Пуга (род. ок. 1653), Хуан де Пареха (1606—70). Во 2-й половине 17 в. политические неудачи Испании приводят страну к еще большему экономическому упадку, чем и пользуются реакционно-феодальные группировки, и феодально-клерикальное направление берет снова верх. В связи с этим в искусстве появляется стремление к большей идеализации действительности; кроме того художники, отходя от широких проблем, ставят главной своей целью красивость, даже нек-рую слащавость форм, изящество колорита и т. д. В Севилье лучшие художники этого направления: Эстебан Мурильо (1618—82), картины которого выдаются воздушностью и гармоничностью колорита (ряд картин в Эрмитаже и Гос. музее изобразительных искусств в Москве), Вальдес Леаль (1622—90), отличающийся смелостью колорита и виртуозностью живописной манеры («Аллегория бренности жизни» в музее в Севилье).

Скульптура также дает наиболее яркие образцы реалистического направления 17 в. в Андалузии. Преобладающим материалом остается дерево, но раскраска его становится натуралистичнее наряду со стремлением к однотонности красок и живописности фактуры. Характерны и высоки по художественному оформлению работы севильца Хуана Мартинеса Монтаньеса (1562—1649), чьи единичные статуи отличаются мягкостью контуров и гармоничностью раскраски при умелой передаче внутренней жизни (статуя святого Бруно в соборе Кадикса; рис. 17). Его лучшим последователем является Алонсо Мартинес (умер в 1668). По силе резца и тонкой индивидуализации типов выдаются работы гранадского скульптора Педро де Мена Медрано (1628—88; рис. 18). В Гранаде же работал известный живописец и скульптор 17 в. Алонсо Кано (1605—67). В Валенсии начало реалистическому направлению положил живописец Франсиско Рибальта (1551—1628), воспринявший влияние *Караваджо* (см.), вождя итальянских натуралистов. Валенсьянцем же по происхождению и учеником Рибальта был известный Хусепе де Рибера (1588—1656), позднее работавший в Неаполе. Для его творчества характерна драматичность и любовь к темной насыщенной гамме красок (портреты в Государственном музее изобразительных искусств в Москве).

Рис. 17. Монтаньес. Св. Бруно. Собор в Кадиксе.

Мадридская школа живописи, обслуживавшая гл. обр. придворные круги, во многом еще следовала иностранцам—итальянцам и фламандцам; пышность и виртуозность их искусства высоко ценились придворной аристократией. Так работали Висенте Кардучо, автор сочинения «Diálogos de la Pintura» (1578—1638),

и Франсиско Риси (1608—85); позднее—Матео Сересо (1635—85), Клаудио Коельо (1642—93) и Кареньо де Миранда (1614—85). Более реалистического направления придерживались в Мадриде Антонио Переда (1599—1678), особенно славились его натюрморты (натюрморт с раковинами в Гос. музее изобразительных искусств в Москве). В Мадриде лучшими представителями реалистического направления в скульптуре являются Грегорио Эрнандес (1576—1636), один из первых порвавший здесь с маньеристическим направлением 16 в., и Мануель Перейра (ум. 1667).

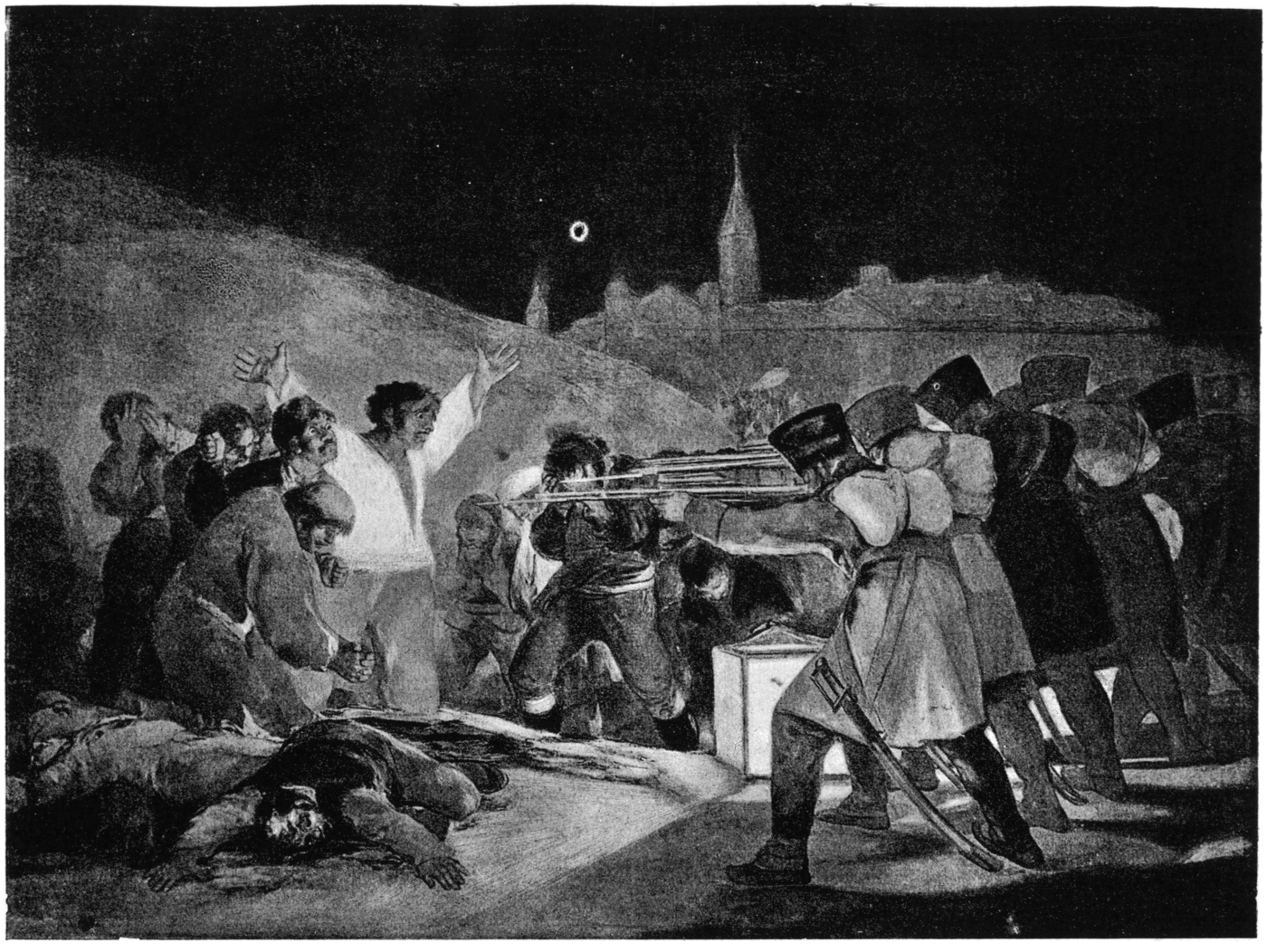
Архитектура Испании и в 17 в. не совсем еще освободилась от иноземных форм, а именно: она пользовалась образцами т. н. итальянского барокко, распространителем к-рого здесь являлся орден иезуитов. В 1-й половине 17 в. архитектура Испании отличается известной строгостью форм и сдержанностью декоративных украшений. Своеобразный характер ей придают: нередкая замена пилястр и колонн лопатками и оформление капителей не классическими ордерами, а языкообразными пластинками, заходящими одна на другую. Первым вводит здесь элементы барокко в архитектуре Хуан Гомес де Мора (работал в 1-й пол. 17 в.) (иезуитская коллегия в Саламанке); монументальны церкви, построенные архитектором иезуитом Франсиско Баутисто (ум. после 1667),—Сан Исидро Эль Реаль в Мадриде; богатство фантазии проявляет в своих постройках Алонсо Кано (фасад собора в Гранаде). Во 2-й половине 17 в. в связи с нарастанием реакционных тенденций архитектура Испании, утрачивая строгость форм, принимает все более атектоничный и живописный характер. Декоративные элементы в ней становятся все обильнее и роскошнее, что особенно ярко выявляется к концу 17 в. в стиле «чурригереск» (estilo churrigueresco), по имени его создателя Хосе Чурригера (1650—1727)—ратуша в Саламанке. Этот стиль в 1-й половине 18 в. у последователей Хосе Чурригера, особенно в убранстве внутренностей церквей и в украшениях ретабло, достигает крайних пределов пышности в силу необычайной насыщенности статуями, картинами и орнаментикой, а наличие в этой последней наряду с барочными мотивами мотивов индо-мексиканских создает впечатление экзотики, напр. сакристия в Картезинском монастыре в Гранаде, работы архитекторов Хосе Мануеля Васкес (1697—1765) и Луиса де Аревало (раб. в 1-й пол. 18 века; знаменитый «Транспаранте», обратная сторона главного алтаря в соборе Толедо, работы Нарсисо Тома (архитектор, скульптор и живописец, ум. после 1738). Новых зданий возводится немного, но у ряда прежних переделываются фасады. Из них наиболее интересны фасад дворца Сан Тельмо в Севилье — архитектор Леонардо Фигероа (работал в 1700—25) — и фасад собора в Мурсии—архитектор Хатиме Борт (работал во 2-й пол. 18 в.).

Рис. 18. Педро де Мена. Мария Магдалина. Мадрид. Прадо.

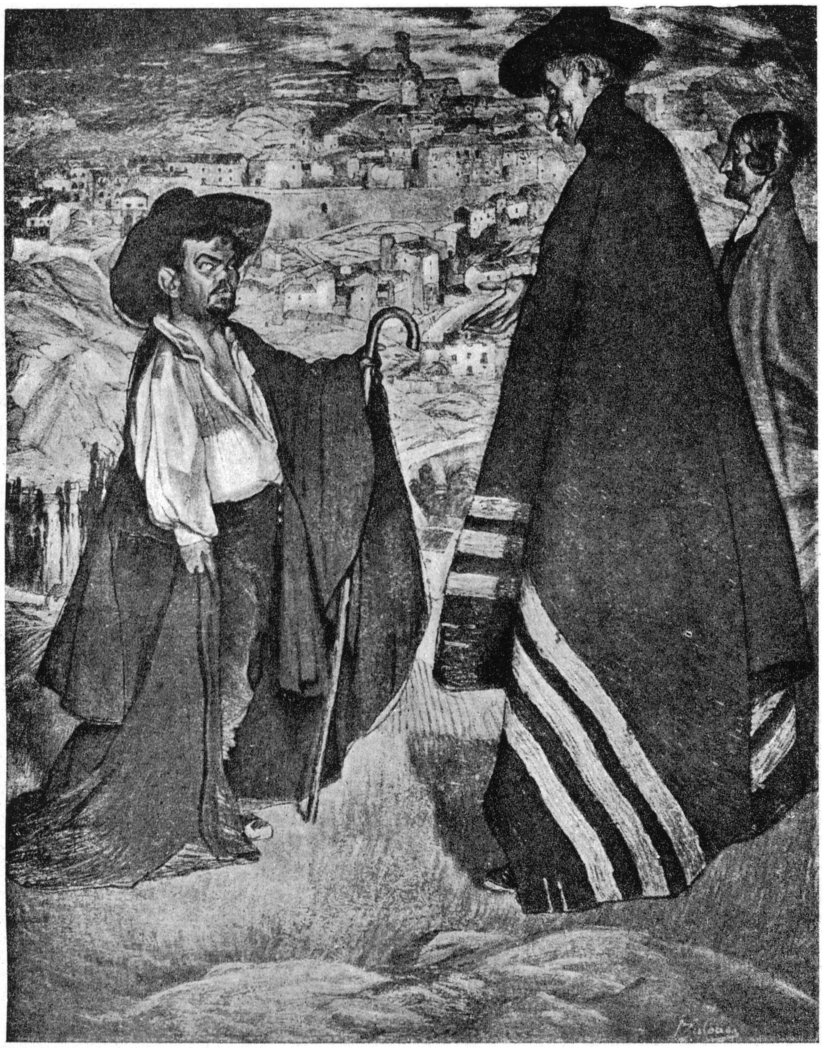
В скульптуре и живописи 1-й половины 18 в. попрежнему не малое место отводится религиозной тематике; деланные позы, аффектированные жесты, прикрашенные обычно до слащавости лица вполне созвучны стилю Чурригера. Из скульпторов (работающих преимущественно в дереве) выдаются: Франсиско Сарсильо (1707—81) и Алонсо Вильябриле (раб. в 1-й пол. 18 в.); из живописцев, к-рыми крайне бедна Испания в это время, наиболее значителен Антонио Паломино Веласко (1653—1726), автор сочинения «Museo pictorico y escala optica». В это же время начал свою деятельность выдающийся натюрмортист Испании 18 века Луис Менендес (1716—80). При дворе в продолжение всего 18 века предпочитались работы иностранцев. Здесь работали художники: Лука Джордано, Амигони, Джамбаттиста Тьеполо, Антон Рафаель Менгс; архитекторы: Филипе Хувара (Филиппо Ювара), Джованни Баттиста Сакетти и др.

Ко второй половине 18 в. ясно обнаружилось падение внешнеполитического значения Испании, что отразилось и на авторитете абсолютной власти, к-рая пыталась восстановить свое положение, опираясь на крупную буржуазию, идя навстречу ее либеральным требованиям. Окрепнув политически и экономически, буржуазия оказывает более сильное влияние и на искусство, культивируя строгие формы академического классицизма, процветавшего гл. обр. в крупных центрах Испании. Главными проводниками этого направления являются: в архитектуре — Вентура Родригес (1717—85), первый профессор по архитектуре в основанной в Мадриде в 1753 Академии Сан Фернандо; в скульптуре—Луис Сальвадор Кармона (1709—1767), позднее Франсиско Гутьеррес; в живописи — Антонио Гонсалес Веласкес (1729—93), Антонио Виладомат (1678—1755), Франсиско Байе (1734—95), Марионо Маелья (1739—1819). Нек-рую дань академизму отдал в известной поре своего творчества и выдающийся живописец 18 в. Франсиско Хосе де Гойя Лусиентес (см. *Гойя*) (1746—1828) (напр. портрет художника Франсиско Байе в Прадо), достигший в своих произведениях изумительной свободы и блеска мазка наряду с необычайной остротой восприятия жизни (например семейный портрет короля Фердинанда VI). Гойя также являлся выдающимся офортистом (не без влияния французской революции); в своих офортах он беспощадно бичует пороки современных ему аристократии и духовенства. Лучшие из его последователей—Висенте Лопес и Эухенио Лукас (1821—76). *К. Малицкая.*

Испанское искусство новое и современное (от последней трети 18 в. до наших дней). Родоначальником новой испанской живописи следует считать Франсиско *Гойю* (см.). Начав свой творческий путь типичным мастером рококо, он закончил его ярким реалистом, во многом усвоившим передовые течения буржуазной мысли. Преемником Гойи в роли первого столичного портретиста был Висенте Лопес (1772—1850), стремившийся к вылощенности письма, академической безупречности и точности рисунка. Для его эпохи характерно подражание французскому классицизму, последователями к-рого являются также Хосе Апарисио (1781—1859). Хуан Антонио Рибера (1779—1860) и при-



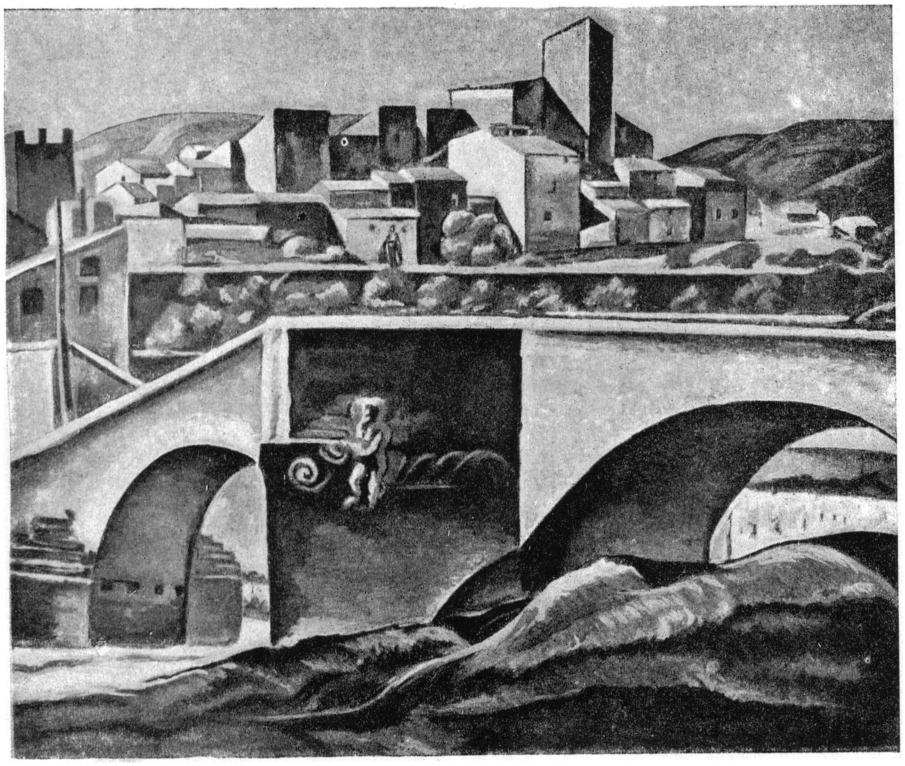
Гойя. Расстрел 2-го мая.
Мадрид. Прадо.



Игнасио Сулоага. Старая Кастилия.
Частное собрание.

Эрменхильдо Англада. Гитаны.
Музей новой зап. живописи Москва.

Гуттере Солана. Семейный портрет.
Национальный музей нового искусства. Мадрид.



Г. Меркаде. Крепость.
Частное собрание.

дворный живописец Хосе де Мадрасо (1781—1859). Заслуживают упоминания и такие портретисты, как Антонио Мария Эскивель (1806—1857) и Федерико Мадрасо (1815—1894), смело выдерживающие сравнение с Винтергальтером или с К. Брюлловым. В целом однако И. и. 19 в. (особенно архитектура и скульптура) носит сравнительно отсталый характер, что в значительной степени объясняется отсталостью испанского капитализма.

Для второй половины 19 в. характерно преобладание исторической живописи академического типа и жанра с «литературной тенденцией» (анекдотические сюжеты). Валериано Домингес Бекер (1834—70) был одним из первых жанристов, б. или м. правдиво изображавших крестьян. С его дней до нашего времени испанские буржуазные художники посвятили много картин труду и быту рабочих и крестьян, но в их произведениях отсутствуют обличительно-социальные и политические тенденции.

Начинателями формально-стилистического обновления сюжетной (исторической и жанровой) живописи были Росалес (1836—73) и Мариано Фортуни (1839—74), преодолевшие наследие классицизма и вместо академической пластичности формы утвердившие тональную живописность. Фортуни, гениальный виртуоз кисти, одним из первых открыл «пленэр». Его достижения благотворно повлияли на стиль крупнейших реалистов, прославившихся после его смерти: Хосе Вильегаса (1848—1921), Хосе Хименес-Аранды (1837—1903) и Франсиско Прадильи (1848—1921). Эти три классика буржуазного реализма писали и жанровые сцены с психологическим содержанием и исторические картины, получившие в последней четверти 19 в. мировую известность (напр. эпизоды из венецианской истории Вильегаса или «Сдача Гранады в 1492» Прадильи).

С 1890, когда империалистические тенденции обнаружились в области внешней политики европейских держав, в сфере художественной появляются признаки импрессионистического направления, связанного с возникновением «экзотической» живописи. Его пионерам—Сороле (1863—1923), яркому изобразителю валенсийского приморья, или Хоакину Миру (р. 1873), каталонскому автору многокрасочных пейзажей,—приходилось долго отстаивать новое течение у непонимавших его зрителей и заказчиков, представлявших помещичьи круги. Ряд передовых буржуазных художников конца 19 и начала 20 вв. переносит свою деятельность в Париж. Именно во Франции завоевывают мировую известность Эрменехильдо Англада (р. 1872), смелая, яркая кисть к-рого запечатлела фигуры цыган и танцовщиц, мир кабаре, притонов и бульваров, и Игнасио *Сулоага* (см.) (р. 1870), сочетавший изображение народного типажа и подражание колориту Веласкеса и Гойи с элементами модернизма и импрессионизма (картины обоих мастеров имеются в Музее нового западного искусства в Москве). Помимо салонных портретов Сулоага создал много монументально-жанровых картин, в которых бесконечно варьировались традиционные испанские типы (особенно женщин в мантильях и праздничных узорчатых платьях). Наиболее своеобразны те картины Сулоаги, в которых он дал красочные фигуры представителей народных низов на фоне провинциальных городков («Женщины Сепульведы», «Старая Кастилия»). В наст. время Сулоага пишет гл. обр. портреты, свидетельствующие об устойчивости его стиля, формальная эволюция к-рого сводится к изживанию элементов импрессионизма и к усилению четкой линейной прорисовки фигур. После Международной выставки 1911, на к-рой Сулоага и Сорольа были хорошо представлены, они были признаны буржуазной Испанией величайшими национальными художниками. Сорольа бесспорно сохранит свое место в мировой истории искусства как один из самых жизнерадостных импрессионистов, творчество которого, пронизанное светом и воздухом, дает крепкие здоровые образы.

Между братьями Валентином и Рамоном Субиаурре и Хосе Гутверрес-Солана сходство заключается в увлечении крестьянским бытом северных провинций страны и в разработке торжественно-графического живописного стиля. Но в то время как оба брата дают важные, серьезные и суровые фигуры сельской буржуазии, Гутверрес-Солана склоняется к гротеску и специализируется на изображении карнавалов и народных игр с жуткими масками.

Модернисты Э. Чичарро и Хулио Ромеро де Торрес в своих пропитанных символизмом архаизирующих картинах создали образцы реакционного буржуазного искусства, навеянного парижскими салонами довоенного времени. Классическое реалистическое направление представляют в настоящее время Х. М. Родригес-Акоста (род. 1878), Мануель Бенедито и Лопес-Мескита.

Особняком стоящий Пабло *Пикасо* (см.) (род. в Малаге в 1881) в раннем периоде деятельности сходится со своим поколением в следовании старым живописным традициям, но трактует национальные образы совершенно по-новому. Покинув Испанию в 1901 и поселившись в Париже, Пикасо до войны влияет только на немногих испанских художников, эмигрировавших подобно ему из отечества (крупнейший из них Х. Гриз, ум. в 1926). После империалистической войны, из к-рой Испания извлекла экономические выгоды благодаря своему нейтралитету, и особенно после провозглашения республики господство созревшего финансового капитала создало предпосылки для признания Пикасо правящими буржуазными кругами и для развития крайних «левых» течений, перенесенных из современного буржуазного искусства Франции. Представители этих течений (кубисты, сюрреалисты и т. п.) объединились в Федерацию иберийских художников (Sociedad de Artistas Ibericos), к-рая устроила свою первую выставку в Испании в 1925, а в 1932 организовала нашумевшую выставку в Копенгагене и Берлине. Среди «левых» художников самыми оригинальными считаются Васкес-Диас, Баррадас, Мирó и в особенности Сальвадор Дали (первая выставка в Париже в 1929), к-рый после периода неоклассических исканий стал сюрреалистом и в наст. время борется кистью и словом за «полное дискредитирование действительного мира».

Основные этапы развития графики могут быть охарактеризованы на следующих примерах: в последней четверти 19 в.—академический классицизм (в стиле Флаксмана и Ф. Толстого), гравюры Хоакина Ди-и-Моргалля и тоновая репродукционная гравюра Бартоломе Мауры; в конце века—иллюстрации Даниеля Уррабьеты (1851—1904) к классическим литературным произведениям; во втором и третьем десятилетиях 20 в.—карикатура и сатирический альбом

«Живописная Каталония» Ксавье Ногеса, а также графика Франсиско Матеоса и др.

В 1920-х гг. в рабочих газетах впервые выступают представители революционной графики. Первыми из них был Хуан Баутиста Ачер, посылавший под псевдонимом Сум (Shum) из тюрьмы (где он пробыл много лет при монархии) свои рисунки в революционную прессу, между прочим в орган испанской компартии. В 1925 в Севилье была устроена первая выставка Гелиоса Гомеса, экспонаты к-рой были типичны для раннего периода творчества художника, когда он был участником анархо-синдикалистского рабочего движения. Главным произведением второго периода (1928—30) Гомеса является графическая сюита «Дни гнева», в которой художник, используя кубистические приемы, разоблачает испанскую монархию, фашизм и репрессии против рабочего движения. Третий период Гомеса, крупнейшего представителя революционного искусства, начинается после 1930. В этот—коммунистический—период он создает серию больших рисунков «Испанская революция», в к-рой отражает подъем рабочего и крестьянского движения под руководством компартии.

Лит.: Cean Bermudez J. A., Diccionario histórico de los mas ilustres profesores de las bellas Artes de España, 6 vls, Madrid, 1800; Pacheco F., El Arte de la pintura, Sevilla, 1649 (2 изд., Madrid, 1866); Carducho V., Diálogos de la pintura, Madrid, 1633; Martinez J., Discursos practicables del nobilissimo arte de pintura, sus rudimentos, medios, etc., Zaragoza, 1853; Palomino de Castro y Velasco A., El Museo pictórico y escala óptica, t. I—II, Madrid, 1715—24; Ponz A., Viage de España..., 18 vls, Madrid, 1772—94; El arte en España (Revista quincenal de las artes del dibujo, dirigida por D. G. Cruzada Villaamil), 8 vls, Madrid, 1862—69; Sanchez Canton F. J., Fuentes literarias para la historia del Arte Español, t. I—II, III, Madrid, 1923—34; Dieulafoy M., Histoire générale de l'art, t. V—Espagne et Portugal, P., 1913; Justi C., Miscellaneen aus drei Jahrhunderten spanischen Kunstlebens, 2 Bde, Berlin, 1908; Caveda J., Ensayo histórico sobre los diversos géneros de arquitectura empleados en España, desde la dominación romana hasta nuestros días, Madrid, 1848; Monumentos arquitectónicos de España (89 cuadernos... por Rodrigo Amador de los Rios), Madrid, 1859—86; España Artística y Monumental (Obra dirigida y ejecutada por G. Perez de Villa-Amil), 3 vls, P., 1842—50; [Gurlitt und] Junghändel M., Die Baukunst Spaniens, 10 Lfgn, Dresden, 1889—98; Uhde C., Baudenkmäler in Spanien und Portugal, Berlin, 1899; Schubert O., Geschichte des Barocks in Spanien, Esslingen, 1908; Frischauer A. S., Altspanischer Kirchenbau, Berlin, 1930; Haupt A., Geschichte der Renaissance in Spanien und Portugal, Stuttgart, 1927; Lamperez V., Historia de la Arquitectura christiana española en la Edadmedia, Madrid, 1908 (то же, 1931); Carreros C. S., Castillos en España, [Madrid], 1932; King G. G., Preromanesque churches of Spain, N. Y., 1924; Tormo y Monzó E., Las iglesias del antiguo Madrid, Madrid, 1927; Juan de M. Carriaso y M. E. Campos Cazorla, L'architecture visigothe, asturienne et mozarabe, P., 1929; Weise G., Studien zur spanischen Architektur der Spätgotik, Reutlingen, 1933; Calzada A., Historia de la arquitectura en España, v. I—II, 2 ed., Barcelona, 1933; Puigi y Cadafalch J., Le Premier Art roman (L'architecture en Catalogne et dans l'Occident méditerranéen aux 10-e et 11-e siècles), P., 1928; Araujo Gómez F., Historia de la escultura en España, Madrid, 1885; Dieulafoy M., La statuaire polychrome en Espagne, P., 1908; Lafond P., La sculpture espagnole, P., 1908; Loga V., v., Die spanische Plastik vom 15—18 Jahrh., Berlin, 1910; Serrano Fatigati E., Escultura en Madrid desde mediados del Siglo XVI hasta nuestros días, Madrid, 1912; Mayer A. L., Spanische Barock-Plastik, München, 1923; его же, Mittelalterliche Plastik in Spanien, München, [1922]; Porter A. K., Romanesque sculpture of the pilgrimage roads, v. I—X, Boston, 1923 (особ. см. тт. V и VI); его же, Spanish Romanesque sculpture, N. Y., 1929; Mayer A., Gotische Portalskulpturen in Spanien, Lpz., [1923]; его же, Geschichte der spanischen Malerei, 2 Aufl., Lpz., 1922; Lefort P., La peinture espagnole, P., 1893; Loga V., v., Die Malerei in Spanien vom 14 bis 18 Jahrh., Berlin, 1923; Kehrer H., Spanische Kunst von Greco bis Goya, München, 1926; Paris P., La peinture espagnole..., P., 1929; Grautoff O., Spanien, в книге: Handbuch der Kunstwissenschaft, hrsg. von A. E. Brinckmann, Lfg 265—266, Wildpark—Potsdam, б. г.; Lozoya (Marqués de), Historia del Arte hispánico, v. I—II, Barcelona, 1932—34; Post C. R., A history of Spanish painting, v. I—IV, Oxford, 1930—34; Beruete y Moret A., de, Spanish painting, London, 1921; Sentenach N., La pintura en Madrid..., Madrid, 1907; Sanpere y Miquel S., Los Cuatrocentistas Catalanes, 2 vls, Barcelona, 1906; Tormo y Monzó E., Desarrollo de la pintura española del siglo XVI, Madrid, 1902; Mayer A., Die Sevillaner Malerschule, Lpz., 1911; Rouchès G., La peinture espagnole, I—Le Moyen âge, P., 1928; Sanchis Sivera, Pintores medievales en Valencia, Valencia, 1932; Kuhn C. L., Romanesque mural painting of Catalonia, Oxford, 1930; Mayer A., Dibujos originales de maestros españoles [Handzeichnungen spanischer Meister], 2 Bde, Lpz., 1920; см. также ст. К. Юсти об И. и. в путеводителе Бедекера, изд. разных стран на разных языках.

Испанское искусство новое: Mayer A. L., Historia de la pintura española, Madrid, 1928 (p. 468—486); Beruete y Moret A., de, Historia de la pintura española en el siglo XIX (Elementos nacionales y extranjeros que han influído en ella), Madrid, 1926; его же, Spanish painting, London, 1921; Cascales Munoz J., Las Bellas Artes plásticas en Sevilla... desde el siglo XIII hasta nuestros días, 2 tt., Toledo, 1929.

Г. Корсунский.

ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО (война за). К концу 17 в. Испания с ее огромными колониями в Америке, Азии, Африке, с ее владениями в Зап. Европе все более подпадала под политическое влияние Франции, стремившейся к установлению своей гегемонии в Европе. Жесткий протекционизм французской экономической политики угрожал буржуазии крупнейших морских держав—Англии и Нидерландов—не только захватом испанских и колониальных рынков, но и франц. морской гегемонией. Поэтому, когда после смерти испанского короля Карла II (1700) прекратилась династия испанских Габсбургов и Людовик XIV добился того, что его внук, принц Анжуйский, был признан Испанией королем под именем Филиппа V, против Франции и Испании составилась коалиция из Англии, Нидерландов, Австрии, Дании, большинства германских государств, а позже Савойи и Португалии. Коалиция поддерживала право на испанский трон эрцгерцога Карла, сына герм. императора Леопольда I. Францию и Испанию поддерживали курфюрсты Баварский и Кёльнский. В этой длительной войне, ведшейся одновременно в Нидерландах, Германии, Испании и Сев. Италии, французские и испанские войска потерпели поражения от войск противников, возглавляемых *Мальборо* (см.) и принцем *Евгением Савойским* (см.). Особенно значительными были поражения в битвах при Гохштедте (1704), при Рамильи (1706), Уденарде (1708), Мальплаке (1709). В то же время идет ожесточенная борьба на море: обе стороны стремятся уничтожить морскую торговлю усиленным развитием *каперства* (см.). Экономическое истощение Франции, которое привело уже в первые годы войны к восстанию крестьян (*камизары*, см.), захват коалицией курфюршеств Кёльнского и Баварского, Северной Италии, Испанских Нидерландов, Гибралтара, вторжение в Испанию и даже Францию заставили Людовика XIV искать мира. В то же время обнаружились разногласия в самой коалиции; тори, сменившие вигов у власти в Англии, были недовольны издержками войны, ложившимися гл. обр. на Англию; с другой стороны, нидерландская буржуазия не без основания подозревала Англию в стремлении извлечь исключительные выгоды из начавшихся мирных переговоров. Французская армия добивается ряда успехов (победы Вандома при Вильявисиоза 1710 и Виллара при

Денене 1712). Когда же австрийский претендент на испанский трон был избран императором Священной Римской империи под именем Карла VI (1711), то коалиция распалась. Англия, Нидерланды и их союзники заключили с Францией и Испанией мир в Утрехте (1713, см. *Утрехтский мир*); Австрия и ее германские союзники—в Раштадте (1714, см. *Раштадтский мир*). Филипп V отказался от своих прав на французскую корону и был признан королем Испании, которая удержала свои колонии. Людовик XIV признал на английском троне Ганноверскую династию, согласился срыть укрепления Дюнкирхена и отказался от плана объединения Франции и Испании. Австрия получила Испанские Нидерланды, Милан, Мантую, Тоскану, Сардинию, Неаполь; Савойя—Сицилию и Ниццу; Нидерланды оккупировали пограничные крепости в Юж. Нидерландах, получили Верхний Гельдерн и Ванлоо. Англия получила Акадские земли по Гудзонову заливу в Сев. Америке, Гвиану, Гамбию, о-в Христофора, Гибралтар, порт Магон, Минорку, Сан-Доминго, Сиенто и кроме того по особому договору право ввоза рабов в испанские колонии. Война за испанское престолонаследие нанесла сильный удар хозяйству и политическому значению Франции и создала перевес морской и колониальной мощи Англии. *В. Васютинский.*

ИСПАНЦЫ. В формировании испанской народности приняли участие самые разнообразные этнические элементы: древние *иберы* (см.) (остатком их являются баски), *кельты* (см.), римляне, германцы, гл. обр. вестготы, арабы, а отчасти также финикийские и карфагенские колонисты и выходцы из Франции и др. стран Зап. Европы в эпоху борьбы христиан с мусульманами, наконец евреи и цыгане (см. *Испания*, История). Несмотря на это в антропологическом отношении И. представляют довольно однородную массу, характеризуемую преобладанием брюнетического типа, ростом немного ниже среднего, весьма умеренной долихоцефалией и т. д. Больше разнообразия имеется в лингвистическом отношении. Если даже оставить в стороне басков, стоящих по языку совершенно изолированно, в остальной Испании можно различить три самостоятельных языка: испанский в средней и южной части Пиренейского п-ова, провансальский на С.-В. и галисийский на С.-З. (наречие португальского языка). Сообразно с этими языковыми особенностями и в этнографическом отношении Испания может быть разделена на три обширных провинции. На С.-З. в быту еще недавно можно было встретить много черт, восходящих к римской, а частично к доримской эпохе: архаические земледельческие орудия, примитивная упряжка волов, круглые жилища, с.-х. постройки на столбах, напоминающие свайные постройки. Область провансальского языка, особенно Каталония, являясь наиболее промышленной частью Испании, сохранила в быту меньше черт старины и меньше этнографического своеобразия. Наконец область испанского языка характеризуется наиболее сильным арабским влиянием, сохранившимся лучше всего в архитектурных памятниках и в народном искусстве (см. *Испанское искусство*). Жизнь испанского крестьянства и испанского пролетариата, находящихся под суровым гнетом буржуазии, представляет мало ярких своеобразных черт. Кроме Испании значительное число И., сохранивших лишь некоторые старые этнографические особенности, живет в Южной и Центральной Америке. *А. Максимов.*

ИСПАНЬОЛА, или Эспаньола (Española), название, данное Колумбом о-ву *Гаити* (см.).

ИСПАРЕНИЕ, переход вещества из жидкого состояния в газообразное (парообразное). Явление испарения может происходить не иначе, как со свободной поверхности жидкости (т. е. такой поверхности, к-рая отделяет жидкость от «пустоты» или от газообразной среды). Образующийся пар распространяется в смежном с жидкостью пространстве. При этом можно различить два главных случая: 1) когда это пространство ограничено твердыми стенками из материала, индиферентного к пару, и имеет всюду одинаковую температуру (пример—пространство над водой внутри парового котла); в этом случае давление выделяющегося пара и его плотность достигают нек-рой предельной величины, при к-рой пар находится в равновесии с жидкостью; такой пар называется насыщенным; 2) когда смежное с жидкостью пространство не ограничено (примером служит испарение в атмосферу). Этот второй случай значительно сложнее, и ход явления зависит здесь от многих условий; состояние равновесия пара с жидкостью, т. е. состояние насыщения, достигается здесь лишь в исключительных случаях. Мерой скорости испарения служит весовое количество жидкости, улетучивающееся в единицу времени с единицы свободной поверхности жидкости. Экспериментальным исследованием скорости испарения жидкостей впервые занимался Дальтон, который нашел, что скорость испарения P прямо пропорциональна разности между давлением F, какое имел бы насыщенный пар при температуре испаряющейся жидкости, и давлением f пара, уже находящегося над жидкостью; далее P обратно пропорционально давлению H постороннего газа (напр. воздуха), в атмосфере которого происходит испарение. Эти результаты выражаются формулой:

$$P = \frac{C}{H}(F - f),$$

где C—коэффициент пропорциональности. Из формулы между прочим следует, что при $H = 0$ P бесконечно велико, т. е. испарение в пустоту происходит с весьма большой скоростью (по крайней мере, если разность $F-f$ не очень мала, т. е. если пространство над жидкостью не очень близко к состоянию насыщения). Дальтон нашел, что значение множителя C зависит от того, происходит ли И. в спокойной атмосфере или в движущейся: скорость И. увеличивается, если образующийся над жидкостью пар уносится воздушными течениями. Согласно исследованиям Марселена, на границе с жидкостью всегда образуется равновесный слой насыщенного пара, который переходит в окружающий газ путем диффузии или переноса (конвекции). Поверхностный слой жидкости охлаждается при И. благодаря затрате энергии на преодоление сил сцепления между молекулами жидкости и на совершение внешней работы против давления газа. Путем теплопроводности температура поверхностного слоя выравнивается с температурой жидкости. Скорость испарения определяется скоростью диффузии и конвекции пара и величиной теплопроводности внутри жидкости. Затрачиваемая при И. энергия черпается из запаса внутренней энергии, принадлежащей как окружающим телам, так и самой испаряющейся жид-

кости. Отсюда — часто встречающееся явление охлаждения при И.: оставив мокрую руку на воздухе, мы чувствуем холод. Если И. происходит путем равновесного изобарического процесса, причем температура жидкости и образующегося пара—одна и та же, то количество тепла, затрачиваемого на И. единицы массы жидкости, носит название скрытой теплоты испарения или просто теплоты И. Часть этого тепла идет на повышение внутренней энергии единицы массы вещества (так. наз. внутренняя скрытая теплота И.); остальная часть (внешняя скрытая теплота И.) идет на внешнюю работу. Иногда И. называют также сублимацию или возгонку, т. е. переход твердого вещества в газообразное состояние. *Бачинский.*

Вопрос о величине испарения в определенном месте земной поверхности является очень сложной и трудно разрешимой задачей. Главная трудность состоит в том, что при определении И. (с водной ли поверхности или с почвы) приходится создавать условия, зачастую весьма отличающиеся от условий испарения в естественной обстановке. Поэтому приводимые обычно данные надо рассматривать не как абсолютные, а как относительные величины, причем для сравнимости их надо было бы определять посредством испарителей одной и той же системы. В общем И. растет в направлении от полюсов к экватору, причем над океаном максимум И. имеет место к С. и к Ю. от экватора, а над материками лежит в зоне между 0° и 10° ю. ш.

В СССР годовые суммы испаряющейся воды, выраженные в сантиметрах водяного слоя, изменяются в очень широких пределах:

Ленинград	Москва	Одесса	Ворошиловград	Нукус	Туркестан
32	42	58	74	180	203

Лит.: Оболенский В. Н., Основы метеорологии, Москва—Ленинград, 1933, и другие учебники по метеорологии. *Е. Тихомиров.*

Испарение воды у растений. Испарение воды живым растением есть не чисто физический, а физиологический процесс, связанный с особенностями анатомического строения, свойствами живых клеток растений и т. д.; поэтому в наст. время его принято называть, в отличие от чисто физического испарения, особым термином—*транспирация* (см.).

ИСПАРИТЕЛИ, 1) в метеорологии (эвапорометры, атмометры) — приборы, служащие для измерения количества воды, испаряющейся с водоемов, почвы, растений. Обычным прибором метеорологических станций является такой И., по которому определяется испаряемость воды при тех или иных условиях погоды, если измерение количества испарившейся воды производится за короткий промежуток времени (день, декада, месяц, год), или в зависимости от климата, если взят многолетний период наблюдений.

На метеорологических станциях СССР широко распространен весовой испаритель Вильда, состоящий из чашки с поперечным сечением в 250 *см*² и глубиной 2,5 *см*, укрепленный на одном из плеч коромысла весов; другое плечо представляет собой указатель, двигающийся перед дуговой шкалой. В чашку наливается вода; по мере ее испарения противовес опускается, а отсчеты по шкале позволяют определить количество испарившейся воды. В зимнее время этот прибор позволяет измерять испаряемость льда. Весовой И. помещается в будку с жалюзийными стенками. Прибор Лермантова-Любославского дает гораздо более близкие к действительности величины испаряемости воды с поверхности водоемов. Испарение воды почвой измеряется по прибору Рыкачева. Почвенный И. состоит из двух плотно входящих один в другой открытых прямоугольных ящиков (из цинковой жести). Открытая поверхность внутреннего ящика—1.000 *см*², а глубина 30 *см*. Вырезав из почвы монолит по размерам внутреннего ящика (40 × 25 × 30 *см*) и загрузив его в этот ящик, помещают последний в наружный ящик, а всю систему в почву таким образом, чтобы верхние края ящиков совпадали с земной поверхностью. Взвешивая через определенные промежутки времени внутренний ящик с почвой, по разности веса вычисляют количество испарившейся воды.

При измерениях испарения воды по прибору Рыкачева необходимо одновременно производить измерения количества выпадающих из атмосферы осадков, к-рое вычитается из конечных результатов, полученных для характеристики испарения по тому или другому прибору. Из других систем И. следует упомянуть о распространенном во Франции приборе Пиша, в Германии—Эбермайера, приборах И. Гудайля, Деласе, Престеля и др.

2) Аппарат, применяемый для очистки добавочной воды при питании паровых котлов, состоит обычно из цилиндрического корпуса со змеевиком и паросборника. И. бывают вертикальные и горизонтальные, одно- и многокорпусные. Добавочная вода производится в виде дестиллата, полностью освобожденного от вредных газов (кислорода и углекислоты). Процесс приготовления состоит из предварительной очистки сырой воды, испарения воды в И., охлаждения полученного пара (конденсация), удаления кислорода и углекислоты (деаэрация). Подобные же аппараты применяются для опреснения морской воды (см. *Опреснители*).—3) И. в холодильном деле—см. *Холодильные машины.*

Лит.: Охлябинин С., Метеорологические приборы, П., 1915; Инструкция метеорологическим станциям II разряда, вып. 2—Дополнительные наблюдения, П., 1922; Bongards H., Feuchtigkeits-Messung, München, 1926. *И. Здановский и А. Кореневский.*

ИСПАРТА (Isparta), иначе Спарта, вилайет (провинция) в Азиатской Турции, в центр. части Малой Азии, вокруг озера *Эгердир* (см.). Площадь 8.275 *км*²; 144.440 жит. (1927), в т. ч. 98% сельского населения. Адм. центр—г. Испарта. Район земледельческо-скотоводческий. Площадь возделываемых земель—34 тыс. *га*, из них под зерновыми—91,9%, огородными культурами—5,4%, техническими культурами — 2,7%. Разводится преимущественно мелкий скот (козы и овцы). Пром. предприятия исключительно кустарного типа—898 с 3.761 занятых лиц (1927). Преобладают ковровое производство и обработка металлов. Через вилайет проходит Смирно-Айдинская ж. д., кончающаяся в Эгердире.

ИСПАРЯЕМОСТЬ ПОЧВЫ, вернее, испарение почвой воды, является одним из важных факторов, влияющих на обеспечение благоприятного для растений водного режима в различных почвах; И. п. есть один из видов расхода воды в почве и весьма существенно отзывается на *влажности почвы* (см.). В засушливых районах И. п. наносит часто большой вред земледелию, особенно во время сильных *засух* (см.). И. п. определяется количеством воды, испаряющейся с единицы поверхности почвы, и зависит от троякого рода причин: 1) от влияния метеорологических факторов—чем выше температура воздуха и почвы и чем сильнее и суше ветер, тем выше и И. п.; 2) от влияния условий залегания почвы—И. п. больше на южных склонах, затем идут восточные и западные и меньше всего И. п. на северных склонах; крутизна же склонов влияет в прямом отношении на южных и восточных склонах, т. е. чем

больше крутизна, тем выше и И. п., для северных же и западных склонов—отношение обратное; 3) от влияния химических и физических свойств почвы: а) И. п. понижается, когда содержание влаги в почве падает ниже половины ее полной влагоемкости (см. *Влагоемкость почвы*); б) чем больше испаряющая поверхность почвы (например у волнистой поверхности по сравнению с гладкой), тем выше И. п.; в) чем плотнее почва и чем тоньше ее структурные частицы, тем больше ее капиллярность и нагреваемость, а следовательно и И. п.; г) чем темнее окраска почвы, тем больше И. п.; д) чем выше содержание песка в почве, тем меньше И. п., отношение ее к содержанию перегноя в почве обратное, а по отношению к глине И. п. занимает среднее отношение. И. п. во влажном ее состоянии сильнее, чем испарение с открытой водной поверхности. Вообще И. п. наибольшая при ее живом растительном покрове, при мертвом покрове почвы—наименьшая, а с голой поверхности почвы—средняя. С лесной почвы в зависимости от характера лесных насаждений испаряется от $^1/_3$ до $^1/_2$ того количества влаги, что испаряет почва открытых мест. В целях уменьшения И. п. необходимо поддерживать поверхность поля в рыхлом состоянии (весеннее боронование полей, летнее рыхление паров) и избегать применения приемов, увеличивающих летом поверхность почвы (напр. окучивание). Имеют значение и меры, улучшающие структурность почвы и ослабляющие действие сухих ветров (напр. лесные полосы).

Лит.: Захаров С. А., Курс почвоведения, 2 изд., М.—Л., 1931; Попов В. П., Почвенные испарители и лизиметры, «Труды Млеевской садово-огородной опытной станции», Млеев, 1929, вып. 20.

ИСПОЛИНОВЫ ГОРЫ (Riesengebirge), горный хребет в Центр. Европе, на границе между Силезией (Германия) и Богемией (Чехословакия); географически—сев.-зап. часть Судетских гор. И. г. сложены древними кристаллическими породами, гл. обр. гранитом; представляют массив, поднимающийся до 1.600 *м* (Шнекоппе—1.603 *м*). С сев. склонов И. г. текут Квейс и др. притоки р. Бобер (система р. Одер), с юж. склонов—р. Эльба и ее притоки Изер и Аупа. И. г. отделены на С. от горной страны Бобер-Кацбах (сев.-зап. часть Судет) котловиной, на дне к-рой расположен город Гиршберг (342 *м* над ур. м.); на Ю. они отделены от Богемских гор продольными долинами двух истоков Эльбы, текущими навстречу друг другу, в вост. и зап. направлениях. В И. г. сохранились следы древнего оледенения в виде *каров* (см.) и незначительных морен.—Климат И. г. характеризуется ср. годовой темп. от 8° у подножья до 0° на Шнекоппе. Осадков больше на юго-зап. склонах. Склоны гор покрыты лесами (дуб и бук—до 500 *м*, выше—сосна и ель), поднимающимися до 1.300 *м* над ур. м.; выше идут горные луга и скалы. И. г.—по преимуществу лесопромышленный и животноводческий район. Из отраслей обрабатывающей пром-сти развита деревообрабатывающая, лесохимическая, бумажная и стекольная. У горы Шнекоппе—месторождения железных руд. Важнейшим энергетическим ресурсом района является гидроэнергия, используемая также и предприятиями, расположенными у сев. подножья И. г., преимущественно льнообрабатывающими ф-ками с центром в г. Гиршберге. Важнейший район горного туризма Германии. См. также *Судеты*.

ИСПОЛИНСКАЯ САЛАМАНДРА, Megalobatrachus maximus, хвостатая амфибия из сем. амфиумовых. Неуклюжее животное, длина которого достигает 160 *см*. У взрослых особей наружных жаберных отверстий нет, но сохраняются две жаберных дужки. Большая сплющенная голова сидит на короткой шее, вальковатое туловище поддерживается короткими лапами; на передних конечностях—по четыре пальца, на задних—по пяти. Бородавчатая кожа буро-серого тона. Распространена в Японии (о-в Ниппон) и в горах западной части Среднего Китая. Держится в холодных, быстро текущих водах ручьев и родников. Питается червями, насекомыми, небольшими рыбами и лягушками. Самка откладывает яйца (в августе—сентябре) в виде четкообразных шнуров. По морфологическим признакам (долгое сохранение жаберных отверстий, удержание жаберных дужек) И. с.—примитивное животное, стоящее вместе с американскими скрытожаберником и амфиумой в начале системы хвостатых амфибий.

ИСПОЛИНСКИЕ КОТЛЫ, цилиндрические углубления в твердых скалах, образующиеся в местах падения воды или воздействия волн морского прибоя, приводящих во вращательное движение обломки твердых пород, к-рые высверливают породу.

ИСПОЛКОМ, сокращенное наименование *Исполнительного комитета* (см.).

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА, последняя стадия уголовного процесса, заключающаяся в приведении приговора в действие как в отношении предусмотренной им меры наказания, так и в отношении иных его постановлений (по гражданскому иску, судебным издержкам). И. п. может иметь место по вступлении приговора в законную силу, т. е. по истечении кассационного срока (если кассационной жалобы не подано) или утверждении его кассационной инстанцией (см. *Кассация*). По делам, по которым кассационное обжалование не допускается, И. п. следует немедленно по вынесении приговора. О сроках И. п. к расстрелу см. *Расстрел*. И. п. производится не судом, а соответствующими административными органами. Вмешательство суда в И. п. имеет место в порядке разрешения вопросов: а) отсрочки приведения приговора в исполнение (УПК РСФСР, ст. 456), б) условно-досрочного освобождения (ст. 458), в) рассрочки штрафа или замены его принудительными работами и г) при возникновении всякого рода сомнений и споров, возникающих при приведении приговора в исполнение, а равно в случае необходимости внесения в приговор поправок и изменений технического порядка, не касающихся существа приговора (ст. 461). Все эти вопросы решаются либо судом, вынесшим приговор, либо судом, в районе к-рого приговор приводится в исполнение. Процессуальная форма разрешения этих вопросов—судебное заседание с извещением прокурора и с вызовом лиц, к-рых касается разрешаемый вопрос (осужденного, гражданского истца). *М. С.*

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ по гражданским делам, добровольное или принудительное осуществление решений и определений, постановленных гражданским судом; в процессуальном значении—именно принудительное осуществление судебных решений по гражданским делам, называемое иначе исполнительным производством. Осуществление принудительного И. с. р. принадлежит исключительно государств. власти.

Государственное И. с. р. установилось после длительной борьбы, по мере роста и укрепления государства. Вначале гос. власть ограничивала только самоуправство кредитора, допуская принятие принудительных мер против должника силами и средствами самого кредитора не иначе, как после проверки и признания правильности его требований. Таким образом кредитор сам осуществлял свои права, признанные государством. В дальнейшем самоосуществление гражданских претензий совершенно устраняется. И. с. р. начинает проводиться организованно, создаются специальные органы И. с. р. и устанавливается единообразный метод принудительного И. с. р., соответствующий интересам господствующего класса. И. с. р. становится составной частью гражданского процесса.

В эксплоататорских государствах исполнительное производство еще более откровенно приспосабливается на практике к интересам эксплоататорских классов, чем само судоговорение. Отличаясь крайней волокитой, когда взыскателем является трудящийся, а ответчиком эксплоататор, оно, наоборот, проводится с особой стремительностью, если взыскателем является эксплоататор, а ответчиком трудящийся.

В СССР И. с. р. построено на принципах охраны революционной законности, социалистической собственности, социалистического хоз. строительства и насущных нужд трудящихся. И. с. р. производится по выдаваемым суд. органами *исполнительным листам* (см.). В порядке, установленном для И. с. р., проводится исполнение также по *исполнительным надписям* (см.), постановлениям третейских судов, мировым сделкам, определениям судов о наложении штрафа, постановлениям об обеспечении иска. Принудительное исполнение постановлений Гос. арбитража производится в нек-рых случаях в силу издаваемых им приказов, а в остальных—на общем основании. Специальными постановлениями СНК СССР право издания приказов по принудительному исполнению своих постановлений предоставляется и ведомственному арбитражу. Органом И. с. р. в СССР является в городах *судебный исполнитель* (см.), в сельских местностях сельсовет и по его поручению сельский исполнитель. В целях упрощения работы гос. аппарата И. с. р. в нек-рых случаях возлагается на администрацию тех учреждений и предприятий, у к-рых находится имущество должника. При обращении взыскания на средства, находящиеся в кредитных учреждениях, если взыскатель и должник принадлежат к обобществленному сектору, исполнительный документ представляется непосредственно кредитному учреждению, к-рое осуществляет взыскание. При обращении взыскания на заработную плату рабочих и служащих в государственных, кооперативных и общественных организациях исполнительные документы направляются в соответствующие учреждения и предприятия, которые обязаны исполнить действия, указанные в исполнительном документе. Исполнению подлежит решение, вошедшее в законную силу. Исключение допускается для тех решений, которые в силу закона (например зарплата, алименты, авторский гонорар) или на основании постановления суда (например, если отсрочка исполнения может повлечь за собой непоправимый ущерб для взыскателя или сделать исполнение невозможным) подлежат немедленному исполнению. Инициатива принудительного приведения решения в исполнение принадлежит взыскателю, и оно применяется только по его заявлению. И. с. р. проводится органами по месту нахождения имущества должника, на к-рое обращено взыскание. Этим же местом определяется территориальная подсудность споров, связанных с исполнением. Жалобы на действия органов И. с. р. подаются народному судье в 5-дневный срок. Порядок И. с. р. иностранных судов определяется специальными соглашениями.

К мероприятиям по исполнительному производству относятся арест имущества, опись, оценка, опечатание и продажа имущества. Не на всякое имущество должника может быть обращено взыскание. Освобождается от взыскания по исполнит. документам то имущество, на которое не может быть обращено взыскание за невзнос налогов и неналоговых платежей (Гражд. проц. код. РСФСР, ст. 271).

На вклады в сберегательных кассах и нек-рых кооперативных организациях может быть наложен арест исключительно по постановлению суд.-следственных органов и только по уголовным делам, а в отношении кооперативных организаций также по претензиям последних. Освобождено также от взысканий авторское право (но не доходы, получаемые от него), имущество профсоюзов и т. д. В отношении учреждений, находящихся на государственном или местном бюджете, взыскание производится за счет ассигнований по смете этих учреждений. В отношении внебюджетных и специальных средств этих учреждений, а также хозрасчетных гос. предприятий взыскание обращается в общем порядке, но только на то имущество, на к-рое допускается вообще обращение взыскания.

На заработную плату арест может быть наложен не свыше 20%, а по алиментам и неотработанным авансам—не свыше 50%. Если имущество должника находится у третьих лиц, то орган исполнения посылает соответствующий запрос. Этот запрос содержит в себе арест имущества, вследствие чего выдача третьим лицом имущества должника влечет за собой материальную ответственность за причиненные кредитору убытки. Арестованное имущество подробно перечисляется в составляемой органом исполнения описи. Споры о принадлежности имущества разрешаются в судебном порядке, в описи делается отметка о возражениях заинтересованных лиц. Описанное имущество оценивается органом исполнения. В случае разногласий допускается экспертиза. По требованию взыскателя описанное имущество может быть опечатано. Впредь до продажи имущество дается на хранение должнику или постороннему лицу с возложением на хранителя ответственности за целость и сохранность имущества и возмещением расходов, связанных с хранением. Постороннее лицо может за хранение получить особое вознаграждение. Хранитель может пользоваться имуществом, если это не уменьшает его ценности. Последним действием является продажа арестованного имущества, если не последует удовлетворения должником признанных судебным решением претензий взыскателя. Товары дефицитные и драгоценные металлы реализуются путем передачи соответствующим хоз. организациям по устанавливаемым регулирующими органами ценам. Распределение

вырученной от продажи имущества денежной суммы проводится между кредиторами в порядке установленной законом очередности, в зависимости от основания и значения кредиторской претензии. Все претензии разделены на несколько категорий, каждая последующая категория удовлетворяется только после того, как полностью удовлетворена предыдущая. В первую очередь удовлетворяются претензии рабочих и служащих по заработной плате, за увечья, по алиментам и т. п., затем недоимки по налогам и платежам, приравненным к налогам, и т. д. *С. Прушицкий.*

ИСПОЛНЕНИЯ КОМИССИЯ, см. *Комиссия исполнения.*

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ, функция управления господствующего класса, непосредственное осуществление его классовой политики через его государственные органы, а также—совокупность этих органов. В государстве диктатуры пролетариата исполнительная и законодательная власти не отделены друг от друга.

Историческое противопоставление И. в. *законодательной власти* (см.) возникло в эпоху борьбы буржуазии с абсолютизмом, когда умеренное крыло буржуазии выдвинуло как компромисс лозунг *разделения властей* (см.), имевший целью отвоевать для буржуазии «законодательную власть» в смысле установления народного представительства, облеченного законодательными функциями, и связать им королевскую администрацию, за к-рой была бы сохранена одна «исполнительная власть».

Впоследствии разделение властей нашло свое выражение и новое назначение в системе *парламентаризма* (см.), признающего И. в., т. е. правительство, ответственной перед законодательными учреждениями, но в то же время предоставляющего ей полную самостоятельность в непосредственной сфере ее деятельности. Правящие группы буржуазии используют и парламент и И. в. как различные рычаги своего классового господства: парламент имеет назначение обрабатывать и «представлять» общественное мнение, а И. в. с ее колоссальной бюрократической и военной организацией—непосредственно проводить политику руководящих групп буржуазии, избегая благодаря парламентскому буферу непосредственного соприкосновения с действительным общественным мнением масс. Система парламентаризма, направленная буржуазией на «смягчение» классовых противоречий и на усыпление классовой бдительности эксплоатируемых масс, не может однако существовать без известных, хотя и скудных, демократических гарантий. Благодаря последним эксплоатируемые классы имеют возможность со своей стороны использовать парламент как трибуну для мобилизации своего общественного мнения и для давления на правительство буржуазии. Поэтому в эпоху империализма в связи с чрезвычайным обострением классовых противоречий среди буржуазии усиливается тенденция к сосредоточению всей полноты государственной власти в руках правительства. *Фашизм* (см.) ликвидирует буржуазную демократию.

Советское государство в корне отвергает систему разделения властей и допускает лишь разделение функций между различными органами единой власти диктатуры пролетариата. Уже первое правительство диктатуры пролетариата—Коммуна—было, как отметил Маркс в «Гражданской войне во Франции в 1871 году», «работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы». В Коммуне «представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного... здесь нет» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 402). Советская система еще глубже объединяет законодательную и исполнительную функции гос. власти пролетариата. Государственный аппарат советов «дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 258). В Союзе ССР функции законодательства и государственного управления сливаются в единую систему советского строительства. Советские конституции подчеркивают тесное объединение законодательных и исполнительных государственных функций в своих статьях о советах и их съездах, циках Союза и союзных республик, их президиумах и совнаркомах.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ, равносильная *исполнительному листу* (см.) надпись на документах, обязательства по к-рым в силу закона предполагаются бесспорными. Исполнение по И. н. производится в общем порядке *исполнения судебных решений* (см.).

В хозяйственной жизни СССР применение И. н. приобрело большое значение в борьбе за выполнение плана, договорную дисциплину, хозяйственный расчет, за обеспечение от покушений на социалистическую собственность и за удовлетворение важнейших и неотложных нужд трудящихся. Так, путем И. н. производится взыскание по контокоррентным счетам и по неоплаченным чекам, по нек-рым банковым расчетам учреждений и предприятий обобществленного сектора с покупателями, по задолженности кредитным учреждениям и кассам взаимопомощи, по задолженности за присвоенное, утраченное или испорченное имущество учреждений или предприятий служащими или рабочими после их ухода с них, задолженности по заработной плате, алиментам, квартирной плате и др. В порядке И. н. может быть произведено выселение лиц, живущих на нетрудовые доходы, в случае невзноса ими в срок причитающейся с них квартирной платы (если нет судебного спора о ее размере). И. н. совершаются нотариальными конторами, но могут совершаться также и районным исполнительным комитетом, городским советом и сельсоветом, выполняющими нотариальные действия (сельсовет и поселковый совет могут совершать И. н. не на всех документах). Для И. н. установлены определенные сроки. Положение о гос. нотариате РСФСР устанавливает для И. н. как общее правило годичный срок от наступления срока выполнения соответствующего обязательства.

Органы, совершающие И. н., проверяют наличие формальных условий, установленных для И. н., но не входят в проверку правильности самих требований по существу и не вызывают должника. Все споры, связанные с И. н., разрешаются только в судебном порядке. Жалобы на совершение И. н. или на отказ от него подаются в народный суд через тот орган, действия к-рого обжалуются. Возражать против

заявленных требований по существу можно лишь путем соответствующего иска. Обжалование И. н. в суд само по себе не влечет приостановления силы И. н., но суд может приостановить ее исполнение в порядке обеспечения иска.

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО, 1) производство по принудительному *исполнению судебных решений* (см.); 2) в дореволюц. процессе—наименование известного процессуальному праву и др. буржуазных стран особого производства для установления суммы взыскания по требованию, уже признанному судом по существу,—в делах, сопряженных со сложными расчетами (как например требования о вознаграждении за убытки, о представлении отчета по управлению делами и т. д.); иначе оно называлось расчетно-исполнительным производством или расчетным производством. Нужда в этом особом расчетно-исполнительном производстве вызывается формализмом и волокитой буржуазного гражданского процесса.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ, наименование руководящего органа 1) в ряде политических (и нек-рых других) организаций (напр. И. к. Коминтерна); 2) в государственной системе Советского Союза—исполнительный орган Съездов Советов, И. к., избираемый съездом советов республики (союзной или автономной) или Съездом Советов Союза ССР, именуется соответственно Центральным исполнительным комитетом (сокращ.—ЦИК) Республики; в РСФСР—Всероссийским центральным исполнительным комитетом (сокращ.—*ВЦИК*, см.) и *Центральным исполнительным комитетом Союза ССР* (см.) (сокращ.—ЦИК СССР).

Местные И. к.—районный И. к. (райисполком, рик), областной И. к. (облисполком), краевой И. к. (крайисполком)—избираются соответствующими Съездами Советов и являются в периоды между Съездами Советов высшими органами Советской власти на соответствующей территории, подчиненными вышестоящим И. к., ЦИК Республики, его Президиуму и Совнаркому Республики. Для руководства всей текущей работой местные И. к. избирают свои президиумы, которые в период между заседаниями И. к. пользуются правами последних. Местные И. к. организуются в довольно значительном числе членов, обычно включают в свой состав руководителей нижестоящих И. к. и советов и других местных работников и собираются периодически на свои пленумы, а ежедневную текущую работу ведут президиум и заведующие отделами (управлениями) И. к. Таким образом местные исполнительные комитеты являются срединным звеном среди органов управления соответствующей территорией, сочетающим оперативное руководство и контроль с широким привлечением низовых работников.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ «НАРОДНОЙ ВОЛИ», см. *Народная воля*.

«ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ», под таким именем выпускал свои прокламации в 1878—79 киевский террористический кружок В. А. *Осинского* (см.), один из первых применивший индивидуальный террор как средство политической борьбы. Им совершены покушение на тов. прокур. Котляревского 26/II 1878 и убийство жандармского капитана Гейкинга 25/IV 1879. Эта тактика террора исключала «возможность создания массовой партии и массового революционного движения». После разгрома кружка и казни В. А. Осинского 14/V 1879 именем исполн. комитета стал пользоваться Н. А. *Морозов* (см.) для своих прокламаций, извещений о шпионах и т. д., печатавшихся в «Листках Земли и воли».

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТ, документ, по которому производится *исполнение судебного решения* (см.) или судебного определения. И. л. выдается судом, вынесшим решение. В нем указывается, какой суд, когда и по какому делу вынес решение, и приводится полностью его резолютивная часть. И. л. имеет обязательную силу не только для органов исполнения, но и для всех должностных лиц. Если исполнительные действия производятся против или в пользу нескольких лиц или в отношении имущества, находящегося в разных местах, суд может выдать несколько И. л., причем в каждом из них точно отмечается, в какой части решение подлежит исполнению по данному И. л. И. л. может быть переуступлен. Все действия по исполнению отмечаются на И. л. Если исполнение привело к полному удовлетворению взыскателя, орган исполнения возвращает И. л. в суд, при неполном—возвращает взыскателю.

ИСПОЛЬЩИНА, см. *Издольщина*.

ИСПОМЕЩЕНИЕ, наделение землей (поместьем) светских и церковных вассалов в феодальной России, связанное со службой (чаще всего военной). В Моск. государстве до образования регулярного войска иноземного строя И. было источником формирования основной военной силы—дворянского конного ополчения (серед. 15—нач. 18 вв.). И. создавало право временного и условного владения землей; этим признаком, а также отсутствием «права отказа» и отъезда помещики феодального времени (до середины 15 в.), состоявшие из княжеских и церковных холопов (дворные люди, дворяне) и т. н. «слуг по дворским», резко отделялись от вольных слуг-бояр, владевших *вотчинами* (см.). Начиная со второй половины 15 в., эти отличия постепенно стираются: поместья начинают широко раздаваться боярам и особенно *боярским детям* (см.), вследствие чего последние почти сливаются с дворянами; указом 1556 вотчины приравниваются к поместьям в отношении службы (установлена единообразная норма военной службы — один всадник в полном вооружении со 150 дес. «доброй» пашни), а в 17 веке поместье фактически превращается в наследственное и отчуждаемое владение, мало чем отличающееся от вотчины. Окончательно оба типа землевладения слились под общим названием «недвижимого имения» в 1714 [петровский указ о *единонаследии* (см.)]. Вместе с этим прекратилось и И.

Массовое И. дворян и детей боярских на государственных *черных землях* (см.) явилось в 15—16 вв. сильнейшим средством борьбы московских вел. князей со старыми феодалами; при этом роспуск «дворов» князей и опальных бояр обычно служил поводом для превращения их военных «послужильцев» в государевых служилых людей. Крупнейшие земельные фонды для И. создавались конфискациями феодальных вотчин (Иваном III—после разгрома новгородского боярства, Иваном Грозным—во время *опричины*, см.); с другой стороны, к нач. 17 в. поместьями было поглощено почти все крестьянское черносошное землевладение за исключением немногих север-

ных уездов. Крестьяне сел, поступавших во владение помещиков, обязывались их «чтить» и «слушать», отбывать барщину и нести любые повинности, «чем он их изоброчит». Ничем не ограниченная хищническая эксплоатация крестьян привела к сплошному разорению поместий, причем, по утверждению опричника *Штадена* (см.), служилые люди ухитрялись до трех раз менять запустошенные имения, пользуясь временным и условным характером поместного владения. Однако дальнейшее развитие барщинного хозяйства и рыночных отношений в 17 в. обнаружило неудобства для помещиков этих правовых особенностей поместья и ускорило его превращение в вотчину.

Борьба крестьян против крепостного права, вылившаяся в большие крестьянские войны 17 в., и сопротивление националов колониальному грабежу побуждали правительство к усиленному И. служилых людей в особо угрожаемых районах (в частности по «засечным чертам») и к увеличению самых размеров поместий («придача» к окладам), чем укреплялась экономич. и военная мощь господствующего класса. Огромные раздачи поместий имели место после подавления первой крестьянской войны (в нач. 17 в.), разинщины (1670—71) и стрелецкого восстания (1682). Еще во время булавинщины (1707—08) ополчение «царедворцев», давно признанное негодным для войны с регулярными европейскими войсками, считалось лучшей, наиболее надежной силой в борьбе с народными восстаниями.

Уездных служилых людей верстали «земельными и денежными окладами» (определяли размер «жалованья») особые «окладчики» из местных дворян под председательством «разборщика», присланного из Москвы. Величина поместного оклада соответствовала «чину» и «статье», т. е. знатности, зажиточности и служебной годности испомещаемого, и колебалась от 1.500 дес. пашни (для высших «московских чинов») до 45—375 дес. (для уездного «городового» дворянства средней и меньшей статьи). Лучшие дворяне, так наз. «выбор», испомещались под Москвой, составляя нечто вроде гвардии и выполняя специальные поручения правительства. Итоги «разбора» уездных дворян и поспевших в службу «новиков» (сыновей помещиков) заносились в *десятни* (см.). Новики испомещались либо «в припуск» (в имении отца, если оно было значительно) либо «в отвод». Верстались в службу казаки, крестьяне, посадские, даже холопы, но в 17 веке дворянство требовало и добивалось приема на службу лишь людей с «отчеством», т. е. дворянского происхождения. Самое пожалование поместьем находилось в ведении *Поместного приказа* (см.), здесь же велись специальные книги «поместным дачам» и выдавались документы, вводящие во владение поместьем.

Лит.: Покровский М. Н., Русская история с древнейших времен, т. I—II, Москва, 1933; Загоскин Н. П., Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси, Казань, 1875; Сергеевич В. И., Вольные и невольные слуги московских государей, «Наблюдатель», СПБ, 1887, № 1—3; Рождественский С. В., Служилое землевладение в Московском государстве XVI века, СПБ, 1897; Ключевский В. О., История сословий в России, 3 изд., М., 1918; Павлов-Сильванский Н. П., Государевы служилые люди, Соч., т. I, 2 изд., СПБ, 1909; Сторожев В., Государевы служилые люди в XVII веке, «Книга для чтения по истории нового времени», под ред. М. В. Бердоносова и др., т. I, М., 1910; Сташевский Е. Д., Служилое сословие, в кн.: Русская история в очерках и статьях, под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. III, Киев, 1912.

А. Штраух.

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА, отрасль уголовно-правовой политики пролетариата, имеющая своим содержанием осуществление мер наказания, соединенных с исправительно-трудовым воздействием (исправительно-трудовые работы без лишения свободы, ссылка, соединенная с исправительно-трудовыми работами, лишение свободы). И.-т. п. преследует цели: а) ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству, б) перевоспитывать и приспособлять их к условиям трудового общежития (ИТК РСФСР 1933, ст. 2). Эти цели И.-т. п. непосредственно вытекают из уголовно-правовой политики пролетариата в переходный период от капитализма к коммунизму, задачи, состоящей в защите диктатуры пролетариата и осуществляемого им социалистического строительства от посягательств со стороны классово-враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся (ИТК РСФСР 1933, ст. 1). Формы исправительно-трудового воздействия строятся, в применении к отдельным классовым категориям осужденных, на началах ленинской установки об основной задаче суда по принудительному воспитанию к дисциплине, путем сочетания подавления и принуждения осужденных, с одной стороны, и воспитания и убеждения—с другой. На основе ленинских указаний при проведении И.-т. п. осуществляется строго дифференцированный подход к отдельным категориям осужденных. Эта дифференциация форм и методов исправительно-трудового воздействия в частности выражается в четком разграничении трех основных мер наказания, соединенных с исправительно-трудовым воздействием, в проведении дифференциации в рамках каждой из этих мер (типизация мест лишения свободы, несколько видов исправительно-трудовых работ и пр.) и в различии форм и методов исправительно-трудового воздействия на отдельные группы осужденных в пределах каждого исправительно-трудового учреждения в зависимости от их классовой опасности, социального положения, возраста, трудовых навыков и успешности исправления. В особенности отличается от других форм применение исправительно-трудового воздействия к несовершеннолетним. Последние направляются, в зависимости от возраста, степени социальной запущенности, характера совершенного преступления и состояния здоровья, в детские учреждения Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомсобеза или Наркомвнудела.

Средством перевоспитания осужденных является приобщение их к труду и направление их труда на общественно-полезные цели, соединенное с политико-воспитательным воздействием. Исходя из установок Ленина и Сталина о роли социалистических форм труда, организация труда лишенных свободы, а также отбывающих исправительно-трудовые работы и ссылку, соединенную с исправительно-трудовыми работами, проводится на началах постепенного приближения принудительного труда к труду добровольному, основанному на социалистическом соревновании и ударничестве. Общественно-полезный труд осужденных, а также лишенных свободы, следственных и пересыльных является их обязанностью, вытекающей из провозглашенной конституциями союз-

ных советских республик обязанности всех граждан Союза ССР трудиться. Труд лишенных свободы соединяется с широко организуемой политико-воспитательной работой, в которой принимают активнейшее участие сами осужденные.

Органы общественности лишенных свободы принимают активное участие в различных сторонах жизни исправительно-трудовых учреждений. Таковы штабы соревнования и ударничества, товарищеские суды, редакции стенгазет, трудколлективы (в исправительно-трудовых лагерях) и т. п.

Основное направление И.-т. п. указано программой ВКП(б), которая говорит о замене наказаний воспитательными мероприятиями и замене тюрем воспитательными учреждениями. В соответствии с этим воспитательные задачи по переделке сознания людей, совершивших классово-опасные действия, играют преобладающую роль в деятельности исправительно-трудовых учреждений, что ни в какой мере не снимает с них задач подавления классово-враждебных элементов и элементов разложения. Труд, политико-воспитательная работа и общий режим исправительно-трудовых учреждений организуются в соответствии с указанными выше задачами исправительно-трудовой политики и потому не могут сопровождаться ни причинением физических страданий ни унижением человеческого достоинства осужденных (ИТК РСФСР, ст. 7). Изоляция осужденного применяется лишь в случаях, когда это безусловно вызывается необходимостью. Основными мерами наказания по советскому уголовному и исправительно-трудовому законодательству являются, в соответствии с относящимися к исправительно-трудовой политике директивами программы ВКП(б), не лишение свободы, а меры, не связанные с лишением свободы,—прежде всего исправительно-трудовые работы. Но и лишение свободы в подавляющем большинстве случаев не является изоляцией в строгом смысле слова. Например в фабрично-заводских и сельскохозяйственных исправительно-трудовых колониях камеры все время от утренней до вечерней поверки остаются открытыми, все свободное от работ и политико-воспитательных занятий время лишенные свободы используют по своему усмотрению в пределах здания, общежития, прогулочного двора и территории, установленной правилами внутреннего распорядка (ст. 49). Иной порядок установлен лишь для штрафных колоний и изоляторов для следственных. Лишенным свободы из среды трудящихся в ряде случаев могут поручаться работы технического, счетно-канцелярского и даже административно-хозяйственного и политико-воспитательного характера, выполняемые низшим и средним персоналом мест лишения свободы (ст. 65). Лишенные свободы могут назначаться в команду надзора, к-рую начальник исправительно-трудового учреждения вправе вооружить (ст. 87).

Наказание, в том числе и лишение свободы, применяется лишь до тех пор, пока осужденный является классово-опасным. Поэтому с отпадением классовой опасности осужденного и совершенного им преступления, в частности в результате применения к нему мер исправительно-трудового воздействия, осужденный может быть досрочно освобожден по отбытии определенной части срока, по ИТК РСФСР—его половины (ст. 124). Ударникам из осужденных, давшим образцы хорошей работы и дисциплинированности, срок сокращается путем зачета дней особо продуктивной работы в полуторном или двойном размере (ст. 127). Таким образом применение мер исправительно-трудового воздействия, указанных в приговоре, прекращается, коль скоро задача И.-т. п. в отношении данного осужденного достигнута. Советская исправительно-трудовая политика ничего общего не имеет с буржуазной тюремной политикой (см. *Тюрьма* и *Пенитенциария*), направленной на моральное и физическое калечение и уничтожение, достигаемое при помощи организованного мучительства и надругательства над человеческим достоинством заключенных. В силу основных противоречий капиталистического строя, одним из результатов которых является непрерывный рост преступности, буржуазная тюрьма не только не «исправляет» осужденных, а, наоборот, толкает их на новые преступления.

Проблема реального исправления преступника, в соответствии с ленинскими указаниями об исправлении исправимых, была поставлена и в основном разрешалась в советских исправительно-трудовых учреждениях с первых же дней диктатуры пролетариата. Но особенно актуальной стала эта проблема со вступлением в социализм, когда уже в конце первой пятилетки возможности применения исправительно-трудового воздействия значительно выросли благодаря полной ликвидации безработицы в СССР и широкому развертыванию социалистического строительства, требующему все большего увеличения кадров.

Грандиозные победы социализма на всех фронтах дали возможность широко применять труд осужденных в общем русле социалистического строительства, в процессе к-рого идет переделка их в тружеников социалистического общества. На настоящем этапе стало возможным приступить и к работе по перевоспитанию деклассированных элементов из разгромленных враждебных классов, проводя их через горнило раскулачивания, изоляции и трудового воздействия. Блестящим образцом успехов советской И.-т. п. явилось строительство Беломорско-Балтийского канала им. Сталина, где десятки тысяч лишенных свободы получили трудовые навыки и квалификацию, многие из них проявили себя героями, некоторые награждены орденами. В результате правильного осуществления органами НКВД И.-т. п. к моменту окончания строительства около $12^1/_2$ тыс. осужденных как вполне исправившихся и ставших полезными членами общества были освобождены от дальнейшего отбывания мер репрессии; свыше $59\frac{1}{2}$ тыс. осужденных, проявивших себя энергичными работниками на строительстве, получили сокращение сроков лишения свободы, 500 осужденных были постановлением ЦИК Союза ССР восстановлены за самоотверженную работу на строительстве в гражданских правах со снятием судимости.

Правильное проведение советской И.-т. п. требует решительной борьбы с ее извращениями. «Некоторые товарищи думают,—указывал Сталин в Политическом отчете Центр. к-та XVI Съезду ВКП(б),—что главное в наступлении социализма составляют репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления. Верно-ли это? Это, конечно, не-

верно. Репрессии являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным» («Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 390). Эти слова в частности применимы к советской И.-т. п., несовместимой с методами голого администрирования, с игнорированием роли убеждения, задач воспитания в исправительно-трудовых учреждениях, в частности с огульным отрицанием возможности перевоспитания осужденных из классово-враждебных элементов, с применением в отношении присужденных к более мягким мерам наказания мероприятий, установленных для лишения свободы. Точно так же неправилен взгляд на исправительно-трудовые учреждения как на чисто воспитательные или даже чисто хозяйственные учреждения, смазывающий элементы принуждения в работе исправительно-трудовых учреждений и скатывающийся т. о. к отрицанию классового момента при осуществлении И.-т. п. и к отказу от задачи подавления классово-враждебных элементов и элементов разложения.

Лит.: Утевский Б. С., Советская исправительно-трудовая политика, М., 1934; Фирин С., Итоги Беломорстроя, М., 1934; Аминова И. и др., Советская уголовная репрессия (сб.), М., 1934; От тюрем к воспитательным учреждениям (сб. под ред. А. Я. Вышинского), т. I, М., 1934.

Н. Дурманов.

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОДЕКС (сокращенно ИТК), наименование кодексов советских республик, содержащих законы по осуществлению *исправительно-трудовой политики* (см.). Предшественниками ИТК в РСФСР были «Инструкция о лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового», 1918, и «Положение об общих местах заключения РСФСР», 1920. — ИТК РСФСР, утвержденный 16/X 1924, исходит из установки «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» и развивает основные положения Уголовного кодекса РСФСР. ИТК в других союзных республиках, сходного в основном содержания, были изданы в 1925—26. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 состоял из 10 общих положений, устанавливающих его принципиальные основы, и 10 отделов. В общих положениях указывались цели лишения свободы и исправительно-трудовых работ и вытекающие отсюда цели исправительно-трудовых учреждений—приспособление преступников к условиям трудового общежития и предотвращение возможности совершения дальнейших преступлений. ИТК 1924 с самого начала стал на путь замены оставшихся от прежнего времени тюремных зданий сетью трудовых фабричных, ремесленных и с.-х. колоний (ст. 4). В общих положениях были подтверждены целесообразный характер осуществления мер репрессии и недопустимость причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства. В ст. 5 устанавливалось единство системы исправительно-трудовых учреждений, в ст. 9 в принципе была дана установка на их самоокупаемость, без ущерба однако для осуществления задач исправительно-трудовой политики. Основным видом исправительно-трудовых учреждений по ИТК 1924 являлся исправительно-трудовой дом. В основу режима во всех местах лишения свободы было положено правильное сочетание принципов обязательного труда лишенных свободы и политико-воспитательной работы [по терминологии ИТК 1924—культурно-просветительной работы (ст. 48)].

ИТК 1924 сыграл огромную положительную роль в осуществлении и дальнейшем развитии принципов советской исправительно-трудовой политики. Однако ИТК 1924 не лишен был и серьезных недостатков, к числу к-рых прежде всего относилось заимствование элементов так наз. прогрессивной системы (ст. 7, 102—105). Ряд формулировок ИТК 1924 отличался нечеткостью. За время с 1924 в него вносились крупные изменения в соответствии с изменениями уголовно-правовой политики на различных этапах диктатуры пролетариата. Тем не менее ИТК, изданный в первые годы восстановительного периода, оказался устаревшим в реконструктивном периоде. В особенности же перестал он удовлетворять задачам исправительно-трудовой политики, когда со вступлением Союза ССР в период социализма возможности исправительно-трудового воздействия безгранично выросли.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1/VIII 1933 был утвержден и введен в действие ИТК РСФСР 1933, в отмену ИТК РСФСР 1924. ИТК РСФСР 1933 состоит из 7 основных положений и 7 разделов, развивающих эти положения. В ст. ст. 1 и 2 основных положений формулируются принципы сов. исправит.-трудовой политики. В ст. 3 определяется основной тип места лишения свободы, исправит.-трудовая колония, и принципы размещения лишенных свободы применительно к их трудовым навыкам, в зависимости от их классовой опасности, социального положения, возраста и успешности исправления. В ст. 4 провозглашается вытекающая из Конституции обязательность труда для лишенных свободы, указывается на обязательность проведения среди них политико-воспитательной работы и определяется целевое назначение труда и политико-воспитательной работы. В ст. ст. 5 и 6 определяются задачи исправительно-трудовых работ и ссылки, соединенной с исправительно-трудовыми работами. В разделе I (ст. 8—27) говорится об исправительно-трудовых работах без лишения свободы. В разделе II (ст. 28—99) содержатся положения, определяющие отбывание лишения свободы. Раздел этот состоит из 13 глав. Гл. 1 определяет профиль и целевое назначение различных мест лишения свободы (см. *Исправительно-трудовые учреждения*). Гл. 2 говорит о приеме и содержании лишенных свободы, причем в ст. 48 категорически запрещается прием в места лишения свободы больше установленного числа и дается твердое указание, что помещения для лишенных свободы должны быть сухими, светлыми и достаточно просторными. В гл. 3 подробно говорится о внутреннем распорядке в местах лишения свободы, о правах заключенных, их пайке и заработке. ИТК вводит лишь те ограничения, к-рые с неизбежностью вытекают из самого характера места лишения свободы. Гл. 4 устанавливает правила ведения политико-воспитательной работы на основе самодеятельности лишенных свободы. Ст. ст. 70—76 посвящены организации труда лишенных свободы на началах сохранения, повышения или получения трудовой квалификации. Условия труда лишенных свободы, как правило, определяются Кодексом законов о труде. В гл. 6 излагаются меры поощрения и премирования (за ударную работу и общественно-полезную инициативу). Гл. 7 говорит о дисциплинарных мерах, высшей из которых является перевод в

другие места лишения свободы. Следующие главы говорят о медико-санитарных мероприятиях (гл. 8), внутренней охране (гл. 9), применении оружия, к-рое допускается в самых исключительных случаях и влечет обязательное составление протокола (гл. 10), самовольных отлучках и побегах (гл. 11), освобождении лишенных свободы (гл. 12), посещении мест лишения свободы (гл. 13).

В разделе III излагаются положения, относящиеся к ссылке, соединенной с исправит.-трудовыми работами (ст. 100—109). Раздел IV посвящен наблюдательным комиссиям. Раздел V посвящен условно-досрочному освобождению и зачету рабочих дней. Раздел VI говорит об управлении исправительно-трудовыми учреждениями. Раздел VII регулирует вопросы о средствах системы исправительно-трудовых учреждений, порядке распоряжения ими и отчетности.

В развитие ИТК РСФСР издан ряд инструкций НКЮ.—Вслед за новым ИТК РСФСР были изданы новые ИТК и в некоторых других союзных республиках. *Н. Дурманов.*

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, учреждения, которые в СССР приводят в исполнение судебные приговоры и постановления других уполномоченных на то органов и осуществляют меры наказания судебно-исправительного характера, соединенные с исправительно-трудовыми работами: лишение свободы, исправительно-трудовые работы без лишения свободы и соединенную с исправительно-трудовыми работами ссылку. И.-т. у. до 1931 находились во всех почти союзных республиках в ведении НКВД союзных республик, потом были переданы в ведение НКЮ союзных и автономных республик, в составе к-рых были организованы управления И.-т. у. В 1934 управление всеми И.-т. у. было сосредоточено в НКВД СССР и его местных органах. В республиках руководство И.-т. у. осуществляется НКВД союзных республик, в краях (областях)—краевыми (областными) отделами мест лишения свободы, а в автономных республиках и областях—отделами мест лишения свободы управлений НКВД республик или областей.

Приговоры о лишении свободы отбываются в учреждениях разных типов. Для осужденных на срок до 3 лет предназначены исправительно-трудовые колонии, а для осужденных на 3 года и больше—исправительно-трудовые лагери. Лишенные свободы, находящиеся под следствием или судом, содержатся в т. н. изоляторах для следственных. Для лишенных свободы больных организуются И.-т. у. медицинского характера, а для несовершеннолетних правонарушителей—трудовые колонии, готовящие квалифицированных рабочих для сел. х-ва и промышленности. Организация исправительно-трудовых работ, не соединенных с лишением свободы, находится в ведении отделений исправительно-трудовых работ. Приговоры к ссылке, соединенной с исправительно-трудовыми работами, приводятся в исполнение в РСФСР краевыми (областными) отделами мест заключения.

Исправит.-труд. учреждения в противоположность тюрьмам капиталистических стран, осуществляя задачи принудительного воспитания, сочетают в своей деятельности подавление и принуждение с перевоспитанием и приспособлением осужденных к жизни и к работе в организованном коллективе. В исправительно-трудовых учреждениях проводится строгая классовая политика, классово-чуждые элементы не могут пользоваться льготами, установленными для лишенных свободы и отбывающих исправительно-трудовые работы, происходящих из среды трудящихся. *Б. У.*

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ АРЕСТАНТСКИЕ ОТДЕЛЕНИЯ, тюремные учреждения царской России для отбытия тюремного заключения, соединенного с принудительными работами. Назначались исправительные арестантские отделения на срок до 4 лет (ст. 31 Улож. о наказ.). «Исправительный» характер И. а. о. являлся фикцией. При проведении режима в И. а. о. фактически устанавливались льготы для заключенных из привилегированных сословий. Режим в И. а. о. носил типично тюремный и религиозный характер. «Исправление» сводилось к обязательным молитвам по нескольку раз в день и принудительным посещениям церкви, слушанию проповедей и чтению назидательных книг. В И. а. о. для лиц, принадлежавших до осуждения к разрядам населения, до манифеста 1904 года не изъятым по закону от телесных наказаний, т. е. к крестьянам, применялись в качестве дисциплинарной меры розги. В виду обилия каторжных приговоров в годы реакции, наступившей после революции 1905, часть исправительных арестантских отделений была в 1908 превращена во «временные» каторжные тюрьмы.

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ НАКАЗАНИЯ, в так наз. «лестнице наказаний» Уложения о наказаниях царской России — разряд кар, противопоставлявшийся категории более тяжких *уголовных наказаний* (см.). К И. н. принадлежали: отдача в *исправительные арестантские отделения* (см.) с лишением всех особенных прав и преимуществ, заключение в *тюрьме* (см.) с лишением всех особенных или нек-рых личных прав или без правопоражений, заключение в *крепости* (см.) с лишением нек-рых особенных прав и преимуществ или без правопоражений, арест, выговор, замечание, внушение и штраф. Несмотря на свое общее название, все эти меры были лишены какого-либо исправительного значения. При их применении проводилась самая бесцеремонная классовая политика, и лица так называемых привилегированных сословий пользовались различными льготами при назначении судами этих мер и при их отбывании.

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЮТЫ И ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ МАЛОЛЕТНИХ. В царской России учреждениями для малолетних преступников являлись исправительные приюты, в ведении главного тюремного управления, сочетавшие тюрьму с «богоугодным учреждением». Из И. п. даже случайные малолетние нарушители выходили законченными преступниками или душевно и физически исковерканными людьми. Основными методами воспитания в И. п. были розги и религиозное воздействие. Избиения провинившихся розгами в присутствии всех заключенных были каждодневными явлениями. В роли воспитателей выступали т. н. «дядьки» — неграмотные отставные унтер-офицеры и фельдфебели. Основным предметом преподавания был «закон божий». В И. п. малолетние принимались не только по приговорам судов, но и по просьбе родителей, опекунов, воспитателей и др. лиц. Выпускаемые из И. п. отдавались до совершеннолетия в эксплоатацию мастерам или про-

мышленным заведениям, от к-рых находились в абсолютной зависимости, т. к. в случае «дурного поведения» они подлежали возвращению в И. п.

Учреждения для беспризорных и совершивших преступления малолетних и несовершеннолетних представляют собой в современных капиталистических странах учреждения чисто тюремного типа, маскирующие свои классовые задачи лицемерными воспитательными лозунгами. Так наз. борстальские учреждения в Англии, исправительные колонии во Франции, детские тюрьмы и учреждения для попечительного воспитания в Германии служат задачам подавления и устрашения правонарушителей из пролетарских подростков и превращения их в покорную рабочую силу, в будущих штрейкбрехеров и предателей рабочего класса.

В СССР учреждения для несовершеннолетних правонарушителей стали создаваться вскоре после революции, вначале в виде так наз. реформаториев, а также трудовых домов для несовершеннолетних правонарушителей (в УССР они продолжали именоваться реформаториями), просуществовавших до 1930 и реорганизованных, после перехода всех исправительно-трудовых учреждений в ведение наркомюстов союзных республик, в школы ФЗУ особого типа для несовершеннолетних в возрасте 15—18 лет. На деятельность этих школ оказали большое влияние блестящие успехи трудкоммун ОГПУ—НКВД (Болшевская, Люберецкая и др.). Предназначенные для иных по возрасту и степени социальной запущенности категорий, школы ФЗУ НКЮ (в 1934 перешли в ведение НКВД) восприняли от них принципы самоуправления, доверия, приучения к ответственности и воспитания из несовершеннолетних правонарушителей квалифицированных рабочих социалистической промышленности и сельского хозяйства, перед к-рыми открыта перспектива вхождения в рабочий коллектив.

Детские дома системы наркомпросов союзных республик в числе своих задач ставили и задачу воспитания несовершеннолетних правонарушителей, но в условиях открытых дверей, и притом несовершеннолетних, не достигших определенного возраста или исправимых мерами медико-педагогического характера. Различие типов и непосредственных задач состоящих в ведении различных наркоматов учреждений для несовершеннолетних потребовало четкого их разграничения. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1/VII 1935 о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности установило четкую систему детских учреждений: а) в ведении наркомпросов союзн. республик—детские дома нормального типа и для трудновоспитуемых; б) в ведении наркомздравов—специальные детские дома для детей, нуждающихся в длительном лечении; в) в ведении наркомсобесов—специальные детские дома для детей-инвалидов и г) в ведении Наркомвнудела СССР — изоляторы, трудовые колонии (прежние школы ФЗУ особого типа) и приемники-распределители. Это же постановление дало и четкую целевую установку для детских домов и трудовых колоний, предложив установить в них, в соответствии с возрастом, трудовой режим, обеспечивающий привитие детям трудовых навыков и овладение определенной профессией ко времени выхода из детского дома или колонии, путем организации мастерской при детском доме или колонии, а также прохождения производственной практики на предприятиях. *Б. У.*

ИСПРАВНИК, в царской России начальник уездной полиции. Непосредственно возглавлял уездное полицейское управление, формально состоявшее из И. и его помощника. Назначался губернатором. Власти исправника в полицейском отношении подчинены были и сельские местности и уездные города (кроме нек-рых более крупных). Являясь представителем полицейской власти губернатора в уезде и наблюдая за охранением «общественной» безопасности, исправник благодаря широте своей полицейской власти и неограниченности полномочий полиции вообще был одной из важнейших опор царского строя на местах. См. *Полиция.*

ИСПРАЖНЕНИЯ, кал (лат. faeces), содержимое нижних отделов кишечника, образующееся в результате пищеварения и выделяемое при акте *дефекации* (см.). Состояние И. зависит от состава, количества и способа приготовления пищи, а также от быстроты прохождения ее через кишечник. И. состоят из непереваренных частей пищи (особенно растительной клетчатки), плотных составных частей желчи и др. пищеварительных соков, большого количества бактерий, всегда обитающих в кишечнике, и воды (ок. 70%). Общее количество И., выделяемых человеком за сутки, колеблется от 100 *г* до 300 *г* и зависит от характера пищи и функции кишечника, т. е. длительности пребывания пищи в кишечнике; количество И. больше при обильной и растительной пище и частом стуле и меньше при скудной, преимущественно животной пище и задержке стула, когда происходит всасывание воды из кишечного содержимого и уплотнение И. Консистенция, цвет, запах И., а также наличие в них тех или иных составных частей имеют большое значение не только для суждения о функции желудочно-кишечного тракта, но и для распознавания ряда болезней (панкреатит, заболевания печени и др.).

По консистенции и форме И. представляют более или менее однородные пластичные цилиндрические массы. Изменение консистенции и формы—т. е. плотные И. комками или кашицеобразные и жидкие—зависит от силы перистальтических движений кишечника. При усиленном продвижении (вследствие бурной перистальтики) кишечного содержимого вода из него не успевает всосаться кишечной стенкой, и И. имеют жидкую и иногда водянистую консистенцию; наоборот, при длительной задержке содержимого кишечника вода его всасывается, и испражнения принимают твердую консистенцию.

Цвет И. зависит от состава пищи и количества изливающейся в кишечник желчи, к-рая содержит много красящих веществ (пигментов) желто-бурой окраски. Принятая в пищу зелень, особенно содержащая большое количество хлорофилла (напр. шпинат), придает И. темнозеленую, почти черную окраску, как у травоядных. Нек-рые лекарственные вещества, претерпевая в кишечнике различные химические превращения, также придают И. характерную окраску; напр. после приема солей висмута и железа И. имеют зеленовато-черный цвет, после приема ревеня—красно-бурый. Примесь свежевыделенной в нижних отделах пищеварительного канала крови при-

дает И. кровянистую окраску; если же кровь попала в кишечник через желудок из дыхательных путей (носовое, легочное кровотечение) или из стенок верхних отделов самого пищеварительного канала (пищевода, желудка, тонких кишок), задержалась в кишках и подверглась разложению, то И. приобретают очень темный цвет и похожи на густой деготь. Желтый цвет И. имеют при употреблении преимущественно или исключительно молочной пищи (особенно у грудных детей); цвет светлой глины—при невыделении в кишечник желчи (при заболевании печени); цвет глины и жирный блеск И. имеют также при избытке в них непереваренных жиров, вследствие задержки выделения в кишечник сока поджелудочной железы. Из патологических примесей, видимых в И. простым глазом, необходимо отметить: слизь, гной, наблюдаемые при воспалительных и язвенных процессах обычно нижних отделов кишечника, и кровь, непереваренные части пищи (кусочки картофеля, мяса, яиц, зерна риса, пшена и др.), указывающие на те или другие нарушения функции желуд.-киш. канала, глисты, их яйца или членики. Запах И. зависит от разложения и брожения пищевых веществ в кишечнике и обусловливается гл. обр. *индолом*, *скатолом* (см.) и летучими жирными кислотами; при усилении бродильных процессов он принимает резко кислый характер, усиливается при задержке стула и ослабляется при очень частом стуле.

Часто макроскопическое исследование И. является недостаточным и дополняется микроскопическим, к-рое имеет наибольшее значение для обнаружения даже небольшой примеси в И. крови, наличия или отсутствия желчных пигментов, наличия яичек глистов и различных болезнетворных микробов—брюшного тифа, паратифа, дизентерии, холеры, туберкулеза и др.

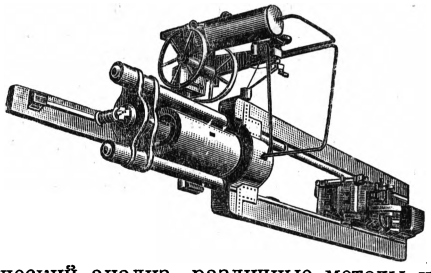
Лит.: Предтеченский В., Руководство к клинической микроскопии, М., 1924; Gaultier R., Précis de coprologie clinique, P., 1924. *Г. Гуревич.*

ИСПЫТАНИЕ, проверка установленных известной программой знаний при приеме учащихся в учебные заведения (приемные И.), переводе их из класса в класс и с одного курса на следующий (переводные И.) или при окончании учебного заведения (выпускные И.) (см. *Экзамен*). С целью тщательной проверки знаний учащихся постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 вводит в конце года поверочные И. для всех учащихся, за исключением младших классов начальной школы. Во избежание случайности оценки знаний при этих И. производится тщательное изучение работы учащегося в течение года. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3/IX 1935 «Об организации учебной работы и внутреннего распорядка в начальной, неполной средней и средней школе» предлагается «при проведении выпускных и переводных испытаний обеспечить проверку знаний учащихся по разным разделам программы».

Темы для письменных работ по родному языку и математике при выпускных испытаниях в средней школе устанавливаются краевыми и областными (в крупных городах—городскими) отделами народного образования и заблаговременно сообщаются директорам школ. Директора школ сообщают эти темы преподавателям в день И. Это же постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) предусматривает возможность лицам, не обучающимся в школе, но желающим получить аттестат об окончании неполной средней или средней школы, держать испытания за 7 или 10 классов в порядке *экстерната* (см.).

ИСПЫТАНИЕ МАТЕРИАЛОВ, является понятием, обнимающим широкий круг методов и приемов определения тех или иных свойств материала. И. м. могут производиться в самых различных направлениях, как-то: для определения свойств сырья, для контроля правильности отдельных промежуточных этапов и процессов производства, для приемочной проверки готовой продукции, для судебной экспертизы, для выяснения причин аварии, в качестве элемента научного исследования и т. д.

К И. м. в узком смысле этого термина относят лишь определение механических, некоторых технологических и простейших физических характеристик, касающихся гл. обр. прочности и стойкости данного материала, знание к-рых необходимо для расчета сооружений и машин. Однако одни только механические испытания в ряде случаев бессильны дать всестороннюю характеристику материала, вследствие чего требуется применение самых разнообразных приемов физико-химического исследования. К числу таковых принадлежат:



химический анализ, различные методы исследования *макроструктуры* (см.), микроскопические и рентгенографические методы исследования (см. *Рентгенотехника*) *микроструктуры* и *текстуры* (см.), приемы дилатометрических, термических, электрических и магнитных исследований, изучение коррозийных свойств материала (см. *Коррозия*), его теплопроводности, теплоемкости, удельного и объемного веса, звукопроводности, гигроскопичности, различные приемы выявления внутренних пороков и др. (см. также *Металлография*, *Петрография* и наименования отдельных материалов). Все эти исследования кроме прямого своего назначения могут быть использованы как косвенные методы получения тех или иных характеристик материалов.

Механические исследования подразделяют на испытания статические, при к-рых имеет место медленное нарастание силы, и динамические, к-рым соответствует ускоренное нарастание нагрузки, часто даже имеющее характер удара. Название «статические» не является, как видно из этой характеристики, правильным, т. к. всякое исследование по существу является динамическим. Обычно механические испытания проводятся в форме простейших, элементарных воздействий на испытываемый образец; его подвергают или чистому растяжению, или сжатию, или срезу, или кручению, или изгибу. Реже, гл. обр. в целях научно-исследовательских, испытание ведется в условиях сложного сопротивления, напр. при растяжении в двух взаимно перпендикуляр-

ных направлениях, при совместном действии кручения и изгиба, кручения и растяжения и т. д. Наконец для возможно большего приближения условий испытания к условиям работы материала в эксплоатации иногда проводят испытание целых моделей сооружений или их деталей. Приборы и машины, применяемые при механических испытаниях, различаются в зависимости от их назначения, мощности, системы возбуждения силы, системы силоизмерения, системы регистрирующих приборов и других конструктивных особенностей. Машины для испытаний могут быть приспособлены для одного какого-либо испытания, напр. растяжения, или же на них можно проводить несколько различных испытаний: на растяжение, сжатие, изгиб и срез. Последние машины называют универсальными.

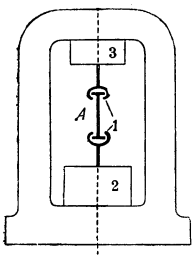


Рис. 2.

Наиболее простым и часто применяемым статическим испытанием является испытание на растяжение или разрыв. Испытательные машины на растяжение изготовляются в зависимости от назначения для различных нагрузок: от самых малых (доли *кг*) до нагрузок свыше 1.000 *т*. На рисунке 1 показана горизонтальная разрывная машина фирмы Амслера для нагрузки до 300 *т*, предназначенная для разрыва цепей, канатов, упряжных приборов ж.-д. подвижного состава и т. п. Схематически устройство машины для испытания на растяжение показано на рис. 2, где *A*—испытуемое тело, закрепленное тем или иным способом в захватах (*1*) машины; *2*—силовозбудитель, соединенный с одним из захватов, и *3*—силоизмеритель, соединенный с другим захватом. Устройства, применяемые обычно в испытательных машинах для возбуждения силы, можно подразделить на механические и гидравлические. Простейшим методом приложения к испытываемому телу растягивающей силы является непосредственное подвешивание к нижнему захвату грузов определенного веса. В некоторых случаях применяют приложение нагрузки через систему рычагов. Наиболее частым механическим устройством для силовозбуждения является винтовой механизм. Один из захватов машины соединяется с винтом, на котором надета гайка, имеющая только вращательное движение. Вращением гайки дается поступательное движение винту, а вместе с ним захвату. Гидравлический способ возбуждения силы осуществляется при помощи цилиндра и поршня, связанного с одним из захватов. В результате подкачивания под поршень той или иной жидкости передается на захват определенной величины сила. На рис. 3 показана типичная механическая разрывная машина (фирмы Мора и Федергафа).

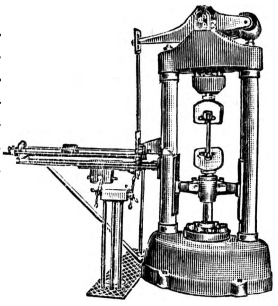


Рис. 3.

В качестве силоизмерителя применяются: неравноплечий рычаг или чаще система неравноплечих рычагов, т. н. маятниковые весы, упругие динамометры (для машин небольшой мощности), манометры, т. н. месдозы, ртутные манометры или комбинации указанных приспособлений. Испытание на растяжение может

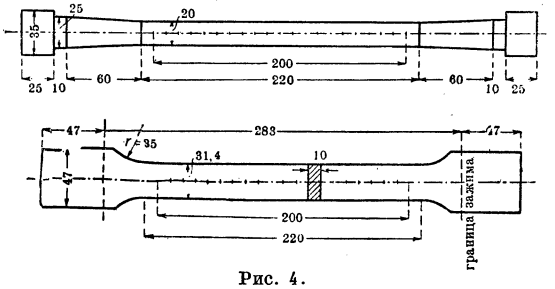


Рис. 4.

производиться или над целыми изделиями, например цепями, канатами, ремнями, проволоками и т. д., или же над образцами, вырезанными из соответствующего изделия или специально изготовленными. Так как форма и относительные размеры образца сильно влияют на значение получающихся при испытаниях механических характеристик, то испытания обычно проводят над нормальными образцами определенных форм и размеров, устанавливаемых органами, ведающими выработкой стандартов, или же заинтересованными ведомствами.

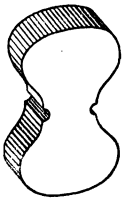


Рис. 5.

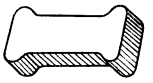


Рис. 6.

Форма образца должна быть таковой, чтобы образец разрушался в пределах своей свободной длины, а не от концентрации напряжений в местах закрепления или от переноса в захватах. Чем менее вязок материал, тем больше предосторожностей приходится принимать при этом. Типы образцов металлов, принятых для испытания на растяжение, показаны на рис. 4, для вяжущих веществ—на рис. 5 и для камней и бетонов—на рис. 6. Машины для испытания на растяжение часто снабжают диаграммным прибором, перо которого автоматически вычерчивает т. н. кривую растяжения. Абсцисса каждой точки этой кривой представляет собою удлинение образца, а ордината—величину нагрузки, соответствующей этому удлинению. На рис. 7 и 8 показаны кривые растяжения для мягкой и твердой стали. В простейших испытаниях на разрыв ограничиваются определением максимального значения нагрузки, воспринятой образцом до разрушения. Значение этой нагрузки, отнесенное к площ. первоначального поперечного сечения, носит название временного сопротивления. Весьма часто при испытании на разрыв, в особенности в отношении металлов, помимо временного сопротивления, определяется ряд других величин.

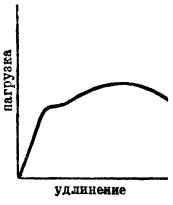


Рис. 7.

Рис. 8.

Испытание на растяжение или разрыв является наиболее частым методом испытания. Широкое распространение этого испытания объясняется, с одной стороны, его простотой, а с другой,—разнообразием даваемых им характеристик. Это испытание дает характеристику

и прочности, и упругости, и вязкости материала. Однако одно только испытание на растяжение обычно не может дать полной характеристики свойств металла. Испытание на растяжение, а равно и другие ниже перечисленные испытания, производят—в соответствии с условиями, при к-рых материалы предназначены к работе, — как при комнатных температурах, так и при повышенных или пониженных, применяя для этого специальные холодильные или нагревательные приборы. Такие испытания имеют очень большое значение, так как свойства материалов в значительной мере меняются в зависимости от изменения температуры.

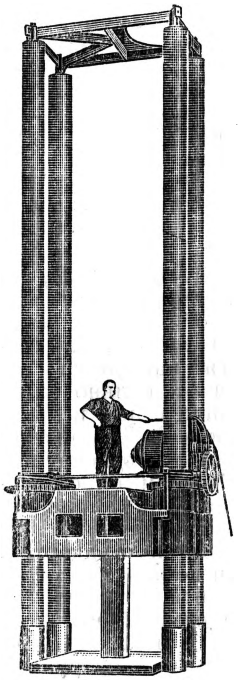


Рис. 9.

В последнее время особое значение в связи с применением высоких давлений и температур получили испытания на растяжения при очень длительном приложении нагрузки к испытываемому образцу. Эксплоатация паровых турбин, котлов высокого давления, аппаратуры химической промышленности и т. д. показала, что элементы такого оборудования часто обнаруживают после длительной службы накопление больших остаточных деформаций при таких напряжениях, которым соответствуют лишь упругие деформации при кратковременном испытании на растяжение. Это накопление деформации часто ведет к авариям. Явление накопления деформаций при длительном действии нагрузки получило название «ползучести» (счеер). С явлением «ползучести» приходится считаться в инженерной практике глав. обр. в отношении деталей, работающих при высоких температурах. Для исследования «ползучести» и для определения тех предельных условий, при к-рых для данного материала «ползучесть» не имеет места, был сконструирован ряд специальных установок. По существу эти установки являются в своем большинстве приборами на растяжение, при которых силовозбуждение осуществляется грузом, действующим на образец посредством рычага. Установка снабжается устройством для нагрева образца со строгим обеспечением постоянства температуры и с тем или иным приспособлением. позволяющим измерять малые деформации при высоких температурах. Так как испытание на «ползучесть» требует очень длительного времени, то приходится вести соответствующие исследования параллельно на нескольких установках.

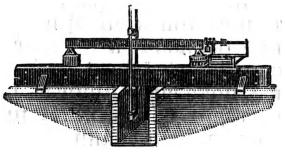


Рис. 10.

Испытание на сжатие отличается от испытания на растяжение тем, что меняется знак усилия. Испытание на сжатие проще, т. к. при этом не требуется закрепления образца в захватах. С другой стороны, в отношении вязких материалов оно менее показательно, чем испытание на растяжение, т. к. нельзя определить величины временного сопротивления в виду того, что вязкий материал при сжатии расплющивается, не разрушаясь. Особенно часто испытанию на сжатие подвергают хрупкие материалы. На рис. 9 показан мощный пресс на 5.000 *m* американской фирмы Ольсена для испытания на сжатие.

Испытание на изгиб производится гораздо реже, чем испытание на сжатие. Только в отношении немногих материалов, например чугунов, испытание на изгиб входит в число обязательных приемочных испытаний. Для испытаний на изгиб очень часто применяют те же прессы на сжатие, снабжая их особой траверсой. Применяют и специальные машины, предназначенные только для испытания на изгиб (рисунок 10). Величина изгибающей силы здесь определяется путем измерения по принципу взвешивания значения одной из реакций опор. Имеются машины фирмы Амслера для испытания бруса на изгиб рядом сосредоточенных грузов.

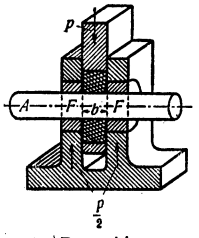


Рис. 11.

Для испытания на срез и скалывание применяют те же прессы, что и для сжатия, снабжая их особым приспособлением, принцип действия к-рого ясен из схемы на рис. 11. Испытания на срез делаются обычно с материалами, подвергающимися в условиях своей службы этому воздействию. К таким материалам относятся напр. болтовое и заклепочное железо, дерево и т. д. Многими фирмами строятся универсальные машины, позволяющие на одном и том же приборе проводить испытание и на сжатие, и на растяжение, и на изгиб, а с указанным выше приспособлением—и на срез (рис. 12).

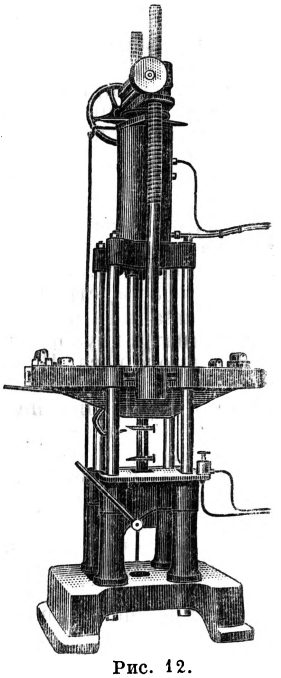


Рис. 12.

Испытание на кручение производится на машинах типа, который изображен на рисунке 13. Величина крутящего момента измеряется обычно при помощи приспособления, работающего по принципу маятниковых весов. Испытание на кручение обычно не включается в число приемочных испытаний.

К числу наиболее важных и часто применяемых испытаний принадлежат испытания на твердость. Они проводятся весьма различными приемами и приборами. Применяют метод вдавливания в испытуемое тело той или иной формы пенетратора, метод царапания, метод определения твердости по высоте отскакивания падающего бойка, метод

определения твердости при помощи качающегося маятника и др. Наиболее распространенным методом определения твердости для металлических сплавов является метод вдавливания

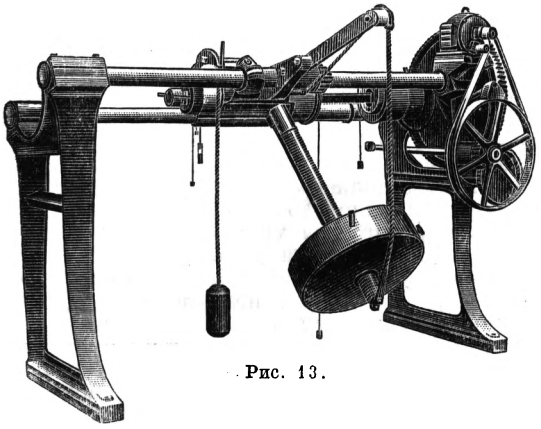


Рис. 13.

или отпечатка, а из методов вдавливания наиболее распространенным является испытание по методу Бринеля, по к-рому в поверхность испытуемого материала вдавливается определенной нагрузкой известного размера шарик. Обычно для испытания берут стальной шарик диаметром в 10 или 5 *мм* и нагрузку на шарик для твердых металлов в 3.000 *кг* и для мягких металлов—в 500 *кг*. О твердости судят по диаметру остающегося после снятия нагрузки отпечатка в форме лунки. Согласно предложению Бринеля, характеристикой или числом твердости считают величину среднего давления в *кг/мм*², приходящегося на единицу сферической поверхности отпечатка шарика. Между твердостью, по Бринелю, и временным сопротивлением для ряда сплавов имеется довольно постоянное соотношение. Таким образом испытание на твердость может косвенно характеризовать и прочность материала; прессы Бринеля (рис. 14) относительно просты и не дороги. Все это делает испытание на твердость очень распространенным и показательным. На многих заводах качество каждой изготовленной детали контролируется испытанием на твердость. Число испытаний по Бринелю в сутки на всем земном шаре исчисляется миллионами. Все же испытание по Бринелю имеет свои недостатки, а именно: этим способом нельзя испытывать изделия, имеющие малую толщину, нельзя испытывать твердость близко от края изделия, при больших твердостях испытуемых материалов сам шарик чувствительно деформируется и даже повреждается. К числу недостатков прибора Бринеля относят и то, что сферическая форма лунки несколько затрудняет точное измерение величины диаметра отпечатка. В связи со всем этим был сконструирован целый ряд приборов, где в качестве пенетратора, вдавливаемого в испытуемый материал, применяются стальные шарики значительно меньшего диаметра; или же меняют и форму и материал пенетратора, применяя например в качестве таковых алмазные пирамиды, рубиновые шарики и т. д. Из многочисленных приборов этого типа наибольшее распространение получили приборы системы Роквеля и Викерса.

В приборе Роквеля применяется шарик малого диаметра или алмазный конус. Число твердости отсчитывается прямо на циферблате прибора. В приборе Викерса также применяется шарик диам. 1—2 *мм* или алмазная пирамида. Преимущество алмазной пирамиды состоит в том, что при помощи ее можно испытывать самые твердые сплавы, и кроме того величина диагонали ромбического отпечатка, получающегося при испытании по Викерсу, измеряется с большей точностью, чем диаметр отпечатка по Бринелю. Для измерения размеров отпечатка прибор Викерса снабжен очень точным измерительным приспособлением. Кроме статического, т. е. медленного вдавливания пенетратора в испытуемый материал, применяются методы, в к-рых пенетратор оставляет отпечаток, ударяя с определенной силой по поверхности испытуемого металла.

Из этих приборов наиболее распространенными являются прибор с промежуточными эталонами (Полдихютте и др.), пружинный прибор Гравена, Баумана и др., шариковые вертикальные копры Вюста и Борденхауэра, Круппа, Николаева и др., шариковые копры с пружиной Шоппера и др. Приборы, основанные на принципе измерения высоты отскакивания падающего с определенной высоты бойка, дают числа твердости, часто несравнимые с числами твердости, полученными по методу вдавливания. Результаты испытания на твердость по методу отскакивания в значительной мере зависят от величины модуля упругости испытываемого материала. Наиболее распространенным прибором для определения твердости методом отскакивания является склероскоп Шора. Применение для определения твердости качающегося маятника, опирающегося через агатовую или стальную призму на испытываемую поверхность, было предложено и осуществлено еще Д. И. Менделеевым. За последнее десятилетие, после того, как Гербертом был сконструирован с той же целью маятник видоизмененной системы, способ этот получил широкое распространение. Маятник Герберта представляет собою очень ценный прибор для определения твердости. Преимущества этого прибора следующие. Маятник может применяться при ничтожной площади и толщине испытуемого тела. Прибор оставляет на поверхности образца отпечатки ничтожного размера, совершенно не портящие образца. Особенно пригоден он для определения поверхностной твердости, например при цементации стали, хромировании и т. д. Недостатком прибора является кропотливость манипуляции с ним и необходимость самой тщательной работы. Это обстоятельство делает прибор Герберта не всегда удобным для работы в заводских условиях.

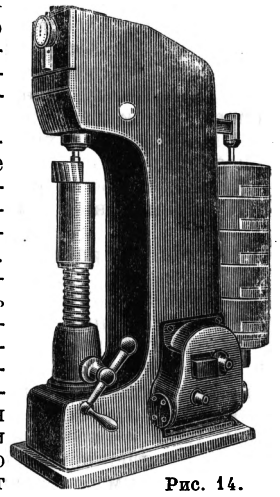


Рис. 14.

Испытание твердости методом царапания может производиться несколькими приемами. По одному из этих приемов пробуют твердость испытываемого тела, сравнивая ее с таковой для эталонов последовательно возрастающей твердости. Твердость тела при таком испыта-

нии считается средней между твердостями двух последовательных эталонов, один из которых получает царапину при проведении по его поверхности данным телом, а другой сам царапает это тело. В качестве эталонов наибольшим распространением пользуется т. н. минералогическая шкала твердости Мосса. Другой прием определения твердости путем царапания состоит в том, что или по поверхности испытываемого материала проводят под определенной нагрузкой более твердым телом, чаще всего алмазом, и определяют ширину царапины или, наоборот, определяют ту нагрузку, при к-рой царапина получает определенную условную ширину. Способ этот чрезвычайно точен и позволяет улавливать ничтожную разницу в твердости, напр. разницу твердости минералов при царапании их в различном направлении.

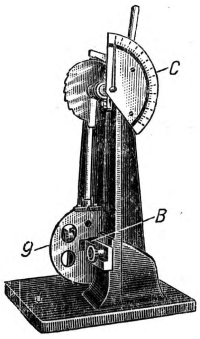


Рис. 15.

К числу весьма интересных приборов для исследования твердости, предложенных в самое последнее время, относятся дождевой прибор Герберта и репетиционный склерометр проф. Н. Н. Давиденкова. Испытание на твердость при помощи дождевого прибора основано на падении на испытываемую поверхность с высоты 4 *м* струи из стальных шариков диаметром 3 *мм*. В машине Герберта имеется 250.000 шариков, и число ударов, которое приходится на испытываемую поверхность, равно 500.000 в мин. Степень твердости и колебания этой твердости в пределах изучаемой поверхности определяют по степени повреждения этой поверхности дождем стальных шариков. Помимо испытания на твердость дождевой прибор Герберта может служить и для увеличения путем наклепа поверхностной твердости металлических деталей.

К числу наиболее распространенных динамических испытаний относятся испытания на удар. Эти испытания могут производиться на сжатие, на растяжение или на изгиб. При этом различают испытания ненадрезанных и надрезанных образцов. Наиболее частым из этих исследований является ударное испытание на изгиб. Ударное испытание на растяжение чаще всего производится на вертикальном копре. Для осуществления разрыва образца ударом пользуются падением с определенной высоты бабы. При этом обычно образец является заранее скрепленным одним своим концом с бабой, а другим, с особой поперечиной. Такой системе из поперечины, образца и бабы дают падать с определенной высоты копра. В нижней части копра помещают опору такой конструкции, что, пропуская свободно бабу и образец, она задерживает поперечину; баба, продолжая свое падение, разрывает образец.

Копры снабжаются особыми приспособлениями, позволяющими определять работу, затраченную на деформацию и разрыв образца. Имеются также приспособления, позволяющие испытывать на разрыв ударом неподвижный образец, который не скрепляется с падающей бабой. Испытание ударом на разрыв производится почти исключительно для металлов и большей частью в качестве исследовательской работы.

Испытание ударом на сжатие чаще всего проводят в отношении хрупких материалов, напр. каменных пород. Значительно чаще проводят ударные испытания на изгиб. Ударные испытания ненадрезанных объектов проводят чаще всего над целым изделием или его куском, а не над образцами. Основным приемочным испытанием в отношении железнодорожных рельсов, осей и бандажей является почти во всех странах копровая ударная проба. Эта проба должна гарантировать выполнение основных требований, предъявляемых к вышеперечисленным изделиям, именно—достаточную безопасность против хрупкого излома. Не менее часто проводятся испытания на ударный изгиб образцов с надрезом. Испытание это имеет громадное значение, что однако недостаточно усвоено многими практиками и нормирующими органами. Действительно, результаты статических исследований не дают достаточных указаний на степень гарантии материала в отношении хрупких, т. е. не связанных с остаточной деформацией форм разрушения. Чтобы изучить способность материала сопротивляться хрупкому разрушению, надо искусственно создать такие условия, при которых даже пластичный материал разрушался бы с возможно малой остаточной деформацией. Условие это может быть выполнено в результате сочетания двух факторов, именно—ударного характера нагрузки и местного ослабления образца путем надреза. Испытание на изгиб проводят или на образцах, лежащих на двух опорах (метод Шарпи), или же на образцах, заделанных одним концом. Для испытания на удар надрезанных

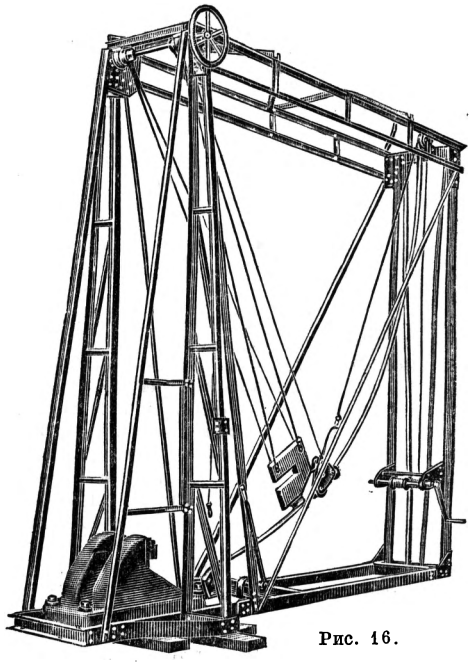


Рис. 16.

образцов применяют маятниковые копры. Схема действия этого копра показана на рис. 15, где *g*—маятник, *B*—образец, лежащий на двух опорах, и *C*—шкала для отсчета работы, затраченной на излом образца. Маятниковые копры изготовляются с работоспособностью от 0,05 до 250 *кг/м* (рис. 16). Для металла обычно применяются копры на 10—75 *кг/м*.

Подобно тому как статические испытания не могут дать характеристику ударной вязкости материала, эти испытания часто не могут служить и для характеристики стойкости против износа. В связи с этим получили широкое

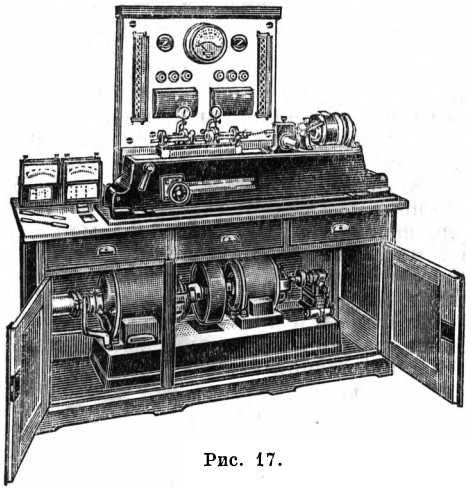


Рис. 17.

распространение различные машины для И. м. на изнашивание. Машины эти строятся для износа при трении скольжения или при трении качения или для комбинированного трения первого и второго рода, для трения, сопряженного со смятием, и т. д. Наиболее распространенными машинами на трение являются круг Баулингера, применяемый для испытания строительных материалов, машины систем Амслера, Мора и Федергафа, Шпинделя и др. В СССР была сконструирована остроумная машина на трение проф. Зайцевым.

Для испытания каменных пород часто применяют особые вращающиеся барабаны, износ определяют действием пескоструйного аппарата и др. приемами. К числу динамических испытаний необходимо отнести также и испытание на усталость или выносливость материалов (см. *Усталость металлов*). Испытания эти имеют своей целью определить способность материалов воспринимать очень большое число перемен нагрузок. На рис. 17 показана машина фирмы Шенк для испытания на переменный изгиб. За последнее время были произведены отдельные испытания на усталость, в к-рых число перемен загружения образца доводилось до одного миллиарда.

Кроме механических испытаний, т. е. таких, при к-рых обязательно определяется числовое значение действующей силы или работы, потраченной на разрыв образца, широко применяются т. н. технологические пробы. Это такие испытания, при к-рых действующая сила не определяется, а лишь проверяется способность материала подвергаться тем или иным деформациям или различным температурным, химическим и др. воздействиям или же наконец различным технологическим операциям.

Наиболее частыми технологическими пробами являются в отношении металлов пробы на горячий и холодный изгиб, на осадку, расплющивание, раздачу для труб, на перегиб, закручивание и навивание для проволок, на свариваемость, на закаливаемость и многие другие. Для растворов определяют постоянство объема, скорость схватывания и твердения, для искусственных и естественных камней—морозоупорность, водопоглощаемость, огнеупорность и т. д.

К числу исследований, часто подводимых под понятие И. м., иногда относят и такие, как определение тонкости помола цементов, определение газов и водопроницаемости материалов, определение звуко- и теплопроводности материалов, кислотоупорности, электропроводности, испытание на пробиваемость изоляции и т. д. Наконец к испытанию материалов можно отнести и т. н. дефектоскопию, т. е. определение внутренних пороков методами, не связанными с порчей самого изделия. К числу этих методов относятся просвечивание рентгеновскими лучами, определение трещин по изменению магнитной проницаемости и т. д.

Лит.: Вавр циньок О., Руководство по испытанию материалов, применяемых в машиностроении и строительном деле, вып. 1—5, М.—Л., 1926—31; Давиденков Н. Н., Динамические испытания металла, М.—Л., 1929; его же, Руководство к практическим занятиям в механической лаборатории, Л., 1924; Гаев И. С., Испытание металлов, Ленинград, 1933; Лоренц В. Ф., Руководство по испытанию и приемке строительных материалов, М.—Л., 1929; Длугач Л. С., Современные методы испытания качества металлов и их сплавов, Харьков, 1927; Одинг И. А., Современные методы испытания металлов, 2 изд., Москва—Ленинград, 1932; Martens A., Handbuch der Materialienkunde für den Maschinenbau, T. 1—Materialprüfungswesen, Probiermaschinen und Messinstrumente, Berlin, 1926; Schulze G. und Vollhardt E., Werkstoffprüfung für Maschinen und Eisenbau, B., 1923; Congrès international pour l'essai des matériaux (Amsterdam, 12—17 septembre 1927), t. I—II, La Haye, 1928; Premières communications de la Nouvelle association internationale pour l'essai des matériaux. A. et B., Zürich, 1930. *Н. Щапов.*

ИСПЫТАНИЕ МАШИН, производится для детальной проверки выбранных величин, точности изготовления и сборки, проверки экономичности работы машины и развиваемой ею мощности. В зависимости от назначения И. м. делятся на заводские, приемно-сдаточные, контрольные, лабораторные и для нек-рых видов машин—на типовые и государственные. В настоящей статье дается общее понятие об испытаниях основных типов машин: электрических машин, паровых турбин, двигателей внутреннего сгорания и металлорежущих станков.

Испытания электрических машин. Вся система испытаний, применяемых в современной промышленной практике, может быть разбита на следующие виды: 1. электромагнитные, 2. термические, 3. аэродинамические, 4. механические и 5. диэлектрические. Все эти испытания, будучи проведены совместно над одной машиной, дают т. н. «полное испытание» и производятся полностью только при выпуске первого типа вновь запроектированной конструкции. При массовом выпуске одних и тех же машин производят только «короткое коммерческое испытание», состоящее обычно из предварительной проверки, снятия одной точки холостого хода, короткого замыкания и в отдельных случаях внешней или рабочей характеристики. В настоящей статье указаны преимущественно те виды испытаний и методы их проведения, которые применяются в современной промышленности на испытательных станциях и в заводских лабораториях.

Предварительная проверка машин. До начала каких-либо испытаний проверяется сопротивление r_a каждой обмотки. В многофазных обмотках замеряется сопротивление каждой фазы. Машина запускается вхолостую мотором при номинальном числе оборотов и гоняется непрерывно 5—6 часов. При этом проверяются состояние подшипников,

балансировка якоря или ротора, зазоры вала и т. п.

Испытания электромагнитные. Испытания электромагнитные дают связи между важнейшими параметрами электромагнитного механизма машин, а именно: а) рабочим напряжением—V (или электродвижущей силой—E); б) током нагрузки—I; в) током возбуждения—I_b (или соответственно намагничивающей силой возбуждения—AU_b); г) полезной мощностью — kW (или моментом—M); д) коэффициентом полезного действия—η; е) числом оборотов—n. В зависимости от характера (генератор или двигатель) и рода машин (постоянный ток, синхронная, асинхронная машины и т. д.) изменяются виды связи и методы их определения.

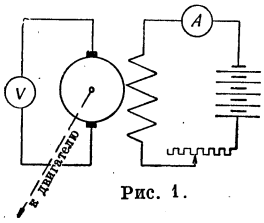


Рис. 1.

I. Машины постоянного тока. а) Характеристика холостого хода (кривая намагничивания) дает зависимость между потоком в воздушном зазоре (Φ) и током возбуждения; та же кривая (в другом масштабе) дает связь между электродвижущей силой и током возбуждения при неизменном числе оборотов. Эта кривая обычно снимается опытным путем по схеме рис. 1 или рис. 2. б) Характеристика, внешняя и внутренняя, определяет зависимость между напряжением на клеммах (внешняя характеристика) или электродвижущей силой (внутренняя характеристика) и нагрузкой при постоянном числе оборотов $n=\text{Const}$ и имеет существенное значение при работе машины генератором. Испытание производится по схеме рис. 3. в) Опыты короткого замыкания. Во многих случаях внешняя характеристика не может быть получена непосредственно и получается из характеристики холостого хода. г) Регулировочная характеристика дает зависимость между током I_b возбуждения и нагрузкой I при неизменном числе оборотов и напряжении на клеммах и вместе с внешней характеристикой дает возможность судить о важнейшей стороне каждого генератора — регулировке его напряжения при нагрузке. Характеристика может быть получена как опытным путем (по схеме рис. 4), так и графически. д) Кривая оборотов дает зависимость между числом оборотов мотора и его нагрузкой при неизменном напряжении. Особо строгие требования предъявляются к тяговым двигателям. Здесь часто для моторов одного типа расхождения по всей характеристике допускаются не свыше 2,5%.

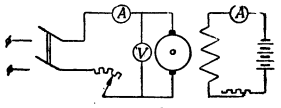


Рис. 2.

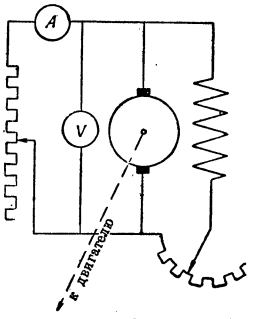


Рис. 3.

Коэффициент полезного действия, отношение отдаваемой энергии к получаемой

$$\eta=\frac{kW\ \text{отдав.}}{kW\ \text{получ.}},$$

снимается в зависимости от нагрузки при постоянном напряжении сети. Снятие коэффициента полезного действия производится особо тщательно в виду строгих требований к нему. В современной практике применяется несколько способов: 1) Метод непосредственного измерения, при к-ром испытуемая машина спаривается с «калиброванной машиной». Так как η калиброванной машины известен, легко определить η испытуемой машины. Значительно точнее метод «динамометра» — непосредственное измерение момента M на валу балансирной машиной. 2) Метод обратной работы. При наличии двух совершенно идентичных машин кпд может быть определен по методу обратной работы. Обе машины включаются параллельно на сеть; при вращении всей системы одна машина работает мотором, другая генератором. Из сети забирается только их разность, необходимая для компенсации потерь в системе. 3) Метод определения потерь. Этот метод, наиболее распространенный, вытекающий из самого определения кпд

$$\eta=\frac{kW\ \text{подвод.}-W\ \text{потери машин}}{kW\ \text{подвод.}}$$

или

$$\eta=\frac{kW\ \text{отд.}}{kW\ \text{отд.}+W\ \text{потери машин}}.$$

Сами потери разделяются на W_1—потери омические (в обмотках, дополнительных полюсов и т. д.); W_2—потери в активном железе; W_3—потери механические; W_4—потери в контактах; W_5—потери дополнительные. Таким образом W потери машины $=W_1+W_2+W_3+W_4+W_5$. Потери первого вида определяются по формуле $W_1=I^2r_t$, где I—ток данной обмотки, r_t — ее сопротивление при обусловленной нормами температуре. Потери железные W_2 (на гистерезис и токи Фуко). Наиболее простым методом их определения является метод Деттмара—определение потерь холостого хода и их разделение. Механические потери W_3 состоят из потерь на трение в подшипниках, трение о воздух якоря, вентиляцию и трение щитов о коллектор. Потери W_3 могут быть определены непосредственно, пользуясь калиброванной или балансирной машиной. Потери W_4 в переходных контактах от щеток к коллектору берутся на основе фирменных материалов.

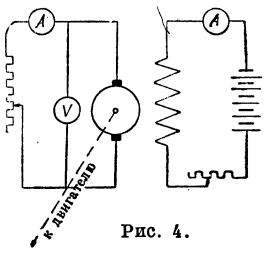


Рис. 4.

Оценка коммутации — важнейшей стороны всякой коллекторной машины—пока не имеет достаточно точных методов для суждения о ней. Наиболее простой является американская система «наблюдения коммутации», причем качество ее оценивается на-глаз по величине искрения при различных нагрузках от 0,25 I_n до 2,5 I_n.

II. Синхронные машины. В этих машинах число оборотов находится в строгой зависимости от периодичности: $n=\frac{f\cdot 60}{p}$, где f—частота в пер/сек., p—число пар полюсов. Цикл испытаний для синхронных машин тот же, что и для машин постоянного тока, за исключением: а) определения функциональных связей, в к-рые обороты входят как переменная величина (скоростные характеристики); б) определения качества коммутации, посколь-

ку таковая совершенно отсутствует. Зато добавляются нек-рые опыты, связанные с переменным током. Для синхронных машин особую важность имеют характеристики, известные под названием «кривых Мордея» и дающие зависимость между рабочим током и током возбуждения, т. е.

$I = f(I_b)$ и $\cos\varphi(I_b)$ при $V =$ пост. и $M =$ Const.

Характеристики снимаются при холостом ходе в нагрузках, соответствующих $^1/_4$, $^1/_2$, $^3/_4$, $^4/_4$ номинальной.

III. Асинхронные двигатели. Производятся следующие испытания: а) опыт холостого хода, б) опыт короткого замыкания, в) построение кривой диаграммы на основании первых двух опытов, г) измерение скольжения, т. е. отношение разности между числами оборотов поля и ротора к числу оборотов поля, выраженное в процентах. Наиболее точным является стробоскопический метод.

IV. Коллекторные двигатели. Все характеристики снимаются при номинальной частоте. Сами характеристики обычны для электрических двигателей.

Испытания термические сводятся к определению перегревов отдельных частей машин. Нормы всех стран устанавливают «номинальную мощность» машины, под каковой понимается нагрузка, с к-рой машина может работать на испытательном стэнде без превышения «допустимых перегревов». Вопрос перегрева—вопрос жизни наиболее слабого места машины—изоляции. Поэтому нормы всех стран, в т. ч. и СССР, устанавливают «допустимые перегревы».—Наиболее распространенные методы измерения перегрева ртутным (или спиртовым) термометром и изменением сопротивления обмоток. Последний метод предпочтителен.

Аэродинамические испытания сводятся к определению количества прогоняемого воздуха в $м^3$/мин. и соотв. давления в *мм* водяного столба. Определяются трубкой Пито или зависимостью количества прогоняемого воздуха от числа оборотов.

Механические испытания. Кроме испытаний «предварительной проверки» к этим испытаниям относятся: а) установление прочности всех вращающихся частей машины методом «разноса». Вращающаяся часть приводится во вращение со скоростью от 1,25 *n* до 2—2,5 *n* (где *n*—номинальное число оборотов), в зависимости от типа машины. Опыт продолжается от 2 до 30 мин. б) В машинах, работающих на судах, часто проверяется работа подшипников и других вращающихся частей в положении, отличающемся от горизонтального,—под углом 30° или 45°.

Диэлектрические испытания заключаются в проверке электрической прочности изоляций. Согласно нормам производится переменным током 50 пер/сек. Напряжение берется $2V+$ $+1.000$ вольт (V—рабочее напряжение испытуемой части обмотки), а для машин напряжением свыше 6.000 вольт—$2V+3.000$ вольт.

Лит.: Кулебакин В. С., Испытание электрических машин и трансформаторов, М.—Л., 1928; Ян Г., Испытания электрических машин, М., 1928; Круг К. А., Бесколлекторные асинхронные двигатели, 2 изд., Л., 1928.

М. Романов.

Испытания паровых турбин могут преследовать две цели: 1) проверку при приемке турбины от завода-поставщика экономичности турбины, развиваемой ею максимальной мощности, работы регулирования и механических качеств (приемочные испытания); 2) периодическую проверку работы турбины во время эксплоатации для выяснения степени ухудшения ее работы по мере износа машины, для проверки результатов ремонта турбины и т. д. Результаты приемочных испытаний служат для сравнения качества турбины с гарантиями, которые даются заводом-поставщиком при заказе турбины и зафиксированы в договоре на поставку турбины. Гарантии даются заводом в отношении экономичности турбины, ее мощности и механических свойств; при этом гарантии ограничены сроком, к-рый обычно составляет один год со времени пуска турбины в эксплоатационную работу.

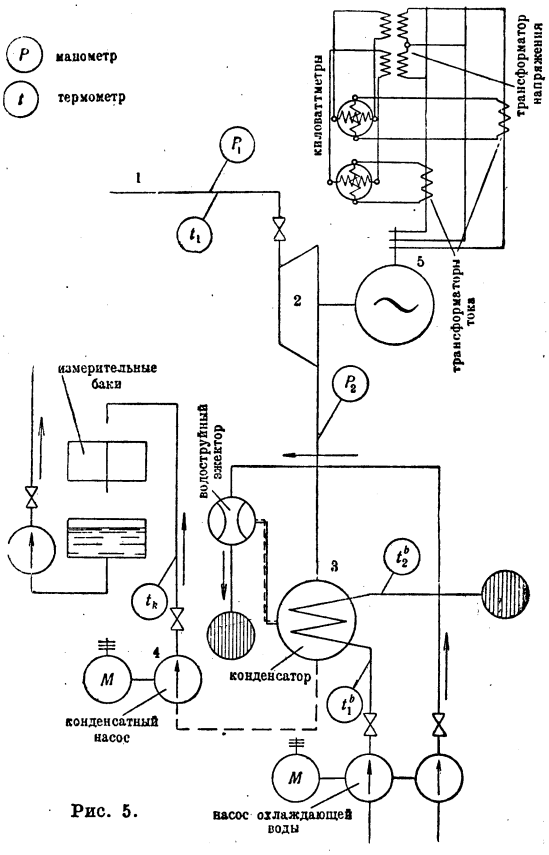


Рис. 5.

Экономичность турбины при определенной ее нагрузке, заданном давлении и температуре свежего пара и давлении отработавшего пара определяется расходом пара на единицу выработанной энергии. Поэтому все эти величины должны быть измерены во время испытаний. На рис. 5 показана схема паровой турбины, работающей с конденсацией. По трубопроводу (*1*) подводится свежий пар, к-рый, пройдя регулирующие клапаны, работает в турбине (*2*) и далее направляется в конденсатор (*3*). Здесь пар за счет охлаждения превращается в воду, забирается конденсатным насосом (*4*) и направляется в расходные баки для питания котлов. Энергия, развиваемая турбиной, воспринимается генератором (*5*) и от него по проводам направляется к потребителям. Места установки основных измерительных приборов условно показаны на том же рис. 5.

Измеряются мощность генератора, коэффициент его мощности $\cos\varphi$ и напряжение гене-

ратора (см. Испытание электрических машин). На основании этих величин могут быть при заданной мощности определены фактические потери генераторов.

Расход пара (D_1) на турбину определяется путем объемного измерения количества сконденсированного пара, для чего служат два протарированных бака, к-рые показаны на схеме рис. 5. Все количество сконденсированного пара должно быть направлено в баки, для чего на всех не находящихся в работе ответвлениях конденсатной линии устанавливаются заглушки, а конденсатор перед испытанием проверяется на плотность. Состояние свежего пара определяется замером его давления (P_1) и температуры (t_1) перед турбиной. Давление замеряется пружинным манометром, температура — ртутным термометром (или термометром сопротивления), который погружается в гильзу на паропроводе свежего пара.

Замер давления отработавшего пара производится ртутным вакуометром при одновременном замере барометрического давления ртутным барометром. Разностью показателей барометра и вакуометра определяют давление в конденсаторе — P_2. Состояние свежего пара и давление отработавшего пара определяют из располагаемого теплопадения h_0 кал/кг. Поскольку давление P_2 в конденсаторе определяется качеством его работы, температурой входа охлаждающей воды и ее количеством во

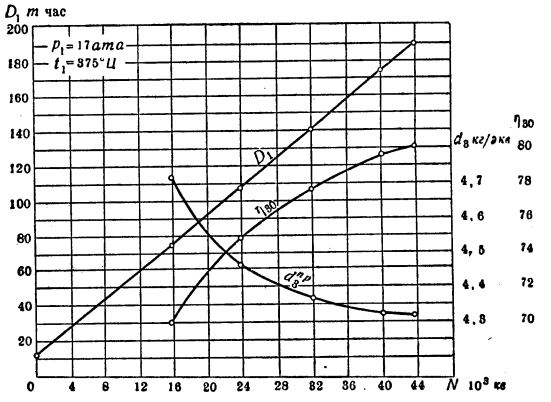


Рис. 6.

время испытаний, производят измерения температуры входа и выхода охлаждающей воды, что позволяет судить о работе конденсатора. Количество охлаждающей воды обычно подсчитывается по уравнению теплового баланса конденсатора. Удельный расход пара находится по замеру часового количества отработавшего пара D_1 и мощности, отданной генератором $N_э$.

$$d_э = \frac{D_1}{N_э} \text{ кг/kW/ч.}$$

Степень совершенства работы турбины определяется ее коэффициентом полезного действия

$$\eta_{э.0} = \frac{860}{h_0 d_э}.$$

Во время испытания редко удается в точности выдержать параметры пара, предусмотренные договором. Поэтому результаты опытов пересчетом приводятся к номинальным условиям. Способ пересчета должен быть обусловлен в договоре. Пересчитанные данные расхода пара и кпд строятся на диаграмме (см. рис. 6) и по ним судят о выполнении гарантийной экономичности. Перед проведением опытов по проверке экономичности следует проверить установку регулирования турбины с тем, чтобы турбина могла развивать полную мощность. После этой проверки при всех дальнейших опытах регулирование не должно подвергаться перестановке.

Для проверки динамических свойств регулирования производят опыты мгновенного сброса нагрузки и при этом наблюдают повышение

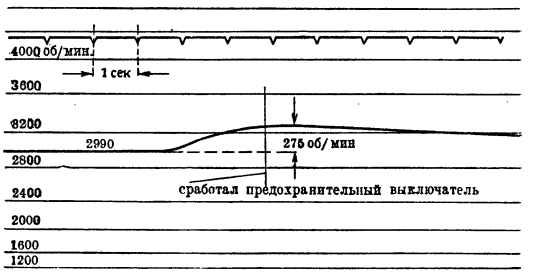


Рис. 7.

числа оборотов турбины. Максимальное увеличение числа оборотов не должно превышать 5—6% от первоначального. На рис. 7 приведен пример типограммы (запись числа оборотов), снятой при сбросе нагрузки с такой турбины. В этом опыте число оборотов повысилось на 9,2%, что вызвало действие предохранительного выключателя. При испытании турбин с отбором пара дополнительно измеряются количество D_n и состояние отбираемого пара. В большинстве случаев D_n определяется при помощи диафрагмы, установленной на линии отбора. В этом случае полный расход пара D_1 равен сумме количества отработавшего пара, измеренного по бокам, и количества отбираемого пара D_n. После внесения всех поправок в результаты замеров и приведения результатов опытов к простейшим условиям строят диаграмму расходов свежего пара и по этим данным судят об экономичности турбины.

Лит.: Нормы испытаний паротурбинных установок, серия ПТ, вып. 2, изд. Всес. теплотехнич. ин-та, М., 1930; Щегляев А. В., Испытание паровой турбины, М.—Л., 1932; Рубинштейн Я. М., Нормы (правила) измерения расхода жидкостей, газов и пара при помощи дроссельных приборов (Проект), Москва—Ленинград, 1933; Regeln für Abnahmeversuche an Dampfturbinen..., Berlin, 1931.

А. Щегляев.

Испытания двигателей внутреннего сгорания. При испытаниях двигателей обычно определяются число оборотов и крутящий момент, развиваемый двигателем, откуда вычисляются мощность и расход топлива на двигатель в определенный отрезок времени и расход на одну лошадиную силу в час. Индицирование двигателей с целью определения среднего индикаторного давления и вычисления по нему индикаторной мощности производится лишь для тихоходных машин и в тех случаях, когда затруднительно определить крутящий момент другим способом. После заводских испытаний двигатель сдается заказчику на основании испытаний, называемых приемно-сдаточными, к-рые должны выявить, соответствует ли двигатель техническим условиям договора на поставку. Вследствие этого требуется регламент, не допускающий двусмысленных толкований, к-рому должны подчиняться обе стороны.

К контрольным испытаниям относятся: 1) испытание по заводскому регламенту каждого вновь собранного двигателя в установившемся производстве; 2) испытание (обычно очень крат-

ковременное) после переборки и чистки двигателя с целью удостовериться в правильности сборки; 3) испытания двигателей после крупных ремонтов. Под лабораторными испытаниями понимаются испытания, проводимые с исследовательскими целями, обычно с расширенным диапазоном измерений и применением аппаратуры, не имеющей постоянного употребления на сдаточном заводском стэнде. Задачей лабораторных испытаний является или установление причин какого-либо особого или неожиданного явления в работе двигателя или изучение и полная характеристика данного двигателя или типа. Отдельно надо выделить группу исследовательских работ, в к-рых двигатель является уже не объектом исследования, а прибором, служащим для воспроизведения интересующих исследователя процессов и явлений. Для таких исследований норм установить нельзя, и методы их весьма разнообразны. Отдельные виды испытаний смешиваются между собой, особенно это касается заводских и лабораторных испытаний.

Для авиационных двигателей установлены т. н. государственные испытания. Всякий новый тип двигателя или же двигатель, подвергшийся конструктивным переделкам в существенных деталях, не допускается к применению на самолетах до прохождения им государственных испытаний.

Порядок проведения государственных испытаний точно регламентирован. Сами испытания производятся либо в государственных авиационных лабораториях либо их представителями на установках строящих организаций. По правилам, действующим в СССР, в основном авиамотор должен проработать 10 часов на своей номинальной мощности (каждое испытание не менее часа под ряд) и 90 часов на 0,9 номинальной мощности, т. е. всего не менее 100 часов на станке. Уменьшение, увеличение нагрузки, ее чередование твердо установлены. Кроме перечисленных видов испытаний можно еще отметить специальные испытания двигателей, напр. судовых, автотракторных, в условиях эксплоатации—с определением измерителей, характеризующих производительность и экономичность.

Лит.: Сороко-Новицкий В., Методика испытания автомобильных двигателей, М.—Л., 1932; Judge A. W., The testing of high speed internal combustion engines, 2 ed., L., 1932.

Н. Ворогушин.

Испытание металлорежущих станков. Отдельные детали и части станков должны быть обработаны соответственно чертежам и собраны с наибольшей точностью, гарантирующей получение, при обработке на них машинных деталей, вполне цилиндрических или прямолинейных поверхностей, а также взаимно перпендикулярных или под точно установленным углом плоскостей и др.

Испытание на точность—проверка точности выполнения и сборки станков. Абсолютной точности движения рабочих органов станка достигнуть нельзя. Поэтому установлены допустимые пределы отклонений (0,005—0,4 *мм*) от абсолютной точности геометрических форм или траекторий движения рабочего органа или части станка, в зависимости от влияния их на степень точности обработки детали. Так например, для обработки на станке деталей с наибольшей точностью направляющие станков не должны отклоняться от абсолютно прямой линии более 0,02 *мм* на длине 1.000 *мм*; при более грубой обработке деталей допускаются отклонения до 0,06 *мм*. Для испытания станков на точность применяется индикатор — прибор, имеющий вид карманных открытых часов, стрелка которого при нажатии стерженька дает на циферблате перемещения в сильно увеличенном масштабе; при делениях циферблата в 0,01 *мм* обнаруживается ошибка до 0,005 *мм*. Кроме того применяются точно прямолинейные металлические линейки и угольники, контрольные валики (оправки); большое применение находят также ватерпасы, дающие возможность отличать отклонения от горизонтальности (или прямолинейности) проверяемой плоскости от 0,02 до 0,04 *мм* на 1.000 *мм*, и некоторые другие приборы: *Иогансона плитки* (см.), щупы, бумажные полоски, простые водяные уровни (ватерпасы), микроскопы (для проверки ими прямолинейности по натянутой тонкой проволоке), призмы и другие. Перед испытанием на точность станок должен быть установлен на полу горизонтально

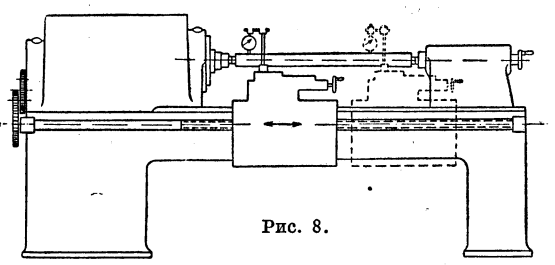


Рис. 8.

(по водяному уровню). Одним из испытаний токарного станка на точность служит определение параллельности линий центров и направляющих станины в вертикальной и горизонтальной плоскости (допускается подъем только к задней бабке) (рис. 8). Между центрами устанавливается оправка; пуговка индикатора, связанного с суппортом, скользит по неподвижной оправке в вертикальной и горизонтальной плоскости, причем суппорт движется. Отклонения от параллельности допускаются от 0,01 *мм* при высоте центров до 180 *мм* и до 0,03 *мм*—при высоте центров 400 *мм*; для тех же станков, для более грубой работы, допускают отклонения от 0,02 до 0,06 *мм*.

На точность у станков проверяются: плоскости, направляющие, вращение шпинделя в подшипнике, взаимное расположение двух плоскостей, взаимное положение плоскостей направляющих, взаимное положение плоскостей и осей вращения, взаимное положение направляющих прямолинейного движения и осей вращения, взаимное положение двух осей и др. Нек-рые станки (как-то: токарные, револьверные, карусельные, сверлильные, шлифовальные, строгальные) испытываются кроме того и на точность их работы.

Испытание на мощность. Кроме точности от станка требуется возможно большая производительность, одним из факторов которой является мощность. Мощность, получаемая на шпинделе станка, разделенная на соответствующую мощность, получаемую для данного же момента на приводный вал станка, дает в частном величину коэффициента полезного действия станка.

Мощность, подводимая к шкиву станка, может определяться специально изготовляемыми динамометрами. При приводе станка от индивидуального электродвигателя она опреде-

ляется ваттметром, дающим расход энергии в киловаттах. При электродвигателе постоянного тока она может быть определена показаниями вольтметра и амперметра. Мощность, передаваемая на шпиндель станка (эффективная мощность), может определяться посредством тормаза Прони и десятичных весов, на площадку к-рых рычаг тормаза передает силу момента тормажения шпинделя, определяемую уравновешивающими грузами весов. Тормажение шпинделя может делаться и ленточным тормазом, причем сила натяжения ленты определяется посредством двух пружинных динамометров.

Наиболее точное определение мощности, передаваемой на шпиндель токарного станка, производится специальным мерительным суппортом. Самым несовершенным, но практически часто употребляемым является способ определения передаваемой мощности на шпиндель непосредственной работой на станке инструментом (резцом) путем умножения площади сечения снятой стружки на коэффициент резания, чем определяют (приблизительно) силу давления на резец, по к-рой, учитывая скорость резания, находят мощность. Так как коэффициент резания в данном случае неизвестен, этот метод не дает точных данных. К такому же приблизительному и неточному методу надо отнести и метод определения подводимой мощности к станку по ширине ремня, также часто применяющийся в практике.

Для определения мощности на шпинделе сверлильного станка употребляют так наз. «бортиш», показывающий крутящие моменты на сверле, по к-рым с учетом числа оборотов шпинделя может быть вычислена мощность; для фрезерного станка—специальный фрезерный стол.

Испытание на производительность. Испытание на производительность снятием стружки еще не имеет стандартных методов; между тем на одном и том же станке можно получить значительно разнящуюся производительность. Производительность станка обычно выражают объемом или весом снимаемой стружки в *кг*/ч. Производительность снятия стружки следует увязывать с мощностью, и поэтому она выражается в *кг*/ч. л. с., т. е. числом килограммов стружки (определенного металла) в час на одну лошадиную силу, подводимую к станку, или числом лошадиных сил, подводимых к станку, на один *кг* стружки определенного металла. Испытание на производительность снятием стружки будет иметь практическое значение лишь при условии идентичных методов и способов испытания того или другого типа станков.

Лит.: Шлезингер Г., Испытание станков, М.—Л., 1932; Технические условия на импортное оборудование. Станки металлообрабатывающие, изд. «Техника управления», М., 1930; «Станки и инструмент», М., 1930, № 5—6, и 1931, № 2—3; Schlesinger G., Prüfbuch für Werkzeugmaschinen, 2 Aufl., B., 1931. *Д. Федотов.*

ИССА (Issus), город в древней Киликии (в Малой Азии), близ зал. Искандерун, у т. н. «Киликийских ворот»—гл. прохода из современной Турции в Сирию. Здесь в 333 до хр. э. произошло сражение между армией *Александра Македонского* (см.) и персидской армией Дария III Кодомана, внезапно вышедшей в тыл македонской армии, действовавшей на Мало-азиатском побережьи. Несмотря на невыгодность положения македонской армии, персидская армия была разбита и понесла большие потери.

ИССА (Кобаяси Исса) (1763—1827)—японский поэт, один из трех (Басе, Бусон, Исса) великих поэтов эпохи Токугава (1600—1867), последней эпохи японского феодализма, представитель поэзии Хокку. Основные мотивы поэзии И. — сочувствие «слабым», жалобы на жизненные тяготы и невзгоды, зачастую переходящие в проклятия человеческому существованию. В этом нашли свое отражение как его личная, полная лишений жизнь, так и общая обстановка того времени: постепенно развивающийся кризис феодализма, обнищание крестьянства и городских низов, массовое деклассирование мелкого дворянства и его пауперизация.

ИССЕТ ПАША (Иззет), Ахмед (род. 1864), видный турецкий военный и политический деятель султанско-абсолютистского и младотурецкого периодов. С 1908, после младотурецкой революции,—начальник Генштаба; в 1913—помощник главнокомандующего оттоманской армией, затем—военный министр. Во время империалистической войны—командарм 2 (на Кавказском фронте). В 1918—член делегации на Брест-Литовской мирной конференции. В последний период империалистической войны занимал различные министерские посты, включая пост великого визиря. К кемалистскому движению не примкнул, но, состоя в константинопольском правительстве, занимал в отношении кемалистов примирительную позицию. В 1921 участвовал в качестве представителя константинопольского правительства в Лондонской конференции по восточному вопросу, где были представлены и анкарское и константинопольское правительства. После окончательной ликвидации султаната (1922) отошел от политической жизни.

ИССИ-ЛЕ-МУЛИНО (Issy-les-Moulineaux), один из ю.-з. пригородов *Парижа* (см.); расположен на левом берегу Сены, против пригорода Булонь Бийанкур (Boulogne Billancourt) на ж. д. Париж—Версаль. Жителей 40.386 (1931). Металлообрабатывающая и химическая промышленность. Аэродром.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД В ШКОЛЕ. Под И. м. в школе в советской педагогике долгое время понимали такой метод, при к-ром учащийся становится как бы в положение исследователя, т. е. он относительно самостоятельно открывает новые для себя факты и закономерности. В сравнении с *эвристическим методом* (см.) И. м. представляет собой дальнейшее его развитие. Если там учащийся открывает новые факты под постоянным и непосредственным руководством учителя, то здесь учащийся должен открывать эти факты самостоятельно, хотя бы это была самостоятельность кажущаяся. В методике преподавания естествознания в советской школе И. м. было уделено большое внимание, вплоть до признания его универсальным методом преподавания естественных наук. Тем не менее расхождения между отдельными методистами в понимании И. м. были очень большие. Так, некоторые методисты называли И. м. обычный эвристический метод. Пресловутый метод проектов (см. *Проектов метод*) пытался подчинить себе исследовательский метод и сделать орудием методического прожектерства в деле универсализации методов преподавания, внедрения голого, слепого эмпиризма в работу школы и снижения роли учителя, превращая последнего только в «помощника» детей в организации учебного процесса.

Увлечение И. м., имевшее место в советской педагогике как реакция против зубрежки, характеризовавшей старую школу, явилось результатом буржуазных влияний: в буржуазной педагогике получили широкое распространение установки, направленные против систематического изучения наук и требующие лишь формального развития учащихся в школе. Эти установки вполне естественны для буржуазной узко-эмпирической деляческой школы, поскольку она не ставит своей задачей выработку в детях научного мировоззрения на основе связи между теорией и практикой и критического овладения всеми теми знаниями, к-рые выработало человечество. С точки зрения буржуазии трудящиеся должны овладевать знаниями только постольку, поскольку это в интересах буржуазии (Энгельс); для широких буржуазных кругов также нет необходимости в слишком углубленном изучении наук. Поэтому вопрос овладения системой знаний в процессе школьного обучения в новейшей буржуазной педагогике стоит на втором плане. Программа советской школы в отличие от буржуазной должна дать детям «основы наук», «точно очерченный круг систематизированных знаний». Поэтому стремление некоторых педагогов построить все преподавание или преподавание отдельных дисциплин на основе исследовательского метода было несомненно вредным, в известной мере отражавшим установки буржуазной теории «свободного воспитания» и приводившим на практике к реализации антиленинской теории отмирания школы. Вместо систематического изучения наук, при котором основной формой изучения становился урок, получалось бессистемное, требующее огромной затраты времени прохождение отдельных поддающихся изучению исследовательским методом тем или вопросов, что находится в прямом противоречии с требованием исторического постановления ЦК ВКП(б) о школе от 5 сентября 1931.

Поскольку одной из предпосылок И. м. является активизация учеб. процесса, современная советская школа признает необходимость и важность внедрения некоторых моментов и приемов исследовательского характера в учебный процесс. Однако она не может принять И. м. в качестве основного и тем более универсального, как на том настаивали нек-рые советские педагоги, и строит свою работу на основе указаний, данных в постановлении ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 5/IX 1931, ведя борьбу против ошибок правого и левацкого порядка, вытекающих из непонимания методологических предпосылок правильного соотношения между методом и содержанием в школьном обучении. *А. Пинкевич.*

ИССОП, Hyssopus officinalis, полукустарник из сем. губоцветных, 20—60 *см* высоты, с сильно пахучими листьями, темноголубыми, реже розовыми или белыми, цветками. Дико растет преимущественно по солнечным каменистым местам в Юж. Европе, на юге Европ. части СССР, на Кавказе, в Средней Азии; разводится кое-где в Юж. и Средн. Европе, в Крыму, в черноземной полосе Европ. части СССР и легко дичает. Дает эфирное масло, применяемое в парфюмерии. Трава И. употребляется в медицине, преимущественно народной, а также как пряность; собирается в начале цветения. На меловых горах встречается другой очень близкий вид И., Hyssopus cretaceus.

ИССЫК-КУЛЬ (по-тюркски—«горячее озеро»; название, объясняемое тем, что озеро никогда не замерзает зимой), бессточное солоноватоводное озеро в Киргизской АССР, одно из крупнейших горных озер на земле. Расположено в центре Тянь-Шаньской горной системы, между 42°12′ — 42°45′ с. ш. и 76°14′—78°24′ в. д. на высоте 1.579 *м*.

Первое упоминание о И.-К. (Же-хай, т. е. «теплое море») встречается в китайских летописях 2 в. до хр. э. В 7 в. И.-К. был описан китайцем Сю Ань-цан. В 1722 нанесен на карту Унковским под именем Тускель, т. е. Соленого озера. В 1856—57 П. П. Семенов сделал съемку озера и описал его. Из позднейших работ важны исследования Северцова, Мушкетова, Краснова, Нагаева (1891, первые промеры), П. Ю. Шмидта (фауна), Берга (1903, 1928).

Занимает котловину (синклиналь-грабен), вытянутую с З. на В. и окруженную высокими горными хребтами. С С. вдоль озера протягивается хребет *Кунгей Ала-тау* (см.); юж. склон его круто, почти без предгорий, поднимается над озером километров в 10 от берега, но местами подходит ближе, а в урочище Кесе-сенгыр горы достигают озера, круто спускаясь прямо в воду. С Ю. бассейн озера окаймляется хребтом *Терскей Ала-тау* (см.); гребень его дальше отстоит от берега, чем гребень Кунгея; склон к озеру сильнее расчленен и местами имеет хорошо развитые предгорья. Поэтому реки, стекающие в И.-К. с Терскея, имеют более развитые водосборные бассейны и многоводнее речек Кунгея. На З. котловина И.-К. замыкается массивом Кызыл-омпул; на В. между Кунгеем и Терскеем вклинивается невысокий хребет Ичке-тасма.

Длина озера между урочищем Кутемалды и устьем р. Тюп—182 *км*, наибольшая ширина—58 *км*, площадь—6.205 *км*² (по Кузнецову-Угамскому—6.124 *км*²). Островов на И.-К. нет. Береговая линия мало изрезана. На В. озеро образует два значительных залива в устьях рек Тюп и Джиргалан, разделенных полуостровом Тасма, к-рые, как и небольшие устьевые заливы («затоны»), на юж. берегу имеют большое рыбопромысловое значение.

Средняя годовая температура воздуха на И.-К. 6—7°, июльская 17—18°, январская—−5°. Средняя годовая амплитуда—22,5°. Осадки преобладают летние. Сравнительная мягкость зимы объясняется отчасти влиянием озера. Испарения с его поверхности уносятся господствующими на нек-рой высоте зап. ветрами к В. и здесь, сгущаясь на склонах гор, дают обильные осадки. Благодаря этому вост. часть Иссык-Кульской котловины гораздо влажнее западной. В с. Рыбачьем (на З.) выпадает в год всего ок. 100 *мм* осадков, снега зимой почти не бывает, а на В. осадков выпадает в Караколе 495 *мм*, в Тюпе 570 *мм* и зимой бывают глубокие снега.

К озеру направляется свыше 80 быстрых горных речек; нек-рые из них имеют лишь периодическое течение; нек-рые не доносят своих вод до И.-К., разбираясь целиком на орошение. Важнейшими вост. притоками озера являются Тюп и Джиргалан, южными—Каракол, Джеты-огуз, Барскоун, Тон и др. По приблизительному подсчету, количество воды, приносимой реками в И.-К., составляет ок. 6 *км*³ в год. Этого было бы достаточно, чтобы повысить его уровень более чем на 1 *м* за год, но т. к. И.-К. не имеет стока, а годичные колебания уровня обычно не превосходят 10—20 *см*, то очевидно весь этот приток воды компенсируется испарением. Наибольшей высоты уровень И.-К. обычно достигает в августе в раз-

гар таяния снегов и ледников в горах, наименьшей — зимой (декабрь — февраль). Кроме того уровень озера подвержен изменениям в связи с многолетними периодическими колебаниями климата. Наличие в окрестностях И.-К. террас, поднимающихся до 50 *м* над современным уровнем, и озерных отложений на высоте до 300 *м* над озером указывает, что некогда уровень стоял значительно выше, чем в наст. время. Такое понижение уровня обусловлено было вероятно тем, что р. *Чу* (см.), бывшая некогда истоком озера, постепенно углубляя свое русло в Буамском ущелье, спустила таким образом часть вод Иссык-Куля. По глубине И.-К. занимает третье место (после Байкала и Каспия) среди озер Евразии. Значительные глубины—650—660 *м*—сосредоточены в средней части озера, причем жмутся к юж. берегу. Наибольшая известная глубина—702 *м*. На дне—светлосерый ил.

Благодаря бессточности И.-К. вода его несколько солоновата (в открытой части озера до 6‰). Вода содержит сравнительно много магния и отличается большой щелочностью и преобладанием сульфатов над хлоридами. Сравнительно малая соленость вод И.-К. объясняется тем, что озеро еще недавно было проточным. Вода И.-К. даже на значительных глубинах богата кислородом (до 75% насыщения). Выделение сероводорода обнаружено только в длинных и узких заливах восточной части озера, замерзающих зимой. Прозрачность воды в глубоких местах очень велика (до 17,5 *м*). Температура воды в июле на поверхности почти 19°, сравнительно высокая, если принять во внимание высоту над уровнем моря. С глубиной температура быстро падает и уже на 20 *м* достигает обычно 10—11°, а начиная с 200 *м* и до дна устанавливается довольно однообразная температура 4,3—4,2°. Зимой замерзают только заливы, гидрологически резко отличающиеся от открытого озера.

На озере хорошо выражены *бризы* (см.). Климатические различия сказываются на растительности. Леса из тянь-шаньской ели встречаются по склонам и ущельям Кунгея и Терскея гл. обр. на В. и почти отсутствуют в зап. части котловины. Берега озера покрыты густыми зарослями облепихи. На З., у Кутемалды—большие заросли чия.

Флора И.-К. не оригинальна (Chara, Myriophyllum и т. п.). Фауна имеет несколько эндемичных видов гаммарид, моллюсков и рыб. Рыбопромысловое значение имеют: сазан (Cyprinus carpio), маринка (Schizothorax pseudaksaiensis Issykkuli), осман (Dyptichus Dybowskii), чебак (Leuciscus Schmidti) и чебачек («селедка», Leuciscus Bergi). Воды открытого озера олиготрофны. Рыбопромысловое значение И.-К. пока невелико. По берегам озера расположен ряд русских и киргизских земледельческих и рыбачьих селений, а в вост. части котловины лежит город *Каракол* (см.). С 1926 на И.-К. курсируют теплоходы по линии с. Рыбачье—г. Каракол. Колесный путь к И.-К. идет от г. Токмака, через Буамское ущелье, к с. Рыбачьему (110 *км*). Летом регулярное автомобильное сообщение. Живописность окрестностей озера привлекает массу туристов; центром туризма является Каракол.

Лит.: Берг Л. С., Озеро Иссык-Куль, «Землеведение», М., 1904, т. XI, кн. 1—2; Кассин Н. Г. и др., Гидрологические исследования, произведенные в бассейне озера Иссык-Кул... в 1914 г., под ред. Половникова, изд. Отдела земельных улучшений, Петроград, 1915; Берг Л. С., Гидрологические исследования на Иссык-Куле в 1928 г., «Известия гос. Гидрологич. ин-та», Л., 1930, № 28; Кузнецов-Угамский Н. Н., Бассейн озера Иссык-Куль как географическое целое, «Труды Геоморфологич. ин-та» Акад. наук СССР, Л., 1931, вып. 1; Кейзер Н. А., Материалы для истории, морфологии и гидрологии оз. Иссык-Куль («Труды Средне-Азиатского гос. ун-та», серия XIIa—География, вып. 1), Ташкент, 1928.

ИССЫКСКИЕ ОЗЕРА, Большое и Малое (иначе Джасыл-Куль, по-казакски—зеленое озеро). Горные озера моренного происхождения, в Казакской АССР, в *Заилийском Ала-тау* (см.). Большое И. о. расположено к В. от г. Алма-Ата (50 *км*) на высоте 1.788 *м*; площадь ок. 1 *км*², наибольшая глубина 60 *м*. Температура в июле 10—12°. Уровень озера сильно колеблется в зависимости от таяния снегов и ледников, максимума достигает в июле—августе. Берега кроме северного крутые, сложены из массивных кристаллических пород и покрыты хвойными лесами, южный изрезан бухточками. В нескольких километрах от озера поднимается Иссыкский пик, покрытый вечным снегом. В 2 *км* от Большого И. о. на высоте 1.705 *м* расположено Малое И. о.; площадь 0,2 *км*², глубина 50 *м*. Через оба озера протекает ледниковая речка Иссык, к-рая по выходе из Малого И. о. образует сплошной каскад.

На Большом И. о.—гидрометрический пункт. Оба озера часто посещаются туристами.

ИСТАХРИ, Абу Исхак, путешественник середины 10 в., родом перс. Написал на арабском языке «Книгу климатов», в к-рой наряду с описаниями лично им посещенных стран дает и сведения сомнительные, а часто и фантастические, заимствованные из других источников.

Отрывки в рус. пер. см.: Гаркави А. Я., Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, Петербург, 1870.

ИСТБОРН (Eastbourne), приморский город, курорт на Ю.-В. Англии, в графстве Сессекс, на сев. берегу Английского канала (Ла Манша); конечный пункт ж.-д. линии, идущей на Ю.-Ю.-В. от Лондона; 57.435 тыс. жит. (1931). Одно из излюбленных дачных мест лондонской буржуазии.

ИСТ-ГАМ (East Ham), город в Англии, в графстве Эссекс; 142.460 жит. (1931). Входит в состав так наз. внешнего кольца (Outer Ring) Большого *Лондона* (см.), являясь его с.-в. пригородом (между Лейтоном и Вест-Гамом).

ИСТ-КЛИВЛЕНД (East Cleveland), город в штате Огайо (США), у юж. берега озера Ири (Эри), к В. от г. *Кливленда* (см.), пригородом к-рого он фактически является. И.-к. возник в конце 19 в.; в 1900 в нем было только 2.760 жит., в 1920—27.290, а в 1930—40.280 жит.

ИСТ-ЛИВЕРПУЛ (East Liverpool), город в с.-в. части штата Огайо (США), на правом берегу судоходной р. Огайо на границе с Пенсильванией, к С.-З. от г. *Питтсбурга* (см.). 23.330 жит. (1930). Нефтепромыслы.

ИСТ-ЛОНДОН (East London), портовый город в Южно-Африканском союзе, в ю.-в. части Кепленда; расположен в устьи р. Буффало, впадающей в Индийский океан; ж. д. связан с магистральной линией Кептаун—Претория; 47.714 жит. (1932), в т. ч. 27.801 белых. Военная и коммерческая гавань, обслуживающая также Базутоленд и южную часть Наталя.

ИСТ-МЕН (East Main), 1) река в Северной Америке, на п-ове Лабрадор (Канада, пров. Квебек). Начинается в центр. части п-ова, из оз. Наококан, на высоте 530 *м* над ур. моря; течет на З., образуя ряд озер и водопадов, и, сливаясь с р. Опинака, впадает в залив Джемса

(юго-вост. часть *Гудсонова залива*, см.). Длина 750 *км*. Течет в лесистой, почти необитаемой местности; условно судоходна.—2) В англ. географической литературе И.—название всего зап. берега п-ова *Лабрадор* (см.) от устья р. Руперт до Гудсонова пролива.

ИСТ-ОРЕНДЖ (East Orange), город в штате Нью Джерси (США), в 13 *км* к З. от Нью Иорка, с к-рым связан электрической ж. д. Вместе с гг. Орендж, Зап. Орендж, Юж. Орендж и Мейплвуд составляет фактический пригород Нью Иорка, известный под именем «Оренджс» (the Oranges), с населением св. 150 тыс. чел. (1930), в т. ч. в И.-О. 68.230 чел. См. *Нью Иорк*.

ИСТЕЛЬ, Эдгар (р. 1880), нем. музыковед и композитор. Приобрел известность преимущественно как автор ценных работ по истории зап.-европейской оперы—«Die Entstehung des deutschen Melodramas» (1906); «Die komische Oper» (1906); «Die moderne Oper seit dem Tode Richard Wagners» (1915); «Revolution und Oper» (1919); «Das Buch der Oper» (1919)—и ряда монографий и отдельных статей о творчестве различных оперных композиторов (Мейербер, Корнелиус, Бизе). Из общих муз.-историч. работ И. следует отметить очерки по истории муз. романтизма 19 в. («Die Blühtezeit der musikalischen Romantik», 2 изд., 1919). Как композитор И. является автором ряда музыкально-драматических произведений (оперы, зингшпили, музыка к пьесам), многих хоров, песен и оркестровых пьес.

ИСТЕРИЯ (от греч. histera—матка), одна из форм нервных заболеваний группы *психоневрозов* (см.).

Взгляды на сущность и этиологию И. Исторически название И. объясняется прежними воззрениями, видевшими причину болезни в расстройстве деятельности внутренних органов, в частности матки. Наряду с этим взглядом, ведущим свое начало от Гиппократа, чрезвычайно сильно были распространены в средние века взгляды, объяснявшие истерические припадки (нередко смешиваемые с эпилептическими) одержимостью больных злыми духами (этот взгляд сохранился доныне в низкокультурных слоях населения—кликушество, мерячение). Объяснение истерических явлений как следствия расстройств деятельности матки просуществовало в науке, претерпевая конечно изменения соответственно развитию медицины, вплоть до середины 19 в., когда ряд виднейших клиницистов взялся за детальное изучение клинической картины И.

В 1859 Брике, опровергая маточную теорию И., впервые указал на проявления И. у мужчин и установил, что И. есть заболевание нервной системы, прежде всего—головного мозга. В 80-х гг. 19 в. Шарко выделил И. как самостоятельную болезнь, отграничив ее от других сходных заболеваний, и указал, что И. является по преимуществу психической болезнью; выдвигая на первое место внушаемость и самовнушаемость, Шарко отметил вместе с тем значение наследственности в происхождении И.

Ближайшие ученики Шарко, Жиль де ля Фуретт, Питрэ, Бабинский, Пьер Жан, развивают дальше психологическую сторону концепции своего учителя, составляя т. н. психологическую школу. Бабинский в частности, беря за основу внушаемость, довел эту точку зрения до крайности, заявив, что собственно истерическими надо считать только такие проявления, к-рые можно вызвать внушением и снять убеждением.

Фрейд, также будучи учеником Шарко, совместно с Блейером выдвинул для объяснения патогенеза И. теорию неотреагированных аффектов. По этой теории психическая травма, перенесенная чаще всего в раннем детстве, не будучи отреагирована, сохраняется в подсознательной сфере и в дальнейшем проявляется в форме того или иного истерического симптома. Впоследствии Фрейд, развивая учение о *психоанализе* (см.), поставил на первое место среди неотреагированных аффектов сексуальные травмы раннего детства, сведя к ним сущность истерии.

В большей или меньшей степени примыкают к психологической школе Дежерин, Зоммер, предложивший вместо И. название—психогения, Бангоффер, подчеркивающий как основное у истериков «желание болезни», «бегство в болезнь», Адлер, приписывающий истерикам желание пользоваться болезнью как средством порабощения других лиц. Еще более крайнюю позицию занимает Гауптман, отводящий значительное место в патогенезе И. симуляции. В общем преобладание психогенного объяснения патогенеза И. в современной западной литературе является бесспорным.

Другое направление в объяснении патогенеза И. представляют школы физиологические и пато-физиологические—Сеченов, Бехтерев, Павлов и их ученики, включая также и ряд ученых Запада. Павлов рассматривает И. как проявление слабости коры мозга, в частности ее лобных долей, вследствие чего легко наступает торможение отдельных частей головного мозга и диссоциация их функций. У истериков даже слабый раздражитель нарушает работоспособность коры, тормозя высшие ассоциативные функции и освобождая подкорковые механизмы (см. *Подкорковые функции*), чем и объясняется весь симптомокомплекс И. Бинсвангер в объяснение происхождения И. придает большое значение расстройствам функции мозговой коры, обусловленным в значительной степени конституцией нервных центров. Бехтерев наряду с рефлексологической теорией видит основу И. также в нарушениях обмена веществ, которые изменяют состояние возбудимости мозговых центров.—Кречмер пытается соединить волевую тенденцию и рефлекторные механизмы: в И., по его мнению, проявляется стремление несложных примитивных и недоразвитых людей к инстинктивным, филогенетически древним способам защиты.

За последнее время изучение И. пошло по руслу психопатии. В наст. время говорят не столько об И., сколько об истерических реакциях, истерическом характере, истерической психопатии. Хотя само учение о психопатиях находится еще в периоде своего начального развития, это направление, беря личность в целом с ее биологическими особенностями и учитывая факторы психологические и социальные, является несомненно гораздо более правильным и плодотворным для выявления сущности клинических особенностей психических болезней. Значительные сдвиги в выяснении сущности психопатий должны быть достигнуты в результате научного изучения биологической и психолого-социальной сущности человеческого организма. Вне социальных условий не может быть правильного анализа психоневрозов. В то же время не всякий индивидуум при одинаковых условиях среды дает психоневротическую (истерическую) реакцию. Для этого необходима соответствующая нервно-соматическая структура организма, известная биологическая неполноценность, чем бы она ни была обусловлена—свойствами конституциональными или приобретенными вследствие предшествовавших или имеющихся заболеваний; в каждом отдельном случае может превалировать тот или другой момент, но всегда оба они имеются налицо.

Клиническая картина. Дать типичную картину И. чрезвычайно трудно в виду громадного многообразия ее проявлений; основными формами их являются: 1) припадок и истерические психические реакции, 2) истерические симптомы вне припадков и 3) истерический характер. Истерический припадок обычно вызывается эмоциональным переживанием, например гневом, страхом, напряженным ожиданием. Часто припадок заключает собой длительный плач—рыдания переходят в истерический смех, все тело дрожит, затем начинаются конвульсии, судороги, имеющие характер выразительных движений (особенно характер-

но изгибание дугой или так называемый «мост»); сознание теряется не полностью, обычно какая-то степень связи с внешним миром и учет внешней ситуации остается, нередко удается установить с больным контакт в течение припадка. Припадок может сопровождаться бредом, который обычно отражает переживания больного, вызвавшие припадок. Обычно, за исключением редких случаев, зрачки на свет реагируют; мочеиспускания, прикусов языка, ушибов при падении (как это наблюдается при эпилептических припадках) не бывает. Наступление припадка больные чувствуют—нарастает внутреннее напряжение, начинается мелкое дрожание, неудержимое желание смеяться; иногда спазм захватывает пищевод, поднимается к глотке (так наз. globus hystericus); поле восприятия суживается; в мозгу господствует одна идея—остальное выпадает, ориентировка исчезает, сознание заполнено одним переживанием.

Иногда вместо истерического припадка или вслед за ним развиваются настоящие истерические психические расстройства (истерические психозы)—сумеречные сознания истериков, своей многообразной формой проявления обнаруживающие большое сходство с проявлениями других психических болезней, напр. с бредовыми психоэквивалентами эпилептиков (обильные галлюцинации, по преимуществу зрительные, а нередко и сложные, касающиеся многих органов чувств).

Отличить истерические психические расстройства от сходных состояний эпилептиков и шизофреников позволяет поверхностность и неустойчивость аффектов истеричных, нестойкость всех истерических состояний, просвечивание цели во всех истерических расстройствах, демонстрация болезненных проявлений перед окружающими людьми и отсутствие каких-либо проявлений без людей, наконец психологическая понятность истерических психозов. Наряду с указанными изменениями психической сферы истериков не менее пестры и многообразны истерические проявления истерии в области соматики. Эти проявления захватывают все системы, области и органы тела, все функции и иногда так имитируют органические заболевания, что точная диагностика становится чрезвычайно затруднительной.

Все расстройства чувствительности от резкого повышения до полной анестезии на отдельные или все виды чувствительности—явление, обычное при И. Характерным является несоответствие расстройств чувствительности с анатомическими законами иннервации кожи (напр. анестезии в форме перчатки, чулка и т. д.). Характерны при И. боли, имеющие совершенно своеобразное распространение, таковы: резкая головная боль в одной точке (как от вбитого гвоздя), боль в ногтях, болезненность всех частей тела; нередки однако боли, чрезвычайно близко имитирующие невралгические (напр. при ишиасе) или боли в суставах при их воспалениях. При истерии нередко бывают расстройства со стороны органов чувств, причем наиболее характерно расстройство зрения, именно концентрическое сужение поля зрения. Наблюдаются также истерич. глухота, потеря вкуса и обоняния. Со стороны двигательной системы при истерии отмечаются все виды расстройства—от самых грубых параличей до ничтожных изменений точности движения. Истерические параличи могут имитировать органические, но чаще они, как и расстройства чувствительные, не соответствуют органическим формам.

Нередки расстройства в области сложных координаторных функций: расстройство походки, расстройство речи, характеризующееся полной немотой, заиканием, афонией (безголосие) и др. Со стороны гладкой мускулатуры чаще всего наблюдается поражение желудочно-кишечного тракта (истерические рвота, запор, понос), спазм пищевода, иногда настолько резкий, что обусловливает полную непроходимость пищи и нередко вызывает подозрение на наличие рака. Со стороны мочеполовой системы наблюдается разнообразное расстройство мочеиспускания (анурия, полиурия). Сосудодвигательные расстройства обычно выражаются в тягостных ощущениях в области сердца, в наклонности к резкому покраснению и побледнению.

Чрезвычайно своеобразна психика при И. Особенно характерно для истеричных сужение поля зрения: они неспособны к широкому и разностороннему охвату явлений; сознание их концентрируется на одной или немногих идеях, в достижении к-рых они чрезвычайно настойчивы, не считаясь с логическими доводами. Если на них и можно воздействовать, то не через логику, а через чувство; общеизвестное свойство истеричных, внушаемость, идет не за счет развитого интеллекта, а за счет воздействия на их эмоциональную сферу, которая у них чрезвычайно лабильна. Состояние аффекта возникает при ничтожных воздействиях и, фиксируясь, может надолго определить поведение больных. Чрезмерное преобладание эмоционального аппарата в ущерб рассудку является основой весьма характерного для истериков эгоизма и эгоцентризма, обусловленных недостаточно правильной оценкой окружающей среды, нарушением пропорций между собственным «я» и другими лицами: характерна наклонность к театральности, к преувеличению своих переживаний, граничащие с симуляцией, представление о собственной «исключительности». Возникающий отсюда разлад с окружающими, к-рые не понимают этой исключительности, приводит больных к изоляции и налагает характерный отпечаток на все их поведение. Это—«непонятые натуры», гордые своей замкнутостью, угнетаемые, «страдальцы», «жертвы» и т. п.; все их поведение строится сообразно этому представлению, что еще больше увеличивает конфликт со средой.

В интеллектуальной области для истеричных характерны узость суждений, ослабление критики, крайний субъективизм в оценке окружающего; в области влечений — часто причудливый вкус к несъедобному, половая холодность, доходящая до отвращения к другому полу, реже—сильное повышение полового влечения (нимфомания) и своеобразное сочетание повышения и понижения влечения.

Лечение. Из многообразий проявлений И. следует, что было бы безнадежным и вредным трафаретом пытаться дать готовые формулы ее лечения; пригодное и действительное в одном случае, может оказаться бесполезным и даже вредным в другом. Различного рода медикаментозное лечение, физиотерапия, психотерапия, изменение окружающей больного социальной обстановки должны быть использованы при лечении И.—Равным образом для прогноза нельзя дать твердо принятых схематических установок. При неблагоприятных усло-

виях и неправильном подходе и легкие формы И. затягиваются и усиливаются, доводя больного до потери работоспособности, и, наоборот, тяжелые формы заболевания, даже при наличии наследственной обусловленности, в благоприятных условиях и при надлежащей врачебной помощи протекают благоприятно.

Лит.: Блуменау Л. В., Истерия и ее патогенез, Л., 1926; Кречмер Э., Об истерии, Ленинград, 1924; Павлов И. П., Проба физиологического понимания симптомологии истерии, Л., 1932; Ганнушкин П. Б., Клиника психопатий, М., 1933; Бумке О., Современные течения в психиатрии, М.—Л., 1929; Бехтерев В. М., Истерия, в кн.: Частная патология и терапия внутренних болезней, под ред. Г. Ф. Ланге и Д. Д. Плетнева, т. IV, М.—Л., 1929; Дежерин И. и Гоклер Е., Функциональные проявления психоневрозов, М., 1912; Жанэ П., Неврозы, М., 1911; Babinski J. et Froment J., Hystérie—Pithiatisme et Troubles nerveux d'ordre réflexe en neurologie de guerre, 2 éd., P., 1918.

К. Монахов.

ИСТИНА, соответствие между человеческим знанием и предметом его. Диалектический материализм понимает И. как исторический процесс отражения вечно развивающейся действительности человеческим сознанием.

Материализм и идеализм различаются не только по решению вопроса о том, что является изначальным—дух или природа,—но также и по второй стороне основного философского вопроса: могут ли наши представления и понятия быть верными отражениями действительности. Диалектический материализм рассматривает познание как исторически развивающийся процесс все более глубокого и полного постижения законов развития природы и общества, все более и более верного отражения действительности. Агностицизм отрицает возможность познания объективного мира. Агностики утверждают, что нам всегда даны лишь наши субъективные переживания и поэтому невозможно определить, существует или нет внешний мир. Субъективные идеалисты отождествляют объективную действительность со своим сознанием. Объективный идеализм считает подлинной действительностью понятие разума. С его точки зрения, не понятие отражает действительность, а «внешняя реальность отвечает своему понятию».

Проблема И. в истории философии. Проблема И. и ее критерия всегда была одним из важнейших вопросов философии. Первые греческие философы-материалисты еще не сознавали всей сложности проблемы И. и считали, что И. дается непосредственно восприятием и размышлением. Но и они уже понимали, что сущность и видимость вещей не всегда совпадают. Так, *Демокрит* (см.) пишет: «по видимости сладкое, горькое, теплое, холодное, цвета; в действительности же—атомы и пустое пространство». Софисты во главе с *Протагором* (см.) выдвинули учение о субъективности И. Объективная истина ими поэтому отрицалась. По определению Протагора, «человек есть мера всех вещей». Противниками крайнего субъективизма софистов выступили *Сократ* и *Платон* (см.). Но, отражая интересы уходивших с исторической сцены аристократических групп, Сократ и Платон пошли по пути идеалистического решения проблемы познания. Человек, по мнению Сократа, «должен смотреть в себя, чтобы знать, что есть истина». По мнению объективного идеалиста Платона, постижение И. осуществляется лишь через мышление, очищенное от «плевел» чувственного восприятия. Сама И. понимается как абсолют, достижимый благодаря тому, что мысль легко постигает то, что ею же самой произведено, т. е. вечный и неизменный мир идей. Критерий истины состоит в ясности и отчетливости наших мыслительных понятий.

Аристотель (см.), колебавшийся между материализмом и идеализмом, острее идеалистов понимал проблему отношения знания к внешнему миру. Его натурфилософия близка материализму, и в ней он фактически стремится к научному познанию истины. Аристотель дал широкую критику платоновского учения об идеях, но в решении проблемы И. все же оказался весьма близок Платону. Предметом истинного знания для Аристотеля может быть только необходимое и неизменное и познается И. через мышление.

Развивающийся в условиях разложения греко-римской культуры скептицизм (Секст Эмпирик во 2—3 вв. хр. э.) подорвал авторитет научного мышления и тем облегчил крепнувшей церкви ее классовую задачу—укрепление авторитета веры и откровения.

Средневековая философия учила, что бог есть единственная и вечная И., для постижения к-рой должно углубиться в себя, ибо подлинная И. дается не во внешнем опыте, а через откровение. В эпоху начинающегося упадка феодализма, в 13 в., появляется учение о двойственной И., признававшее независимость научной и философской И. от религиозной. Некоторое положение может быть верно с точки зрения философии и ложно с точки зрения религии, теологии, и наоборот. Это учение выражало стремление вырваться из пут безграничного авторитета поповщины, но не осмеливалось еще открыто опровергать религиозные И.

Материализм нового времени в борьбе со схоластикой выдвигает естествознание как единственную подлинную науку. *Бэкон* (см.) признает чувства, а не откровение, непогрешимым источником знания. Единственно правильным путем для раскрытия И., т. е. действительных законов природы, Бэкон считает опыт. Бэкон указывает, что для раскрытия И. люди должны преодолеть массу предрассудков и заблуждений. Но Бэкон понимает И. метафизически, только как абсолютную истину. *Локк* (см.), дав глубокую критику теории врожденных идей и обосновывая опытное происхождение человеческого знания, однако стоит на дуалистической позиции в решении проблемы познания. Познание И. происходит, по Локку, как через согласование наших чувственных переживаний или идей, так и в результате внутренней деятельности души или рефлексии. Отсюда Локк приходил к признанию божественного откровения через откровение божества. Противоречия и непоследовательность Локка расчистили почву для субъективного идеализма *Беркли* (см.) и скептицизма *Юма* (см.).

Юм считает, что «сознанию даны только восприятия и ему ничего не может быть известно из опыта относительно связи этих восприятий с внешними объектами». Соответствие между ходом явлений в природе и последовательностью наших представлений возможно только благодаря привычке, управляющей всем нашим знанием и всеми нашими действиями. Таким образом ни о каком объективном, истинном научном знании не может быть и речи. Истина, по мнению Юма, непостижима ни рационалистическим ни сенсуалистическим путем. Проблема И. составляет центральное ядро

философии Канта. Философия Канта ставила своей задачей исследовать, в какой степени мышление способно вообще доставлять нам познание И. Считая чувственное знание недостоверным, Кант утверждает, что истинным является только априорное знание, не зависящее от опыта. Математика является и для Канта образцом безусловно достоверного знания, приобретенного независимо от какого-либо опыта.

Признавая существование объективной реальности «вещи в себе», Кант в то же время считает ее непознаваемой. Разум является законодателем только в области явлений, и его законы не имеют никакого отношения к «вещам в себе». Объективным знанием является для Канта не знание, соответствующее объекту, а общезначимое знание, делающееся объективным благодаря неизменному единству (апперцепция) нормального человеческого сознания. Критерий И. для Канта лежит «во всеобщих и необходимых правилах рассудка», и «то, что противоречит им, есть ложь, так как рассудок при этом противоречит общим правилам мышления, т. е. самому себе». Объявив мир вещей вне нас хоть и существующим, но навсегда принципиально непознаваемым, Кант по существу не вышел из пределов субъективизма в решении проблемы И. Знание не выходит за пределы явлений и зависит целиком от познающего субъекта.

Ленин говорит: «Конечный, преходящий, относительный, условный характер человеческого познания (его категорий, причинности и т. д. и т. д.) Кант принял за субъективизм, а не за диалектику идеи (=самой природы), оторвав познание от объекта» («Философские тетради», стр. 198). Кант сам признается, что он «ограничил область знания, чтобы дать место вере».

Против крайнего субъективизма критической философии Канта выступил с системой абсолютного объективного идеализма Гегель. Гегель поставил своей задачей не отбросить содержание конкретного реального мира, подобно Канту, а вобрать это содержание в свою систему, не вынести внешний мир за пределы познания, а сделать его объектом познания. Он подверг уничтожающей критике кантовский анализ способности познания до и независимо от процесса познания; он сравнивал эту установку с попыткой научиться плавать, не входя в воду. Познавательные способности человека раскрываются во всей истории познания, а «настоящая форма истины может быть лишь научной системой ее». В отличие от всей предшествовавшей метафизической философии, понимавшей И. как нечто законченное, раз навсегда данное, как данную, готовую, отчеканенную монету, Гегель впервые рассматривает истину как процесс. В «Феноменологии духа» он рассматривает историю познания, развивающуюся и поднимающуюся от низших ступеней (чувственная достоверность) до высшей философии абсолютного идеализма. Гегель вплотную подходит (но лишь подходит) к пониманию, что путь к И. лежит через практическую, целесообразную деятельность человека. Всю прошлую философскую мысль Гегель впервые рассматривает не как «галлерею заблуждений», а как последовательные ступени познания И. Гегель пишет: «Лишь единство противоположностей есть истина. В каждом суждении есть истина и ложь».

Энгельс оценивает гегелевское учение об И. так: «Истина, которую должна была познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; для него истина заключалась в самом процессе познавания, в длинном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на высшие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она,—найдя так называемую абсолютную истину,—уже не могла бы пойти дальше» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 637).

Но Гегель был идеалистом и считал сущностью вещей объективную мысль. Мышление находит, по его мнению, в предмете то содержание, к-рое оно само же произвело и познало. Поэтому проблема И. разрешается Гегелем очень просто, как нечто само собой разумеющееся: наш разум познает лишь разумное содержание природы и через него приходит к абсолютному знанию. Маркс говорит, что И. для Гегеля—«автомат, который сам себя доказывает» (Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 102). И хотя Гегель впервые рассматривал И. как процесс, однако идеализм привел его к признанию, что процесс может завершиться и абсолютная И. может быть познана. Гегель сам и заявил, что абсолютная И. дана в его—Гегеля—философии. Критерием И. для Гегеля является деятельность разума. Мышление само по себе дает одобрение и признает предмет соответствующим ему.

Решение проблемы И. диалектическим материализмом. Исходя из признания объективной реальности вне нас находящегося мира и отражения его в нашем сознании, диалектический материализм признает объективную И., т. е. наличие в человеческих представлениях и понятиях такого содержания, «которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества» (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 100). Ленин разоблачает реакционный, антинаучный характер всяких теорий, отрицающих объективную И. Махизм, подменяющий понятие «объективный» понятием «общезначимый», стирает различие между наукой и поповщиной, ибо религия до сих пор «общезначима» в большей степени, чем наука. Для материалиста же лишь наука способна давать объективную И. Ленин пишет, что «всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа» (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 111).

В понимании объективной и абсолютной И. диалектический материализм коренным образом расходится с механическим. Механический, метафизический материализм также признает существование объективной И., являющейся отражением в нашем сознании внешнего мира. Но он не понимает исторического характера И. Для метафизического материалиста это отражение может быть либо абсолютно правильным либо абсолютно же ошибочным, ложным. Объективная И. следовательно может быть познана целиком и без остатка. Относительная и абсолютная И. т. о. отрываются друг от друга.

Диалектический материализм исходит из того, что отражение материального мира в нашем сознании носит относительный, условный, исторически ограниченный характер. Но эту относительность человеческого познания диалектический материализм не сводит к субъективизму и релятивизму. Ленин подчеркивает,

что материалистическая диалектика Маркса и Энгельса включает в себя релятивизм, но не сводится к нему. Она признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине. Ленин писал, что человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в «целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике».

Энгельс вел беспощадную борьбу с признанием метафизических вечных истин [*Дюринг* (см.) и др.]. Но он отнюдь не отрицал абсолютной И. Энгельс четко поставил вопрос о том, могут ли продукты человеческого познания обладать суверенной значимостью и претендовать на безусловную истинность, и дал на него столь же четкий ответ. «Человеческое мышление, — пишет он, — существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей... суверенность мышления осуществляется в ряде крайне несуверенно мыслящих людей... В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как и несуверенно... Оно суверенно и неограниченно по своим задаткам, по своему назначению, по своим возможностям, по своей исторической конечной цели; но оно несуверенно и ограниченно по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 86 и 87).

Такое же диалектическое понимание проблемы И. развертывает Ленин. «Для диалектического материализма,—говорит он,—не существует непереходимой грани между относительной и абсолютной истиной... исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно тó, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно тó, что эта картина изображает объективно существующую модель» (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 111). Таким образом абсолютность объективной И. выражается вовсе не в том, что И. достигает конечной вершины познания и окончательной полноты, за пределами к-рой уже ничего непоказанного не остается. Абсолютна И. именно потому, что она не имеет предела (постоянно развивается, переходя с одной ступени развития познания на новую, более высокую). Эти ступени развития абсолютной И. и представляют собой относительные И. Наши знания лишь приблизительно верны, ибо дальнейшее развитие науки покажет их ограниченность, необходимость установления новых законов на место ранее формулированных. Но всякая относительная И., хотя и неполно, но отражает объективную действительность. И в этом смысле каждая относительная И. заключает в себе абсолютную И. Именно это дает возможность руководствоваться данной И. в практике, хотя она и недостаточно полна.

Решение проблемы И. диалектическим материализмом не имеет ничего общего с релятивистской и агностической установкой в этих вопросах. *Релятивизм* (см.) относительность И. истолковывает субъективистски, в духе агностицизма. По его утверждению, мы не можем познать И. в ее объективном значении. Так, махисты, отрицая вообще возможность выйти за пределы наших ощущений и познать объективный мир, логически приходят к отрицанию объективной и абсолютной И. Всякая И., с их точки зрения, субъективна и относительна. Говорить об отражении в И. объективной действительности не приходится уже потому, что никакой объективной действительности не существует, или, по крайней мере, мы ее не можем познать. Следовательно все И. субъективны и равноправны. В области политики релятивизм представляет собой методологию беспринципного оппортунизма и двурушничества.

Агностицизм принципиально отрицает возможность познания объективной И., кладет предел человеческому познанию, ограничивая его изучением лишь сферы собственных ощущений и отрицая возможность выхода за их пределы. Диалектический же материализм хотя и утверждает относительность всякой конкретной истины, хотя и отрицает возможность исчерпания познания материи, но не кладет предела человеческому познанию, а, наоборот, обосновывает и доказывает его безграничные возможности. *Н. Овандер.*

Конкретность И. Истинность должна быть отличаема от формальной правильности. Ленин указывал, что возможно такое отражение, которое, схватывая нек-рые стороны отображаемого, все же не является верным отражением, не является И. Известны ленинские слова «формально правильно, а по существу издевательство». Истинность, в противопоставлении формальной правильности, обозначает вскрытие всей глубины действительности. Истинное познание обеспечено только в том случае, когда изучаемое явление взято во всем его конкретном многообразии, во всех его «связях и опосредствованиях». На этом основании Ленин определяет сущность диалектического познания как развертывание всей совокупности моментов действительности. Только такое конкретное познание противостоит формально-правильному познанию, произвольно подбирающему те или иные факты или примеры для защиты любого положения и тем прямо извращающему действительность. Конечно мы никогда не можем исчерпать всей совокупности фактов, но, как говорит Ленин, «требование всесторонности предостерегает нас от ошибок и омертвения». Поэтому И. является всегда конкретной И., отражающей явление в его специфичности, обусловленной данными конкретными условиями места и времени. Ленин формулировал требование конкретного мышления как одно из основных требований диалектического материализма и жестоко критиковал за абстрактно-формальный подход к разрешению важнейших вопросов революционной борьбы пролетариата Р. Люксембург, Плеханова, Каутского и др.

В естествознании, так же как и в общественных науках, И. конкретна. Попытки трактовать самые простые утверждения вроде «2×2=4» в качестве «вечных» истин обнаруживают только пошлость утверждающих это, ибо они выдают за нечто развивающее науку то, что на самом деле очень скудно и плоско по своему содержанию. Сама природа, развиваясь, изменяется, и это не может не отразиться на фактических данных естествознания и на законах, формулируемых им.

Практика как критерий И. Философская мысль до Маркса тщетно билась над решением проблемы И. между прочим потому, что она рассматривала познание вне практики, вне деятельности исторического человека, преследую-

щего свои цели и активно воздействующего на окружающую природу для изменения ее в своих интересах. Материалистическая диалектика кладет практику, понимаемую прежде всего в ее общественно-историческом содержании, в основу своей теории познания. Практика является и источником познания и критерием истинности его. Если действия, совершаемые на основании той или иной теории, оказываются успешными, то тем самым подтверждается объективная верность отображения действительности в этой теории. Практика проверяет глубину и верность отображения действительности в знании.

В буржуазной философии также встречаются иногда указания на роль практики как критерия И. Но понимание практики буржуазией коренным образом отличается от марксистско-ленинского. Практика понимается, во-первых, как субъективная, а не общественная и не историческая, во-вторых, как узкий вульгарный практицизм и делячество. Напр. буржуазный *прагматизм* (см.) отождествляет И. с практикой, понимаемой как деятельность отдельного человека. В деятельности же человека прагматисты считают основным удовлетворение его эстетических, физических и др. потребностей. Истинным, с их точки зрения, является то суждение, к-рое «мне выгодно», которое «работает на нас». Исходя из этого субъективно-идеалистического толкования практики, прагматисты и религиозные переживания считают «выгодными» и следовательно истинными. Большая же часть буржуазных философских течений ищет критерий И. в самом процессе мышления. Для Канта критерием И. является всеобщность и необходимость суждений, для Богданова—общезначимость И., для современных сторонников формальной математической логики (Рессель и др.)—логическое дедуцирование понятий одного из другого на основе математических законов.

Марксизм-ленинизм рассматривает общественно-историческую практику как нечто объективное, независимое от сознания отдельной личности, хотя полностью признает активную роль воли и сознания отдельных лиц и групп. В общественно-исторической практике классов достигается возможность проверить, насколько сознание отдельных людей или целого класса отражает действительность, познание какого класса способно дать отражение с наибольшей для данного уровня развития общества полнотой и правильностью отражения и познание какого класса на это неспособно. Ленин подчеркивает значение практики в процессе познания, как звена, ведущего от субъективной идеи к объективной И., являющегося переходом первой во вторую, и изображает развитие И. в процессе исторического развития природы и общества следующим образом: «Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверяя и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений (о практике), человек приходит к объективной истине».

Партийность И. Поскольку познание И. связано с общественной, производственной практикой, постольку И. является классовой и партийной. Буржуазная философия трактует партийность как узкую, ограниченную точку зрения, неспособную подняться над групповыми интересами до общечеловеческой И. Объективная И. является беспартийной и аполитичной. На этой же точке зрения стоят все лидеры 2-го Интернационала, также отрицающие классовость и партийность И. Диалектический материализм показывает, что только классовая партийная точка зрения пролетариата может последовательно и правильно отражать объективную И., ибо только пролетариат, к-рому принадлежит будущее, заинтересован в наиболее правильном и глубоком изучении закономерностей объективного развития природы и общества. Буржуазия же в период всеобщего кризиса капитализма становится заинтересованной в искажении действительных отношений между классами, что приводит ее к неспособности правильно отражать всю объективную действительность. Буржуазная наука была способна отражать объективную И. в тот период, когда буржуазия была революционным и прогрессивным классом, хотя даже тогда она была неспособна дать такое глубокое и правильное отражение И., к-рое может дать пролетарская наука. Современная же буржуазия открыто отказывается от большинства научных тенденций, содержавшихся (хотя зачастую в мистифицированной форме) в классической буржуазной философии и науке, и становится на путь откровенной поддержки поповщины. Это не значит, что буржуазная наука уже не в состоянии производить те или иные открытия, изобретения, верно определять те или иные фактические данные. Но в объяснении этих фактов, в философской основе, подводимой под это объяснение, т. е. именно в том, что определяет собой подлинную научность исследования, буржуазия обнаруживает свое бессилие и враждебность объективной И.

Лит.: Маркс К., Нищета философии, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. V, М.—Л., 1929; Маркс о Фейербахе, там же, т. IV, М., 1933; Энгельс Ф., «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», там же, том XIV, М.—Л., 1931; Ленин В. И., Сочинения, 3 изд., т. XIII («Материализм и эмпириокритицизм»), т. III («Развитие капитализма в России», предисловие ко второму изданию), т. XXVI («О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого», «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина»), т. XVII («О праве наций на самоопределение»); его же, Философские тетради, [Л.], 1934; Сталин И., Вопросы ленинизма, 10 изд., [М.], 1935. *Г. Татулов.*

«ИСТИНА», двухнедельный журнал для рабочих, легальный орган с.-д. большевиков, издававшийся в Москве под ред. М. Г. Голубкова с 14 января по 14 марта 1907. Всего вышло 5 номеров. «И.» была закрыта правительством за «вредное направление». «И.» защищала революционную марксистско-ленинскую тактику и боролась со всеми оппортунистическими течениями в пролетарском движении. В «И.» участвовали лучшие литераторские силы московских большевиков, в т. ч. М. Н. Покровский, В. П. Ногин (подп. М. Новоселов), Н. Л. Мещеряков (подп. З-ев, И.), А. Суворов (псевд. С. Борисов) и др.

ИСТИННО-РУССКИЕ ЛЮДИ, см. *Союз истинно-русских людей.*

ИСТИННЫЕ ЛЕВЕЛЕРЫ, см. *Левелеры, Диггеры, Уинстенли, Эверард.*

ИСТЛЕК (Eastlake, Charles Locke) (1793—1865), англ. художник и историк искусства. Окончил Королевскую академию. Посетил Грецию и прожил несколько лет в Италии. Его мифологические и религиозные картины, идеализированные портреты знати и манерные жанровые картины из греческой и итальянской жизни имели большой успех в кругах аристократии и примыкавшей к ней крупной буржуазии. Работал под влиянием венецианцев,

особенно Тициана. С 1850—президент Английской академии. С 1855—первый директор Лондонской нац. галлереи; составил ее каталог, обстоятельный очерк «Материалы для истории масляной живописи» и несколько других работ по искусству.

Лит.: Eastlake E. Lady, A memoir of sir Charles L. Eastlake, «Contributions to the literature of the fine arts», L., 1869, v. II; Monkhouse W. C., Pictures by sir Charles Eastlake, with a biographical and critical sketch, [L.], 1875.

ИСТМ (Istmus), или Коринфский перешеек, соединяет п-ов Пелопоннес с остальной частью Балканского п-ова. Высота перешейка ок. 80 *м*. В 1893 в наиболее узкой части И. у г. *Коринфа* (см.) прорыт канал в 6,4 *км* длиной, соединяющий Коринфский залив Ионического моря с Эгинским заливом Эгейского моря. Глубина канала 8 *м*, ширина у поверхности 25 *м*. Через канал в 1930 прошло 9.632 судна с тоннажем в 3.840 тыс. регистр. *т*. В древности через И. вел волок, по к-рому перетаскивались морские суда. Вблизи волока находилось святилище бога Посейдона, у которого каждые 2 года происходили *истмийские игры* (см.).

ИСТМИЙСКИЕ ИГРЫ, один из общественных праздников античной Греции. Происходили каждые 2 года на перешейке Истме (теперь Коринфский перешеек), вблизи святилища бога *Посейдона* (см.). И. и., как и все подобные празднества, служили верным средством в руках правящей верхушки отвлекать массы трудящихся от классовой борьбы. Учреждены были И. и. в честь героя Мелькарта (финикийский *Мелькарт*, см.). В программу И. и. входили конские, атлетические, музыкальные состязания и т. п. (см. *Игры*).

ИСТОД, Polygala, род растений из сем. истодовых. Ок. 450 видов трав, кустарников и деревцев в умеренных и жарких областях обоих полушарий; особенно много И. в Юж. Америке и на Ю. Африки. Сев.-американская P. senega применяется в медицине (см. *Сенега*); из семян западно-африканской P. butyracea добывается твердый жир. Нек-рые виды разводятся как декоративные. В СССР по лугам и каменистым местам растет около 10 видов И., невысоких многолетних трав с синеватыми или пурпуровыми цветами.—К сем. истодовых, Polygalaceae, относится еще 9 родов приблиз. с 350 видами, не растущими в СССР. У всего сем. листья простые, цельнокрайные; цветы зигоморфные, раздельно-лепестные; из 5 чашелистиков 2 сильно увеличены и окрашены, как лепестки, а из 5 лепестков два недоразвиты; тычинок 8, б. ч. сросшихся нитями в трубочку, расколотую с одной стороны.

Polygala comosa: *a*—цветок.

ИСТОМИН, Владимир Иванович (1807—55), рус. адмирал эпохи рус. парусного военного флота, участник *Русско-турецких войн* (см.). С начала осады Севастополя (см. *Крымская война*) руководил сооружением передовых позиций, на к-рых и был убит неприятельским ядром.

ИСТОМИНА, Евдокия (Авдотья) Ильинична (1799—1848), балетная артистка. В 20-х годах славилась как первая по времени пантомимная артистка, отличавшаяся темпераментом и обаятельной грацией в танцах. Руководителем ее первых выступлений по сцене был знаменитый балетмейстер *Дидло* (см.). Пушкин увековечил ее артистический образ в «Онегине» (глава I, XX).

ИСТОН (Easton), город в вост. части штата Пенсильвании (США), расположен на левом берегу реки Делавар, против г. Филиппсбурга, на соединении трех судоходных каналов; значит. индустриальный центр с разнообразной промышленностью, работающей гл. обр. на «белом угле», вывоз каменного угля (антрацита); 34.328 жителей (1930).

ИСТОН (Easton), Корнелий (р. 1864), голландский геофизик, известен своими астрономическими работами. Истону принадлежит сохранившая до наст. времени свое значение в науке гипотеза о спиральном строении Млечного пути. Вблизи центра спирали, по гипотезе И., находится наше солнце. И. один из первых высказывал определенный взгляд на спиральные туманности как самостоятельные звездные системы.

ИСТОРИЗМ, принцип изучения предмета в его возникновении, развитии и уничтожении, в связи со всем предшествующим и последующим развитием других предметов и вещей, окружающих его. Историзм требует рассмотрения всех явлений в их внутренней закономерности и взаимной связи. Историзм требует нахождения в прошлом зародышей настоящего, в настоящем—зародышей будущего, раскрытия внутренних противоречий, ведущих к уничтожению настоящего и появлению нового. Историзм означает такое исследование и изложение предмета науки, которое отражает закономерность объективного исторического развития самого предмета исследования. Неисторический подход к явлениям может дать лишь эмпирическое описание их, лишь перечень фактов, но не может вскрыть закономерность развития этих явлений и поэтому не может служить человеку руководством в действии. Только на основе изучения начала и пути развития может быть понят результат развития, и, наоборот, в изучении результата наилучшим образом могут быть поняты начало и путь развития. Поэтому И. есть один из основных принципов диалектического материализма и всякого подлинно-научного познания.

Метафизика понимает историзм как нечто прямо противоположное логике и теории всякого предмета. И. с точки зрения метафизического подхода означает вечно меняющееся и преходящее, в противоположность неизменным, незыблемым законам, к-рыми занимается теория предмета. Наоборот, в диалектике И. как-раз означает совпадение исторического и логического, поскольку логика или теория, изучая закономерность исторического процесса, должна охватывать тем самым все богатство содержания истории.

Принцип И. отнюдь не означает полного отождествления теории процесса с его историей или сведения теории к истории. В материалистической диалектике логический метод исследования это — «в сущности... тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих случайностей» (Энгельс, Рецензия на книгу Маркса «К критике политической экономии», см. Маркс и Энгельс, Сочинения,

т. XI, ч. 2, стр. 360). С другой стороны, история процесса не простое описание или смена событий в порядке их последовательности, а отражение закономерного процесса развития явления, в котором случайности, повторения или отклонения находят свое объяснение в тех же закономерностях развития. Энгельс сравнивает соотношение логического и исторического с соотношением эмбриологии и палеонтологии, точнее—с соотношением развития зародыша какого-либо вида с историей развития данного вида. Ленин подчеркивает ту же мысль, говоря, что «в логике история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления» («Философские тетради», 1934, стр. 240).

Непревзойденным образцом подлинного применения принципа И. в науке является «*Капитал*» (см.) К. Маркса. Порядок, развитие и переходы категорий и законов политической экономии у Маркса выражают закономерности капитализма в его зарождении, развитии и неизбежной гибели. «У Маркса в „Капитале" сначала анализируется самое простое... массовидное..., миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке" буржуазного общества) все противоречия (...зародыш всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ [сумме] его отдельных частей, от его начала до его конца. Таков же должен быть метод изложения (...изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного) общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики» (Ленин, там же, стр. 326).

Буржуазная философия и наука только в лице наилучших своих представителей смогла подняться до И. (Гегель, Дарвин). Но и их И. не является последовательным. В целом же она отвергает И. Маркс указывает во Введении к «К критике политической экономии», что сущность современной буржуазной экономии состоит в забвении принципа историзма с целью доказать вечность и гегемонию существующих социальных отношений. Распространенный на все области науки этот метод мышления и является антиисторическим или метафизическим. Однако, поскольку наука в классовом обществе в той или иной мере изучает развитие объективной действительности, постольку неизбежно элементы И. стихийно проникают в буржуазную науку.

Диалектический материализм является наукой, в к-рой И. находит свое совершенное выражение. Борьба за методологию диалектического материализма во всякой науке есть в то же время борьба за внедрение И. в эти науки. И, наоборот, подлинное применение и развитие принципа И. в самой философии диалектического материализма достигается путем «диалектической обработки истории человеческой мысли, науки и техники» (Ленин, Философские тетради, стр. 144).

История философии, следовательно: история отдельных наук, история умственного развития ребенка, животных, языка, психология и физиология органов чувств. Кратко—история познания вообще, вся область знания—вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика (там же, стр. 321).

И. в философии. Элементы И. встречаются уже у древнегреческих философов-материалистов (Гераклит, отчасти Демокрит и др.). Энгельс писал, что «для греческих философов мир был по существу чем-то возникшим из хаоса, чем-то развившимся, чем-то ставшим» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 479).

Философия средневековья, являясь «служанкой богословия», отрицала историзм, утверждая, что мир остается таким, каким его создал бог. 17 и 18 вв. также являются периодом господства метафизики и в философии и в естествознании. Низкий уровень естествознания не допускал возникновения исторических теорий. «Природа находится в вечном движении; это знали и тогда. Но, по тогдашнему представлению, это вечное движение совершалось в одном неизменном круге и, таким образом, оставалось, собственно, на одном месте... Кантовская теория возникновения солнечной системы... казалась простым курьезом... геология была еще совершенно неизвестна... Неизбежным становилось поэтому отсутствие исторического взгляда на природу... В области истории—то же отсутствие исторического взгляда на вещи» (Энгельс, Людвиг Фейербах, в кн.: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 648). Поэтому и в мышлении господствовала формальная логика, рассматривающая законы мышления как вечные и неизменные. Лишь у отдельных философов 17—18 вв. пробиваются сквозь общую их метафизическую концепцию элементы И. (Декарт, Кант), да и то не в философских, а в естественно-научных их взглядах.

Высшего развития и сознательного применения в буржуазной философии принцип И. достиг у *Гегеля* (см.). Для Гегеля «истина заключалась в самом процессе познавания, в длинном историческом развитии науки» (там же, стр. 637). Принцип И. в философии Гегеля находит свое выражение в единстве логики, теории познания и диалектики. Гегель сознательно ставит вопрос о единстве этих трех сторон философии и сознательно стремится провести это единство своей системы идеалистической диалектики. Применяя принцип И., Гегель дает в своей истории философии не просто громадный исторический материал, а стремится вскрыть закономерное последовательное развитие философских систем одной из другой, т. е. показать логику в истории философии. Совпадение исторического и логического гениально угадано Гегелем также в его «Феноменологии духа» и «Науке логики». Однако и Гегель как идеалист не в состоянии последовательно провести И. Развитие мира у него есть развитие абсолютного духа и имеет абсолютное начало и абсолютный конец. Ход исторического процесса Гегелем зачастую искажается в угоду его идеалистической системе. У Гегеля не логика—резюме истории, а история—воспроизведение логики. История и природы и общества у Гегеля имеет заранее предначертанный результат. Этот конечный результат персонифицируется в философии—в лице Гегеля, а в обществе—в образе прусской монархии, ограниченной сословным представительством. В философии принцип И. находит подлинное применение только в диалектическом материализме. Материалистическая диалектика есть обобщение истории человеческого познания, выраженного в наибольших обобщениях—в законах и категориях. Познание в свою очередь есть про-

цесс обобщения, осознания всей общественной практики общества (практики индустрии и классовой борьбы). «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий Логики—вот что нужно!» (Ленин, Философские тетради, стр. 172).

И. в естествознании. Хотя древнейшие греческие философы были одновременно естествоиспытателями, однако уровень тогдашнего естествознания был настолько низок, что элементы И. у них встречаются лишь как догадки, гипотезы. «Настоящее ... естествознание начинается... со второй половины 15 века» (Энгельс, Анти-Дюринг, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 21). Однако вплоть до середины 18 в. и значительно позже теология и метафизика были господствующими в буржуазном естествознании.

Первым, кто пытался применить принцип И. к возникновению и развитию солнечной системы и земли, был *Декарт* (см.), пытавшийся объяснить принцип развития вселенной, исходя из механических законов природы, без вмешательства бога. Однако Декарт не мог достаточно конкретно обосновать своей гипотезы, и она осталась лишь гениальной догадкой. Гениальные зародыши теории развития имеются у *Дидро* (см.). Первую брешь в метафизическом мировоззрении пробил Кант своей «Всеобщей естественной историей и теорией неба» (1757), в к-рой он впервые нарисовал картину возникновения солнечной системы из первичной туманности и последующей гибели ее. Энгельс очень высоко расценивал эту теорию Канта. «В открытии Канта,—писал он,—лежал зародыш всего дальнейшего прогресса».

Однако окончательную победу в естествознании И. смог одержать лишь значительно позже, на основе успехов геологии, физики и биологии, стихийно приведших к торжеству исторического метода. Прочное внедрение принципа И. в естествознание Энгельс связывает с тремя великими открытиями 19 века: с открытием закона сохранения и превращения энергии, открытием клетки и особенно с теорией Дарвина. Первая «брешь в этом метафизическом естествознании — Кант и Лаплас. Вторая—геология и палеонтология (Ляйель, медленное развитие). Третья — органическая химия... Четвертая—1842, механическая теплота, Грове. Пятая—К. Вольф, Окен, Ламарк, Бер, Дарвин (1859), клетка и т. д. Шестая—сравнительный элемент в анатомии. Климатология. Научные экспедиции и путешествия с середины 18 века. География животных и растений, вообще физическая география (Гумбольдт), приведение в связь материала. Морфология (эмбриология, К.-Э. ф.-Бер)» (см. Энгельс, Диалектика природы, в книге: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 417). Особенное значение в развитии И. имела работа Дарвина «Происхождение видов». Энгельс писал, что Дарвин «нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир..., а следовательно также и человек, есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет» (Энгельс, Анти-Дюринг, там же, стр. 23).

Энгельс указывает, что эти великие открытия коренным образом изменили научные представления о мире—«вся природа предстала находящейся в вечном потоке и круговороте» (Энгельс, Диалектика природы, там же, стр. 484). Сами «вечные законы природы превращаются все более и более в исторические законы» (там же, стр. 449).

Естествознание 20 в., особенно физика и биология, дают новые блестящие доказательства И. в природе. Радиоактивность и превращение элементов в процессе распада атомов показывают, что и химические элементы историчны, возникают и исчезают.

Но полностью освоить принцип И. буржуазное естествознание не может. Кризис, переживаемый им, заключается в том, что «буржуазное естествознание стихийно рождает диалектический материализм», но в виду своей классовой природы не может стать на его позиции. Отсюда возникает расцвет релятивистских теорий, борющихся против диалектического материализма, в том числе и против принципа И. Борьба против И. тесно связана с борьбой против материализма. Она выражается в борьбе против дарвинизма и др. эволюционных теорий («обезьяний процесс» в США и т. п.), в росте фидеизма и телеологии в естествознании, утверждающих неизменность мира. С другой стороны, ряд буржуазных ученых (*Джинс*, *Эддингтон*, см.), признавая формально И., используют его для обоснования реакционных идеалистических теорий о приближающейся гибели вселенной в результате рассеяния энергии, расхождения электронов и т. п. (см. *Энтропия*).

И. в науках об обществе встречает особенно сильные препятствия в стремлении господствующих классов представить современное им общество как олицетворение вечного, совершенного, неизменного порядка, установленного или богом или природой.

Главными недостатками буржуазного И., по словам Ленина, являются: отрицание объективной закономерности развития общества, игнорирование классов, непонимание экономических и классовых идей и действий людей. Буржуазный И. «на $^{9}/_{10}$ состоял... из чисто априорных, догматических, абстрактных построений того, что такое общество, что такое прогресс и т. п.». Однако, поскольку буржуазия, шедшая на смену феодализму, боролась против старого общества, постольку она стремилась представить его подлежащим уничтожению или изменению. Поэтому нек-рые идеологи революционной буржуазии пытались применить принцип И. по крайней мере по отношению к предшествующим общественно-экономическим формациям.

Еще в 17 в. *Вико* (см.) устанавливает, что все народы, несмотря на свои различия, переживают одинаковую «идеальную историю». Последняя распадается на три эпохи: «божескую» (варварство), «героическую» (феодализм), «человеческую» (под ней Вико подразумевал зарождавшийся капитализм). Третья эпоха является последней, после к-рой человечество возвращается к варварству, и круговорот начинается сначала. У некоторых франц. материалистов 18 в. (Дидро, Гельвеций) мы находим отдельные элементы И. В своих общественно-этических учениях они указывали на происходящие с течением времени изменения в общественном устройстве, в политике и морали различных народов, подчеркивая гнилость, порочность нравов дворянства и предрекая гибель феодализма. Однако в целом у франц. материалистов отсутствовала историческая точка зрения. Прошлую историю они оценивают исключительно как неразумную, как «нелепое сплетение бессмысленных насилий... которые лучше всего

как можно скорее забыть» (Энгельс, Анти-Дюринг, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 380); будущее общество представляется им как вечный, естественный, разумный порядок. *Гердер* (см.) вводит причинное объяснение историч. развития об-ва. Силами этого развития Гердер считает, во-первых, природные условия (географич. среда, климат), во-вторых, «гений народов» (культура, нравы и пр.).

Кант, будучи первым представителем И. в естествознании, в области истории об-ва являлся метафизиком. Дуализм философии Канта наложил цепи и на его исторические воззрения. Строгий детерминизм и необходимость, к-рые распространяет Кант на все явления, с неизбежностью вели к признанию причинной закономерности в истории общества. С другой стороны, Кант пытается избежать этого вывода, относя человека к своему трансцендентному миру, где царствует свобода. Закономерность в обществе выступает лишь как долженствование, как стремление людей, наделенных свободной волей, к общеобязательной цели—категорическому императиву. История для него—это цепь единичных неповторяющихся явлений, в которой нельзя установить никакой причинной закономерности.

Дальнейшее развитие исторические идеи Канта находят у *Фихте* и *Шеллинга* (см.). Шеллинг пытается дать широкую картину исторического развития мира, но, стремясь избавиться от дуализма Канта, он окончательно переходит к идеализму, представляя исторический процесс как откровение абсолютного духа. История, по Шеллингу, идет от необходимости к свободе. В этом процессе Шеллинг различает три периода: первый «трагический», в к-ром действует «совершенно слепая сила» истории, судьба, разрушающая великолепнейшие государства. Второй период начался с момента крушения Римской республики. Этот период, когда действующие исторические силы выступают как закон природы и история подчиняется т. о. механической закономерности природы. Третий период всемирной истории, по Шеллингу, это—будущее, когда исторические силы выступят уже как открытый закон «абсолютного», как свобода.

Высшего развития буржуазный И. в применении к обществу, как и в философии, достигает у Гегеля. В его лице буржуазная наука поднялась до понимания исторического, преходящего характера всех предшествующих общественных формаций, но не смогла подняться до понимания историчности самого капиталистического общества. Общие недостатки гегелевского И. были указаны выше, в главе об И. в философии.

В применении к обществу подлинный И. означает распространение диалектического материализма на область общественных явлений. Такой подлинный И. нашел свое выражение в *историческом материализме* (см.), созданном Марксом и Энгельсом. Они показали, что общественная наука «имеет дело с историческим, т. е. непрерывно изменяющимся материалом; она прежде всего исследует особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена и лишь в конце этого исследования может установить немногие..., вполне общие законы». Поэтому, «кто пожелает объединить одними законами экономику Огненной земли и экономику современной Англии, тот, очевидно, не извлечет на свет божий ничего, кроме самых банальных общих мест» (Энгельс, Анти-Дюринг, там же, стр. 149 и 150). Без исторического взгляда на все предшествующие формации социализм мог быть только утопией. Лишь благодаря материалистич. пониманию истории были вскрыты законы развития и гибели капитализма, и социализм стал наукой.

Маркс вскрыл движущую силу исторического процесса, создал теорию классовой борьбы. Своим учением об общественно-экономических формациях «Маркс... указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса» (Ленин, Карл Маркс, Соч., т. XVIII, стр. 13).

Для послемарксовской буржуазной социологии характерен полный отказ от научного И. Особенно ярко это выразилось в *неокантианстве* (см.). Неокантианцы очень много говорят об истории. Более того, история признается ими единственно подлинной наукой о действительности. Но неокантианское понимание истории представляет образец метафизики и ничего общего не имеет с подлинным И. Продолжая и углубляя дуализм Канта, неокантианцы в своих социальных взглядах разрывают общество и природу. Природа по своей сущности антиисторична. В ней господствует причинная закономерность. Социальная же история есть история целей, которые ставят перед собой целеустремленные люди. Господствующая форма общественной закономерности—это телеология. Социальный идеал, к к-рому стремятся люди,—это кантовский категорический императив с его политическим выражением в форме либерального буржуазного государства.

С особой силой антиисторизм, несмотря на внешнее превознесение истории, проявился в *Фрейбургской школе* (см.) неокантианства (*Виндельбанд* и *Риккерт*, см.). Последние делят науки по методу исследования на номотетические (законоустанавливающие) и идиографические (описательные). История принадлежит к идиографическим наукам, так как имеет дело с индивидуальными, неповторяющимися событиями, и поэтому является лишь описанием событий в их своеобразии. Никаких объективных общественных закономерностей не существует. Риккертианство пытается разрешить проблему общего и единичного в истории путем растворения общего в единичном. Другие представители неокантианства (*Трельч*, М. *Вебер*, см.) все же считают необходимым в какой-либо мере признать существование общих законов в истории, выдвигая учение об идеальных типах общества. Феодализм, капитализм и пр. формации, согласно их мнению,—всего лишь логические конструкции, созданные историком на основе выделения определенных признаков. Если, исходя из других интересов, в основу классификации класть другие признаки, то получатся иные, но столь же правомерные идеальные типы. Таким образом и Трельч и Вебер не преодолевают субъективизма риккертианства.

Весьма своеобразную форму буржуазный антиисторизм принимает в т. н. *Исторической школе* (см.) в праве и в политической экономии. Он проявляется в стремлении отыскать в истории предшествующего общества и даже в истории животных те принципы, к-рые являются основами капиталистического способа производства. Тем самым историческая школа стремится доказать вечность и незыблемость господства буржуазии.

Принципы империализма «Историческая школа» находит в стремлении всякого существа к самосохранению и развитию; например у курицы, клюющей зерна, ибо она аннексирует последние и тем проводит, по существу, империалистическую политику. Принцип государства находят уже у бродячих собак.

Движение вспять от И. таким образом проявляется в бурж. социальных науках эпохи империализма в двух основных видах: или в виде отказа от признания объективной закономерности развития общества (Виндельбанд, Риккерт и пр.) или в виде отыскивания «вечных», «надисторических» законов [«Историческая школа», «органическая теория» *Спенсера* (см.), социальный дарвинизм, географический материализм, тектология *Богданова* (см.) и т. п.].

Современный механицизм, стремясь свести познание всего многообразия действительности к простейшим механическим закономерностям, тем самым изменяет принципу И., является метафизическим, поскольку не рассматривает каждого явления в его исторической обусловленности и качественно-своеобразной закономерности. — Меньшевиствующие идеалисты, рассматривая проблемы материалистической диалектики вне И., тем самым сводили диалектический материализм к пустым абстракциям, к формам, лишенным содержания.

И механисты и меньшевиствующие идеалисты считают метод в познании за нечто неизменное, за неподвижную систему логических форм, для к-рых историческое содержание есть нечто внешнее. Это наглядно сказалось между прочим в отрицании и теми и другими ленинского этапа в философии. Меньшевиствующие идеалисты, говоря о совпадении исторического и логического, по сути дела стремились втиснуть историю в закостенелые формы логических абстракций, строили идеалистическую систему «чистой» философии, оторванной от практики, как законченную систему чистой мысли, вульгарно подражая в этом Гегелю.

Подлинный И. в применении к общественному развитию включает в себя понимание роли классовой борьбы и роли партии. С особой силой эта роль коммунистической партии и всего Коминтерна проявляется в современный период всеобщего кризиса капитализма и расцвета социалистического строительства в СССР. Ленин и Сталин применяли и развили принцип И. во всех своих работах по вопросам социалистич. строительства и международной пролетарской революции. Образцы подлинно научного И. даны в развитии Сталиным учения о построении социализма в одной стране, в вопросе о путях ликвидации классов, в национальном и колониальном вопросе, в развитии им ленинского учения—стратегии, тактике и организационных принципах большевизма.

Лит.: Маркс К., К критике политической экономии, М., 1933; Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест коммунистической партии, М., 1933; их же, Святое семейство..., Соч., т. III, М.—Л., 1929; их же, Немецкая идеология, М., 1933; их же, Переписка, Соч., т. XXI—XXIII, М.—Л., 1929—30; Энгельс Ф., Людвиг Фейербах, 3 изд., М.—Л., 1931; его же, Анти-Дюринг, 6 изд., Москва, 1932; его же, Диалектика природы, 6 изд., М., 1933 (перечисленные работы Энгельса см. также в книге: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, М.—Л., 1931); его же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1934; Ленин В. И., Что такое «друзья народа»..., Соч., т. I, 3 изд., Москва—Ленинград, 1930; его же, Материализм и эмпириокритицизм, там же, т. XIII, М.—Л., 1928; его же, Карл Маркс, там же, т. XVIII, М.—Л., 1929; его же, Философские тетради, [Л.], 1934; Сталин И. В., Об основах ленинизма, в его кн.: Вопросы ленинизма, 10 изд., [М.], 1935; Плеханов Г. В., К вопросу о развитии монистического взгляда на историю..., М.—Л., 1933.

Я. Голенченко.

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВО, при Московском университете, основано в 1804. Издавало сборники под заглавием «Русские достопамятности», где впервые появился ряд древнерусских памятников письменности. С 1815 по 1837 обществом издавались «Записки и труды», посвященные изучению древней географии и истории России, а также нумизматике. С 1838 по 1844 появились на свет 7 частей «Русского исторического сборника», издававшегося под редакцией М. Погодина. Одновременно появился ряд отдельных изданий, из них отметим «Псковскую летопись» (1837), «Повествование о России» Арцыбашева (1838—43), «Книга посольская» (1843) и др. С 1846 стали выходить «Чтения Общества истории и древностей российских», где помещались гл. обр. материалы по истории Украины и Московского государства 16—17 вв. Появление в «Чтениях» в 1848 перевода сочинения Флетчера «О Московском государстве в 16 в.» привело к прекращению издания «Чтений». Сменивший «Чтения» «Временник» публиковал торговые, таможенные, писцовые, умолотные и пр. книги—ценнейший материал для изучения экономики Моск. государства 16—17 вв. С 1858 вновь начинают выходить «Чтения» (по 4 кн. в год), публикующие материалы по изучению славянства и по истории России 18 в. В «Чтениях» с 1877 по 1888 публиковались памятники рус. литературы, в особенности церковно-полемической. Е. В. Барсов, редактировавший их в течение 1889—94, обратил большое внимание на печатание исторических и бытовых песен, на описание рукописей. И. и д. р. о. было центром московской школы буржуазных историков во главе с В. О. Ключевским. Наряду с архивными материалами в «Чтениях» появляются исследования буржуазных ученых школы Ключевского—М. К. Любавского, Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, М. М. Богословского и др. Свой верноподданнический, преданный царскому правительству характер И. и д. р. о. неоднократно декларировало на своих торжественных заседаниях, в особенности же во время празднования 300-летия дома Романовых. После Октябрьской революции И. и д. р. о. осталось на старых позициях и, будучи сборищем старых буржуазных историков, проводило контрреволюционную работу, почему было ликвидировано. «Чтения» перестали выходить в 1917. Значение И. и д. р. о. в исторической науке определяется его изданиями, сосредоточившими массу сырого фактического материала, гл. обр. по истории 16 и 17 вв. Указатель к изданиям об-ва был составлен Белокуровым (изд. в «Чтениях Общества истории и древностей российских», 1916, кн. 2).

Б. Тихомиров.

ИСТОРИИ ИСКУССТВ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ (ГИИИ), основан в 1912 В. П. Зубовым в виде искусствоведческой библиотеки, стал вузом с факультетами: истории изобр. искусств, музыки, театра и литературы. В 1921 преобразован в Исследовательский ин-т. ГИИИ собрал много копий с памятников древнерусской монументальной живописи (переданы в Русский музей в Ленинграде), много фонограмм по народной музыке, богатые фототеку и диатеку. ГИИИ снарядил 3 комплексных искусствоведческих экспедиции на Север.—В 1931,

с организацией Лен. отд. Гос. Академии искусствознания (ЛОГАИС), ГИИИ был закрыт.

Лит.: Задачи и методы изучения искусств (Российский ин-т истории искусств), изд. «Academia», П., 1924; Проблемы социологии искусства (сб..., Ин-т истории искусств), Л., 1926. О деятельности отделов см. временники ин-та: «Изобразительное искусство» (сб. ст. I, Л., 1927), «Поэтика» (сб. ст., 5 вып., Л., 1926—29) и «О театре» (сб. ст.... III, Л., 1929).

«ИСТОРИК-МАРКСИСТ», научный исторический журнал, издаваемый в Москве. Начал выходить по инициативе и при ближайшем участии М. Н. *Покровского* (см.) с 1926 как трехмесячный (с 1930—двухмесячный) орган возникшего тогда же общества историков-марксистов при Коммунистической академии. С 1930 (с тома 18—19)—орган Института истории Ком. академии. «И.-м.» ставит себе целью научную разработку вопросов исторического знания как в области конкретной истории и ее методологии, так и методики преподавания исторических дисциплин. В задачи журнала входит освещение актуальных вопросов истории под углом зрения максимального приближения к задачам соц. строительства в международной борьбе мирового пролетариата. Одновременно с этим подвергает критике буржуазную историческую мысль во всех ее разновидностях и борется с искажением и вульгаризацией исторического метода Маркса, Ленина и Сталина. Журнал стал боевым органом историков-марксистов, разоблачая классово-враждебные антимарксистские, антиленинские теории и концепции в области исторической науки. На страницах «И.-м.» были разоблачены концепции Допша, Петрушевского, Тарле, Платонова и др., механические концепции исторического процесса, контрреволюционные выступления буржуазно-националистических историков (Яворщина и т. д.). Аналогичная борьба велась и в области методики истории. Журнал касался преимущественно вопросов новой истории Запада и Востока и СССР.

Наряду со статьями в «И.-м.» помещались доклады в Об-ве историков-марксистов, публиковались неизданные материалы, систематически давалась критика и библиография и освещались вопросы развития исторической науки в СССР и за его пределами. В связи с решением XVII съезда ВКП(б) и постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (1934) расширилась тематика статей и материалов (включение вопросов истории древнего мира, истории средних веков), особое внимание уделено разработке конкретной истории, вопросам преподавания истории. Вокруг журнала сплотились многочисленные кадры историков-марксистов. «И.-м.» постоянно отводил страницы работам молодых историков, выращивая новые силы на историческом фронте.

ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ОБЩЕСТВО, основано в 1925 при президиуме Коммунистической академии, по инициативе и под руководством М. Н. Покровского. Общество преследовало цели научно-исследовательской разработки важнейших проблем истории, всеобщей и русской, борьбу с буржуазной историографией, извращениями марксистско-ленинской методологии и пропаганду идей марксизма-ленинизма в области истории. Члены общества в зависимости от их научной квалификации делились на действительных членов, членов-корреспондентов и содействующих. Общество возникло первоначально как организация историков Москвы, но вскоре переросло рамки московского объединения, став фактически всесоюзным научным обществом, имевшим около 40 отделений в провинциальных центрах и ряд республиканских отделений (Украинское, Белорусское, Закавказское, Средне-азиатское и т. д.) с числом членов около 1.200 чел. Об-во также имело связи с существующими историческими объединениями на Западе—как с официальными представителями исторической науки, так и с отдельными историками, настроенными более радикально и находящимися в оппозиции к правительственным историкам (напр. Кут в Норвегии, на определенной стадии Матьез во Франции и т. д.).

Представители Общества историков-марксистов принимали участие на Всемирном историческом конгрессе в Осло (1928), в Варшаве (1933), на к-рых советские историки выступали с рядом докладов. После конгресса в Осло представители историков-марксистов вошли в Международный историч. комитет и присутствовали на его пленумах. Все члены Об-ва работали в организуемых президиумом Об-ва секциях; были секции докапиталистических формаций, промышленного капитализма, истории империализма, ВКП(б) и Коминтерна, методологическая секция, секция юношеского движения, истории пролетариата, истории народов СССР, методич. секция. По этому же принципу строилась работа ряда крупных отделений Об-ва.

В 1928 состоялась Всесоюзная конференция историков-марксистов, на к-рой помимо доклада М. Н. Покровского о задачах исторической науки, отчетного доклада П. О. Горина от совета Общества и сообщений о работе важнейших исторических учреждений были в соответствующих секциях заслушаны и проработаны доклады: Лукина, Основные проблемы истории империализма, Ванага, Финансовый капитал, Фридлянда, Советская наука в изучении В. Ф. Р., Попова К. А., Проблемы перерастания, и др. Всесоюзная конференция окончательно оформила структуру Об-ва, выявила необходимость его для того периода. На конференции же было принято постановление о создании ин-та истории при Коммунистической академии, т. к. уже тогда выявилась непригодность в качестве руководящего историч. учреждения ин-та истории при РАНИОН, в к-ром осколки буржуазной исторической науки пытались взять на себя руководство подрастающим поколением советских историков. Об-во имело 2 постоянных печатных органа: «Историк-марксист» и «Борьба классов».

Основные этапы деятельности Общества характеризуются постановкой и разрешением ряда крупнейших проблем исторической науки, к-рая в свою очередь отражает общий ход классовой борьбы и развитие социалистич. строительства. В восстановительный период имело место открытое выступление буржуазной историографии. В тот период Общество под руководством партии вело борьбу с допшеанством, с Тарле и разного рода остатками школ Лаппо-Данилевского и т. д. Выражением этой борьбы была дискуссия по вопросам общественно-экономических формаций. Здесь наряду с преодолением идеологических построений самого Допша, Макса Вебера и др. пришлось также повести борьбу и с отечественными допшеанцами (Петрушевский и т. п.). Кроме того, тогда же, во время дискуссии по общественно-экономическим формациям был нанесен удар

механистической концепции, выявившейся в работе Дубровского об «Азиатском способе производства» и т. д. Дискуссия совершенно правильно противопоставила буржуазной идеологической классификации марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях, однако Об-во не уделило должного места конкретной истории по основным ее разделам древней, средней и новой истории, придав дальнейшим работам в этой области не столько исторический, сколько социологический характер. Об-во провело также дискуссию о «Народной воле», в к-рой была подвергнута критике попытка Теодоровича и других идеализировать историч. сущность «Народной воли» и по-правооппортунистически объяснить роль мелкой буржуазии в пролетарской революции.—Однако в дискуссии не дана последовательная критика враждебной революц. марксизму народнич. теории и политики индивидуального террора, не показано, что такая теория и практика исключают всякую возможность активизации масс, возможность создания массовой партии и массового революционного движения.—Общество не в достаточной мере направило удар и по другой тенденции — попытке включить всю мелкую буржуазию в единую реакционную массу.

Третьим важнейшим этапом в развитии Общества является борьба с яворщиной на Украине. Вскрыв за попыткой якобы борьбы с великодержавным шовинизмом подлинный характер кулацкого выступления Яворского, Общество своевременно еще до Всесоюзной конференции историков-марксистов выступило против Яворского и его попыток создать свою школу. Ведя твердую и последовательную борьбу в этом отношении, Общество несколько уменьшило итоги этой борьбы недостаточной разработкой положительных вопросов истории Украины. Содержательной была дискуссия о Чернышевском и о Прудоне. Проблемы истории финансового капитала также подвергались обсуждению в Обществе с точки зрения борьбы с троцкистскими теориями в этом вопросе, но дискуссией не был поднят вопрос этот на настоящую высоту. Также не был поставлен вопрос о борьбе с извращениями в печати ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Несмотря на критику работ К. Попова на конференции историков-марксистов, несмотря на ряд правильных положений по вопросу о перерастании в дискуссии между Гориным и Ярославским о 1905, руководство Общества не дало своевременно достаточного отпора концепции К. Попова. По вопросам западно-европейской истории, пожалуй, еще в большей степени выявлялось отставание исторического фронта от задач социалистического строительства. Дискуссия на западном участке исторического фронта, проделав большую критическую работу по линии выявлений ошибок правооппортунистического и левацкого характера, прошла мимо важнейших вопросов западноевропейской истории. Все это было вскрыто в письме Сталина в редакцию «Пролетарской революции» когда была выявлена троцкистская контрабанда Слуцкого, оболгавшего роль большевиков на международной арене, когда Сталиным была поставлена и разрешена на конкретном историческом примере проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и был дан ряд ценнейших методологических установок в изучении истории вообще. Несмотря на правильную линию, отмеченный Сталиным гнилой либерализм был также проявлен руководством Общества напечатанием дискуссии о германской с.-д-тии в журн. «Историк-марксист» без редакционных примечаний и разъяснений.

Проведя большую работу после письма Сталина в смысле критической проверки всей исторической продукции, Общество вступило в этот период в последнюю фазу своего развития. Помимо Общества создаются массовые исторические учреждения, как напр. «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «История ВКП(б)». Окончательно формируется ин-т истории. На местах не только в республиканских, но и в областных центрах создаются исторические институты и отделения и т. п., к к-рым переходит ряд функций, выполнявшихся раньше Обществом. Практическая работа Общества все больше и больше суживается и к началу 1933 совершенно замирает. Но большое количество прочитанных докладов, объединение больших кадров историков, разрешение ряда важнейших научных дискуссий, преодоление буржуазной историографии позволяет говорить о большом значении, к-рое имело Общество для развития советской историч. науки. *Х. Лурье.*

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МУЗЕИ В СССР, собрание вещественных памятников, печатных и рукописных документов, фотографий, художественных произведений и вспомогательных пособий (диаграмм, картограмм и т. д.) для наглядного изображения конкретно-исторического процесса революционной классовой борьбы. Научная разработка экспозиционного материала ставит перед собой задачу: изучения и пропаганды марксизма-ленинизма, истории революционного движения, истории пролетарской революции, истории большевизма, революционного интернационального воспитания и просвещения масс и мобилизации активности масс на важнейших участках международной пролетарской борьбы и строительства социализма. На 1934 музеев революции—31, историко-революционных отделов краевых музеев — 88. Кроме того к историко-революционным музеям относятся: музей ИМЭЛ, музей «Каторги и ссылки», Петропавловская и Шлиссельбургская крепости, подпольные типографии и музеи, посвященные памяти величайших революционеров и крупнейших политических деятелей (Ленина, Чернышевского и др.).

Лит.: Труды первого Всероссийского музейного съезда, под ред. И. К. Луппола, т. I—II, М.—Л., 1931; Сборник статей Музея революции СССР, вып. 1—6, М., 1927—1934; журн. «Советский музей», М., с 1931. См. также материалы Музейного отдела Наркомпроса и метод-кабинета Музея революции СССР.

«ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ», журнал, издававшийся в 1921 в Москве Всесоюзным об-вом политкаторжан и ссыльнопоселенцев совместно с исторической секцией Дома печати. Печатались статьи, воспоминания и документы по истории революционного движения в России. Вышло 3 номера. В 1922 «И.-р. б.» был преобразован в «Историко-революционный вестник», издававшийся по той же программе. Вышел 1 номер, после чего «И.-р. вестник» был слит с «*Каторгой и ссылкой*» (см.).

«ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК», журнал общества политкаторжан, издававшийся в 1922 и слившийся с «*Каторгой и ссылкой*» (см.) после выхода первого номера.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, закрытые высшие уч. заведения в царской России, имевшие целью подготовлять учителей древних (латинского и греческого) языков, а также русского яз. и истории для гимназий. Возникли в период усиленного насаждения реакционным министром народного просвещения Д. А. *Толстым* (см.) классицизма в средней школе (конец 60-х и 70-е гг. 19 в.). Несмотря на ряд льгот, к-рыми правительство стремилось привлечь студентов в И.-ф. и. (интернат, бесплатное содержание и обучение, привилегированное положение учителей древних языков), число студентов почти никогда не достигало даже небольшого штатного комплекта (100 студентов в каждом ин-те). В И.-ф. и. наиболее сильно проводились реакционные тенденции высших уч. заведений министерства народного просвещения царской России: пропаганда православия, самодержавия и великорусского шовинизма, формализм в методах преподавания, казарменный надзор за студентами и пр. Курс обучения был 4 года; окончившие курс обязаны были прослужить не менее 6 лет в уч. заведениях мин. нар. просвещения, где материальное положение учителей было малоудовлетворительным. И.-ф. и. было два: первый возник в СПБ в 1867, вместо Педагогических курсов при университете, и второй, в Нежине, И.-ф. и. кн. Безбородко, преобразованный в 1875 из лицея с ежегодным фактическим числом студентов в 40—60 чел. *Е. Медынский.*

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, возникшее в эпоху кануна «реформ» 60-х гг. историческое направление, рассматривавшее историю России как мирную эволюцию от родовых отношений к государственным. Главнейшие представители этой школы—С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин. См. *История.*

ИСТОРИОГРАФИЯ, см. *История.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОЛОГИЯ, наука, изучающая и устанавливающая закономерности видоизменения земного лика и жизни на земле последовательно во времени. Но не всегда в И. г. вкладывалось такое содержание. В конце 18 и начале 19 вв., во времена основателей современной геологии—Вернера и Вильяма Смита,—задачи И. г. сводились к задачам летописи, регистрированию фактов. Фактический материал, имевшийся в распоряжении науки начала 19 в. и состоявший из наблюдений почти исключительно над геологией Европы, как бы навязывал мысли об отсутствии постепенности переходов между отложениями смежных систем и наличии резкого различия заключающейся в них фауны. Отсюда появилась теория катастроф, по к-рой организмы время от времени подвергались гибели и только в результате новых актов творения жизнь снова появлялась на земле. Расширение фактического материала благодаря работе геологов, перенесших свою деятельность в Альпы и во внеевроп. страны, показало несостоятельность прежних взглядов. Была установлена преемственная смена отложений и остатков фаун между теми системами, для которых предполагались катастрофы. На смену явилось учение Ляйеля с диаметрально противоположными выводами о том, что медленное и постепенное развитие геологических явлений приводит в конечном итоге к крупным изменениям, что явления прошлых геологических периодов принципиально не отличаются от современных. Однако новейшие работы вызвали необходимость внести существенные изменения в положения Ляйеля, именно—признать наличие как революционных, так и эволюционных периодов в жизни земли. Толчком в этом отношении явились работы австрийского геолога Э. Зюсса, выпустившего в конце 19 и начале 20 вв. первый обобщающий труд по геологии мира «Лик земли» (Das Antlitz der Erde).

Дальнейшие обобщения в этом направлении были даны в работах Кобера, Штилле, Бубнова, Аргана. Сейчас мы можем выделить древнейшее время в истории земли—*архейскую эру* (см.) как эру, для к-рой характерно было широкое развитие процессов горообразования, энергичное развитие явлений извержений, метаморфизма горных пород, в результате которых все породы как осадочные, так и изверженные, слагающие земную кору, подверглись большему или меньшему изменению. Не следует однако думать, что эти явления совершались в каждом отдельном месте непрерывно. Наоборот, все известные нам факты говорят за то, что и тогда за периодом горообразования наступали периоды относительного покоя и спокойного процесса накопления морских и континентальных отложений.

Аналогичное чередование периодов усиленного развития горообразования с периодами покоя имело место в течение послеархейского времени. Установление этих закономерностей имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. А именно—с периодами горообразования совпадают периоды усиления вулканической деятельности, сопровождающиеся излиянием магмы на поверхность и внутрь земной коры. Отсюда вытекает вывод о периодах наиболее интенсивных процессов оруденения и о металлогенических зонах на земной поверхности. С цикличностью процессов горообразования связана и цикличность в развитии климатических явлений. Возникновение в периоды горообразования высоких горных цепей, отгородивших во многих местах внутренние части материков или океанов, будет характеризоваться усилением континентальных и пустынных условий. Образование замкнутых и полузамкнутых бассейнов при наличии интенсивных процессов испарения ведет к выпадению из растворов солей, как гипс, поваренная соль и каменные соли. Отсюда вытекает и практический вывод. В отложениях геологических периодов, следующих за периодами наибольшего развития горообразовательных процессов (девонская, пермская, четвертичная система) (см. *Девонский период*, *Пермский период*, *Четвертичный период*), мы и должны искать и действительно находим залежи вышеупомянутых полезных ископаемых; в частности Соликамское месторождение приурочено именно к *пермскому периоду* (см.). Наоборот, для образования углей наиболее благоприятные условия складывались в периоды тектонического покоя, т. е. в промежутках между фазами горообразования, или в периоды, непосредственно предшествующие фазам горообразования, когда возникшие раньше горные цепи оказались в достаточной степени разрушенными, а материки—изрезанными глубоко вдавшимися внутренними морями. Это способствовало и относительному усилению роли морского климата (каменноугольный, юрский периоды), что не могло не оказать влияния на темпы развития жизни на земле. С крупными нарушениями в соотношениях суши и моря,

будь они следствием горообразовательных движений или крупных морских трансгрессий (в особенности при сочетании тех и других, как это напр. имело место на рубеже палеозойской и мезозойской эр, мезозойской и кайнозойской эр), связано и революционизирование развития земного лика: вымирание ряда животных и растительных форм и относительно быстрое развитие новых.

Внутренними причинами чередования революционных и эволюционных моментов в развитии земного лика одни (Зюсс) считают сокращение земного шара под влиянием охлаждения, в результате чего в земной коре развиваются динамические напряжения, находящие себе разрешение в процессах складкообразования; другие (Джоли)—радиоактивные процессы, в результате к-рых изменяются плотность и пластические свойства и т. д. земной коры (см. *Геология*); третьи (Вегенер)—перемещение материков (см. *Вегенер*).

Лит.: Борисяк А. А., Курс исторической геологии, II., 1922; Kayser E., Lehrbuch der Geologie, Bd III—IV, 6 u. 7 Aufl., Stuttgart, 1923—24; Grundzüge der Geologie, hrsg. v. W. Salomon, Bd II, T. 2, Stuttgart, 1926; Haug É., Traité de géologie, t. II, P., 1911, [2 éd., 1920].

Г. Мирчинк.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА (в политической экономии). И. ш. возникла в 40-х гг. 19 в. в Германии в период разложения классической политической экономии и появления учения Маркса. Элементы «исторического метода» имеются уже в книге «Национальная система политической экономии» Фр. Листа, вышедшей в 1841, но основоположником И. ш. принято считать проф. *Рошера* (см.), опубликовавшего в 1843 курс своих лекций под названием «Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода». Хотя к числу сторонников исторической школы относятся такие видные буржуазные экономисты того времени, как Б. *Гильдебранд* (см.), однако свое дальнейшее «углубление и развитие» И. ш. получила лишь в работах *Книса* (см.) в 60-х гг. 19 в. и в работах Р. Шмоллера в конце 19 и начале 20 вв.

Возникновение и расцвет И. ш. относятся к периоду, когда «классовая борьба принимает практически и теоретически все более ярко выраженные и угрожающие формы» (Маркс, Капитал, т. I, М., 1934, стр. 13), когда развитие капитализма в Англии и Франции раскрыло всю противоречивость капиталистического строя. Появление работ Рошера и Книса в истории политической экономии означало полный отход буржуазной политической экономии от принципов объективной научности и переход к сознательной апологетике. «Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются бессовестной и злонамеренной апологетикой» (там же).

И. ш. венчает здание вульгарной экономии, превращая ее в законченную систему взглядов. Если «вульгарная экономия вначале находит материал еще не совсем обработанным, следовательно сама еще более или менее участвует в разрешении экономических проблем с точки зрения экономии», то «правильные мысли Смита, Рикардо и др.—не только их собственный вульгарный элемент—здесь оказываются бессмысленными и получают вульгарный характер» (Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, М., 1932, стр. 366 и 367). Если вся предшествующая вульгарная экономия развивала лишь вульгарные элементы классической школы, то И. ш. выступает уже как полная противоположность классической школы, как ее антипод. С момента появления И. ш. для вульгарной экономии задача сводится к нахождению формы, при помощи к-рой сознательная апологетика могла бы быть наиболее тонко замаскирована.

То обстоятельство, что учения Рошера, Книса, Шмоллера возникли в различные периоды развития капиталистического способа производства, обусловило различное понимание ими предмета и метода политической экономии. Вместе с развитием противоречий капитализма историческая школа все более и более сосредоточивает свое учение на форме явлений, пытаясь этим скрыть классовые противоречия капиталистического способа производства и стараясь «всеми силами отделаться путем болтовни от тех мыслей, в которых содержатся противоречия» (там же, стр. 366).

Экономическое положение Германии в период возникновения исторической школы (40—50-е гг.) характеризуется тем, что уже имеются налицо все те признаки, которые свидетельствуют о вступлении ее на капиталистический путь развития.

Начало 19 в. было характерно борьбой за экономическую гегемонию в Европе между относительно молодой капиталистической страной—Францией—и старой страной капитализма—Англией. Победоносное шествие Наполеона для Германии означало наводнение ее рынков товарами франц. капитала, а его поражение и падение континентальной системы обеспечивало Англии гегемонию на прусском рынке. Таким образом Германия того времени являлась объектом экспансии то французского то английского капитала. Будучи страной политически разрозненной, раздираемой внутренними противоречиями между отдельными феодальными княжествами и герцогствами, Германия не могла противостоять натиску английского и французского капитала. Молодой капитализм Германии, не будучи в состоянии конкурировать с англ. и франц. товарами на внутреннем и внешнем рынке, естественно мог развиваться только за счет усиленной эксплоатации рабочего класса и мелкой буржуазии внутри страны. Связь мануфактурного рабочего этого периода с земледелием способствовала тому, что рабочая сила покупалась значительно ниже ее стоимости, в связи с чем промышленность Германии становилась «способной работать для вывоза потому, что она почти всю прибавочную стоимость по большей части дарит покупателю, в то время как прибыль капиталиста пополняется вычетами из нормальной заработной платы» (Маркс и Энгельс, Письма, 4 издание, стр. 353). Положение рабочего класса в Германии в этот период Маркс характеризует следующим образом: «Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, напр., на фабриках в собственном смысле этого слова, наши условия гораздо хуже английских, так как отсутствует противовес в виде фабричных законов» («Капитал», т. I, М., 1934, стр. 5).

Революция 1848 на место феодала поставила прусского юнкера и обусловила быстрое развитие капиталистического способа производства. «Наша промышленная революция,—пишет Энгельс,—которую двинула в ход революция 1848 г. со своими буржуазными достижениями (как бы слабы они ни были), была сильно уско-

рена: 1) устранением внутренних препятствий в 1866—1870 гг. и 2) французскими миллиардами, которые в конце концов были применены капиталистически. Таким образом, мы подошли к капиталистическому перевороту, являющемуся более основательным, более глубоким пространственно, более широким и всеобъемлющим, чем где бы то ни было, и притом с совершенно свежим, нетронутым, не деморализованным поражениями пролетариатом» (Маркс и Энгельс, Письма, 4 изд., стр. 354).

Положение классов в этот период характеризуется тем, что пролетариат уже обладал более выработанным теоретическим классовым сознанием, чем германская буржуазия.

Иными были экономические условия в Германии времен Шмоллера. Заканчивается процесс консолидации буржуазного государства. Германия развивается по пути картелей, трестов и синдикатов. Германский капитализм завоевывает мировые рынки машиностроения, электротехники, и Германия начинает выходить в первые ряды крупных индустриальных капиталистических стран. Революционное движение пролетариата принимает организованные формы. Движение пролетариата характеризуется появлением социал-демократической партии, создается 2-й Интернационал. Германия становится источником революционных идей рабочего класса. К этому времени политическая экономия герм. буржуазии выходит за национальные рамки и начинает приобретать международное значение.

Экономическое учение И. ш. Экономическое учение И. ш. является движением назад не только по сравнению с классической *политической экономией* (см.), но даже по сравнению с *физиократами* (см.). Выступая с критикой классической политической экономии, историческая школа в лице как своих основоположников, так и последователей не дала законченной системы своих взглядов в политической экономии. В известной мере исключение представляет Рошер, к-рый в своих «Принципах политической экономии», вышедших в 1853, пытался дать систему политической экономии на основе «исторического метода».

Как известно, объективной и научной классическую политическую экономию Маркс признавал лишь потому, что она исходила из «физиологии» буржуазного общества, т. е. брала за исходное, определяющее материальный процесс производства вообще и труд. «Наконец, выступает Рикардо и кричит науке: стой! Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы—понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса—есть определение стоимости рабочим временем» (Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 12—13).

Признавая производительным труд в материальном процессе производства вообще, классики делали шаг вперед по сравнению с физиократами, признававшими производительным труд только в сел. х-ве. И. ш. в лице Рошера материальный процесс производства рассматривала как процесс, изменяющий лишь вещество природы: «Создать новые вещества,—пишет Рошер,—ни один человек не может. Потому-то мы и разумеем под производством добычу только новой полезности или стоимости: открытия, напр., новых качеств, делающих вещь полезной, перестановку вещи, переделку и преобразование уже существующего добра в такой вид, который делает его и полезнее и пригоднее, умножение вообще средств к удовлетворению человеческих потребностей, но все-таки на основании того количества веществ, которое первоначально находилось в мире». Поскольку процесс производства есть процесс, изменяющий лишь форму материи, а не создающий материальные ценности, постольку и труд в его общественной форме, по мнению Рошера, не может являться определяющим моментом при изучении экономических явлений капиталистического способа производства. «Ежели человек не может создать вещество, из которого состоит добро, ни уничтожить его, ежели форма добра зависит от его труда только отчасти, то все-таки его дух, его представление о цели и средствах делают добро добром» (Рошер). Таким образом определяющим моментом в изучении экономических явлений для И. ш. является представление о целях. И. ш. отвергает теорию трудовой стоимости. Она «абсолютно не знает, что такое стоимость» (Маркс). Она не видит различия между капиталистическим способом производства и простым товарным хозяйством. Ибо как в первом, так и во втором, по мнению Рошера, действует один мотив, а именно—«умножение потребительской полезности». В связи с этим Маркс замечает: «теоретическое выражение чуждой действительности превратилось в их руках (в руках немецких профессоров.—*Н. С.*) в собрание догм, которые они истолковывали в духе окружающего их мелкобуржуазного мира, следовательно, истолковывали ложно» (Маркс, Капитал, т. I, М., 1934, стр. 11). Труд в понимании И. ш. является лишь одним из факторов наряду с природой и капиталом. Основное и решающее в условиях капиталистического способа производства для И. ш.—это то, что «если три деятеля производства (природа, труд и капитал.—*Н. С.*) находятся во владении различных людей, то, конечно, необходим предприниматель, который соединил бы их в единое целое» (Рошер). Сводя понятия труда и капитала к натуральным формам вещей, т. е. к постройкам, деньгам, орудиям и машинам, И. ш. подменяет общественную форму вещей их натуральной формой.

Прибыль И. ш. рассматривает как вознаграждение капиталиста за его изобретательскую деятельность, отождествляя ее с заработной платой рабочего. Подобным утверждением Рошер сваливает «в одну кучу издержки, связанные с расчетами, и основания для компенсации капиталистов в различных областях производства—при распределении суммы прибыли всего класса капиталистов—с причинами эксплоатации рабочих капиталистами, так сказать с причинами возникновения прибыли как таковой» (Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 332). Теория прибыли Рошера сводила на-нет все научные открытия в политической экономии классиков и физиократов и лишала научного основания учение о делении общества на классы.

Шмоллер направляет свое учение гл. обр. на критику экономической теории Маркса. Поэтому он идет далее Рошера. «Трудом,—пишет Шмоллер, — мы называем ту разумную самодеятельность, которая с продолжающимся напряжением стремится создать нечто признанное в качестве имеющего право на существование в системе человеческих целей, которая сделалась в некотором смысле сама себе целью, поскольку она имеет для нас

значение как школа всех добродетелей, как хранительница всякого владения, как основа нашей общественной организации». Определение труда Шмоллера, как оно здесь дано, лишено экономического значения. Оно состоит из двух моментов: 1) этического и 2) юридического.

Апологическая сущность экономического учения Рошера наиболее ярко сказалась в учении о земельной ренте. Отрицая трудовую ценность, Рошер последовательно должен был притти к отрицанию и земельной ренты. Однако Рошер был сторонником теории ренты Рикардо, не имея на то оснований. «Для Рикардо проблема (земельной ренты.—*Н. С.*) существует только потому, что стоимость определяется рабочим временем... По мнению Рошера природа как таковая имеет стоимость... То есть он абсолютно не знает, что такое стоимость. Что же мешает ему допустить, что стоимость почвы входит первоначально в издержки производства и образует ренту, предположить для объяснения ренты существование стоимости почвы, т. е. той же самой ренты?» (Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 219).

Условием обращения Рошер считает «естественное разнообразие местностей, различную ступень просвещения народа, противоположность городской и сельской жизни, разделение народов на сословия».

Основной недостаток классической политической экономии И. ш. видела в том, что классическая политическая экономия, формулируя общие законы капиталистического способа производства, рассматривает их как нечто абсолютное. По мнению же основоположников И. ш., законы развития капиталистического способа производства отнюдь не являются общими для всех стран, и их содержание зависит от тех конкретных условий и времени, в к-рых протекает хозяйственная жизнь. Это положение было сформулировано уже Фр. Листом в его «Национальной системе политической экономии», где он писал, что политическая экономия является «такой наукой, которая, отдавая отчет о современных интересах и особом положении нации, учит, каким образом каждая нация может подняться на такую ступень экономической культуры, на которой союз ее с другими нациями будет, благодаря свободе обмена, возможным и полезным».

Свое дальнейшее развитие этот тезис получил у Книса, к-рый писал: «Экономическая теория, каковы бы ни были ее формы и содержание, ее аргументы и выводы, есть продукт исторического развития... точно так же „общие законы" экономии не что иное, как историческое объяснение и последовательное обнаружение истины; на каждом данном этапе они представляются обобщением истин, ставших известными до известного пункта развития; их нельзя признать окончательными ни в смысле их количества, ни в смысле формулировки».

Признание относительности законов экономического развития приводит И. ш. к утверждению, что нет общих законов развития капиталистич. способа производства; существуют лишь законы развития «национального хозяйства». Эти законы не могут быть общими для всех народов и наций, т. к. они определяются каждый раз особыми историческими условиями развития данной нации и государства.

Вторым аргументом против классической политической экономии со стороны И. ш. является упрек в ее узости, т. е. в том, что движущим мотивом экономического развития она считает «личный эгоизм». И. ш. утверждает, что в основе экономического развития не может лежать только личный эгоизм человека, что движущим мотивом экономического развития является совокупность причин и в частности причины психологические и правовые. По этому поводу Книс пишет: «Представлять человека движимым в своей экономической деятельности повсеместно и неизменно чисто эгоистическими двигателями—значит отрицать во всяком предприятии наличность всякого лучшего и более возвышенного мотива, или утверждать, что у человека имеется целый ряд центров психической деятельности, функционирующих независимо друг от друга».

Рошер считает, что государство является «самым значительным из вещественных капиталов всякого народа».

Последовательно развивая эти положения, И. ш. пришла к утверждению, что политическая экономия является наукой психологической (Рошер), или что предметом изучения политической экономии должны явиться этика и право (Шмоллер). Эта позиция означает по сути дела отказ от научного исследования экономических явлений.

Метод И. ш. Значительное число работ экономистов И. ш. было посвящено вопросу об «историческом» методе политической экономии. Изложение этого метода дано ими крайне неясно и туманно. При наличии общего в понимании «исторического метода» у Рошера, Книса и Шмоллера имеется и целый ряд принципиальных различий. Все экономисты И. ш. признают примат особенного над общим. Далее, все они сходятся на том, что экономические явления должны рассматриваться в общей связи с историей права, культуры и государства. Общим для них является также утверждение, что все экономические явления современности есть результат эволюционно развившихся явлений более раннего периода человеческого общества. Например Рошер пишет: «Со времени Адама нет ни одного человека, который мог бы работать без капитала, так, чтобы на него со времени его детства не употребляли значительных затрат капитала». По мнению Рошера, в первобытное время имеются уже пролетарии, а первобытная семья является зародышевой ячейкой государства. Таким образом для Рошера развитие экономических явлений состоит «просто из ряда последовательных явлений». Рошер подменяет развитие экономической действительности развитием отдельных категорий и понятий. Для Рошера определяющим моментом в методе является сходство, в то время как различие составляет лишь исключение.

Идеалистические стороны «исторического метода» Рошера получили свое дальнейшее развитие у Книса. Книс критикует положение Рошера о том, что развитие состоит «просто из ряда последовательных явлений». «Если,—пишет Книс,—при сравнении народных хозяйственных отношений и процессов в различных странах и в различные периоды речь идет о таких явлениях и законах явления, у которых всегда имеется в одно и то же время и тождество и различие, то в данном случае мы имеем дело не с идентичностью явления, а с аналогией, и здесь приходится говорить уже не о законах абсолютной одинаковой причинности связи, а о законах аналогии». Это по сути дела облаченное в еще

более утонченные идеалистические формы отрицание общих законов капиталистического развития. Таким образом у Книса исторический метод выступает не как сходство отдельных категорий и понятий прошлого и современности, а как аналогия совокупности явлений одного периода развития человеческого общества с другим. «Связь отдельного экономического явления,—пишет Книс,—со всем целым, на фоне которого оно возникает, должно нас предостеречь от того, чтобы в простом изложении фактов какой-нибудь прежней эпохи видеть материал непосредственно доказательный для отношений и вопросов современности». Совокупность экономических явлений для Книса определяется соотношением между «реально-материальным и персонально-духовным». «Реально-материальное» действует всегда одинаково, т. к. в основе их действия лежат естественные законы, в то время как «персонально-духовное» не может быть подведено под действие естественных законов. Отсюда следует, что изменение «персонально-духовного» определяет иное соотношение и иную связь экономических явлений. Книс идет дальше Рошера, рассматривая политическую экономию как науку, изучающую изменения в «персонально-духовном». По существу метод Книса, несмотря на его внешнее различие от «историко-физиологического метода» Рошера, является фактически его дальнейшим продолжением и углублением.

Исторический метод Маркса основан на том, что капиталистический способ производства является естественно-исторической формацией, отличающейся от предшествующих общественно-экономических формаций характером соединения средств производства и труда, т. е. определенными отношениями между людьми, складывающимися в процессе материального производства. «История идет часто скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за нею повсюду, то благодаря этому не только пришлось бы принимать во внимание много менее ценного материала, но и пришлось бы часто прерывать ход мыслей... Таким образом, единственно уместным был логический метод... С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как зеркальное отражение исторического процесса, принимающее отвлеченную и теоретически последовательную форму; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент можно рассматривать на высшей точке его развития, в его полной зрелости и совершенстве» (Э н г е л ь с, Рецензия на книгу Маркса «К критике политической экономии», см. М а р к с и Э н г е л ь с, Сочинения, т. XI, ч. 2, стр. 360).

Исторический метод Рошера и Книса исходит из того, что капиталистический способ производства и его законы развития не представляют собой качественно нового явления по сравнению с предшествующими периодами развития человеческого общества. Законы развития именно капиталистического способа производства как определенной общественно-экономической формации они подменили периодизацией развития человеческого общества вообще; напр. экономическое развитие общества Рошер делит на следующие периоды: первый—когда преобладает деятель природы, второй—когда преобладает труд, третий—когда преобладает капитал.

Фр. Лист устанавливает следующие периоды: дикого состояния, пастушеский, земледельческий, мануфактурно-земледельческий и торгово-мануфактурно-земледельческий. Подобную схему периодов мы находим у Бюхера. Таким образом «исторический» метод Рошера и Книса не представляет собой логического отражения исторического развития, а является результатом спекулятивного мышления, т. е. таким методом, который «от ничего через ничто пришел к ничему» (Г е г е л ь).

Принято считать Шмоллера представителем новой И. ш. в политической экономии. Однако для учения Шмоллера характерен не столько исторический метод, сколько—и это главное—социально-этическое направление. Пути развития политической экономии рисуются ему следующим образом: «Первоначальное познание начинается с полуистин и скорых обобщений, только мало-по-малу способы познания становятся более тонкими; в одно время главным делом являются наблюдения и описания; в другое—классификация, в иное, наконец, средоточием изучения становится объяснение причин». Шмоллер идет через отрицание старой политической экономии к созданию новой: «Новая эпоха политико-экономической науки,—пишет он,—начинается гораздо более со времени появления историко-экономических монографий, чем со времени общих положений Рошера и Гильдебранда относительно исторического изучения политической экономии».

Шмоллер утверждает, что есть два рода причин, действующих совершенно самостоятельно и независимо друг от друга: с одной стороны—физические и органические, с другой—психологические. Политическая экономия должна принимать во внимание причины первого порядка, но главное для нее—это причины второго порядка, т. е. психологические.

«Построенный в мире природы, мир экономической культуры обязан,—пишет Шмоллер,—своим возникновением прежде всего духовным силам людей, которые проявляются внешним образом сперва как чувства, склонности, затем как представления и цели и, наконец, как поступки и привычные направления воли».—«Весь рабочий вопрос,—пишет Шмоллер,—зависит от нравов рабочих; повышение или понижение заработной платы стоит в прямой связи со степенью стойкости и склонности нравов к сохранению или развитию некоторых жизненных потребностей».—Учение Шмоллера отрицает политическую экономию как науку о законах развития экономической основы общества. Но Шмоллер отрицает политическую экономию не потому, как думают многие буржуазные экономисты и нек-рые экономисты-марксисты, что он превращает ее в науку «описательную», а потому, что он исходит из «социально-этического метода», применение которого лишает политическую экономию ее основ.

Итак, различные толкования «исторического метода» сторонниками этой школы отчетливо показывают ту эволюцию, которую проделала эта школа под влиянием развития противоречий капиталистического способа производства. От признания экономических законов как законов относительных, определяющихся конкретными условиями исторического развития, до отрицания всяких экономических законов

развития, до признания того, что политическая экономия должна изучать этику и право.

Наиболее исчерпывающую научную характеристику исторической школы мы находим у Маркса в «Теориях прибавочной стоимости», где он пишет, что последняя форма вульгарной экономии — это «профессорская форма, которая приступает к делу „исторически" и с мудрой умеренностью собирает везде „лучшее"; дело не в противоречиях, а в полноте. Все системы обездушены; во всех системах отломано острие; и они мирно уживаются в коллекционной тетради. Пыл апологетики здесь умеряется ученостью, которая благосклонно смотрит вниз на преувеличения экономических мыслителей и лишь в виде курьезов позволяет им плавать в своей умеренной размазне. Так как подобного рода труды появляются также лишь тогда, когда политическая экономия как наука уже закончила свой путь, то они являются в то же время могилой этой науки» (Маркс, Теории..., т. III, стр. 367).

Классовая сущность И. ш. Учение исторической школы направлено главным образом на то, чтобы сохранить социальную опору для крупных капиталистов в лице мелкой буржуазии. Теоретически и практически даже для времени возникновения И. ш. невозможно было доказать общность интересов промышленной буржуазии и пролетариата. Но теоретически доказав возможность общности интересов крупной и мелкой буржуазии, можно было, по мнению И. ш., притти к примирению классовых противоречий. В этом — классовая сущность И. ш. Ошибочность классиков И. ш. усматривала в том, что они защищали только промышленную буржуазию и не видели того, что мелкая буржуазия может быть надежной опорой капиталистического способа производства. Ибо «когда целая пропасть отделяет богатого от бедного,—пишет Рошер,—пропасть, которую перешагнуть у бедняка нет никакой надежды, то как тут мало возможности к смягчению гордости, с одной стороны, зависти,—с другой». Притупить классовые противоречия может, по мнению Рошера, только среднее сословие, т. е. мелкая буржуазия; поэтому «до тех пор, пока между ними (т. е. буржуазией и пролетариатом. — *Н. С.*) стоит значительное среднее сословие, крайности эти могут даже нравственно удерживаться от столкновений». Книс говорит: «Не было бы никакой пользы стремиться к установлению высоких по своей моральной ценности отношений, если бы этому не сопутствовало трезвое обсуждение того, что возможно и что есть основание ожидать».

Однако недостатки учения классиков для И. ш. не исчерпывались указанным выше обстоятельством. Она их видела еще и в том, что классики выступали против того инструмента, посредством которого крупная буржуазия только и может обеспечить себе господство, а именно против вмешательства государства в экономическую жизнь. Только при посредстве сильного своим национальным единством государства, по мнению И. ш., и можно примирить классовые противоречия, ибо «ничто так не удерживает от зависти к богатым и презрения к бедным, как непрерывная постепенность в гражданском обществе», т. е. наличие государства и реформистских мероприятий. Отсюда государство выступает у Рошера как «самый значительный вещественный капитал», а у Шмоллера законы экономического развития—в виде этики и права. Другой стороной, характеризующей классовую сущность исторической школы, является ее борьба с утопическим социализмом. «Стремление социализма и коммунизма,—пишет Рошер,—вовсе не неслыханные и только новейшему времени свойственные явления, как думают их слепые приверженцы и последователи, гораздо скорее это болезнь, почти правильно повторяющаяся у народов высокоразвитых и в известный период их жизни». То же мы находим и у Книса, когда он пишет: «Мы не можем брать повсюду исходной точкой слишком общий принцип степени данного состояния, не говоря уже об изолированной связи в общей картине экономического мира, почему вообще должны перестать рассчитывать на скачкообразные движения, при помощи которых мы как бы налету могли получить чреватое значением новое при помощи широко идущих и смелых захватов».

Это восхваление реформ, постепенно «улучшающих» капиталистический строй, роднило И. ш. с реформизмом германской с.-д-тии.

Критика И. ш. буржуазными экономистами. По мере развития капиталистического способа производства и усиления роли крупной буржуазии как класса учение И. ш. оказывается теоретически недостаточным, чтобы скрыть возрастающие противоречия между крупной буржуазией и пролетариатом, с одной стороны, и обосновать необходимость ее безраздельного господства—с другой. В силу этого учение И. ш. подвергается уничтожающей критике со стороны представителей *Австрийской школы* (см.) в лице *Менгера* (см.). Основным тезисом критики Менгера было утверждение, что метод И. ш. «исключает возможность достижения строгих (точных) теоретических познаний во всех областях мира». По мнению Менгера, «реалистическое» направление теоретического исследования может привести лишь к «реальным типам» и «эмпирическим законам». Этот тезис Менгера в различных вариантах повторяется во всей буржуазной критике И. ш. до настоящего времени. Например Шарль *Жид* (см.) пишет: «Школа хотела бы на место дедукции поставить в качестве преобладающего метода основанную на наблюдении индукцию» и объясняет возникновение И. ш. таким образом, что в эту эпоху наметился разлад между теорией и конкретной действительностью; австрийцы в лице Менгера встали на путь воссоздания теории, а И. ш. прибегла к еще более решительным мерам, именно, она решила «отбросить всякую абстрактную теорию и сделать изображение действительности единственным предметом науки. Этот путь был избран с самого начала, и по нему пошла историческая школа». Профессор Мануилов в предисловии к книге Шмоллера пишет: «По своему научному направлению Шмоллер—последователь исторической школы, основателями которой были Рошер, Гильдебранд и Книс. Его связывает с этими экономистами и другими представителями того же направления в Германии прежде всего отрицательное отношение к абстрактной теории Смита и Рикардо». По мнению буржуазных экономистов, развитие И. ш. шло в направлении от теории к эмпиризму. Так, проф. Солнцев пишет: «Методология исторической школы переживала таким образом на пути своего развития три фазы: начало было сделано на основе умеренного эмпирического эволюционизма без отрицательного отношения к теоризму... в даль-

нейшем эмпиризм исторической школы принял характер гиперболического эмпиризма... и, наконец, в своей новейшей фазе историческая школа перешла к моменту оценки как важнейшему моменту своего построения и освещения явлений экономической жизни, превращая свой историко-сравнительный метод в „политизирующий“».

Не трудно заметить, что эта критика буржуазных экономистов не вскрывает сущности И. ш. Проводя различия между И. ш. и классической по признаку того, что одна применяла только индуктивный метод, а следовательно была школой «эмпирической», «реалистической», а другая, применяя дедуктивный метод, была школой теоретической, буржуазные экономисты тем самым пытаются скрыть классовую сущность как И. ш., так и классической.

Буржуазные экономисты критикуют метод И. ш. вне его содержания.

И. ш., отрицая общие законы развития капиталистического способа производства, вместе с тем не отрицала общих законов в развитии «народного хозяйства». Так, Шмоллер пишет, что «как индукция, так и дедукция имеют равноправное значение». Бюхер прямо заявляет, что основным методом в современной экономии является абстракция. Он пишет: «ибо для проникновения в причинную сложность явлений, обмена, не существует фактически иного метода исследования, кроме обособляющей абстракции и логической дедукции. Статистика—единственный индуктивный прием... Но для большинства проблем она недостаточно тонка и недостаточно проницательна и может быть использована лишь как подсобный прием для пополнения и проверки».

Критика Менгера и других буржуазных экономистов исторической школы была некритически воспринята нек-рыми марксистами-экономистами, которые утверждали, что историческая школа стоит вне политической экономии как науки, что она «подменяет теоретическое исследование простым описанием». Подобное утверждение является не чем иным, как признанием основного тезиса Менгера, что экономические науки делятся на конкретные и теоретические или, применяя выражение Менгера, на «эмпирические» и «теоретические». Сводить все своеобразие И. ш. к «индуктивному методу», это значит выхолостить специфическое классовое содержание этой школы.

Основные труды представителей И. ш.: Roscher W., Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirtschaft (Nach geschichtlicher Methode), Göttingen, 1843; его же, System der Volkswirtschaft, 2 Bde, Stuttgart, 1864—65; его же, Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland, München, 1874. В переводе на русский язык имеются следующие работы В. Рошера: Начала народного хозяйства (Руководство для учащихся и для деловых людей), т. I (две части), М., 1860—62; Наука о народном хозяйстве в отношении к земледелию и другим отраслям первоначальной промышленности, ч. 1—2, М., 1869—70; Knies K., Politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode, Braunschweig, 1853; его же, Geld und Kredit, 2 Bde, B., 1873—79; Шмоллер Г., Народное хозяйство (Наука о народном хозяйстве и ее методы,—хозяйство, нравы и право. Разделение труда), М., 1902.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. I—III, 8 изд., М.—Л., 1931—32; его же, Теории прибавочной стоимости, т. I—III, [Партиздат], М., 1932; Люксембург Р., Введение в политическую экономию, 5 изд., М.—Л., 1931; Плеханов Г., Новое направление в области политической экономии, Соч., т. I, М.—П., 1923; Розенберг Д., К методологии изучения современной буржуазной политической экономии, «Проблемы экономики», М.—Л., 1931, № 2. Буржуазные экономисты: Менгер К., Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности, СПБ, 1894; Жид Ш. и Рист Ш., История экономических учений, 2 изд., М., 1918; Миклашевский А. Н., История политической экономии, Юрьев, 1909; Лященко П., История экономических учений, 3 изд., Ленинград, 1926; Солнцев С. И., Введение в политическую экономию, 3 изд., Л., [1928]; его же, Предмет и метод [политической экономии], Л., 1924.

Н. Сазонов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА права, направление в науке права, гл. обр. в Германии, возникшее в самом конце 18 в. как отражение дворянско-помещичьей реакции на французскую революцию и получившее полное развитие в эпоху европейской реакции в 1-й пол. 19 в. В противовес теориям *естественного права* (см.), отводившим разуму преувеличенно правотворящую роль, И. ш. п., впадая в другую крайность, выдвигала учение о стихийном развитии права из «народного духа». Главными представителями исторической школы права явились Гуго, *Савиньи* и *Пухта* (см.).

Основоположником И. ш. п. был геттингенский профессор права Густав Гуго (Hugo) (1764—1844). В соч. «Естественное право как философия позитивного права» (Naturrecht als Philosophie des positiven Rechts, 1798) он изложил основные положения и отправные позиции школы. Гуго приходит к утверждению, что право, как и государство, создается не волей законодателя, не каким-либо «вмешательством извне», а вырастает в результате собственного развития и что право каждого народа медленно и постепенно развивается из самого себя, «подобно языку». Поэтому правом Гуго считает отнюдь не все то, что издано законодателем, указывая, что не все положения права являются законами, что ряд норм вырос помимо законодательной деятельности и что наконец далеко не все законы, изданные властью, принимаются народом и входят в жизнь. Важнейшее значение права, по Гуго,—это определенность и твердость его правил, независимо от их происхождения и даже содержания. Гуго отрицает критерий «разумности» в оценке правовых установлений. Нормы права, по утверждению Гуго, всегда хороши в том виде, как они существуют. Утверждая авторитет исторически возникшего и исторически развившегося права, Гуго требует изучения истории права как части истории данного народа. Это, по Гуго, нужно не для проверки правомерности существующих норм, а для их уяснения и предохранения от всякого, не вытекающего из самого развития права вмешательства со стороны. Изучение истории нужно не для критики прошлого, чем с таким увлечением занимались французские просветители 18 в., а для укрепления авторитета этого прошлого, авторитета всего «исторически возникшего». Стоя на позициях защиты всего «исторически возникшего», Гуго готов признать достойным уважения даже и рабство, если оно утверждено действующим законом.

Маркс дает учению Гуго следующую характеристику: «Если... философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией Французской революции, то естественное право Гуго нужно считать немецкой теорией французского ancien régime» (Маркс, Философский манифест исторической школы права, в книге: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 212). «Естественное право» Гуго Маркс называет «ветхим заветом исторической школы» (там же, стр. 209). Учения представителей И. ш. права обнаруживали полнейшее непонимание истинного содержания современного им этапа исторического развития. Как иронически заме-

чает Маркс, нескольких извлечений из сочинений Гуго достаточно, «чтобы решить, имеют ли преемники Гуго призвание быть законодателями нашего времени» (там же, стр. 216).

«Новым заветом» И. ш. п. явились сочинения следующего представителя этой школы, ее вождя и ее крупнейшего теоретика—Фридриха Карла Савиньи (Savigny) (1779—1861). Уже в одной из своих ранних работ «О призвании нашего времени к законодательству и правоведению» (Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, 1815) Савиньи продолжает и развивает взгляды Гуго. В указанной работе Савиньи кое в чем смягчает прямолинейную и угловатую резкость своего предшественника. В дальнейших работах он еще дальше пошел по пути изменения первоначальных позиций И. ш. п., придав некоторый философский покров своей реакционной точке зрения, в некоторых случаях еще более ее заостряя. Политическая обстановка времени появления сочинения Савиньи значительно отличалась от обстановки конца 18 в., что не могло не отразиться хотя бы на форме рассуждений И. ш. п. Период господства Наполеона над немецкими государствами и т. н. Освободительная война вызвали сильный подъем национально-объединительных настроений в различных слоях немецкого общества. В 1807—08 Фихте выступил со своими «Речами к немецкой нации», в к-рых призывал к осознанию национальной общности и единению. Точка зрения Фихте на природу нации нашла отражение в теории «народного духа», из себя самого творящего право, развитой затем Савиньи.

Брошюра Савиньи была ответом на появившуюся незадолго перед тем брошюру известного в свое время юриста *Тибо* (см.) о необходимости издания общегерманского кодекса, к-рый должен был бы заменить пестроту законодательства трех дюжин мелких немецких государств. Для этой цели Тибо предлагал созвать съезд юристов-теоретиков и практиков, к-рый занялся бы выработкой такого кодекса. В ответной брошюре Савиньи высказался категорически против предложения Тибо. Это предложение оживляло в головах контрреволюционеров память о ненавистном им едином Кодексе Наполеона. Савиньи исходил из положений невмешательства гос. власти в процесс развития права. Как выразитель идей европейской реакции, он имел основания опасаться новаторских тенденций, хотя бы и со стороны абсолютной монархии. В лице Наполеона европейская реакция видела пример того, как даже абсолютная власть может оказаться опасной для старого уклада.—Наиболее известным и значительным трудом Савиньи является незаконченная «Система современного римского права» (System des heutigen römischen Rechts), в 8 тт., 1840—49.

Сущность воззрений Савиньи на право, его возникновение и развитие заключается в следующем. Исторический процесс управляется законом внутренней необходимости. Всякие изменения в жизни народов имеют характер органического, закономерного развития. Этот органический процесс исключает всякую мысль о «произволе»—участии человеческой воли в историческом развитии. То характерное, что проявляется в жизни каждого народа, имеет своим источником национальное сознание. Это сознание независимо от личных и частных мнений отдельных людей. Оно даже не является суммой мнений всех членов данного народа. Оно прирождено каждому из них и господствует над ним, а не определяется его личными убеждениями. Таким образом каждый народ является носителем присущего только ему «народного духа». В безличной сфере этого «народного духа» и совершается развитие права. В эту сферу не проникают ни страсти людей ни случайные превратности истории. Положительное право каждого народа развивается как обычное право, являясь органическим продуктом его внутренних сил. Оно имеет высший авторитет и неприкосновенно как для общества, так и для правительства.

Буржуазные исследователи учений И. ш. п. обычно подчеркивают цельность и последовательность ее теории. Однако как только Савиньи от философских рассуждений о «народном духе», об «органическом развитии» исторического процесса и права, происходящем по законам внутренней необходимости, переходит к конкретному рассмотрению истории права и государственности отдельных народов, его система терпит крах, и он сам делает одно отступление за другим. Так, если в древнем Риме, по мнению Савиньи, еще налицо образец такого органического развития права, как права обычного, то родная ему Германия, по его же словам, представляет собой отклонения от этого пути. В развитии германского права наблюдаются, по указанию самого Савиньи, и влияние римского права и те воздействия, к-рые имели место в результате столкновения Германии с другими народами. Точно так же его теория об органическом развитии «народного» государства оказывается в истории неподтвержденной. Савиньи сам констатирует случаи, когда государства создавались не как органический продукт «народного духа», а в результате насильственных актов—завоеваний, разделов территории и т. п. Так, «историзм» И. ш. п. при его проверке на действительных фактах истории оказывается не выводом из научного исследования конкретных исторических процессов, а голой политической тенденцией.

Савиньи оказался вынужденным внести изменения и в целый ряд других своих принципиальных положений. Его учение об исторической индивидуальности «народного духа» каждого народа, не допускающей существования каких-либо общих правовых основ, бывшее для него отправным пунктом в его споре с Тибо, также потерпело изменения в более поздних его работах. В «Системе современного римского права» Савиньи пытается вывести цель правового развития из общего «нравственного назначения природы человека», как оно определено в христианской религии. Суть этого назначения заключается в признании равного нравственного достоинства людей и свободы человека. Эти начала должны получать свою юридическую охрану при помощи соответствующих институтов.

Причиной такой, хотя и облеченной в религиозные формы, перемены точки зрения являются те революционные процессы ломки старых устоев, к-рые происходили в Германии в 1-й пол. 19 в. и подводили Германию к революции 1848. Процессы роста крупной пром-сти и мировой торговли уже не могли оставлять нетронутыми старые воззрения, выросшие на базе сравнительной экономической, политической и культурной замкнутости многочисленных отдельных немецких государств.

Точно так же и по вопросу о соотношении обычного права и деятельности законодательства Савиньи меняет свои воззрения. Отстаивание обычного права, утверждение его большей силы по сравнению с государственным законодательством, характеристика его как «единственно-разумного» права не могли устоять против напора растущих экономических связей между отдельными землями Германии и роста международного обмена и рынка. Савиньи вынужден был признать наличие «общего элемента» в праве, к-рый должен сочетаться с частным, национальным, и в то же время отвести гораздо бо́льшую роль законодательству и теоретической работе юристов. Но и в этих своих уступках условиям и «духу времени» Савиньи все же остается в первую очередь охранителем «старых основ». Он ищет моральных санкций для существующих общественных форм и политических установлений. Он не довольствуется, подобно Гуго, одной ссылкой на факт существования данного правового института, на его традиционность, а стремится овеять его ореолом моральной ценности, укрепить его авторитет философскими доводами и тем освятить его неприкосновенность.

Политическая роль И. ш. п. не могла не быть глубоко реакционной. Она целиком оправдывает ту беспощадную характеристику, какую ей дал Маркс в своей уничтожающей критике исторической школы права: «Школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут—старый и прирожденный исторический кнут..., эта историческая школа права изобрела бы немецкую историю, если бы она не была изобретением немецкой истории» (Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 401).

И. ш. п. нашла себе судью и в самой буржуазной науке права в лице *Иеринга* (см.) с позиций *социологической школы* права (см.), выражавшей идеологию развитого пром. капитала. Тем не менее контрреволюционные тенденции этой школы стали настолько близки буржуазии, особенно в период империализма, что положения И. ш. п. никогда полностью не умирали в сознании буржуазных теоретиков права, а, наоборот, получили новое оживление в теориях современного фашизма. Так напр., итальянская фашистская «Хартия труда» декларирует: «Итальянская нация является организмом, цели, жизнь и средства действия к-рого превышают цели, жизнь и средства действия составляющих этот организм отдельных лиц и групп их, она представляет моральное, политическое и экономическое единство»,—отголосок старого учения о самопроизвольном, не зависящем от отдельных членов и стоящем над ними национальном самосознании—«народном духе». Заключительные слова того же параграфа: «моральное, политическое и экономическое единство... целиком осуществляется в фашистском государстве», свидетельствуют о том, что логика исторической борьбы заставляет буржуазию нередко прибегать в борьбе с пролетариатом к тому же оружию, которым против нее самой билась реакция в лице исторической школы права.

В русской буржуазной юридической литературе попытку соединения некоторых основных воззрений исторической школы права с некоторыми принципами естественно-правовых учений сделал Муромцев. Именно, из учений исторической школы права он принимает идею естественности и закономерности правового развития, но вместе с тем утверждает, что человек сам творит свое право и ничего не получает готовым, в чем сказывается влияние идей естественного права. Влияние идей И. ш. п. проявляется также у ряда историков русского права, к-рые (как напр. Филиппов) изображают историю правового развития как постепенный процесс, не допускающий никакого произвольного вмешательства. Нек-рый элемент сходства с концепциями И. ш. п. можно усмотреть у историка Погодина с его теорией самобытности исторического развития России и отрицанием возможности перенесения западных правовых институтов на русскую почву.

Лит.: Маркс К., К критике гегелевской философии права, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. I, М.—Л., 1928; его же, Философский манифест исторической школы права, там же; Энгельс Ф., Сила и экономика в образовании Германской империи, М., 1923; Новгородцев П. И., Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба, М., 1896 (идеалистическая).

Н. Челяпов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, см. *Песни.*

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК», ежемесячный консервативно-монархический журнал, основанный в 1880 в Петербурге А. С. Сувориным и С. Н. Шубинским. Помимо исторических исследований и документов в «И. в.» систематически печаталась историческая беллетристика. Кроме того в виде приложения каждый год давался исторический роман. По направлению своему «И. в.» являлся органом реакционной мысли, густо окрашенной в черносотенные и антисемитские тона. Во время империалистической войны «И. в.» являлся проводником оголтелого шовинизма.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ. Содержание:

I. Элементы материалистического понимания истории у предшественников К. Маркса и Ф. Энгельса . . . 676
II. Формирование взглядов Маркса и Энгельса по вопросам материалистического понимания истории . . . 687
III. Диалектический материализм и материалистическое понимание истории . . . 693
IV. Проблема общественной закономерности . . . 698
V. И. м. как метод общественных наук и революционного действия . . . 707
VI. Формация, способ производства и уклад . . . 713
VII. Марксистско-ленинская теория общественного развития . . . 727
VIII. Роль Ленина и Сталина в дальнейшем развитии и разработке И. м. . . . 750

I. Элементы материалистического понимания истории у предшественников К. Маркса и Ф. Энгельса.

Одной из величайших заслуг К. Маркса и Ф. Энгельса было открытие материалистического понимания истории (или И. м.). «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории» ([Речь Энгельса на могиле Маркса], см.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 652). Маркс открыл «тот скрытый до последнего времени под идеологическими наслоениями простой факт, что люди раньше всего другого должны есть, пить, иметь жилище и одеваться,—прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и вместе с тем каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развились государственные учреждения, правовые воз-

зрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой поэтому они должны быть объясняемы,—а не наоборот, как это делалось до сих пор» (там же). Благодаря открытию материалистического понимания истории «хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,—из крепостничества, например, вырастает капитализм» (Л е н и н, Соч., т. XVI, стр. 350—351).

Величайшее значение открытия И. м. заключалось в том, что оно впервые сделало возможным единственно научное объяснение всего хода человеческой истории. Но И. м., по Марксу, должен был не только объяснить ход человеческой истории, но и уяснить рабочему классу «понимание собственного своего положения и своих потребностей, понимание условий своего освобождения» (Э н г е л ь с); овладевая массами, он должен был превратиться в критически-революционную силу, изменяющую и преобразовывающую существующие общественные отношения. Таким образом благодаря открытию И. м. впервые в истории человечества была создана подлинно научная теория объяснения всей человеческой истории и на этой основе—научно обоснованная теория ее изменения.

Попытки объяснить закономерности общественно-исторического развития делались еще до Маркса, так напр. в Греции—Аристотелем; в 14 в.—арабским мыслителем Ибн-Халдуном; в 17 в.—Гоббсом; в начале 18 в.—Вико и др. Но хотя и все перечисленные мыслители видели одну из основных задач общественной науки в раскрытии законов, управляющих историей человеческого общества, и в той или иной форме ставили и разрешали проблему общественной закономерности, однако, оставаясь идеалистами в объяснении общественной жизни, они не в состоянии были вскрыть действительного хода общественного развития, действительной его закономерности. Лишь с открытием материалистического понимания истории, с изгнанием идеализма из истории, был совершен коренной переворот (подобный коперниковскому) в истории обществ.-исторической мысли и было создано подлинно научное обществ.-историч. мировоззрение. Буржуазная социологич. мысль даже в классический, восходящий период своего развития (сыграв известную положительную роль в борьбе со средневековьем) не в состоянии была подняться до материалистического понимания истории.

Из числа мыслителей античного мира элементы материалистического понимания истории особенно сильно выражены в общественно-исторических взглядах Аристотеля. Различие государственных форм объясняется Аристотелем прежде всего имущественным неравенством людей и борьбой классов. Из массы семей, составляющих государство, «одни бывают зажиточные, другие—бедные, третьи обладают средним достатком. Простой народ составляют, в свою очередь, земледельцы, торговцы, ремесленники. Знатные опять-таки различаются по степени своего богатства» («Политика», стр. 155). Формы правления различаются прежде всего тем, какая социальная группа стоит у власти. Касаясь в частности демократии и олигархии, Аристотель указывает, что «настоящим признаком отличия олигархии и демократии служит богатство и бедность, вот почему там, где власть основана—безразлично у меньшинства или большинства—на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия» (А р и с т о т е л ь, Политика, рус. пер., стр. 114). Отдельные виды демократии также учреждаются в зависимости от превосходства того или иного класса демоса (неимущих): земледельцев, ремесленников и поденщиков (т а м ж е, стр. 184). Что же касается царской власти, то она возникла «для защиты привилегированного класса от народной массы»; царь назначается из среды этого класса (т а м ж е, стр. 245).

Наряду с приведенными нами гениальными для того времени попытками связать формы правления с существованием классов и их борьбой у Аристотеля подчеркиваются часто роль и значение экономического развития в жизни народов. На первой стадии развития общения—в семье—не было еще необходимости в обмене. Обмен появляется лишь тогда, когда единая семья разбивается на ряд семейств, нуждающихся в том, чего им недоставало; однако обмен на этой стадии развития удовлетворяет лишь насущные потребности людей. Из меновой торговли развилось «искусство наживать состояние»—после того, как в силу необходимости, обусловливаемой меновой торговлей, возникли деньги (т а м ж е, стр. 23—26).

В «Капитале» Маркс не раз подчеркивает отдельные элементы И. м. или подступы к нему в произведениях Аристотеля. Маркс указывает, что «гений Аристотеля блестяще обнаруживается именно в том, что в в ы р а ж е н и и с т о и м о с т и товаров он о т к р ы в а е т о т н о ш е н и е р а в е н с т в а. Лишь историч. границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же именно состоит „в действительности“ это о т н о ш е н и е р а в е н с т в а» («Капитал», т. I, Москва, 1934, стр. 75). В другом месте Маркс приводит следующую цитату из Аристотеля: «„Если бы,—мечтал А р и с т о т е л ь, величайший мыслитель древности,—если бы каждое орудие по приказанию или по предугадыванию могло исполнять подобающую ему работу подобно тому, как создания Дедала двигались сами собою, или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, е с л и б ы т а к и м о б р а з о м т к а ц к и е ч е л н о к и т к а л и с а м и, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов“» (т а м ж е, стр. 458).

Однако, как ни гениальны были отдельные высказывания и догадки Аристотеля, его общественно-историческая концепция в основном оставалась идеалистической.

В эпоху средних веков элементы общественно-исторических знаний, разрабатываемые в трудах античных мыслителей (Фукидид, Аристотель, Полибий и т. д.), заглохли и уступили место христианскому провиденциализму, т. е. вере в божественное провидение, управляющее историческими судьбами людей и народов. Пробуждение буржуазной социологической мысли совпадает с эпохой Возрождения наук и искусств. В борьбе против средневековья идеологи восходящей буржуазии выдвинули в качестве одной из центральных теоретических проблем проблему детерминизма: поведение людей и историческую жизнь народов начали рассматривать не как результат божественного прови-

дения, осуществляющего свои заранее начертанные цели через великих людей, королей и императоров или избранных богом народов, а как результат деятельности самих людей, подчиненных естественным законам. Механистически понимаемый принцип строгой каузальности явлений, сыгравший исключительную роль в развитии естественных наук, распространялся и на область общественных явлений и на поведение людей. Учение об естественных законах дало громадный толчок для развития социологической мысли и служило теоретическим оружием в борьбе против феодальных порядков и для обоснования «естественности», «вечности» и «разумности» буржуазного строя. Однако в самом понимании общественной закономерности всем мыслителям до Маркса был присущ целый ряд существенных недостатков. Прежде всего все они в объяснении общественных явлений стояли в основном на позиции идеализма.

«В исторической области старый материализм изменял себе, считая действующие там идеальные побудительные силы последними причинами событий, вместо того, чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил. Не в том состояла его непоследовательность, что он признавал существование и д е а л ь н ы х побудительных сил, а в том, что он остановился на них, не стремясь проникнуть дальше, дойти до причин, создавших эти силы» (Э н г е л ь с, Людвиг Фейербах, в кн.: М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XIV, стр. 668). Человек со своей естественной и неизменной «природой» рассматривался как часть природы, подчиненная ее же законам. Идеальный общественный строй должен быть построен соответственно человеческой природе, соответственно голосу разума. «Все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам. Было решено, что до настоящего момента мир руководился одними предрассудками и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения» (Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, в кн.: М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XIV, стр. 17). Разумный общественно-политический строй, являющийся на деле идеализированным царством буржуазии, должен быть построен в соответствии с вечной «естественной природой» человека. На этом сходились все буржуазные мыслители 17 и 18 вв., несмотря на различие в понимании этой «природы человека». Понятие о «природе человека» являлось копией или идеализированным образом буржуа, индивида буржуазного общества. Идеологи восходящей буржуазии, исходя при объяснении общественно-политических явлений из этой «природы человека» с его страстями и интересами, не шли глубже «идеальных побудительных сил», не вскрывали их материальных корней и причин, оставались на позициях идеализма в истории.

Французские материалисты 18 в. представляли всю историю человечества как результат заблуждения и невежества, результат незнания людьми их собственной природы. Исходя из идеалистич. позиции—мнения правят миром,—франц. материалисты запутывались в противоречиях, поскольку утверждали и обратное, что среда определяет мнения. Из этого порочного круга французские материалисты не могли выйти. Но даже и те мыслители, к-рые пытались объяснить жизнь народов и людей географическими условиями и в первую очередь влиянием климата (например Монтескье), не в состоянии были преодолеть общий всем буржуазным мыслителям исторический идеализм и стать на позиции материализма в истории. Натуралистическое объяснение общественных явлений, видящее определяющую причину характера и поведения людей, а также организации всего общества в непосредственном влиянии географической среды, находилось в теснейшей и закономерной связи с историческим идеализмом, берущим за исходный пункт объяснения общественно-политических событий не общественное бытие, не материальные условия жизни народов, а характер, нравы и т. н. «общий дух» народа. Правда, «общий дух» народа, его законы обусловлены, по утверждению представителей географического направления в социологии, определенными условиями географической среды, но сама общественная жизнь обусловливается непосредственно «духом народа». На позициях исторического идеализма оставались и сторонники т. н. теории прогресса [*Кант*, *Гердер*, *Тюрго*, *Кондорсе* (см.) и др.], считавшие, что в отличие от явлений природы, подчиненных неизменным законам и заключенных «в круге всегда одинаковых переворотов» (Т ю р г о), история человечества представляет величественное поступательное шествие ко все большему совершенству. Конечную же причину поступательного движения человечества они видели в усовершенствовании духовной природы человека, в росте знаний.

Другим основным пороком общественно-исторической концепции мыслителей 17 и 18 вв., тесно связанным с их идеализмом, был механический взгляд на общественные явления. Из всех наук в эту эпоху была наиболее развита земная и небесная механика. Законы, господствующие в последней, универсализировались и переносились на всю область науки, пропитанной и пронизанной математико-механистической мыслью. В качестве исходного пункта в анализе общественно-политических явлений брался индивид с его неизменными страстями и стремлениями, произрастающими из чувства самосохранения. «Пророкам 18 века... этот индивид 18 века,—продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой—развившихся с 16 века новых производительных сил,—представляется идеалом, существование которого относится к прошлому, не результатом истории, а ее исходным пунктом» (М а р к с, Введение к «К критике политической экономии», в книге: М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 173). Общественное целое рассматривалось как арифметическая сумма составных его элементов индивидов, целое, в котором установилось некоторое равновесие между социальными силами, т. е. страстями и стремлениями людей. На этой механистическо-атомистической буржуазной концепции построены все теории «общественного договора» 17 и 18 вв. и в особенности теория Руссо. Социально-политич. смысл этой концепции заключался в борьбе буржуазии за «свободную (от феодальных оков) личность», за предоставление этой личности ничем не стесненной свободы хозяйственной деятельности.

В теснейшей связи с натуралистически-механистическим пониманием общественной закономерности находится метафизический подход мыслителей 17 и 18 вв. к изучению общественных явлений. Несмотря на отдельные догадки

у отдельных мыслителей, идея развития, как правило, была чужда 17 и 18 вв. «В области истории—то же отсутствие исторического взгляда на вещи» (Энгельс, Людвиг Фейербах). Считая человека частью природы, подчиненным тем же законам, что и вся природа, мыслители 17 и 18 вв. рассматривали естественный порядок общества столь же неизменным и незыблемым, как и порядок самой природы. Соответственно такому взгляду задача преобразования и переустройства общественно-политического строя могла быть разрешена лишь при условии раскрытия и познания философом природы человека и намечения на этой основе соответствующего ей общественно-политического строя, осуществляемого в жизни законодателем. Такие концепции истории общества носили созерцательный характер, исключали понимание общественно-материальной практики, громадной роли борьбы масс народа, классов и партий как движущих сил в развитии общества.

Таковы основные пороки общественно-исторических концепций мыслителей 17 и 18 вв. Ни один из них в силу своей классовой ограниченности, а также ограниченности знаний своей эпохи не был в состоянии дать материалистического понимания истории и открыть качественное своеобразие общественных явлений. Однако идеализм их в области общественных явлений носил своеобразный характер. В отличие от идеализма современной буржуазной социологии идеализм мыслителей 17 и 18 веков характеризовался след. существенными чертами: а) Будучи тесно и неразрывно связанным с натуралистическим пониманием закономерностей духовной природы человека, его поведения, душевных страстей как первичных основ социальных сил, этот исторический идеализм был по существу направлен против теологии и религиозной метафизики. Он либо прямо отрицал теологию (французские материалисты) либо же разрушал основы феодальной религиозной метафизики, создавая новую, соответствующую потребностям буржуазии (Кант). Философской основой этого исторического идеализма у большинства мыслителей 17 и 18 вв. был механич. материализм, к-рый в области истории с логической неизбежностью, вследствие своего натуралистически-механистического взгляда на общественные явления, приводит к идеализму. б) Исторический идеализм 17 и 18 вв. играл прогрессивную роль, будучи теоретическим оружием в руках восходящей буржуазии в борьбе против феодальных порядков и в обосновании «разумности» и «естественности» буржуазного строя. в) Наконец у отдельных представителей этого идеализма имеются некоторые подступы к материалистическому пониманию истории, некоторые его элементы, причем наличие этих элементов связано со степенью обострения классовой борьбы в недрах феодального общества, с той борьбой, которую буржуазия вела в той или иной форме против феодальных порядков. На основе теоретического обобщения этой борьбы отдельные теоретики буржуазии поднимаются до идеи связи между классовой борьбой и юридическими и политическими формами и к отдельным попыткам экономического объяснения исторических событий. Так например, Маккиавелли, анализируя историю итальянских государств и древнего Рима, рассматривал смену государственных и правовых форм в тесной связи с борьбой между феодальной аристократией и «народом», причем основной причиной слабости Италии, гражданского неравенства, упадка добродетели и разложения нравов среди населения он считал дворянство и католическую церковь. Маркс, как известно, высоко ценил работы Маккиавелли. Его «Историю Флоренции» он считал «шедевром» (Письмо к Энгельсу 25 сент. 1857, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 240). Значительная часть юношеских записей Маркса из «Государя» Маккиавелли касается вопросов классовой борьбы, ее связи с политическими формами, значения революционного насилия, связи политики с экономикой.

Еще ярче связь между классовой борьбой и юридическими и политическими формами проводит *Вико* (см.). У Вико классовая и групповая борьба играет решающую роль в создании государственных и правовых форм. У него же мы находим зачатки экономического объяснения исторических событий. Вико делит человеческую историю на три великих периода: а) божественный век—эпоха первобытной дикости, когда нет еще классов и государства, б) героический век—эпоха аристократическо-феодального строя—и в) человеческий век—эпоха гражданского и политического равенства, причем в конце этого периода вследствие упадка нравов и развращенности люди снова впадают в варварство, пока дикий свежий народ не завоевывает страну и не начинает новый круг развития. История с этой точки зрения рассматривается как круговорот, как повторяющаяся в кругах смена подъема и упадка; народы Западной Европы начали вновь с того же, с чего и греки и римляне, прошли те же основные стадии. При переходах от одной стадии к другой решающую роль, по Вико, играет основанная на экономических интересах групповая и классовая борьба.

Из французских материалистов известные подступы к материалистическому пониманию истории мы находим особенно у *Гельвеция* (см.) и его последователей. Признавая источником всех наших знаний ощущения, считая, что чувства и мысли человека обусловлены внешней средой, а следовательно положением человека в обществе, его принадлежностью к определенной группе и т. д., утверждая следовательно, что взгляды людей, их мораль, обусловлены их интересами, Гельвеций делает некоторый шаг в сторону материалистического понимания истории. Маркс подчеркивал, что у Гельвеция материализм «непосредственно применяется к общественной жизни (Helvetius, «De l'homme»). Чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу морали» («Святое семейство», там же, т. III, стр. 159). Однако в целом Гельвеций также не сумел преодолеть идеализма в истории. Более последовательно проводя материалистический тезис 18 века, что человек является продуктом среды, Гельвеций, подобно всем остальным французским материалистам, считал, что сама общественная среда есть продукт мнений, что настоящие социальные силы—это страсти, что общество является искусственным образованием, созданным законодателем, причем благосостояние народов и государств зависит от совершенства их законодательства, основанного на знании человеческой природы.

Элементы материалистического понимания истории более ярко выступают в учениях буржуазных мыслителей в годы буржуазной фран-

цузской революции 18 века и в эпоху Реставрации. Идеологи буржуазии этого периода должны были теоретически обосновать классовую борьбу третьего сословия против феодальной аристократии и доказать историческую неизбежность и прогрессивность буржуазного строя. У Тюрго, Неккера, физиократов (*Кенэ*, см.) мы находим представления о классах и классовой борьбе. Материалистические тенденции в общественно-историческом учении Гельвеция, особенно его попытка представить общую картину исторического развития человеческого общества, рассматривая изменения политических форм в тесной зависимости от борьбы различных социальных групп и классов (связанных с развитием ремесл и ростом населения), находят свое дальнейшее развитие в работах Вольнея, Антуана *Барнава* (см.) и др. Особенно ярко выражены элементы материалистического понимания истории в работах Антуана Барнава. Барнав рассматривает историю человечества под углом зрения смены различных форм собственности, под к-рой он понимает имущественные отношения, закрепленные в юридических нормах. Если на заре человеческой истории—в эпоху родовой демократии—человек еще почти не знает собственности, то в дальнейшем, с переходом (в результате роста населения) к скотоводству, появляется собственность и в связи с ней политические учреждения. Дальнейший рост населения приводит к земледелию, к частной собственности на землю, к-рой соответствует в области политики господство земельной аристократии. Однако вместе с развитием ремесл и торговли происходит новое распределение богатств, приводящее к новому распределению власти: подобно тому, как владение землями, указывает Барнав, возвысило аристократию, промышленная собственность возвышает власть народа; последний возвращает свою свободу и начинает влиять на дела. В смене различных форм собственности большое значение придается Барнавом борьбе классов (аристократии и демократии).

Подчеркивание значения и роли борьбы классов и экономики в общественном развитии особенно рельефно и ярко выступает в учениях социалистов-утопистов. Энгельс указывал на утопический социализм Сен-Симона, Фурье и Оуена как на один из источников происхождения научного социализма. Сен-Симон в основном стоял на идеалистической позиции в истории. Коренную причину общественного развития он видел в прогрессе человеческого ума, последовательно проходящего три стадии своего развития (теологическую, метафизическую и положительную). Однако в это идеалистическое учение врезываются сильно выраженные элементы материалистического понимания истории. Сен-Симон считал, что само экономическое развитие, определяемое прогрессом ума, в свою очередь обусловливает и определяет смену политических систем. Так напр., упадок военной знати и рост промышленников Сен-Симон объясняет перемещением собственности из одних рук в другие; при этом политическое влияние промышленников возрастает соответственно непрерывному росту их экономического значения. Основным содержанием историч. процесса с 15 века Сен-Симон считал борьбу двух общественных классов — промышленников и феодалов. Но в отличие от буржуазных просветителей, историков и экономистов, социалисты-утописты наряду с антагонизмом между феодалами и буржуазией показывают новое противоречие внутри третьего сословия: борьбу между буржуазией и пролетариатом. В своих позднейших произведениях Сен-Симон становится на точку зрения «наимногочисленного», «наибеднейшего» класса буржуазного общества, доказывая необходимость перехода общества к новому общественно-политическому строю.

Фурье подвергает резкой критике буржуазный строй и цивилизацию, особенно торговлю. Весь предшествующий ход человеческой истории он разделяет на четыре ступени развития: дикое состояние, варварство, патриархат и цивилизация, под к-рой он разумеет начавшийся с 16 в. буржуазный строй. Фурье отождествляет буржуазную цивилизацию с «механизмом мошенничеств», он «беспощадно раскрывает всю материальную и моральную нищету буржуазного мира» (Энгельс, Анти-Дюринг, в кн.: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 263), показывает, как в нем «бедность порождается самим избытком» (там же, стр. 264). «Ему первому принадлежит мысль, что степень свободы, достигнутая данным обществом, должна измеряться большей или меньшей свободой женщины в этом обществе» (там же, стр. 263).

Другой великий социалист-утопист—Оуен—в отличие от всех других утопистов связывает дело коммунизма с действительными живыми формами рабочего движения. Исходя из материалистического учения 18 века «об образовании человеческого характера из взаимодействия, с одной стороны, унаследованной организации, а с другой—условий, окружающих человека, в особенности в период его развития» (там же, стр. 265), Роберт Оуен практически берется за реформу общественных отношений, выступает против частной собственности, религии и современной формы брака как трех великих препятствий, заграждающих путь к общественным реформам, и вырабатывает целый ряд проектов устранения классовых различий и коммунистического преобразования общества. Однако, будучи в основном идеалистами в области истории, социалисты-утописты не связывали осуществление социализма с классовой борьбой пролетариата, а считали социализм некоей абсолютной истиной, открываемой отдельными мыслителями заблуждающемуся человечеству и осуществляемой мирно, при благожелательности и содействии высших классов.

Идея классовой борьбы и подчеркивание роли и значения экономич. фактора в истории находят известное выражение также в работах франц. историков эпохи Реставрации [*Тьерри*, *Гизо*, *Тьер*, *Минье* (см.) и др.]. Взгляды историков эпохи Реставрации на классы и классовую борьбу страдали чрезвычайной узостью и ограниченностью. Ища ключ к объяснению истории Франции прежде всего в борьбе между буржуазией и феодалами, историки эпохи Реставрации в то же время извращенно представляли ее. С одной стороны, они изображали ее как общенациональную борьбу побежденных галлоримлян (предков третьего сословия) против победителей франков (предков аристократии), с другой стороны, они проповедывали «внутренний мир, мир между различными классами граждан, социальный мир» (Гизо), поскольку дело шло о борьбе внутри самого третьего сословия, т. е. о борьбе между буржуазией и пролетариатом.

Чрезвычайно важную роль в подготовлении И. м. сыграли английские экономисты-классики, пытавшиеся преодолеть натурализм и рационализм мыслителей 18 в. на основе анализа буржуазных экономических отношений. Как известно, уже в половине 17 века Вильям *Петти* (см.) в Англии утверждал, что не деньги, а труд является основой общественного богатства. Смелые мысли, высказанные Петти по вопросам о стоимости, прибавочной стоимости, отличии стоимости от цены и т. д., были далее развиты английскими экономистами, особенно Смитом и Рикардо. А. Смит и Д. Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало трудовой теории стоимости. По утверждению Рикардо, «основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы — понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса — есть определение стоимости рабочим временем. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, выясненные ею категории—отношения производства и обращения—соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту... В этом-то и заключается историческое значение Рикардо для науки» (Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, М., 1932, стр.12—13). Подобно тому, как Гегель завершает классический период буржуазной философии, так и Рикардо завершает классический период буржуазной политической экономии. Таким образом в учениях перечисленных представителей домарксовой социологической мысли, стоявших в основном на позициях идеалистического понимания истории, имеются в отдельных учениях те или иные подступы к материалистическому пониманию истории, некоторые «рациональные зерна», выражающиеся прежде всего в подчеркивании роли и значения классовой борьбы в истории, в установлении тесной зависимости юридических и политических форм от борьбы классов и от экономического развития. Однако, несмотря на отдельные гениальные догадки, эти мыслители не понимали идеи общественного развития. Правда, у отдельных мыслителей (сторонников теории прогресса—Антуана Барнава и др.) имеются попытки преодолеть как рационалистические учения 18 в., отрицающие идею общественного развития, так и теории круговорота (Вико, Кампанелла и др.), представляющие историю человечества в виде повторяющихся кругов, однако эти попытки не выходили за рамки метафизических эволюционных учений, представляющих развитие как постепенное, количественное увеличение или уменьшение. Впервые идея диалектического развития была сознательно формулирована, хотя и на основе идеализма, немецким философом Гегелем. Преимущество Гегеля перед его предшественниками заключалось прежде всего в его историческом подходе к общественным явлениям, в стремлении распространить принципы диалектики и на область общественных отношений, в попытке вскрыть внутреннюю закономерность общественного развития. В этом отношении он поднимался выше рационалистических теорий 18 в. Гегель утверждал, что во всемирной истории люди «добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения» («Философия истории»). Гегель «первый пытался открыть в истории развития внутреннюю связь» (Энгельс).

Однако коренные пороки гегелевской философии (его идеализм, противоречие между революционным методом и консервативной системой) роковым образом сказались и на общественно-политических взглядах Гегеля. Реальной основой исторического процесса Гегель считал саморазвитие идеи. «Весь... процесс развития», — указывает Маркс, — рассматривается как «процесс развития „Человека“» (Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 58); происходит это по существу оттого, что на место человека прошлой эпохи подставляют всегда среднего индивида позднейшей эпохи, а прежним индивидам подсовывается позднейшее сознание. Благодаря этой иллюзии, абстрагирующей от реальных условий, и возможно было превратить «всю историю в процесс развития сознания» (там же, стр. 59). В качестве творца истории у Гегеля выступает абсолютный мировой дух; история представляется как бесконечное развертывание разума, как развитие идеи; «каждый принцип имел особый век для своего проявления»; при этом «принцип создавал историю, а не история создавала принцип» (Маркс, Нищета философии, в книге: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 368 и 369).

Исторические деятели оказываются у Гегеля «делопроизводителями» всемирного духа, слепыми орудиями этого мистического абстрактного самосознания, человека вообще. Всемирная история достигает своего завершения с теоретической точки зрения в философской системе Гегеля, а с политической—в сословной прусской монархии эпохи Гегеля. Диалектический метод в «Философии истории» Гегеля подавляется консервативной стороной философии Гегеля больше, чем в «Феноменологии духа» и «Логике» Гегеля. Поэтому, подчеркивая заслугу Гегеля в разработке идеи развития (хотя и на основе идеализма), Ленин в то же время указывал, что «в общем, философия истории дает очень и очень мало—это понятно, ибо именно здесь, именно в этой области в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед. Здесь Гегель наиболее устарел и антикварен» («Философские тетради», стр. 251). Но громадное историческое чутье приводило Гегеля при объяснении отдельных исторических событий к нек-рым зачаткам материалистического понимания истории. Так например, наряду с утверждением, что «государство есть божественная идея на земле», Гегель пишет, что «действительное государство и действительное правительство возникают только тогда, когда уже есть налицо различие сословий, когда очень большими становятся богатство и бедность и когда появляется такое положение, что большинство уже не в состоянии удовлетворять свои потребности привычным для него способом» («Философия истории»). В другом месте Гегель подчеркивает характерную особенность человеческого труда—изобретение орудий как средства для покорения природы. Ленин отмечает у Гегеля эти отдельные зародыши И. м.

Отбросив идеализм Гегеля и став на позиции материализма, Людвиг Фейербах, как и все буржуазные мыслители, не сумел однако преодолеть идеализма в истории. Исходным пунктом его общественно-исторического учения

является абстрактный человек, взятый вне времени и пространства, вне определенного способа производства. «Человек» Фейербаха не есть конкретный, исторический человек; по меткому замечанию Энгельса, этот человек рожден не женщиной; он, как из куколки, вылетает из бога монотеистических религий; поэтому человек Фейербаха «еще увенчан теологическим сиянием абстракции» (Письмо Энгельса Марксу 19 ноября 1844, см. Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXI, стр. 7). Поэтому и природа и человек остаются у Фейербаха пустыми словами. «Чтобы перейти от фейербаховского отвлеченного человека к действительным, живым людям, необходимо было изучать их в их исторических действиях» (Энгельс, Людвиг Фейербах, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 661). Фейербах не сумел этого сделать; несмотря на отдельные меткие замечания, он продолжает еще оперировать сухими, тощими, бесплодными абстракциями, выводя все потребности человека из его «сущности»; вот почему наука об обществе и политика оставались для него недоступной областью. Поэтому и вопреки утверждению Деборина, превратившего его по существу в основоположника материалистического понимания истории, у Фейербаха следует отметить лишь отдельные подступы к материалистическому пониманию истории, выступающие на общем фоне исторического идеализма. Ленин в конспектах о Фейербахе отмечает эти отдельные «зачатки» и «зародыши» И. м. («Философские тетради», стр. 66, 69, 70).

Таким образом из всего сказанного следует, что буржуазная общественно-историческая мысль до Маркса не в состоянии была подняться до подлинно научного взгляда на историю—до материалистического понимания истории. В лучшем случае отдельные ее представители в эпоху наиболее обострившихся классовых схваток между буржуазией и феодализмом приближаются к отдельным положениям И. м. (идея классовой борьбы, связи экономического развития с юридическими и политическими формами, идея историзма и детерминизма общественных явлений). Основной причиной этого характера буржуазных социологических течений является—помимо ограниченности и недостаточного развития общественных наук (а также и естественных) того времени—их классовая ограниченность. Исторический смысл буржуазных общественно-исторических теорий заключался в критике и опровержении феодальных порядков и в доказательстве «вечности» и «разумности» капиталистических общественных отношений. Это обстоятельство показывает, какие имелись пределы для развития буржуазной социологической мысли.

II. Формирование взглядов Маркса и Энгельса по вопросам материалистического понимания истории.

Материалистическое понимание истории было открыто и разработано Марксом и Энгельсом прежде всего на основе теоретического обобщения всего опыта революционной борьбы пролетариата передовых капиталистических стран. Революционная практика рабочего класса являлась и является глубочайшей основой марксистско-ленинской теории вообще, материалистического понимания истории в частности. Рабочий класс, не заинтересованный в сохранении капиталистических отношений, не страдает характерными для буржуазного кругозора ограниченностью и субъективизмом. Его коренные интересы требуют до конца последовательного, объективно верного понимания закономерностей общественного развития, всех противоречий капитализма в особенности. Впервые в истории человеческой мысли лишь Марксу и Энгельсу удалось, на основе теоретического обобщения всей истории человечества и опыта революционного движения пролетариата, критически преодолеть ограниченность всей буржуазной теоретической мысли и создать подлинно научную теорию общественного развития. Созданное Марксом и Энгельсом материалистическое понимание истории, научно объясняющее закономерный ход развития всей человеческой истории, в свою очередь выступает (как и вся марксистско-ленинская теория в целом) в качестве величайшей революционной силы, методологии революционного действия, указывающей и освещающей рабочему классу пути его борьбы, вносящей сознательность в стихийное рабочее движение. Как известно, Энгельс указывал, что благодаря двум великим открытиям—материалистическому пониманию истории и теории прибавочной стоимости—социализм становится наукой. Являясь идеологией рабочего класса, материалистическое понимание истории принципиально отличается от всех буржуазных социологических учений. Но в нем, как во всем марксизме в целом, «нет ничего похожего на „сектантство" в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации» (Ленин, Соч., том XVI, стр. 349). Марксизм явился законным преемником всех положительных достижений человеческой мысли. С точки зрения идейной преемственности он вырос на основе критического преодоления и переработки немецкой классической философии, английской классической экономии и французского утопического социализма. Как составная часть марксизма И. м. тем самым означал критическое усвоение всех положительных достижений бурж. науки и в первую очередь всего научного содержания трех основных источников марксизма.— Формирование И. м. у Маркса и Энгельса шло в тесной и неразрывной связи с развитием всей марксистской теории в целом; при этом взгляды эти развивались и оформлялись не как результат чисто логического процесса мысли, как это изображали меньшевиствующие идеалисты, а на основе революционной деятельности Маркса и Энгельса, перехода их с революционно-демократических позиций на точку зрения рабочего класса, на основе теоретического осмысливания ими всей истории человечества, всего опыта революционного движения рабочего класса в целях практического руководства борьбой последнего против капитализма.

В ранний период своего развития Маркс и Энгельс выступали в качестве революционных демократов, резко критикующих существующие феодальные и буржуазные порядки и защищающих интересы широких слоев трудящихся масс города и деревни. Вопросы политики, права и религии были в центре внимания Маркса и Энгельса. Философское обоснование своих политических взглядов Маркс и Энгельс в этот период пытаются найти в революционной стороне учения Гегеля. Выступая с самого начала против старогегельянства и сходясь с

младогегельянцами в стремлении «делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы» (Ленин), Маркс и Энгельс однако, вопреки утверждению Плеханова, расходились с младогегельянцами по целому ряду существенных вопросов, пошли от Гегеля своим самостоятельным путем, принципиально отличным от пути младогегельянцев. Будучи редактором «Рейнской газеты», близко столкнувшись с злободневными вопросами борьбы различных классов на практике, Маркс шаг за шагом убеждается в непригодности гегелевской философии и философии истории для теоретического обоснования борьбы за реальные интересы широких масс народа. Так напр., в статьях, посвященных разбору прений о свободе печати, закону о краже дров и т. д., Маркс отмечает, что различные сословия и классы хотят превратить государство в аппарат защиты их экономических интересов, хотят, чтобы «все органы государства становились ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца слышит, подстерегает, оценивает, охраняет, хватает, бегает» (Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 242). Таким образом хотя и в этот период Маркс стоит еще на той идеалистически-гегелевской точке зрения, что государство выражает всеобщую свободу народного духа, однако реальная практика классовой борьбы, практическое участие Маркса в непосредственной политической борьбе побуждают Маркса (в отличие от младогегельянцев) все больше и больше спускаться с абстрактных вершин гегелевской философии на реальную почву экономических отношений и постепенно нащупывать земное происхождение государственных и правовых форм. Точно так же наряду с вопросами политики и права в другом чрезвычайно актуальном вопросе той эпохи—в вопросе о религии—Маркс, в отличие от младогегельянцев, критикует религию не абстрактно-теоретически; Маркс указывает, что «борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовным ароматом которого является религия» (Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 399), и что с уничтожением той извращенной реальности, теорией к-рой она является, она гибнет сама собой. Таким образом хотя Маркс и продолжает еще стоять на идеалистических позициях как в философии, так и в философии истории, однако в период «Рейнской газеты» (1842—43) продолжается его постепенный отход от Гегеля, постепенное нащупывание путей, ведущих от гегелевского абстрактного самосознания к реальным общественным отношениям, к экономической структуре общества как основе всех общественных отношений.

Решительный шаг в этом направлении основоположники марксизма делают в «Немецко-французских ежегодниках» и особенно в «Святом семействе». С политической точки зрения этот период развития Маркса и Энгельса знаменуется их переходом с точки зрения революционной демократии на позиции пролетариата. Впервые печатно Маркс становится на позиции пролетариата в статье «К критике гегелевской философии права» (написана в конце 1843, напечатана в начале 1844). С философской же точки зрения этот период характеризуется переходом Маркса и Энгельса с позиций гегелевского идеализма на позиции материалистической философии. Переход этот был совершен под решающим влиянием Людвига Фейербаха. Фейербах первый порвал с идеализмом Гегеля и младогегельянцами. Ни Маркс ни Энгельс никогда не отрицали огромного освободительного революционного значения материализма Фейербаха, поднявшего знамя восстания против засилия и господства спекулятивной философии Гегеля в Германии 30—40-х гг. 19 в. Однако, вопреки утверждениям Плеханова и меньшевиствующих идеалистов, Маркс и Энгельс никогда не были последовательными фейербахианцами. Находясь под известным влиянием материализма Фейербаха, они в то же время критически относились к его ограниченности и недостаткам, к культу абстрактного человека и созерцательному характеру его материализма.

Если в период «Рейнской газеты» основоположники марксизма уже нащупывали пути перехода от абстрактных вершин гегелевской теории идеально-разумного государственного права к материалистическому пониманию истории, то в последующий период, став на позиции пролетариата и вооруженные материалистической философией, Маркс и Энгельс резко порывают с гегелевской социальной философией и становятся на путь выработки материалистического понимания истории. В ряде работ Маркс и Энгельс подвергают страстной и бичующей критике гегелевскую философию государства и права, считая ее идеальным продолжением немецкой истории. Маркс подчеркивает значение революционной практики для преобразования действительности. Утверждая, что пролетариат в философии должен найти «свое духовное оружие» в борьбе против существующего строя, Маркс в то же время подчеркивает, что последний можно сокрушить лишь в процессе революционной практики: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружия, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 406). В «К критике гегелевской философии права» Маркс ликвидирует и преодолевает свойственный всему буржуазному мировоззрению отрыв теории от практики.

В экономическо-философских рукописях Маркса, относящихся к рассматриваемому нами периоду (периоду «Ежегодников»), Маркс рассматривает современное ему государство не как выражение разума и свободы, а как результат определенных общественно-экономических отношений, возникших в результате французской революции 18 в. Вместе с тем в своих экономических рукописях Маркс вскрывает непримиримость противоречий между трудом и капиталом, подвергает критике буржуазную политическую экономию как апологию капиталистич. отношений. Таким образом Маркс постепенно приходит к установлению того, что процесс производства есть основа всех социальных отношений. В этом смысле Маркс и указывает, что «в отношение рабочего к производству включено все человеческое рабство и что все отношения порабощения являются лишь модификациями и последствиями этого отношения». Таким образом в процессе критики буржуазной политической экономии с позиций пролетариата у Маркса уже начинает вырабатываться подход к основной идее И. м.—идее производственных отношений. Еще более отчетливую и последовательную разработку находит эта основная идея в «Святом семействе». Здесь Маркс и Энгельс дают развернутую критику идеалистиче-

ским общественно-историческим теориям, считающим основной причиной общественного развития идею, будь то идеи обыкновенных людей (как у французских материалистов) или же идея в своей отчужденной и мистифицированной форме, как у Гегеля. В противовес этим идеалистическим общественным учениям Маркс и Энгельс исходят из «человеческой деятельности», из практического отношения человека к природе, из материального производства как глубочайшей основы всех социальных явлений. «Критическая критика думает, — указывают Маркс и Энгельс,—что она дошла... до начала познания исторической действительности, исключив из исторического движения теоретическое и практическое отношение человека к природе, естествознание и индустрию. Она думает, что действительно познала какой бы то ни было исторический период, не познав, например, индустрии этого периода, непосредственного способа производства самой жизни» (Маркс и Энгельс, Соч., том III, стр. 180). В своем конспекте «Святого семейства» Ленин записал следующие слова Маркса: «Предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное поведение человека по отношению к человеку». Ленин делает к этим положениям Маркса следующее замечание: «Это место характерно в высшей степени, ибо показывает, как Маркс подходит к основной идее всей своей „системы", да будет позволено сказать,—именно к идее общественных отношений производства» (Ленин, Философские тетради, стр. 34).

Таким образом в «Святом семействе» основоположники марксизма, отбросив решительно всякие идеалистические общественно-исторические концепции, становятся на точку зрения материальных интересов, материального производства как реальной основы всех общественных процессов и явлений. Исходя отсюда, им удается в «Святом семействе» уже дать общую формулировку ряда основных категорий И. м. Они связывают государственные и правовые формы с определенными экономическими интересами и классами, выясняют роль и значение классов в развитии общества, определяют историческую миссию пролетариата и подчеркивают значение социальной революции как необходимого условия разрушения и социалистического преобразования старого общества. Следует отметить, что в «Святом семействе» Маркс и Энгельс, критикуя всякие идеалистические общественно-исторические учения, по существу отмежевываются также от фейербахианского понимания человека вообще, его культа абстрактного человека, взятого вне общественной истории. Энгельс по этому поводу указывает: «надо было заменить культ отвлеченного человека, это ядро новой религии Фейербаха, изучением действительного человека в его историческом развитии. Эта дальнейшая разработка фейербаховской точки зрения начата была в 1845 г. Марксом в книге „Святое семейство"» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 661). В тезисах о Фейербахе (1845) Маркс дает классическую формулировку идеи общественно-производственной и революционной практики, лежащей в основе общественного развития и познания и являющейся исходным пунктом как для объяснения общественных явлений, так и для их революционного преобразования. «Всякая общественная жизнь,—указывает Маркс,— по существу практична» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 591). При таком подходе к общественной жизни отпадает фейербаховская точка зрения «абстрактного изолированного индивидуума» и пресловутая «сущность человека», являющаяся альфой и омегой домарксовой социологической мысли, раскрывается как «совокупность общественных отношений».

Дальнейшее формирование материалистического понимания истории, достраивание материализма «доверху», мы имеем в «Немецкой идеологии» (1845—46). Здесь в основном Марксом и Энгельсом были сформулированы все основные положения исторического материализма. Выступая против идеалистических концепций истории, Маркс и Энгельс следующим образом резюмируют основные положения И. м.: «Это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения, т. е. гражданское общество на его различных ступенях, как основу всей истории, а затем изобразить его [гражданского общества] деятельность в качестве государства, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д., и проследить процесс их возникновения из них [этих различных ступеней], благодаря чему, конечно, можно изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие его различных сторон). Это понимание истории, в отличие от идеалистического, не разыскивает в каждой эпохе какую-нибудь категорию, а остается постоянно на почве действительной истории, не объясняет практику из идеи, а объясняет идейные формации из материальной практики и в силу этого приходит к тому результату, что все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением их в „самосознании" или превращением их в „привидения", „призраки", „блажь" и т. д., а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 28).

В «Немецкой идеологии» даются первые контуры учения о формациях (различение исторических форм собственности: родовой, античной, феодальной, капиталистической), первые формулировки учения о производительных силах и производственных отношениях; здесь же дается яркая формулировка закона социальной революции. Таким образом в своих основных чертах в «Немецкой идеологии» Марксом и Энгельсом изложены все принципы материалистического понимания истории. Здесь именно впервые Марксу удалось открыть основной закон развития человеческого общества. В ранних же своих работах—«К критике гегелевской философии права», в «Святом семействе», в «Немецкой идеологии» и т. д. — Маркс и Энгельс разрабатывают основы учения о диктатуре пролетариата, выясняя всемирно-историческое значение пролетариата как созидателя коммунистического общества. В «Нищете философии» Маркс развивает необходимость

насильственной революции и установления господства пролетариата как средства для уничтожения классового общества и построения коммунизма. В «Манифесте Коммунистич. партии» Маркс и Энгельс подчеркивают необходимость революционного свержения буржуазии, лишения ее средств производства и концентрации их в руках пролетариата, «организованного как господствующий класс».

III. Диалектический материализм и материалистическое понимание истории.

Одну из величайших заслуг Маркса Ленин видел в том, что, «углубляя и развивая философский материализм, [он] довел его до конца, распространил его познание природы на познание человеческого общества» (Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 350). Материалистическое понимание истории является «последовательным продолжением, распространением материализма на область общественных явлений» (Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 13). Подчеркивая неразрывную внутреннюю связь между диалектическим материализмом и материалистическим пониманием истории, Ленин писал, что «в этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 267).

Будучи распространением диалектического материализма на область общественных отношений, И. м. выступает в тесном и неразрывном единстве с диалектическим материализмом. Всякий отрыв диалектического материализма от исторического, попытка трактовать вопросы философии в противоречии с положениями И. м., абстрагируясь от них, есть извращение диалектического материализма. И обратно: отрыв И. м. от диалектического подрывает основы самого И. м., уродует и извращает его основные положения. Еще в недрах довоенного 2-го Интернационала и неокантианская и махистская ревизии марксизма отрывали И. м. от диалектического, отрицали всякую связь между ними. Считая такую связь незаконной, ревизионисты сводили марксизм лишь к общественно-историческому учению, дабы затем уже подвести под марксизм либо неокантианский либо махистский философский фундамент. В едином блоке с неокантианцами и махистами против диалектического материализма выступал и признанный теоретик германской социал-демократии К. Каутский. Марксизм не имеет своей философии,—утверждал он в угоду ревизионистам,—он соединим и с неокантианством и в особенности с махизмом, и в этом нет ничего предосудительного и вредного. В 1927 Каутский в большом двухтомнике, направленном против И. м., подвел итоги своего ревизионизма, выступив с собственным «пониманием истории», представляющим разновидность буржуазной социологии.

Борьба против диалектического материализма, подведение под марксизм иного философского фундамента, имеет политическое значение: уродуется и извращается марксистское учение в целом, материалистическое понимание истории—в частности, подрываются теория и практика научного социализма, борьба за диктатуру пролетариата. Неокантианское «этическое» обоснование марксизма было знаменем борьбы оппортунистов против марксовой теории классовой борьбы и означало ее замену идеей классового сотрудничества, идеей «мирного» врастания капитализма в социализм. Махистская же, вульгарно-эволюционная теория приспособления или равновесия призвана была оправдать повседневную приспособленческую политику «социал-демократического филистера», теоретически обосновать мирный демократический путь развития капитализма в социализм.

Вслед за виднейшими теоретиками германской и австрийской социал-демократии русские махисты (Богданов, Базаров, Юшкевич и др.) также вели систематическую борьбу против диалектического материализма, стремясь примирить махизм с И. м. Материальная, общественно-производственная практика растворялась ими, как и всеми прочими фальсификаторами марксизма, в духовной. Против принципа материализма в общественно-исторических науках выставлялся принцип исторического идеализма: тождество общественного сознания и бытия. Богданов еще в 1902 писал, что «социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно психическая... Общественное бытие и общественное сознание в точном смысле этого слова тождественны». С этим идеалистическим толкованием вопроса об отношении общественного сознания к общественному бытию тесно и неразрывно связана та развернутая борьба, которую ведут теоретики 2-го Интернационала против коренных вопросов И. м.—учения о классах и классовой борьбе, о социальной революции, о государстве и диктатуре пролетариата в особенности и т. д. Идеалистическое понимание истории находит свое выражение в отрыве политики от экономии, в отрицании объективной экономической основы политической борьбы, в превращении политики (понимаемой как «демократическая политика») в самостоятельный фактор общественного развития (демократическая концепция всемирной истории у Каутского), в отрицании борьбы классов как движущей силы истории, в борьбе против марксистско-ленинской теории социальной революции и подмене ее вульгарным эволюционизмом и т. д. Именно по этим коренным вопросам И. м. идет наиболее ярая идеалистическая атака со стороны теоретиков 2-го Интернационала и всякого рода врагов марксизма-ленинизма (Троцкий и др.).

В борьбе со всеми перечисленными нами течениями, отрывающими диалектический материализм от исторического и извращающими тем самым основные понятия последнего, марксизм-ленинизм исходит из неразрывной и внутренней связи между диалектическим материализмом и материалистическим пониманием истории, рассматривая последнее как распространение диалектического материализма на область общественных явлений. Распространить философский материализм на область общественных отношений значит, прежде всего, показать, как материалистически разрешается основной вопрос философии—вопрос об отношении мышления к бытию—применительно к общественному развитию и познанию. Только исходя отсюда, можно провести разграничительную линию между материализмом и всевозможными формами идеализма в общественно-исторических науках, а также показать конкретную взаимосвязь основных категорий И. м., отражающих общие формы и законы развития и смены общественно-экономических формаций. Ис-

ходя именно из основного вопроса философии—вопроса об отношении мышления к бытию,—Ленин дает исчерпывающе глубокую постановку и разрешение исходного основного вопроса И. м. «Материализм вообще,—указывает Ленин,—признает объективно-реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества» (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 266). «Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия» (Ленин, Сочинения, том XVIII, стр. 12). В приведенных высказываниях Ленина с замечательной четкостью дана характеристика исходного, наиболее общего вопроса исторического материализма (в тесной связи с его философскими основами), ярко проведен водораздел между материализмом и идеализмом в общественно-исторических науках. Различные направления и течения в общественно-исторических науках определяются прежде всего тем, как решается этот вопрос. Все те, к-рые исходят из объективного развития общественного бытия, независимого от общественного сознания и всецело определяющего последнее, составляют лагерь материалистов в социологии; те же, которые исходным пунктом социологического анализа делают формы сознания, основной и движущей силой общественного развития считают развитие разума, сознания, воли и т. п., примыкают к различным течениям внутри идеализма в социологии. Формы и пути проявления идеализма в общественно-исторических науках не менее сложны, разнообразны и завуалированы, чем в области философии; идеализм проникает сюда подчас в тщательно завуалированной форме. Чрезвычайно многообразны здесь также всякие промежуточные эклектические школы и школки, претендующие на преодоление и И. м. и исторического идеализма, но в своем логич. развитии тем не менее приходящие к открытому идеализму (сюда относятся и всякие натуралистич. течения, ищущие закономерности развития общества вне самого общества—в законах ли биологии, в географич. ли условиях, в росте ли населения, в борьбе ли за существование и т. д.).

Таким образом принципом материализма в общественно-исторических науках является единство общественного бытия и сознания, причем «общественное бытие независимо от общественного сознания людей» (Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 266), т. е. первично по отношению к нему и определяет его. Это положение является краеугольным камнем исторического материализма. Маркс и Энгельс сделали исходным пунктом общественного анализа прежде всего материальное производство, общественно-производственную деятельность людей, экономическую структуру общества, составляющую основное определяющее содержание общественного бытия. Распространить материализм на область общественных наук прежде всего значит установить и признать, что «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (Маркс, Предисловие к «К критике политической экономии», в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 6). Лишь разграничив экономическую структуру общества и возвышающиеся над ней социально-политические и правовые учреждения и обусловленные ими формы общественного сознания и найдя ключ к объяснению общественной жизни в конечном счете в экономич. структуре общества, развивающейся во всей истории человечества (кроме первобытного коммунизма) в процессе борьбы классов, Маркс и Энгельс сумели изгнать идеализм из области обществ.-историч. наук и впервые в истории достроить материализм «доверху».

Одной из величайших заслуг Ленина в деле дальнейшего развития И. м. является всестороннее развитие этого исходного основного вопроса. В борьбе с многочисленными врагами и фальсификаторами И. м., отрывающими И. м. от диалектического, Ленин показывает, в чем заключаются внутреннее единство и связь между материализмом диалектическим и историческим. Ленин доказывает, что распространить материализм на область общественных наук значит, прежде всего, стать на ту точку зрения, что общественное бытие независимо от общественного сознания и определяет таковое.

Но распространить диалектический материализм на область обществ. явлений значит не только признать первенство обществ. бытия над обществ. сознанием. Быть историческим материалистом значит рассматривать обществ. бытие и определяемое им общественное сознание в их постоянном диалектическом развитии, в их исторической определенности и конкретности. Общество, как и вся природа, не есть нечто неизменное, а непрерывно развивается, причем развитие это происходит диалектически, т. е. через внутренние противоречия, перерывы постепенности, скачки, борьбу классов и революции, через отрицание старого и возникновение нового, через борьбу между ними. Марксизм-ленинизм рассматривает само отношение общественного сознания к общественному бытию как постоянно изменяющееся и развивающееся. Каждый раз с изменением общественного бытия меняется, хотя и с известным отставанием, и общественное сознание, меняется «дух времени», «характер народа», «природа самого человека». Так напр., бурный рост социалистического хозяйства в СССР сопровождается массовой переделкой сознания самих трудящихся масс, выработкой нового отношения к труду и социалистической собственности, новой социалистической дисциплины, новых правил поведения и т. д. Переход крестьянства от мелкого индивидуального хозяйства на путь крупного коллективного создает «основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе пролетарского социализма» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 313). При этом следует иметь в виду, что «сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения», так напр., «колхозники,—как указывал Сталин в 1933,—по положению уже не единоличники, а коллективисты, но сознание у них пока еще старое, частно-собственническое» (там же, стр. 508). Ход идей определяется в последнем счете ходом развития экономич. отношений — таково основное положение И. м. В классовых общественно-экономических формациях развитие как общественного сознания, так и бытия происходит в форме борьбы различных классов: сознание господствующего класса всегда выступает в качестве господствующего сознания в обществе. Если в условиях капитализма гос-

подствующей идеологией в обществе является идеология буржуазии, то в СССР марксизм-ленинизм как мировоззрение господствующего класса—пролетариата—пронизывает собой все стороны общественной жизни, решительно вытесняя в ожесточенной борьбе идеологию капиталистических элементов и социалистически переделывая сознание широких крестьянских, мелкобуржуазных масс.

Таким образом недостаточно говорить о единстве общественного сознания и бытия вообще; недостаточно утверждать, что общественное бытие первично по отношению к сознанию; следует рассматривать каждый раз это единство на исторически определенной ступени его развития с присущими ему классовыми противоречиями (в антагонистических формациях). На каждой исторической ступени своего развития общественное бытие и сознание составляют конкретное единство со свойственными ему характером и закономерностями, причем основу этого единства составляет присущая данной формации экономическая структура общества с возвышающимися над ней политико-правовыми учреждениями и соответствующими им формами общественного сознания.

Таким образом, отказавшись от абстрактно-метафизического, бессодержательного определения общества «вообще», И. м., применяя диалектику к общественному развитию, дает понятие общественно-экономич. формации. Общественно-экономические формации представляют именно особые исторические ступени в развитии человечества, особые исторически определенные формы существования общества, большие исторические эпохи в развитии человечества, особые социальные организмы с присущими каждому из них особыми закономерностями.

Исходя из экономической структуры, как определяющей основы формации, классики марксизма различают следующие пять общественно-экономических формаций: первобытно-коммунистическую, античную (рабовладельческую), феодальную, капиталистическую, коммунистическую. Античная, феодальная и капиталистическая образуют классовые или антагонистические формации, отличающиеся от доклассовой (первобытной) и бесклассовой (коммунистической) формаций целым рядом присущих им характерных черт. Учение об общественно-экономической формации позволяет рассматривать различные стороны общественной жизни (экономику, государство, право, искусство, науку, религию и т. д. и т. д.), абстрагируемые обычно буржуазными социологами от общественного целого и превращаемые ими в обособленные категории и самостоятельные «факторы», в их тесном и неразрывном единстве, взаимодействии и развитии, и установить синтетический взгляд на общественную жизнь. Это учение рассматривает всю предисторию человечества (за исключением первобытного состояния) как историю борьбы классов. Только исходя из этого учения, можно понять исключительное и решающее значение борьбы классов и партий и социальной революции в общественном развитии, выяснить роль политики и государства и в частности диктатуры пролетариата как единственного и мощного рычага, переводящего человечество с рельс его предистории на рельсы подлинной истории человечества, определить место и значение различных форм общественного сознания в истории общества. Поэтому распространить диалектический материализм на область общественных отношений, т. е. быть диалектическим материалистом в общественных науках, значит не только признавать, что общественное бытие первично по отношению к общественному сознанию, но и рассматривать общественное развитие как естественно-исторический процесс смены различных формаций, показывая, как из одного экономического уклада развивается другой.

IV. Проблема общественной закономерности.

Законы общества и природы. Исходя из теории общественно-экономической формации, можно правильно разрешить проблему закономерности общественного развития и определить конкретно предмет исторического материализма. В вопросе об общественной закономерности буржуазная идеалистическая социология стоит либо на точке зрения натуралистического понимания общественных закономерностей либо же на точке зрения принципиального противопоставления законов общества законам природы. В первом случае мы имеем попытки объяснения общественных явлений либо законами биологии, либо борьбой за существование, либо условиями географической среды, либо борьбой рас, либо ростом населения и т. д. Во втором же случае, принципиально разграничивая область общественных явлений от явлений природных (Риккерт, Виндельбанд), утверждают, что, в то время как задачей естествознания является обобщение индивидуальных фактов, систематизация их, подведение «явлений» под общие законы, предметом истории, напротив, является не общее, а единичное, неповторимое, не поддающееся никакому обобщению. Историк не должен, мол, ставить себе задачи устанавливать общие законы, он должен находить и выделять индивидуальное, неповторимое, существенное «с точки зрения какой-нибудь культурной ценности», напр. религии, права, государства, нравственности и т. д.

Широкое распространение в буржуазной социологии получили взгляды так называемой психологической школы (с многочисленными школками и системами внутри нее), которая рассматривает общественные силы как психические, а поэтому и основывает социологию на законах психологии. Одной из характернейших черт буржуазной социологии является ее неумение и нежелание вскрыть своеобразие общественных законов, их единство с законами природы, но в то же время и качественное отличие от них. Даже в тех случаях, когда буржуазный социолог пытается исходить из специфичности общественных явлений, но не желая и не умея взять за исходный пункт анализа общественное бытие, его материальную основу, он вынужден в конечном счете вернуться либо к абстрактному натурализму, либо к психологизму, либо же в лучшем случае ограничиться поверхностными эмпирическими обобщениями. Характерна с этой точки зрения общепринятая среди буржуазных социологов классификация наук, к-рая утверждает между прочим, что законы более низших форм движения (механики, физики, химии, биологии, психологии и т. д.) действуют в более высшей (в данном случае—в социологии) не как побочные формы (как это утверждал Энгельс), а вполне самостоятельно и наряду с ней. Эта теория была выставлена еще О. *Контом* (см.) и получила право гражданства почти во всей буржуазной социологии. Методологической основой ее является

механистическо-позитивистский взгляд, видящий высшую задачу науки в сведении всех сложных форм к простым.

Проблему соотношения законов природы и общества можно правильно разрешить лишь в том случае, если исходным пунктом социологического анализа сделать объективную логику общественного бытия, т. е. исторически определенные формы материального производства, составляющие глубочайшую основу общественного развития и его закономерностей. Качественную определенность общества, отличающую его от стада животных, Маркс и Энгельс видели прежде всего в материальном производстве, в труде, отличительным признаком к-рого является производство средств производства. Буржуазная социологическая мысль не сумела даже близко подойти к постановке этой проблемы. Наоборот, логика классовой борьбы все дальше и дальше отбрасывала ее от этого единственно правильного исходного пункта. Вот почему она не сумела также разрешить проблемы соотношения законов природы и общества.

«Первый исторический акт... индивидов, благодаря которому они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают производить себе средства к существованию» (Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 10, см. подстрочн. примеч.). «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии,—вообще, по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к существованию» (там же, стр. 11). «Люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии „делать историю". Но для жизни прежде всего нужны пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первое историческое дело это—производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни» (там же, стр. 18). По словам Энгельса, труд «создал самого человека», труд отличает человеческое общество вообще от стада человекоподобных обезьян. Поэтому и основу закономерностей общественного развития И. м. ищет в общественно-производственной деятельности людей, создающей действительную связь и единство в обществе и определяющей сознание и волю людей. Поэтому и в борьбе с идеалистическими социологическими учениями Ленин не раз подчеркивал, что закономерность общественного развития носит объективный характер, существуя независимо от сознания и воли людей, независимо от того, познают ли люди эту закономерность извращенно (как это было до возникновения марксизма) или же правильно (каковым является познание пролетариата и его партии). В понимании общественной закономерности И. м. принципиально отличается и от фаталистических учений, ищущих закономерность общественного развития вне деятельности людей и исключающих поэтому активную роль личности в истории, и от субъективистических учений, видящих источник общественной закономерности в духовных способностях субъекта. И. м. устанавливает, что люди творят свою историю, причем эта материальная общественно-производственная деятельность людей носит закономерный характер, имеет свою объективную внутреннюю логику, независимо от того, творят ли люди свою историю сознательно, планомерно (как при социализме) или же являются рабами слепой необходимости—своей собственной же деятельности—стихийного общественного развития (как во всей предистории человечества). Только при таком понимании общественной закономерности возможно, как дальше это увидим, объяснение активной роли личности в истории. Задачей исторического материализма является вскрытие именно этих объективных специфических законов общественного развития.

Общественное развитие нельзя объяснить влиянием географических условий или биологическими законами. Как известно, Плеханов придавал чрезмерное значение влиянию географической среды на развитие общества. Плеханов считал, что «развитие производительных сил, определяющее собой в последнем счете развитие всех общественных отношений, определяется свойствами географической среды» («Основные вопросы марксизма»). Правда, дальнейшее развитие производительных сил, указывал Плеханов, совершается «по своим собственным внутренним законам», но исходной причиной развития производительных сил, по Плеханову, является географическая среда, которая определяет развитие производительных сил. Безусловно, географическая среда является естественной основой общественного развития и обусловливает собой все стороны общественной жизни: «Всякое историческое описание должно исходить из этих природных основ и их видоизменения в ходе истории благодаря деятельности людей» (Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 11). Но тем не менее географическая среда не определяет развитие общества. Самый факт влияния географической среды на общество, его степень, форма и характер объяснимы лишь из данной ступени экономического развития общества. Отношение общества к среде и самый факт взаимодействия между ними каждый раз определяется в конечном счете состоянием производительных сил. Наглядным примером в этом отношении является Советский Союз. За сравнительно короткий промежуток времени в результате бурного социалистического развития коренным образом изменилось у нас отношение между обществом и географической средой; благодаря открытиям (обусловленным социалистическим хозяйством) огромных природных богатств, строительству Днепрогэса, Беломорского канала и т. п. коренным образом преобразовывается географическое лицо СССР. Таким образом экономическое развитие, обусловленное влиянием географической среды, преобразовывает последнюю и вместе с тем определяет степень и форму влияния географической среды на общественное развитие. Таким образом характер влияния географической среды на общество в каждый исторический момент определяется внутренней закономерностью общественного развития.

То же самое следует сказать и о влиянии размножения, роста народонаселения на ход общественного развития. Нельзя объяснить конечную причину общественного развития прогрессирующей густотой населения (как это делает ряд буржуазных социологов). «Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не „абстрактно", без отношения к

исторически различным формам общественного устройства» (Л е н и н, Соч., т. I, стр. 319). Ленин указывал Струве, что невозможно построить абстрактный закон народонаселения по формуле о соответствии размножения со средствами существования, игнорируя исторически особые системы общественных отношений, отвлекаясь от способа производства. Так напр., в условиях капиталистического способа производства перенаселение создается тем, что капитал, овладевая производством и уменьшая число необходимых рабочих, создает излишнее население.

Признавая качественное отличие законов общества от законов остальной природы, исторический материализм в то же время далек от их абсолютного противопоставления. Законы общественного развития рассматриваются в И. м. как особенные формы всеобщих законов диалектики, господствующих и в природе, и в обществе, и в человеческом мышлении. Общество, как и природа, развивается диалектически, т. е. противоречиво, через скачки, революции, через отрицание старого и возникновение нового. И с этой точки зрения И. м. признает не только качественное различие между законами природы и общества, но и их определенное единство. В процессе общественного труда осуществляется это единство между обществом и остальной природой.

В вопросе о соотношении законов природы и законов общества следует отметить целый ряд попыток механистическо-натуралистической ревизии И. м. Механисты понимают закон как внешнее отношение между явлениями; вот почему основную закономерность общества они ищут не во внутреннем саморазвитии общества, а во внешнем отношении общества и природы. Так например, вслед за Богдановым, исходя из теории равновесия, Бухарин считает, что внутренняя закономерность общественного развития всецело зависит от равновесия между обществом и внешней средой, что внутренние противоречия являются функцией этих внешних противоречий. Более последовательно и открыто эта механистическая теория равновесия, ищущая закономерность общественного развития, конечную причину последнего, в изменениях внешней среды, проводилась Каутским еще в довоенный период. Так напр., в «Размножении и развитии в природе и обществе» (1910) Каутский считал, что и общественное развитие и эволюция организмов «в общем совершаются совершенно одинаковым путем—путем приспособления к материальным, т. е. внешним условиям жизни», что составляет «общий закон для всего мира, также и для неорганического. Форма каждого тела определяется условиями его внешней среды». В «Материалистическом понимании истории» (1927) Каутский свою заслугу видит в том, что он рассматривает историю человечества лишь как частный случай в истории органической жизни; общий закон, к-рому подчинено как человеческое развитие, так и развитие животного и растительного царства, состоит в том, что всякое изменение и развитие как общества, так и видов диктуется изменением в окружающей среде. Где эта среда остается неизменной, там остаются неизменными и населяющие ее организмы и организации.

Другой «теоретик» 2-го Интернационала Кунов также поддерживает определяющую роль географической среды в общественном развитии. По этой же линии идет «географический уклон» Плеханова. Коренным пороком всех этих высказываний является игнорирование того факта, что общественные явления объяснимы лишь из присущей материальному общественному производству закономерности, несводимой к законам остальной природы.

Рассматривая общественное развитие строго детерминистически как причинно-обусловленный, естественно-исторический процесс, И. м. исключает индетерминизм (поповское учение о свободе воли) и всякого рода телеологические учения, объясняющие ход истории заранее предначертанными (богом) целями и ищущие внутренний, «скрытый смысл» в истории человечества. Однако отрицание телеологии не означает, будто И. м. отрицает цели и идеальные побудительные мотивы в истории, как это изображают буржуазные идеологи. Как известно, Энгельс указывал, что каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные цели, а в результате получается история. И. м. не отрицает ни целей ни идеальных побудительных сил; наоборот, лишь И. м. дает правильное объяснение этим целям и мотивам, показывая те «исторические причины, которые отразились в головах деятелей в виде данных побуждений» (Э н г е л ь с). И. м. открывает в каждой общественно-экономической формации цели и стремления больших масс людей, классов, дает этим целям и стремлениям материалистическое объяснение, показывает, как они возникают и складываются, почему они выступают в различных формах, как из столкновения этих относительных целей образуется история.

Более того: отрицание конечных целей и перспектив свойственно лишь реформизму и оппортунизму. Исторический же материализм теоретически обосновывает беззаветную борьбу многомиллионных масс пролетариата и трудящихся всего мира за величайшую идеальную побудительную цель—коммунизм, открывающий новую страницу подлинной человеческой истории. И. м. обосновывает самоотверженную героическую борьбу отдельных людей и масс (как это показывает пример Советского Союза и братских компартий) за коммунистический идеал, в то время как буржуазии и ее науке как-раз и свойственен основанный на животном эгоизме, грубый «кухонный материализм» (как выражался Салтыков-Щедрин).

Общие и особенные законы общественного развития. Коренным образом И. м. отличается от буржуазной социологии и в вопросе о том, как понимать имманентную закономерность общественного развития. Буржуазная социология считает, что ее задачей является отыскание наиболее общих законов, понимаемых ею как неизменные и одинаково годные для всех времен и для всех народов. Подобные всеобщие законы, лишенные конкретного исторического содержания, представляют пустые и бессодержательные схемы, не объясняющие ни одной конкретной исторической эпохи.

В отличие от буржуазной социологии, конструирующей общие неизменные законы, под к-рые подгоняется живая действительность, И. м. устанавливает, что каждая историческая ступень общественного развития, т. е. каждая общественно-экономическая формация, характеризуется присущей только ей одной особой закономерностью. Законы развития одной формации отличаются от законов другой и не сво-

димы к ним. Однако это не означает еще, что И. м. отрицает всеобщие законы в истории человечества. Как известно, Энгельс в «Людвиге Фейербахе» указывал, что «здесь надо было, значит, совершенно так же, как и в области природы, устранить вымышленную искусственную связь явлений посредством указания их истинной связи. А эта задача, в конце концов, сводилась к открытию тех общих законов движения, которые действуют в истории человеческого общества» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 666—667). Однако в отличие от буржуазной социологии И. м. устанавливает, что всеобщие законы истории не представляют бессодержательных и пустых схем, одинаково пригодных для всех исторических эпох, а всегда выступают в исторически определенной, особой, конкретной форме. И. м. не отрывает метафизически всеобщие законы от особенно-исторических законов различных общественно-экономических формаций. Последние являются как-раз особенными формами проявления всеобщего закона истории, к-рый не имеет независимого от них существования и действия. Иными словами: всеобщие законы истории существуют не вне особых исторических законов развития общественно-экономических формаций, а выражают всеобщие существенные противоречия, присущие развитию всех общественных формаций, в какой бы форме оно ни происходило. Так например, закон социальной революции является всеобщим законом возникновения и смены всех антагонистических общественно-экономических формаций. Социальная революция является выражением антагонистического характера противоречия между производительными силами и производственными отношениями, она приводит к насильственной ломке старой формации и созданию новой, причем этот процесс происходит в ожесточенной борьбе классов (вплоть до вооруженного восстания), приводящей к переходу политической власти из рук одного класса в руки другого.

Этот всеобщий характер закона социальной революции по отношению к предистории человечества (за исключением первобытного состояния) был отмечен Сталиным в его речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Сталин говорил о трех революциях: революции рабов (свергшей рабовладельческий строй), революции крепостных крестьян (свергшей феодальный строй) и Октябрьской революции (свергшей капиталистический строй в России). Но в каждой формации социальная революция происходит в присущих ей одной особенных формах, принципиально отличаясь от революций в других формациях. С этой точки зрения прежде всего следует отметить, что Октябрьская социалистическая революция принципиально отличается от всех происходивших до сих пор революций, которые были «однобокими революциями», сменяющими одну форму эксплоатации трудящихся другой ее формой. «Только Октябрьская революция поставила себе целью—уничтожить всякую эксплоатацию и ликвидировать всех и всяких эксплоататоров и угнетателей» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 527). Развивая дальше мысли Ленина, Сталин указывает на следующие характерные черты пролетарской революции в отличие от революции буржуазной: а) буржуазная революция начинается обычно при наличии б. или м. готовых форм капиталистического уклада, выросших в недрах феодального общества еще до революции, тогда как пролетарская революция начинается при отсутствии или почти отсутствии готовых форм социалистического уклада; б) основная задача буржуазной революции—захват власти и приведение ее в соответствие с экономикой; пролетариат же, захватив власть, строит новую, социалистическую экономику; в) буржуазная революция обычно завершается захватом власти; для пролетарской же революции захват власти является лишь ее началом, причем власть используется как рычаг социалистического преобразования общества; г) в отличие от буржуазной революции пролетарская революция устраняет от власти все и всякие эксплоататорские группы, ставя у власти класс пролетариев, в виду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой; д) в отличие от буржуазной революции пролетарская революция связывает трудящиеся массы с пролетариатом в длительный союз для упрочения власти пролетариата и построения социализма.

Революция рабов, приведшая к свержению рабовладельческого строя, принципиально отличается от пролетарской и буржуазной революций. «Рабы... восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов» (Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 375). Несмотря на почти никогда не прекращающиеся рабские восстания в древнем Риме, выливающиеся в такие мощные движения, как первая рабская война в Сицилии (136—132 до христ. эры), приведшая к завоеванию всей Сицилии рабами и к ее распространению в других местах империи, или же восстание Спартака (в 70-х гг. до хр. э.), движения рабов характеризовались отсутствием всякой программы по реорганизации существующих порядков. Обычно рабы-повстанцы освобождали от рабства лишь участников восстания, продолжая сохранять институт рабства при несколько смягченной форме. Как известно, вся программа Спартака заключалась в том, чтобы, по возможности уклонившись от непосредственного похода на Рим, вывести рабов-повстанцев из Италии на их родину—во Фракию и Галлию. Вот почему классовая борьба в античном мире не привела к непосредственному переходу политич. власти в руки рабов (хотя она и подготовила условия перехода власти в руки нового класса—класса феодалов) и закончилась совместной гибелью борющихся классов.

Таким образом социальная революция, являясь всеобщим законом развития почти всей предистории человечества, в каждой формации характеризуется присущими ей специфическими особенностями. То же самое следует сказать и о всех других категориях исторического материализма: общие законы общественного развития существуют только в форме конкретных специфических закономерностей, господствующих в отдельных общественно-экономических формациях.

Характерный для буржуазной социологии метафизический отрыв всеобщих законов от особенных рельефно и наглядно выступает у Каутского, к-рый (в «Материалистическом понимании истории») развивает ту точку зрения,

что в истории человечества наряду с всеобщими законами истории бок-о-бок действуют также и такие общественные законы, к-рые свойственны лишь отдельным историческим эпохам. Таким образом Каутский метафизически отрывает общие законы от особенных. Но в результате такой операции отрицается историческая связь и переход от одной эпохи к другой, общая линия исторического развития и смены общественно-экономических формаций. Неслучайно Каутский стремится доказать, что закон социальной революции не есть общий закон истории, а лишь закон перехода от феодализма к капитализму. Всеобщие же законы, лишенные всего богатства своего содержания, превращаются Каутским в бессодержательные, беспредметные формальные схемы, не могущие быть приложенными ни к одной исторической эпохе. Своеобразие каутскианского отрыва всеобщих законов от особенных заключается в том, что Каутский позитивистски переносит центр тяжести «материалистического» понимания истории на изучение «специфических» законов отдельных исторических эпох, отрывая эти законы от всеобщих законов истории, фактически не вскрывая ни всеобщей закономерности истории ни особых законов формаций.

Механисты в духе буржуазного абстрактного социологизма конструируют абстрактные внеисторические всеобщие законы и механистически распространяют действие законов одной формации на другую. Так напр., Бухарин, оперируя абстрактным понятием общества вообще и исходя из теории равновесия, игнорировал специфические закономерности переходного периода. В качестве общего регулятора и для капитализма, и для переходного периода, и для социализма у него выдвигается один и тот же «закон трудовых затрат». Этот закон в товарном хозяйстве выступает в костюме закона ценности, в переходный же период происходит «процесс превращения закона стоимости в закон трудовых затрат, процесс дефетишизации основного общественного регулятора» (Бухарин, К вопросу о закономерностях переходного периода). «Закон трудовых затрат»—голенький или в костюме—оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни: меняется так. обр. лишь форма проявления этого закона, а содержание остается неизменным.

Меньшевиствующие идеалисты наоборот, отрицают вообще существование и действие всеобщих законов в истории, видя задачу исторического материализма лишь в открытии специфических законов отдельных формаций, законов, оторванных так. обр. друг от друга и лишенных своей всеобщей формы.

Т. о. проблема общественной закономерности, проблема соотношения законов природы и законов общества, всеобщих законов истории и специфических законов отдельных исторических эпох, могла быть разрешена в историческом материализме благодаря выработке понятия общественно-экономической формации. Здесь именно Маркс дает определение общества, включающее в себя как всеобщие существенные черты всякого общества, так и его специфические, особенно исторические формы. В учении об общественно-экономической формации всеобщие законы истории выступают в их особенной форме, в форме законов отдельных общественно-экономических формаций. Но проблема обществен. закономерности в ее общей постановке этим еще не разрешается. И. м. не ограничивается лишь открытием только общей для какой-либо формации (напр. капитализма или феодализма) закономерности, ибо чистой общественно-экономич. формации (кроме коммунизма) вообще не существует. Одна и та же общественная формация в зависимости от различных условий выступает в различных странах и у различных народов в бесконечно разнообразных вариациях и модификациях, с свойственными ей индивидуальными чертами и особенностями. Так например, феодализм как особая общественно-экономическая формация имеет различные модификации и разновидности в различных странах и в разные эпохи. В письме к Марксу (16/XII 1882) Энгельс подчеркивал, что страны к востоку от Эльбы пережили эпоху «второго издания» крепостничества, характеризующегося особыми чертами и своеобразием. Поражение крестьянской революции 16 в. приводит в этих странах к сохранению или даже усилению крепостнических отношений. Это особенно относится к России, где в результате поражения целого ряда крестьянских революций (1605—13, 1648—50, 1670—75, 1707 и 1773—75) самодержавие и крепостничество значительно укрепляются и усиливаются, и развитие помещичьего хозяйства совершается здесь, как выражается Ленин, не по-европейски, а «по-старо-китайски», «по-турецки», «по-крепостнически» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 459).

Зарождение, развитие и загнивание капитализма во всех странах подчинялось одной и той же закономерности, присущей капиталистической формации. Однако в различных странах, в зависимости от различных условий, эта общая закономерность развития капитализма действует при особых, часто исключительных, неповторяющихся конкретно-исторических условиях. Так например, прослеживая пути капиталистического развития с. х-ва в различных странах, Ленин указывает, что «в Германии пересоздание средневековых форм землевладения шло, так сказать, реформаторски... В Англии... революционно, насильственно, но насилия производились в пользу помещиков ... В Америке... насильственно по отношению к рабовладельческим экономиям южных Штатов» (Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 376—377). В отношении России Ленин устанавливал два пути объективно возможного буржуазного развития—прусский и американский. Начиная с 1861, Россия развивалась по юнкерски-буржуазному типу: первым его этапом была реформа 1861, вторым—столыпинщина. Буржуазно-демократическая, крестьянская революция 1905—06 означала борьбу крестьянства при поддержке и гегемонии пролетариата за второй, американский путь развития. Борьба этих двух путей, составляющая экономическую основу революционности крестьянства, не снималась до 1917 и снята была лишь победой пролетарской революции, открывшей для крестьянства новый путь социалистического развития при государственной поддержке и руководстве пролетариата.

Наконец общая закономерность развития одной и той же формации выступает на различных этапах ее развития в различных модификациях и вариациях. Так например, общая закономерность капиталистической формации на империалистической стадии ее развития выступает в несколько модифицированной форме.

Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» показал, как капитализм на империалистической стадии своего развития принимает новые специфические черты, обостряя и углубляя все противоречия капитализма, модифицируя и обостряя закон неравномерного развития капитализма, тем самым по-иному ставя проблему пролетарской революции и возможности построения социализма в одной стране.

Поэтому нельзя ограничиться лишь открытием общих законов данной формации, а следует показать те конкретные формы, к-рые принимает общий закон формации в отдельных странах и у отдельных народов. Характерна с этой точки зрения та борьба, к-рую вел Ленин против Плеханова. Плеханов, как известно, отвлекался от конкретных условий и особенностей развития капитализма в России, рассуждал, исходя из общих положений о развитии капитализма, и не обращал достаточного внимания на конкретный ход развития капитализма, подгонял российскую действительность под общеевропейский шаблон. Критикуя плехановский проект программы еще в период «Искры», Ленин видел один из его основных недостатков в отстранении и затемнении вопроса о специально русском капитализме. Ленин показывал конкретные особенности развития русского капитализма и на этом конкретном учете конкретной действительности строил и тактику партии.

Итак, общая закономерность какой-либо формации, взятая в ее, так сказать, чистом виде, бесконечно многообразно варьирует и модифицируется в зависимости от самых разнообразных конкретных условий и обстоятельств. В этом смысле Маркс и писал в «Капитале»: «Один и тот же экономический базис—один и тот же со стороны главных условий—благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.—может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» («Капитал», т. III, 8 изд., стр. 570). Изучение этих модификаций и вариаций общих законов развития одной и той же формации является необходимым и важнейшим условием правильного исторического познания и основанного на нем действия. Благодаря именно этим бесконечно разнообразным и многочисленным обстоятельствам «всякий общий закон осуществляется, лишь как господствующая тенденция, весьма запутанным и приблизительным образом» (т а м ж е, стр. 105).

V. И. м. как метод общественных наук и революционного действия.

Как общая теория общественного развития, отображающая закономерность развития и смены общественно-экономических формаций, исторический материализм выступает в то же время в качестве единственно-научного метода для всех частных общественно-исторических наук, являясь «теорией о методе в общественной науке» (Л е н и н), теорией, дающей «единственный научный прием объяснения истории» (Л е н и н). Основные категории исторического материализма, отображающие объективную диалектику общественного развития, выступают в то же время в качестве руководящих методологических принципов изучения конкретного исторического материала.—Методологическое значение И. м. заключается прежде всего в выделении производственных отношений, как реальной основы всех общественных отношений, и исходного пункта общественно-исторического анализа. «До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления... и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив „производственные отношения“, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты... Анализ материальных общественных отношений... сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие „общественной формации“» (Л е н и н, Сочинения, том I, стр. 61).

Таким образом общее методологическое значение И. м. заключается прежде всего в том, что в качестве исходного пункта социологического анализа все общественные науки должны брать экономическую структуру общества как в конечном счете определяющую причину всех общественных явлений. Но в антагонистических формациях производственные отношения выступают как отношения классов. Почти вся история человечества есть история борьбы классов. Поэтому и И. м. считает теорию классовой борьбы основным руководящим принципом, позволяющим объяснить всю историю человечества, начиная с момента разложения первобытного коммунизма. Ленин подчеркивал, что «марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе (истории.—*Г. А.*), именно: теорию классовой борьбы» (Л е н и н, Сочинения, т. XVIII, стр. 14). Отсюда следует исходить не только при объяснении общественных явлений, но и при их преобразовании, их изменении.

Только исходя из правильного понимания И. м., как одновременно и научной теории общественного развития и метода исследования общественных явлений, можно разрешить вопрос о соотношении между историческим материализмом и другими общественными науками. Отличие И. м. от таких общественных наук, как политическая экономия, науки о праве, о государстве, лингвистика и т. п., заключается прежде всего в том, что все эти науки изучают различные стороны или формы общественного движения, а не весь процесс общественного развития в целом. Одни из них делают своим предметом производственные отношения (политическая экономия), другие же изучают различные надстройки (право, государство, искусство, язык и т. д.), обладающие своей относительной закономерностью развития, но подчиняющиеся общей закономерности развития, как частные формы движения внутри общественного целого. Предметом же И. м. являются не отдельные стороны общества и не частные формы его движения и даже не одна формация, а весь процесс общественного развития в целом, общие закономерности развития и смены общественно-экономических формаций.

Несколько иное отношение существует между И. м. и историей. Задачей исторической нау-

ки является изучение конкретного хода человеческой истории, закономерности исторического развития тех или иных народов и стран. «История идет часто скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за нею повсюду, то благодаря этому не только пришлось бы принимать во внимание много менее ценного материала, но и пришлось бы часто прерывать ход мыслей» (Энгельс, Рецензия на кн. Маркса: К критике политической экономии, см. Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. 2, стр. 360). И. м. же как наука, как общая теория исторического процесса отвлекается от всех исторических случайностей и зигзагов и представляет собой общую логику общественного развития, отображающую разумеется исторический ход, но ход, «освобожденный от его исторической формы и от нарушающих случайностей» (там же). Он является обобщением основных, существенных ступеней и форм этого развития, его законов. В отличие от конкретной истории, ставящей себе задачу показать в хронологическом порядке историческое развитие той или иной формации во всех ее особенностях и открывающей конкретные закономерности, свойственные данной стране и данной эпохе с их индивидуальным характером, многочисленными модификациями и вариациями,—исторический материализм как наука разрабатывает общую теорию развития и смены общественно-экономических формаций. И с этой точки зрения между И. м. и историей имеет место самое тесное и неразрывное взаимодействие и связь. Выводы И. м. всецело основываются на конкретном историческом материале, являясь общим выводом, результатом, наивысшим итогом всего исторического познания. Всякий отрыв И. м. от истории, абстрактное рассмотрение его категорий, неизбежно ведет к идеализму и схоластике, к отрыву теории от практики. История же как наука должна всецело опираться и основываться на общеметодологических положениях И. м., дающих историку критерий и возможность разобраться в сложном лабиринте и переплете исторических фактов, отделить существенное от несущественного, понять взаимную связь и зависимость отдельных исторических фактов и выработать синтетический взгляд на историческое развитие.

Общие положения исторического материализма служат для истории лишь в качестве методологич. установок и не должны подменять собой конкретного исторического исследования. Всякое «социологизирование», подмена конкретного анализа общими «социологическими» схемами, с одной стороны, не учитывает своеобразия истории как науки, а, с другой стороны, извращает историч. материализм в духе буржуазного социологизма-схематизма.

Что же касается отношения И. м. к т. н. «философии истории», то здесь прежде всего следует отметить, что т. н. «философия истории», рассматривающая историю под углом зрения осуществления известных этических понятий и идеалов или осуществления развития абсолютного духа, видящая свою задачу в раскрытии «цели» и «смысла» человеческой истории, представляет прямую противоположность И. м. и отрицается им как наука. Термин «философия истории» в применении к историческому материализму не подчеркивает принципиальной разницы между И. м. и идеалистической «философией истории», прибегающей к различным метафизическим, «надисторическим» априорным схемам.—По этой же причине перенесение на И. м. термина «социология» требует больших оговорок. Он не подчеркивает существенной черты И. м.—материалистической линии в общественных науках—в отличие от идеалистической линии буржуазной социологии. Во-вторых, распространение этого термина на И. м. связано у Бухарина с перенесением в область И. м. абстрактных определений и понятий буржуазной социологии. Поэтому в полемике с Бухариным, в своих замечаниях на его книгу «Экономика переходного периода», Ленин берет этот термин в кавычках.

В вопросе о предмете И. м. следует отметить две характерных формы ревизии, существовавшие в наших условиях. Механисты рассматривают И. м. как «общее» учение об абстрактном, неизменном обществе и законах его «равновесия», как наиболее «общую (абстрактную)» общественную науку (Бухарин). Таким образом в самом определении И. м. Бухарин отвлекается от его существенного признака—учения об общественно-экономических формациях. Тем самым И. м. превращается у Бухарина в абстрактную схему «общества вообще», в совокупность абстрактных предпосылок, лишенных всего многообразия конкретных особенностей, в голую схему, механически применяемую в одинаковой степени к самым различным историческим эпохам (например механическое перенесение закономерностей капитализма на переходный период, универсализация «закона трудовых затрат» и т. д.).

Меньшевиствующие идеалисты видят задачу И. м. в выработке предпосылок, с помощью к-рых мы должны подходить к изучению истории. Отрывая метод от научной теории общественного развития, меньшевиствующие идеалисты превращали И. м. в систему формальных предпосылок, с помощью к-рых следовало изучать реальный исторический процесс. Возражая против абстрактного бухаринского «социологизма», нек-рые меньшевиствующие идеалисты метафизически противопоставляли особенные законы истории общим законам, утверждая, что нельзя говорить об общих закономерностях истории, что задачей исторического материализма является изучение лишь специфических законов отдельных общественно-экономических формаций.

Меньшевиствующие идеалисты превращали по существу исторический материализм в совокупность априорных предпосылок, вносящих «порядок» в хаос исторического материала. Таким образом в их определении предмета и задач И. м., наряду с гегельянской ревизией И. м., в известной степени отражалось влияние риккертианства, ибо И. м. сводился ими по существу к априорной логике истории, оторванной от конкретного исторического процесса. Исторический материализм есть метод исследования общественных явлений, но он является методологией общественных наук именно потому, что представляет в то же время научную теорию общественного развития. Отрыв же метода от теории приводит к извращению и уродованию самого марксистско-ленинского понимания метода, превращению его в совокупность абстрактных предпосылок (имеющих якобы свое основание в познавательных способностях человека), извне прилагаемых к конкретному историческому материалу.

Будучи научной теорией общественного развития и в то же время всеобщей методологией исторического познания, И. м. является вместе с тем и единственно научной теорией изменения общества, его революционного преобразования. На основе единственно правильного отображения исторического хода развития общества, его внутренних закономерностей, И. м. дает оружие партии для вскрытия свойственных капиталистической формации внутренних противоречий, обострения этих противоречий и неизбежного на этой основе краха капитализма и перехода к высшей, коммунистической формации. Теория научного социализма находит свое непосредственное теоретическое обоснование в И. м. Научно доказывая неизбежный крах капитализма и переход общества на высшую (коммунистическую) стадию развития, И. м. в то же время показывает пути этого перехода, выявляет историческую миссию рабочего класса как могильщика буржуазии и строителя новой коммунистической формации. И. м. обосновывает то центральное положение марксизма-ленинизма, что крах капитализма и создание новой формации происходит не самотеком, не как стихийно автоматический процесс, а в результате длительной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, борьбы, приводящей к социалистической революции, к установлению диктатуры пролетариата как могущественного орудия революционного преобразования старого общества в новое.

Таким образом И. м. является руководством для революц. борьбы рабочего класса — теоретической основой генеральной линии коммунистической партии. Поэтому исторический материализм является строго партийной наукой. Однако, как видно из сказанного выше, партийность его основана не на субъективизме (к-рый присущ именно буржуазной науке), а на последовательно проведенном объективном изучении исторической действительности. Партийность И. м. есть последовательно проведенная научная объективность и ни в коем случае не противоречит ей, как это пытаются доказать идеологи буржуазии и ревизионизма. Чрезвычайно глубоко и сжато формулирован Лениным принцип партийности И. м. в «Материализме и эмпириокритицизме». «Самая высшая задача человечества, — указывал Ленин, — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах, с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к ней свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран» (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 266). В этой формулировке с классической четкостью и ясностью подчеркнута, с одной стороны, наивысшая объективность и научность исторического материализма, а, с другой стороны, основанная на этой объективности партийность его, действенность и творческий характер этой теории общественного развития.

Сознание пролетариата (в лице его авангарда — коммунистической партии), правильно отображая объективную логику общественного развития, объективный ход классовой борьбы, само превращается в действенную силу, в субъективный фактор общественного развития. — Таким образом партийность И. м. отвергает как субъективизм, так и буржуазный объективизм, являющиеся различными формами буржуазной партийности. От субъективизма (характерного для троцкистского понимания общественных явлений) ленинский принцип партийности И. м. отличается тем, что исходит из самой объективной логики общественного развития, представляет строго научный вывод из конкретного учета конкретной действительности. От стихийного объективизма, связанного с теорией самотека (характерного для правого оппортунизма), от мнимой беспристрастности и «нейтральности» буржуазной науки, он отличается тем, что не отвлекается от классов и партий, не умерщвляет и не уродует живой действительности, не искажает под флагом «объективизма» действительный ход общественного развития в угоду господствующим классам.

Еще в 1894 в борьбе против Струве Ленин дал уничтожающую критику т. н. «объективизма». «Объективист, — указывает Ленин, — говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм», он выясняет, «какой именно класс определяет эту необходимость», «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (Ленин, Соч., т. I, стр. 275—276).

Таким образом глубочайшим основанием марксистско-ленинского принципа партийности является сама живая развивающаяся действительность, научное обобщение передовым отрядом рабочего класса — коммунистической партией — ее объективного хода, познание ее узловых звеньев, критически-революционное воздействие на эти звенья с целью коренного преобразования всей действительности. Теоретики 2-го Интернационала ведут развернутую борьбу против принципа партийности исторического материализма. Так напр., Каутский считает, что И. м. сам по себе беспартиен; Макс Адлер отказывается связать И. м. с политической и партийной борьбой; Фридрих Адлер, еще в 1910 выступая в защиту русских махистов-социал-демократов, упрекал Ленина и других в том, что они считают вопросы мировоззрения партийным вопросом. Но эта мнимая беспартийность теории (проповедуемая ими) является завуалированной формой буржуазной партийности и целиком заострена против марксизма-ленинизма. В наших условиях принцип партийности исторического материализма подвергался ревизии со стороны меньшевиствующих идеалистов и механистов. Восстанавливая вреднейшую догму меньшевизма—отрыв теории от практики, уходя от практики в область чистой теории, меньшевиствующие идеалисты сводили тем самым самую теорию к бессодержательной, схоластической игре понятий, лишенных конкретного исторического содержания. Этот «уход» от практики пролетарской диктатуры в область схоластики «чистой теории» у меньшевиствую-

щего идеализма и рубинщины связан с политикой контрреволюционного троцкизма и меньшевизма.

Механисты, проповедуя правооппортунистическую теорию самотека, теорию преклонения перед стихийностью, недооценивая роль сознательного элемента в движении, не видя революционного значения теории, проповедуя идеологию «хвостизма» — равнения на «узкие места»,—тем самым отрывали практику от революционной теории, сводя самую практику к узкому делячеству.—Классическое определение соотношения теории и практики и партийности теории дано Сталиным в его работе «Об основах ленинизма»: «Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она... может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем» («Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 13).

VI. Формация, способ производства и уклад.

Открытое Марксом и Энгельсом учение об общественно-экономической формации является краеугольным камнем И. м. «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, ,,богом созданные" и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними,—так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» (Ленин, Соч., т. I, стр. 62—63). Учение о формации позволило применять к соц. науке критерий повторяемости и рассматривать всю историю человечества как естественно-историч. процесс возникновения, развития и смены общественно-экономических формаций, причем каждая формация представляет «прогрессивную эпоху экономического формирования общества» (Маркс) по отношению к предшествующей. Определяющей основой каждой общественно-экономической формации является присущая ей одной совокупность производственных отношений, образующая экономическую структуру общества. В «Наемном труде и капитале» Маркс указал, что в процессе производства люди относятся не только к природе, но и друг к другу, что они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности. Чтобы производить, писал Маркс, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений имеет место воздействие людей на природу, имеет место производство. «Совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношений, при к-рых они производят, эта совокупность как-раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» («Капитал», т. III, 8 изд., стр. 590).

В предисловии к «К критике политической экономии» Маркс изложил эту основную идею своей общественно-исторической теории. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие отношения, — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 6).

Каждая такая система производственных отношений, облекающаяся политико-юридическими формами и соответствующими течениями общественной мысли, образует особую общественно-экономическую формацию, особый социальный организм, имеющий «особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм» (Ленин, Соч., т. I, стр. 284). Таким образом под общественно-экономич. формацией И. м. понимает особую историческую ступень в развитии человеческого общества, особую форму его существования, с присущей ей одной только закономерностью и с характерной для нее экономич. структурой, создающей внутреннюю связь данной формы общества и в конечном счете определяющей все общественные процессы и явления. Всякая формация представляет конкретное единство экономического базиса и надстроек. В «Капитале» Маркс показал «всю капиталистическую общественную формацию как живую—с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями» (Ленин, Соч., т. I, стр. 62).

Качественная определенность каждой общественно-экономической формации, основа ее закономерного развития дана в материальной общественно-производственной или трудовой деятельности людей. «Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства» («Капитал», т. III, 8 изд., стр. 591). Труд отличает человеческое общество от всей остальной природы. Труд как процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в к-ром человек своей собственной деятельностью сознательно, целесообразно обусловливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой, представляет исключительное достояние человека. Трудовая деятельность людей является общим для всех общественных форм условием

существования людей, вечной естественной необходимостью. В противовес атомистическим представлениям буржуазной социологии, ищущим основу общественного целого в конечном счете в свойствах индивида, И. м. ищет глубочайшую основу общественного целого в общественно-трудовой деятельности людей. По меткому и глубокому выражению Энгельса, «труд создал самого человека». Труд человека качественно отличается от форм «труда» животных. В то время как первый носит общественный характер, основан на преднамеренном планомерном образе действий, на сознательном активном преобразовании внешней среды и немыслим без применения искусственных орудий производства, деятельность животного, направленная на поддержание его существования, основана на инстинктивных реакциях животного, на хищническом пользовании внешней природой (в силу лишь факта своего присутствия); она обходится без применения изготовленных средств производства. Поэтому в животном мире «труд» в собственном смысле слова не играл никакой роли. Процесс труда начинается, по словам Энгельса, только при изготовлении орудий.

Рассматривая предварительно процесс труда независимо от того, в какой общественной форме он происходит, Маркс различает следующие простые моменты процесса труда: а) целесообразная деятельность, или самый труд, б) предмет, на который действует труд, и в) орудия, к-рыми он действует. Необходимыми факторами всякого производственного процесса являются, с одной стороны, сама рабочая сила, а с другой стороны—средства производства (т. е. орудия труда и предмет труда). Их единство или их соединение в процессе труда и составляет материальные *производительные силы* (см.). Таковы простые моменты всякого трудового процесса, в какой бы форме он ни происходил. Рабочие и средства производства составляют его необходимые факторы и условия.

Однако процесс труда, рассматриваемый в его общей форме, труд как таковой, есть абстракция, хотя и абстракция научная, содержательная, поскольку фиксирует общие черты, свойственные труду на всех исторических ступенях его развития. Но Маркс особо подчеркивал, что если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития.

Чем же характеризуется эта историческая определенность производственной деятельности людей на различных ступенях общественного развития?—Классический ответ на этот вопрос дан Марксом во II т. «Капитала»: «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но в состоянии отделения друг от друга и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVIII, стр. 36—37).

Таким образом каждая общественная формация характеризуется присущим ей только одной особым характером и способом соединения непосредственных производителей и средств производства, особым типом производственных отношений, в рамках которых функционируют соответствующие им производительные силы, или, иными словами,—особым способом производства. Способ производства является основой всего общественного развития и всех общественных отношений. «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д.—это только особенные формы производства, подчиняющиеся его всеобщему закону» (Маркс, Подготовит. работы для «Святого семейства», в кн.: Маркс и Энгельс, Сочинения, том III, стр. 622). Ни одно общественное явление не может быть понято и объяснено вне связи с этой материальной основой общества, со способом производства. Способ производства как тип социальной связи основных элементов производительных сил (рабочей силы и средств производства) является не технической категорией, а представляет ту общественную форму, в к-рой происходит процесс непосредственного производства материальной жизни, в том числе и технический процесс. В способе производства выражено неразрывное единство экономических связей и технических приемов. Исходя из способов производства, можно объяснить и все остальные экономич. отношения, отношения распределения, обмена и потребления, т. е. всю экономич. структуру общества в целом. В этом смысле и Маркс писал Анненкову: «С завоеванием новых производительных способностей... люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были лишь необходимыми отношениями этого определенного способа производства» (Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 285).

Каждый способ производства характеризуется присущей ему формой собственности, выражающей отношение непосредственных производителей к средствам производства. Так напр., античный способ производства основан на эксплоатации рабов, составляющих вместе со средствами производства (земля, орудия труда и т. д.) частную собственность рабовладельцев. Феодальный способ производства характеризуется отделением земли (как основного условия производства) от непосредственного производителя—крестьянина, прикрепленного к земле, принадлежащей феодалу. Простое товарное хозяйство, как определенный способ производства, характеризуется тем, что средства производства находятся здесь в частной собственности самих непосредственных производителей и не отделены от них. Простое товарное хозяйство не составляет отдельной формации, так как частная собственность на средства производства определяет однотипность его с капиталистическим способом, но оно не тождественно с капиталистическим способом производства, ибо частная собственность в нем основывается на личном, а не на чужом труде. Капиталистический способ производства характеризуется отделением свободного рабочего от его средств производства и соединением их в руках капиталиста. Социалистический же способ производства, наоборот, характеризуется прежде всего тем, что средства производства составляют общественную собственность самих производителей, не отчуждены от них, находятся в их общем пользовании, плановом и организованном распоряжении. Так. обр. в антагонистич. формациях способ производства носит классовый характер и характери-

зуется специфич. для него способом эксплоатации труда. «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая экономическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям—отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего,—вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства» (Маркс, Капитал, т. III, 8 изд., стр. 570). Таким образом в антагонистических формациях основным типом производственных отношений, характеризующим способ производства данной формации, является отношение непосредственных производителей к владельцам средств производства. Классовая борьба выступает как проявление антагонистических противоречий, присущих данному способу производства. Отношения, складывающиеся здесь в процессе непосредственного производства, выступают в то же время как классовые отношения. Богдановское деление производственных отношений на два основных типа—на отношения непосредственного производства и имущественное (классовое)—основывается на том антимарксистском допущении, будто в классовом обществе при анализе процесса непосредственного производства можно отвлечься от классового его характера. Вслед за Богдановым Бухарин также делит производственные отношения на «социально-классовые» и «технически-трудовые», механически разрывая и противопоставляя одни отношения другим, выхолащивая из т. н. «технически-трудовых» отношений их социальное содержание. Бухарин не понимает, что в классовом обществе не может быть «технически-трудовых» отношений, не являющихся в то же время классовыми. С этим абстрактным, внеклассовым пониманием процесса непосредственного производства связана у Бухарина теория «организованного капитализма»—представление о возможности плановой организации труда и общественного производства в условиях капитализма. В своих замечаниях на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» Ленин указывает, что выражения «,,соц[иальная] система'', ,,общ[ест]в[енная] формация''—все это недостаточно конкретно без понятия класса и клас[сового] общества» (Ленинский сб., XI, М.—Л., 1929, стр. 383). Классовая борьба, как дальше мы увидим, выступает в качестве основной закономерности развития антагонистических общественных формаций. Последние могут быть поняты и объяснены лишь в свете марксистско-ленинской теории классовой борьбы. —Исходя из способа производства, классики марксизма-ленинизма различают следующие пять общественно-экономических формаций: первобытно-коммунистическая, античная рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. Античная, феодальная и капиталистическая формации являются классовыми антагонистическими в отличие от доклассовой (первобытно-коммунистической) и бесклассовой (коммунистической).

Первобытно-коммунистическая — наиболее ранняя, «архаическая» (Маркс) формация, длившаяся несколько десятков тысяч лет, возникла на грани третичного и четвертичного периодов. Человеческое общество формировалось из стада человекоподобных обезьян в результате чрезвычайно длительного процесса трансформации инстинктивных форм деятельности животного, пользующегося лишь готовыми дарами природы, в трудовую деятельность человека, существенным признаком которой является искусственное изготовление орудий труда. Труд создает человека, выделяя его из мира животных. В своем развитии доклассовая формация прошла следующие основные этапы развития: а) дородовое общество, б) матриархальный род и в) патриархальный род. Переходным этапом от патриархального рода к классовому обществу обычно является сельская община, причем в странах, непосредственно переходящих от первобытного коммунизма к феодализму, сельская община долгое время сохраняется как первобытно-коммунистический уклад в феодальной формации (русский «мир», германская «марка», индийская община и т. д.). В основе всех этапов первобытно-коммунистич. формации лежит «первоначальное единство рабочей силы и средств производства» (Маркс), хотя и в различных модификациях и вариациях, единство, характеризующее первобытно-коммунистический способ производства. Крайне низкой ступенью развития производительных сил, слабостью обособленной личности обусловливался коллективный характер производства и исключительное значение брачно-семейных и родовых связей как формы архаических производственных отношений. Основоположники марксизма придавали исключительное значение «карнальным», т. е. плотским, родственным отношениям, в рамках которых происходило производство материальных средств существования, развитие производительных сил «архаической» формации. Различные формы «карнальных» связей (кровнородственная семья, разные формы группового брака, патриархальный род, семейная община и т. д.) выступали в то же время в качестве форм хозяйственной деятельности и первичных хозяйственных единиц первобытного общества. В этом смысле и Энгельс дает в предисловии к первому изд. «Происхождения семьи...» следующую знаменитую формулировку И. м.: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно двоякого рода. С одной стороны—производство средств существования, предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой—производство самого человека, продолжение вида. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловливаются обоими родами производства: степенью развития, с одной стороны, труда, с другой—семьи. Чем меньше развит еще труд, чем

ограниченнее сумма его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем более господствующее влияние на общественный строй оказывают отношения родства» (Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1934, стр. 19).

Приведенная формулировка Энгельса не раз подвергалась критике и извращениям со стороны буржуазных социологов и всякого рода ревизионистов. Энгельса обвиняли в якобы отступлении от монистического понимания истории, в «дуализме», т. е. в объяснении исторического развития различными факторами (экономикой и отношениями родства—в последнем счете). Еще Михайловский, выступая против Энгельса, утверждал, что «детопроизводство—фактор неэкономический». В своей работе «Что такое „друзья народа"...» Ленин дал исчерпывающий ответ на подобного рода возражения, основанные на непонимании той глубокой мысли Энгельса, что отношения детопроизводства в первобытном обществе выступают в то же время как «материальные жизненные отношения», т. е. как конкретные формы производственных отношений. Иными словами, кровнородственные группы (в какой бы форме они ни выступали) в то же время являются производственными организмами, внутри к-рых господствуют в той или иной степени коллективные формы труда, коллективная собственность и коллективное распределение.

Наивысшего расцвета достигают первобытно-коммунистические отношения в эпоху материнского рода. На известной ступени развития чрезвычайно медленно развивающихся производительных сил различные формы родовых организаций и союзов, внутри к-рых происходил их рост, становятся оковами для их дальнейшего развития. Родовые организации уже «не годятся для того, чтобы развить труд, как общественный труд, и производительность общественного труда. Отсюда необходимость разделения, разрыва, противоположности между трудом и собственностью» (Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, М., 1932, стр. 308). Этот процесс разложения первобытного коммунизма начинается с эпохи патриархального рода, когда вырастает значение отдельных семейных общин, ведущих самостоятельное хозяйство и все более и более противопоставляющих себя коллективному хозяйству рода. На этой основе развивается и укрепляется частная собственность на средства производства, усугубляя имущественное неравенство между отдельными семейными общинами, и первоначальное «единство интересов» внутри одного и того же рода превращается в «антагонизм между членами рода» (Маркс). Исключительную роль сыграло в дальнейшей имущественной дифференциации рода, выделении богатых семей родо-племенной знати и разложении родовых порядков, развившееся к тому времени патриархальное рабство, знаменующее собой первое крупное деление общества на классы. Столкновение вновь развившихся общественных классов «взрывает старое общество, покоящееся на родовых объединениях» (Энгельс).

Это—первая социальная революция, разложившая первобытное общество и формировавшая первые классы и государство как политическую организацию господствующего класса. Какой формацией сменяется первобытный коммунизм,—это зависит от конкретных исторических условий развития тех или иных стран. Так напр., в античной Греции и Риме вследствие распространения денежного хозяйства, развития торговли и товарного производства родовой строй сменяется рабовладельческой формацией. Характерно, что в то время как прибрежные торговые районы античной Греции (Афины, Коринф, Милет) непосредственно переходят от родового строя к рабовладельческому, экономически отсталые области Греции (Этолия, Эпир, Локрида) еще до 4 в. сохраняют родовые порядки, а в Спарте и Фессалии развиваются крепостнические отношения (см. письмо Энгельса к Марксу в 1882). С другой стороны, у целого ряда народов (славяне, германцы, кельты и т. д.) родовой строй сменяется феодальной формацией. Патриархальное рабство здесь не вырастает в рабовладельческую систему, хотя и играет значительную роль в разрушении первобытной общины и формировании крепостнических отношений.

Рабовладельческая формация развивается на основе разложения «архаической» формации из патриархального рабства, существовавшего уже на последней стадии первобытного общества. Эта формация находит свое классическое выражение в античном мире (Греция и Рим), где рабство достигает своего наивысшего развития, подчиняя себе весь способ производства как в сельском хозяйстве (латифундии) и промышленности (рабские мануфактуры, ремесло), так и в домашнем быту. Процесс разложения родового строя в древней Греции начинается еще в «героическую» эпоху, окончательный же взрыв его относится к 7—6 вв., когда целый ряд политических революций, открытых революцией Солона в 594 до хр. э. и завершившихся революцией Клисфена в 509, низвергает окончательно господство родовой земельной аристократии (эвпатридов), а вместе с ним и последние остатки родового строя, и устанавливает рабовладельческий строй, родившийся т. о. в мучительно длительном процессе борьбы между формирующимися (в недрах разлагающегося рода) классами новой формации. В древнем Риме взрыв родовых порядков и рождение новой рабовладельческой формации происходит также в результате длительной борьбы между плебсом и патрициатом (5—4 вв. до хр. э.). Будучи первоначально прогрессивной формацией по сравнению с родовыми порядками, рабство на известной ступени своего развития (начиная уже с эпохи Августа и в особенности с конца 3 и нач. 4 вв.) исчерпывает себя, становится невыгодным для самых крупных землевладельцев. Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестает приносить доход: мелкое хозяйство становится «единственно окупающей себя формой» (Энгельс); крупные хозяйства—виллы—разбиваются на мелкие участки (парцеллы), передаваемые в основном прикрепленным к земле колонам, уплачивающим ежегодно владельцам земли определенную сумму и в известной мере зависимым от последних. Таким образом рабский труд становится непроизводительным, вынуждая крупных землевладельцев переходить на систему колоната.

Однако развитие колонатных отношений не означает еще зарождения феодализма; хотя рабство и отмирало, ибо перестало развивать произв. силы, но труд свободных «еще не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла

только полная революция» (Энгельс). И с этой точки зрения основной движущей силой античного общества была война рабов против рабовладельцев, война, заполняющая почти непрерывно всю римскую историю и выливающаяся в такие мощные движения, как первое сицилийское восстание или движение Спартака. Рабские восстания тесно переплетались с демократическими движениями (борьбой мелкого землевладения и городской демократии с крупными рабовладельцами) и войной варваров против Рима. Она в конечном счете заставляла господствующий класс рабовладельцев переходить к более открытым и резким формам государственной диктатуры (триумвираты, империя). «Насильственный труд, убивающий работника», как «официальная форма чрезмерного труда» (Маркс), не знал иного способа повышения и увеличения эксплоатации, как только за счет дальнейшего разорения мелких крестьян и превращения их в рабов, разорения родовой собственности на окраинах империи и дальнейших завоевательных войн против варваров. Поэтому и борьбу между мелким и крупным землевладением следует рассматривать как производное от основного противоречия античного мира — противоречия между рабами и рабовладельцами. Разумеется, в отдельные эпохи античной истории эти производные формы основного противоречия античного мира могли выдвинуться на первый план и оказать решающее влияние на ход событий, но это отнюдь не означает еще, что основное противоречие античного общества следует искать в противоречии между рабовладельческой собственностью и индивидуальной собственностью, основанной на парцеллярном производстве, или, что гибель Рима следует объяснять завоеванием варваров. Как самые формы борьбы между крупными и мелкими землевладельцами, так и завоевание империи варварами следует объяснить, исходя из основного противоречия—борьбы между рабами и рабовладельцами. По меткому замечанию Сталина, «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся» («Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 527). Революция эта, закончившаяся совместной гибелью борющихся классов, создала все предпосылки для того, чтобы на развалинах античного мира «в муках родов новой цивилизации» (Энгельс) могли бы окончательно сформироваться (к 9 в.) новые общественные классы сменившей античный мир феодальной формации.

Феодальная формация характеризуется тем, что основное средство производства — земля — составляет собственность крупных землевладельцев, непосредственный же производитель — крестьянин — прикреплен к земле и имеет собственность на орудия производства, но не на землю. Феодальная эксплоатация основывалась на внеэкономическом принуждении, на личной зависимости крестьян от помещика, на прикреплении крестьян к земле. По сравнению с рабовладельческой формацией феодализм является прогрессивной системой, ибо не лишает непосредственного производителя всяких стимулов развития производительности труда. Однако представляя парцеллярным хозяйствам возможность в известных пределах развивать производительные силы, феодальная собственность в то же время является основным препятствием для свободного развития мелкого хозяйства. Т. о. противоречие между производительными силами и производственными отношениями обнаруживается как противоречие между парцеллярным хозяйством крестьянина и феодальной собственностью, не дающей простора для свободного развития мелкого крестьянского хозяйства.

Развитие этого основного противоречия обнаруживается в эволюции докапиталистической земельной ренты, выражающей феодальные производственные отношения: первой формой ренты является отработочная рента, целиком основанная на натуральном хозяйстве; вторая форма ренты — продуктовая, предполагающая более высокую ступень развития труда крестьянина и предоставляющая ему большой простор для того, чтобы приобрести время для избыточного труда; эта рента «попрежнему предполагает натуральное хозяйство, т. е. предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве» (Маркс, Капитал, т. III, 8 изд., стр. 573). Разумеется, натуральный характер производства не исключает торговли и обмена; но в этой форме производства нет еще товарного производства, здесь имеет место в основном лишь товарное обращение (ср. Ленин, Соч., т. III, стр. 267). Лишь превращение продуктовой ренты в третью форму ренты — в денежную, представляющую форму разложения докапиталистической ренты, — предполагает «рыночную цену продуктов и что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах» (Маркс, Капитал, т. III, стр. 575). Вместе с тем в сельском хозяйстве создаются предпосылки капиталистич. способа производства. «Различия в экономическом положении отдельных непосредственных производителей» (там же, стр. 573), выступающие уже в период господства продуктовой ренты, при денежной форме служат основой для классового расслоения деревни. Вот почему в корне ошибочно мнение, будто мелкое производство с самого начала развития феодальной формации является простым товарным производством (хотя бы в зародышевой форме) и что основное противоречие феодальной формации заключается в противоречии между феодальной собственностью и мелким хозяйством, являющимся-де в зародышевой форме товарным производством. Одну из основных черт крепостного хозяйства в отличие от капиталистического Ленин видел прежде всего в натуральном характере его производства в отличие от денежного, капиталистического (Ленин, Соч., т. XII, стр. 226—227); лишь на определенной стадии своего развития мелкое производство становится товарным, обостряя и углубляя основное противоречие феодальной формации—между феодальной собственностью и парцеллярным хозяйством. Последнее находит свое выражение в борьбе крестьян против феодалов. Эта борьба являлась движущей силой развития феодальной формации; тесно переплетаясь с антифеодальными городскими движениями, она приводит через ряд революций к свержению крепостнических порядков и к установлению капитализма.

В развитой форме феодальная формация существовала в средние века. Феодальные порядки на западе Европы складываются в 5—9 вв. как синтез тех зародышей и предпосылок феодализма, которые имели место в Римской

империи (колонатные отношения) и в древнегерманском роде. Феодализм на западе Европы просуществовал до 16 в., а в Восточной Германии и в России крепостничество в форме «второго издания» существовало до 19 в. Пережитки феодализма существуют и по сей день в ряде стран (Испания, Балканские страны и т. д.), но особенно они сильны в колониальных и полуколониальных странах, в к-рых крепостническая эксплоатация переплетается с капиталистической и культивируется империализмом. Выступая против контрреволюционного троцкизма в 1927 по вопросу о китайской революции, Сталин указывал, что «своеобразие китайской экономики состоит не в проникновении купеческого капитала в деревню, а в сочетании господства феодальных пережитков с существованием купеческого капитала в китайской деревне при сохранении феодально-средневековых методов эксплоатации и угнетения крестьянства» («Об оппозиции», М.—Л., 1928, стр. 618). В этих странах антифеодальная борьба совпадает с антиимпериалистической.

Капиталистическая формация начинает складываться с 16 века, причем соответствующий себе технич. базис создает лишь с конца 18 в. с переходом к машинному производству. Основными ее этапами являются: домашняя система крупной промышленности, мануфактура, машинное производство или фабрично-заводский период. С конца 19 и начала 20 веков классический период развития капитализма—период свободной конкуренции—сменяется монополистическим капитализмом, эпохой империализма. Капиталистическая формация является последней антагонистической формацией. В отличие от различных форм натурального хозяйства капиталистическое хозяйство является товарным, а в отличие от простого товарного производства в нем рабочая сила становится товаром; на беспощадной эксплоатации рабочей силы основано все развитие капиталистического хозяйства, основным двигателем которого является извлечение прибыли. В отличие от предшествующих формаций капиталистический способ производства покоится на экономическом принуждении. Следует однако подчеркнуть, что и в капиталистическом обществе внеэкономическое принуждение играет большую роль. Маркс отмечает два факта, характеризующих капиталистический способ производства: а) концентрация средств производства в немногих руках, благодаря чему они перестают существовать в виде непосредственной собственности отдельных рабочих; б) организация самого труда как общественного труда. «Этими двумя способами капиталистическое производство уничтожает частную собственность и частный труд, хотя еще и в противоречивых формах» («Теории прибавочной стоимости», том III, стр. 311). Основным противоречием капиталистического способа производства является противоречие между общественным характером труда и частным присвоением, противоречие, находящее свое выражение в борьбе между пролетариатом и буржуазией. В последнем, империалистическом этапе развития капитализма, наступившем на рубеже 19 и 20 столетий, противоречия капитализма достигают наивысшего развития, а после империалистической войны — 1914 — 18 — проявляются в форме общего кризиса послевоенного капитализма, обостряемого и углубляемого начавшимся с 1929 мировым экономическим кризисом. Обострение неравномерного развития капитализма в эпоху империализма делает возможным прорыв цепи капиталистических стран в наиболее слабом его звене, революционное свержение капитализма, установление диктатуры пролетариата и возможность построения социализма в одной стране.

Коммунистическая формация в отличие от капиталистической, складывающейся еще в рамках феодальных отношений, строится в результате победоносной пролетарской революции, в условиях диктатуры пролетариата. Началом становления коммунистической формации является Октябрьская социалистическая революция, организовавшая первое в мире государство пролетарской диктатуры. Однако после революционного свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата необходим переходный период для построения первой фазы коммунизма — социализма. В течение всего переходного периода пролетариат, завоевав свою диктатуру, укрепляя ее, борется с остатками враждебных классов и, ликвидируя их, перевоспитывая крестьянство, изменяя в борьбе и строительстве свою собственную природу, организует социалистическое производство, уничтожая тем самым основу классового деления общества. В процессе ожесточенной и все более обостряющейся борьбы с остатками капиталистич. элементов и их агентурой—контрреволюционным троцкизмом, зиновьевско-каменевской группой, правым оппортунизмом и «леваками»—партия под руководством Сталина добилась решающих успехов в построении социализма, провела гигантскую работу по разгрому и ликвидации остатков капиталистич. элементов, по социалистической перестройке с. х-ва.

После «года великого перелома» (1929) партия в результате развернутого социалистического наступления добилась вступления СССР в период социализма, разрешения вопроса «кто кого» в области промышленности и сельского хозяйства, окончательного искоренения частника в торговле, ликвидации безработицы, нищеты в деревне и многоукладности Советского Союза и превращения России нэповской в Россию социалистическую. В результате осуществления основной политической линии второй пятилетки, окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, полного уничтожения причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей и превращения всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей социалистического общества — в СССР будет доведено до конца построение развернутого социалистического общества с единым и единственным социалистическим способом производства, к-рый уже теперь безраздельно господствует в экономике СССР. Этих исторических достижений ВКП(б) добилась под руководством Сталина, разгромив контрреволюционные троцкистскую и зиновьевско-каменевскую группы, отстаивавшие меньшевистскую теорию о невозможности построения социализма в одной стране, а также правый и «левый» оппортунизм, фактически разделявшие эту теорию. В жесточайших боях со всеми антиленинскими группами Сталин отстоял ленинскую теорию построения социализма в одной стране, дальше развил и обогатил ее, практи-

чески доказав на примере СССР правильность этой теории.

В переходный период от капитализма к социализму строится первая (низшая) фаза коммунизма—социализм, характеризующийся сохранением еще остатков «буржуазного права», т. е. нормирования труда и потребления и государственного их регулирования. Распределение при социализме происходит по принципу: «от каждого по его способностям, каждому по его труду». Выполнив основную задачу второй пятилетки—построение социалистического общества,—Советский Союз будет двигаться к коммунизму. Дальнейшее гигантское развитие производительных сил, уничтожение различия между умственным и физическим трудом приведет к высшей стадии коммунизма, характеризующейся распределением продуктов по потребностям и отмиранием государства.

«В высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение разделению труда, а вместе с тем и противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой жизненной потребностью; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы, и все источники коллективного богатства польются полным потоком,—лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям!» (Маркс, Критика Готской программы, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 275).

Различая пять общественных формаций, отнюдь не следует утверждать, будто все народы обязательно должны в своем развитии последовательно пройти все указанные формации. В зависимости от конкретных исторических условий и обстоятельств различные народы различно проделывают общий всем им путь от доклассового общества к бесклассовому. Так напр., хотя и деление на рабов и рабовладельцев представляет первое деление общества на классы и оно возникает еще в недрах первобытного общества, однако это патриархальное рабство не всюду развивается в рабовладельческую формацию. Так напр., и у германцев и у славян рабство не развилось до формации, оно сыграло здесь служебную роль в превращении общинной собственности в феодальную и свободного общинника в зависимого крестьянина. Хотя возможность рабовладельческой формации и дана в патриархальном рабстве, но лишь при известных исторических условиях эта возможность превращается в действительность, как это было в античном мире. Не все общества обязательно должны пройти капиталистическую или даже феодальную формацию. Социалистическая революция в России открывает для отсталых стран возможность миновать капиталистическую и даже феодальную стадию развития (у народностей с патриархальным строем). Именно это имел в виду Маркс, когда возражал против приписывания ему надисторических схем. Это имел в виду Ленин, говоря о своеобразии в порядке или форме исторического развития, не отменяющего общей закономерности всемирной истории.

Формация и уклад. Экономическая структура в антагонистических формациях и в переходный период включает в себя различные типы производственных отношений. Во Введении к «К критике политической экономии» Маркс указывал, что «категории, выражающие его (буржуазного общества.—*Г. А.*) отношения, понимание его структуры... дают вместе с тем возможность проникновения в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека» (Маркс и Энгельс, Соч., том XII, ч. 1, стр. 195). Так напр., в античной рабовладельческой формации наряду с господствующим рабовладельческим способом производства следует отметить следующие, отличные от него экономические уклады: свободное парцеллярное хозяйство, являющееся одним из источников рабства, и зародыши феодальных отношений (колонат) как формы более производительного труда по сравнению с рабским. Феодальная формация включает в себя как остатки родового и рабовладельческого общества, так и зародыши нового капиталистического способа производства.

Капиталистическая формация включает в себя наряду с господствующим капиталистическим способом производства и остатки отживших уже способов производства—феодально-крепостнического, рабовладельческого, родового обществ. Она развила до высшей степени закон стоимости, имевшийся в «виде намека» или зародыша в предшествующих ему формациях, и товарный обмен. Ленин в начале переходного периода указывал, что у нас имеются пять различных экономических укладов: а) патриархальное хозяйство (в значительной степени натуральное), б) мелко-товарное производство (большинство крестьян из тех, кто продает хлеб), в) частнохозяйственный капитализм, г) государственный капитализм, д) социализм. Ленин считал, что из всех этих укладов социалистический уклад должен в конце-концов победить, вытеснить одни и переделать другие. На XVII Съезде партии Сталин мог уже сказать, что «первый, третий и четвертый общественно-экономические уклады уже не существуют, второй общественно-экономический уклад оттеснен на второстепенные позиции, а пятый общественно-экономический уклад—социалистический уклад—является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 555).

Следует отметить, что все эти остатки старых способов производства или зародыши нового не существуют самостоятельно и независимо от господствующего способа производства. В каждой формации имеется какой-нибудь командующий или господствующий тип производственных отношений, являющийся основой данной формации, законом ее движения, к-рый подчиняет себе все остальные типы производственных отношений, соответствующим образом видоизменяя их, включая их в свою систему. «В каждом обществе производственные отношения образуют одно целое» (Маркс). Так, при капитализме капиталистические отношения либо вытесняют либо подчиняют себе и видоизменяют все остальные типы производственных отношений. В СССР социалистический уклад, прежде чем стать безраздельно

господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве, играл тем не менее ведущую роль по отношению к другим укладам. Наглядным примером органической зависимости того или иного уклада от господствующего способа производства является напр. парцеллярное хозяйство. Пути развития его различны в различных формациях. В античном обществе основной путь развития свободного парцеллярного крестьянина, не способного выдержать борьбы с господствующим крупным рабовладельческим хозяйством, — превращение его в основном либо в раба либо в колона, этого предшественника средневекового крепостного. В эпоху феодализма свободное парцеллярное хозяйство закрепощается, вовлекаясь в орбиту феодальных отношений; по меткому замечанию Энгельса, между античным колоном и средневековым крепостным стоял свободный франк. При господстве товарно-капиталистических отношений перед деревней открывается совершенно новый капиталистический путь развития: крестьянин становится товарным производителем (Ленин, Соч., том I, стр. 257); в основном однородная деревня раскалывается, возникают новые классовые различия (кулачество, середняки, бедняки, батраки), новые формы эксплоатации и классовой борьбы. Лишь социалистическая революция (октябрь 1917) открыла перед крестьянством принципиально отличный от всех предшествующих формаций путь развития, путь освобождения от многовековой эксплоатации (в какой бы форме она ни выражалась), уничтожения пауперизма, путь социалистической переделки сельского хозяйства.—Общественным укладом таким образом называется определенный тип производственных отношений, который может являться или господствующим способом производства, или зародышем новой общественно-экономической формации в недрах старой, или же пережитком старой формации в условиях новой. При этом могут быть случаи, когда тот или иной уклад существует (конечно с соответствующими модификациями) в различных формациях, не развиваясь однако никогда в господствующий способ производства (например простое товарное хозяйство).

Таким образом хотя и антагонистические формации представляют производственный организм, т. е. известное единство (антагонистическое) с господствующим и определяющим способом производства, однако эти системы производственных отношений включают в себя различные экономические уклады, правда, модифицированные господствующим способом производства и тесно подчиненные ему. Лишь в доклассовой формации (до начала ее разложения) и в бесклассовой коммунистической формации производственные отношения носят вполне однородный характер.

VII. Марксистско-ленинская теория общественного развития.

Выделив производственные отношения как экономическую основу, составляющую реальный базис всякого общества, классики марксизма-ленинизма проводят различие между ними и всеми остальными общественными отношениями, образующими надстроечные формы (государство, семья, право, религия, наука, искусство и т. д.). Различение базиса и надстроек служит отправным моментом в понимании места и роли каждой общественной формы в общественном целом и взаимодействия всех его элементов. Теория базиса и надстроек исключает всякие буржуазные социологические учения, видящие конечную причину общественного развития либо в действии какого-либо отдельного фактора либо же в совместном действии различных равноправных, независимых, самостоятельных факторов и позволяет рассматривать общество как производственный организм, объясняя как самый факт взаимодействия различных сторон общественного целого, так и самый источник взаимодействующих сил.

Коренную причину общественного развития И. м. видит в конечном счете в развитии производительных сил. Производительные силы выступают прежде всего в качестве связующего звена между различными формациями, внося преемственность и непрерывность в историческое развитие человечества. В письме к Анненкову Маркс указывал, что «в силу того простого факта, что каждое последующее поколение получает в свое распоряжение производительные силы, которые завоеваны были предшествующим поколением и которые служат ему как бы сырым материалом для нового производства,—образуется преемственная связь в истории людей, образуется история человечества, к-рая тем полнее становится историей человечества, чем больше разрастаются производительные силы людей и, следовательно, их общественные отношения» (Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 284—85).

Производительные силы так. обр. образуют основу человеческой истории. Развитие производительных сил превращает историю отдельных обществ во всемирную историю человечества. Если чрезвычайно низкий уровень развития производительных сил в докапиталистических формациях в той или иной форме и степени создавал «первоначальную замкнутость» отдельных племен, народов и государств, то с развитием крупной капиталистической пром-сти, универсализировавшей конкуренцию, создавшей средства сообщения и мировой рынок, впервые создается «всемирная история», поскольку удовлетворение потребностей каждой цивилизованной нации и каждого индивида в ней ставится в зависимость от всего мира и поскольку уничтожается прежняя обособленность отдельных наций (Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 36 и 50). Однако присущие капиталистическому способу производства внутренние противоречия, до крайности обострившиеся на монополистическом этапе капитализма и в условиях послевоенного общего кризиса капитализма и роста фашизма,—в то же время обнажают и обостряют до крайних пределов все противоречия между империалистическими странами, исключая всякую возможность планового регулирования капиталистической экономики как в отдельных странах, так и во взаимоотношениях капиталистических стран. Рост фашистских тенденций доводит эту разобщенность и замкнутость отдельных стран до крайних пределов, развивая зоологический шовинизм, выставляя «свою» «расу», как носительницу мировой истории, признанную господствовать над другими «расами». Лишь революционная ломка капитализма и победа социализма в решающих странах мира впервые в истории человечества создадут действительное плановое хозяйственное объединение мира, соз-

давая тем самым все необходимые условия для того, чтобы люди сознательно творили свою мировую историю.

Таким образом прогрессивное развитие производительных сил, все больше и больше расширяя хозяйственные связи отдельных обществ, приводит к образованию всемирной истории человечества. Там, где общественно-экономический строй становится препятствием для дальнейшего развития производительных сил, там приходится разбить производственные отношения, в к-рых до этого развивались производительные силы, дабы сохранить приобретенные производительные силы и развить их дальше. Наглядным примером такого застоя является разыгрывающийся на фоне общего кризиса капитализма мировой экономический кризис, разрушающий капиталистические производительные силы, свидетельствующий о невозможности в условиях капитализма дальнейшего развития производительных сил.

Как степень господства человеческого общества над природой, так и данная экономическая структура его определяются в конечном счете развитием производительных сил. Определенный уровень техники всегда связан с соответствующей ему ступенью развития человеческой рабочей силы, соответствующими ему производственными отношениями и развивающимися на основе последних надстройками. «Ручная мельница дает... общество с сюзереном во главе, паровая мельница—общество с промышленным капиталистом» (Маркс, Нищета философии, вкн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 364). В развернутой форме это положение формулировано Марксом в «Капитале». «Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем, и общественных отношений его жизни, и вытекающих из них духовных представлений» («Капитал», т. I, М., 1934, стр. 419, см. подстрочн. примечания). А в другом месте «Капитала» Маркс указывает, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» (там же, стр. 210). В этом именно смысле и писал Энгельс Каутскому 26 июня 1884: «Ты не должен так отрывать земледелие и технику от политической экономии, как это получается у тебя... Плодосменное хозяйство, искусственные удобрения, паровая машина, ткацкий станок—неотделимы от капиталистического производства, как неотделимы орудия дикаря и варвара от его производства. Орудия дикаря обусловливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия—капиталистическое общество» [Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 262].

Таким образом на протяжении развития данной общественно-экономической формации определенный тип экономических отношений определяется соответствующим ему типом и уровнем развития производительных сил. Известный лозунг Сталина об овладении техникой глубоко выражает, с одной стороны, это единство между техникой и рабочей силой, а с другой—значение технического переворота для построения бесклассового социалистического общества. В этом лозунге подчеркнуто исключительное значение технической реконструкции страны в деле построения фундамента социалистической экономики и дальнейшего возведения на этой основе надстроечных форм социализма.—На XVII Съезде партии Сталин отметил решающее значение и роль подъема производительных сил в городе и деревне в деле ликвидации капитализма и его корней и построения социализма. «Стало быть, 204 тысячи тракторов и 3 миллиона 100 тысяч лошадиных сил для колхозов и совхозов. Сила, как видите, не малая, способная выкорчевать все и всякие корни капитализма в деревне. Сила, вдвое превышающая то количество тракторов, о котором говорил в свое время Ленин как о далекой перспективе» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 565). С другой стороны, в этом лозунге Сталина выдвинута на первый план проблема технических кадров, квалифицированной рабочей силы, как важнейшее условие среди всех остальных условий социалистического строительства. В политотчете на XVII Съезде партии Сталин указывал, что из всех достижений нашей промышленности самым важным достижением надо считать тот факт, что она сумела за это время воспитать и выковать тысячи новых людей и новых руководителей промышленности, целые слои новых инженеров и техников, сотни тысяч молодых квалифицированных рабочих, освоивших новую технику и двинувших вперед нашу социалистическую промышленность. Позднее, в беседе с металлургами Сталин еще раз в яркой и глубокой форме подчеркнул исключительное значение проблемы выращивания кадров как главной задачи в деле дальнейшего подъема социалистических производительных сил: «надо беречь, — говорит Сталин,—каждого способного и понимающего работника, беречь и выращивать его. Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево» [см. газ. «Правда», 29 дек. 1934, № 358 (6244)]. В своей исторической речи 4 мая 1935 на выпуске академиков Красной армии Сталин указывал, что лозунг «техника решает все» помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу; сейчас остро встает вопрос о людях, ибо, чтобы использовать технику до дна, нужны люди, овладевшие техникой. «Техника без людей, овладевших техникой,—мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса» (Речь тов. Сталина в Кремлевском дворце..., 1935, стр. 12). Поэтому Сталин выдвигает новый лозунг: «кадры решают все». Ярким примером решающего значения рабочей силы в деле мощного подъема производительных сил является движение стахановцев-бусыгинцев, во много превысивших «технически обоснованные» нормы и поднявших знамя борьбы за более высокую, по сравнению с капитализмом, производительность труда.

В приведенных высказываниях Сталин развивает и обогащает применительно к условиям СССР те основные положения И. м., что развитие производительных сил (протекающее у нас в форме развития социалистических производительных сил) является в конечном счете основной пружиной общественного развития; что социализм, как и каждый исторический способ производства, опирается на соответствующий ему технический базис; основной хозяйственной задачей второй пятилетки как раз и является завершение реконструкции народного хозяйства, создание новейшей технической базы для всех отраслей народного хозяйства. Далее, Сталин подчеркивает веду-

щее значение рабочей силы как «наибольшей производительной силы» (Маркс) по отношению ко всем элементам производительных сил. И если на первых порах реконструктивного периода развитие социалистической экономики требовало в первую очередь создания широкой технической базы, то ныне, когда голод в области техники ликвидирован, на первый план выдвигается задача создания высококвалифицированных кадров и культурно-технического подъема рабочего класса.

Производительные силы в форме техники и технических приемов труда являются мерилом развития человеческой рабочей силы, уровня ее производительности и показателем тех общественных отношений, в к-рых происходит общественный процесс производства. Развитием производительных сил объясняется в конечном счете и все общественное развитие. Но от чего зависит само развитие производительных сил? Чем оно определяется? Теоретики 2-го Интернационала, подменяющие И. м. идеалистическими социологическими теориями, видят причины технического прогресса в развитии естествознания, отождествляют развитие техники в конечном счете с процессом познания природы. Развитие производительных сил ими сводится по существу к духовному процессу, к росту наших знаний о природе, а производственные отношения рассматриваются ими как пассивный результат производит. сил. Этим, в частности, обосновывались и меньшевистские теории о том, что в условиях капитализма производит. силы способны безгранично и беспрепятственно развиваться, что эти отношения не являются оковами их развития. Отсюда и ссылка на «недостаточное» развитие производит. сил с целью доказательства незрелости пролетарской революции. Выступая против идеалистического объяснения развития производительных сил, Бухарин становится на механистическую натуралистическую точку зрения. Рассматривая производительные силы с вещественной точки зрения как «совокупность машин, разного рода сырья, топлива и т. д., с одной стороны, совокупность разного рода рабочих сил in natura, с другой стороны» («Экономика переходного периода»), отвлекаясь от их социальной формы, от классовой борьбы, Бухарин, в полном согласии со своей механистической теорией равновесия, ищет источник развития производительных сил во взаимоотношениях между средой и обществом.—«Борьба общества с природой,—пишет Бухарин,—возрастающий процесс „очеловечения“ природы, постоянное проникновение одной противоположности в другую лежит в основе всего движения: это есть закономерность развития производительных сил общества и основа его самодвижения» («Социалистическая реконструкция и наука», М., 1933, вып. 4, стр. 12). Бухарин игнорирует социальное качество производительных сил; его учение об энергетическом балансе зиждется на требовании голого развития производительных сил вообще (безотносительно к форме этого развития), как условия равновесия между обществом и природой и развития общества по восходящей линии. Этой теорией, в частности, обосновывался лозунг «обогащайтесь», правооппортунистический отказ от индустриализации страны, ставка на первоочередное развитие легкой индустрии за счет тяжелой, врастание кулака в социализм и т. д.— Общий порок всех перечисленных извращений и фальсификаций И. м. заключается в том, что при рассмотрении причин развития производительных сил игнорируют социальную форму производительных сил—производственные отношения, по существу отрицают социальный, т. е. классовый характер производительных сил, сводя производительные силы к «пограничному понятию» между обществом и природой, рассматривая таковые лишь с вещественной точки зрения, считая их нейтральными и лишенными всякой классовой характеристики.

И. м. рассматривает производительные силы как общественную категорию. Силы природы (средства производства и рабочая сила) становятся общественной производительной силой лишь при их соединении, а способ и характер этого соединения, т. е. его социальная форма, как-раз характеризует исторически определенные типы производительных сил. Производственные отношения представляют таким образом форму существования производительных сил, форму и результат общественно-производственной деятельности людей, их воздействия на природу и в качестве таковых являются материальными отношениями.

Ленин указывал, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние «представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования» (Соч., том I, стр. 70). Разбивая «доводы» многочисленных «критиков» Маркса против его тезиса о независимости производственных отношений от сознания, Ленин указывал, что тезис Маркса о независимости общественного бытия от сознания не означает, что «общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ» (Соч., том XIII, стр. 266). «Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом не следует, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях—и особенно в капиталистической общественной формации—не сознают того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в „общение“ с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена» (там же, стр. 264). Таким образом производственные отношения суть исторически определенные формы общественно-производственной деятельности людей, развивающейся по своей имманентной объективной логике независимо от того, сознают это люди или не сознают. В этом именно заключается материальность и объективность производственных отношений.

В капиталистическом обществе процесс складывания и развития производственных отношений происходит стихийно, без того, чтобы люди сознавали, какие общественные отношения при этом складываются. Экономические отношения здесь складываются с неизбежностью закона природы, как некие внешние естественные силы, независимые от сознания и воли людей, не поддаваясь плановому сознатель-

ному воздействию общества и государства. Люди здесь являются рабами своих собственных же общественных отношений. Принципиально иное положение мы имеем в эпоху социализма. Закономерность развития социалистических производственных отношений не носит уже стихийного характера. В условиях социализма производственные отношения складываются не стихийно, а на основе планового социального регулирования их пролетарским государством, а потом безгосударственным коммунистическим обществом. Это не значит конечно, будто социалистические производственные отношения определяются волей и сознанием людей. Наоборот, и в СССР также производственные отношения являются необходимыми формами материальной производственной деятельности людей и определяются уровнем развития их производительных сил, существуют объективно, т. е. вне и независимо от сознания и воли людей, определяя сознание и волю. Однако в отличие от капитализма процесс складывания производственных отношений не носит здесь стихийного характера и не совершается в порядке самотека. Производственные отношения складываются здесь как заранее осознанный и рассчитанный процесс в борьбе с кулацко-капиталистическими и мелкобуржуазными укладами, навыками, традициями и т. д. Руководимая партией диктатура пролетариата сознательно и планомерно все более и более укрепляет, вновь создает и расширяет социалистические производственные отношения, ликвидируя капиталистические отношения и переделывая единоличника-крестьянина в коллективиста. Таким образом в отличие от всех предшествующих формаций впервые люди при социализме сознательно творят свою историю, руководствуясь общей волей, по единому плану. При социализме уничтожается господство слепых стихийных сил и стихийных законов общественного развития; человечество совершает прыжок из царства необходимости в царство свободы, возникает новый общественный строй, с присущей ему закономерностью, принципиально отличной от всей предшествующей истории.

Общественные отношения при коммунизме устанавливаются сознательной волей людей, находятся под их общественным контролем и подчинены их организованной коллективной воле. Люди поэтому достигают все более желательных результатов. Однако независимо от того, складываются ли производственные отношения стихийно или же сознательно, во всех общественных формациях развитие производительных сил происходит под влиянием производственных отношений, являющихся формой их развития, законом их движения. Так например, в восходящий период развития капитализма капиталистические производственные отношения дают простор для мощного развития производительных сил, для создания современной машинной техники. Закон прибавочной стоимости обусловливает развитие производительных сил. Однако дальнейшее развитие производительных сил, дальнейший рост техники и общественного труда ограничивается и задерживается капиталистической частной собственностью. Последняя ставит определенные границы обобществлению труда, исключая плановое кооперирование предприятий, и ограничивает развитие техники прежде всего применением технических усовершенствований по количеству замещаемого последними оплаченного труда, а не по количеству замещаемого ими труда. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями обнаруживается как противоречие между общественным характером производства и частным присвоением.

В условиях империализма это противоречие еще более обостряется и усложняется, приводя к техническому загниванию. «Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 151). Специфические условия всеобщего кризиса капитализма еще более задерживают развитие производительных сил (лозунг «долой технику»—частичный отказ от использования врубовых машин в каменноугольной промышленности, отказ от применения механизации на строительстве и замена их киркой и лопатой, замена тракторной тяги конной тягой в сельском хозяйстве и т. д.). Разумеется, загнивание техники не означает полной ликвидации всякой возможности для развития производит. сил. Вследствие неравномерного развития техники (как и всего капитализма вообще) в отдельных отраслях промышленности в отдельных странах имеет место дальнейший рост техники.

Принципиально иную картину мы имеем в СССР: социалистические производственные отношения являются самым мощным фактором бурного развития социалистических производительных сил в городе и деревне. Основные хозяйственные установки партии заключаются именно в том, чтобы на основе технической реконструкции народного хозяйства создать соответствующий социалистической экономике технический базис. Так например, политическая установка партии в деле подъема животноводства исходит из того, что центр тяжести в развитии животноводства лежит в росте и укреплении социалистических форм, в развертывании колхозных ферм и животноводческих совхозов. «На этой основе поднимается все наше животноводство, все наше сельское хозяйство» (Молотов).

Темпы роста концентрации производства в СССР по своему уровню превзошли самые передовые капиталистические страны: «Мы — страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданный темп накопления» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 442).

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями как движущая сила общественного развития. Процесс развития производительных сил и производственных отношений не является каким-то автоматическим процессом, а совершается в процессе ожесточенной классовой борьбы. Так напр., при капитализме борьба рабочих против методов абсолютной прибавочной стоимости (удлинения рабочего дня, снижения зарплаты и т. д.) заставляет капиталистов переходить к техническим усовершенствованиям, к методам относительной прибавочной стои-

мости. «Начиная с 1825 г., почти все новые изобретения были результатом конфликтов между рабочими и предпринимателями, которые всеми силами старались обесценить труд работников-специалистов. После каждой сколько-нибудь значительной стачки появляется новая машина» (Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 389). Выдвигая лозунг о том, что «техника в реконструктивный период решает все», Сталин рассматривает самую задачу освоения техники не как узко техническую задачу, а как одну из важнейших задач классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. «Если бы мы,—указывает Сталин,—гораздо раньше перешли к изучению техники дела, к овладению техникой, если бы мы почаще и толково вмешивались в руководство хозяйством, — вредителям не удалось бы так много навредить» («Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 444).

Итак, в каждой общественной формации производственные отношения составляют закон развития данных производительных сил. Это не исключает внутренней логики развития самих производительных сил. «Так, напр., машинное прядение сделало необходимым машинное ткачество, а оба вместе сделали необходимой механически-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах» (Маркс, Капитал, т. I, М., 1934, стр. 432). Однако эта внутренняя логика открытий, вызывающая рост производительных сил, сама в конечном счете подчинена их общественной форме.

Хотя производственные отношения играют активную роль, являясь формой развития производительных сил, однако ведущую роль в противоречивом развитии производительных сил и производственных отношений играет содержание, т. е. развитие производительных сил. Форма, т. е. экономическая структура общества, порожденная соответствующим ей содержанием (производительными силами), отвергается вследствие дальнейшего же развития производительных сил. Этот закон отвержения общественной формы — производственных отношений—вследствие развития и изменения производительных сил занимает центральное место в марксистско-ленинской теории общественного развития. Однако форма не является пассивным результатом содержания, а в свою очередь влияет на его развитие, что по существу отрицалось Плехановым. Противоречивое развитие производительных сил и производственных отношений—как движущее начало каждого исторического способа производства—является всеобщим законом человеческой истории. Классическую формулировку этого закона дал Маркс в предисловии к «К критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого— с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 7).

Вызревание производительных сил в недрах каждой формации означает вместе с тем создание материальных предпосылок для нового способа производства, для новой формации. «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для к-рых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления» (там же). Однако в этом отношении переход от феодальной формации к буржуазной коренным образом отличается от социалистического переворота. В то время как в недрах феодальной формации создается капиталистический способ производства и основной задачей буржуазной революции с этой точки зрения является создание соответствующих ему надстроечных форм,— социалистический способ производства создается лишь после установления диктатуры пролетариата, основной задачей которой как-раз является уничтожение классов и построение социализма. В недрах капитализма создаются лишь материальные предпосылки социализма: общественные производительные силы, не вмещающиеся в узкие рамки капиталистической частной собственности. Но превращение этих материальных предпосылок в новое качество— социалистические производительные силы и дальнейшее их развитие—предполагает установление диктатуры пролетариата.

Таким образом диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений составляет всеобщий закон человеческой истории. Каждый способ производства характеризуется присущими ему одному только характером и формой противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Так. напр., в условиях простого товарного хозяйства противоречие между производительными силами и производственными отношениями обнаруживается как противоречие между индивидуальным трудом непосредственного производителя — собственника средств производства — и общественным его (т. е. частного труда) характером. Это противоречие, ярко обнаруживается в двойственности труда во внутренних противоречиях товара.

При капиталистическом способе производства противоречие между производительными силами и производственными отношениями качественно меняется; оно обнаруживается как противоречие между общественным характером производства и частным капиталистическим присвоением. Благодаря все возрастающему обобществлению труда, раздроблению и специализации различных отраслей промышленности общественная связь между производителями все больше и больше укрепляется, «все производства сливаются таким образом в один общественный производительный процесс, а между тем каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность» (Ленин, Соч., т. I, стр. 92). Таким образом форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения; это противоречие проявляется прежде всего в антагонизме между про-

летариатом и буржуазией и между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе. В переходный период в СССР характер противоречия между производительными силами и производственными отношениями принципиально меняется, принимает иные формы. Социалистические производственные отношения, основанные на общественной собственности на средства производства, требуют более высокой ступени производительности труда, чем при капитализме. Они способствуют мощному развитию средств производства, внедрению в производство технических усовершенствований, повышению культурно-производственного уровня рабочих и руководителей производства, тем самым создают адэкватный себе тип производительных сил. Ленин и Сталин неоднократно указывали, что один способ производства сменяет другой в конечном счете потому, что развивает высшую производительность труда. «Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства» (Сталин, Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935, стр. 7). И Сталин подчеркивает, что «стахановское движение, как выражение новых, более высоких технических норм, представляет собой образец той высокой производительности труда, которую может дать только социализм и чего не может дать капитализм» (там же, стр. 6—7). В своей речи о 6 условиях, в докладе на XVII Съезде, в выступлении на совещании стахановцев Сталин дает резкую критику мелкобуржуазных теорий «бедняцкого» уравнительного социализма, показывая, что социализм может победить только на базе обусловленного высокой производительностью труда «изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества». Основная задача переходного периода—задача построения полного социализма (первой фазы коммунизма)—находит свое разрешение на пути всемерного развития социалистических производительных сил, на пути ликвидации многоукладности СССР, на пути превращения социалистического уклада в единственный способ производства во всем обществе. И с этой точки зрения основным противоречием, характеризующим экономику переходного периода, является противоречие между социализмом и капитализмом. «Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития» [Сталин, Политический отчет ЦК XV Съезду ВКП(б)]. Политикой пролетарского государства, направленной на разрешение этого основного противоречия, является новая экономическая политика, «рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» [Сталин, Заключительное слово по политическому отчету ЦК XIV Съезду ВКП(б)]. В отличие от буржуазного государства, обеспечивающего и охраняющего стихийный процесс развития капиталистического хозяйства на основе закона стоимости и прибавочной стоимости, пролетарское государство само непосредственно определяет развитие советской экономики, организуя социалистическое переустройство экономики и процесс ликвидации классов. Политика пролетариата непосредственно выступает как концентрированное и научное выражение его экономики. При этом в качестве важнейшего орудия проведения экономической политики пролетариата является плановое руководство, самая возможность и необходимость которого вытекает непосредственно из существа нашей экономики, из государственной собственности на важнейшие средства производства, из растущего обобществления сельского хозяйства. Диктатура пролетариата является основным рычагом социалистической реконструкции всего народного хозяйства.

Классовая борьба как закон развития и смены антагонистических формаций. В отличие от раннего доклассового и бесклассового общества, в которых противоречие между производительными силами и производственными отношениями не носит антагонистического характера, в классовых формациях это противоречие характеризуется присущими только им существенными чертами—противоречие принимает форму антагонизма и находит свое выражение в борьбе классов: в античной формации между рабами и рабовладельцами, в феодальной—между крестьянами и землевладельцами, в капиталистической—между рабочими и капиталистами. Отношения, складывающиеся между производителями непосредственно в процессе производства, являются в антагонистических формациях в то же время и классовыми отношениями. Вот почему вскрыть объективную логику хозяйственной эволюции значит показать исторически развивающиеся формы классовой борьбы, исходить из нее. Поэтому Ленин подчеркивал, что «марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы» (Сочинения, т. XVIII, стр. 14). Поэтому и борьба классов является основным законом развития всей предистории человечества за исключением «архаического» состояния. В письме к Вейдемейеру Маркс писал: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою... То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими [формами], свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» (Маркс, Избр. произв., т. I, стр. 290).

Классы и связанное с ними государство, являющееся «особой дубинкой» (Ленин) в руках господствующего класса, «особой силой

для подавления» (Энгельс), существовали не всегда; они возникли на определенном этапе развития общества, именно с момента разложения первобытной общины. Вследствие чрезмерно низкого развития производительных сил, отсутствия экономической основы для эксплоатации человека человеком и исключительного значения «карнальных» связей и отношений, первобытная община не знала ни классов ни классовой борьбы. На основе развития производительных сил в первобытной общине происходит процесс общественного разделения труда. В каждой общине возникают «некоторые общие интересы, охранение которых должно быть вверено отдельным личностям, хотя и под надзором всего общества» (Энгельс, Анти-Дюринг, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 181). Со временем обособленность и самостоятельность должностей (превратившихся в наследственные) по отношению к обществу усилились до господства над ним.

«В основе деления на классы лежит закон разделения труда» (Энгельс). Классы возникают на основе разделения труда лишь с того момента, когда «производство настолько развилось, что рабочая сила человека могла производить больше, чем необходимо было для его простого существования», когда появляется экономическая основа для эксплоатации человека, иными словами, когда появляется частная собственность на основные средства производства, позволяющая доставляемых войной военнопленных не убивать и даже не съедать, как это было раньше, а превращать в рабов и пользоваться их трудом. Не всякому раб приносит пользу. Чтобы быть в состоянии им пользоваться, нужно располагать вещами двоякого рода: во-первых, средствами для поддержания его скудного существования, во-вторых, средствами труда. Следовательно, прежде чем станет возможно рабство, должны быть достигнуты известная ступень в развитии производства и известная степень неравенства в распределении (см. Энгельс, Анти-Дюринг, в кн.: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 163). Рабство скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, переросших старый общинный быт, и послужило в заключение главной причиной их распадения. Семьи, присвоившие общественные должности и экономически более развитые, чем остальная масса общинников, на основе широкого применения рабского труда выделяются из остальной массы общинников. Возникает первое крупное разделение общества на два класса—рабовладельцев и рабов. Таким образом классы возникли в результате внутреннего саморазложения первобытной общины на основе все возрастающего общественного разделения труда, обособления и выделения семей, присвоивших общественные должности, образования частной собственности на средства производства (как решающей причины образования классов) и возникновения на этой основе института рабства.

Теоретики 2-го Интернационала и в вопросе о происхождении классов и государства также выступают против учения марксизма и всецело следуют учениям буржуазных социологов. Так напр., Каутский вслед за Гумпловичем утверждает, что классы и государство возникли не путем внутреннего экономического развития, как следствие частной собственности, а путем завоевания одного племени другим. Кунов также объясняет возникновение государства завоеванием. Еще в полемике с Дюрингом Энгельс критиковал ту точку зрения, будто классы возникли в результате «насилия». Энгельс указывал, что «частная собственность всегда образуется лишь там, где вследствие изменившихся условий производства и обмена введение ее нужно для усиления производства и расширения торговых сношений; следовательно, она создается экономическими причинами. Насилие не играет тут никакой роли» (там же, стр. 165). В другом месте Энгельс отмечал служебную роль насилия по отношению к экономическому развитию: «насилие, вместо того чтобы господствовать над экономическим положением, служило хозяйственным целям» (там же, стр. 183).

Исходя из учения Маркса и развивая дальше его учение, Ленин дал исчерпывающее определение класса: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 337).

Но, отрицая значение насилия как основного и решающего фактора в процессе образования классов, марксизм подчеркивает его громадную роль в общественной жизни как орудия классового господства в антагонистических формациях, так и важнейшего условия революционной смены формаций. Только революционное насилие может свергнуть отжившие общественные отношения и установить господство нового класса. Ленин весьма высоко расценивал революционную диктатуру якобинцев, по-плебейски расправившуюся с феодализмом. Одной из трех основных задач диктатуры пролетариата является насильственное подавление свергнутых эксплоататоров.

Итак, противоречивое развитие производительных сил и производственных отношений в антагонистических формациях находит свое выражение в борьбе классов. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями каждый раз находит свое разрешение в социальной революции, т. е. в свержении господствующего класса, коренной ломке старого общественно-экономического строя и создании нового строя, соответствующего более высокой ступени развития производительных сил. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или—что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» (Маркс, Предисловие к «К критике политической экономии», в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 7). Социальная революция является основным законом смены антагонистических формаций, перехода от одной формации к другой, хотя и в каждой

формации она происходит в особенной форме, со свойственными ей характерными чертами и особенностями. Социальная революция является наивысшим проявлением классовой борьбы, причем решающую и определяющую роль в социальной революции играет политическая борьба, захват политической власти со стороны класса, представляющего новый способ производства. В марксистско-ленинском учении о социальной революции исключительное значение имеет теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, сформулированная Марксом еще в период революции 1848 и развитая в эпоху империализма Лениным и Сталиным. 2-й Интернационал утверждает, что между буржуазно-демократической и пролетарской революцией существует китайская стена, отделенная интервалом во много десятков лет. Сталин показывает, что эта теория «китайской стены» в обстановке империализма является лишь прикрытием контрреволюционных стремлений буржуазии, прикрытием отказа 2-го Интернационала от борьбы за пролетарскую революцию и победу пролетариата. Ленин еще накануне революции 1905 в брошюре «Две тактики» показал, что буржуазно-демократическая и социалистическая революции будут двумя звеньями одной цепи. Сталин разоблачил троцкистских и правооппортунистических контрабандистов, доказывавших, что Ленин якобы только в 1917 выдвинул теорию перерастания, а в 1905 ограничивал революцию, в связи с экономической отсталостью России и незрелостью рабочего класса, выполнением буржуазно-демократических задач.

На самом деле Ленин безусловно признавал, что перерастание возможно лишь при наличии известного минимума экономического развития. Но при наличии такового решающее значение Ленин и Сталин отводят т. н. субъективному фактору революции—степени организованности, сплоченности и сознательности рабочего класса, наличию революционной партии пролетариата. В статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» Ленин писал, что «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как-раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 186). Ленин подчеркивал, что условия, обеспечивающие перерастание, создаются самым ходом революции, когда иногда один день означает в деле политического развития и организации пролетариата больше, чем десятки лет мирного развития.

Самый процесс разложения доклассового общества и переход его к классовому совершается в результате ожесточенной борьбы новообразовавшихся в недрах патриархального рода классов и социальной революции, взрывающей родовые порядки и учреждающей государственную диктатуру победившего класса. В своей речи на 1-м всесоюзном совещании колхозников-ударников Сталин дал глубокую формулировку закона социальной революции как всеобщего закона предистории человечества, начиная с момента разложения первобытного общества. Сталин подчеркнул решающее значение революции рабов в гибели античной формации, революции крепостных—в свержении феодального строя и наконец всемирно-историческое значение социалистической Октябрьской революции, к-рая в отличие от всех предшествующих «однобоких» революций, сменяющих одну форму эксплоатации трудящихся другой, впервые «поставила себе целью—уничтожить всякую эксплоатацию и ликвидировать всех и всяких эксплоататоров и угнетателей» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 527).

Империализм является «кануном социалистической революции». В эпоху империализма «отдельные страны и отдельные национальные хозяйства перестали быть самодовлеющими единицами, превратились в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 17). Поэтому, если в эпоху промышленного капитализма к анализу предпосылок пролетарской революции можно было подходить обычно с точки зрения экономического состояния той или иной страны, то в эпоху империализма этот подход уже недостаточен; «теперь нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства, как единого целого, причем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, если система в целом или, вернее,—так как система в целом уже созрела к революции» (Сталин, там же, стр. 17). Вот почему неравномерное, скачкообразное развитие капитализма при империализме ведет к тому, что «мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны революции, а прорыв этого фронта со стороны отдельных стран—вероятным» (Сталин, там же, стр. 82). Ясно, что фронт империализма легче подвержен прорыву там, где он слабее. Поэтому и революционный прорыв цепи мирового империализма происходит в наиболее слабом звене цепи, причем для прорыва цепи в наиболее слабом звене требуется, чтобы это звено было средне-слабое с точки зрения уровня промышленного развития, т. е. требуется «наличие известного минимума промышленного развития и культурности в этой стране. Наличие в ней известного минимума индустриального пролетариата. Революционность пролетариата и пролетарского авангарда в этой стране. Наличие в ней серьезного союзника пролетариата (например, крестьянство), способного пойти за пролетариатом в решительной борьбе против империализма» [Сталин, Необходимая поправка, в газете «Правда», 18/XII 1929, № 298 (4432), за подписью: И. Ст.].

Одной из важнейших частей в учении марксизма-ленинизма о классовой борьбе и диктатуре пролетариата является вопрос о союзниках и резервах рабочего класса в пролетарской революции,—крестьянский и национально-колониальный вопросы. После Маркса и Энгельса глубокая разработка крестьянского вопроса была дана только Лениным и Сталиным в связи с борьбой большевистской партии за захват власти и построение социализма. Среди партий 2-го Интернационала господствует равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу, теория сплошной реакционности крестьянства. Это равнодушие объясняется, как указывает Сталин, «прежде всего тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти; а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариев к власти, тот не может интересоваться во-

просом о союзниках пролетариата в революции» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 34). Сталин показывает, что это игнорирование крестьянского вопроса является прямой изменой марксизму. Наряду с этим Сталин опровергает утверждение Зиновьева, что крестьянский вопрос есть основное в ленинизме, подчеркивая, что крестьянский вопрос представляет часть общего и основного вопроса о диктатуре пролетариата.

Большевизм всегда уделял огромное внимание союзу рабочего класса с крестьянством, рассматривая задачу руководства пролетариата крестьянством как одну из основных задач диктатуры пролетариата. На различных этапах своей истории партия выдвигала различные формы союза с крестьянством, последовательно сменяя три ленинские лозунга об отношении к крестьянству. При этом Ленин и Сталин указывали, что союз с массами трудящегося крестьянства не самоцель, как это считали правые, а одна из составных задач диктатуры пролетариата и соц. строительства. Правый оппортунизм, не понимая двойственности середняка, рассматривал все крестьянство как однородную массу. В частности отсюда вытекала правооппортунистическая теория непрерывных уступок крестьянству, фактический отказ от борьбы за его социалистическую переделку и теория «врастания» кулака в социализм. Контрреволюционный троцкизм, также не понимая двойственности середняка, видел в нем лишь одну сторону—мелкого собственника, отрицая тем самым возможность союза со средним крестьянством и вовлечения его в социалистическое строительство, что также приводило троцкизм к отрицанию возможности победы социализма в одной стране. Крестьянство рассматривалось троцкистами как источник «первоначального соц. накопления», как колония. В непримиримой борьбе против контрреволюционного троцкизма, правого оппортунизма и «левацких» загибов партия, неуклонно осуществляя ленинско-сталинскую политику, добилась вступления трудящихся масс крестьянства на социалистический путь, ликвидации кулачества как класса и обеспечила окончательное уничтожение классов во второй пятилетке. Ленин и Сталин глубоко разработали национально-колониальный вопрос, развивавшийся ими также в связи с основным вопросом о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Национально-колониальный вопрос также извращался 2-м Интернационалом. Сталин указывает, что 2-й Интернационал: а) ограничивал национальный вопрос узким кругом так наз. «культурных» национальностей, б) суживал принцип самоопределения наций до права наций на культурную автономию, в) рассматривал нац. вопрос как чисто правовой вопрос о формальном равенстве наций, г) рассматривал его реформистски, вне связи с общим вопросом о свержении капитализма. Ленинизм превратил национальный вопрос в мировой вопрос об освобождении угнетенных народов зависимых стран и колоний от ига империализма, расширил понятие самоопределения наций вплоть до права на полное отделение, показал, что национальный вопрос может быть разрешен лишь на основе пролетарской революции. Ленин и Сталин подчеркивают громадное значение революционного движения в зависимых странах и колониях как одного из важнейших союзников и резервов пролетарской революции.

Партия, ведя решительную борьбу с антиленинскими уклонами в национальном вопросе—с великодержавным шовинизмом и буржуазным национализмом,—разрешила национальный вопрос в Союзе ССР, обеспечивая не только политическое равноправие национальностей, но и их экономическое и культурное равенство. Сталин блестяще развил диалектику вопроса о национальной культуре, показав, что путь к образованию единой интернациональной культуры и к слиянию наций идет через всестороннее развитие культур, национальных по форме и социалистических по содержанию.

Борясь против теорий автоматического крушения капитализма, Ленин и Сталин не раз подчеркивали, что наличие объективных факторов недостаточно еще, чтобы цепь империализма прорвалась. Ее надо прорвать. Не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к объективным переменам присоединяется субъективная, именно: «присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не „упадет", если его не „уронят"» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 245).

Классовая борьба в последней антагонистической формации—в капиталистической—приводит к социалистической революции и к диктатуре пролетариата. Теоретики 2-го Интернационала отрицают этот всеобщий характер закона социальной революции. Так например, Каутский считает, что марксов закон социальной революции имеет значение лишь для периода буржуазных революций. Античный мир, по Каутскому, не знал социальных революций, а переход капитализма в социализм Каутский связывает с беспрепятственным развитием капиталистических производительных сил (для которых капитализм не создает якобы никаких экономических препятствий) и с ростом буржуазной демократии, обладающей—по Каутскому — чудодейственной способностью мирного и плавного перевода капиталистического способа производства на рельсы социалистического. Вся теория и тактика вождей 2-го Интернационала основывается на отрицании всеобщего характера закона социальной революции и в особенности пролетарской революции. Если при прежних социальных революциях каждый раз новый общественный класс, придя к власти, не ломал старой государственной машины, а, усовершенствовав, пускал ее в ход, то пролетарская революция разрушает старый государственный аппарат эксплоататорского общества, создает новый тип государства—Советскую власть, представляющуюся подлинной демократией для подавляющего большинства населения и являющуюся орудием уничтожения классов и построения социализма. Таким образом диктатура пролетариата является решающим и важнейшим поворотным моментом во всей человеческой истории. Она завершает всю предисторию человечества, открывает новую принципиально отличную от всей предшествующей истории страницу в истории человечества и осуществляет прыжок его из царства необходимости в царство свободы. Учение о диктатуре пролетариата является основным выводом не только из развития классовой борьбы в капиталистическом обществе, но и из всей истории

человечества и из всего исторического познания. Классики марксизма-ленинизма не раз подчеркивали всемирно-историческое значение этого учения. Поэтому и это учение занимает центральное положение в идеологии пролетариата—в марксизме-ленинизме. Диктатура пролетариата есть главное в марксизме-ленинизме. Поэтому и наиболее ожесточенная и яростная борьба теоретиков 2-го Интернационала (как в довоенный, так и особенно в послевоенный период) шла и идет по линии борьбы против марксистско-ленинского учения о классовой борьбе, о революции и о диктатуре пролетариата. Отрицая учение о диктатуре пролетариата, теоретики 2-го Интернационала противопоставляют ей буржуазную демократию, рассматривая ее как основу мирного врастания капитализма в социализм. В СССР марксистское учение о диктатуре пролетариата, развитое и поднятое на более высокую ступень Лениным и Сталиным, не раз подвергалось бешеным нападкам со стороны контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы и правых оппортунистов.

Противоречивое развитие производительных сил и производственных отношений не является неким автоматическим процессом, протекающим вне деятельности людей, а выражает как-раз закономерную деятельность самих людей—в классовых обществах—борьбу классов. С этой точки зрения исторический материализм исключает как фатализм, отрицающий активную роль личности в истории, так и индетерминизм, не видящий закономерности истории и объясняющий ее исключительно деятельностью великих людей.

Исторический материализм подчеркивает, что люди сами делают свою историю, что «человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами» (Маркс, Капитал, т. I, М., 1934, стр. 419, см. подстрочн. примеч.). «Именно люди делают историю. Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось» (Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, см.: «Большевик», М., 1932, № 8, стр. 34). Идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории. Марксизм замечательно соединяет научную трезвость в анализе объективного положения вещей с самым решительным признанием значения революционной энергии, творчества, инициативы масс, а также отдельных личностей, групп, партий и т. д.

Это замечательное сочетание в марксизме-ленинизме наивысшей научной объективности с величайшей революционной активностью и действенностью глубоко и прекрасно было выражено Кировым в его последнем выступлении перед широким активом ленинградской организации: «Марксизм - ленинизм, — указывал он,—это действительно настоящая и единственная наука, которая учит трудящихся побеждать своих врагов. Не владея ею, нельзя победно совершить мировую революцию» (Киров, Статьи и речи, 1934, стр. 171). Только познание законов, управляющих общественным развитием, открывает возможность активного включения личности в ход истории и влияние на нее. И в этом случае познание превращается в великую двигательную силу истории. Признавая, что люди всегда делали свою историю, что «выдающиеся люди» играли и играют «значительную роль» (Сталин) в ней, И. м. вместе с тем устанавливает, что подлинная свобода и развертывание всех способностей и сил личности возможно лишь при коммунизме. «В существовавших до сих пор суррогатах коллективности—в государстве и т. д.—личная свобода существовала только для индивидов, принадлежавших к господствующему классу, и только постольку, поскольку они были индивидами этого класса» (Маркс и Энгельс, Сочинения, том IV, стр. 65). Развитие личности до сих пор носило «односторонний» характер, личность игнорировалась и подавлялась. Лишь социализм впервые в истории человечества создает принципиально иные условия для жизни и развития людей, вполне освобождает личность от рабства, развивая всесторонне ее способности, зачатки, таланты. Практика социалистической стройки в СССР наглядно показывает этот процесс преобразования и массовой переделки людей, всестороннего свободного развития всех творческих сил личности, выращивания и воспитания массы талантов и героев из низов народа.

Следует отметить, что как самый процесс исторического познания, так и активного воздействия человека на историю И. м. рассматривает не с точки зрения отдельно взятой личности или человека вообще, а с точки зрения борьбы классов и партий. И с этой точки зрения наивысшим субъектом, познающим и переделывающим мир, является передовой отряд рабочего класса—большевистская партия, владеющая единственно научной—марксистско-ленинской—теорией, дающей ей возможность на основе высшего проявления инициативы и активности со стороны ее членов объективно познать действительный ход истории и на этой основе активно воздействовать на нее, преобразовывая капиталистическое общество в социалистическое. Эта роль партии как наивысшего субъекта познания и изменения истории, как организатора, воспитателя и передового бойца трудящихся масс с замечательной глубиной и яркостью была охарактеризована после Маркса и Энгельса в работах Ленина и Сталина.

Роль Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина как великих людей в истории заключается прежде всего в том, что глубже, шире и дальше остальных они видят объективный ход человеческой истории и на этой основе, намечая стратегическую и тактическую линию борьбы пролетариата, организовывая волю и сознание миллионов трудящихся масс, направляя их на борьбу против капитализма, сокращают муки родов нового социалистического общества, ускоряют ход исторического движения.

Активность и относительная самостоятельность надстроек. Одним из наиболее ходячих «аргументов» против И. м. было сведение его к т. н. «экономическому материализму», т. е. к учению, объясняющему общественное развитие лишь одним экономическим фактором, исключающим действие других факторов на ход исторического развития. Тем самым И. м. сводился к одной из разновидностей так называемой теории факторов, широко распространенной в буржуазной социологии, теории, объясняющей историческое развитие действием того или иного фактора или же в лучшем случае совместным действием различных факторов. Еще

в довоенное время ревизионисты утверждали, будто И. м. отрицает роль политического фактора, сознания и других надстроек в общественном развитии, признает лишь экономику единственной активной причиной исторического развития, а все надстройки ее — пассивными следствиями. Сочинивши такую карикатуру на И. м., ревизионисты затем «критиковали» его, указывали на его «односторонность» и поэтому на необходимость дополнения И. м. ходячими буржуазными философско-социологическими учениями (в первую очередь Канта и Маха).

И. м. ничего общего не имеет с подобными «теориями». И. м. считает само понятие «фактора» абстракцией от общественного целого. В противовес этим «теориям» И. м. устанавливает синтетический взгляд на историческое развитие: исходя в конечном счете из развития производительных сил, И. м. определяет роль и место каждого фактора (т. е. общественной формы) в историческом развитии, характер и пределы их взаимодействия и взаимозависимости, а также самый источник этих взаимодействующих сторон общества. Таким образом И. м. не рассматривает надстройки лишь как пассивный результат экономического базиса. Вырастая на основе экономического базиса, надстройки обладают своей относительной самостоятельностью и внутренней закономерностью, оказывая обратное влияние на экономику, формируя, ускоряя или замедляя ее развитие. В письме к Блоху Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение, это—основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д.; правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце-концов, экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечную толпу случайностей» (Маркс, Избр. произв., том I, стр. 293).

В письме к Штаркенбургу (25 янв. 1894) Энгельс указывал, что если техника в значительной степени зависит от состояния науки, то—обратно—наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники. «Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в 16 и 17 веках. Об электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его... Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономической основе. Но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивными факторами. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце концов проявится» (Энгельс, Письмо к Штаркенбургу, в кн.: Маркс, Избр. произв., т. I, стр. 299 и 300).

В письме к Конраду Шмидту (27 окт. 1890), говоря об обратном влиянии политических форм на экономику, Энгельс указывает, что «экономическое движение в общем проложит себе путь, но оно должно испытывать на себе также и обратное действие от политического движения, которое оно само для себя создало и которое обладает относительной самостоятельностью» (там же, стр. 295). Энгельс отмечает троякого рода обратные действия государственной власти на экономическое развитие: она может действовать в том же направлении, ускоряя экономическое развитие; она может действовать напротив; она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях (этот случай сводится в конце-концов к одному из предыдущих). Будучи концентрированным выражением экономики, политика в свою очередь влияет на экономическое развитие: «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата,—спрашивал Энгельс,—если политическая власть экономически бессильна? Насилие (т. е. государственная власть)—это есть тоже экономическая сила» (там же, стр. 298). Политическая борьба имеет решающее значение для смены формаций. Подчеркивая исключительное значение политическо-правовых форм в экономическом развитии, И. м. в то же время борется против отрыва политики от экономики (как это делают теоретики 2-го Интернационала). Политические формы конечно обладают известной самостоятельностью (пределы к-рой определяются все же экономикой), они являются решающим фактором для самого экономического развития. Однако их закономерность в конечном счете определяется закономерностью экономического развития; государство и право возникают и существуют лишь в классовом обществе, на определенной ступени экономического развития, и служат господствующему классу в качестве орудия защиты его интересов и организованного подавления эксплоатируемых классов. Вместе с экономическим развитием, вместе с историческим развитием классовой борьбы и ее форм меняются и развиваются также и государственные и правовые формы. Хотя последние оказывают обратное воздействие на экономическое развитие, но тем не менее сами они следуют за ним и в этом смысле не имеют своей самостоятельной истории. То же самое следует сказать и о других надстройках [*религия, философия, искусство* (см.) и т. д.]. Формы общественного сознания определяются в конечном счете экономическим развитием; в классовых обществах идеологии носят классовый характер, причем идеология господствующего класса является господствующей идеологией в обществе. Идеологические формы являются отражениями бытия в сознании, причем это отражение бывает либо неполное, искаженное и даже мистически-фантастическое (напр. религия), как это имеет место в антагонисти-

ческих формациях, либо же правильное, подлинно научное, каковым является сознание пролетариата и его авангарда—коммунистической партии. В отличие от буржуазных идеологий идеология пролетариата (марксизм-ленинизм) является правильным отображением законов бытия и исторического развития: овладевая массами, она сама превращается в критически-революционную силу, обратно воздействуя на базис и ускоряя ход общественного развития. Влияние идеологий на базис бывает двоякое: либо они играют реакционную роль, задерживая развитие производительных сил и увековечивая отжившие свой век производственные отношения (ярким примером в этом отношении является вся идеология фашизма), либо же они играют революционную роль, мощно содействуя вызреванию и развитию нового способа производства.

Исключительно велика роль идеологических надстроек, культурной революции в особенности, в дальнейшем строительстве социалистической экономики и полного построения социализма. Задача перевоспитания трудящихся масс, ликвидация пережитков капитализма в сознании людей, социалистическая переделка сознания колхозного крестьянства являются основными политическими задачами дальнейшего развития. Выработка социалистической дисциплины труда, овладение техникой, продвижение науки и культуры в гущу трудящихся масс — необходимые условия успешного социалистического строительства. Исключительно велика роль сознания в наших условиях. В беседе с первой американской рабочей делегацией Сталин указывал, что в условиях социализма сознание пролетариата превращается в громадную двигательную силу общественного развития. «Что же, в таком случае, является двигателем нашей индустрии? Прежде всего, то обстоятельство, что фабрики и заводы принадлежат у нас всему народу, а не капиталистам, что фабриками и заводами управляют не ставленники капиталистов, а представители рабочего класса. Сознание того, что рабочие работают не на капиталиста, а на свое собственное государство, на свой собственный класс,—это сознание является громадной двигательной силой в деле развития и усовершенствования нашей промышленности» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 184—185).

Исключительную роль играют в условиях СССР такие надстройки, как пролетарское государство, советское право и т. д., активно способствующие бурному социалистическому развитию, служащие могучим орудием построения социализма. Так напр., написанная в 1918 Советская конституция (надстройка), закрепившая созданные к тому времени основы Советской власти и наметившая «общую перспективу дальнейшего развития страны Советов по пути к социализму» (Молотов, Об изменениях в Советской конституции, 1935, стр. 9), была знаменем борьбы за социализм и обеспечила подъем народного хозяйства и рост материального благосостояния масс и культуры трудящихся. Однако к 7-му Съезду Советов «наша страна коренным образом перестроилась в своей социально-экономической основе, преобразовавшись в страну социалистическую» (там же, стр.14). 96% средств производства принадлежат уже государству, колхозам и кооперации; частным собственникам принадлежало к 7-му Съезду Советов лишь 4% средств производства. Эти коренные перемены в СССР должна была отразить Советская конституция, и с этой точки зрения отдельные части конституции 1918 устарели. «Между тем, по меткому выражению Фердинанда Лассаля, конституция, как основной закон страны, должна быть „действенной силой, которая необходимым образом делает все остальные законы и правовые институты"... Из этого следует, что когда конституция правильно выражает соотношение классовых сил в стране, — тогда она является могучим орудием укрепления общественного строя» (там же). Решения 7-го Съезда Советов приводят нашу Конституцию в соответствие с полной победой социалистич. собственности и с нынешним состоянием классовых сил в СССР, превращая ее тем самым в действенную силу, служащую дальнейшему укреплению социалистического государства и строительству социализма. Точно так же примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый на 2-м съезде колхозников - ударников, выражая огромные победы колхозного строя, будучи наивысшим итогом всего опыта колхозного развития в Союзе ССР, является в свою очередь важнейшим фактором борьбы за дальнейшее развитие и укрепление колхозного строя, движения колхозных масс вперед к зажиточной и культурной жизни.

В высшей фазе коммунизма вместе с окончательным уничтожением остатков «буржуазного права» исчезнут такие надстройки, как государство, право, политические партии, религия и т. д., а все же остальные надстройки (наука, искусство, мораль, органы управления производством и т. д.) существенным образом изменятся.

VIII. Роль Ленина и Сталина в дальнейшем развитии и разработке И. м.

Открытое Марксом и Энгельсом материалистическое понимание истории нашло свое дальнейшее развитие и углубление в работах Ленина и Сталина. Основу ленинской ступени в развитии И. м., а также последующей разработки его Сталиным составляют прежде всего условия и особенности переживаемой эпохи. Вступление капитализма в последнюю, империалистическую, стадию своего развития с вытекающими отсюда существенными сдвигами во всех областях жизни капиталистического общества, невиданное углубление и обострение всех противоречий капитализма, изменение соотношения сил и тактики различных классов, а также форм и методов классовой борьбы пролетариата, бурные темпы событий и чрезвычайно быстрая смена стратегических и тактических задач пролетариата, наконец самое главное—создание партии нового типа (большевистской партии)—все эти новые факты и события не могли не привести к дальнейшему обогащению марксистской теории в целом и И. м. в частности. Дабы не остаться мертвой догмой, а быть живым руководством в жизни, марксизм должен был теоретически осмыслить все эти новые факты и события. Исходя из основных принципов И. м., формулированных Марксом и Энгельсом, Ленин дальше развивает и углубляет все основные понятия И. м. соответственно новым условиям и особенностям переживаемой эпохи. И с этой точки зрения ленинская ступень И. м. характеризуется прежде всего развитием И. м. на основе богатейшего материала эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи установления и

укрепления диктатуры пролетариата и борьбы за социалистическое строительство. Основная задача, стоящая перед Лениным и большевистской партией,—задача насильственной революционной смены капиталистической формации коммунистической—определила собой в основном ленинскую ступень в развитии И. м. Все основные проблемы И. м. в работах Ленина в той или иной степени, прямо или косвенно, связаны с этой основной задачей. Глубочайшей основой ленинского этапа в развитии И. м. является прежде всего революционная тактика рабочего класса, направленная на революционную смену капиталистической формации социалистическим строем. Будучи наивысшим обобщением и отражением эпохи империализма и пролетарской революции, ленинская ступень И. м. в то же время представляет наивысший итог всех положительных достижений человеческого знания, последовательный вывод из всего того, чему учит мировая история.

И. м. развивался Лениным и Сталиным в непримиримой борьбе с буржуазными социологическими учениями и попытками их перенесения (в той или иной форме) в рабочий класс. Если в восходящий период развития капитализма буржуазные социологические учения включали в себя, в той или иной степени, элементы материалистического понимания истории (на общем фоне идеализма) и, будучи направлены против феодальных порядков, сыграли в известной мере прогрессивную роль, то вместе с приходом к власти буржуазии и первыми самостоятельными выступлениями рабочего класса закономерность развития буржуазной социологической мысли определяется в основном настоятельной необходимостью и потребностью борьбы против И. м., его «опровержения» и доказательства вечности и естественности буржуазных порядков. Буржуазная социология по всем основным ее вопросам занимает по отношению к И. м. диаметрально противоположную позицию. Принципу материализма в общественно-исторических науках она противопоставляет принцип исторического идеализма. Уже О. Конт утверждал, что основной причиной общественного развития является саморазвитие человеческого разума. Яркую и открытую идеалистическую позицию в современной социологии занимают многочисленные школы и школки т. н. психологического направления в социологии. Что же касается всевозможных натуралистических и эклектических течений в социологии, ищущих закономерность общественного развития либо в условиях географической среды, либо в законах биологии, либо во взаимодействии различных факторов и т. д., то все они в той или иной форме и степени приводят в конечном счете к идеализму. Для всей буржуазной социологии чуждо понятие материального производства. Следующая характерная черта буржуазной социологии—это ее борьба против принципа диалектического развития, резко выраженный антиисторизм. В тех случаях, когда буржуазные социологи говорят о развитии, они понимают последнее как мирную, постепенную эволюцию, как постепенное количественное увеличение или уменьшение. Соответственно этому буржуазной социологии чуждо учение об общественно-экономической формации, правильное разрешение единства общих и особенных законов истории. Она конструирует общие законы, одинаково годные для всех народов и времен. С этой абстрактностью буржуазной социологии связаны другие ее характерные черты: схематизм, искусственность социологических построений, субъективизм и т. п. Вся буржуазная социология ведет борьбу против марксистско-ленинской теории классовой борьбы и революции и пытается ее заменить «теорией» примирения классов, классового мира и т. д.

Наконец надо остановиться и на следующей важнейшей черте буржуазной социологии. Ведя борьбу против И. м., считающего исходным пунктом социологического анализа в конечном счете экономическую структуру общества, буржуазная социология при анализе общественных явлений в конечном счете исходит из индивида и его свойств. Как бы ни пытались различные течения внутри буржуазной социологии преодолеть атомистическо-индивидуалистическую точку зрения в социологии и найти качественное своеобразие общественных явлений в общественном целом, а не в свойствах индивидов, однако настоятельная классовая потребность «опровергнуть» И. м. отбрасывает их обратно к индивиду как к исходному пункту социологического анализа. Общество представляется как сумма индивидов, а отношения между последними сводятся к психическим связям как первичным социальным образованиям. Таковы основные особенности теоретического развития буржуазной социологии, начиная с начала 19 века.—Эпоха империализма и всеобщего кризиса капитализма не могла не вызвать новых сдвигов в буржуазной социологии. Эти сдвиги в основном сводятся ко все более усиливающейся тенденции принципиального противопоставления социальных наук наукам естественным, отказу от закономерности истории и попыток ее объяснения «творческой» волей героя, к резко выраженному антиисторизму, отрицанию всякой идеи эволюции, проповеди расовых теорий, долженствующих обосновать, с одной стороны, империалистическую политику «своей» отечественной буржуазии и в первую очередь подготовку войны против Советского Союза, а с другой—неизбежность социальной дифференциации общества, обусловленной-де расовыми отличиями и расовой неполноценностью различных слоев населения.

И. м. развивался в борьбе со всеми этими буржуазными социологическими учениями и, что особенно важно,—с попытками их проникновения в той или иной форме и степени в рабочий класс и его партию. Всевозможные ревизионистские и социал-демократические общественно-исторические учения, прикрывающиеся флагом И. м. или же претендующие на дальнейшее развитие И. м. («исторический материализм» «теоретиков» 2-го Интернационала, исторический идеализм и волюнтаризм Троцкого, меньшевистские и центристские учения, механистическая социология Богданова и др., меньшевиствующе-идеалистическая и механистическая ревизия И. м. и т. д.), представляли и представляют на деле своеобразное отражение ходячих буржуазных социологических учений в рабочем классе и его партии. Разбивая все эти антимарксистские течения, Ленин и Сталин дальше развивали и углубляли основные положения исторического материализма.

В борьбе со всеми антимарксистскими течениями и уклонами Ленин и Сталин всегда под-

черкивали классовый характер марксистской теории, ее партийность, являющуюся в то же время наивысшей объективностью. Ленин указывал, что «строгая партийность есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы. И, наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности» (Ленин, Соч., том VIII, стр. 412). Ленин неоднократно указывал, что за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями следует разыскивать интересы тех или иных классов. «Смотреть... по-марксистски»,—говорил Ленин,—значит смотреть «с точки зрения классовой борьбы» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 136). Именно, исходя из правильного понимания пролетарской партийности, являющейся в то же время наивысшей формой объективности, Ленин с первых же дней своей деятельности вел последовательную и развернутую борьбу как против буржуазного объективизма, так и субъективизма. Ленин указывал, что объективизм Струве характеризуется прежде всего крайней абстрактностью, «профессорским» подходом, желанием как бы подняться «выше всяких определенных стран, определенных исторических периодов, определенных классов» (Ленин, Соч., т. I, стр. 304). В действительности же объективизм Струве,—указывает Ленин,—носит всецело буржуазный характер. Объективист, говоря о «непреодолимых исторических тенденциях», «доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов», материалист же вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения, материалист не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какой именно класс определяет эту необходимость. Материалист т. о. «последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм», «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (Ленин, Соч., т. I, стр. 275 и 276). Эта крайняя абстрактность объективиста означает по существу пассивно-созерцательное отношение к действительности и идеалистический подход к оценке событий, ибо объективист рассуждает «вообще», исходит из «схем» априорных рассуждений, «общих абстрактных положений», а не из конкретного учета конкретной действительности. Ленин показывает, что этот «узкий объективизм» рассматривает исторический процесс вообще, а не с точки зрения теории классовой борьбы; он связан у Струве с фальсификацией марксова учения о государстве, с утверждением, будто государство есть «организация порядка», с конструированием общих абстрактных законов истории и т. д. Ленин вел систематическую и развернутую борьбу как против такого объективизма, так и субъективизма. Еще в 1894 Ленин подверг сокрушительной критике социологическое учение народников, их «субъективный метод», субъективно-идеалистическое учение о роли личности в истории. Едва ли не самая глубокая причина расхождения с народниками,—писал Ленин,—заключается в том, что, изучая общественно-экономические процессы, «народник делает обыкновенно те или другие морализирующие выводы» (Ленин, Сочинения, т. III, стр. 469).

Народник подходит к характеристике исторических фактов с точки зрения моральных норм, долженствования, т. е. субъективистски, вместо того чтобы исходить из конкретного учета конкретной действительности. Метод российских субъективистов,—указывал Ленин,—подходит под метод Прудона, желающего переделать товарное хозяйство по своему идеалу справедливости. Народники обосновывают свои требования абстрактными, отвлеченными принципами «чистой справедливости», а не реальными нуждами реальных классов, имеющих определенные интересы.

На этой идеалистической социологии строилась и вся политическая линия и тактика народников, а впоследствии и эсеров. «Марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчество и т. п.), как злейшим врагом марксизма, и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы (индивидуальный террор, исключающий организацию массовой партии)» [из постановления ЦК ВКП(б) «О пропагандистской работе...», см. газету «Правда», 14/VI, 1935].

В борьбе с меньшевиками и в частности с Плехановым Ленин продолжает развивать и углублять свою критику объективизма. Ленин постоянно отмечает абстрактный, непартийный подход меньшевиков и Плеханова к оценке различных исторических событий.

Критикуя еще плехановский проект программы партии, Ленин отметил четыре основных его недостатка: а) крайнюю абстрактность многих формулировок, б) отстранение и затемнение вопроса о специально русском капитализме, в) одностороннее и неправильное изображение отношения пролетариата к мелким производителям, г) стремление постоянно в программе дать объяснение процесса. В своей дальнейшей борьбе с Плехановым и меньшевиками Ленин постоянно подчеркивает этот абстрактный формализм, отмечая его различные стороны. В брошюре «Шаг вперед, два шага назад», отмечая абстрактность Плеханова, Ленин пишет, что «источник всех этих забавных и грустных недоразумений, из которых так забавно и так грустно выпутывался потом тов. Плеханов, лежал именно в нарушении основного положения диалектики: разбирать конкретные вопросы надо во всей их конкретности» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 296). В предисловии ко 2-му изданию «Развития капитализма в России» Ленин отмечал характерную особенность меньшевиков с Плехановым во главе—искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, а не в конкретном анализе положения и интересов различных классов. Такой абстрактный подход Ленин считал опошлением марксизма и сплошной насмешкой над диалектическим материализмом. Этот абстрактный подход у меньшевиков означал отказ от марксистской теории классовой борьбы, поэтому и Ленин считал, что «меньшевистский марксизм есть марксизм, перекраиваемый на мерку буржуазного либерализма». «Если вы не показали,—писал Ленин,—интересы каких классов и какие именно преобладающие в данное время интересы определяют сущность различных партий и их политики, то вы на деле марксизма не применили, вы на деле теорию классовой борьбы выкинули» (Ленин, Соч., т. XI, стр. 278). Абстрактность меньшевиков, означающая отрицание марксистской теории клас-

совой борьбы, приводит к созерцательно-фаталистическому отношению к действительности. Говоря о резолюциях III Съезда РСДРП и меньшевистской конференции, Ленин пишет: «Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая—мертвенным резонерством»; «способ изложения своих мыслей новоискровцами напоминает отзыв Маркса... о старом, чуждом идеи диалектики, материализме». «Новоискровцы могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе»; «они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 49 и 52). В статье «Кризис меньшевизма» (20/XII 1906) Ленин указывает, что меньшевики проповедуют «пассивность» — это качество мелкобуржуазного интеллигента,—заменяют «материализм революционного борца „объективизмом" профессора, пресмыкающегося перед реакцией» (Ленин, Соч., т. X, стр. 187). Развивая критику меньшевистского объективизма, Ленин показывает его переход в идеализм. Так напр., в статье «Как не следует писать резолюций» (1/IV 1907) Ленин указывает, что «совершенно недопустимо для марксиста ограничиваться абстрактно-юридическим противопоставлением „ответственного" министерства „безответственному", „думского" самодержавному и т. п.», как это делают Плеханов и меньшевики: «это либерально-идеалистическое, а не пролетарски-материалистическое рассуждение» (Ленин, Соч., т. XI, стр. 60). В статье «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» (3/IX 1906) Ленин указывает, что меньшевики в вопросе о завоевании власти сразу стали на «мещански-идеалистическую» точку зрения, а не на «пролетарски-материалистическую» (Ленин, Соч., т. X, стр. 36).

Наряду с борьбой против российского меньшевизма Ленин ведет систематическую и развернутую борьбу с международным ревизионизмом и центризмом, а также с люксембургианством. Ленин отмечает как характерную черту общественно-исторических взглядов ревизионизма отрицание действительной основы марксизма, именно: учения о классовой борьбе (см. Ленин, Соч., т. XII, стр. 187), к-рое они заменяли идеей классовой солидарности. С этой характерной чертой ревизионизма связано отрицание ревизионистами возможности научно обосновать социализм, бешеная борьба против марксовой теории социальной революции и диктатуры пролетариата, превращение социал-демократической партии в партию, добивающуюся преобразования общества посредством демократических и экономических реформ. Ленин отмечал идеалистический характер ревизионистского отрицания классовой борьбы. Еще в 1906 Ленин писал, что с точки зрения марксизма «действительным двигателем истории является революционная борьба классов; реформы—побочный результат этой борьбы». «По учению буржуазных философов,—продолжал Ленин,—двигатель прогресса—солидарность всех элементов общества, сознавших „несовершенство" того или иного учреждения. Первое учение—материалистично, второе—идеалистично. Первое—революционное. Второе—реформистское». Основная ошибка оппортунизма заключается именно в том, что им «фактически заменяется социалистическая теория классовой борьбы, как единственного реального двигателя истории, буржуазной теорией „солидарного", „общественного" прогресса» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 384).—Следует отметить ту длительную борьбу, которую вели Ленин и Сталин с общественно-историческими взглядами Троцкого, его политикой и тактикой. Характерной чертой социологических воззрений троцкизма, как разновидности меньшевизма, является субъективизм и идеализм-волюнтаризм, неумение и нежелание исходить из строгого учета конкретной действительности, объективного соотношения классовых сил, замена реальных скачков «логическими», игнорирование роли и значения масс и организации партии в революционном движении.

Следует особо отметить место Плеханова в философии марксизма и И. м. в частности. Плеханов стоял на позиции И. м., защищая его от всевозможных нападок его врагов и извратителей. Однако известная недооценка и некоторое непонимание материалистической диалектики, как философской науки, целый ряд отступлений от диалектического материализма, объединенных своей внутренней логикой и представляющих философскую основу его меньшевизма, не могли не сказаться и на понимании им основных понятий И. м. У Плеханова имеет место ряд существенных отступлений от исторического материализма. Его И. м. характеризуется известной абстрактностью и созерцательностью, отсутствием в нем учения об общественно-экономических формациях, составляющего основное понятие И. м. С этой абстрактностью у Плеханова связан его формально-логический и схематический подход к оценке различных общественных событий, в особенности его меньшевистская оценка движущих сил и перспектив русской революции. Не умея рассматривать конкретные этапы в развитии общества, Плеханов вместе с тем недостаточно правильно понимал роль внутренних закономерностей в общественном развитии; развитие производительных сил он объяснял в конечном счете влиянием географической среды. С этим «географическим уклоном» его непосредственно связано игнорирование им роли и значения классовой борьбы как закона движения предистории человечества (за исключением первобытного состояния), выхолащивание революционного содержания И. м. Основные ошибки Плеханова нашли свое концентрированное выражение в его пятичленной формуле в «Основных вопросах марксизма». Отношение базиса к надстройке Плеханов представляет схематически следующим образом: 1) производительные силы, 2) обусловленные ими экономические отношения, 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической основе, 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека и 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики. Основные пороки этой пятичленной формулы сводятся к известному отрыву основных категорий исторического материализма друг от друга, к непониманию активной роли производственных отношений как

формы развития производительных сил, к игнорированию роли классов, классовой борьбы и социальной революции в общественном развитии, к затушевыванию роли политики (государства), как концентрированного выражения экономики, наконец к непониманию активной роли идеологии в общественном развитии.

В борьбе с меньшевизмом Плеханова Ленин неоднократно отмечал все основные отступления Плеханова от последовательного И. м.—Исходя из основных положений И. м., выдвинутых Марксом и Энгельсом, Ленин поднимает И. м. на более высокую ступень. Развитие И. м. Лениным идет по следующим основным линиям. В борьбе против ревизионистов, отрывающих И. м. от диалектического, Ленин особенно настойчиво и упорно подчеркивает тесную и неразрывную связь и единство между ними. Ленин показывает, в чем заключается внутренняя связь между диалектическим материализмом и историческим, как надо проводить тот же материализм в общественных явлениях. В связи с этим Ленин гениально формулирует основной вопрос И. м.—вопрос об отношении общественного сознания к общественному бытию, как исходного пункта для разграничения И. м. от всяких буржуазно-социологических учений, с одной стороны, и для понимания порядка и внутренней взаимосвязи всех категорий И. м.—с другой. Развивая марксово учение о главном вопросе И. м., Ленин в борьбе с историческим идеализмом показывает, в чем заключается материальность и объективность общественного бытия, его независимость от общественного сознания. Четко и глубоко поставив и разрешив проблему единства общественного бытия и сознания, Ленин дальше развивал и углублял основное понятие И. м.—учение о формациях. Теоретическая заслуга Ленина здесь заключается, с одной стороны, в конкретном изучении истории отдельных формаций, их специфических закономерностей, их своеобразия в отдельных странах и в различные периоды истории, а с другой стороны—в разработке общей теории формаций на основе изучения эмпирического материала. В отношении изучения эмпирического материала, конкретного хода развития отдельных формаций в отдельных странах, Ленин переносит центр внимания прежде всего на исследование закономерностей развития различных типов капитализма в различных странах, в особенности в России, изучает своеобразные пути развития капитализма в России в условиях крепостнических порядков, выясняет вместе с тем классовую природу русского самодержавия, пути и особенности развития феодализма в России. Ленин вскрыл закономерности развития послемарксового капитализма, вскрыл империалистический этап в развитии капитализма, формулировал закон неравномерного развития капитализма и на этой основе обосновал возможность построения социализма в одной стране. Не менее значительное внимание уделял Ленин изучению переходного периода, исследуя борьбу между различными укладами, соотношение различных классов, конкретные пути строительства социализма в одной стране, анализу новых социалистических производительных сил и производственных отношений, соотношению экономики и политики в переходный период, диктатуре пролетариата, проблемам культурной революции и т. д. Ленинский анализ отдельных формаций не ограничивается лишь исследованием закономерностей капиталистической формации и проблемы переходного периода. Наряду с этой основной задачей Ленин вскрывает закономерности и пути развития первобытно-коммунистической, рабовладельческой и особенно феодальной формаций. На основании изучения богатейшего эмпирического материала, особенно капиталистической формации и переходного периода, Ленин разрабатывает общую теорию формации, дает классическое определение формации, разрабатывает учение об этапах развития одной и той же формации (например этапы развития первобытного коммунизма, эволюция русского самодержавия с 17 в. по 20 в., этапы развития капитализма и т. д.). Исходя из отдельных высказываний Маркса, Ленин разрабатывает теорию укладов, их соотношения и борьбы. Развивая учение Маркса о базисе и надстройках, Ленин дает анализ производительных сил и производственных отношений в различных формациях, особенно в капиталистической и в переходный период, и вместе с тем выясняет роль и значение надстроечных форм в экономическом развитии. Особенно следует отметить подчеркивание Лениным принципиально отличного от предыдущих формаций соотношения политики и экономики в переходный период, его учение о сознательности и стихийности, обосновывающее роль и значение идеологической борьбы. Изучая закономерность развития отдельных формаций, Ленин развивает марксову теорию классовой борьбы как закона развития всей предистории человечества (за исключением первобытного состояния). В «Великом почине» Ленин дает четкое и глубокое определение класса, выясняет формы классовой борьбы, соотношение различных классов, стратегию и тактику классовой борьбы. В связи с этим Ленин разрабатывает теорию социальной революции, вскрывает ее предпосылки, особенности социалистической революции в отличие от буржуазной, проблему перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, проблемы государства и диктатуры пролетариата и т. д. Ленин открывает Советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата. Исключительное внимание уделено Лениным разработке учения о партии, ее роли в классовой борьбе, вопросам организации, тактики партийной борьбы и т. д. Существенной чертой ленинской разработки проблемы И. м. является его подход к И. м. как к партийной науке, причем во всех основных вопросах И. м. Ленин ведет борьбу на два фронта. Воинствующая партийность и борьба на два фронта представляют ярко выраженную черту ленинского этапа в развитии И. м. Исторический материализм развивается Лениным как теоретическая основа революционной борьбы пролетариата, как теория, обосновывающая непосредственно революционный выход из предистории человечества и построение социалистического строя. Поэтому и Ленин развивал И. м. по линии дальнейшей разработки теории формаций, изучения их закономерностей и революционной смены одной формации другой.

По этой же линии идет дальнейшее развитие И. м. Сталиным. И в работах Сталина, так же как и у Ленина, И. м. развивается прежде всего как теория, обосновывающая крах империа-

лизма и построение социализма. После Ленина Сталин дает глубокий анализ противоречий современного капитализма, неравномерности развития капитализма, всеобщего кризиса капитализма, существенных сдвигов в соотношении сил различных классов и форм классовой борьбы, путей и условий революционного свержения капитализма и т. д. Сталин развивает и углубляет дальше ленинское учение о построении социализма в одной стране (закон неравномерности развития капитализма и прорыв цепи, проблема внутренних и внешних возможностей и условий построения социализма и т. д.). Основные категории И. м. Сталин развивает на этой основе, ведя непримиримую борьбу со всякого рода оппортунистами и антимарксистскими течениями в теории и в политике. Сталин развертывает гениальную трактовку основных закономерностей социализма и разрабатывает все их основные проблемы, развивая соответствующие положения и высказывания Маркса, Энгельса и Ленина. Сюда относится проблема становления социалистической формации, диалектика нэпа, развитие укладов, соотношение последних на различных этапах нэпа, решение проблемы «кто кого», дальнейшие пути социалистического строительства в нашей стране. На основе разработки проблем индустриализации, реконструкции народного хозяйства, условий развития производительности труда (6 условий; роль и значение техники в реконструктивный период, социалистическая переделка сельского хозяйства, ликвидация кулачества как класса, дальнейшие пути развития с. х-ва и т. д.) Сталин обогащает марксистско-ленинское учение о производительных силах и производственных отношениях и создает целостную теорию о социалистическом способе производства. В связи с этим Сталиным глубоко разработана марксистско-ленинская теория классовой борьбы, вскрыты различные формы классовой борьбы на разных этапах переходного периода, пути уничтожения классов и построения бесклассового социалистического общества, роль и значение партии на различных этапах революции, формы и методы партийной работы и т. д.

Развивая марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата, о трех ее сторонах, о ее укреплении, о роли и значении ее в деле социалистического преобразования СССР, о союзниках пролетариата, о национальном вопросе, о культурной революции, о значении теоретической борьбы, о ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании людей и т. д., Сталин дальше развивает и углубляет марксистско-ленинское учение базиса и надстроек. Еще в своих ранних статьях 1906, опубликованных в газете «Ахали цховреба» и «Чвени цховреба», Сталин развивает марксистскую теорию базиса и надстройки, формы и содержания, диалектики производительных сил и производственных отношений. «Сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется материя, а з а т е м соответственно изменяются сознание и другие духовные явления—развитие идеальной стороны о т с т а е т от развития материальных условий. Если материальную сторону, если внешние условия, если бытие и т. п. мы назовем с о д е р ж а н и е м, тогда идеальную сторону, сознание и т. п. явления мы должны назвать ф о р м о й. Отсюда возникает известное материалистическое положение: в процессе развития содержание предшествует форме, форма отстает от содержания. То же самое нужно сказать и про общественную жизнь. И здесь материальное развитие предшествует идеальному развитию, и здесь форма отстает от своего содержания. Научного социализма еще не было и в помине, как уже существовал капитализм и велась усиленная классовая борьба, еще нигде не возникала социалистическая идея, как процесс производства уже имел общественный характер.

Поэтому, говорит Маркс, ,,не сознание людей определяет их общественное бытие, а их общественное бытие определяет их сознание'' (см. «К критике политической экономии» Маркса). Итак, по мнению Маркса, экономическое развитие является материальной основой жизни, ее с о д е р ж а н и е м, а юридически-политическое и религиозно-философское развитие ,,и д е о л о г и ч е с к о й ф о р м о й'', этого содержания—ее ,,надстройкой'',—поэтому Маркс говорит: ,,С изменением экономической основы р а н о или п о з д н о изменяется и ее надстройка'' (см. там же).

Да и в жизни сначала изменяются внешние материальные условия, а з а т е м мышление людей, их мировоззрение. Развитие содержания предшествует возникновению и развитию формы. Конечно, это вовсе не значит, что будто, по мнению Маркса, возможно содержание без формы, как это показалось Ш. Г. (см. «Ноб», № 1, «Критика монизма»). Содержание без формы невозможно, но дело в том, что та или иная форма, в виду ее отставания от содержания, никогда п о л н о с т ь ю не соответствует этому содержанию и таким образом часто новое содержание ,,вынуждено'' временно облечься в старую форму, что вызывает конфликт между ними. Сегодня, например, о б щ е с т в е н н ы й характер производства не соответствует частному характеру присвоения продуктов производства и как-раз на этой почве происходит сегодняшний социальный ,,конфликт''.(Газета «Ахали цховреба», № 7, 1906, 28/VI, стр. 2—3, цитируется по брошюре Б е р и я Л., К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказьи, М., 1935).

Сталин разоблачает меньшевистскую сущность теории перманентной революции Троцкого, каутскианское отрицание им неравномерности развития капитализма при империализме и возможности построения социализма в одной стране. В борьбе с оппозиционным блоком Сталин теоретически обосновывает возможность победы социализма в одной стране и всесторонне развивает это учение. Разбивая теорию и тактику правого оппортунизма, Сталин показывает, что правые оппортунисты хотя формально и признают возможность победы социализма в одной стране, но, отрицая единственно правильные пути и средства построения социализма (всемерное развитие тяжелой индустрии и машиностроения, коллективизацию сельского х-ва, развернутое наступление на капиталистические элементы и т. д.), по существу смыкаются с троцкизмом, по существу отрицают возможность победы социализма в одной стране. Сталин разоблачает механицизм и меньшевиствующий идеализм. Он подвергает сокрушительной критике теорию равновесия, правооппортунистические теории затухания классовой борьбы, врастания кулака и нэпмана в социализм, непони-

мание Бухариным нэпа, кооперативного плана Ленина, полуанархические ошибки Бухарина в вопросах государства и т. д. и т. д. Сталин разоблачил свойственный меньшевиствующему идеализму разрыв теории и практики, отрыв философии от политики и актуальных задач социалистического строительства, отрицание им ленинского этапа в развитии философии марксизма и дальнейшее углубление ошибок Плеханова. — Воинствующая партийность и борьба против всякого рода оппортунизма характеризуют всю теоретическую и политическую деятельность Сталина. *Г. Адамян.*

Лит.: Классики марксизма-ленинизма—Маркс К., К критике философии права Гегеля, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. I, М.—Л., 1928; его же, Критика государственного права Гегеля, там же; его же, Статьи из «Рейнской газеты», там же, тт. I и II, М.—Л., 1928—29; его же, Нищета философии, там же, т. V, М.—Л., 1929; его же, Наемный труд и капитал, там же; его же, Капитал, т. I—III, 8 изд., М.—Л., 1932; его же, Теории прибавочной стоимости, т. I—III, 4 изд., М., 1932; его же, К критике политической экономии, М., 1933; Энгельс Ф., Положение рабочего класса в Англии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. III, М.—Л., 1929; его же, Анти-Дюринг, там же, т. XIV, М.—Л., 1931; его же, Людвиг Фейербах, там же, т. XIV, М.—Л., 1932; его же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1934; Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство, Соч., т. III, М.—Л., 1931; их же, Немецкая идеология, там же, т. IV, М., 1933; их же, Манифест Коммунистической партии, там же, т. V, М.—Л., 1929; Маркс К. и Энгельс Ф., Избранные письма, под ред. В. Адоратского, М.—Л., 1933; Ленин В. И., Сочинения, 3 изд., т. I («Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его г. Струве»), т. II («К характеристике экономического романтизма», «От какого наследства мы отказываемся?»), т. III («Развитие капитализма в России»), т. IV («Аграрный вопрос и „критики Маркса"», «Что делать?»), т. VIII («Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Отношение с.-д. к крестьянскому движению»), т. XI («Аграрная программа с.-д. в первой русской революции»), т. XIII («Материализм и эмпириокритицизм»), т. XVIII («Карл Маркс»), т. XIX («Империализм, как высшая стадия капитализма»), т. XXI («Государство и революция»), т. XXV («О диктатуре пролетариата»), т. XXVII («О кооперации»), т. XXIV («Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата»), т. XXVI («О прод. налоге»), т. XXVII («О значении воинствующего материализма»); его же, Философские тетради, [Л.], 1934; его же, Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода», в Ленинском сборнике XI, М.—Л., 1929; его же, Замечания на статьи Н. И. Бухарина о государстве, М., 1933; Сталин И., Вопросы ленинизма, 10 изд., [М.], 1935; его же, Марксизм и национально-колониальный вопрос, М., 1934; его же, Об оппозиции, М., 1928; XVII конференция ВКП(б) (Стеногр. отчет) (см. доклады тт. Молотова, Куйбышева о втором пятилетнем плане и резолюции конференции).

Марксистская литература: Плеханов Г., Основные вопросы марксизма, 4 изд., М.—Л., 1931; его же, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, М.—Л., 1933; Лафарг П., Экономический детерминизм К. Маркса, М., 1923; его же, Собственность и ее происхождение, М., 1925; Меринг Ф., Исторический материализм, Иваново-Вознесенск, 1923; его же, Марксизм и этика, Киев, 1923; Стецкий А., В борьбе за ленинскую теорию, М., 1933; Горохов Ф., Ленин и исторический материализм, Москва, 1934; Диалектический и исторический материализм [учебник под ред. М. Митина и И. Разумовского], ч. 2—Исторический материализм, М., 1932.

Домарксистские общественные теории: Аристотель, Политика, М., 1911; Платон, О государстве, СПБ, 1863; его же, Законы, П., 1923; Мор Т., Утопия, Харьков, 1923; Кампанелла Т., Город солнца, М., 1934; Вико Ф., Oeuvres choisies de Vico contenant ses mémoires..., Paris, 1835; Гоббс Т., Левиафан, СПБ, 1868; Спиноза Б., Этика, М., 1932; его же, Богословско-политический трактат, М., 1935; Дидро Д., Племянник Рамо, СПБ, 1883; его же, Систематическое опровержение книги Гельвеция «О человеке», М., 1935; Гельвеций, Об уме, П., 1917; его же, Истинный смысл системы природы, М., 1923; Гольбах П., Избранные антирелигиозные произведения, М., 1934; Руссо Ж. Ж., Об общественном договоре, СПБ, 1907; его же, О влиянии наук на нравы, СПБ, 1908; его же, О причинах неравенства, СПБ, 1907; Мелье Ж., Завещание, М., 1925; Монтескье, О духе законов, СПБ, 1900; Кондорсе, О прогрессе человеческого разума, СПБ, 1907; Барнав А., Oeuvres, Paris, 1843; Кант И., Критика практического разума, СПБ, 1908; его же, Религия в пределах только разума, СПБ, 1908; его же, Вечный мир, М., 1905; Фихте И., Замкнутое торговое государство, М., 1923; Гегель, Собр. соч., т. VII—Философия права, М.—Л., 1934; его же, Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, B., 1928; Фейербах Л., Сущность христианства, Москва—Ленинград, 1926; Сен-Симон А., Собрание сочинений, Москва—Петроград, 1923; Фурье Ш., Преступление капитализма, Петроград, 1919.

Механицизм и меньшевиствующий идеализм: Бухарин Н. И., Теория исторического материализма, 9 изд., М.—Л., 1929; Аксельрод Л. И., В защиту диалектического материализма, М.—Л., 1928; ее же, Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории, Иваново-Вознесенск, 1924—26; Деборин А., Философия и марксизм, М.—Л., 1930.

Буржуазная социология 19 и 20 вв.: Comte A., Cours de philosophie positive, Paris, 1892—1894; Прудон П., Что такое собственность, СПБ, 1907; Спенсер Г., Основания социологии, Петербург, 1898; его же, Социология, как предмет изучения, Петербург, 1896; его же, Социальная статика, СПБ, 1906; Риккерт Г., Науки о природе и наука о культуре, СПБ, 1911; его же, Философия истории, СПБ, 1908; Гумплович, Социологические очерки, Одесса, 1899; Дюркгейм Э., Метод социологии, Киев — Харьков, 1899; его же, О разделении общественного труда, Киев, 1900; Тард Г., Социальная логика, СПБ, 1901; его же, Социальные законы, СПБ, 1906; Уорд Л., Очерки социологии, Москва, 1901.

Ревизионизм: Бернштейн Э., Исторический материализм, СПБ, 1901; его же, Социальные проблемы, М., 1901; Каутский К., Materialistische Geschichtsauffassung, 2 Bde, B., 1929 (рус. пер. II тома—М., 1931); его же, Социальная революция, М., 1918; его же, Происхождение христианства, 5 изд., М.—Л., 1930; его же, Размножение и развитие в природе и обществе, Харьков, 1923; Кунов Г., Марксова теория исторического процесса, общества и государства, М., 1924; Форлендер, Кант и социализм, М., 1906; его же, Kant und Marx, Tübingen, 1911; Адлер М., Маркс как мыслитель, М.—Л., 1924; его же, Энгельс как мыслитель, Москва—Ленинград, 1924; его же, Марксизм как пролетарское учение о жизни, Петроград, 1923; его же, Das Soziologische in Kants Erkenntniskritik, W., 1924; Бауер О., Национальный вопрос и социал-демократы, СПБ, 1909; Богданов А., Эмпириомонизм, кн. I, II, III, 1905—06; его же, Философия живого опыта, М., 1923; его же, Тектология, кн. I, II, III, Берлин, 1922; его же, О пролетарской культуре, М., 1925; его же, Наука об общественном сознании, 1914.

Социология народников: Герцен А. И., Былое и думы, 3 чч., Москва, 1932; Чернышевский Н. Г., Статьи по экономическим вопросам, Собр. соч., тт. III, IV, VI, VII, VIII и IX, СПБ, 1906; Лавров П. Л., Исторические письма, СПБ, 1906; Бакунин М., Собрание сочинений, тт. I и II, Москва, 1934; Михайловский Н. К., Что такое прогресс, Собрание сочинений, т. I, Петербург, 1898; его же, Герои и толпа, там же, т. II.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ), в Москве, один из крупнейших музеев СССР, открыт в 1883. Построен в ложно-русском стиле. До Октябрьской революции И. м. был местом хранения бессистемно собранных коллекций, характеризующих гл. обр. быт господствовавших классов. Экспозиция, построенная в духе дворянско-буржуазной идеологии, пропагандировала великодержавный шовинизм и незыблемость самодержавно-крепостнического строя. После Октябрьской революции была проведена коренная реорганизация музея в целях превращения его в музей марксистско-ленинской истории народов СССР. Наряду с научно-экспозиционной И. м. ведет большую политико-просветительную работу.

За 50 лет существования музей собрал ок. 2 млн. разнообразных материалов. Самым большим собранием являются археологические коллекции (до 800 т. вещей), отображающие историю развития первобытного, рабовладельческого и феодального общества на территории СССР (палеолитические, неолитические, бронзовые, славянские, финские, кавказские, сибирские и пр. культуры). Имеются богатейшие историко-бытовые коллекции: собрание тканей

(свыше 1 млн. предметов)—костюмы, древнерусские вышивки, платья, головные уборы, обувь и пр.; свыше 260 т. монет и медалей (сассанидские монеты, древнегреческие, римские и особенно русские); богатое собрание оружия и др. предметов военной техники (свыше 19 т. экспонатов); изделия из металла (разнообразные системы замков, ключей, часов, осветительных приборов, посуда, бытовые вещи из бронзы, меди, серебра, железа и пр.); материалы из дерева (крестьянская посуда, утварь, мебель и др.); коллекция силикатных изделий (свыше 70 т. предметов); богатейшие собрания гравюр, портретов, миниатюр, лубочных картин, древнерусской живописи и пр. Богато представлены также материалы по архитектурной графике.

Особо следует отметить собрания рукописей и рукописных книг: древнегреческие и славяно-русские рукописи, рукописные книги из библиотеки Ивана Грозного, Мстиславово евангелие 12 в., изборник Святослава; из рукописей—Лицевой свод, Царственная книга, Никоновская летопись (иллюстрированные летописи), коллекции жалованных грамот 14—19 вв., Столбцы и т. д. В состав И. м. входят также 6 крупных филиалов-музеев: 1) Александровская слобода, 2) крепость Судак в Крыму, 3) музей—б. собор Василия Блаженного, 4) музей—Коломенское, 5) музей—б. Новодевичий монастырь, 6) музей боярского быта 17 в. *Д. Крайнов.*

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН, см. *Роман.*

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ», буржуазно-либеральный, научно-исторический сборник, издававшийся в Петербурге с 1890 Историч. об-вом при Петербургском ун-те под ред. проф. Н. И. Кареева. В 1915 вышел 20-й том. В сборнике принимали участие виднейшие буржуазные историки. В «И. о.» печатались исторические статьи и исследования, критика и библиография, научная хроника. Из библиографических обзоров наиболее интересны подробные обзоры литературы по рус. истории, составленные А. И. Браудо.

ИСТОРИЧЕСКОЕ (РУССКОЕ) ОБЩЕСТВО, основано в Петербурге в 1866 в кругах, связанных с царским двором и высшей бюрократией; закрылось в 1917. Почетным председателем Общества, получившего в 1873 звание «императорского», был Александр III. Благоволение свыше объяснялось тем, что Об-во в годы откровенной реакции ставило целью идейную поддержку ее на историческом фронте в форме борьбы со взглядами 60-х гг., рисовавшими в прошлом «только неприглядную картину слабостей и недостатков» и тем «разрушавшими народную веру в себя и в правящие им силы». Из историков близкое участие принимали Сергеевич, Бестужев-Рюмин, Дубровин, Шильдер, Филиппов, а также академики Пекарский, Бычков, Грот. Цели своей Об-во стремилось достигнуть публикацией почти исключительно архивных материалов. Располагая значительными средствами, оно за 50 лет выпустило, не считая отдельных изданий, 148 томов «Сборника» и 25 томов «Русского биографического словаря». В «Сборнике» печатались материалы гл. обр. по 18 веку и особенно по эпохе Екатерины II. Больше всего внимания в «Сборниках» было уделено дипломатическим сношениям (более 50 тт.) и деятельности правительств. учреждений—протоколы Верховного тайного совета (см. *Верховники*) (8 тт.), кабинета министров Аннинского времени (12 тт.), материалы *«Екатерининской комиссии» 1767* (см.) (14 тт.). В изданиях допускались изъятия «неудобных» мест и целых документов; отдельные томы сделаны небрежно в отношении точности текста. Но все же это—солидный вклад в публикацию материалов. В 910-х гг. Об-во заинтересовалось еще провинциальными архивами и оказало нек-рую помощь архивным комиссиям в собирании и описании архивных фондов.

Лит.: Императорское русское историческое общество (1866—1916), П., 1916. *П. Л.*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ, см. *Языковедение.*

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ В Б. С. Э.*

А—ампер.
а—ар.
абс.—абсолютный.
абс. ед.—абсолютная единица.
австр.—австрийский.
австрал.—австралийский.
авт.—автономный.
адм. ц.—административный центр.
Ah—ампер-час.
англ.—английский.
ат. в.—атомный вес.
Aufl.—Auflage (издание).
Bd, Bde — Band, Bände (том, томы).
B., Berl.—Berlin (Берлин).
б., быв.—бывший.
б. или м.—более или менее.
б. ч.—большей частью.
бер.—берег.
В.—восток.
W—ватт, уатт.
W.—Wien (Вена).
в., вв.—век, века.
в., вост.—восточный.
V—вольт.
v., vls—volume, volumes (том, томы).
в. д.—восточная долгота.
виз.—византийский.
вкл.—включительно.
вол.—волость, волостной.
вып.—выпуск.
выс.—высота.
г.—город, год.
г—грамм.
га—гектар.
гг.—годы, города.
герм.—германский
Гиз—Госиздат.
гл.—глава, главный.
гл—гектолитр.
гл. обр.—главным образом.
гос.—государственный.
гр.—гражданин, гражданский.
греч.—греческий.
губ.—губерния, губернский.
J—джоуль.
дг—дециграмм.
департ.—департамент.
дер.—деревня.
дес.—десятина.
диагр.—диаграмма.
дкг—декаграмм.
дкл—декалитр.
дл—децилитр.
дл.—длина.
дм—дециметр.
*дм*²—квадратный дециметр.
*дм*³—кубический дециметр.
долг.—долгота.
долл.—доллар.
д-р—доктор.
др.-евр.—древнееврейский.
евр.—еврейский.
ж.—женщин.
ж., жит.—жителей.
ж. д.—железная дорога.
ж.-д.—железнодорожный.
З.—запад.
з., зап.—западный.
з. д.—западная долгота.
зал.—залив.
изд.—издание.
ин-т—институт.
итал.—итальянский.
С—кулон.
к., коп.—копейка.
кал.—калория.
кар.—карат.
кв—квинтал.
kW—киловатт.
kW/ч.—киловатт-час.
кг—килограмм.
кл—килолитр.
км—километр.
*км*²—квадратный километр.
*км*³—кубический километр.
кн.—книга.
кол.—колебание.
коэфф.—коэффициент.
кпд—коэффициент полезного действия.
кред.—кредитный.
к-рый,-ая,-ое—который,-ая,-ое.
Л.—Ленинград.
л—литр.
л. с.—лошадиная сила.
лат.—латинский.
лев.—левый.
лит.—литература.
Lpz.—Leipzig (Лейпциг).
М.—Москва.
м.—море, мужчин.
μ—микрон ($^1/_{1000}$ миллиметра).
м., мин.—минута.
м—метр.
*м*²—квадратный метр.
*м*³—кубический метр.
м. б.—может быть.
мар.—марки.
мг—миллиграмм.
мин.—минута.
м-ко—местечко.
мл—миллилитр.
млн.—миллион.
млрд.—миллиард.
мм—миллиметр.
*мм*²—квадратный миллиметр.
*мм*³—кубический миллиметр.
м. пр.—между прочим.
мор.—морской.
муз.—музыкальный,-ая,-ое.
N. Y.—New York (Нью Иорк).
напр.—например.
нек-рый—некоторый.
нем.—немецкий.
О., Ω—ом.
об-во—общество.
обл.—область, областной.
о-в, о-ва—остров, острова.
оз.—озеро.
ок.—около.
окр.—округ, окружной.
офиц.—официальный.
П.—Петроград.
р.—page (страница).
Р.—Paris (Париж).
п.—пункт.
п. ч.—потому что.
п-ов—полуостров.
пер.—перевел, перевод.
пост.—постановление.
прав.—правый,-ая,-ое.
пров.—провинция.
пром.—промышленность.
проф.—профессор, профессиональный.
р.—река, рабочих, рублей.
р., род.—родился.
разд.—раздел.
рег. *т*—регистровая тонна.
ред.—редактор.
рис.—рисунок.
рус.—русский.
С.—север.
с., сев.—северный.
С. У.—Собрание узаконений.
с. х-во—сельское хозяйство.
с. ш.—северная широта.
сб.—сборник.
С.-В.—северо-восток.
с.-в.—северо-восточный.
сг—сантиграмм.
с.-д.—социал-демократ.
с.-д-тия—социал-демократия.
сек.—секунда.
сел.—селение, сельский.
сем.—семейство.
С.-З.—северо-запад.
с.-з.—северо-западный.
сл—сантилитр.
след. обр.—следующим образом
см.—смотри.
см—сантиметр.
*см*²—квадратный сантиметр.
*см*³—кубический сантиметр.
сов.—советская.
СПБ—Санкт-Петербург.
с.-р.—социал-революционер.
ср.—средний,-яя,-ее.
ср. вв.—средние века.
ст.—статья, столбец.
стар. ст.—старый стиль.
стр.—страница.
с.-х.—сельскохозяйственный.
T.—Teil.
t.—tome.
т., тт.—том, томы.
т., тыс.—тысяча.
т—тонна метрическая.
t°, темп.—температура.
т. г.—текущего года.
т. к.—так как.
т. н.—так называемый,-ая,-ое.
т. ч.—так что.
табл.—таблица.
тв.—твердость.
т-во—товарищество.
у.—уезд, уездный.
уд. в.—удельный вес.
ун-т, ун-тет—университет.
ур. м.—уровень моря.
ур-ие—уравнение.
ф.—фунт.
ф.-зав.—фабрично-заводской.
ф. ст.—фунт стерлингов.
физ.—физический,-ая,-ое.
фл.—флорин.
фр.—франк.
франц.—французский.
H.—Heft.
хим.—химический.
хим. зн.—химический знак.
хр.—хребет.
хр. э.—христианской эры.
ц—центнер (100 килограмм)
ч.—час, часть.
ч., чел.—человек.
шилл.—шиллинг.
шир.—широта, ширина.
шт.—штука, штат.
Ю.—юг.
ю., юж.—южный.
Ю.-В.—юго-восток.
ю.-в.—юго-восточный.
Ю.-З.—юго-запад.
ю.-з.—юго-западный.
ю. ш.—южная широта.
яз.—язык.

---

* В списке не помещены общеизвестные сокращения наименований учреждений, организаций и пр.

В XXVI томе Б. С. Э. в ст. *Земля* на ст. 688 стр. 31 сверху напечатано: Поверхность . . . 510.100.900 $м^2$

следует читать: Поверхность земного сфероида . . . 510.100.900 $км^2$

БОЛЬШАЯ
СОВЕТСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ИНТЕРПОЛЯЦИЯ
ДО
ИСТОРИЧЕСКОЕ

29